P1
B73

122

АЛЕКСЕЕВСКОЕ
№ 122
ГОРОДСКОЕ • С.П.Б. • УЧИЛИЩЕ.

1968г

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

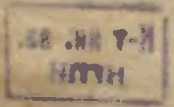
РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

К-т ин. яз.
НГПИ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 7 мая 1847 года.

Цензоръ *А. Крыловъ*



СОЧИНЕНІЯ

БОГДАНОВИЧА.

11894
16207
4589
Новгородский Государственный
Учительский Институт
БИБЛИОТЕКА
Инв. №

ТОМЪ I.

(Ол. Нед. И-т им. Брюсовой
БИБЛИОТЕКА
Л-д М. Посадская № 26.

Изданіе Александра Смирдина.

Пров.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1848.

10 МАР. 1994
10 ДЕК. 1997

Цѣна за 2 тома 1 р. 50 к. сер.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КЪ

СОЧИНЕНІЯМЪ

ВОГДАНОВИЧА.

ТОМЪ I.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

стр.

Душенька, древняя повѣсть 1
Перемѣны, сдѣланныя авторомъ при прежнихъ изданіяхъ «Душеньки» 123
Новыя перемѣны стиховъ при 3-мъ изданіи Душеньки. 166
Сугубое блаженство, поэма 169
Блаженство народовъ, поэма 197
На разрушеніе Лиссабона, поэма. 213
Добромыслъ, старинная повѣсть. 225

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Оды духовныя изъ разныхъ псалмовъ Давыдовыхъ. 243
Ода Императрицѣ Екатеринѣ II на новый 1763 г. 252
Пѣснь Императрицѣ Екатеринѣ II-й 257
Переводъ стиховъ Вольтера 268
Переводъ стиховъ Мармонтеля 273
Ода на взятіе Очакова. Соч. Очаковскихъ полей пастушкою 274

стр.

Пѣснь на побѣду, одержанную Россійскимъ оружіемъ надъ Шведскимъ галернымъ флотомъ, 13-го августа 1739 года 276
Пѣснь Императрицѣ Екатеринѣ II-й на миръ со Швеціею 1790 г. 279
Пѣснь на миръ между Россіею и Оттоманскою Портою 1792 г. 283
Стансы 288
Стихи Великой Монархинѣ. 289
Стихи къ музамъ на Царское Село. 291
Стихи къ сочинителю разныхъ новыхъ Русскихъ комедій. 292
Надписи 293
Стихи на случай брачнаго торжества, Великаго Князя Павла Петровича и Великой Княгини Наталіи Алексѣевны въ 1773 году. 294
Стихи на бракосочетаніе Великаго Князя Павла Петровича и Великой Княгини Маріи Оеодоровны въ 26 день Сентября 1776 года 296
Стихи на случай, когда Великій Князь Павелъ Петровичь и Великая Княгиня Марія Оеодоровна удостоили посѣтить Академію Наукъ въ Октябрѣ 1776 года 300
Ода на случай коронованія Государя Императора Александра Павловича и Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны, 15 Сентября 1801 г. 301
Портретъ Россійскаго полководца 310
Стансъ къ Михаилу Матвѣевичу Хераскову. . . 311
Стансъ къ Л. Ѳ. М. 313
Стансъ къ Димитрію Григорьевичу Левицкому . . 316
Стихи на дачу, называемую «Красная Мыза» 1775 г. —
Философическіе мысли нѣкотораго французскаго писателя 317

стр.

Письмо поселянина къ военачальнику. 318
Отвѣтъ А. А. Палицыну 321
Пѣснь храбраго шведскаго рыцаря Гаральда . . . 322
Стихи къ Клименѣ. 324
Идиллія, бѣлыми стихами 326
Стихи. Подражаніе Италіянскимъ 329
Эклога 331
Элегія на смерть Галатеи 333
Ода въ честь красотѣ. 337
Другая Ода, съ тѣми же риомами противъ красоты. 338
Стихи, трояко сочиненные на однѣ заданныя риомы 339
Пѣсни: I. Пятнадцать мнѣ минуло лѣтъ. 340
II. Много розъ красивыхъ въ лѣтѣ 342
III. У рѣчки птичье стадо 343
Старина не напечатанная. 345
Пріятность простой жизни 346
Стихи на дружбу 347
Къ моему другу. 348
Стихи на пословицы: не всякая любовь свершается бѣдой. . . . . —
Страхъ любви. 349
Опасный случай . . . . . —
Законъ 350
Рецептъ больному 351
Вкусъ возраста . . . . . —
Умѣренность. 352
Понеже. . . . . —
Деньги 353
Эпиграммы: I. 354
II. На самохвальство. . . . . —
III. На злорѣчіе 355
IV. Безчестнаго примѣта . . . . . —
Загадки (четыре). 356
Эпитафія Василью Григорьевичу Рубану . . . 360

стр.

Нравоучительныя басни:
I. Тщеславіе 361
II. Неумѣренность. 363
Превращеніе пастуха въ рѣку и происхожденіе болота 363
Превращеніе купидона въ бабочку. 367
Притча. Скупой 369
Басни: I. Пчелы и шмель 370
II. Слухъ и видѣніе. 371
III. Левъ и ребята 372
IV. Журавли и комаръ 373
V. На пословицу: «воля со мною твоя, а по правдѣ усадьба моя» 374

РУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ: ЧАСТЬ I-я.

Предисловіе отъ сочинителя. 377
Благовѣріе 379
Ханжество 382
Служба Государю 383
Почтеніе къ высшимъ. 385
Нужная терпѣливость 386
Благосердіе 388
Благоразсудительность 390
Человѣколюбіе 396
Несчастіе не есть порокъ. 400
Терпѣливость временныхъ прегрѣшеній . . 413
Терпѣливость пороковъ юности. 415
Терпѣливость нравовъ и разсужденій. . . . 417
Терпѣливость просторѣчія 419
Терпѣливость обычаевъ. 421
Терпѣливость слабостей 424
Склонность людей къ пріятной жизни . . . 428
Сила любви. 430

стр.
Жестокосердіе 433
Благонравіе . . . . . –
Признательность, благодарность, долгъ 435
Взаимное вниманіе, угожденіе 436
Искренность 440
Злонравіе 441
Скромность 442
Нескромность, слабоязычіе 450
Трудолюбіе 451
Нужная особенность, сбереженіе, запасливость. 455
Праздность 462
Расточеніе 466
Бѣдствіе расточителей 471
Бѣдствіе игроковъ 475

РУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ, ЧАСТЬ II-я.

Предисловіе отъ сочинителя 475
Мужество въ повиновеніи высшимъ 477
Необузданность 478
Правда 479
Вѣрность обязанностей 480
Чистая совѣсть 482
Худая совѣсть 483
Ложъ 484
Правосудіе . . . . . –
Несчастныя слѣдствія худыхъ дѣлъ 485
Нужная умѣренность въ жизни 487
Нужное терпѣнье въ жизни 491
Нужное прилѣпленіе къ дому своему 496
Полезная простота жизни 499
Стыдъ наглости 501
Стыдъ хвастовства 503
Стыдъ самохвальства 504

стр.

Глупость спѣси 505
Временная фортуна глупыхъ. 507
Воздержность, трезвость 509
Пьянство 510
Честь и польза супружества 513
Недостойная любовь 515
Важность выбора въ супружество 517
Несчастіе худаго супружества. 521

РУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ, ЧАСТЬ III-я.

Доброе воспитаніе 523
Правила благоповеденія 525
Слѣдствія худого воспитанія 527
Ученіе, знаніе, искусство, добрый вкусъ . . . 528
Слѣдствіе невѣжества и грубости 535
Важность выбора людей въ сообщество. . . . 537
Доброе обхожденіе 544
Знаніе свѣта и свѣтской приличности . . . 546
Нужная свободность въ жизни. 549
Собственный присмотръ. 550
Разсмотрительность. 552
Осторожность разсужденій и рѣшеній 556
Осторожность. 559
Справедливость. 566
Мѣрность чувствительности 571
Разсудительность. . . . . —
Слѣдствія худаго поведенія 577
Слѣдствія неразмотрительности 578

ДУШЕНЬКА,

ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ,

ВЪ ВОЛЬНЫХЪ СТИХАХЪ.

Сочъ. Богд.

ПРЕДИСЛОВІЕ

ОТЪ СОЧИНИТЕЛЯ.

—

Собственная забава, въ праздные часы, была единственнымъ моимъ побужденіемъ, когда я началъ писать *Душеньку;* а потомъ общее единоземцовъ благосклонное мнѣніе о вкусѣ забавъ моихъ заставило меня отдать сочиненіе сіе въ печать, сколь можно исправленное. Потомъ имѣлъ я время исправить его еще болѣе, будучи побужденъ къ тому печатными и письменными похвалами, какія сочиненію моему сдѣланы. Пріемля ихъ съ должною благодарностію, не питаюсь самолюбіемъ столь много, чтобъ не могъ возчувствовать моего недостаточества при выраженіяхъ одного неизвѣстнаго, которому въ вѣжливыхъ стихахъ его угодно было сочиненіе, Душеньку, назвать твореніемъ самой Душеньки. Предки мои, служивъ вѣрою и правдою Государю и Отечеству, съ простымъ въ дворянствѣ добрымъ именемъ, не оставили мнѣ примѣра возноситъ себя

выше обыкновенной тлѣнности человѣческой. Я же, не будучи изъ числа учрежденныхъ писателей, чувствую, сколько обязанъ благодушію многихъ людей, которымъ они замѣняютъ могущія встрѣтиться въ сочиненіяхъ моихъ погрѣшности.

СТИХИ

НА ДОБРОДѢТЕЛЬ ХЛОИ.

—

Красота и Добродѣтель
Изъ вѣковъ имѣли споръ;
Свѣтъ нерѣдко былъ свидѣтель
Ихъ соперничествъ и ссоръ.
Хлоя! ты въ себѣ являешь
Новый двухъ вещей союзъ:
Не манишь, не уловляешь
Въ плѣнъ твоихъ пріятныхъ узъ;
Кто же хочетъ быть свидѣтель
Покоренія сердецъ?
Хлоиныхъ красотъ видѣцъ
Самъ узнаетъ наконецъ,
Сколь любезна Добродѣтель!

ДУШЕНЬКА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

—

Не Ахиллесовъ гнѣвъ и не осаду Трои,
Гдѣ, въ шумѣ вѣчныхъ ссоръ, кончали дни герои, [1])
Но Душеньку пою.
Тебя, о, Душенька! на помощь призываю [2])
Украсить пѣснь мою,
Котору въ простотѣ и вольности слагаю. [3])
Не лиры громкій звукъ, услышишь ты свирѣль.
Сойди ко мнѣ, сойди отъ мѣстъ тебѣ пріятныхъ,
Вдохни въ меня твой жаръ, и разумъ мой осмѣль [4])
Коснуться счастія селеній благодатныхъ,
Гдѣ вѣчно ты безъ бѣдъ проводишь сладки дни, [5])
Гдѣ царствуютъ безъ скукъ веселости одни.
У хладныхъ береговъ обильной льдомъ Славены,
Гдѣ Фебъ тумапится и кроется отъ глазъ,
Яви потоки мнѣ чудесной Иппокрены.
Покрытый снѣжными буграми здѣсь, Парнассъ [6])
Отъ взора твоего растаявалъ не разъ.
Съ тобою нѣжные присутствуютъ Зефиры, [6])
Бѣгутъ отъ мѣстъ, гдѣ ты, докучные Сатиры,
Хулы и критики, и грусти и бѣды;
Забавы безъ тебя приносятъ лишь труды:
Веселья морщатся, Амуры плачутъ сиры.

О, ты, пѣвецъ боговъ,
Гомеръ, отецъ стиховъ
Двойчатыхъ, равныхъ, стройныхъ [7])
И къ пѣнію пристойныхъ,
Прости вину мою,
Когда я формой строкъ себя не безпокою
И мѣрныхъ пѣсней здѣсь порядочно не строю. [8])
Черты, безъ равныхъ стопъ, по вольному покрою, [9])
На разный образецъ крою, [9])
И малой мѣры, и большія,
И часто риомы холостыя,
Безъ сочетанія законнаго въ стихахъ
Свободно ставлю на концахъ. [10])
А если отъ того устану,
Безтрудно и отважно стану, [11])
Забывъ чернилъ и перьевъ страхъ,
Забывъ сатиръ и критикъ грозу,
Писать безъ риомъ, или просто въ прозу.
Любя свободу я мою,
Не для похвалъ себѣ пою,
Но чтобъ, въ часы прохладъ, веселья и покоя, [12])
Пріятно разсмѣялась Хлоя.

Издревле Апулей, потомъ де-ла-Фонтенъ,
На вѣчну память ихъ именъ,
Воспѣли Душеньку, и въ прозѣ и стихами,
Другимъ языкомъ съ нами.
Въ сей повѣсти они
Острѣйшихъ разумовъ пріятности явили;
Перомъ ихъ, кажется, что Граціи водили,
Иль сами Граціи писали то одни.

Но если подражать ихъ слогу не возможно, [13])
Потщусь за ними въ слѣдъ, хотя въ чертахъ простыхъ,
Тому подобну тѣнь представить осторожно
И въ повѣсть иногда вмѣстить забавный стихъ. [13])

Въ старинной Греціи, въ Юпитерово время, [14])
Когда размножилось властительное племя,
Какъ въ каждомъ городкѣ бывалъ особый Царь, [14])
И если пожелалъ, былъ богъ, имѣлъ алтарь.
Межъ многими Царями
Одинъ отличенъ былъ
Числомъ военныхъ силъ,
Умомъ, лицомъ, кудрями,
Избыткомъ животовъ,
И хлѣба и скотовъ.
Бывали тамъ совѣди
И злы и алчны такъ, какъ волки, иль медвѣди: [15])
Извѣстенъ Ликаонъ,
Котораго писалъ исторію Назонъ;
Извѣстно, гдѣ и какъ на самомъ дѣлѣ онъ,
За хищныя дѣла и за кривые толки,
Изъ Греческихъ Царей разжалованъ былъ въ волки.
Но тотъ, о комъ хочу разсказывать теперь, [16])
Ни образомъ своимъ, ни нравомъ не былъ звѣрь:
Онъ свѣту былъ полезенъ [17])
И былъ богамъ любезенъ;
Достойно награждалъ,
Достойно осуждалъ;
И если находилъ въ подсудныхъ звѣрски души, [18])

Такимъ ослиныя приклеивалъ онъ уши,
Инымъ сурову щеть, съ когтями въ прибыль
ногъ [19]),
Инымъ ревучій зѣвъ, другимъ по парѣ рогъ.
Отъ ѣдкой древности, котора быль глотаетъ,
Архива многихъ дѣлъ давно истреблена;
Но образъ правъ его сохранно почитаетъ [19])
И самый поздній свѣтъ, по наши времена.
Завистнымъ онъ велѣлъ, какъ вѣстно, въ томъ
труждаться, [20])
Чтобъ счастіе другихъ
Скучало взорамъ ихъ, [21])
И не могли бъ они покоемъ наслаждаться:
Скупымъ опредѣлилъ у золота сидѣть,
На золото глядѣть
И золотомъ прельщаться,
Но имъ не насыщаться.
Спѣсивымъ предписалъ съ людьми не сообщаться,
И ихъ потомкамъ въ казнь давалась та же спесь, [22])
Какая видима осталась и подпесь.
Велѣлъ, чтобъ міръ ни въ чемъ не вѣрилъ
Тому, кто льстилъ и лицемѣрилъ.
Клеветникамъ въ удѣлъ,
И доносителямъ неправды Государю,
Вездѣ носить велѣлъ
Противнѣйшую харю,
Какая изъявлять клевещущихъ могла.
Такая видима была
Не въ давнемъ времени, въ Москвѣ, на маскарадѣ,
Когда, на Масляной, въ торжественномъ нарядѣ,
Народъ осмѣивалъ позорныя дѣла.

ЯРОСЛАВСКОЕ ... ГУБЛИС. № ...

И словомъ,
Въ своемъ уставѣ новомъ
Велѣлъ, чтобъ обще всѣ злонравны чудаки
Съ приличной надписью носили колпаки,
По колпамъ ихъ тогда скорѣе узнавали [24])
И прочь отъ нихъ бѣжали.
По доброму суду, уставъ сей былъ не строгъ [25])
И нравился народу,
Который въ дѣло чтить не могъ
Старинную дурную моду,
Когда людей бросали въ воду,
Какъ-будто рыбій родъ,
По нѣскольку на всякій годъ.
Овидій, лживыхъ лѣтъ потомственный писатель, [26])
Который истину нерѣдко обнажалъ,
Овидій въ самой лжи правдивыхъ Музъ пріятель,
Подробно описалъ,
У Грековъ какъ дотоль бывали казни часты. [26])
Преобращенные тогда въ быковъ Церасты.
Цекроповъ цѣлый родъ, за злобу и обманъ,
Во стадо обезьянъ,
Льстецы, за низость душъ, въ лягушки,
Непостоянные въ вертушки,
Болтливые въ сорокъ,
Жестокосердые во мраморный кусокъ,
Тантал, Сизифъ и Иксіона,
За вѣчну злобу ихъ, [27])
На вѣчной ссылкѣ у Плутона,
И множество другихъ
Почли бы всѣ себѣ за милость и за ласки,

Когда бы только Царь,
Дурную въ свѣтѣ тварь
Рядя въ дурныя маски,
Наказывалъ стыдомъ.
Такая нова власть, безъ дальней людямъ казни, [28])
Держала всѣхъ въ боязни;
И добрый Царь притомъ
Друзей изъ доброй воли
Откушать хлѣба-соли
Зывалъ въ свой царскій домъ.

О, если бъ ты, Гомеръ, проснулся!
Храня твоихъ героевъ честь,
Которы, забывая месть,
Любили часто пить и ѣсть,
Ты бъ, слыша стихъ мой, ужаснулся,
Что, слабый будучи пѣвецъ,
Тебѣ дерзнулъ я накопецъ
Подобиться, стиховъ отецъ!
Возможно ль изъявить достойно
Великолѣпіе пировъ
У Царскихъ Греческихъ дворовъ,
О коихъ ты писалъ толь стройно?
Я только лишь могу сказать,
Что Царь любилъ себя казать,
Иныхъ хвалить, иныхъ тазать,
Поѣсть, попить и послѣ спать.
А за такое хлѣбосольство,
И болѣе за доброй нравъ,
Отъ всѣхъ сосѣдственныхъ державъ
Явилося къ нему посольство.

Особо же онъ былъ отличенъ изъ Царей [29])
За то, что трехъ имѣлъ прекрасныхъ дочерей. [29])

Но солнце въ красотѣ своей
Когда вселенну освѣщаетъ,
Луну и звѣзды помрачаетъ;
Подобно такъ была меньшая всѣхъ виднѣй,
И старшихъ сестръ своихъ достоинства мрачила,
И розы красоту, и бѣлизну лилей,
И словомъ, ничего въ подобномъ видѣ ей
Природа никогда на свѣтѣ не явила.

Искать приличныхъ словъ
Къ тому, что въ множествѣ вѣковъ
Блистало толь отмѣнно,
Напрасно было бы, и было бъ дерзновенно.
Короче я скажу: меньшая Царска дочь, [30])
Отъ коей многіе вздыхали день и ночь,
У Грековъ потому Психея называлась.
Въ языкахъ же другихъ, при переводѣ словъ, [31])
Звалась она Душа, по толку мудрецовъ;
А послѣ, въ повѣстяхъ старинныхъ знатоковъ,
У Русскихъ Душенька она именовалась; [31])
И пишутъ, что тогда
Изыскано не безъ труда
Къ ея названію приличнѣйшее слово, [32])
Какое было ново.
Во славу Душенькѣ, у насъ отъ тѣхъ временъ
Поставлено оно народомъ въ лексиконѣ,
Между пріятнѣйшихъ именъ,
И утвердила то Любовь въ своемъ законѣ.

Но часто похвалы [33])
Бываютъ межъ людей опаснѣе хулы.
Презорна спѣсь не любитъ, [33])
Когда повсюду трубитъ
Прямую правду вслухъ [34])
Болтливая богиня Слава.
Чужая честь, чужія права
Завистливыхъ терзаютъ духъ.
Такая, Душенька, была твоя прослуга,
Какъ весь Цитерскій міръ и вся его округа [35])
Оставя древнее прекрасно божество,
Тебя особо обожали, [36])
И всѣ къ тебѣ бѣжали
Твое умножить торжество.
Соперницы своей не знала ты печали!
Веселій, смѣховъ, игръ соборъ,
Оставивъ прелести Венеры, [37])
Бѣжитъ толпою изъ Цитеры.
Богиня, обтекая дворъ,
Куда ни обращаетъ взоръ,
Не зритъ ни жертвъ, ни оиміамовъ; [37])
Жрецы тогда стада пасли,
И множество Цитерскихъ храмовъ
Травой и лѣсомъ поросли.
Сады богини сиротѣли,
И домъ являлъ опальный видъ;
Зефиры изрѣдка свистѣли:
Казалось ей, свистѣли въ стыдъ.
Неностоянные Амуры,
Изъ храма прелетая въ храмъ,
Къ унылой пустотѣ Натуры

Не возмогли привыкнуть тамъ.
Оттуда всѣ летѣть хотѣли,
И всѣ вспорхнули, возлетѣли
За Душенькою въ новый путь,
Искать себѣ свободной нѣги,
Куда Зефиры стали дуть,
Куда текли небесны бѣги.
Оставшихъ малое число,
Крехтя подъ игомъ колесницы
Скучающей своей Царицы,
Вездѣ уныніе несло. [38])
Не въ долгомъ времени, по слухамъ самымъ вѣрнымъ,
Узнала наконецъ богиня красоты,
Со гнѣвомъ пребезмѣрнымъ,
Причину вкругъ себя и скукъ и пустоты.
Хоть Душенька гнѣвить не мыслила Венеру,
Къ достоинствамъ богинь имѣла должну вѣру,
И въ поступи своей всегда хранила мѣру,
Но вскорѣ всѣмъ хуламъ подвержена была;
Притомъ злорѣчивые духи,
О пей худыя сѣя слухи,
Кривой давали толкъ на всѣ ея дѣла;
И кои милостей иль ждали, иль просили,
Во угожденіе богинѣ, доносили,
Что будто Душенька, въ досаду ей и въ зло,
Присвоила себѣ Цитерскихъ слугъ число;
И что, кому угодно,
Въ то время могъ солгать на Душеньку свободно. [39])
Но чтобы дѣломъ месть
Надъ нею произвесть,

Собравъ Венера ложь и всяку небылицу,
Велѣла на скоро въ дорожну колесницу
Шестнадцать почтовыхъ Зефировъ заложить, —
И на скоро летитъ Амура навѣстить. [40])
Читатель самъ себѣ представитъ то удобно,
Просила ли его иль такъ, или подобно,
Пришедъ на Душеньку просить и доносить:

«Амуръ, Амуръ! вступись за честь мою и славу,
«Яви свой судъ, яви управу.
«Ты знаешь Душеньку, иль могъ о ней слыхать:
«Простая смертная, ругаяся богами,
«Не ставитъ ни во что твою безсмертну мать;
«Уже и нашими слугами
«Осмѣлилась повелѣвать,
«И въ областяхъ моихъ надъ мной торжествовать.
«Могу ли я сносить и видѣть равнодушно,
«Что Душенькѣ одной вездѣ и все послушно?
«За ней гоняяся, отъ насъ отходятъ прочь
«Поклонники, друзья, Амуры и Зефиры;
«И скоро Душенькѣ послушны будутъ міры.
«Юпитеръ самъ по ней вздыхаетъ день и ночь,
«И слышно, что беретъ себѣ ее въ супруги —
«Гречанку наглую, едва ли Царску дочь,
«Забывъ Юнонины и вѣрность и услуги!
«Какой ты будешь богъ, и гдѣ твой будетъ тронъ,
«Когда отъ нихъ другой родится Купидонъ,
«Который у тебя отыметъ лукъ и стрѣлы,
«И нагло покоритъ подвластны намъ предѣлы!
«Ты знаешь, сколь сыны Юпитеровы смѣлы: [41])
«По волѣ ходятъ въ небеса,

«И всякія творятъ на свѣтѣ чудеса.
«И можно ли терпѣть, что Душенька собою, [42])
«Безъ помощи твоей, во всѣхъ вселяетъ страсть,
«Какую возжигать одинъ имѣлъ ты власть?
«Она давно уже смѣется надъ тобою,
«И ставитъ въ торжество себѣ мою напасть.
«За честь свою, за честь Веперы,
«Яви ты строгости примѣры;
«Содѣлай Душеньку постылою вовѣкъ, [43])
«И столь худою,
«И столь дурною,
«Чтобъ каждый отъ нее чуждался человѣкъ;
«Иль дай ты ей въ мужья, кто бъ всѣхъ сыскался хуже,
«Чтобы нашла она себѣ тирана въ мужѣ [43])
«И мучила бъ себя,
«Жестокаго любя;
«Чтобъ тѣмъ краса ея увяла, [44])
«И чтобы я покойна стала.»

Амуръ желалъ тогда пресѣчь
Сію просительную рѣчь.
Хотя богинь онъ вѣдалъ свойство [45])
Всегда соперницъ клеветать,
Но долженъ былъ привесть въ спокойство
Свою прогнѣванную мать, [46])
И ей впослѣдокъ обѣщать, [46])
За дерзость Душеньку порядкомъ пострашать.
Услышавъ тѣ слова, Амуры ужаснулись, [47])
Веселья ахнули, и Смѣхи содрогнулись.
Одна Венера лишь довольна тѣмъ была,

1894
Московскій Городской Народный Университет Библиотека Инв. №

Что гнѣвъ на Душеньку неправдой навлекла: [48])
Съ улыбкою на всѣхъ кидая взоръ пріятно,
Сама рядила путь во островъ свой обратно,
И для отличности такого торжества,
Явила тутъ себя во славѣ божества. [48])
Отставлена была воздушна колесница,
Которую везла крылатая станица
Съ прохладнымъ воздухомъ, порожжую назадъ.
Богиня, учредивъ старинный свой парадъ [49])
И въ раковину сѣвъ, какъ пишутъ на картинахъ,
Пустилась по водамъ на двухъ большихъ дельфинахъ.

Амуръ, простря свой властный взоръ,
Подвигнулъ весь Нептуновъ дворъ.
Узря Венеру рѣзвы волны,
Текутъ за ней весельемъ полны.
Тритоновъ водяной народъ
Выходитъ къ ней изъ бездны водъ;
Иной вокругъ ее ныряетъ
И дерзки волны усмиряетъ; [50])
Другой, крутясь во глубинѣ,
Сбираетъ жемчуги на днѣ, [51])
И всѣ сокровища изъ моря
Тащитъ повергнуть ей къ стопамъ.
Иной, съ чудовищами споря,
Претитъ касаться симъ мѣстамъ;
Другой, на козлы сѣвъ проворно,
Со встрѣчными бранится вздорно,
Раздаться въ стороны велитъ,
Возжами гордо шевелитъ,
Отъ камней далѣ путь свой правитъ

И дерзостныхъ чудовищъ давитъ.
Иной, съ трезубчатымъ жезломъ,
На китѣ впереди верхомъ,
Гоня далече всѣхъ съ дороги,
Вокругъ кидаетъ взоры строги, [52])
И чтобы всякъ то вѣдать могъ,
Въ коральный громко трубитъ рогъ; [53])
Другой, изъ краевъ самыхъ дальныхъ,
Успѣвъ приплыть къ богинѣ сей,
Несетъ отломокъ горъ хрустальныхъ
На мѣсто зеркала предъ ней.
Сей видъ пріятность обновляетъ
И радость на ея челѣ.
— О, если бъ видъ сей, онъ вѣщаетъ,
Остался вѣчно въ хрусталѣ! —
Но тщетно то Тритонъ желаетъ:
Исчезнетъ сей призракъ какъ сонъ,
Останется одинъ лишь камень,
А въ сердцѣ лишь несчастный пламень,
Которымъ втунѣ тлѣетъ онъ.
Иной, приставъ къ богинѣ въ свиту,
Отъ солнца ставитъ ей защиту
И прохлаждаетъ жаркій лучъ,
Пуская кверху водный ключъ.
Сирены — сладкія пѣвицы,
Межъ тѣмъ поютъ стихи ей въ честь,
Мѣшаютъ съ быльми небылицы,
Ее стараясь превознесть.
Иныя передъ нею пляшутъ,
Другія во услугахъ тутъ,
Предупреждая всякой трудъ,

Богиню опахаломъ машутъ;
Другія жъ, на струяхъ несясь, [54])
Пышатъ въ трудахъ по почтѣ скорой
И отъ луговъ, любимыхъ Флорой,
Подносятъ ей цвѣточну вязь.
Сама Ѳетида ихъ послала
Для малыхъ и большихъ услугъ,
И только для себя желала,
Чтобъ дома былъ ея супругъ.
Въ благопріятнѣйшей погодѣ
Не смѣютъ бури тамъ пристать,
Одни Зефиры лишь въ свободѣ
Венеру смѣютъ лобызать. [55])
Чудеснымъ дѣйствіемъ въ то время,
Какъ въ вѣяньи пшенично сѣмя,
Летятъ обратно бѣглецы,
Зефиры — древни наглецы:
Иной власы ея взвѣваетъ,
Межъ тѣмъ открывъ прелестну грудь,
Перестаетъ на-время дуть,
Власы съ досадой опускаетъ
И, съ ними спутавшись, летитъ.
Другой, невѣдомымъ языкомъ,
Со вздохами и нѣжнымъ крикомъ
Любовь ей на ухо свиститъ.
Иной, пытаясь безъ надежды
Сорвать покровъ другихъ красотъ,
Въ сердцахъ вертитъ ея одежды,
И падаетъ безъ силъ средь водъ.
Другой въ уста и въ очи дустъ,
И ихъ украдкою цѣлуетъ.

Гонясь за нею волны тамъ,
Толкаютъ въ ревности другъ друга,
Чтобъ, вырвавшись скорѣй изъ круга,
Смиренно пасть къ ея ногамъ;
И всѣ, въ усердіи, Венеру
Желаютъ провожать въ Цитеру.

Не въ долгомъ времени пришла къ богинѣ вѣсть,
Которую Зефиръ спѣшилъ скорѣй принесть,
Что бѣдство Душеньки преходитъ всяку вѣру,
Что Душенька уже оставлена отъ всѣхъ,
И что вздыхатели, какъ-будто ей въ посмѣхъ,
Отъ всякой встрѣчи съ ней повсюду удалялись,
Или къ отцу ея во дворъ хотя являлись,
Однако въ Душеньку ужъ болѣ не влюблялись
И къ ней не подходили вблизь,
А только издали ей низко поклонялись.

Такой чудесъ престранный родъ
Смутилъ во Греціи народъ.
Бывали тамъ потопы, моры,
Пожары, хлѣба недороды,
Войны и внутренни раздоры,
Но случай сей для всѣхъ былъ новъ.
Сказатели различныхъ сновъ,
И вопрошатели боговъ
О томъ имѣли разны споры:
Иной предвидѣлъ добрый знакъ,
Другой сулилъ напасти скоры;
Иной, напутавъ много вракъ,
Не сказывалъ ни такъ, ни сякъ;
Но всѣ согласно утверждали,
Что чудъ подобныхъ не видали

Во Греціи съ начала вѣкъ.
Простой народъ тогда, въ печали,
Къ Венерѣ вопіять притекъ:
— За что судьбы къ народу гнѣвны?
За что вздыхатели бѣжали отъ Царевны? —
Извѣстно, что ея отмѣнная краса
Противныя тому являла чудеса.
Венера наконецъ рѣшила всѣхъ судьбину:
Явила Греціи сокрытую причину,
За что Царева дочь теряетъ прежню честь,
За что противъ себя воздвигла вышню месть, [56])
И съ видомъ грознымъ и суровымъ
Царевымъ сродникамъ велѣла быть готовымъ [57])
Еще къ несчастьямъ повымъ,
Предвозвѣщая имъ на будущіе дни
Бѣды и страшны муки,
Пока ее они [58])
Не приведутъ къ ней въ руки. [58])

Но Царь и вся родня
Любили Душеньку безъ мѣры,
Безъ ней пріятнаго не проводили дня:
Могли ль предать ее на мщеніе Венеры?
И всѣ въ единый гласъ
Богинѣ па отказъ
Возопіяли смѣло,
Что то несбыточное дѣло.
Иные подняли на смѣхъ ея алтарь,
Другіе стали горько плакать;
Другіе жъ, не дослушавъ, такать,
Когда лишь слово скажетъ Царь.

Иные, Душенькѣ въ утѣху, говорили,
Что толь особая вина
Для ней похвальна и славна,
Когда, во стыдъ богинь, ее благотворили; [59])
И что Венеры къ ней и ненависть и месть [59])
Ея умножать честь.
Царевнѣ жъ тѣ слова хотя и лестны были, [60])
Но были бы милѣй,
Когда бы ихъ сказалъ какой любовникъ ей. [61])
Отъ гордости она скрывала
Печаль свою при всѣхъ глазахъ,
Но втайнѣ часто упывала,
Себя несчастной называла
И часто, въ горестныхъ слезахъ,
Къ Амуру вопіяла:

«Амуръ, Амуръ, веселій богъ!
«За что ко мнѣ суровъ и строгъ?
«Давно ли всѣ меня искали?
«Давно ли всѣ меня ласкали?
«Въ побѣдахъ я вела часы,
«Могла плѣнять, любить по волѣ —
«За что теперь въ несчастной долѣ?
«Къ чему полезны мнѣ красы?
«Бѣднѣйшая въ поляхъ пастушка
«Себѣ имѣетъ пастуха:
«Одна лишь я ни съ кѣмъ не дружка,
«Не бывъ дурна, не бывъ лиха!
«Одной ли мнѣ любить зазорно?
«Но если счастье толь упорно,
«И такъ судили Небеса,

«То лучше мнѣ итти въ лѣса, [62])
«Оставить всѣхъ людей отнынѣ
«И кончить слезну жизнь въ пустынѣ!» [62])
Межъ тѣмъ, какъ Душенька, тая свою печаль
Отъ всѣхъ своихъ родныхъ, уйти сбиралась вдаль,
Опи ея бѣдой не менѣе крушились, [63])
И сами ей вездѣ искали жениховъ;
Но всюду женихи страшились
Гнѣвить Венеру и боговъ,
Которы видимо противу согласились.
Никто на Душенькѣ жениться не хотѣлъ,
Или никто не смѣлъ.
Вослѣдокъ сродники, совѣтовавъ, рѣшились,
Спросить Оракула о будущихъ судьбахъ.
Оракулъ далъ отвѣтъ въ порядочныхъ стихахъ,
И къ нимъ жрецы-пророки [64])
Прибавили еще свои для толку строки;
Но тѣмъ отвѣтъ сей былъ не менѣ безтолковъ, [65])
И слово въ слово былъ таковъ:
«Супругъ для Душеньки, назначенный Судьбами,
«Есть то чудовище, которо всѣхъ язвитъ, [66])
«Смущаетъ области и часто ихъ крутитъ,
«И часто рветъ сердца, питаяся слезами, [67])
«И страшныхъ стрѣлъ колчанъ имѣетъ на плечахъ: [67])
«Стрѣляетъ, ранитъ, жжетъ, оковы налагаетъ,
«Коль хочетъ на земли, коль хочетъ въ небесахъ,
«И самый Стиксъ ему путей не преграждаетъ.
«Судьбы и боги всѣ, опредѣляя такъ,
«Сыскать его даютъ особо вѣрный знакъ: [68])
«Царевну пусть везутъ на самую вершину

«Невѣдомой горы, за тридевять земель, [69])
«Куда еще никто не хаживалъ досель, [69])
«И тамъ ее одну оставять на судьбину,
«На радость и на скорбь, на жизнь и на кончину.»

Такой отвѣтъ весь дворъ въ боязнь и скорбь привелъ [70])
Во всѣхъ сомнѣніе и ужасъ произвелъ. [70])
О, праведные боги!
Возможно ль, чтобы вы толико были строги?
И если въ томъ какая стать,
Чтобъ Душеньку навѣкъ чудовищу отдать,
Къ которому никто не вѣдаетъ дороги?
Родные тако всѣ гласили во слезахъ;
И кои знали всяки сказки,
Представили себѣ чудовищъ злыхъ привязки
И лютой смерти страхъ,
Иль въ лапахъ, иль въ зубахъ,
Гдѣ жить ей будетъ тѣсно.
Отъ нянекъ было имъ давно не безъизвѣстно
О существѣ такихъ и змѣевъ и духовъ,
Которы широко гортани развѣваютъ,
И что притомъ у нихъ видаютъ
И семь головъ, и семь роговъ,
И семь, иль болѣе хвостовъ.
Отъ страховъ таковыхъ родные возмущались; [71])
Потомъ, безъ дальнихъ словъ,
Завыли множествомъ различныхъ голосовъ;
Царевну проводить до мѣста обѣщались,
И съ нею навсегда заранѣе прощались.

Не знали только, гдѣ была бы та гора, [72])
Къ которой Душеньку отправить надлежало:
Оракулъ не сказалъ, или сказалъ, да мало,
Въ которой сторонѣ? далече ль отъ двора?
Въ какую тамъ явиться пору,
И какъ зовутъ такую гору:
Синай или Ливанъ, иль Тавръ или Кавказъ?
И кои въ Душенькѣ высокой разумъ чтили,
Догадываясь мнили,
Что должно ѣхать ей конечно на Парнассъ. [73])
Они наслышались, что нѣкоторы Музы [73])
Имѣли съ ней союзы:
Что Душенька отъ нихъ училась пѣсни пѣть
И таинства красотъ Парнасскихъ разумѣть.
Но тѣ, которые Исторію читали,
Противу предлагали,
Что Музы изстари проводятъ въ дѣтствѣ вѣкъ,
И ни какой туда не ходитъ человѣкъ,
Что тамъ нельзя найти ей мужа,
Къ тому жъ отъ Сѣвера бываетъ часто стужа,
И у Кастальскихъ водъ,
Хоть тамъ дороги святы, [74])
Нерѣдко замерзалъ народъ.
Иные, изобравъ жарчайшіе климаты,
Хотѣли Душеньку во Африку везти,
Гдѣ вѣдали, что есть чудовищи въ чести; [75])
Притомъ, послѣдуя Оракулову гласу,
Хотѣли именно везти ее къ Атласу, [76])
Узнавъ, что та гора, касаяся небесъ,
Издревле множествомъ прославилась чудесъ;
И мнили, что, по сей примѣтѣ,

Оракулъ точно такъ сказалъ въ своемъ отвѣтѣ.
Тогда смѣлѣйшіе изъ плачущей родни [77])
Представили, храня ея цвѣтущи дни,
Что Душеньку легко тамъ могутъ змѣи скушать, [78])
Что въ томъ Оракула никакъ не должно слушать;
И громогласно всѣ, безъ дальняго суда, [79])
Воскликнули тогда,
Что участь Душеньки Оракулъ самъ не вѣдитъ, [79])
И что Оракулъ бредитъ.

Въ совѣтѣ наконецъ
Родня Царевнина, и паче Царь-отецъ, [80])
За лучше ставили, боговъ противясь власти, [80])
Терпѣть гоненія и всякія напасти,
Чемъ Душеньку везти
На жертву безъ пути.
Но Душенька сама была великодушна,
Сама Оракулу хотѣла быть послушна.
Иль, можетъ быть, и такъ, чтобъ мнѣ не обмануть,
Она, прискучивъ жить съ родными безъ супруга, [81])
Искала наконецъ себѣ такого друга,
Кто бъ ни былъ, гдѣ ни будь;
И чтобъ родныхъ видна была ея услуга, [82])
Въ рѣшительныхъ словахъ сама сказала имъ: [83])
«Я васъ должна спасать несчастіемъ моимъ.
«Пускай свершается со мною вышня воля; [83])
«И если я умру, — моя такая доля.»

Межъ тѣмъ, какъ Душенька вѣщала такъ отцу,
И Царь и весь совѣтъ пустились плакать снова, [84])
И въ скорби не могли тогда промолвить слова,
Лишь токи слезъ у всѣхъ ручьились по лицу.
Но самую печаль, въ прегорестнѣйшемъ плачѣ,
Впервые зрѣлъ, кто зрѣть тогда Царицу могъ:
Рвалась и морщилась она предъ всѣми паче,
И память потерявъ, валялась какъ безъ ногъ;
Иль въ горести, теряя мѣру, [84])
Ругала всячески Венеру;
Иль, крѣпко въ руки ухватя
Свое любезное дитя,
Кричала громко предъ народомъ,
И всѣмъ своимъ клялася родомъ,
Доколь она жива,
Не ставить ни во что Оракула слова;
И что ни для какого чуда
Не пуститъ дочери оттуда.
Хотя жъ кричала то во всю гортанну мочь, [85])
Однако вопреки Амуръ, Судьбы и боги,
Оракулъ и жрецы, родня, отецъ и дочь,
Велѣли сухари готовить для дороги.

Во время оныхъ лѣтъ
Оракулъ въ Греціи столь много почитался,
Что каждый исполнять слова его старался,
И самъ искалъ себѣ предназначенныхъ бѣдъ,
Дабы сбывалось то неложно,
Что только предсказать возможно.
Царевна оставляетъ градъ;
Въ дорогу сказанъ былъ нарядъ.

Куда? — отъ всѣхъ то было тайно.
Царевна наконецъ умомъ
Рѣшила неизвѣстность въ томъ,
Какъ всѣ дѣла своимъ судомъ
Она рѣшила обычайно,
Сказала всей родинѣ своей,
Чтобъ только въ путь ее прилично снарядили,
И въ колесницу посадили
Пустя по волѣ лошадей, [86])
Безъ кучера и безъ возжей. [86])
«Судьба, сказала, будетъ править,
«Судьба покажетъ вѣрный слѣдъ
«Къ жилищу радостей, иль бѣдъ, [87])
«Гдѣ должно вамъ меня оставить.» [87])
По таковымъ ея словамъ,
Не долго были сборы тамъ.
Готова колесница,
Готова Царска дочь, и вмѣстѣ съ ней Царица, [88])
Котора Душеньку, не могши удержать,
Желаетъ провожать.
Тронулись лошади, не ждавъ себѣ уряда:
Везутъ ее безъ поводовъ, [89])
Везутъ съ двора, везутъ изъ града,
И наконецъ везутъ изъ крайнихъ городовъ.

Въ сей путь, короткій или дальній,
Устроенъ былъ Царемъ порядокъ погребальный.
Шестнадцать человѣкъ несли вокругъ свѣчи
При самомъ свѣтѣ дня, подобно какъ въ почи;
Шестнадцать человѣкъ, съ печальною музыкой,

Унывный пѣли стихъ въ протяжности великой;
Шестнадцать человѣкъ, немного тѣхъ позадь,
Несли хрустальную кровать,
Въ которой Душенька любила почивать;
Шестнадцать человѣкъ, поклавши на подушки,
Несли Царевнины тамбуры и коклюшки,
Которы клала тамъ сама Царица-мать,
Дорожный туалетъ, гребенки и булавки,
И всякія къ тому потребныя прибавки.
Потомъ въ парадѣ шелъ жрецовъ усастыхъ полкъ,
Стихи Оракула неся передъ собою.
Тутъ всякъ изъ нихъ давалъ стихамъ различный толкъ, [90])
И всякъ желалъ притомъ скорѣй дойти къ покою.
За ними шелъ синклитъ и всякъ высокій чинъ;
Впослѣдокъ ѣхала печальна колесница,
Въ которой съ дочерью сидѣла мать-Царица.
У ногъ ея стоялъ серебряный кувшинъ;
То былъ плачевный урнъ, какой старинны Греки
Давали въ даръ, когда прощались съ кѣмъ навѣки.
Отецъ со ближними у колесницы шелъ,
Боговъ прося о всякомъ благѣ,
И предая Судьбамъ расправу царскихъ дѣлъ,
Свободно на пути вздыхалъ при каждомъ шагѣ.
Взирая на Царя, отъ всѣхъ сторонъ народъ
Толпился близко колесницы,
И каждый до своей границы
Съ Царевной шелъ въ походъ.
Иные хлипали, другіе громко выли,
Не вѣдая, куда везутъ и дочь и мать;

Другіе же, по виду, мнили,
Что Душеньку везутъ живую погребать.
Иные по пути сорили
Предъ нею вѣтви и цвѣты,
Другіе тутъ же гимны пѣли, [91])
Прилично славя красоты,
Какія въ первый разъ узрѣли;
Другіе жъ божествомъ [92])
Царевну называли,
И возвратяся въ домъ,
За диво возвѣщали. [92])
Вотще жрецы кричали,
Что та Царевнѣ честь
Прогнѣваетъ Венеру,
И, слѣдуя манеру,
Толчкомъ, и какъ ни есть,
Хотѣли прочь отвесть
Народъ отъ сей напасти;
Но всѣ, противу власти,
Забывъ Веперы вредъ
И всю возможность бѣдъ,
Толпами шли насильно
За Душенькою въ слѣдъ
Усердно и умильно.

Уже, чрезъ нѣсколько недѣль,
Проѣхали они за тридевять земель,
Но ни единаго пригорка не видали, [93])
И кои болѣе устали,
Со всякой брапью возроптали,
Что шли куда не знали.

Впослѣдокъ ѣдучи путемъ и вдоль и вкругъ,
Къ одной горѣ они лишь только подступили,
Тутъ сами лошади остановились вдругъ, [94])
И далѣе не шли, сколь много ихъ ни били.
Тутъ всѣ Судебъ тогда признаки находили; [95])
Признаки тѣ жрецы согласно подтвердили,
И всѣ сказали вдругъ, что должно точно тамъ,
На высотѣ горы, Оракуловымъ словомъ,
Оставить Душеньку у неба подъ покровомъ.
Вручаютъ всѣ ее хранителямъ-богамъ,
Ведутъ на высоту по камнямъ и пескамъ,
Гдѣ знака нѣтъ дороги,
Едва подъемля вверхъ свои усталы ноги,
Чрезъ камни, чрезъ бугры и чрезъ глубоки рвы,
Гдѣ нѣтъ ни лѣсу, ни травы,
Гдѣ алчные рыкаютъ львы.
И хоть жрецы людей къ отвагѣ
Увѣщавали въ сихъ мѣстахъ,
Но всѣ, при каждомъ шагѣ, [96])
Встрѣчали новый страхъ:
Ужасныя пещеры,
И къ верху крутизны,
И къ безднѣ глубины,
Безъ вида и безъ мѣры.
Инымъ являлись тамъ Мегеры, [97])
Инымъ летучи Дромадеры,
Инымъ Драконы и Церберы,
Которы ревами, на разные манеры,
Глушили слухъ,
Мутили духъ.

Таковъ былъ путь, куда Царевна торопилась,
Куда вся свита въ слѣдъ за ней крехтя толпилась. [98])
Осталась позади одна Царица-мать,
Не могши далѣе полугоры шагать, [98])
И съ Душенькой навѣкъ, поплакавъ, тамъ простилась.
При трудностяхъ тогда Царевнина кровать [99])
Въ рукахъ несущихъ сокрушилась.
И многіе отъ страха тутъ,
Имѣя многой трудъ,
Не мало шапокъ пороняли,
Которы на-подхватъ Драконы пожирали. [100])
Иные по кускамъ одежды изодрали,
И наготы имѣя видъ,
Едва могли прикрыть отъ глазъ сторонихъ стыдъ.
Осталось накопецъ лишь нѣсколько булавокъ,
И нѣсколько стиховъ Оракула для справокъ.
Но можно ль описать перомъ
Царя тогда съ его дворомъ,
Когда на верхъ горы съ Царевной всѣ явились?
Читатель самъ себѣ представитъ то умомъ.
Я только лишь скажу, что съ нею всѣ простились;
И напослѣдокъ Царь, согнутый скорбью въ крюкъ,
Насильно вырванъ былъ у дочери изъ рукъ.
Тогда и дневное свѣтило,
Смотря на горесть сихъ разлукъ,
Казалось, будто сократило
Обыкновенный въ мірѣ кругъ,

И въ воды спрятаться спѣшило.
Тогда и ночь,
Одну увидѣвъ Царску дочь,
Покрылась чернымъ покрываломъ,
И томнѣйшимъ лучемъ едва свѣтящихъ звѣздъ,
Открыла въ мрачности весь ужасъ оныхъ мѣстъ.
Тогда и Царь скорѣй предпринялъ свой отъѣздъ,
Не вѣдая конца за толь слѣпымъ началомъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Но гдѣ возьму черты
Представить страхъ, какой являла вся Природа,
Увидѣвъ Душеньку въ пространствѣ темноты,
Оставшу безъ отца, безъ матери, безъ рода,
И, словомъ, вовсе безъ людей,
Между Драконовъ и звѣрей?
Тутъ все, что Царска дочь отъ нянюшекъ слыхала
И что въ чудеснѣйшихъ исторіяхъ читала, [101])
Представилось ея смущенному уму.
Страшилища духовъ, волшебные призраки,
Различныхъ тамъ смертей являли ей признаки,
И мрачной ночи сей усугубляли тму.
Но Душенька едва уста свои открыла
Промолвить жалобу, не высказавъ кому, [102])

Какъ вдругъ чудесна сила,
На крылѣхъ вѣтреныхъ взнесла ее надъ міръ. [103])
Невидимый Зефиръ,
Ея во опый часъ счастливый похититель,
И спутникъ и хранитель,
Неслыханну дотоль увидѣвъ красоту, [103])
Запомнилъ Душеньку увѣдомить сначала,
Что къ ней щедротна власть тогда повелѣвала [104])
Ее съ почтеніемъ восхитить въ высоту;
И мысли устремивъ къ особенному дпву,
Взвѣялъ лишь только ей покровы на лету.
Увидя жъ Душеньку отъ страха еле живу,
Оставилъ свой восторгъ и страхъ ея пресѣкъ, [104])
Сказавъ ей съ тихостью, приличною Зефиру,
Что онъ несетъ ее къ блаженнѣйшему міру,
Къ супругу, коего Оракулъ ей пророкъ;
Что сей супругъ давно вздыхаетъ безъ супруги;
Что къ пей полки духовъ [105])
Назначены въ услуги,
И что опъ самъ упасть къ ногамъ ея готовъ,
И множество къ тому прибавилъ лестныхъ словъ.
Амуры, кои тутъ Царевну окружали,
И устъ улыбками и радостьми очесъ,
Отвсюду тѣ слова согласно подтверждали.
Не въ долгомъ времени Зефиръ ее вознесъ
Къ незнаемому ей селенію небесъ, [105])
Поставилъ средь двора, и вдругъ оттоль исчезъ.
Какая Душенькѣ явилась тма чудесъ! [106])
Сквозь рощу миртовыхъ и пальмовыхъ древесъ
Великолѣпные представились чертоги,

Блестящіе среди безчисленныхъ огней,
И всюду розами усыпаны дороги; [107])
Но розы блѣдный видъ являютъ передъ ней,
И съ нѣкимъ чувствіемъ ея лобзаютъ ноги.
Порфирныя врата, съ лица и со сторонъ, [108])
Сапфирные столпы, изъ яхонта балконъ,
Златые куполы, и стѣны изумрудны,
Простому смертному должны казаться чудны;
Единымъ лишь богамъ сіи дѣла не трудны.
Таковъ открылся путь, читатель, примѣчай, [109])
Для Душеньки, когда изъ мрачнѣйшей пустыни
Она, во образѣ летящей вверхъ богини,
Нечаянно взнеслась въ прекрасный нѣкій рай. [110])
Въ надеждѣ на боговъ, бодряся ихъ признакомъ, [110])

Едва она ступила разъ,
Бѣгутъ на встрѣчу къ ней тотчасъ
Изъ дому сорокъ Нимфъ въ нарядѣ одинакомъ;
Онѣ старалися приходъ ея стеречь; [111])
И старшая изъ нихъ, съ пренизкимъ ей поклономъ,
Отъ имени подругъ, почтительнѣйшимъ тономъ
Сказала должную привѣтственную рѣчь.
Лѣсные жители, своимъ огромнымъ хоромъ,
Потомъ пропѣли раза два,
Какія слышали, похвальны ей слова, [112])
И къ ней служить летятъ Амуры всѣмъ соборомъ.
Царевна ласково, на каждую ей честь,
Отвѣтствовала всѣмъ то знакомъ, то словами.
Зефиры, въ тѣснотѣ толкаясь головами,

Хотѣли въ домъ ее привесть, или принесть;
Но Душенька имъ тутъ велѣла быть въ покоѣ, [113])
И къ дому шла сама, среди различныхъ слугъ,
И Смѣховъ и Утѣхъ, летающихъ вокругъ.
Читатель такъ видалъ стремливость въ пчельномъ роѣ, [114])
Когда юничный родъ, оставя старыхъ пчелъ,
Кружится, рѣзвится, журчитъ и вдаль летаетъ, [114])
Но за царицею, котору почитаетъ,
Смиряяся, летитъ на новый свой удѣлъ.

Царевна посреди сихъ почестей отмѣнныхъ,
Не знала, Духъ ли былъ, или просто человѣкъ—
Обѣщанный супругъ, властитель мѣстъ блаженныхъ,
Котораго предъ симъ Зефиръ, въ словахъ смятенныхъ,
Отчасти предвѣстилъ, но прямо не нарекъ. [115])
Вступая въ домъ, она супруга зрѣть желала,
И много разъ о немъ служащихъ вопрошала; [116])
Но вся сія толпа, котора съ нею шла,
Или вокругъ летала,
Увѣдомить ее подробнѣй не могла,
И Душенька о томъ въ незнаніи была. [117])
Межъ тѣмъ прошла она крыльцовыя ступени, [117])
И введена была въ пространнѣйшія сѣни,
Отколь во всѣ края, сквозь множество дверей,
Открылся передъ ней
Прекрасный видъ аллей,
И рощей и полей;
И болѣе потомъ, высокіе балконы

Открыли царство тамъ и Флоры и Помоны,
Каскады и пруды [118])
И чудные сады. [118])
Оттуда сорокъ Нимфъ вели ее въ чертоги,
Какіе созидать удобны только боги, [119])
И тамо Душеньку, въ прохладѣ отъ дороги,
Въ готовую для ней купальню привели.
Амуры ей росы чистѣйшей принесли,
Котору, вмѣсто водъ, повсюду собирали.
Зефиры воздухъ тамъ дыханьемъ согрѣвали,
Изъ разныхъ ароматъ вздували пузыри,
И благовонныя устроивали мыла, [120])
Какими моются Восточные Цари,
И конхъ вѣдома бодрительная сила. [121])
Царевна въ опый часъ, хотя и со стыдомъ,
Со споромъ и трудомъ,
Какъ водится притомъ,
Взирая на обновы,
Какія были тамъ на выборъ ей готовы, [122])
Дозволила сложить съ красотъ своихъ покровы.
Полки различныхъ слугъ, предъ тѣмъ отдавъ
поклонъ, [123])
Безъ вздоховъ не могли оттуда выйти вонъ,
И даже за дверьми, не бывъ тогда въ услугѣ,
Охотно слѣдъ ея лобзали на досугѣ. [123])
Зефиры лишь одни, имѣя входъ вездѣ, [124])
Зефиры хищные, затѣмъ что ростомъ мелки, [124])
У окопъ и дверей нашли малѣйши щелки,
Прокрались между Нимфъ и спрятались въ водѣ,
Гдѣ Душенька купалась. [125])
Она предъ ними тамъ во всей красѣ являлась,

Иль, паче, имъ касалась;
Но Душенька о томъ никакъ не догадалась.

Зефиры! коихъ я пресчастливыми чту, [126])
Вы, кои видѣли Царевны красоту, [126])
Зефиры! вы меня, какъ должно, научите
Сказать читателямъ, иль сами вы скажите
И части, и черты, [127])
И всѣ пріятности Царевнины подробно,
Которыхъ мнѣ перомъ представить не удобно: [128])
Вы видѣли тогда не сонъ и не мечты....
Но здѣсь молчите вы.... молчанье разумѣю. [129])
Къ изображенію божественныхъ даровъ
Потребенъ вамъ и мнѣ особый даръ боговъ;
Я здѣсь красотъ ея описывать не смѣю. [130])

Царевна, вышедши изъ бани наконецъ,
Со удовольствіемъ раскидывала взгляды [131])
На выбранны для ней и платья и наряды, [131])
И нѣкакой вѣнецъ.
Ее одѣли тамъ, какъ Царскую особу,
Въ богатѣйшую робу.
Не трудно разумѣть, что для ея услугъ
Горстями сыпались каменья и жемчугъ,
И всяки рѣдкости невидимая сила,
По слову Душеньки, мгновенно приносила;
Иль Душенька тогда лишь только что помнила, [132])
Желаемая вещь предъ ней являлась вдругъ. [132])
Плѣняяся своимъ прекраснѣйшимъ нарядомъ,
Желаетъ ли она смотрѣться въ зеркала? —
Они раждаются ея единымъ взглядомъ

И по стѣнамъ предъ ней стоятъ великимъ рядомъ, [133])
Дабы краса ея удвоена была.
Увидѣвъ тамъ себя, лицомъ, плечомъ и задомъ,
Отъ головы до ногъ,
Легко могла судить Царевна на досугѣ
О будущемъ супругѣ,
Что онъ, какъ видно, былъ гораздо не убогъ.
Межъ тѣмъ къ ея услугѣ
Въ особой комнатѣ явился столъ готовъ. [134])
Приборы для стола и яствы, и напитки,
И сласти всѣхъ родовъ
Являли тамъ вещей довольство и избытки;
Не менѣе и то, что только для боговъ [134])
Въ роскошнѣйшемъ жилищѣ
Могло служить къ ихъ пищѣ,
Стояло передъ ней во множествѣ рядовъ.
Иной вкусивъ, она печали забывала, [135])
Другая ей красотъ и силы придавала.
Амуры, бѣгая усердіе явить, [135])
Хозяйски должности старались раздѣлить.
Иной во кравчихъ былъ, другой носилъ посуду, [136])
Иной уставливалъ,— и всякъ совался всюду; [136])
И тотъ считалъ себѣ за превысоку честь,
Кому изъ рукъ своихъ домова ихъ богиня [137])
Полрюмки нектару изволила поднесть;
И многіе предъ ней стояли ротъ розиня:
Хотя Амуры въ томъ,
По правдѣ, жадными отнюдь не почитались
И болѣ, нежели виномъ,
Царевны зрѣніемъ въ то время услаждались. [138])

Межъ тѣмъ надъ ней съ верховъ,
Въ чертогахъ безпечальныхъ,
Раздался сладкій звукъ орудій музыкальныхъ,
И пѣсень ей похвальныхъ,
Какія могъ творить лишь только богъ стиховъ. [139])
Вначалѣ райскія пѣвицы [139])
Воспѣли красоту сей новой ихъ Царицы.
Читатель знаетъ самъ, пріятна ль ей была
Такая похвала.
Но, впрочемъ, Душенька рѣшить не возмогла, [140])
Пріятство ль голосовъ, достоинство ль скрипицы,
Согласіе ли арфъ, иль флейту предпочесть:
Въ искусствѣ всѣ они имѣли равну честь, [141])
И всѣ исполнены единымъ были духомъ,
Чтобъ Душенька въ раю
Познала часть свою
Прикосновеніемъ, устами, окомъ, слухомъ.
Коль можно почитать за правду всѣ слова,
У Грековъ есть молва,
Что будто бы къ сему торжественному хору
Нарочно сысканы Орфей и Амфіонъ,
И будто, въ Душеньку влюбяся по разбору,
Игралъ и правилъ тамъ оркестромъ Аполлонъ.

Впослѣдокъ хоръ пѣвицъ, протяжистымъ манеромъ,
Съ приличнымъ нѣкакимъ размѣромъ,
Воспѣлъ стихи, возвысивъ тонъ,
Толико медленно, толико слуху внятно, [142])
И ихъ сложеніе плѣняло толь пріятно, [142])
Что Душенька легко слова переняла,

Легко упомнить ихъ могла,
И скоро затвердила,
И по всему двору впослѣдокъ распустила. [143])
Потомъ нескромные Зефиры разнесли
Стихи сіи оттоль по всѣмъ концамъ земли;
Потомъ же таковы и къ намъ они дошли: [144])
«Любови всѣ сердца причастны,
«И сами боги ей подвластны.
«Познай ты, Душенька, любовь —
«И счастіе познаешь вновь.»

Трикратно пѣсня та предъ Душенькой пропѣта, [144])
И пѣли наконецъ Царевнѣ многа лѣта.
Потомъ одна изъ Нимфъ явилась доложить, [145])
Что время ей уже въ постелѣ опочить. [145])
При словѣ опочить Царевна покраснѣла,
И какъ невѣста обробѣла,
Однако спорить не хотѣла.
Раздѣта Душенька; ведутъ ее въ чертогъ,
И тамъ, какъ надобно, къ покою отъ дорогъ, [146])
Кладутъ ее въ постель на нѣкоемъ престолѣ
И, поклонившись ей, уходятъ всѣ оттолѣ.
Незнаемо отколь тогда явился вдругъ [147])
Въ невидимомъ лицѣ невѣдомый супругъ. [147])
А если спросятъ, какъ невидимый явился?
Не трудно отвѣчать: явился онъ въ-потмахъ,
И былъ въ объятіяхъ, но не былъ онъ въ очахъ; [148])
Какъ Духъ, или колдунъ, онъ былъ, но не открылся.

Никто не смѣлъ раскрыть завѣсу лѣлъ ночныхъ. [149])
Не знаю, что они другъ съ другомъ говорили
Ни околичностей, притомъ какія были; [149])
Навѣки тайна та осталась между нихъ.
Но только поутру примѣтили Амуры,
Что Нимфы межъ собой смѣялись подтишкомъ,
И гостья, будучи стыдлива отъ натуры,
Казалась между нихъ съ завѣшеннымъ ушкомъ.

Супружество могло Царевнѣ быть пріятно, [150])
Лишь только таинство казалось непонятно: [150])
Супругъ у Душеньки, сказать, и былъ и нѣтъ;
Пріѣхалъ ночью къ ней, уѣхалъ до разсвѣта,
Безъ имени, безъ лѣтъ,
Безъ росту, безъ примѣтъ,
И вмѣсто должнаго отвѣта,
Скрывая, кто онъ былъ, па Душенькинъ вопросъ,
Просилъ, увѣщавалъ, для нѣкакихъ ей грозъ,
Чтобъ видѣть до поры супруга не желала;
И Душенька не знала,
Съ какимъ чудовищемъ, иль богомъ ночевала.
Не слыханъ былъ подобный бракъ. [151])
Царевна, думая и такъ о томъ и сякъ, [151])
Развязку тайны сей въ Оракулѣ искала.
Оракулъ ей давно супруга описалъ
Страшилищемъ ужаснымъ:
Супругъ съ Оракуломъ казался быть согласнымъ,
Какъ будто онъ себя за тѣмъ и не казалъ.
Хотя же Душенька противно бъ разумѣла, [152])
Касавшись до супружня тѣла,

Хотя бъ казалось ей
Изъ всѣхъ его рѣчей, [153])
Что будто не былъ онъ страшилищемъ очей:
Но такъ Оракулъ рекъ, и такъ вѣщали боги,
Что сей супругъ ея наноситъ всюду страхъ.
И ежели то такъ, что онъ имѣетъ роги,
Или звѣрины ноги,
Иль когти на рукахъ,
Иль гнусную фигуру,
Такъ лучше Душенькѣ урода такова,
Который всю страшитъ натуру,
Не видѣть и не знать, пока она жива.
Межъ тѣмъ какъ Душенька, въ постелѣ, [154])
Не знала какъ рѣшить о дѣлѣ,
Заря гнала ночную тѣнь, [154])
И свѣтлый видъ восприняла день; [155])
Но свѣтъ тогда не могъ забавить [155])
Смущенную Цареву дочь,
Которая минувшу ночь
Въ забвеньи не могла оставить.
Тогда услужный сонъ, не дожидаясь ночи, [156])
Поутру вновь сомкнулъ ея прекрасны очи. [156])
Потомъ, летаючи вокругъ ея лица,
Явилъ супруга ей со всею красотою,
Со стройствомъ, нѣжностью, дородствомъ, бѣлизною,
Съ румянцемъ краше багреца:
Явилъ подобіе младаго Аполлона, [157])
Иль, можно такъ сказать, прекрасна Купидона
Въ восьмнадцать лѣтъ, иль такъ почти,
Что былъ онъ близко двадцати,

И былъ во всей красѣ и славѣ.
Царевна, въ ономъ снѣ обманута мечтой,
Супруга чаетъ видѣть въявѣ;
Хватаетъ тѣнь, кричитъ: постой! [158])
Призракъ въ восторгъ ее приводитъ,
Но сей призракъ отъ ней уходитъ,
Какъ будто бъ удалялся онъ.
Она зоветъ, бѣжитъ и бѣглеца хватаетъ.
Сіе движеніе впослѣдокъ прерываетъ
Ея невѣрный сонъ;
И Душенька въ рукахъ, проснувшись, ощущаетъ,
На мѣсто бѣглеца, свой спальный балахонъ. [159])

Извѣстно, что тогда супругъ, сокрывшись тамо, [160])
Желалъ подслушивать ея любовный бредъ, [160])
Но рокъ свиданію противился упрямо:
Царевна видѣла супружній только слѣдъ, [161])
И только было то примѣтить ей возможно, [161])
Что онъ гостилъ у ней неложно;
Что онъ въ отсутствіи оставилъ ей любовь, [162])
И что любовью сей она тогда сгарала.
«Но кто таковъ былъ онъ? но кто?» твердила вновь,
И вновь тогда заснуть желала,
И сонъ опять, кружась надъ нею съ тишиною, [162])
Спокоилъ мысль ея пріятною мечтою
Въ другой, какъ въ первый разъ.
Не знаю, долго ли мечта сія продлилась,
Но Душенька отъ сна не прежде пробудилась,
Какъ полдень ужъ прошелъ, и послѣ полдня часъ.

Тогда служащія дѣвицы, всемъ соборомъ,
Царевну вновь одѣть пришли
И сорокъ платьевъ принесли,
Со всѣмъ къ тому приборомъ.
Въ сей день она себѣ назначила парядъ,
Который былъ простѣе;
За тѣмъ что Душенька спѣшила поскорѣе
Увидѣть рѣдкости чудесныхъ сихъ палатъ.
Я, въ томъ послѣдуя Царевнину уставу, [163])
Сей домъ представить поспѣшу,
И все подробно опишу,
Что только лишь могло ей тамъ принесть забаву. [164])
Въ началѣ Душенька по комнатамъ пошла,
И тамо бѣгая, нигдѣ не пробѣжала [165])
Покоя, ни угла, [165])
Въ которомъ бы она па часъ не побывала;
Оттуда въ бельведеръ, оттуда на балконъ,
Оттуда на крыльцо, оттуда внизъ — и вонъ,
Чтобъ видѣть домъ со всѣхъ сторонъ.
Толпа дѣвицъ за ней бѣжать не успѣвала,
Зафиры лишь одни ей слѣдовать могли, [166])
И Душеньку вездѣ, какъ должно, берегли,
Чтобъ какъ ни есть она, бѣжавши, не упала.
Она смотрѣла раза три
Сей домъ снаружи и внутри.
Межъ тѣмъ Зефиры и Амуры
Казали ей архитектуры
И всяки рѣдкости натуры,
Которы Душенька, оглядывая вкругъ, [167])
Желала видѣть вдругъ,

И что смотрѣть, не знала;
Одна передъ другой со споромъ взоръ плѣняла, [168])
И Душенька бъ еще пошла по всѣмъ мѣстамъ,
Когда бъ отъ бѣгу тамъ
Впослѣдокъ не устала.

Во отдыхѣ жъ она, отъ сихъ тогда трудовъ, [169])
Смотрѣла статуи славнѣйшихъ мастеровъ:
То были образцы красавицъ безподобныхъ,
Которыхъ имена, и въ прозѣ, и въ стихахъ,
Въ различныхъ повѣстяхъ, и краткихъ и подробныхъ,
Безсмертно царствуютъ въ народахъ и вѣкахъ. [170])
Калисто, Дафнія, Армида, Ніобея,
Елена, Граціи, Ангелика, Хриссея,
И множество другихъ богинь и смертныхъ женъ,
Очамъ являясь живо,
Во всей красѣ, на диво,
Стояли тамъ у стѣнъ.
Но по срединѣ ихъ впачалѣ,
На пѣкомъ высшемъ пьедесталѣ
Самой Царевны ликъ стоялъ, [171])
И болѣ красотой другіе превышалъ. [171])
Смотря на образъ свой, она сама дивилась,
И внѣ себя остановилась.
Другая статуя казалась въ ней тогда, [172])
Какой вовѣки свѣтъ не видѣлъ никогда.

Конечно, Душенька и долѣ бъ такъ осталась [172])
Смотрѣть на образъ сей,

Которымъ обольщалась;
Но слуги, бывшіе при ней,
Въ другихъ мѣстахъ казали ей [173])
Для новой глазъ ея забавы, [173])
Другіе образы красотъ ея и славы:
До пояса, до ногъ, въ весь ростъ, до самыхъ пятъ,
Изъ злата, изъ сребра, изъ бронзы, иль изъ стали,
И головы ея, и бюсты, и медали;
А индѣ мозаикъ, иль мраморъ, иль агатъ,
Въ сихъ видахъ новую безцѣнность представляли.

Въ другихъ мѣстахъ Апеллъ, иль живописи богъ, [174])
Который кисть его водилъ своей рукою,
Представилъ Душеньку со всею красотою,
Какой дотолѣ умъ вообразить не могъ.
Желаетъ ли она узрѣть себя въ картинахъ? [175])
Въ иной Фауны въ ней несутъ Помонинъ рогъ,
И вяжутъ ей вѣнки, и рвутъ цвѣты въ долинахъ, [175])
И пѣсни ей дудятъ, и скачутъ въ круговинахъ;
Въ другой она, съ щитомъ престрашнымъ на груди,
Палладой нарядясь, грозитъ на лошади,
И, болѣ чѣмъ копьемъ, своимъ прекраснымъ взоромъ [176])
Разитъ сердца пріятнымъ моромъ.
А тамъ предъ ней Сатурнъ, безъ зубъ, плѣшивъ и сѣдъ,
Съ обновою морщинъ на старолѣтней рожѣ,
Старается забыть, что онъ давнишній дѣдъ:

Прямитъ свой дряхлый станъ, желаетъ быть мо-
ложе, [177])
Кудритъ оставшіе волосъ своихъ клочки,
И видѣть Душеньку вздѣваетъ онъ очки;
А тамъ она видна, подобяся Царицѣ,
Съ Амурами вокругъ, въ воздушной колесницѣ.
Прекрасной Душеньки за честь и красоту,
Амуры тамъ сердца стрѣляютъ на лету:
Летятъ великою толпою,
И всѣ они несутъ колчаны за плечми,
И всѣ, прекрасными гордясь ея очми,
Летятъ, поднявши лукъ, на цѣлый свѣтъ войною.
А тамъ свирѣпый Марсъ, рушитель мирныхъ
правъ,
Увидѣвъ Душеньку, являетъ тихой нравъ:
Полей не обагряетъ кровью,
И наконецъ, забывъ военный свой уставъ,
Смягченъ у ногъ ея, пылаетъ къ ней любовью.
А тамъ является она среди Утѣхъ, [178])
Которы ей вездѣ предходятъ,
И вымыслами игръ повсюду производятъ [179])
Въ лицѣ ея пріятный смѣхъ.
А индѣ Граціи Царевну окружаютъ,
Ее различными цвѣтами украшаютъ,
И тихо вкругъ ея летающій Зефиръ
Рисуетъ образъ сей, чтобъ имъ украсить міръ;
Но въ ревности отъ взглядовъ вольныхъ,
Умѣривая умъ любителей свободъ,
Иль будто бы странясь отъ критикъ злокра-
мольныхъ, [180])
Скрываетъ въ спискѣ онъ большую часть красотъ;

И многія изъ нихъ, конечно чудесами, [181])
Предъ Душенькою вдругъ тогда писались сами.
Вездѣ въ чертогахъ тамъ
Царевнинымъ очамъ
Торжественны ей въ честь встрѣчалися предметы: [182])
Вездѣ ея портреты
Являлись по стѣнамъ, [182])
Въ простыхъ уборахъ и нарядныхъ,
И въ разныхъ платьяхъ маскарадныхъ.
Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша: [183])
По образу ль какой Царицы ты одѣта,
Пастушкою ли гдѣ сидишь у шалаша — [184])
Во всѣхъ ты чудо свѣта,
Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ,
И только ты одна прекраснѣе портрета.
Потомство вѣдаетъ, что сей чудесный домъ,
Гдѣ жители тебя усердно обожали, [185])
Сей храмъ твоихъ красотъ Амуры соружали, [185])
Амуры украшали,
Амуры образъ твой повсюду тамъ казали, [186])
Амуры, наконецъ,
Примыслили къ лицу, на всякой образецъ,
Различные уборы,
Могущіе привлечь твои прелестны взоры.
Угоденъ ли какой нарядъ
И надобны ль тебѣ обновы? —
Увидишь, что они готовы,
Что твой уже примѣченъ взглядъ,
И изъ твоей воздушной свиты
Зефиръ пришелъ тебѣ донесть,

Что всѣ обновы были сшиты:
Когда прикажешь ихъ принесть?

Желалъ бы описать подробно
Другія рѣдкости чудесныхъ сихъ палатъ,
Гдѣ все плѣняло взглядъ
И было безподобно;
Но всюду тамъ умомъ
Я Душеньку встрѣчаю,
Прельщаюсь — и потомъ
Палаты забываю.
Не всякъ ли домъ, не всякъ ли край
Ея присутствіемъ преобращался въ рай?
Не ею ль рай имѣлъ и бытность и начало?
И если я сказалъ о сихъ палатахъ мало,
Конечно, въ томъ меня читатели простятъ:
Я долженъ слѣдовать за Душенькою въ садъ,
Куда она влечетъ и мысли всѣхъ и взглядъ.

Въ счастливыхъ сихъ мѣстахъ земля была
нагрѣта [187])
Всегдашнимъ жаромъ лѣта, [187])
И щедро въ круглый годъ
Произращала плодъ
Безъ всякихъ непогодъ.
Толпа къ Царевнѣ слугъ на встрѣчу прилетѣла, [188])
И каждый тщился тамъ не быть при ней безъ
дѣла:
Водить, разсказывать иль просто забавлять.
Весь дворъ вникалъ тому, что Душенька хотѣла, [189])
Побѣгать, погулять; [189])

И въ рощахъ, иль въ садахъ, гдѣ только лишь
являлась,
Ея пришествіемъ натура обновлялась. [190])
Древа склоняли къ ней листы,
Какъ будто бы тогда влеченіе познали, [191])
И тихимъ шумомъ лишь другъ другу возвѣщали
Подъ тѣнію своей Царевны красоты; [191])
И травы и цвѣты,
Раскидываясь вновь въ сей день, для нихъ пріятный,
Удвоили въ садахъ свой запахъ ароматный.
Но болѣ тамъ ясминъ предъ прочими блисталъ,
И гдѣ Царевна шла, на встрѣчу выросталъ. [192])
Она ясминный духъ съ отмѣною любила,
И тѣ цвѣты себѣ въ букетъ употребила.
Счастливый сей букетъ, приколотый на грудь,
Какъ будто оживленъ, клонился къ ней прильнуть. [193])
Приникли хоры птицъ, подслушавъ шумъ древесный,
И за Амурами стремились въ путь извѣстный, [193])
Чтобъ Душеньку увидѣть вблизь:
Однѣ надъ нею вкругъ вились,
Другія передъ ней летали,
И много межъ собой въ семъ днѣ щебетали.
Не видно было тамъ ночныхъ зловѣщихъ птицъ,
Ниже угрюмыхъ лицъ;
Не смѣли приставать сварливые Сатиры, [194])
И вѣяли одни тишайшіе Зефиры. [194])
Фонтаны силились подняться въ высоту,
Чтобъ лучше видѣть имъ Царевны красоту,

Которую толпа окружна заслоняла;
И если Душенька вблизи отъ нихъ гуляла,
Они стремились пасть съ высотъ къ ея ногамъ.
Въ водахъ, плескаючись, Наяды
Нетерпѣливо ждали тамъ
Ея пришествія къ счастливымъ ихъ брегамъ.
Иныя взлѣзли на каскады,
Смотрѣть на путь ея, главы свои поднявъ, [195])
И Душеньку узрѣвъ, бросались къ ней стремглавъ;
Въ семъ общемъ торжествѣ натуры,
И сады каменны надъ токами фигуры,
Отъ удивленія вездѣ разинувъ ротъ,
Изъ внутренностей вдругъ пускали много водъ.
Сей видъ представилъ ей различныхъ тварей родъ
Въ изображеніяхъ неисчислимо многихъ:
Ползущихъ, скачущихъ, пернатыхъ, четверногихъ;
И всѣ творенія и чуды естества
Явилися тогда въ счастливой сей державѣ [196])
Къ услугамъ Душеньки, или къ ея забавѣ,
Иль къ славѣ торжества. [196])
Оттуда шла она въ покрытыя аллеи,
Которыя вели въ густой и темный лѣсъ.
При входѣ тамъ, въ тѣни развѣсистыхъ древесъ,
Открылись новыя художныя затѣи.
Богини, боги, Феи,
Могучіе богатыри
И славные Цари,
Въ быляхъ и въ небылицахъ,
Являлись тамо въ лицахъ,
Съ описаніемъ, откуда кто, каковъ;

И словомъ, то была исторія вѣковъ.
Притомъ услужные Амуры
Различны повѣсти старались разсказать;
И тамо Душенька, среди чудесъ натуры,
Нашла въ явленіяхъ свой родъ, отца и мать;
И съ самой точностью, въ безлюдной сей пустынѣ,
Весь міръ являлся ей какъ будто на картинѣ.
Хотя жъ гуляньe по лѣсамъ
Особо Душенька любила,
И послѣ каждый день ходила,
Со свитой и одна, къ тѣнистымъ симъ мѣстамъ: [197])
Но въ сей начальный день не шла въ густыя рощи,
Иль ради наступившей нощи,
Или, не зря дороги въ лѣсъ,
Боялась всякихъ тамъ чудесъ,
Иль нѣжныя въ ходьбѣ ея устали ноги;
И Душенька оттоль пошла назадъ въ чертоги.
Не стану представлять
Читателю предъ очи
Пріятны сны ея въ послѣдовавши ночи;
Онъ самъ удобно ихъ возможетъ отгадать. [198])
Но дни бывали тамъ причиною разлуки,
И дни, среди утѣхъ, свои имѣли скуки.
По слуху, говорятъ,
Что Душенька тогда пускалася въ нарядъ; [199])
Особо же во дни, когда сбиралась въ садъ,
Со вкусомъ щеголихъ обновы надѣвала.
На свѣтѣ часто слухъ имѣетъ правды складъ:

Прилично было то, чтобъ Душенька гуляла,
И скуку иногда гульбою прогоняла. [199])

Въ одинъ изъ оныхъ дней,
Прошедши въ лѣсъ далече,
Царевна тамъ на встрѣчѣ
Увидѣла ручей,
Который по дубровѣ,
Какъ будто бы на зовъ,
Предъ нею вытекъ вновѣ.
Но красота береговъ,
При токѣ водъ хрустальныхъ,
Скрывалась въ рощахъ дальныхъ.
И обольщенный взоръ
Вела потомъ до горъ,
Откуда чисты токи,
Прервавъ земли упоръ,
Давали ей изъ норъ
Растительные соки.
Тогда открылся гротъ,
Устроенный у водъ
По новому манеру;
Онъ велъ потомъ въ пещеру,
Гдѣ солнечны лучи
Свѣтили лишь при входѣ,
И гдѣ журча ключи,
Подобно какъ въ ночи,
Во мрачнѣйшей свободѣ
Являли скрытый видъ,
Иль таинство въ природѣ.
Исторія гласитъ

И знаютъ то въ народѣ,
Что Душенька, вошедъ
Въ невѣдомый ей слѣдъ,
При темномъ дѣлъ началѣ,
Итти не смѣла далѣ.
Но чудомъ тамо вдругъ,
Безъ всякой дальней рѣчи,
Невидимо супругъ
Схватилъ ее подъ плечи,
И въ самой темнотѣ,
На нѣкой высотѣ,
Изъ дерновъ зеленистыхъ,
При токахъ водъ ручьистыхъ,
Съ собою посадилъ
И много говорилъ
И прозой, и стихами,
Какъ водится межъ нами.
Не вѣдаетъ никто,
Въ какихъ словахъ на то
Царевна отвѣчала;
Извѣстно только намъ,
Что послѣ къ симъ мѣстамъ
Дорожку протоптала.
Съ тѣхъ поръ Царева дочь
Часы и въ день и въ ночь
Съ супругомъ провождала,
И болѣ всѣхъ охотъ
Любила темный гротъ.
Когда же застигалась
Ночною темнотой,
То вмѣстѣ возвращалась

Съ супругомъ въ свой покой.
Тогда воздушна колесница
Несла ихъ въ облакѣ густомъ
Подъ темнымъ нѣкакимъ шатромъ;
И каждый день сихъ мѣстъ Царица,
Спокоенная сладкимъ сномъ,
Пускалась въ прежній путь потомъ,
Изъ дома въ гротъ, изъ грота въ домъ.

Но разумъ требуетъ себѣ часовъ свободы,
Скучаетъ проводить въ любови цѣлый день.
Царевна, слѣдуя уставу въ томъ природы,
Тогда изобрѣла потѣхъ различны роды,
Амуровъ съ Нимфами веселы хороводы,
И жмурки, и плетень,
Со всякими играми,
Какія и до днесь остались между нами.
Амуры наконецъ старались изобрѣсть,
По вкусу Душеньки, комедіи, балеты,
Концерты, оперы, забавны опереты
И все, что острый умъ удобенъ произвесть,
Въ счастливыхъ дняхъ и безмятежныхъ, [200])
Къ утѣхамъ чувствій нѣжныхъ. [200])
Во Греціи Менандръ, во Франціи Мольеръ,
Кино, Детушъ, Реньяръ, Руссо и самъ Вольтеръ,
Въ Россіи наконецъ подобный врагъ пороковъ, [201])
Писатель нашихъ дней, почтенный Сумароковъ, [201])
Театру Душеньки старались подражать,
И въ позднихъ лишь вѣкахъ могли изображать
Различны дѣйствія натуры,
Какія въ первый разъ явили тамъ Амуры.

По чтобы длился веселья безъ помѣхъ, [202])
Печальный всякій видъ смертей, скорбей, измѣны
Не вѣдомъ былъ въ раю, гдѣ царствовалъ лишь
смѣхъ, [202])
И гдѣ, среди утѣхъ,
Оставленъ былъ кинжалъ плачевной Мельпомены. [203])
Царевна, съ возрастомъ познательнѣйшихъ
лѣтъ,
Знакомый прежде ей любила видѣть свѣтъ
И часто, дѣтскія оставивши забавы,
Желала болѣ знать людскіе разны нравы,
И кто, и какъ живалъ, и съ пользой, или нѣтъ; [204])
Сіи познанія о каждомъ человѣкѣ
Легко могла найти въ своей библіотекѣ.
Великая громада книгъ,
И малыхъ, и большихъ,
Ее отъ чтенія вначалѣ отвращала;
Но скоро Душенька узнала,
Что разумъ ко всему возможно пріучать,—
Узнала дѣльный смыслъ отъ шутокъ отличать,
Судить и примѣчать.
Въ исторіяхъ правдивыхъ
Довольное число нашла прибавокъ лживыхъ.
Въ писателяхъ системъ
Нашла, при всякой смѣси,
Довольно вздорной спѣси,
Хоть часто ихъ предлогъ не кончился ни чѣмъ.
Нечаянно же ей во оной книгъ громадѣ
Одну трагедію случилось развернуть:
Писатель тщился тамъ слезами всѣхъ тронуть, [205])

И тамъ любовница, въ печальнѣйшемъ нарядѣ, [205])
Не зная, что сказать, кричала часто: ахъ!
Но чѣмъ и какъ въ бѣдахъ [206])
Ея вершился страхъ?
Она, сказавъ люблю, бѣжала изъ покоя, [207])
И ахать одного оставила героя.

Царевна тамъ взяла читать еще стихи, [208])
Но ихъ читаючи, какъ будто за грѣхи,
Узнала въ первый разъ уполненную скуку [209])
И, бросивъ ихъ подъ столъ, притомъ ушибла руку. [209])
Поспился послѣ слухъ, что будто наконецъ
Несчастныхъ сихъ стиховъ творецъ,
Указомъ Аполлона,
Навѣки согнанъ съ Геликона;
И будто Душенька, боясь подобныхъ скукъ, [210])
Иль ради сохраненья рукъ,
Стиховъ съ недѣлю не читала, [211])
Хотя любила ихъ, и нѣкогда слагала. [211])
Во время такова изгнанія стиховъ, [212])
Когда не члися тамъ ни пѣсни къ ней, ни оды,
Желала посмотрѣть Царевна переводы [212])
Извѣстнѣйшихъ творцовъ;
Но часто ихъ тогда она не разумѣла, [213])
И для того велѣла
Исправнымъ слогомъ вновь Амурамъ перевесть, [214])
Чтобъ можно было ихъ безъ тягости прочесть.
Зефиры наконецъ Царевнѣ приносили
Различные листки, которые на свѣтъ
Изъ самыхъ древнихъ лѣтъ

Между полезными предерзко выходили,
И кипами грозили
Тягчить усильно Геликонъ.
Царевна, знавъ, кому не вѣдомъ былъ законъ, [215])
Листомарателей свободъ не нарушала,
Но ихъ твореній не читала.
Уже три года такъ Царевна провождала,
И долѣ бъ такъ жила, когда бъ сей свѣтлый рай [215])
Желаніямъ ея возмогъ содѣлать край;
Но любопытный умъ, при всякой въ жизни волѣ,
Нерѣдко слабостью бываетъ въ женскомъ полѣ.
Царевна, распознавъ
Супруга своего пріятный умъ и нравъ,
О немъ желала вѣдать болѣ:
Во всѣхъ свиданьяхъ съ нимъ, по днямъ и по почамъ,
И въ облачномъ полетѣ,
Просила съ жалобой, чтобъ онъ ея очамъ
Явилъ себя при свѣтѣ.
Вотще супругъ всегда Царевну увѣрялъ,
Что онъ себя скрывалъ
Для слѣдствій самыхъ важныхъ;
Вотще ей знать давалъ,
Что онъ не могъ никакъ нарушить словъ присяжныхъ,
И Стиксомъ клялся въ томъ богамъ. [216])
Царевна Стиксомъ насмѣхалась,
И часто удержать старалась
Супруга въ домѣ по утрамъ, [217])
И часто, силяся безъ мѣры,

На свѣтъ тащила изъ пещеры;
Но онъ изъ рукъ ея тогда,
Какъ вѣтеръ, уходилъ невѣдомо куда.
Въ другія времена такіе нѣжны споры
Раждали бъ радости намѣсто дальней ссоры;
Но Душенькинъ супругъ тогда нерѣдко былъ
Задумчивъ и уныль,
И часто повторялъ угрюмы разговоры,
Являя ей тщету и свѣта и похвалъ.
Впослѣдокъ Душеньку въ слезахъ увѣщавалъ, [218])
Чтобы, храня завѣтъ среди утѣхъ любовныхъ,
Боялась въ томъ измѣнъ отъ самыхъ даже кровныхъ;
Что зависть ей бѣды возможетъ нанести,
И если судитъ такъ предѣлъ боговъ верховныхъ,
Ее отъ лютыхъ золъ не можетъ онъ спасти. [218])
Вздохнувъ по Душенькѣ въ боязняхъ толь суровыхъ, [219])
Супругъ едва тогда изъ дома отлетѣлъ;
Какъ нѣкакій Зефиръ, посыланный для дѣлъ,
Принесъ отвсюду къ ней пуки извѣстій новыхъ.
Она увѣдала, что двѣ ея сестры
Пришли искать ее у страшной той горы,
Откуда нѣкогда счастливѣйшимъ Зефиромъ
Она вознесена во области надъ міромъ; [219])
Что тамо, подъ горой, изъ множества пещеръ
Стращаютъ ихъ Драконы,
И что онъ могъ принесть Царевнѣ отъ сестеръ
Вѣрнѣе всѣхъ вѣстей и письма, и поклоны.
Зефиръ! Зефиръ! когда бъ ты зналъ

Сихъ злобныхъ сестръ коварны лести,
Конечно бы, тогда скрывалъ [220])
Для Душеньки такія вѣсти!
Почто не встрѣтился какой либъ скорый Духъ, [221])
Кому бы вѣдомъ былъ о томъ подробный слухъ,
И кто бы, при такой отъ кровныхъ ей измѣнѣ, [221])
Зефиру могъ сказать, чтобъ онъ болталъ поменѣ?

Но воля въ томъ была Небесъ,
Чтобы Зефиръ, безъ всякой встрѣчи,
По воздуху ловя на свѣтѣ всяки рѣчи,
Къ Царевнѣ съ вѣтромъ ихъ принесъ;
И такъ уставили злодѣющи ей боги,
Чтобъ сестръ она потомъ взяла къ себѣ въ чертоги.

Обыкши Душенька любить родную кровь
И должную хранить къ сестрамъ своимъ любовь,
Супружніе тогда забыла всѣ совѣты:
Зефиру тотъ же часъ, скорѣе какъ ни есть,
Сестеръ передъ себя велѣла въ рай привезть. [222])
Не видя жъ ни какой коварства ихъ примѣты,
Желала показать
Наряды, и парчи, и камни, и кровать,
И домъ, и всѣ пожитки,
И съ ними раздѣлить своихъ богатствъ избытки.
Богатство мало веселитъ, [223])
Когда о томъ никто не знаетъ,
И радость только тотъ вкушаетъ,
Съ другими кто ее дѣлитъ. [223])

Не въ долгомъ времени Царевны къ ней
предстали
И обѣ Душеньку со счастьемъ поздравляли,
И за руку трясли, и крѣпко обнимали,
И радость изъявляли
Съ усмѣшкой на лицахъ.
Но зависть весь свой ядъ простерла въ ихъ сердцахъ, [224])
Представя ихъ очамъ, какъ будто грѣхъ натуры, [224])
Что младшая сестра за красоту свою
Живетъ, господствуя въ прекраснѣйшемъ раю,
И тамо служатъ ей Зефиры и Амуры. [225])
Къ тому сказала имъ Царевна съ хвастовствомъ, [225])
Что тамъ живетъ она въ союзѣ съ божествомъ,
И что супругъ ея любезнѣй Аполлона,
Прекраснѣй Купидона;
Что онъ изъ смертныхъ всѣхъ красотъ
На выборъ взялъ ее въ супруги;
Что отдалъ ей во власть летучій свой народъ,
И рай въ ея услуги. [226])
Такая похвала была ли безо лжи?
Читатель вѣдаетъ, когда кого мы любимъ,
О томъ съ прибавкой правду трубимъ.
«Да гдѣ жъ супругъ, скажи?.....»
Не зная, что сказать и какъ себя оправить, [227])
Сестрамъ своимъ въ отвѣтъ
Царевна, покраснѣвъ, сказала: «дома нѣтъ.»
Но какъ она притомъ старалась ихъ забавить,
Легко тогда могли онѣ себѣ представить,

Что Душенькинъ супругъ
Имѣетъ въ небѣ рай, и тронъ, и много слугъ,
И младость и красу, и радость безъ печали,
И Душеньку на жизнь вознесъ въ небесный кругъ;
И то, чего онѣ не знали, не видали, [227])
Завидуя сестрѣ, легко воображали, [228])
И съ горькой жалобой промежъ собой шептали:
«За что супруга ей Судьбы такого дали? [228])
«А мы и на земли
«Едва мужей нашли: [229])
«И тѣ какъ дѣды стары,
«И памъ негодны въ пары.» [230])
И, завистью дыша,
Царевны Душеньку нещадно тутъ хулили
И съ повтореніемъ впослѣдокъ говорили, [231])
Что Душенька была отнюдь не хороша.

Злоумна ненависть, судя повсюду строго, [232])
Очей имѣетъ много,
И видитъ сквозь покровъ закрытыя дѣла.
Вотще отъ сестръ своихъ Царевна ихъ скрывала,
И день, и два, и три притворство продолжала, [233])
Какъ будто бы она супруга въявь ждала:
Сестры темнили видъ, подъ чѣмъ онъ былъ не явенъ.
Чего не вымыслитъ коварная хула?
Онъ былъ, по ихъ рѣчамъ, и страшенъ и злонравенъ,
И, вѣрно, Душенька съ чудовищемъ жила.
Совѣты скромности въ сей часъ она забыла;
Сестры ли въ томъ виной, Судьба ли то, иль рокъ,

Иль Душенькинъ то былъ порокъ,
Она, вздохнувъ, сестрамъ открыла,
Что только тѣнь одну въ супружествѣ любила; [233])
Открыла, какъ и гдѣ приходитъ тѣнь на срокъ,
И происшествія подробно разсказала;
Но только лишь сказать не знала,
Каковъ и кто ея супругъ:
Колдунъ, иль змѣй, иль богъ, иль Духъ.
Коварныя сестры тогда, съ лицомъ усмѣшнымъ,
Взглянулись межъ собой,—и сей лукавый взглядъ,
Удвоивъ лести ядъ, [234])
Который былъ прикрытъ пріязни видомъ внѣшнимъ. [234])
Онѣ, то съ жалостью, то съ гнѣвомъ и стыдомъ,
И съ нѣкимъ ужасомъ сестрѣ внушить старались,
Что въ страшныхъ сихъ мѣстахъ всего онѣ боялись, [235])
Что тамо былъ неистовъ домъ; [235])
Что въ немъ живутъ, конечно, змѣи,
Или злотворны чародѣи,
Которые, устроивъ рай
И всѣ возможныя забавы,
Манятъ людей въ сей чудный край [236])
Для сущей ихъ отравы.
Къ тому прибавили, что будто въ сторонѣ
По утру видѣли онѣ
Съ домоваго балкона,
Надъ гротомъ, въ воздухѣ подобіе Дракона,

И будто бъ тамъ леталъ съ рогами страшный
змѣй,
И будто бъ искры тамъ онъ сыпалъ изъ ноз-
дрей, [237])
И въ рощѣ, наконецъ, склонясь у горъ къ партеру,
При ихъ глазахъ поползъ, согбаючись, въ пещеру.
Царевны впослѣди вмѣшали въ разговоръ
Безчестье и позоръ [238])
На будущіе роды,
Когда пойдутъ отъ ней нелѣпые уроды, [239])
Иль чуды, съ коими не можно будетъ жить,
И кои будутъ міръ страшить.

Во многомъ Душеньку увѣрить было трудно;
Но правда, что она сама свой тайный бракъ
Почесть не знала какъ:
Ея замужство ей всегда казалось чудно.
Зачѣмъ бы сей супругъ скрывался отъ людей,
Когда бы не былъ змѣй, [240])
Иль лютый чародѣй?
Впослѣдокъ Душенька въ задумчивости мнила, [241])
Что нѣкая въ дому нечистовая сила
Ее обворожила;
Что мужъ ея, какъ змѣй, какъ самый хищный
тать, [242])
При свѣтѣ никому не смѣлъ себя казать;
Что онъ не могъ имѣть ни вѣры, ни закона,
И хуже былъ Дракона. [242])
Царевна въ сей прискорбный часъ
Забыла райскія утѣхи;
Замолкъ пріятныхъ пѣсень гласъ,

Уныли Радости и Смѣхи.
Злотворныхъ сестръ и рѣчь и взглядъ
Простерли мрачной скуки ядъ.
Амуры вдругъ вострепетали,
И съ плачемъ далѣ отлетали
Отъ сихъ любимыхъ имъ палатъ.
Царевна тамъ одна съ сестрами
Въ свободѣ продолжала рѣчь,
И непремѣнными Судьбами
Сихъ словъ никто не могъ стеречь:
«Могу ль я въ свѣтѣ жить?» Царевна говорила:
«Постылъ мнѣ мужъ и жизнь постыла.
«Несчастна Душенька! ты мнила быть въ раю,
«И участь выше всѣхъ считала ты свою;
«Но, съ родомъ разлучась, и внѣ земнаго круга,
«Кого имѣешь ты супруга? —
«Волшебный лишь призракъ,
«Который дѣластъ позорнѣйшимъ твой бракъ
«И ужасаетъ всѣхъ сокрытымъ вѣроломствомъ.
«Кого впослѣдокъ ты должна имѣть потомствомъ?
«Чудовищъ, аспидовъ, иль змѣй какихъ нибудь.
«Но если тако мнѣ предписано Судьбами,
«Скорѣе мечъ вонжу въ мою несчастну грудь.
«Любезныя сестры! навѣкъ прощаюсь съ вами.
«Скажите всѣмъ роднымъ подробными словами,
«Что знали отъ меня, что видѣли вы сами; [243])
«Скажите, что я здѣсь обманута была;
«Что я стыжуся жить..... скажите: умерла!» [243])
Сестры, какъ бы уже за злобу казней ждали,
Совѣтами тогда Царевнѣ представляли,
Что красныхъ дней ея безвременный конецъ

Отъ наглой хищности вселенну не избавитъ:
А послѣ, можетъ быть, толь лютыхъ золъ творецъ [244])
И всѣхъ ея родныхъ пожретъ, или удавитъ; [244])
И что, вооружась на жизнь свою, она
Должна предъ смертью сей, какъ честная жена,
Въ удобный сонный часъ убить бы колдуна. [245])
Но сей поступокъ былъ для Душеньки опасенъ,
Противенъ и ужасенъ:
Чуждалася она злодѣйственныхъ смертей [246])
И жалость завсегда господствовала въ ней; [246])
И, можетъ быть, любовь, какой она стыдилась,
Еще въ груди ея таилась. [247])
Убійственный совѣтъ Царевна получа,
Представила въ словахъ мятущихся и косныхъ,
Что въ домѣ не было меча,
Ниже какихъ нибудь орудій смертоносныхъ:
И какъ убить въ ночи пустую только тѣнь,
Котора исчезаетъ въ день?
И гдѣ достать къ сему наряду
Съ огнемъ фонарь, или лампаду?
Въ сіи печальны дни
Зефиры съ вечера гасили всѣ огни. —
Сестры рѣшительно и смѣло отвѣчали [248])
На Душенькину рѣчь,
Что тотчасъ принесутъ надежный самый мечъ, [249])
И вмѣстѣ принести лампаду обѣщали.
Пріятна ль ей была готовность сихъ услугъ, [250])
Примѣтить было льзя изъ словъ ея печальныхъ:
Смущенна Душенька тогда безъ мыслей дальныхъ [251])

Желала только знать, каковъ ея супругъ,
И взоры обращая къ саду,
Идущихъ сестръ своихъ просила много разъ
Не позабыть лампаду.

Уже Зефирамъ данъ приказъ
Нести сихъ сестръ къ земному шару,
Припрягши въ путь Бореевъ пару.
Онѣ, летя изъ міра въ міръ,
Мѣшаютъ съ воздухомъ эѳиръ,
И съ бурею, дождемъ и громомъ
Являются предъ нѣкимъ домомъ:
То былъ Кащеевъ арсеналъ,
Гдѣ съ самыхъ древнихъ лѣтъ держался
Волшебный мечъ, или кинжалъ,
Которымъ Геркулесъ сражался,
Когда чудовищъ поражалъ.
Сей мечъ единымъ сильнымъ махомъ
У Гидры девять главъ отсѣкъ;
Сей мечъ хранился тамъ подъ страхомъ,
И въ сказкахъ названъ Самосѣкъ.
Онъ въ крѣпкихъ былъ стѣнахъ закладенъ,
Но купленъ ли, или просто взятъ,
Или былъ оттоль тогда украденъ,
Писатели о томъ молчатъ.
Извѣстно только нынѣ въ свѣтѣ,
Что точно онъ блисталъ въ полетѣ; [252])
Что двѣ Царевны, отъ земли
Принявъ воздушныя дороги,
Сей мечъ въ Амуровы чертоги
Тогда съ лампадой увезли

И скоро съ Душенькой простились,
И скоро въ путь домой пустились. [252])

О, если бъ вѣдала несчастна Царска дочь,
Колико вредны ей сей мечъ, сія лампада!
Амуры ей могли ль совѣтами помочь? [253])
Она бѣжала ихъ присутствія и взгляда,
И въ мысляхъ будущу имѣла только ночь.

Свѣтило дневное уже склонилось къ лѣсу,
Надъ домомъ черную простерла ночь завѣсу,
И купно съ темнотой
Ввела Царевнина супруга къ ней въ покой,
Въ которомъ скрылося несчастно непокорство.
И если повѣсти не лгутъ,
Прекрасна Душенька употребила тутъ
И разумъ, и проворство,
И хитрость, и притворство,
Какія свойственны женамъ,
Когда онѣ, дѣла имѣя по ночамъ,
Скорѣе какъ нибудь даютъ покой мужьямъ.
Но хитрости ль ея въ то время успѣвали, [254])
Иль самъ клонился къ сну грызеніемъ печали,
Онъ мало говорилъ, вздохнулъ, [255])
Зѣвнулъ,
Заснулъ.

Тогда Царевна осторожно
Встаетъ толь тихо, какъ возможно,
И низу, по тропѣ златой,
Едва касается пятой,

Выходитъ въ нѣкакій покой,
Гдѣ многія отъ глазъ преграды
Скрывали мечъ и свѣтъ лампады.
Потомъ, съ лампадою въ рукахъ,
Идетъ назадъ, на всякій страхъ,
И съ воображеніемъ печальнымъ, [256])
Скрываетъ мечъ подъ платьемъ спальнымъ;
Идетъ, и медлитъ на пути,
И ускоряетъ вдругъ ступени,
И собственной боится тѣни,
Бояся змѣя тамъ найти.
Межъ тѣмъ въ чертогъ супружній входитъ.
Но кто представился ей тамъ?
Кого она въ одрѣ находитъ? [257])
То былъ..... но кто?.... Амуръ былъ самъ:
Сей богъ, властитель всей натуры,
Кому покорны всѣ Амуры.
Онъ въ крѣпкомъ снѣ, почти нагой,
Лежалъ, раскинувшись въ постелѣ,
Покрытъ тончайшей пеленой,
Котора сдвинулась долой,
И частью лишь была на тѣлѣ.
Склонивъ лице ко сторонѣ,
Простерши руки обоюду,
Казалось, будто бы во снѣ [258])
Онъ Душеньку искалъ повсюду.
Румянецъ розы на щекахъ,
Разсыпанный поверхъ лилеи,
И бѣлы кудри въ трехъ рядахъ,
Вьючись вокругъ бѣлѣйшей шеи,
И складъ, и нѣжность всѣхъ частей,

Въ виду, во всей красѣ своей,
Иль кои крылися отъ вида,
Могли унизить Адонида,
За коимъ нѣкогда, влюбясь,
Сама Венера, въ дождь, и въ грязь,
Бѣжала въ дикія пустыни,
Сложивъ величество богини.

Таковъ открылся богъ Амуръ, [259])
Таковъ, иль былъ тому подобенъ,
Прекрасенъ, бѣлъ и бѣлокуръ,
Хорошъ, пригожъ, къ любви способенъ,
Но въ мысляхъ вольныхъ безъ препятствъ,
За сими краткими чертами,
Читатели представятъ сами,
Каковъ явился богъ пріятствъ [260])
И Царь надъ всѣми красотами.

Увидя Душенька прекрасно божество, [261])
На мѣсто аспида, котораго боялась,
Видѣніе сіе почла за колдовство,
Иль сонъ, или призракъ, и долго изумлялась;
И видя наконецъ, какъ каждый видѣть могъ,
Что былъ супругъ ея прекрасный самый богъ, [262])
Едва не кинула лампады и кинжала,
И позабывъ тогда свою приличну стать, [263])
Едва не бросилась супруга обнимать,
Какъ будто бъ никогда его не обнимала.
Но удовольствіемъ алкающихъ очей [264])
Остановлялась тутъ стремительность любовна; [264])
И Душенька тогда, недвижна и безсловна,

Считала ночь сію пріятнѣй всѣхъ ночей.
Она не разъ себя въ семъ дивѣ обвиняла, [265])
Смотря со всѣхъ сторонъ, что только зрѣть могла,
Почто къ нему давно съ лампадой не пришла,
Почто его красотъ заранѣ не видала, [265])
Почто о богѣ семъ въ незнаніи была,
И дерзостно его за змѣя почитала?
Впослѣдокъ Царска дочь,
Въ сію пріятну ночь
Дая свободу взгляду,
Приблизилась, потомъ приблизила лампаду,
Потомъ, нечаянной бѣдой,
При семъ движеніи, и робкомъ и несмѣломъ,
Держа огонь надъ самымъ тѣломъ,
Трепещущей рукой
Небрежно надъ бедромъ лампаду наклонила,
И масла часть проливъ оттоль,
Ожогою бедра Амура разбудила. [266])
Почувствуя жестоку боль, [266])
Онъ вдругъ вздрогнулъ, вскричалъ, проснулся, [267])
И боль свою забывъ, отъ свѣта ужаснулся;
Увидѣвъ Душеньку, увидѣвъ также мечъ,
Который изъ-подъ плечъ
Къ ногамъ тогда скользнулся,
Увидѣлъ онъ вины,
Или признаки винъ зломышленной жены;
И тщетно тутъ она желала
Сказать несчастья всѣ сначала, [168])
Какія въ выправку сказать ему могла: [268])

Слова въ устахъ остановлялись;
И свѣтъ, и мечъ въ винахъ уликою являлись,[269])
И Душенька тогда, упадши, обмерла.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Бывала Душенька веселостей душою,[270])
Бывала Душенька большою госпожою;
Бывало, въ прошлы дни, подъ кровомъ у небесъ,
Когда бъ лишь капля слезъ
Изъ глазъ ея сверкнула,
Или бы Душенька о чемъ нибудь вздохнула,
Или бъ поморщилась, иль только бы взглянула,—
Въ минуту бъ для ея услугъ
Полки духовъ явились вкругъ,
Съ водами, спиртами, изъ разныхъ краевъ свѣта;
И самъ бы Эскулапъ, хотя далеко жилъ,
Тотчасъ бы сысканъ былъ,
Пощупать, посмотрѣть, иль просто для совѣта,
И всю бъ свою для ней науку истощилъ.
Когда же во дворѣ разсѣялися слухи,[271])
Что Душенька въ раю преслушала законъ,
И что ее за грѣхъ оставилъ Купидонъ:
Оставили ее и всѣ прислужны духи.

Зефиры не были въ числѣ невѣрныхъ слугъ:
Сіи, за Душенькой старшины волокиты,
Одни остались изъ всей придворной свиты,
Которые вдали надъ ней летали вкругъ.
Но всѣмъ извѣстно то, Зефиры были вѣтры, [272])
И были такъ легки, какъ наши петиметры: [272])
Увидѣвъ красоты, что прежъ сего цвѣли,
Увидѣвъ ихъ тогда поблекшы, бездыханны,
Зефиры не могли
Въ привязанности быть надолго постоянны [273])
И, кинувъ Царску дочь,
Летѣть пустились прочь.
Красавицы двора, которы ей служили,
Хотя, казалося, объ ней тогда тужили,
Но каждая изъ нихъ имѣла красоты,
Имѣла собственны дѣла и суеты,
Стараяся, ища, ласкаясь, уповая:
Авось либо творецъ прекраснѣйшаго рая,
Авось либо сей богъ веселій и утѣхъ,
Оставивъ Душеньку за дурость и за грѣхъ, [274])
И вспомнивъ древнюю ихъ вѣрность и услугу, [274])
Впослѣдокъ кинетъ взоръ
На собственный свой дворъ,
И, можетъ быть, изъ нихъ возьметъ себѣ супругу;
И каждая, хваля начальницу свою,
Желала быть сама начальницей въ раю.

Амуры болѣ всѣхъ къ Царевнѣ склонны
были: [275])
По старой памяти всегда ее любили,
И видя злую съ ней напасть,

Усердно ей помочь хотѣли;
Но чтя покорно вышнюю власть, [276])
Въ то время къ ней отнюдь приблизиться не смѣли.
Иль, можетъ быть, и такъ они, предвидя впредь
Ея несчастья и печали,
Судили легче ей въ сей долѣ умереть, [276])
И ей изъ жалости тогда не помогали.
Они увидѣли, увы! въ тотъ самый часъ
Зефирамъ на вѣтру написанный приказъ. . . .
Амуры съ Душенькой разстались, возрыдали
И только взорами ее препровождали.
Зефиры Царску дочь обратно унесли
Изъ горнихъ мѣстъ къ земли,
Туда, откуда взяли,
И тамъ
Оставили полмертву,
Какъ будто лютымъ львамъ
И аспидамъ на жертву.
Умри, красавица, умри! твой сладкій вѣкъ
Съ минувшимъ днемъ уже протекъ;
И если смерть тебя отъ бѣдствій не избавитъ, [277])
Сей свѣтъ, гдѣ ты досель равнялась съ божествомъ,
Отнынѣ въ скорбь тебѣ наполненъ будетъ зломъ, [277])
И всюду горести за горестьми представитъ.
Тебя къ терпѣнію оставилъ Купидонъ; [278])
Твой рай, твои утѣхи,
Забавы, игры, смѣхи,

Съ ихъ временемъ прошли, прошли какъ будто сонъ. — [279])
Вкусивши сладости, когда кто ихъ лишился,
И точно вѣдаетъ ихъ цѣну и уронъ, [279])
И болѣ кто любя, съ любимымъ разлучился
И радости себѣ уже не частъ впредь, [280])
Легко восчувствуетъ, безъ дальнѣйшаго слова, [280])
Что лучше Душенькѣ въ сей долѣ умереть.
Но гнѣвная Судьба была къ ней толь сурова, [281])
Что сколь бы грозныхъ Паркъ на помощь ни звала
И какъ бы смерти ни искала,
Судьба назначила, чтобъ Душенька жила [282])
И въ жизни бы страдала.

По нѣсколькихъ часахъ,
Какъ вымытый въ водахъ
Румяный ликъ Авроры
Выглядывалъ на горы,
И Фебъ дружился съ ней на синихъ небесахъ;
Иль такъ сказать въ простыхъ словахъ:
Какъ день явился послѣ ночи,
Очпулась Душенька, открыла ясны очи,
Открыла... и едва опять не обмерла,
Увидѣвъ, гдѣ и какъ тогда она была.
На мѣсто божескихъ, прекраснѣйшихъ селеній,
Гдѣ Смѣховъ, Игръ, Забавъ и всякихъ слугъ соборъ
Старался примѣчать и мысль ея и взоръ,
И ей услуживать, не ждавши повелѣній,
На мѣсто всѣхъ въ раю устроенныхъ чудесъ,

Увидѣла она подъ сводами небесъ
Вокругъ пустыню, гору, лѣсъ,
Пещеры аспидовъ, звѣриныя берлоги,
У коихъ нѣкогда жрецы и сами боги,
И самъ отецъ ея, сама Царица-мать,
Оставили ее судьбы своей искать,
Искать себѣ чести, не вѣдая дороги.
Увидѣла она, при утренней зарѣ,
Въ ужасной сей пустынѣ,
На самой той горѣ,
Куда, по повѣстямъ, вездѣ извѣстнымъ нынѣ,
Ни звѣрь не забѣгалъ,
Ни птицы не летали,
И гдѣ, казалося, лишь страхи обитали,
Увидѣла себя безъ райскихъ покрывалъ,
Лежащу въ платьицѣ простомъ и ненарядномъ,
Въ какое Душеньку, въ несчастьѣ безприкладномъ,
Оставивъ выкладки и всякія махры,
Родные нарядили,
Когда на верхъ горы
Ее препроводили.
Хотя же Душенька, привыкнувши къ бѣдамъ,
Ко страху и несчастью,
Могла бы ожидать себѣ отрады тамъ
Боговъ хранителей вездѣ присущной властью,
И вѣря всякимъ чудесамъ,
Могла бъ въ ихъ помощи легко себя увѣрить
И нѣсколько бы тѣмъ печаль свою умѣрить; [283])
Но Душенька дотоль въ раю
Была супругою Амура,

И участь Душенька свою
Утратила потомъ какъ дура, [284])
Утратила любовь превыше всѣхъ утѣхъ,
Любовь пѣжнѣйшаго любовника и друга,
Иль паче божества подъ именемъ супруга.
Проступокъ свой тогда вмѣняя въ крайній грѣхъ, [285])
Жарчайшею къ нему любовью пламенѣла: [285])
Стократъ она, въ поправку дѣла,
Прощенія просить хотѣла
У мужа, у боговъ, у каждаго и всѣхъ,
Но способовъ къ тому въ пустынѣ не имѣла:
Въ пустынѣ сей никто, ни человѣкъ, ни богъ,
Ни видѣть слезъ ея, ни слышать словъ не могъ.
Амуръ въ сей часъ надъ ней невидимо взвивался,
Тая свою печаль во мракѣ черныхъ тучъ;
И если проницалъ къ нему надежды лучъ,
Надеждой Душеньку утѣшить онъ боялся.
Онъ ею тайно любовался, [286])
Поступки онъ ея украдкой примѣчалъ, [286])
Ее другимъ богамъ въ сохранность поручалъ,
И извиняя въ ней поспѣшность всякой вѣры, [287])
Приписывалъ вину одной ея сестрамъ.
Извѣстно то, что онъ, по проискамъ Венеры,
Царевну долженъ былъ тогда предать Судьбамъ, [288])
И что въ толико лютой части,
Спасая жизнь ея отъ злобствующей власти,
Какою ей тогда Венерина гнѣвъ грозилъ,
Противу склонности повсюду ухищрялся, [289])
Противъ желанія повсюду притворялся, [289])

Какъ будто бъ онъ уже Царевну не любилъ:
Не смѣя же ей самъ явить свои прислуги,
Онъ Эху той округи
Строжайшій далъ приказъ,
Чтобъ Эхо всяку рѣчь Царевнину внимало
И громко повторяло
Слова ея сто разъ.

«Амуръ, Амуръ!» она вскричала.... [290])
И можетъ быть, что рѣчь еще бы продолжала,
Какъ нѣкій бурный шумъ средь облакъ, въ оный часъ,
На время прекратилъ ея плачевный гласъ.
На вопль отчаянной супруги,
Который поразилъ и горы и лѣса
Печальной сей округи,
Который Эхо тамъ, во многи голоса,
Несло наперехватъ подъ самы небеса;
Амуръ, предавшися движенью нѣкой страсти,
Забывъ жестоку боль бедра
И все, что было съ нимъ вчера,
Едва не позабылъ уставы вышней власти, [291])
Едва не бросился съ высокихъ облаковъ
Къ ногамъ возлюбленной, безъ всякихъ дальнихъ словъ:
Съ желаньемъ навсегда отнынѣ
Оставить пышности небесъ
И съ нею жить въ глухой пустынѣ,
Хотя бъ то былъ дремучій лѣсъ.
Но вспомнивъ нѣжный богъ, въ жару своихъ желаній,

Несчастливый предѣлъ толь лестныхъ упованій[292])
И гибель Душеньки, строжайшимъ ей судомъ,[292])
Грядущую потомъ
Умѣрилъ страсть свою, вздохнулъ, остановился
И къ Душенькѣ съ высотъ во славѣ онъ спустился:
Предсталъ ея глазамъ,[293])
Предсталъ... и такъ какъ богъ явился;
Но, въ угожденіе Венерѣ и Судьбамъ,
Воззрѣлъ на Душеньку суровыми очами,
И такъ какъ бы ее оставилъ онъ навѣкъ,[294])
Гнѣвливымъ голосомъ, съ презоромъ произрекъ
Строжайшую ей часть, предписанну богами:[294])
«Имѣй» сказалъ онъ ей «отнынѣ госпожу,
Отнынѣ будешь ты Венерипой рабою,[295])
Отнынѣ не могу дѣлить утѣхъ съ тобою...
Но злобныхъ сестръ твоихъ я болѣ накажу.»

«Амуръ, Амуръ!» опять Царевна возгласила...
Но онъ, при сихъ словахъ,
Не внемля, что она прощенія просила,
Сокрылся въ облакахъ.
Сокрылся и потомъ въ небесный путь пустился,
И болѣ не явился.
Болтливы Эхи дальнихъ мѣстъ,
Которы, можетъ быть, наукой отъ Венеры,
Подслушивали рѣчь изъ ближней тамъ пещеры,
И видѣли его свиданье и отъѣздъ,
Впослѣдокъ разнесли такую въ міръ огласку,
За быль, или за сказку,

За правду ль, иль прилогъ,
Что будто, чувствуя жестокую ожогу,
Амуръ прихрамывалъ на раненую ногу;
И будто бы сей богъ,
Сбираясь къ небесамъ въ обратную дорогу,
Лучемъ своимъ и самъ Царевну опалилъ
И множество древесъ симъ жаромъ повалилъ.
Но какъ то ни было, любовиль нѣжной сила, [296])
Или особая господствующа власть,
Содѣлывала въ ней мучительную страсть: [296])
Супружню всю она суровость позабыла, [297])
Лишь только помнила, кого она любила [297])
И дерзостью своей чего себя лишила.
Чего ей ждать тогда осталось отъ Небесъ?
Въ отчаянья, проливъ потоки горькихъ слезъ, [298])
Наполнивъ воплями окружный долъ и лѣсъ,
«Прости, Амуръ, прости!» Царевна вопіяла—
И въ тотъ же часъ лихой,
Бездонну рытвину увидѣвъ подъ горой, [299])
Съ вершины въ пропасть рва пуститься предпріяла: [299])
Пошла, заплакала, съ платочкомъ на глазахъ,
Вздохнула, ахнула, . . . и бросилась въ размахъ.
Амуръ оставилъ ли Зефировъ безъ наказа,
Велѣлъ ли Душеньку стеречь на всѣхъ горахъ,
Читатель можетъ самъ увидѣть то въ дѣлахъ.
Въ тотъ часъ и въ тотъ моментъ усердный Скоромахъ,
Зефиръ, слуга ея при вѣтреныхъ путяхъ, [300])
Увидѣлъ Царску дочь въ толь видимыхъ бѣдахъ, [300])

Не ждалъ себѣ о томъ особаго приказа,
Оставилъ всѣ дѣла въ высокихъ небесахъ,
Тряхнулъ крыломъ, порхнулъ три раза,
И Душеньку тогда, летящую на низъ,
Прикрывъ воскриліемъ своихъ воздушныхъ ризъ,
Отъ всякой наглости толпы разносторонной
Какъ должно подхватилъ,
Какъ должно отдалилъ
Отъ пропасти бездонной,
И тихо положилъ
На мягкихъ муравахъ долины благовонной.
Онъ тихимъ дханіемъ тамъ воздухъ растворилъ,[301])
Бореямъ дерзкимъ дуть надъ нею запретилъ,
И долго прочь не отходилъ,
Забывъ свою любезну Флору;
Скорбѣлъ, что скоро путь свершилъ,
Что долго Душенькѣ не могъ служить въ подпору.

Увидѣвъ тамъ она себя на муравахъ,
Невѣдомыми ей судьбами,
И кустъ ясминный въ головахъ
Межъ разными вокругъ цвѣтами,
Такую истину сперва за сонъ почла,
И щупала себя, въ сомнѣніи и въ дивѣ,
И долго вѣрить не могла,
Чтобъ, кипувшись, была
Еще на свѣтѣ вживѣ;
Забывшися потомъ,
Заснула крѣпкимъ сномъ.
Но видѣла ль во снѣ, что было съ ней доселѣ,

Худое ль, доброе ль на дѣлѣ,
Супруга на горѣ, иль спящаго въ постелѣ,
Иль грозную его разгнѣванную мать,
Исторпки о томъ забыли написать;
А только дали знать,
Что богъ Амуръ надъ нею
Велѣлъ тогда летать
Сподѣтелю Морфею
И сномъ продлить ея покой,
Зефира отославъ домой.
Извѣстно нынѣ всѣмъ, что сонъ и вся натура [302])
Въ то время правилась указами Амура.
Амуръ, который зрѣлъ ея и скорбь и трудъ, [303])
Амуръ, содѣтель чудъ,
Легко содѣлать могъ, чтобъ Душенька уснула
И сномъ бы отдохнула;
И можетъ быть она, возненавидѣвъ свѣтъ,
Была къ небытію влекома въ сей пустынѣ, [304])
Какъ узникъ иногда, уставъ отъ мукъ и бѣдъ,
Чрезъ сонъ старается приблизиться къ кончинѣ.
Но какъ бы ни было, по нѣсколькихъ часахъ,
Влюбленный Купидонъ, не спя на небесахъ
И охраняючи несчастную супругу,
Рѣшился прекратить Морфееву услугу.
Проснулась Душенька, открыла томный взоръ...
Но, вспомнивъ свой позоръ,
Глаза отъ свѣта отвращала,
Цвѣты и травы вновь слезами орошала,
И камнямъ, и лѣсамъ унывно возвѣщала,
Что болѣ жить она на свѣтѣ не желала.

«Не буду долѣ жить!
«Приди, о, Смерть! ко мнѣ, приди!» она вопила.
Но Смерть, хотя ее Царевна торопила,
Отказывалась ей по должности служить;
Курносо чучело, съ плѣшивой головою,
Отъ вида коего трепещетъ всяка плоть,
Явилось къ ней тогда съ предлинною косою,
Но только лишь траву косить или полоть,
Гдѣ Душенька могла ступеньки поколоть.
Увидѣвъ наконецъ, что Смерть отъ ней бѣжала,
Насильно Душенька скончать свой вѣкъ искала:
«Зарѣжуся!» вскричала;
Но не было у ней кинжала,
Ниже какого острія, [305])
Удобнаго пресѣчь несчастну жизнь ея.
Читатель вѣдаетъ, безъ всякой дальней справки,
Что Душенька предъ симъ,
Летя съ горы на низъ, повытрясла булавки,
Чудеснымъ дѣйствіемъ, иль случаемъ простымъ.

Въ сей крайности она, не размышляя болѣ,
Искала камней въ полѣ,
И острый камень какъ нибудь,
Вонзить себѣ хотѣла въ грудь.
Казался край тогда ея несчастной долѣ;
Нашлися остры камни тамъ,
Но Душенька велась не къ смерти, къ чудесамъ:
Лишь только возьметъ камень въ руки,
То камень претворится въ хлѣбъ,

И вмѣсто смертной муки, [306])
Являетъ ей припасъ снѣдаемыхъ потребъ.
Когда же Смерть отнюдь ее не хочетъ слушать,
Хоть свѣтъ ей былъ постылъ,
Потребно было ей, ко укрѣпленью силъ,
Ломотикъ хлѣбца скупать.
Потомъ, смотря на лѣсъ, на пропасти безъ дна,
На небо и на травку,
И вновь смотря на лѣсъ, умыслила она,
Другую смерть себѣ, а именно — удавку.
Въ старинны времена
Такая смерть была почтенна и честна.
У Турокъ и подпесь за смерть блаженну ставятъ,
Когда кого за грѣхъ не рѣжутъ, а удавятъ.
Нерѣдко визири и главные въ полкахъ,
И сами тамъ султаны,
За собственны свои, или другихъ обманы,
Кончаютъ свой животъ въ ошейныхъ ослякахъ.
Хотя жъ въ другихъ мѣстахъ
Не ставятъ въ честь удавку
И смертью таковой казнятъ однихъ плутовъ,
Но ищущій конца на всяку смерть готовъ;
И Душенькина смерть не шла въ позоръ и въ явку.
Желала бы она
Скончаться лучше ядомъ;
Но вся сія страна,
Гдѣ смерть была запрещена,
Казалась райскимъ садомъ,
Казалася сотворена

Для пользы, иль веселья,
И тщетно было бъ тамъ искать лихова зелья.
Равно же изгнанъ былъ оттолѣ всякій гадъ,
Въ какомъ бываетъ ядъ:
И такъ, нельзя дивиться,
Что Душенька тогда хотѣла удавиться.
А гдѣ, и чѣмъ, и какъ? —
По многимъ повѣстямъ остался вѣрный знакъ:
Вблизи оттолѣ росъ дубнякъ, [307])
И были тамо дубы
Высоки, толсты, грубы.
На Душенькѣ тогда широкій былъ платокъ, [308])
Который съ бѣлыхъ плечъ спускался возлѣ бокъ.
Несчастна Душенька, не въ многія минуты,
Неся па смерть красу,
Явилася въ лѣсу;
Не въ многія минуты,
Кончая скорби люты
И плачась на судьбу,
Явилась на дубу;
Избравъ крѣпчайшій сукъ, послѣдній шагъ ступила [309])
И къ суку свой платокъ, какъ должно, прицѣпила, [309])
И въ петлю Душенька головушку вложила:
О, чудо изъ чудесъ! —
Потрясся долъ и лѣсъ!
Дубовый грубый сукъ, на чемъ она повисла, [310])
Съ почтеніемъ къ ея прекрасной головѣ
Погнулся такъ, какъ прутъ, изросшій въ вешни числа,

И здраву Душеньку поставилъ на травѣ;
И всѣ тогда суки, на низъ влекомы ею,
Иль сами волею своею
Шумѣли радостно надъ нею,
И, съединяючи концы,
Свивали разны ей вѣнцы.
Одинъ лишь наглый сукъ за платье зацѣпился,
И Душенькинъ покровъ вверху остановился.
Тогда увидѣлъ долъ и лѣсъ
Другое чудо изъ чудесъ!
И горы вскликнули громчаѣ сколь возможно, [311])
Что Душенька была прекраснѣй всѣхъ неложно;
И самъ Амуръ тогда, смотря изъ облаковъ
Прилежнымъ взоромъ, то оправдывалъ безъ словъ; [312])
Межъ тѣмъ какъ Душенька въ живущихъ оставалась,
Какъ бытностью ея натура красовалась,
Явился ей еще удобный смерти родъ, [313])
Которымъ чаяла окончить свой животъ.
Не могши къ дубу прицѣпиться,
Она рѣшилась утопиться. [314])
На случай сей рѣка [314])
Была не далека.
Царевна съ берега крутова, [315])
Гдѣ дно рѣки отъ глазъ скрывалось подъ водой,
На смерть пустилась снова. [315])
Но вдругъ, противною судьбой,
Поѣхала она на щукѣ шехардой;

И ѣхавъ по верху опаснѣйшей дороги, [316])
Мочила Душенька лишь только хвостъ и ноги.
Къ храненію ея прибавленъ былъ конвой:
Другія тутъ же щуки,
Наукой отъ боговъ, иль просто безъ науки,
Собравшися, какъ должно, въ строй,
Отъ всякихъ случаевъ Царевну ограждали,
И въ путь съ плесканіемъ ее препровождали.
Иные говорятъ,
Что будто въ щукахъ тамъ примѣтили Наядъ, [317])
И что Наяды, эскадрономъ, [317])
Явились къ Душенькѣ съ поклономъ.
Не знаю, правда ль то, лишь нѣтъ сомнѣнья въ ономъ,
Что нѣкія тогда изъ сихъ Наядъ, иль рыбъ,
Которыхъ родъ съ рѣкой отъ времени погибъ,
Служивъ дотоль въ раю подъ счастливымъ закономъ, [318])
За Душенькою тутъ спѣшили въ слѣдъ догономъ, [318])
Въ старинномъ ихъ строю
Признать, по должности, владычицу свою, [319])
Забывъ, что богъ прекрасна рая,
Съ тѣхъ поръ, какъ райску жизнь въ ничто преобратилъ,
Служившихъ тамъ, какъ бы карая, [320])
Оттоль на волю распустилъ. [320])
Несчастна Душенька, сколь много ни старалась
Въ рѣчномъ потокѣ утонуть,
Но щукою неслась благополучно въ путь,

И съ берега она къ другому добиралась.
Въ сихъ мукахъ тщетно жизнь кляла [321])
И тщетно снова смерть звала.
На зовъ пловучій сонмъ вопилъ единогласно,
Что Душенька, въ бѣдахъ,
Безъ пользы и напрасно
Стремится кончить жизнь въ водахъ;
Что боги пусть продлятъ ея прекрасны годы,
И что ее на смерть отнюдь не примутъ воды.
Остался напоследъ единый смерти родъ, [322])
Который Душенька еще не испытала;
Она еще себя надеждою питала, [323])
Что, можетъ быть, огнемъ скончаетъ свой животъ.
Вдали въ то время дымъ курился: [324])
Ко смерти новый путь открылся,
И Душенька пошла на дымъ;
И случаемъ тогда, видущимъ, иль слѣпымъ,
Пришла къ рѣчному брегу,
И тамъ на муравахъ
Нашла огонь въ дровахъ, [325])
Къ рыбачьему ночлегу.
Хозяинъ опыхъ дровъ,
Престарый рыболовъ, [326])
Въ ладьѣ своей на ловъ
Отплылъ во оно время. [327])
Царевна жизни бремя
Легко могла пресѣчь:
Могла себя сожечь [328])
Въ пустомъ широкомъ полѣ,
Въ просторѣ и на волѣ.

Никто бъ ее извлечь,
Никто бъ не могъ оттолѣ; [328])
Когда бы Небеса
Отъ смертнаго часа
Ее не отдалили,
И новы чудеса
Надъ ней не сотворили.
Она, сказавъ ко всѣмъ послѣдпія слова, [329])
Лишь только бросилась во пламень на дрова, [329])
Какъ вдругъ невидимая сила
Подъ нею пламень погасила.
Мгновенно дымъ исчезъ, огонь и жаръ потухъ,
Остался только лишь потребный теплый духъ, [330])
За тѣмъ, чтобъ ножки тамъ Царевна осушила, [330])
Которыя въ водѣ недавно замочила.
Узрѣвъ себя она безвредну на дровахъ,
Вскричала громко: ахъ!...
Сей гласъ раздался на волнахъ;
Всколебались тихи воды, [331])
Всплеснулись рыбъ различны роды,
Взвернулась трижды вкругъ
Ладья у рыболова,
И все то сталось вдругъ
Отъ Душенькина слова.
Не знаю, волею ль, на сей внезапный крикъ,
Въ ладьѣ своей старикъ
Назадъ стремился къ бѣгу,
Иль чудомъ вверхъ воды несло его ко брегу;
Но знаю, что потомъ сей древній въ мірѣ дѣдъ, [332])

Взглянувъ на близъ своей повѣти,
Забылъ преклонность позднихъ лѣтъ,
Пустилъ изъ рукъ рыбачьи сѣти,
Прыгнулъ изъ лодки ко дровамъ
И палъ къ Царевниным ногамъ,
Хотя не вѣдалъ съ нею чуда,
Ни кто она была,
За чѣмъ туда пришла,
Какимъ путемъ, откуда.

«О праотецъ земныхъ родовъ,
Иль сынъ конечно праотцовъ!»
Царевна къ старцу вопіяла:
«Ты помнишь бытность всѣхъ временъ
И всякихъ въ мірѣ перемѣнъ;
Скажи, какъ свѣтъ стоитъ сначала,
Встрѣчалось ли когда кому
Несчастье, равно моему?
Я рѣзалась и въ петлю клалась,
Топилась и въ огонь бросалась,
Но, въ горькой участи моей,
Прошедъ сквозь огнь, прошедъ сквозь воду,
И всѣми видами смертей
Приведши въ ужасъ всю природу,
Противъ желанія живу,
Безсмертіе имѣю въ муку,
И тщетно смерть къ себѣ зову.
Подай свою мнѣ въ помощь руку, [333])
Скончай мой вѣкъ, мнѣ свѣтъ постылъ!»
«Но кто ты?» старецъ вопросилъ.

«Я Душенька.... Люблю Амура....»
Потомъ заплакала какъ дура;
Потомъ, безъ дальнихъ съ нею словъ,
Заплакалъ вмѣстѣ рыболовъ,
И съ ней взрыдала вся натура.
Потомъ сказалъ ей тотъ же дѣдъ,
Что смерти ей на свѣтѣ нѣтъ, [334])
Какъ то себѣ она ни чаетъ,
И что еще она не знаетъ
Готовыхъ ей въ прибавокъ бѣдъ; [334])
Что злоба гнѣвной къ ней богини
Проникла въ самыя пустыни;
Что, къ каждому въ примѣръ и въ страхъ,
Во всѣхъ подсолнечныхъ мѣстахъ
Уже ея вины открыты,
И грамоты о томъ прибиты [335])
Въ распутіяхъ и во вратахъ.
Притомъ старикъ ропталъ въ слезахъ,
Что злобѣ попускаютъ боги,
И, строгую виня Судьбу,
Повелъ Царевну онъ къ столбу,
Гдѣ ближнія сошлись дороги.
Царевна тамъ сама прочла [336])
Прибитый листъ, въ большую мѣру;
А что она въ листѣ нашла,
Скажу, по точному манеру.
«Понеже Душенька прогнѣвала Венеру,
«И Душеньку Амуръ Венерѣ въ стыдъ хвалилъ;
«Она же Душенька румяны унижаетъ,
«Мрачитъ передъ собой достоинство бѣлилъ
«И всяку красоту повсюду обижаетъ;

«Она же, Душенька, имѣя стройный станъ,
«Прелестные глаза, пріятную усмѣшку,
«Богиню красоты не чтитъ и ставитъ въ
нѣшку;
«Она же взорами сердцамъ творитъ изъянъ, [337]
«Богиней рядится и носитъ хвостъ въ три пяди:
«Того, или иного ради,
«Венера каждому и всѣмъ
«О гнѣвѣ на нее своемъ
«По должной формѣ извѣщаетъ,
«И всяку милость обѣщаетъ
«Тому, кто Душеньку на срокъ
«Къ Венерину лицу представитъ.
«А буде кто ее оправитъ
«Противу силы оныхъ строкъ,
«Иль буде гдѣ ее укроетъ,
«Иль поводъ дастъ укрыться ей,
«Тотъ вѣкъ вины своей не смоетъ [338])
«Ни самой кровію своей.»

Всплеснула Душенька руками,
Прочтя толь грозныя слова:
«О, Боги! видите вы сами.»
Вопили камни и древа:
«На то ли Душенька жива,
На толь одарена красами,
И чѣмъ виновна передъ вами,
Когда родилась такова?»
Уже тогда весь міръ читалъ о ней сыскную,
Весь міръ о ней равно жалѣлъ:
Иной бранилъ богиню злую,

Другой сыскную драть хотѣлъ.
Одни, изъ должности, Цитерскіе пролазы [338])
Твердили по утрамъ о Душенькѣ приказы,
Которы всякъ потомъ охотно забывалъ,
И Душеньку, кто могъ охотно укрывалъ.
Но какъ то ни было, боялся ли пролазовъ,
Бояся ли приказовъ,
Водима ль старикомъ,
Иль собственнымъ умомъ,
Царевна наконецъ за благо разсудила, [340])
Просить о помощи степеннѣйшихъ богинь, [340])
Счастливѣе она въ боговъ о томъ просила;
Но съ времени, когда Амура полюбила, [341])
По мысли ни кого въ богахъ сыскать не мнила:
Кто дерзокъ былъ, иль трусъ, кто гордъ, иль глупой шпынь, [342])
И, можетъ быть, она въ то время находила
Въ верховнѣйшихъ богахъ не малу часть разинь.

Впачалѣ Душенька пошла просить Юнону,
Которая тогда, оставивъ небеса,
За мужемъ бѣгала и въ горы и въ лѣса.
Она могла бъ давать несчастнымъ оборону, [342])
Но собственну свою тогда имѣла грусть. [343])
Юнону хоть любилъ Юпитеръ по закону,
Любя другихъ, не могъ къ ней вѣрности соблюсть;
Вездѣ по свѣту волочился,
Былъ грубъ, былъ дикъ,
Какъ вепрь, иль быкъ,
И часто подъ дождемъ по цѣлымъ днямъ мочился:

И послѣ до ушей Юноны слухъ проникъ, [344])
Что подлиннымъ быкомъ въ Европѣ онъ явился,
И подлиннымъ дождемъ къ Данаѣ онъ спустился,
Забывъ отца боговъ, достоинство и чинъ.
Для множества такихъ причинъ,
И, можетъ быть, за то, какъ видѣла Юнона, [345])
Что Душенька сама
Могла Юпитера содѣлать безъ ума,
«Поди,» сказала ей богиня вышня трона,
«Проси о дѣлѣ Купидона;
Или поди проси другихъ,
А мнѣ довольно бѣдъ своихъ.»

Царевна, по народной вѣрѣ,
Пошла съ прошеніемъ къ Церерѣ.
Въ тѣ дни сбирался хлѣбъ съ полей,
И хлѣбодатная богиня
У всѣхъ своихъ тогда являлась алтарей: [346])
Тогда на всѣхъ лилась отъ ней
Щедрота, милость, благостыня.
Но доступъ для сего къ Церерину лицу
Дозволенъ только былъ жрецамъ, или жрецу,
И кто къ богинѣ шелъ, для просьбы иль вопроса,
Не могъ услышанъ быть безъ жертвы и приноса;
А Душенька была въ то время всѣхъ бѣднѣй,
И не было тогда у ней
Отцовскихъ денегъ, ни перстней;
Возненавидѣвъ жизнь, какъ знаютъ всѣ, дурила

И добрымъ людямъ ихъ дорогой раздарила.
Остался у нее пастушій сарафанъ,
Который былъ ей данъ
Разумнымъ рыболовомъ,
Чтобъ въ семъ нарядѣ новомъ
Укрыть ее отъ бѣдъ хотя черезъ обманъ;
Осталась красота, о коей всѣ трубили,
Но красоты чужой богини не любили,
И имъ послѣдуя жрецы, извѣстно то,
Отмѣнный даръ красотъ вмѣняли ни во что.
Жрецы тогда ее, до будущаго лѣта,
Отправили оттоль безъ всякаго отвѣта.

Въ сей скорби Душенька привыкши всѣхъ просить, [347])
Минерву чаяла на жалость преклонить.
Богиня мудрости тогда на Геликонѣ
Имѣла съ Музами ученѣйшій совѣтъ
О страшномъ нѣкакомъ наклонѣ
Бродящихъ близъ земли кометъ,
Которы долгими хвостами,
Пугая часто робкій свѣтъ,
Пророчили бѣды мѣстами, [348])
И Аполлоновъ путь
Грозили въ міръ запнуть.
На все же, что тогда Царевна представляла,
Безъ всякой жалости богиня отвѣчала,
Что міръ безъ Душеньки стоялъ изъ вѣка въ вѣкъ;
Что въ обществѣ она не важный человѣкъ;
И паче, какъ хвостомъ комета всѣхъ пугастъ, [349])

На Душеньку тогда взирать не подобаетъ.
Къ Діанѣ Душенька явить не смѣла глазъ;
Богиня та любви не вѣдала заразъ:
Со свитой чистыхъ Дѣвъ, къ свободѣ устремленныхъ,
Въ невинной вольности, нося колчанъ и лукъ,
Пускаясь быстро въ бѣгъ, любя проворство рукъ,
Гонялась за звѣрьми въ пустыняхъ отдаленныхъ.
Никто не нарушалъ дотоль ея забавъ; [350])
Еще не видѣла она Эндиміона,
И строгостью себѣ преднисанна закона
Лишила бъ Душеньку и милостей и правъ. [351])

Куда итти? еще къ Минервѣ, иль къ Церерѣ? [351])
Поплакавъ, Душенька пошла къ самой Венерѣ.
Провѣдала она, бродя по сторонамъ,
Что близко отъ пути, въ пріятнѣйшей долинѣ,
Стоялъ извѣстный храмъ
Съ надвратной надписью: «Прекраснѣйшей богинѣ.»
Нерѣдко въ сихъ мѣстахъ утѣхъ всеобща мать,
Мірскихъ суетъ слагая бремя,
Любила отдыхать.
Туда отъ разныхъ странъ народъ во всяко время
Толпой стекался воздыхать.
Иные шли туда богиню прославлять,

Другіе къ милостямъ признаніе являть,
Другіе жъ ихъ просить, иль просто погулять.
Въ такомъ стеченіи народа, [352])
Несчастна Душенька, избравъ тишайшій часъ [352])
И кроясь всячески отъ всѣхъ стороннихъ глазъ,
Со трепетомъ рабы туда искала входа.
Одною лишь въ бѣдахъ
Надеждой утѣшалась,
Что, можетъ быть, она, хоть вольности лишалась,
Увидитъ въ сихъ мѣстахъ
Съ Венерой Купидона,
И забывая страхъ
Строжайшаго закона, [353])
Вдавалась въ сладости различныхъ лестныхъ думъ,
Какими упоенъ бываетъ страстный умъ.
Въ сихъ мысляхъ Душенька приблизилась ко храму,
И тамъ, задумавшись, едва не впала въ яму,
Куда отъ разныхъ жертвъ за дворъ
Сметался въ кучу всякій соръ.
Но впрочемъ, всѣ мѣста казались тамо садомъ,
И благовонная катилася роса [354])
На мирту, на лимонъ, на всяки древеса,
И храмъ курился вкругъ душистымъ всякимъ чадомъ.

По сказкамъ знаютъ всѣ, что шолковы луга,
Сытовая вода, кисельны берега,
Богинѣ красоты всегда принадлежали,

И по долинѣ тамъ дороги окружали.
Издревле богъ войны
Строжайшій далъ приказъ, въ угодность сей богинѣ, [355])
Чтобъ вѣчно въ той долинѣ
Трубы воепной звукъ не рушилъ тишины.
Извѣстно всѣмъ, что тамъ и самы дики звѣри [356])
Къ овцамъ ходили въ двери,
И овцы, позабывши страхъ, [357])
Гуляли съ ними на лугахъ,
И съ самой вольной простотою
Питались киселемъ съ сытою,
Навѣки въ животѣ,
Въ здоровьѣ, въ красотѣ;
Живуща тварь не убивалась,
Насильствомъ кровь не проливалась,
Невѣдомъ былъ скорбящихъ гласъ, [358])
И вся природа всякій часъ
Согласіемъ сочетавалась.
Въ срединѣ сихъ луговъ,
И водъ, и береговъ,
Стоялъ богининъ храмъ межъ множества столповъ. [359])
Сей храмъ со всѣхъ сторонъ являлъ два разныхъ входа: [359])
Особо для боговъ,
Особо для народа.
Преддверія, врата, и храмъ, и алтари,
И каждая ихъ часть, и каждая фигура,
И обще вся архитектура,
Снаружи и внутри,

Изображала видъ игриваго Амура,
Иль видъ забавъ и торжества,
Блистательнаго тамъ прекрасна божества;
Венеры чудное рожденіе изъ пѣны,
И всяка съ нею быль, пріятная въ чертахъ,
Особо видѣлись въ картинахъ и въ коврахъ,
Какими изнутри покрыты были стѣны.
Во внутренности тамъ различныхъ алтарей
Различны дани приносились
Отъ всѣхъ наукъ, искусствъ, художествъ и затѣй, [360])
И знатныхъ, и простыхъ людей,
Которы всѣ въ число достойнѣйшихъ просились:
Иной, желая пріобрѣсть
Любовью къ нѣкой Музѣ честь,
И данью убѣдить любовницу скупую,
Привѣсилъ въ уголокъ цѣвницу золотую; [361])
Другой себѣ избравъ,
По праву, иль безъ правъ,
Въ любовницы Палладу,
И тщася получить лавровъ вѣнецъ въ награду,
Привѣсилъ ко столбу
Серебряну трубу;
Иной, ища любви несклоннѣйшей Алкмены,
Во храмѣ распестрилъ малярной кистью стѣны. [362])
Но дани приносимы въ храмъ,
Не по богатству, иль чинамъ,
Могли казаться тамо кстати;
И часто тамъ простой пастухъ,
Неся богинѣ въ даръ усердный только слухъ, [363])

Предпочитаемъ былъ блистательнѣйшей знати.
На среднемъ алтарѣ,
Подъ драгоцѣннѣйшимъ отверстымъ балдахиномъ,
Стоялъ богининъ ликъ, особымъ нѣкимъ чиномъ,
Во всей порѣ,
Во всей красѣ и въ полной славѣ,
Въ подобной какъ она на нѣкакой горѣ
Явилась въ прежни дни къ Парисовой расправѣ,
И споръ между богинь рѣшила красотой.
Сей ликъ, казалось, былъ божественной рукой [364])
Изъ мрамора изсѣченъ,
И послѣ въ образецъ художества примѣченъ.
Носился въ мірѣ слухъ, что будто Пракситель
Оттуда взялъ модель,
И, точно по примѣру,
Представилъ въ первый разъ во всей красѣ Венеру. [365])
Никто изъ вшедшихъ въ храмъ не могъ, или не смѣлъ,
Не преклонять колѣнъ предъ симъ прекраснымъ ликомъ;
И каждый, какъ умѣлъ,
Богинѣ гимны пѣлъ,
Въ усердіи глуша одинъ другаго крикомъ.
Надъ храмомъ извивался рой
Амуровъ, Смѣховъ, Игръ, Зефировъ,
Которы всякою порой
Туда слеталися отъ всѣхъ возможныхъ міровъ.
Въ летучемъ ихъ строю
И тѣ при храмѣ были,
Которые въ раю

При Душенькѣ служили.
Въ сей часъ они опять надъ прежней госпожой
Въ невѣдѣньи летали,
Рѣзвились и журчали;
По Душенька тогда, подъ длинною фатой,
Подъ длинымъ сарафаномъ,
Для всѣхъ была обманомъ:
Вошла во храмъ съ толпою въ рядъ
И стала къ сторонѣ у самыхъ первыхъ вратъ.
Отъ робости ль она сихъ мѣстъ не примѣчала,
Иль помня прежнюю блаженну жизнь свою,
Когда сама была богинею въ раю,
Полками разныхъ слугъ сама повелѣвала,
И пѣсни и хвалы сама отъ всѣхъ слыхала,
Сей храмъ напослѣди за рѣдкость не считала,
По волѣ то рѣшить читатель можетъ самъ. [366])
По въ храмѣ лишь едва лицо свое открыла,
Въ минуту всѣхъ глаза къ себѣ оборотила. [367])
Возволновался храмъ,
Умолкли гимны тамъ,
Пресѣклись жертвъ приносы,
И всюду слышались лишь вѣсти, иль вопросы.
Я прежде не сказалъ,
Что весь народъ Венеру
Въ сей день по слуху ждалъ
Изъ Пафоса въ Цитеру.
Увидя жъ Душеньку, согласно весь народъ [368])
Одинъ другому въ ротъ
Шепталъ за новы вѣсти:
«Венера здѣсь тайкомъ!...

«Бѣжитъ отъ всякой чести!...
«Венера за столбомъ!...
«Венера подъ платкомъ!...
«Венера въ сарафанѣ!...
«Пришла сюда пѣшкомъ!...
«Во храмъ вошла пишкомъ!...
«Конечно, съ настушкомъ!...»
И весь народъ въ обманѣ
Предъ Душенькою вдругъ колѣна преклонилъ.
Жрецы, со множествомъ курящихся кадилъ,
Воздѣвъ умильно длани,
Просили Душеньку принять народны дани.
И съ милостью воззрѣть
На всяки нужды впредь.
Въ сіе волненіе народа
Возникла вдругъ молва у входа,
Что сущая уже богиня опыхъ мѣстъ, [369])
Влеча съ собой толпы служителей на въѣздъ
И яблоко держа Парисово въ десницѣ, [363])
Со всею славою, въ блестящей колесницѣ,
Въ тотъ часъ изъ Пафоса ко храму прибыла, — [370])
И вдругъ при сей молвѣ Венера въ храмъ вошла.
Но кто представитъ живо,
Въ словахъ, или чертахъ,
Богининъ гнѣвъ, народный страхъ,
И общее во храмѣ диво,
И болѣ Душеньку, въ невинномъ торжествѣ,
При самомъ храма божествѣ.
Вотще въ то время всѣхъ Царевна увѣряла [371])
За чѣмъ туда пришла,

И кто она была:
Большая часть людей отъ ней не отставала,
Забывъ, что въ храмъ сама Венера прибыла.
Богиня, сѣвъ на тронъ и скрывъ свою досаду,
Колико скрыть могла,
Оставила въ сей день другія всѣ дѣла
И тотъ же часъ приказъ дала
Представить Душеньку во внутреннюю преграду.
«Богиня всѣхъ красотъ! не сѣтуй на меня»
Рекла Царевна къ ней, колѣна преклоня; [372])
«Я сына твоего прельщать не умышляла:
Судьба меня, Судьба во власть къ нему послала.
Не я ищу людей, а люди въ слѣпотѣ
Дивятся завсегда малѣйшей красотѣ.
Сама искала я упасть передъ тобою,
Сама желаю я твоею быть рабою, [373])
И въ милость только то прошу себѣ напредь,
Чтобы всегда могла твое лицо я зрѣть.» [374])
«Я знаю умыслъ твой!» Венера ей сказала,
И тотчасъ, кончивъ рѣчь,
Съ Царевной къ Пафосу отъѣхать предпріяла;
Притомъ съ насмѣшкой приказала
Въ пути ее беречь.
Сажаютъ Душеньку въ особу колесницу,
Запрягши въ путь сорóкъ станицу;
А для бесѣды съ ней, какъ будто ей чета,
Садятся тутъ же рядомъ
Четыре Фуріи, изверженныя адомъ:
Коварство, Ненависть, Хула и Клевета.
Оставимъ разговоръ сихъ Фурій ухищренныхъ

И скажемъ наконецъ, къ какимъ трудамъ она
Веперой въ Пафосѣ была осуждена,
И кто былъ вождь ея на службахъ повелѣнныхъ. [375])

Изъ многихъ дѣлъ и словъ,
Въ умахъ напечатлѣнныхъ,
Извѣстно мщеніе боговъ,
Во гнѣвѣ раздраженныхъ.
Нерѣдко сильные, пріявъ на небѣ власть,
Безсильныхъ поборали,
Чернили и марали,
И все, что только бы могло предъ ними пасть,
Ногами попирали.
Въ счастливѣйшихъ вѣкахъ,
Конечно, нѣтъ примѣра
Такому мщенію, какое, всѣмъ во страхъ,
Противу Душеньки умыслила Венера!
Умыслила свою умножить красоту,
А Душеньку привесть, сколь можно, въ дурноту,
Чтобъ всѣ отъ Душеньки впослѣдокъ отвращались
И только бы тогда Веперою прельщались. [376])

Не знаю, въ первый день, иль, лучше, въ перву ночь,
Довольная своею жертвой,
Богиня въ мщеніи послала Царску дочь
Принесть чрезъ три часа воды живой и мертвой.
Извѣстенъ весь народъ
О дѣйствѣ опыхъ водъ:
Отъ первой кто попьетъ, здоровье получаетъ; [377])

А отъ другой попьетъ, здоровье потеряетъ;
Но въ семъ пути никто не возвращался живъ.
Царевна, къ службѣ сей, какъ должно, прицѣпивъ
Подъ плечи два кувшина, [377])
Пошла безъ дальна чина,
Пошла на всѣ труды,
Искать такой воды.
Куда? и кто въ пути ей будетъ провожатымъ? [378])
Амуръ во всѣ часы ея напасти зрѣлъ,
И тотчасъ повелѣлъ
Своимъ слугамъ крылатымъ
Поднять и перенесть Царевну въ тотъ удѣлъ,
Гдѣ всяки воды протекаютъ,
Мертвятъ, цѣлятъ и помогаютъ.
Зефиръ, который тутъ по склонности прильнулъ,
Царевнѣ на ухо шепнулъ, [379])
Что воды окружаетъ
Большой и толстый змѣй, свернувшись въ кругъ кольцомъ,
И никого отнюдь къ водамъ не допускаетъ,
Какъ развѣ кто его забавитъ питьецомъ. [380])
Притомъ снабдилъ ее большою съ пойломъ флягой, [381])
Которую велѣлъ, явясь туда съ отвагой,
И змѣю рѣчь сказавъ, въ гортань ему воткнуть. [382])
Когда же пасть свою при пойлѣ змѣй разинетъ,
И голову съ хвостомъ въ то время разодвинетъ,
То Душенька найдетъ себѣ свободный путь,

Живую ль, мертвую ль водицу почерпнуть.
Зефиръ лишь то сказалъ, Царевна путь скончала:

Явилася у водъ,
И змѣю поклонясь, умильну рѣчь сказала, [382])
Котору выдала впослѣдокъ и въ народъ:

«О, змѣй Горыничъ, Чудо-Юда!
«Ты сытъ во всяки времена,
«Ты ростомъ превзошелъ слона,
«Красою помрачилъ верблюда, [383])
«Ты всяку здѣсь имѣешь власть,
«Блестишь златыми чешуями,
«И смѣло разѣваешь пасть, [384])
«И можешь всѣхъ давить когтями:
«Содѣлай край моимъ бѣдамъ, [385])
«Пусти меня, пусти къ водамъ.» [385])

Хвалы и титулы плѣняютъ всяки уши,
И движутся отъ нихъ жестоки самы души.
Услышавъ похвалы отъ женскаго лица,
Притомъ склоняяся ко сласти питьеца, [386])
Горыничъ пасть разинулъ,
И голову съ хвостомъ при пойлѣ разодвинулъ: [386])
Открылись разныхъ водъ и рѣки, и пруды,
И разны къ нимъ слѣды.
Прислужливый Зефиръ, пока сей часъ не минулъ,
Конечно, Душеньку въ дорогахъ не покинулъ;
Она, въ свободѣ, тамъ попивъ живой воды, [387])
Забыла всѣ свои дорожные труды, [387])
И вдругъ здоровѣй стала.

Писатели гласятъ,
Что Душенька тогда, съ водой явясь назадъ, [388])
Въ отмѣнной красотѣ какъ роза процвѣтала,
И предъ Венерою какъ солнце возблистала,
И будто бы тогда богиня умышляла
Заставить Душеньку лихую воду пить; [388])
Но, просто случаемъ, иль чудомъ, можетъ быть,
Кувшинъ съ лихой водой разбился,—
И умыслъ въ дѣло не годился.
Богиня видѣла изъ таковыхъ чудесъ,
Что помощь Душенька имѣетъ отъ Небесъ,
Или, точнѣй сказать, отъ самого Амура;
Но какъ извѣстно было ей, [389])
Что пагубой людей
Обилуетъ натура,
Послала Душеньку еще въ другой походъ,
Въ надеждѣ, что она скончаетъ тѣмъ животъ,
Или, хоть будетъ жить, но будетъ безъ красотъ.
Въ саду, гдѣ жили Геспериды,
Читатель вѣдаетъ, что нѣкогда расли
Златыя яблоки, иль просто златовиды,
И сей чудесный садъ Драконы стерегли.
А въ томъ, или въ другомъ саду, вблизи Атласа, [390])
Жила напослѣди Царевна Перекраса.
Потомству всѣ ея не вѣдомы дѣла,
Но всякъ о томъ слыхалъ, что подлинно была
Сихъ чудныхъ мѣстъ она богиня, иль Царица,
И въ сказкахъ на Руси слыла,
Какъ всѣмъ извѣстно, Царь-Дѣвица.
О красотѣ ея имѣетъ весь народъ
Изъ повѣстей доводъ:

Златыя яблоки она вседневно ѣла; [391])
Извѣстно, что отъ нихъ краснѣла и добрѣла.
Но, ради страховъ тамъ и трудностей дорогъ,
Коснуться къ яблокамъ никто другой не могъ.
Хоть не было тогда Драконовъ тамъ, ни змѣя;
Однако садъ сей былъ подъ стражею Кащея,
Который самъ, какъ стражъ, тѣхъ яблокъ не вкушалъ, [392])
И никого отнюдь ихъ ѣсть не допускалъ.
А если приходилъ кто яблокъ тѣхъ покушать, [393])
Вначалѣ долженъ былъ его загадки слушать; [393])
Когда же кто не могъ загадокъ отгадать,
Того безъ милости обыкъ онъ послѣ жрать. [394])
Венера, вѣдая сихъ строгихъ мѣстъ законы,
По коимъ властвуютъ Кащей, или Дракопы,
Послала Душеньку не жить, а умирать, [395])
Чтобъ яблокъ тѣхъ достать.
Но кто ей скажетъ путь и будетъ помогать?
Зефиръ — она его успѣла лишь назвать,
Зефиръ ей новую явилъ тогда услугу; [395])
И чтобъ холодный вѣтръ не могъ ее встрѣчать,
Пустился съ ней въ сей путь по Югу;
Шепнулъ Царевнѣ онъ, какую рѣчь сказать, [396])
И какъ на всѣ слова Кащею отвѣчать;
Потомъ подъ яблонью подставить только полу —
Въ то время яблоки скатятся сами къ долу, [396])
И можно будетъ ей тогда, оставивъ садъ,
Съ добычею летѣть назадъ,
И яблокъ золотыхъ вкусить по произволу.

Не въ долгомъ времени, не въ день, въ единый часъ,
Явилась Душенька къ Кащею взять приказъ:
Поклонъ, какъ должно, сотворила,
Какъ должно, рѣчь проговорила.
Но свѣту рѣчи сей,
Ниже того, что̀ ей
Загадывалъ Кащей,
Она не сообщила.
Извѣстны только намъ послѣдственны дѣла,
Что службу Душенька вторую сослужила,
Что въ новой красотѣ предъ прежнимъ процвѣла,
И горшія себѣ напасти навела.

Къ успѣху мщенія, пришло во умъ богинѣ
Отправить Душеньку съ письмомъ ко Прозерпинѣ,
Велѣвъ искать самой во адѣ себѣ пути,
И нѣкакой оттоль горшечекъ принести.
Притомъ нарочно ей Венера наказала,
Горшечка чтобъ она отнюдь не открывала.
Царевнинъ ревностный служитель давнихъ лѣтъ,
Зефиръ, скорѣй стрѣлы спустился паки въ свѣтъ, [397])
И ей полезный далъ совѣтъ: [397])
Идти въ дремучій лѣсъ, куда дороги нѣтъ.
«Въ лѣсу», онъ ей сказалъ, «представится избушка, [398])
А въ той избушкѣ ей представится старушка. [398])
Старушка ей вручитъ волшебный посошокъ,
Покажетъ впослѣди въ избушкѣ уголокъ,

Оттоль покажетъ вишъ ступени, [399])
По коимъ въ адъ низходятъ тѣни;
И Душенька тогда, лишь ступитъ девять разъ,
Къ Плутону въ области окончитъ всю дорогу;
А къ безопасности отъ страховъ, тотъ же часъ
Откроетъ на показъ
Свою прекрасну ногу,
И можетъ впослѣди безстрашно говорить
Съ Плутономъ, съ Прозерпиной, съ Адомъ,
Письмо вручить,
Горшечекъ получить,
И службу, надлежащимъ рядомъ,
Исправно совершить.»

Послѣдуя сему закону,
Пошла Царевна въ лѣсъ, куда глаза глядятъ;
Нашла подземный сходъ, ступила девять кратъ,
Сошла тотчасъ во адъ,
Явилась ко Плутону.

Возволновался мрачный край,
Не ждавъ посольства отъ Венеры;
Три зѣвны въ тартарѣ Церберы
Распространили страшный лай.
Но Душенька, въ сію тревогу,
Едва открыла только ногу,
Какъ вдругъ умолкла адска тварь:
Церберы перестали лаять,
Замерзлый тартаръ началъ таять;
Подземна царства темный Царь,

Который возлѣ Прозерпины
Дремалъ, съ надеждою на слугъ,
Смутился тишиною вдругъ:
Возвысилъ вкругъ бровей морщины,
Сверкнулъ блистаньемъ ярыхъ глазъ,
Взглянулъ. . . . начавши рѣчь, запнулся,
И съ роду первыйр азъ
Въ то время улыбнулся.

Узрѣвъ толь сильную посольску полшу мочь,
Какую при письмѣ казала Царска дочь,
А паче на нее воззрѣніе Плутона,
Богиня адска трона
Велѣла ей скорѣй пресѣчь
Пристойную на случай рѣчь;
И по письму вручивъ горшечекъ ей приватно,
Ее, безъ дальнихъ словъ, отправила обратно.
Царевна наконецъ могла бы какъ нибудь
Окончить счастливо и новый опый путь;
Но вдругъ ея Зефиръ сначала,
Какъ видно, бѣдъ не предузналъ,
И ей особо не сказалъ,
Чтобы горшечка не вскрывала.
Царевна много разъ
Въ горшечекъ посмотрѣть въ пути остановлялась, [401])
И въ тотъ же самый часъ [40])
Желанію сопротивлялась.
Напослѣдп, смотря и въ стороны и въ слѣдъ,
И до двора уже немного не дошедъ,
Веперы заповѣдь, и гнѣвъ, и страхъ презрѣла,

Открыла кровельку, въ горшечекъ посмотрѣла:
Оттуда, случаемъ лихимъ,
Внезапно вышелъ черный дымъ.
Сей дымъ, за сильной густотою,
Зефиры не могли отдуть;
И бѣлое лицо и вскрыта бѣла грудь
У Душеньки тогда покрылись чернотою.
Она старалась пыль платкомъ съ себя стирать;
Но чѣмъ при трепіи трудилася сильнѣе,
Тѣмъ дѣлалась чернѣе,
Какъ-будто бы свой видъ трудилася марать. [402])
Надѣялась потомъ, хоть какъ нибудь водою
Прошедшую себѣ доставить красоту;
Но, чудною бѣдою,
Прибавила еще, обмывшись, черноту;
И къ токамъ чистыхъ водъ хотя лицо склоняла, [403])
И черноту свою хоть много разъ купала,
Смотрясь въ водахъ потомъ, увѣрила себя, [403])
Что темностью она была подобна сажѣ;
Иль, просто, такъ сказать, красу свою сгубя,
Была Араповъ гаже.

Въ семъ видѣ Царска дочь
Стыдилась всякой встрѣчи,
И слыша всяки рѣчи,
Отъ всѣхъ бѣжала прочь.
Для бѣлыхъ рукъ ея въ народѣ вышла сказка,
Что будто бы она таилась отъ людей,
И будто бы на ней
Была лишь только маска.

Иные, ей въ посмѣхъ,
Давали странный образъ дѣлу,
И увѣряли всѣхъ,
Что боги, будто бъ ей за грѣхъ,
Арабску голову пришили къ бѣлу тѣлу.
Простой же весь народъ,
Любуясь Душеньки и видомъ и осанкой, [404])
Дивился въ ней еще собранію красотъ,
И звалъ ее тогда прекрасной Африканкой.
Но Душенька, сей видъ
Себѣ имѣя въ стыдъ,
То шею, то лицо платочкомъ закрывала,
И, въ горести тогда, куда идти, не знала:
Идти ли ей потомъ, на смѣхъ и на позоръ,
Обратно въ домъ къ Венерѣ,
Или къ роднымъ во дворъ?
Но можетъ ли ихъ взоръ
За точну Душеньку признать ее по вѣрѣ?
Осталось только ей сокрыть себя тогда
Въ какой нибудь пещерѣ,
Гдѣ бъ люди никогда
Ея толь горькаго не видѣли стыда, [405])
И тамъ зарыть себя живую,
Чтобы скорѣе тѣмъ окончить участь злую.

Амуръ жестокость зналъ подобно ощущалъ,
Онъ всѣ ея бѣды иль видѣлъ, или зналъ.
Но для чего ее оставилъ онъ безъ стражи,
Когда она несла горшечекъ адской сажи?
Читатель сей вопросъ рѣшитъ, конечно, самъ:
Угодно было такъ Судьбамъ,

Угодно было такъ Венерѣ,
Чтобъ Душенька была черна,
Чтобъ Душенька была дурна
И крылась отъ людей въ пещерѣ.
Амуръ отверженъ былъ въ Цитерѣ,
И въ небѣ бывъ тогда безъ силъ,
Бѣдѣ нарочно попустилъ,
Чтобъ тѣмъ обезоружить злобу,
Котора Душеньку могла привесть ко гробу.
Для рѣдкости сихъ дѣлъ,
Повсюду міръ шумѣлъ
О родѣ Душеньки, объ участи, о лѣтахъ,
О всѣхъ ея примѣтахъ.
Дошла впослѣдокъ вѣсть,
Чрезъ слухъ, иль какъ ни есть,
Къ сестрамъ ея коварнымъ,
Что Душенька въ раю съ супругомъ лучезарнымъ
Не долго пожила;
Что изгнана оттоль за нѣкаки дѣла.
И что, напослѣди, скитаяся безъ дѣла,
Изсохла, подурнѣла
И страшно почернѣла.
Онѣ устроили на случай торжество
И громко всѣмъ трубили,
Что Душеньку вездѣ грѣхи ее губили
И что за то ее караетъ божество.

Превратнымъ разумамъ любови существо
Невѣдомо и странно.
Сестры Царевны сей,

Навлекши скорби ей,
И всѣ ея дѣла ругая безпрестанно, [406])
Отнюдь не мыслили во мракѣ клеветы,
Чтобъ Душенька, лишась наружной красоты,
Могла Амуромъ быть любима постоянно.
Амуръ, напастями Царевны отвлеченъ, [407])
Стремилъ стараніе къ единому лишь виду, [407])
Чтобъ гнѣвъ Судебъ къ ней былъ, сколь можно, облегченъ,
Какъ-будто бы забылъ отъ сестръ ея обиду;
Но послѣ обратилъ ихъ наглость имъ же въ казнь. [408])
На торжество сихъ сестръ нарочнаго отправилъ,
Который отъ него, какъ должно, ихъ поздравилъ;
Благодаря притомъ за дружбу и пріязнь,
Прибавилъ, что Амуръ, любовью къ нимъ пылаетъ
И съ петерпѣніемъ увидѣть ихъ желаетъ,
И только ждетъ, безъ дальнихъ словъ,
Чтобы онѣ, взошедъ на каменную гору,
Какая выше всѣхъ представится ихъ взору,
Оттуда бросилися въ ровъ;
И что потомъ Зефиръ минуты не утратитъ,
Тотчасъ летящихъ ихъ подхватитъ,
Помчитъ на верхъ въ небесный край,
И прямо постановитъ въ рай; [409])
А тамъ Амуръ явитъ имъ должныя услуги,
Намѣрясь купно взять обѣихъ ихъ въ супруги. [409])

Услышавъ толь пріятну рѣчь,
Сестры Царевнины отъ радости вскружились:
Скорѣй коней велѣли впречь,
Въ богаты платья нарядились;
Не прочили бѣлилъ, ни мушекъ, ни румянъ,
Опрыскались водами,
Намазались духами,
Хулили Душеньку за дерзость и обманъ,
Отправились къ горѣ, и тамъ, съ крутой вершины,
Спѣшили броситься въ стремнины.
Но пхъ Зефиръ потомъ на верхъ не подхватилъ,
А дулъ, какъ видно, только въ тылъ. —
И въ райское онѣ жилище не попали,
Лишь только головы себѣ, летя, сломали. [410])

Карая тако злость, межъ тѣмъ прекрасный богъ
Подробну вѣдомость имѣлъ со всѣхъ дорогъ,
Отъ всѣхъ лѣсовъ и горъ, гдѣ Душенька являлась,
И, свѣдавъ, что она
Отъ всѣхъ удалена,
Въ срединѣ горъ скрывалась,
Донесъ богамъ о томъ сполна:
Донесъ, что Душенька была уже черна,
Суха, худа, дурна;
И упросилъ тогда смягченную Венеру,
Чтобъ было наконецъ дозволено ему,
Открыто самому
Явиться къ Душенькѣ въ пещеру.

Но какъ представился тогда его очамъ
Предметъ любви постоянной?
Несчастна Душенька, въ печали несказанной,
Не ѣла, не пила, не зрѣла свѣта тамъ.
Читатель долженъ знать сначала,
Что Душенька тогда лежала;
Но бокомъ, иль ничкомъ,
Спала, или дремала —
Не вѣдаю о томъ
И не хочу искать свидѣтельства для вѣры;
Лишь знаю, что она лежала на фатѣ
У входа сей пещеры,
Скрывая голову въ пещерной темнотѣ;
А часть оставшая являлась въ красотѣ
На зрѣлище предъ входомъ;
И быть тогда могла признакомъ и доводомъ,
Когда бъ любовный богъ
О точности вещей имѣть сомнѣнье могъ.
Зефиры видѣли и свѣту возвѣстили,
Что Душеньку Амуръ издалека узналъ,
И руку у нее, подшедши, цаловалъ; [411])
Но скоро ихъ изъ глазъ обоихъ упустили.
Проснувшись Душенька тогда,
Взглянула, ахнула, закрылась отъ стыда,
Уйти въ пещеру торопилась,
И тамо наконецъ съ Амуромъ изъяснилась,
Невѣдомо въ какихъ словахъ;
А только вѣдомо всему земному кругу
Взаимное отъ нихъ прощеніе другъ другу
Во всѣхъ досадахъ и винахъ.

Амуръ потомъ, при всей свободѣ,
Велѣлъ публиковать въ народѣ
Старинну грамоту, котору самъ Зевесъ,
Въ утѣху всѣхъ дурныхъ, на землю далъ съ небесъ;
И, всюду слово въ слово,
Та грамота тогда твердилася за ново:
«Законъ временъ творитъ прекрасный видъ худымъ, [412])
«Наружный блескъ въ очахъ преходитъ такъ, какъ дымъ;
«Но красоту души ни что̀ не измѣняетъ:
«Она единая всегда и всѣхъ плѣняетъ.» [412])
Слова сіи Амуръ, твердя повсюду самъ,
Представилъ грамоту Венерѣ и богамъ,
А вмѣстѣ съ грамотой и Душеньку представилъ, [413])
Котору въ чернотѣ дурную опъ не ставилъ.
Юпитеръ, покачавъ
Разумной головою,
Амуру далъ уставъ,
По силѣ старыхъ правъ,
Чтобъ вѣкъ плѣнялся онъ душевной красотою,
И Душенька была бъ всегда его четою.
Сама богиня красоты,
Изъ жалости тогда, иль нѣкакой тщеты. [414])
Какъ то̀ случается обычно,
Нашла за должно и прилично,
Чтобы ея сноха,
Терпѣніемъ своимъ очистясь отъ грѣха,
Наружну красоту обратно получила:

Небесною она росой ее умыла, [415])
И стала Душенька полна, цвѣтна, бѣла,
Какъ прежь сего была.
Амуръ и Душенька другъ другу равны стали,
И боги всѣ тогда ихъ вѣчно сочетали. [416])
Отъ нихъ родилась дочь, прекрасна такъ, какъ мать;
Но какъ ее назвать,
Въ россійскомъ языкѣ писатели не знаютъ.
Иные дочь сію Утѣхой называютъ,
Другіе Радостью, и Жизнью наконецъ;
И пусть, какъ хочетъ, всякъ мудрецъ
На свой зоветъ ее особый образецъ. [417])
Не премѣняется названіемъ Натура:
Читатель знаетъ то, и знаетъ весь народъ,
Каковъ родиться долженъ плодъ [418])
Отъ Душеньки и отъ Амура.

ПЕРЕМѢНЫ,

СДѢЛАННЫЯ АВТОРОМЪ ПРИ ПРЕЖНИХЪ ИЗДАНІЯХЪ «ДУШЕНЬКИ».

КНИГА ПЕРВАЯ.

—

[1]) Гдѣ боги спорили и гдѣ дрались герои,

[2]) Тебя, о Душенька, я въ помощь призываю,

[3]) Котору въ простотѣ свободной я слагаю.

[4]) Подай мнѣ нѣжну мысль, и разумъ мой осмѣль.

[5]) Гдѣ ты всегда безъ бѣдъ проводишь сладки дни.

[6]) Будь ты мой Аполлонъ и ты мой будь Парнассъ,
Содѣлай въ холодѣ счастливы перемѣны,
Яви всегдашнюю свою весну у насъ.
Съ тобою завсегда присутствуютъ Зефиры.

[7]) Вездѣ умомъ богатыхъ
И равныхъ и двойчатыхъ!

[8]) Коль мѣрныхъ пѣсней я не строю;

[9]) По вольному стиховъ покрою,
На всякой образецъ крою:

[10]) Отважно ставлю на концахъ.

[11]) Отважно и покойно стану,

[12]) Но чтобъ въ часы забавъ, веселья и покоя,

[13]) Могу поставить въ свѣтъ свидѣтелями ихъ,
Что въ вольныхъ я стихахъ моихъ,
Писалъ за ними въ слѣдъ исторію неложно,
И точно то сказалъ, что люди знали встарь.

[14]) Во древней Греціи, въ то время,
Когда размножилось повсюду Царско племя,
Какъ въ каждомъ городкѣ былъ Царь,

[15]) И злы и хищны такъ, какъ волки иль медвѣди:

[16]) Но тотъ, о коемъ я хочу сказать теперь,

[17]) Былъ обществу полезенъ,

[18]) И если находилъ онъ въ людяхъ звѣрски души,

[19]) Инымъ короткій хвостъ, инымъ двѣ пары ногъ,
Инымъ верблюжій горбъ, инымъ баранiй рогъ
Отъ ѣдкой древности, котора все глотаетъ,
Архива дѣлъ его не вся сбережена:
Остатокъ правъ его однако почитаетъ

[20]) Завистливымъ велѣлъ безъ дѣла вѣкъ труждаться,

[21]) Всегда крушило ихъ,

[22]) И всѣмъ потомкамъ ихъ далъ въ казнь такую жъ спѣсь,

[23]) Велѣлъ, чтобъ всякіе злонравны чудаки,

[24]) По коимъ въ обществѣ ихъ люди узнавали,

[25]) По общимъ мнѣніямъ уставъ сей былъ не строгъ,

[26]) Овидій, басенной исторіи писатель,
Который никогда неправды не сказалъ,
Овидій, общій нашъ и греческій пріятель,
Подробно описалъ
Какъ казни до сего у Грековъ были часты,

[27]) За всяку злобу ихъ,

[28]) Такая нова власть, безъ всякой строгой казни,

[29]) Особо жъ онъ тогда былъ славенъ изъ Царей,
Имѣя въ домѣ трехъ прекрасныхъ дочерей.

[30]) Я только лишь скажу: меньшая Царска дочь,

[31]) Въ языкахъ же другихъ, по толку мудрецовъ,
Слыла она Душа, при переводѣ словъ:
У Русскихъ Душенька она именовалась;

[32]) Къ названію ея приличнѣйшее слово,

[33]) Но часто похвала,
Опаснѣй чѣмъ хула.
Завистный міръ не любитъ,

[34]) И рѣжетъ правду въ слухъ

[35]) Когда весь міръ и вся Цитерская округа,

[36]) Тебя едину обожали,

[37]) Бѣжитъ толпою изъ Цитера,
Оставленна отъ всѣхъ Венера;
Куда ни обратитъ свой взоръ,
Не видитъ жертвъ и ѳміамовъ;

[38]) Вездѣ унылость лишь несло.

[39]) То каждый говорилъ на Душеньку свободно.

[40]) Потомъ пустилась въ путь Амура навѣстить.

[41]) «Ты знаешь, дѣти всѣ Юпитеровы смѣлы,

[42]) И можешь ли терпѣть, что Душенька собою,

[43]) «Содѣлай Душеньку несчастною во вѣкъ:
«Чтобы такой на ней женился человѣкъ,
«Который былъ бы всѣхъ душей и тѣломъ хуже;
«Чтобы она нашла себѣ тирана въ мужѣ,

[44]) «Чтобы краса ея увяла,

[45]) Хотя онъ зналъ Венеры свойство,

[46]) Свою озлобленную мать,
И былъ ей долженъ обѣщать,

[47]) То слыша, вкругъ его Амуры ужаснулись,

[48]) Что гнѣвъ на Душеньку отъ сына навлекла.
Назначила отъѣздъ во островъ свой обратно,
Съ улыбкою на всѣхъ кидая взоръ пріятно;
И, въ изъявленіе отмѣнна торжества,
Представила себя во славѣ божества.

[49]) Богиня древній свой устроила парадъ,

[50]) Продерзки волны усмиряетъ;

[51]) Жемчугъ ей ищетъ тамъ на днѣ,

[52]) Даетъ вездѣ приказы строги,

[53]) Предъ нею громко трубить въ рогъ.

[54]) Другія жъ, красотамъ дивясь,

55) Венеру могутъ лобызать

56) И противъ ней свою неутолиму месть;

57) Велѣла сродникамъ Царевны быть готовымъ

58) Пока ее они
Не приведутъ къ ней въ руки,
На всѣ оставши дни
Терпѣть различны муки.

59) Коль люди въ стыдъ богинь ее боготворили;

60) Слова тѣ Душенькѣ хотя пріятны были,

61) Когда бы ихъ тогда сказалъ любовникъ ей

62) «Поди ты, Душенька, въ лѣса,
«Бѣги, бѣги людей отныпѣ,
«И лучше ты живи въ пустынѣ.»

63) Они тогда о ней не менѣе крушились,

64) А къ нимъ жрецы пророки

65) Отвѣтъ же былъ притомъ не менѣ безтолковъ,

66) «Есть чудо съ крыльями, которо всѣхъ язвитъ,

67) «Всегда грызетъ сердца, питается слезами,
«Всегда оружіе имѣетъ на плечахъ,

68) «Сыскать къ супругу путь даютъ особый знакъ:

69) «Горы, которая невидима отсель,
«И выше всѣхъ, стоитъ за тридевять земель,

70) Отвѣтъ сей сродниковъ въ сомнѣніе привелъ
И неописанный въ нихъ ужасъ произвелъ,

71) Отъ разныхъ страховъ сихъ родные возмущались;

72) Не знали только, гдѣ высокая гора,

73) Что должно ѣхать съ ней имъ прямо на Парнассъ;
Извѣстно было имъ, что нѣкоторы Музы

74) Хотя мѣста тѣ святы,

75) Гдѣ змѣи лютые въ чести.

76) Иные думали вести ее къ Атласу,

77) Но люди смѣлые изъ плачущей родни

78) Что змѣи тамъ легко Царевну могутъ скушать,

79) И громко вся родня, безъ дальняго суда,
Воскликнула тогда,
Что Душенька отнюдь изъ дома не поѣдетъ,

[80]) Родня Царевнина и Царь, ея отецъ
Желали лучше всѣ, боговъ противясь власти,

[81]) На свѣтѣ скучивъ безъ супруга,

[82]) А чтобъ видна была роднѣ ея услуга,

[83]) «Живите въ счастіи, она сказала имъ:
«Я васъ должна спасти несчастіемъ моимъ.
«Пускай свершается боговъ безсмертныхъ воля,

[84]) Совѣтъ пустился плакать снова,
Никто отъ горести не могъ промолвить слова,
И слезы тутъ у всѣхъ катились по лицу.
Но въ горестнѣйшемъ плачѣ
Никто съ Царицею сравниться не возмогъ;
Она пускала стонъ и жалобы всѣхъ паче.
То, память потерявъ, валилась часто съ ногъ,
То въ горести, теряя мѣру,

[85]) Но хоть кричала то во всю большую мочь

[86]) Безъ кучера и безъ возжей,
Пустя по волѣ лошадей.

[87]) «Судьба конечно приведетъ
«На мѣсто счастія иль бѣдъ,

[88]) Садится Царска дочь и съ нею мать-Царица,

[89]) Везутъ безъ поводовъ,

[90]) Тутъ всякъ изъ нихъ стихамъ давалъ различный толкъ,

[91]) Другіе въ честь ей гимны пѣли,

[92]) И возвратяся въ домъ,
За диво возвѣщали;
Другіе жъ божествомъ
Царевну называли,

[93]) Но въ нихъ ни одного пригорка не видали;

[94]) Тамъ сами лошади остановились вдругъ,

[95]) Тогда тамъ всѣ Судебъ признаки находили,

[96]) Тамъ всѣ при каждомъ шагѣ,

[97]) Инымъ тамъ видѣлись Мегеры,

[98]) Но Царь и дочь пошли, и свита въ слѣдъ пустилась:
Осталась на пути одна Царица-мать,
Не могши далѣе шагать,

[99]) Хрустальная кровать

[100]) Которы тамъ драконы жрали.

КНИГА ВТОРАЯ.

—

[101]) Или что въ повѣстяхъ ужаснѣйшихъ читала,

[102]) Печальну жалобу на Небо произнесть,
Помчалась къ небу вдругъ, куда, никто не вѣсть:

[103]) Безъ крылъ несла ее невидимая сила;
И царское дитя,
Едва не обмерло, по воздуху летя.
Невидимый Зефиръ, воздушный Нимфъ носитель,
Который былъ ея и спутникъ и хранитель,
Увидѣвъ рѣдку красоту,

[104]) Какая власть его послала
Ее восхитить въ высоту;
Всѣ мысли устремилъ къ неслыханному диву,
И внѣ себя взвѣвалъ ей платье на лету.
Но видя наконецъ онъ Душеньку чуть живу,
Пріятнымъ голосомъ сей страхъ ея пресѣкъ;

[105]) Что къ ней Зефировъ полкъ назначенъ во услуги;
Далъ вѣдать о себѣ, отколь и кто таковъ,
И множество притомъ сказалъ ей лестныхъ словъ.
Амуры, вкругъ летя, тѣ рѣчи подтвердили,

И Душеньку тогда отъ страха свободили.
Чрезъ нѣсколько минутъ, Зефиръ ее вознесъ
Къ селенью нѣкому межъ облакъ и небесъ,

[106]) Тутъ взорамъ Душеньки открылась тма чудесъ:

[107]) И розами вездѣ усыпанны дороги:

[108]) Невиданной работы,
Агатныя вороты
Съ четырехъ всѣхъ сторонъ,

[109]) Таковъ былъ первый видъ, читатель примѣчай,

[110]) Нечаянно взнеслась въ устроенный ей рай.
Въ надеждѣ на боговъ, съ счастливымъ толь признакомъ,

[111]) Имъ Душенькинъ приходъ приказано стеречь,

[112]) Отъ Нимфъ ей сказаны похвальныя слова,

[113]) Но Душенька имъ всѣмъ велѣла быть въ покоѣ,

[114]) Читатель, такъ видалъ ты матку въ пчельномъ роѣ,
Когда юнѣйшій родъ, оставя старыхъ пчелъ,

Бунтуетъ, рѣзвится, журчитъ и въ даль летаетъ,

115) Ей только предвѣстилъ, но прямо не нарекъ.

116) И съ нетерпѣніемъ служащихъ вопрошала;

117) И Душенька о немъ въ незнаніи была.
Межъ тѣмъ она прошла крыльцовыя ступени,

118) Царевна райскіе увидѣла сады,
И прежніе свои забыла всѣ труды.

119) Какіе созидать лишь только могутъ боги,

120) И благовонныя работали ей мылы,

121) Для нѣкакой въ нихъ силы.

122) Какія были тамъ готовы,

123) Но слугъ различныхъ полкъ, предъ тѣмъ отдавъ поклонъ,
Былъ долженъ выйти вонъ.
Амуры за дверьми, не бывъ при ней въ услугѣ,
Тогда лишь слѣдъ ея лобзали на досугѣ.

124) Зефиры жъ хищные имѣя входъ вездѣ
Затѣмъ, что ростомъ мелки,

125) Гдѣ Царска дочь купалась:

[126]) Зефиры! коихъ я счастливѣйшими чту,
Вы тамо видѣли Царевны красоту:

[127]) Всѣ части, всѣ черты,

[128]) Которыхъ разуму представить не удобно:

[129]) Молчанье ваше разумѣю:

[130]) Я Душеньки красотъ описывать не смѣю

[131]) Съ улыбкою свои раскидывала взгляды,
На изготовленны ей платья и наряды

[132]) Иль лучше такъ сказать, то мысль ея творила
Коль вещи съ мыслями предъ ней являлись вдругъ.

[133]) И по стѣнамъ стоятъ предъ ней великимъ рядомъ,

[134]) Въ ближайшей залѣ былъ къ обѣду столъ готовъ;
Тамъ яствы и напитки
Являли всѣхъ сластей довольство и избытки.
Тамъ пектаръ всѣхъ родовъ,
И все, что для боговъ,

[135]) Та пища красоты и силы придавала,
И Душенька труды, покушавъ, забывала.

Амуры, чтобъ притомъ ей ревность изъявить,

136) Иной былъ кравчимъ тамъ, другой носилъ посуду,
Иль рюмки наливалъ, и всякъ совался всюду;

137) Кому, изъ рукъ своихъ, ихъ новая богиня

138) Царевны зрѣніемъ единымъ услаждались.

139) Какія сочинять лишь можетъ богъ стиховъ.
Вначалѣ райскія тамъ собраны пѣвицы,

140) Но впрочемъ Душенька рѣшиться не могла,

141) Онѣ имѣли всѣ въ искусствѣ равну честь,

142) Толь медленно, толь внятно,
И содержаніе ихъ было толь пріятно,

143) И послѣ по всему ихъ дому распустила.

144) Впослѣдокъ таковы и къ намъ они дошли
«Любови всѣ сердца подвластны,
«И сами боги чтутъ законъ,
«Какой уставилъ Купидонъ,
«Чтобъ были всѣ ему причастны.
«Познай, красавица, любовь;
«Ты счастіе познаешь вновь.»
Та пѣсня многажды предъ Душенькой пропѣта.

145) Потомъ одна изъ Нимфъ къ ней вышла доложить,
Что время было опочить.

146) И тамъ, ко всякому покою отъ дорогъ,

147) Обѣщанный супругъ, чрезъ нѣсколько минутъ,
Въ невидимомъ лицѣ тогда явился тутъ.

148) Онъ былъ въ объятіяхъ, но не былъ онъ въ очахъ,

149) Никто не вѣдаетъ, ни что̀ сказалъ женихъ,
Ни что̀ они потомъ другъ съ другомъ говорили,
Ни о подробностяхъ, притомъ какія были;

150) Супружество могло быть впрочемъ ей пріятно,
Лишь только таинство въ немъ было непонятно:

151) Неслыханъ былъ толь тайный бракъ.
Царевна, думая о томъ и такъ и сякъ,

152) Хотя же Душенька ипако разумѣла,

153) И изъ его притомъ пріятнѣйшихъ рѣчей,

154) Въ сомнѣнномъ семъ ея удѣлѣ
Скрывалася почная тѣнь,

И Душенька межъ тѣмъ въ постелѣ,
Не зная какъ рѣшить о дѣлѣ,

155) Увидѣла, что былъ ужъ день;
Но день сей могъ ли тамъ забавить?

156) Она желала дня конца,
И съ нетерпѣніемъ ждала обратно ночи.
Тутъ снова сонъ закрылъ ея прекрасны очи.

157) То, словомъ, образъ былъ младого Аполлона.

158) Дай зрѣть себя, любезный мой!

159) Намѣсто бѣглеца, свой спальный капишонъ.

160) Быть можетъ, что тогда супругъ, сокрывшись тамо,
Вблизи подслушивалъ ея любовный бредъ,

161) Супруга своего она лишь зрѣла слѣдъ,
Лишь только было ей тогда узнать возможно

162) Что онъ, ушедъ отъ ней, оставилъ ей любовь,
Что Душенька тогда любовью сей пылала;
Но тщетно зрѣть его желала,
И въ прежни мысли ввергласъ вновь.
Услужный сонъ, кружась надъ нею съ тишиною,

163) Я, Душенькину въ томъ послѣдуя уставу,

164) Что только лишь могло ей дѣлать тамъ забаву.

165) И не оставила, тамъ бѣгая, угла

166) Одни Зефиры лишь ей слѣдовать могли,

167) Которы Душенька, осматривая вкругъ,

168) Едина отъ другой смотрѣнье отвлекала;

169) Для отдыха она на время отъ трудовъ.

170) Безсмертно царствуютъ, какъ память ихъ въ умахъ.

171) Тамъ образъ Душенькинъ стоялъ,
И паче красотой другіе унижалъ.

172) Другая статуя въ ней видѣлась тогда,
Какой никто потомъ не видѣлъ никогда.
Тутъ долго бъ Душенька осталась

173) Для новой глазъ ея забавы,
Въ другихъ мѣстахъ казали ей

174) Въ иныхъ мѣстахъ Апеллъ, иль живописи богъ,

175) Но хочетъ ли она узрѣть себя въ картинахъ?

Въ иной Зефиры ей несутъ Помонинъ рогъ,
И сыпля ей цвѣты, съ ней рѣзвятся въ долинахъ.

[176]) И болѣ какъ копьемъ, своимъ прекраснымъ взоромъ,

[177]) Желаетъ быть моложе,

[178]) А тамъ представлена она среди Утѣхъ,

[179]) И вымыслами игръ различныхъ производятъ

[180]) И, можетъ быть, странясь отъ критикъ злокрамольныхъ,

[181]) Въ картинахъ же онѣ, какъ вѣстно, чудесами

[182]) А чтобъ, встрѣчаясь тамъ,
Различные предметы
Не скучили ея глазамъ,
Въ другихъ мѣстахъ ея портреты
Одни являлись по стѣнамъ,

[183]) Во всѣхъ ты, Душенька, уборахъ хороша:

[184]) Пастушкою ль сидишь ты возлѣ шалаша,

[185]) Гдѣ жители тебя достойно обожали,
Былъ храмъ твоихъ красотъ; и нѣтъ сомнѣнья въ томъ,

Что храмъ сей для тебя Амуры соружали,

186) Амуры образъ твой повсюду начертали;

187) Тамъ вѣчнымъ жаромъ лѣта
Земля была нагрѣта,

188) Тамъ нова слугъ толпа на встрѣчу къ ней
летѣла,

189) Царевна въ первый день о всемъ узнать хо-
тѣла,
Вездѣ хотѣла погулять;

190) Ея приходомъ вся Натура оживлялась.

191) Какъ будтобъ нѣкое влеченье ощущали,
И тихимъ шумомъ тамъ другъ другу возвѣщали,
Подъ тѣнію своей блестящи красоты;

192) И гдѣ Царевна шла, въ томъ мѣстѣ выро-
сталъ.

193) Какъ будто оживленъ, къ ней силился при-
льнуть.
Умолкли хоры птицъ, внимая шумъ древесный,
И за Амурами текли въ ихъ путь извѣстный,

194) Бѣжали прочь оттоль Фауны и Сатиры,
И дули тамъ одни тишайшіе Зефиры.

195) Смотрѣть на путь ся, тамъ головы поднявъ,

196) Являлись тамъ къ ея услугамъ, иль къ забавѣ,
Иль въ честь ея державѣ
И къ славѣ торжества.

197) И съ свитой и одна, къ тѣнистымъ симъ мѣстамъ,

198) Ихъ самъ онъ можетъ отгадать.

199) Въ сихъ скукахъ Царска дочь, пускаяся въ нарядъ,
Въ уборахъ время провождала,
Всегда обнову надѣвала,
Въ обновѣ же ходила въ садъ,
И тако скуку прогоняла.

200) Къ утѣхамъ чувствій нѣжныхъ,
Въ счастливыхъ дняхъ и безмятежныхъ,

201) Въ Россіи наконецъ, гонитель злыхъ пороковъ,
Почтенный Сумароковъ,

202) Но чтобы всѣ текли веселья безъ помѣхъ,
Печальный всякой видъ тиранствъ, смертей, измѣны,
Былъ изгнанъ изъ палатъ, гдѣ царствовалъ лишь смѣхъ,

[203]) Невѣдомъ былъ княжалъ плачевной Мельпомены.

[204]) И кто и какъ живалъ, и нынѣ какъ живетъ,

[205]) Тамъ авторъ силился слезами всѣхъ тронуть,
И героння тамъ, въ печальнѣйшемъ нарядѣ,

[206]) Но чѣмъ тогда въ бѣдахъ,

[207]) Она, сказавъ люблю, ахъ! вышла изъ покоя,

[208]) Царевна тамъ еще взяла читать стихи,

[209]) Въ семъ домѣ въ первый разъ она узнала скуку,
И бросивъ ихъ подъ столъ, ушибла больно руку.

[210]) И послѣ Душенька, боясь конечно скукъ,

[211]) Стиховъ три года не читала,
Хотя ихъ нѣкогда сама она слагала;

[212]) И въ семъ изгнаніи стиховъ,
Оставила не чтя похвальныя ей оды.
Желала посмотрѣть впослѣдокъ переводы

[213]) Но въ нѣкакихъ словахъ ихъ мало разумѣла,

[214]) На знаемый языкъ, Амурамъ перевесть,

215) Царевна, знавъ, что имъ не писанъ былъ законъ,
Ихъ вольности не нарушала,
Но сихъ твореній не читала.
Три года тако жизнь Царевна провождала:
Счастлива бы была, когда бъ прекрасный рай

216) Что Стиксомъ клялся въ томъ богамъ,

217) Супруга въ домѣ по почамъ;

218) Впослѣдокъ онъ, для большей вѣры,
Какъ въ томъ бѣды предузпавалъ,
Въ слезахъ ее увѣщавалъ,
Чтобъ свѣта бѣгала въ свиданіяхъ любовныхъ,
И паче бъ стереглась коварства самыхъ кровныхъ,
Которые хотятъ ей гибель нанести;
Что если будетъ власть на то боговъ верховныхъ,
Ее никакъ отъ бѣдъ не можетъ онъ спасти,

219) Вздохнувши онъ тогда отъ страховъ толь суровыхъ,
Едва изъ дома отлетѣлъ,
Зефиръ, который вдаль посыланъ былъ для дѣлъ,
Принесъ отвсюду ей пуки извѣстій новыхъ,
Что двѣ ея сестры
Пришли ее искать у страшной той горы,
Откуда имъ Зефиромъ
Она вознесена въ прекрасный рай надъ міромъ;

[220]) Ты бъ въ вѣчной тайнѣ сокрывалъ

[221]) Къ несчастью, никакой не встрѣтился съ нимъ духъ,
Кто близкихъ бы для ней напастей вѣдалъ слухъ,
И кто бы, при такой незнаемой измѣнѣ,

[222]) Сихъ сестръ передъ себя велѣла въ рай привесть.

[223]) То счастье мало веселитъ,
Котораго никто не знаетъ,
И радость вдвое тотъ вкушаетъ,
Кто радости съ другимъ дѣлитъ.

[224]) Но ревность ядъ тогда простерла въ ихъ сердцахъ,
Втвердила въ мысли ихъ, какъ будто грѣхъ Натуры,

[225]) Богини служатъ ей Зефиры и Амуры.
Къ тому имъ Душенька сказала съ хвастовствомъ,

[226]) И всякія всегда ей дѣлаетъ услуги.

[227]) Не зная что сказать, Царевна тутъ запнулась,
Желала скрыть отъ сестръ сумнѣнныя дѣла,
И въ рѣчи запнулась.
Хотя же не могла

Разлуку съ нимъ оправить
Сестры, отъ ревности, которая ихъ жгла,
Не преминули то въ умѣ себѣ представить,
Что Душенькинъ супругъ любезнѣйшій былъ
богъ,
Что въ сихъ блаженствахъ вышнихъ,
И видимыхъ и слышныхъ,
Ни злой, ни страшный духъ присутствовать
не могъ;

228) Легко отъ ревности себѣ воображали,
И тайно отъ сестры между собой шептали:
«За что супруга ей Судьбы на Небѣ дали?

229) «Едва въ простыхъ царяхъ себѣ мужей
нашли,

230) «И намъ отнюдь не пары,»

231) Впослѣдокъ говорили,

232) Коварна ненависть, судя повсюду строго,

233) И день и два и три супругъ гостямъ не явенъ.
Тогда отверзла вслухъ уста свои хула:
«Конечно былъ супругъ недобръ, угрюмъ, зло-
нравенъ,
«Конечно Душенька несчастлива была,
«И сестръ неправыми словами обманула.»
Тогда Царевна воздохнула,
Потупила глаза, на сестръ своихъ взглянула,

И слезы тутъ себѣ въ улику пролила.
Тогда сестрамъ открыла,
Куда по днямъ ходила,
И гдѣ и какъ жила,

234) Мгновенно сообщилъ одинъ другому ядъ,
Который былъ прикрытъ доброжеланьемъ внѣшнимъ.

235) Что въ страшныхъ сихъ мѣстахъ быть долго опасались,
И что сначала имъ сомнителенъ былъ домъ;

236) Манятъ людей въ сей страшный край,

237) И будто бъ испускалъ онъ искры изъ ноздрей,

238) Имъ общій всѣмъ позоръ

239) Что дѣти отъ нея должны быть всѣ уроды,

240) Когда бъ онъ не былъ змѣй,

241) Впослѣдокъ Душенька завѣрно положила,

242) Что мужъ ея колдунъ, и могъ себя являть
Дракономъ, аспидомъ и всякой видъ принять,
Но въ видѣ семъ онъ ей не могъ себя казать,
Чтобъ тѣмъ ее не испугать;

243) «Что знали отъ меня и видѣли вы сами;
«Скажите, что я здѣсь неволею жила,
«Но волей умерла.»

244) Что лютыхъ золъ ея невѣдомый творецъ,
Быть можетъ, ихъ самихъ пожретъ или удавитъ;

245) Въ удобный сонный часъ зарѣзать колдуна,

246) Она во весь свой вѣкъ не рѣзала людей,
И жалость завсегда имѣла мѣсто въ ней;

247) Въ груди ея таилась.

248) Сестры то вѣдали и смѣло отвѣчали

249) Что тотчасъ принесутъ ей самый острый мечъ,

250) Пріятна ли была ей ревность сихъ услугъ,

251) Прекрасна Душенька, тогда безъ мыслей дальныхъ,

252) Что двѣ сестры потомъ въ полетѣ,
Съ лампаднымъ свѣтомъ отъ земли
Сей мечъ на воздухъ унесли,
И послѣ нѣкакой дороги
Взнесли въ извѣстные чертоги,
Гдѣ Душенька ждала сестеръ;
А для пристойныхъ тамо мѣръ,

Потомъ навѣки съ ней простились,
И въ путь къ домамъ скорѣй пустились.

253) Амуры не могли, какъ должно, ей помочь;

254) Но хитрости ли въ томъ Царевны успѣвали;

255) Онъ, мало говоря, спокоился, вздохнулъ,

256) И съ предпріятіемъ печальнымъ,

257) Кого въ одрѣ своемъ находишь?

258) Казалось будто бъ въ ономъ снѣ

259) Таковъ являлся богъ Амуръ,

260) Каковъ быть долженъ богъ пріятствъ,

261) Увидѣвъ Душенька прекрасно божество,

262) Что сей супругъ ея прекраснѣйшій былъ богъ,

263) Которымъ жизнь свою хотѣла окончать,

264) Но удовольствіемъ очей
Остановлялась мысль любовна,

265) Она не разъ себя тутъ въ мысляхъ обвиняла,
Смотря со всѣхъ сторонъ, что видѣть лишь могла,

Почто давно къ нему съ лампадой не пришла,
Почто сихъ прелестей толь долго не видала,

266) Ожогою бедра супруга разбудила.
Онъ, чувствуя жестоку боль,

267) Вздрогнулъ, вскричалъ, проснулся,

268) Сказать всю бытность отъ начала,
Иль что въ поправку дѣлъ сказать ему могла:

269) И свѣтъ и мечъ во всемъ уликою являлись,

КНИГА ТРЕТІЯ.

270) Бывала Душенька всѣхъ радостей душою,

271) Но вдругъ во всемъ дворѣ разсѣялися слухи,

272) Но были такъ легки, какъ наши петиметры.
Зефиры были вѣтры:

273) Быть долго постоянны,

274) Оставивъ Душеньку за шалость и за грѣхъ,
И вспомнивъ древню ихъ преданность и услугу,

275) Амуры къ Душенькѣ всѣхъ болѣ склонны были,

276) Но вѣдая въ томъ вышню власть,
Къ ней близко подступить не смѣли;
Или, то можетъ быть, они, предвидя впредь
Всѣ горести ея и скорби и печали,
Судили лучше ей въ сей долѣ умереть,

277) Коль смерть тебя отъ бѣдъ грозящихъ не избавитъ,
Сей свѣтъ, въ которомъ ты равнялась съ божествомъ,
Отнынѣ для тебя наполненъ будетъ зломъ,

278) Тебя на бѣдствія оставилъ Купидонъ.

279) Прошли какъ-будто сонъ.
Кто сладки дни вкушалъ и сладкихъ дней лишился,
Тотъ болѣ вѣдаетъ ихъ цѣну и уронъ;

280) И утѣшеніе себѣ не чаетъ впредь,
Конечно моего не опорочитъ слова,

281) Но гнѣвная Судьба къ ней толь была сурова,

282) Судьба судила такъ, чтобъ Душенька жила,

283) Могла бы тѣмъ свою печаль и скорбь умѣрить;

284) Грѣхомъ, утратила какъ дура,

285) И чѣмъ сильнѣй она свой чувствовала грѣхъ,
Тѣмъ болѣ нѣжною любовью пламенѣла,

286) Онъ тайно ею любовался,
Онъ, крадучись, ея поступки примѣчалъ;

287) И извиняючи въ ней сворость всякой вѣры,

288) Былъ долженъ Душеньку предать ея судьбамъ.

289) Противу склонности былъ долженъ ухищряться,
Противъ желанія былъ долженъ притворяться,

290) Амуръ, Амуръ! она отчаянно вскричала.

291) Едва не позабылъ всю грозу вышней власти,

292) Всю тщетность наконецъ спхъ лестныхъ упованій,
Всю гибель Душеньки, строжайшимъ ей судомъ

293) Предсталъ ея очамъ,

294) И будто жалости не вѣдая вовѣкъ,
Онъ гнѣвнымъ голосомъ, съ презоромъ, произрекъ
Отнынѣ участь ей, предписанну богами:

[295]) «Ей Боги дали власть повелѣвать тобою....

[296]) Но какъ то ни было, любови нѣжной сила,
Иль паче нѣкая невидимая власть,
Умноживъ лютую Царевнину напасть,
Умножила ея мучительную страсть:

[297]) И всѣхъ надеждъ лишась, тѣмъ болѣе любила
Супруга, коего безумно оскорбила,

[298]) Проливъ въ отчаяньи потоки горькихъ слезъ,

[299]) Узрѣвъ бездонную тамъ пропасть подъ горой,
Съ вершины броситься въ ту пропасть предпріяла:

[300]) Зефиръ, старинный другъ, при аэрныхъ путяхъ
Увидѣлъ Душеньку въ толь видимыхъ бѣдахъ,

[301]) Онъ воздухъ тихимъ тамъ дыханьемъ растворилъ,

[302]) Сомнѣнія въ томъ нѣтъ, что сонъ и вся Натура,

[303]) Амуръ, который зрѣлъ Царевны скорбь и трудъ,

[304]) Къ небытію была влекома въ сей пустынѣ,

[305]) Ниже другого острія,

306) И вмѣсто смертнаго успокоенья муки,

307) Вблизи тамъ росъ дубнякъ,

308) На Душенькѣ тогда былъ алепькой платокъ.

309) Тамъ выбравъ крѣпкой сукъ, послѣдній шагъ ступила,
Свой аленькой платокъ какъ должно прицѣпила,

310) Дубовый сукъ, на чемъ царева дочь повисла,

311) И горы вскрикнули, толь громко какъ возможно,

312) Ихъ рѣчи утвердилъ, любуяся безъ словъ.

313) Представился еще ей новый смерти родъ,

314) Она рѣшилась утопиться.
Рѣка

315) Тамъ, съ берега крутова,
Гдѣ дно скрывалось подъ водой,
Въ слезахъ не вымолвивъ ни слова,

316) И ѣхавъ тамъ поверхъ ліющейся дороги,

317) Что будто вмѣсто щукъ тамъ видѣли Наядъ,
Что тамъ Наяды, эскадрономъ

[318]) Бывъ нѣкогда въ раю подъ счастливымъ закономъ,
За Душенькою вновь спѣшили вслѣдъ догономъ,

[319]) Признать въ ней прежнюю владычицу свою:

[320]) Ихъ, будто бы за грѣхъ карая,
Служить на волю распустилъ.

[321]) Гдѣ тщетно жизнь потомъ кляла,

[322]) Остался наконецъ одинъ лишь смерти родъ,

[323]) Еще себя она надеждою питала,

[324]) Въ дали у берега тамъ нѣкой дымъ курился,

[325]) Нашла себѣ дрова, раскладенныя въ ямѣ,
Горящія во пламѣ,

[326]) Былъ старый рыболовъ;

[327]) Отъѣхавъ вдаль въ то время.

[328]) Могла себя тамъ сжечь,
Въ пустомъ и чистомъ полѣ,
На самой полной волѣ.
Никто бы вытащить не могъ ее оттолѣ.

[329]) Она, сказавъ ко всѣмъ прощательную рѣчь,
Лишь только бросилась во пламенную печь,

330) Остался лишь въ кострѣ потребный теплый духъ,
Затѣмъ, чтобъ Душенька тамъ ножки осушила,

331) Восколебались тамо воды,

332) Но знаю, что потомъ вскруженный старый дѣдъ,

333) «Подай мнѣ помощи ты руку,

334) Что смерть она напрасно чаетъ,
Что смерти ей на свѣтѣ нѣтъ;
Но что еще она не знаетъ
Всю строгость ей грозящихъ бѣдъ:

335) И грамматы о ней прибиты,

336) Тамъ Душенька сама прочла

337) «Она же взорами творитъ сердцамъ изъянъ,

338) «Тотъ вѣкъ грѣха сего не смоетъ,

339) Изъ должности одни Цитерскіе пролазы

340) Впослѣдокъ Душенька за благо разсудила
Просить о помощи начальнѣйшихъ богинь.

341) Но со дня, какъ въ раю Амура полюбила,

342) Тотъ дерзокъ былъ, тотъ трусъ, тотъ гордъ,
тотъ подлый шпынь;

343) Въ ней Душенька найти могла бы оборону,
Но та сама въ тѣ дни свою имѣла грусть:

344) Впослѣдокъ до ушей Юноны слухъ проникъ,

345) И можетъ быть, затѣмъ, какъ видѣла Юнона,

346) Тогда у всѣхъ своихъ являлась алтарей.

347) Въ сей скорби Душенька, привыкши вдаль
ходить,

348) Трясли надъ многими мѣстами,

349) А паче какъ хвостомъ комета всѣхъ сши-
баетъ,

350) Никто ея еще не нарушалъ забавъ,

351) Лишила бъ Душеньку всѣхъ милостей и правъ.
Куда идти? еще ль къ Минервѣ, или Церерѣ?

352) Но Душенька, въ сіе стеченіе народа,
Избравъ тишайшій часъ,

353) Къ ней строгаго закона,

354) И благовонная тамъ падала роса,

355) Далъ строгій всѣмъ приказъ, въ угодность сей богинѣ,

356) Тамъ самы дики звѣри

357) А овцы, позабывши страхъ,

358) Невѣдомъ былъ тамъ жалобъ гласъ,

359) Богининъ храмъ стоялъ межъ множества столповъ.
Сей храмъ отъ всѣхъ сторонъ являлъ два разныхъ входа,

360) Отъ всѣхъ наукъ, отъ всѣхъ искусствъ и всѣхъ затѣй,

361) Привѣсилъ во углѣ цѣвницу золотую.

362) Во храмѣ распестрилъ живымъ письмомъ всѣ стѣны.

363) Неся богинѣ въ дань усердный только духъ,

364) Сей ликъ былъ нѣкою чудесною рукой,

365) Явилъ намъ въ первый разъ во всей красѣ Венеру.

366) Читатель можетъ то рѣшить по волѣ самъ.

[367]) Въ минуту на себя всѣхъ очи обратила:

[368]) По виду жъ Душеньки, согласно весь народъ,

[369]) Что истинная тамъ богиня всѣхъ красотъ,
Ведя съ собою вкругъ Амуровъ хороводъ,
Имѣя яблоко Парисово въ десницѣ,

[370]) Сама изъ Пафоса ко храму прибыла;

[371]) Вотще Царевна тутъ всѣхъ обще увѣряла,

[372]) Рекла къ ней Душенька, колѣна преклоня:

[373]) Сама желаю быть твоею я рабою,

[374]) «Чтобы всегда могла твои я очи зрѣть.»

[375]) При разныхъ службахъ повелѣнныхъ.

[376]) И только бы одной Венерою прельщались.

[377]) Кто первую попьетъ, здоровье получаетъ;
Вторую кто попьетъ, здоровье потеряетъ,
Но къ симъ водамъ лишь тотъ доходитъ, кто счастливъ.
Пошла Царева дочь, тогда безъ дальня чина,
Какъ должно, прищѣпивъ
Подъ плечи два кувшина,

[378]) Пошла куда, и кто съ ней будетъ провожатымъ?

379) Ей на ухо шепнулъ,

380) Какъ развѣ напоитъ кто змѣя питьецомъ.

381) При семъ ее снабдилъ онъ нѣкакою флягой,

382) И змѣю рѣчь сказавъ, въ змѣино горло влить.
Когда жъ на питьецо свою онъ пасть разинетъ,
Онъ голову съ хвостомъ легко потомъ раздви-
нетъ,
И Душенька найдетъ себѣ свободный путь,
Живую ль, мертвую ль тамъ воду почерпнуть.
Не въ долгомъ времени Царевна путь скончала,
Чрезъ нѣсколько минутъ явилася у водъ,
И вспомнивъ весь совѣтъ, предъ змѣемъ рѣчь
сказала.

383) «И видомъ краше ты верблюда;

384) «Широко разѣваешь пасть,

385) «Содѣлай край лихимъ бѣдамъ,
«Пусти ты Душеньку къ водамъ.»

386) Горынычъ пасть разинулъ,
Хлебнулъ изъ фляги питьеца,
Заснулъ, и голову съ хвостомъ тогда раздви-
нулъ.

387) Въ свободѣ Душенька, попивъ живой воды,
Забыла всѣ труды

388) Въ ней нова красота въ то время возблистала,
И къ умноженью лишь сопернице досадъ,
Съ водой она явясь назадъ,
Предъ ней какъ роза процвѣтала.
Впослѣдокъ Душеньку богиня умышляла
Заставить мертву воду пить;

389) Но вѣстно было ей

390) Въ томъ самомъ иль въ другомъ саду, вблизи Атласа,

391) Златыя яблоки она по вся дни ѣла,

392) Который самъ, какъ стражъ, въ немъ яблокъ не вкушалъ,

393) А если прихолилъ кто яблокъ сихъ покушать,
Тотъ прежде долженъ былъ его загадки слушать:

394) Того изжаривши, обыкъ онъ послѣ жрать.

395) Послала Душеньку тѣхъ яблокъ доставать.
Зефиръ явилъ ей вновь потребную услугу,

396) Шепнулъ ей на ухо, какую рѣчь сказать,
Какъ должно на вопросъ Кащею отвѣчать,
Потомъ подъ деревомъ подставить только полу,
А яблоки тогда скатятся сами къ долу,

397) Зефиръ, не мѣшкавъ, далъ полезный ей совѣтъ

398) Сказалъ, что ей въ лѣсу представится избушка;
Въ избушкѣ тамъ сидитъ старушка;

399) И отведетъ ее въ кутокъ;
Въ куткѣ покажетъ внизъ ступени,

400) Окончить счастливо и сей подземный путь;

401) Въ пути остановлялась,
Желая видѣть внутрь, и въ тотъ же самый часъ

402) Какъ-будто бы платкомъ могла себя марать.

403) И къ токамъ чистыхъ водъ когда лицо склоняла.
Они служили ей въ замѣну лишь зерцала:
Смотряся въ нихъ, лишь вновь увѣрила себя,

404) Любуяся ея и видомъ и осанкой,

405) Не видѣли ея горчайшаго стыда,

406) И славя всѣмъ ея пороки безпрестанно,

407) Амуръ дотоль ея напастьми отвлеченъ,
Всѣ мысли устремлялъ къ единому лишь виду,

408) Но наглость ихъ потомъ преобратилъ имъ въ казнь:

409) И прямо ихъ поставитъ въ рай;
А тамъ имъ всякія Амуръ явитъ услуги,
Намѣрясь купно ихъ обѣихъ взять въ супруги.

410) Лишь головы себѣ сломали.

411) И что, подшедъ, у ней онъ руку цаловалъ,

412) «Что время дѣлаетъ прекрасный видъ худымъ,
«Что внѣшній блескъ въ очахъ преходитъ такъ, какъ дымъ,
«Но красота души свой образъ сохраняетъ,
«Всегда влечетъ умы, всегда сердца плѣняетъ.»

413) И вмѣстѣ съ грамматой онъ Душеньку представилъ,

414) Изъ жалости ль тогда, иль нѣкакой тщеты,

415) Богиня нѣкакой росой ее умыла:

416) И ихъ тогда навѣкъ всѣ боги сочетали.

417) Зоветъ ее на свой особый образецъ.

418) Каковъ быть долженъ плодъ.

НОВЫЯ ПЕРЕМѢНЫ СТИХОВЪ ПРИ 3-мъ ИЗДАНІИ

ДУШЕНЬКИ.

=

КНИГА ПЕРВАЯ.

—

Омиръ, отецъ стиховъ,
Двойчатыхъ, мѣрныхъ, стройныхъ,
стр. 8, ст. 2 и 3.

Коль выкрайкою словъ себя не безпокою,
стр. 8, ст. 6.

Доволенъ мыслію простою,
стр. 8, ст. 7 и 8.

О, еслибъ ты, Омиръ, проснулся!
стр. 12, ст. 11.

Соперницы твоей не знала ты печали!
стр. 14, ст. 15.

«Чтобъ всякой отъ нея чуждался человѣкъ
стр. 17, ст. 12.

Что бѣдство Душеньки преходитъ всяку мѣру
стр. 21, ст. 9.

Не долги были сборы тамъ.
стр. 29, ст. 16.

КНИГА ВТОРАЯ.

Сказалъ ей съ тихостью, приличною Зефиру,
стр. 35, ст. 14.

Межъ тѣмъ прошла она крыльцовыя ступени,
стр. 37, ст. 21.

Желая показать
стр. 62, ст. 20.

КНИГА ТРЕТІЯ.

—

Ко страхамъ и несчастью
стр. 78, ст. 23.

Амуръ, предавшися движенью нѣжной страсти,
стр. 80, ст. 17.

Она рѣшила утопиться.
стр. 88, ст. 20.

Счастливѣе бъ она боговъ о томъ просила,
стр. 95, ст. 12.

Бѣду нарочно попустилъ,
стр. 116, ст. 7.

СУГУБОЕ БЛАЖЕНСТВО,

ПОЭМА.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ

И

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ,

ВСЕРОССІЙСКАГО ПРЕСТОЛА НАСЛѢДНИКУ,

МИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ.

Залогъ, врученный намъ отъ щедрыя Судьбины,
Ко продолженію счастливыхъ нашихъ лѣтъ,
Дражайшій даръ Небесъ и даръ Екатерины,
Надежды общія пріятнѣйшій предметъ,
О, Ты! который всѣхъ съ щедротою внимая,
Ко подданнымъ Твоимъ являешь кроткій зракъ,
Великій Князь, позволь, чтобъ Муза молодая
Желаній искреннихъ Тебѣ явила знакъ;
Позволь, чтобъ для Тебя я лиру днесь настроилъ,
Котору удостой и нынѣ такъ пріять,
Какъ оную пріять Ты прежде удостоилъ,
Когда дерзалъ я пѣть Твою преславну Мать.
Дерзаю посвятить Тебѣ я ону лиру,
Котора, можетъ быть, впослѣдокъ возвѣститъ
Твои великія дѣла пространну міру,
И славу до краевъ земныхъ Твою промчитъ,

Провозгласитъ Твое премудро попеченье,
Твою къ Отечеству и къ истинѣ любовь,
И къ подражанію преславныхъ дѣлъ стремленье,
Коль свѣту Ты явишь собой примѣры вновь.

Превзыдешь ты свое желаніе, Россія,
Пророчествующій я слышу въ небѣ гласъ:
Ты будешь времена имѣть всегда златыя,
И пѣсней не прерветъ ликующій Парнассъ.

=

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

—

Пою сугубаго причину благодѣйства,
Источникъ счастія и бытіе временъ,
Которы на земли открыли путь блаженства,
И лучшій жребій намъ чрезъ множество премѣнъ.
Въ селеніи небесъ пространномъ обитая,
Спусти ко мнѣ свои пресвѣтлые лучи,
Твоимъ вліяніемъ, о, Истина святая!
Внушить твой смертный гласъ мой разумъ научи;
Вдохни въ меня твои божественны законы,
Представь, какъ смертные въ природномъ бытіи
Пріяли отъ тебя и скиптры и короны,
Дабы предписывать уставы намъ твои;
Представь передъ очми ты Павла молодаго
Начальный въ естествѣ благополучный вѣкъ.
Какъ чрезъ числилъ всякъ свое въ спокойствѣ общемъ
благо,
Какъ самъ давалъ себѣ законы человѣкъ,
Когда онъ истину любилъ безпринужденно,
Не бывъ никаковымъ уставамъ покоренъ.

Какъ время наконецъ то стало быть премѣнно
И какъ сугубымъ былъ онъ счастьемъ награжденъ.
А вы откройте путь въ жилище ваше дивно,
О, Музы! я умомъ взнестись отважусь къ вамъ,
Въ мѣста, гдѣ царствуетъ весна безперерывно,
И гдѣ сооруженъ божественный вашъ храмъ,
Гдѣ свѣтитъ вѣчный день и мракъ не знаемъ нощи,
Гдѣ ревностнымъ сердцамъ всегда отворенъ входъ;
Позвольте мнѣ вступить въ священны ваши рощи,
И оживляющихъ коснуться вашихъ водъ.
Но, Музы, я не съ тѣмъ вхожу въ вашъ храмъ почтенной,
Чтобъ вымышленными примѣрами боговъ,
Высокопарностью и красотой надменной
Украсить искренность моихъ усердныхъ словъ.
Я съ Пиндаромъ не тщусь быть славою возвышенъ,
Не славнымъ въ свѣтѣ я, полезнымъ быть хочу;
Коль гласъ мой въ простотѣ межъ вами будетъ слышенъ,
Я всю свою тогда награду получу.
Лишь тѣмъ должна быть пѣснь моя красна и стройна;
Коль мѣста въ ней имѣть не будетъ подла лесть,
Коль будетъ Павлова пріятія достойна,
Коль истину предъ Нимъ потщится превознесть.

*

Се книга вѣчности разгнулась предо мною,
Гдѣ всѣ представились прешедши времена,
И всѣ, вмѣщенныя обширностью земною,
Безчисленныя въ ней явились племена.

Открылся образъ мнѣ первоначальна вѣка,
Въ которомъ царствовалъ еще природы гласъ;
Изъ нѣдръ небытія изшедша человѣка
Я вижу на земномъ пространствѣ въ первый разъ;
Въ тотъ часъ, какъ онъ свое увидѣлъ совершенство,
Одними чувствами своими наученъ,
Какъ каждый взоръ ему казалъ его блаженство
И каждымъ новымъ былъ предметомъ восхищенъ.
Пять чувствъ ему даны на то едино были,
И естество на то познанье имъ дало,
Дабы они къ его довольствію служили.
Не зналъ онъ ихъ тогда употреблять во зло,
Невинности его не развращали страсти,
Въ довольствѣ лучшаго довольства не искалъ,
Онъ только то желалъ, что онъ имѣлъ во власти,
И, слѣдственно, имѣлъ онъ все то, что желалъ.

Въ согласіи узря и тишинѣ пріятной
Исшедшихъ изъ своей утробы мирныхъ чадъ,
Земля, казалося, давала плодъ стократной
И представляла имъ обильный вертоградъ.
Ихъ кротости тогда и праву подражая,
Свирѣпѣйшіе львы подобились овцамъ,
Не растравляла ихъ ко злобѣ злость людская,
Насиліе еще не обитало тамъ.
Не утѣсняли тамъ людей гоненье, звѣрство,
Презрѣнье, ненависть, пронырство и обманъ,
Ложь, гордость, клевета, притворъ и лицемѣрство,
Не знали смертные въ то время сихъ имянъ.

Не угрожало имъ желѣзо смертоносно,
Содѣланное днесь къ погибели людей;
Но было вспахано имъ поле плодоносно
И не губило жизнь, давало помощь ей.

Сіе вреднѣйшее, грызущее насъ жало,
Источникъ алчности и корень гнусныхъ дѣлъ —
Корыстолюбіе сердецъ не заражало,
Никто отъемлемымъ имѣньемъ не владѣлъ.
Богатства собирать никто тогда не мыслилъ
И ближнему чрезъ то не причинялъ обидъ,
Но каждый былъ богатъ, хотя никто не числилъ,
Что домъ, земля, иль плодъ ему принадлежитъ.
Земля считалася въ то счастливое время
Нераздѣлимою питательницей всѣхъ,
И люди бѣдности не чувствовали бремя
Среди довольствія, покоя и утѣхъ.
«Премудро Божество на то, они вѣщали,
«Разсѣяніемъ насъ умножило нашъ родъ,
«Дабы взаимно мы другъ другу помогали,
«Дабы пріобрѣли чрезъ то сугубый плодъ.
«Съ природнымъ человѣкъ родится побужденьемъ
«Къ необходимѣйшимъ и надобнымъ трудамъ,
«И, пользуяся всѣмъ другихъ людей имѣньемъ,
«Взаимно къ пользѣ всѣхъ трудиться долженъ
самъ.»

Отверзты находя для всѣхъ земныя нѣдра,
Гдѣ всѣ заключены сокровища земли,
Сей даръ, который данъ отъ Божества прещедра,
По мѣрѣ нуждъ всегда они извлечь могли.

Богатство онаго имѣя въ равной волѣ,
Не съ ненавистью всякъ, не съ ревностью взиралъ;
Коль кто пріобрѣталъ передъ другими болѣ;
Избытокъ одного всѣхъ прочихъ награждалъ.
Сіе собраніе, трудящееся въ потѣ,
Пчеламъ подобилось носящихъ въ лѣтѣ медъ,
Другъ другу подражалъ въ раченьѣ и въ охотѣ,
И другъ за другомъ шелъ, трудяся каждый въ слѣдъ.
Но вскорѣ жители сіи трудолюбивы
Позабываютъ свой во удовольствахъ трудъ:
Утучненныя ихъ и плодоносны нивы,
Сторичные плоды въ послѣдокъ имъ даютъ;
И въ скоромъ времени веселья повсечасны
Послѣдуютъ за тѣмъ пріятнымъ ихъ трудомъ;
Въ довольствѣ и скоты ихъ радостей участны,
Оставя въ полѣ плугъ, покоятся потомъ.

Тогда пристрастіе въ сердцахъ не обитало,
Отличный другъ тогда не нуженъ людямъ былъ,
Но ихъ усердіе ко всѣмъ равно пылало,
И ласки всякъ свои для всѣхъ равно дѣлилъ;
Исполненъ каждый былъ ко ближнему любови,
И въ каждомъ почиталъ и брата и отца:
Они считали всѣ себя единой крови,
Имѣя бытіе отъ одного Творца.
Безъ рабства искрененъ, безъ звѣрства равнодушенъ,
Всѣхъ общій былъ слуга и родственникъ и другъ,
Безъ власти человѣкъ другому былъ послушенъ,
Пріемля тысячи взаимственныхъ услугъ.

О, ты! чистѣйшихъ душъ невинно утѣшенье,
Пріятнѣйшая страсть чувствительныхъ сердецъ,
Любовь, дающая намъ всѣмъ одушевленье,
Твои я нѣжности представлю наконецъ.
Въ то время не были еще сердца суровы,
Привыкши радости единыя вкушать,
Къ взаимнымъ нѣжностямъ отверзты и готовы,
Не знали мукъ сносить, не знали причинять.
Въ нихъ строгость никогда не находила мѣста,
Въ неволю не влекли богатство или чинъ,
Не отдавалася на жертву имъ невѣста,
Но выборъ оныя господствовалъ одинъ.
Тотъ ею обладалъ, кто былъ для ней прелестенъ,
Тотъ ею былъ любимъ, кому она мила;
Таковъ союзъ бывалъ нимало не безчестенъ,
Не ставила въ порокъ невинныхъ дѣлъ хула.
Хотя со временемъ любовь ихъ погасала;
Изъ нѣжныя любви бывалъ нѣжнѣйшій другъ.
И ненависти страсть минувша не раждала,
Но паче множила взаимность ихъ услугъ.
Любовникъ не вздыхалъ, не мучился напрасно,
Когда любовницу несклонну находилъ;
Коль сердце не было ея взаимно страстно,
Плѣнялся онъ другой, для коей былъ онъ милъ.
Взаимно были ихъ сердца всегда плѣненны,
Къ утѣхамъ ихъ любовь въ нихъ ставила свой тронъ.
Веселья не были ихъ съ горестью смѣшенны,
Не прерывали ихъ мученія, не стонъ.
Не заражали ихъ пріятныя отравы,
Во внѣшнихъ нѣжностяхъ скрывая лестный ядъ,

Но просты были ихъ сердца, поступки, правы,
И не являлъ тогда двоякихъ чувствій взглядъ.
Ревнивость никогда любви не развращала
И подозрѣнія не мучили сердецъ;
Коль въ нихъ однажды страсть взаимно воспылала,
Безъ перемѣнъ она имѣла свой конецъ.

На Марсовыхъ поляхъ руки не воружали
Ни слава тщетная, ни злобствующа месть,
И онымъ титуломъ себя не украшали,
Который имъ даетъ иль робость или лесть.
Тотъ знатенъ былъ, почтенъ и въ званіи высокомъ,
Кто болѣе для всѣхъ полезнымъ быть обыкъ,
И правда не была утѣснена порокомъ,
Не повреждалъ ее клевещущихъ языкъ.
Бездушный ябедникъ и подлый лжесвидѣтель
Предъ лицемѣрный судъ безгласныхъ не влекли
Невинность, истина, любовь и добродѣтель
Повсюду счастливо хранились на земли.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Источникъ нашего и счастія и бѣдства
Являетъ смертному его способность силъ,
Являетъ умъ ему, другія къ счастью средства;
Онъ льстится сладостью, которой не вкусилъ.
Онъ началъ познавать свое несовершенство,
Храня въ довольствіи едину простоту;
Онъ въ жизни лучшее желалъ имѣть блаженство,
И въ счастьѣ не хотѣлъ подобиться скоту.
Неограниченно пространный умъ имѣя,
Но малымъ и простымъ познаніемъ стѣсненъ,
Онъ чувствовалъ свой даръ, стыдяся и жалѣя,
Что онъ невѣдѣньемъ былъ прежде помраченъ.
Претемныя отъ глазъ завѣсы раздираетъ,
Стремится проницать невидимое имъ,
И тысячу онъ крылъ быстрѣйшихъ простираетъ,
Чтобъ выше вознестись могъ разумомъ своимъ.
Не тѣми человѣкъ воззрѣлъ тогда очами
На свѣтъ, которому дивился прежде онъ;
Но просвѣщенные умы наукъ лучами,
Открыли естества порядокъ и законъ.
Открылось новое вселенной намъ пространство
И обитаніе непроходимыхъ мѣстъ,
Почувствовала вновь земля свое подданство

Явило путь пловцамъ сіянье дальнихъ звѣздъ.
Стремленье волнъ морскихъ имъ стало не ужасно,
Къ неслыханнымъ мѣстамъ имъ не былъ путь далекъ;
Искусству нашихъ рукъ все стало быть подвластно,
И началъ съ пользою жить въ свѣтѣ человѣкъ.
Къ художествамъ свои пріобучая руки,
На высшую степень искусство онъ возвелъ,
Колико разныхъ благъ произвели науки,
Колико совершенствъ, колико славныхъ дѣлъ!
На свѣтѣ нѣтъ добра, нѣтъ пользы ни единой,
Котору бъ не отъ нихъ заимствовали мы;
Что общаго могло спокойства быть причиной,
То все науками пріобрѣли умы.

Тамъ общества людей, тамъ видимъ нынѣ грады,
Гдѣ были до сего лишь горы и лѣса;
Отверзли смертнымъ путь науки въ храмъ Паллады,
Послали новый свѣтъ на землю Небеса.
Сынъ долженъ сталъ отцу не жизнью лишь одною,
Но, воспитаніе имъ въ дѣтствѣ получа,
И счастьемъ награждалъ дѣтей своихъ уча.
Ихъ тщаніемъ потомъ то было совершенно,
Что къ пользѣ общества изобрѣталъ отецъ,
Искусствомъ естество, въ порядокъ приведенно,
Намъ новые дары отверзло наконецъ.
Необходимость всѣхъ и нужда побуждала
Ко временнымъ трудамъ, потребнымъ въ житіи:

Не праздность по трудахъ, наука утѣшала
Того, кто чувствовать утѣхи могъ сіи;
Природа подала на то намъ крѣпость тѣла,
Чтобъ не былъ человѣкъ трудами утомленъ,
И съ онымъ разуму присутствовать велѣла,
Чтобъ мыслями онъ былъ всечасно упражненъ.

Являютъ чудеса Коперники, Невтоны,
И открываютъ намъ предвѣчности уставъ;
Казалось, естеству они даютъ законы,
Порядокъ онаго намъ точно предписавъ.
Къ познанію вещей чѣмъ кто стремился болѣ,
Тѣмъ лучше общую тотъ пользу могъ найти;
Открылося тогда пространнѣйшее поле
И безконечныя ученія пути.
Познанье одного, являя путь къ другому,
Давало новыя понятію лучи,
И, сколько льзя достичь къ познанію прямому,
Науки насъ вели невѣдѣнья въ ночи.

Хоть строгій философъ науки отвергаетъ
И представляетъ намъ послѣдующій вредъ;
Но праведно ль за то онъ пользы обвиняетъ,
Когда причины ихъ причины стали бѣдъ?
И если получить нельзя добра такого,
Ни совершеннаго столь счастья намъ сыскать,
Чтобъ въ ономъ не было послѣдствія худого,
То должно ль для того намъ счастье презирать?
Виновенъ человѣкъ, виновно заблужденье,
Когда изъ добрыхъ зримъ причинъ конецъ худой;

Неправомыслiе и злоупотребленье
Всегда выводятъ вредъ изъ пользы начатой.

Награда чистыхъ душъ, утѣха кроткихъ нравовъ,
Наставница умовъ, спокойства путь и ключъ,
Подательница намъ правдивѣйшихъ уставовъ,
И добродѣтельныхъ надѣянiя лучъ,
О, Философiя! первѣйшiй даръ небесный,
Тобой открылся намъ блаженный оный вѣкъ;
Когда обрѣлъ покой душевный и тѣлесный,
Въ жизнь краткую, въ трудахъ, въ недугахъ человѣкъ.
Коль къ малымъ безъ тебя утѣхамъ онъ способенъ,
Коль мало бъ счастливъ былъ своею онъ судьбой!
И если Божеству чѣмъ смертный былъ подобенъ,
Подобенъ былъ ему единою тобой.
Изъ счастья дѣлая счастливу перемѣну,
Котору человѣкъ наукой пріобрѣлъ.
Онъ жизни своея узналъ прямую цѣну,
Не въ чувствахъ ужъ однихъ, но въ мысляхъ жизнь имѣлъ:
Онъ въ пользѣ общей былъ усерденъ, безпристрастенъ,
Какъ скорби по себѣ онъ чувствовалъ другихъ;
Равно такъ въ радостяхъ онъ ихъ бывалъ участенъ,
И пользою своей полезенъ былъ для пихъ.
Наукой нравились сердца и нравы грубы,
Доколѣ человѣкъ не вѣдалъ вредныхъ нуждъ;

Наукой сладости онъ чувствовалъ сугубы,
Доколѣ суетныхъ желаній былъ онъ чуждъ.

Не навсегда нашъ умъ въ границахъ былъ удержанъ;
Нечувственно порокъ прокрался къ намъ въ сердца.
Гнушался смертный имъ, но былъ ему подверженъ,
И, непавидя зло, лобзалъ его творца.
Самолюбивыя питались въ немъ желанья,
И польза собственна влекла его во плѣнъ;
Другія были въ немъ надежды и исканья,
И мнимымъ счастіемъ сталъ смертный ослѣпленъ.
Его познанія и мысли просвѣщенны,
Которы дѣлали блаженными людей,
Ко общей были всѣхъ напасти обращенны,
И смертный самъ себѣ первѣйшій сталъ злодѣй.
Казалось, нѣкая бунтующая сила
Счастливой тишинѣ поревновала ихъ,
И нѣкой язвою вселенну заразила,
Которая ввела льстецовъ надменныхъ, злыхъ.
Казалось, адъ свою разверзъ тогда утробу
И фурій испустилъ мучительныхъ въ народъ,
Дабы посѣять въ немъ свирѣпство, ужасъ, злобу
И человѣческій терзать всечасно родъ.
Казалось, естество въ раскаяньѣ стыдилось,
Неблагодарнымъ свой истощевая даръ,
И Небо видѣть ихъ злодѣйства отвратилось,
Готовя праведный для казни ихъ ударъ.

Различныя тогда насъ мучить стали страсти
И заблужденія текли страстямъ во слѣдъ;
Различныя тогда узнали мы напасти,
Числомъ пороковъ мы число узнали бѣдъ.
Подобно, какъ бы тмы Перуновъ къ памъ низпали,
Дабы на насъ послать напастей лютыхъ тму.
Какія мыслямъ вдругъ чудовищи предстали! —
Воображеніе престрашное уму!

Подобящуюся низпадшей въ тму денницѣ,
Носящую всегда вражду, раздоры, прю,
Подъемлющу главу въ высокой колесницѣ,
Гнуснѣйшу фурію передъ собою зрю.
Высокомѣрія черты изображенны
Я вижу на ея гордящемся челѣ,
Надменной пышно видъ и взоры припужденны,
Уста отверзтыя къ презрѣнью и хулѣ,
Глаза, взирающи на всѣхъ съ пренебреженьемъ
И жаждущи всегда похвалъ своихъ искать,
Наполненные всѣхъ другихъ уничтоженьемъ,
Являютъ гордость мнѣ, пороковъ гнусныхъ мать.

Предстала ненависть въ ея развратномъ видѣ,
Имѣя блѣдный видъ, языкъ, носящій ядъ,
Пылая ко вреду, ко злобѣ, ко обидѣ,
И озираяся, кровавый мещетъ взглядъ.
Неудовольствіе она въ лицѣ являетъ,
И угрызеніе написано въ очахъ;
Безъ насыщенія всего она желаетъ,
Приходитъ со враждой, отшедъ наноситъ страхъ.

Она свирѣпѣй льва, опаснѣе ехидны,
Не трогаетъ ее ни жалость, ни любовь;
И если гдѣ слѣды ея остались видны,
Узнаетъ каждый ихъ, зря слезы, или кровь.

Зрю лесть, чудовище опаснѣйшее людемъ;
Нерѣдко мудрые страдаютъ отъ него;
И если виду мы его ввѣряться будемъ,
Не можемъ избѣжать несчастья своего.
Лютѣйша фурія, наполненная ядомъ
И изрыгающа отмщенье, гибель, вредъ,
Притворство ласковымъ сердца плѣняетъ взгля-
домъ,
Слова ея всегда сладчайшій носятъ медъ.
Подобно какъ змѣя, въ кустахъ цвѣтовъ сокрыта,
Примапчивый для всѣхъ снаружи кажетъ видъ;
Но пропасть для того погибельна изрыта,
Кого она къ себѣ симъ видомъ приманитъ.
Ласканья, похвалы бываютъ часто сѣти,
Которыми сердца подобно ловитъ лесть;
Пронырство и обманъ сей фурiи суть дѣти,
Отъ конхъ терпятъ вредъ невинность, правда,
честь.

Отъ трехъ тирановъ сихъ размножились пороки
И неисчислимы злодѣйства въ свѣтъ ввели:
Безжалостны сердца, мучители жестоки
Разсыпали бѣды и скорби по земли;
Тотъ былъ несчастнѣй всѣхъ, кто болѣ изобли-
ленъ,
Безъ помощи терпѣлъ обиды человѣкъ!

Тотъ былъ счастливѣй всѣхъ, кто болѣе былъ
силенъ,
Возсталъ на друга другъ и къ мщенью мечъ
извлекъ:
Иной, прибытокъ зря, иной для тщетной славы,
Иной, свой собственный предупреждая страхъ;
Въ свирѣпствѣ по полямъ текли ручьи кровавы;
По стогнамъ жалобы, вопль слышенъ былъ въ
домахъ.
Науки сдѣлались орудіемъ ихъ мести,
И разумъ растравлялъ жестокость общихъ ранъ;
Не слышалъ человѣкъ ни должности, ни чести,
Ихъ гласъ тогда молчалъ и царствовалъ обманъ.
Оружіе и смерть опустошали землю,
Порокъ и грѣхъ тогда былъ жребіемъ людей.
Какіе вопли я пронзительные внемлю?
Какой не тронется сей жалостью злодѣй?
Невинность, истина, науки, добродѣтель,
Любовью собраны, вопили къ Небесамъ,
Дабы толикихъ благъ Источникъ и Содѣтель
Имъ далъ прибѣжище и кротость далъ сердцамъ.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

—

Терпѣнье съ кротостью была едина жертва,
Котору воздавалъ родъ смертныхъ Божеству;
Поверженная честь у ногъ злодѣйскихъ мертва
Во укоренїе являлась естеству.
Всемѣстны жалобы и голоса плачевны,
Пронзая облака, коснулись Небесамъ.
Явились щедры намъ Судьбы, дотолѣ гнѣвны,
Когда никто не зрѣлъ конца своимъ бѣдамъ.
Почувствуя свое претягостнѣйше бремя,
Подъ коимъ человѣкъ, злодѣйствуя, стенялъ;
Увидѣлъ съ ужасомъ утраченно имъ время,
Какъ пользы онъ искалъ и пользу истреблялъ.
Въ терпѣньи и враждѣ сталъ вѣкъ ему несносенъ,
Онъ собственнымъ своимъ былъ игомъ утомленъ;
Бывъ вреденъ ближнему и бывъ себѣ поносенъ,
Бунтующій въ немъ правъ казался утоленъ.
Но тщетно онъ въ себѣ искалъ толикой власти,
Котора бъ собственный дала ему законъ:
Привычкою ему его казались страсти,
И болѣ обладать не могъ собою онъ.
Привычка вредная бываетъ намъ уставомъ,
Который нудитъ насъ во слабостяхъ тонуть,

И необузданнымъ владѣя страсти нравомъ,
Увидѣть истинный препятствуютъ намъ путь.
Упрямство лишь одно раскаяться мѣшаетъ,
Когда не чувствуетъ тиранъ, что онъ жестокъ;
И гордость иногда признанія лишаетъ,
Какъ худшимъ мы въ другихъ свой собственный порокъ!
Тотъ къ мщенью и враждѣ причинъ находитъ много,
Кто злобы никогда не хочетъ истребить.
Онъ, строго всѣхъ судя, судимъ взаимно строго
И будетъ принужденъ иль гибнуть, иль губить.
Злодѣи, думая, что всѣ должны быть злобны,
Находятъ потому причины всѣхъ язвить;
И дѣлаясь они другъ другу въ томъ подобны,
Считаютъ нуждою за злобу злобой платить;
А если бъ мы другихъ взаимно извиняли
И, не любя злодѣйствъ, любили править злыхъ:
Безъ мщенья и вражды пороки бъ исчезали,
Безъ гибели людской причины бъ гибли ихъ.

Среди всеобщаго вреда и истребленья,
Подвиглись жалостью суровыя сердца;
Признанье было ихъ началомъ исправленья.
«Доколѣ общихъ бѣдъ, вѣщали, ждать конца?
«Безъ сокращенія довольно вѣкъ нашъ кратокъ.
«Но мы его губимъ въ неистовствахъ своихъ.»
Ко ближнему еще любви въ нихъ былъ остатокъ,
И искры истины еще горѣли въ нихъ.
Чтобъ гордость побѣдить всеобщаго упорства;
Зря смертные въ стыдѣ умножившійся грѣхъ,

Повиновенія искали и покорства,
И власти узами связали злобу всѣхъ.
О! коль пріятны намъ священны оны узы,
Которы общее согласіе крѣпятъ:
Чрезъ нихъ возставлены, утверждены союзы,
И ими смертные сугубо счастье зрятъ.
Когда умножились злодѣйства и развраты,
Когда была земля наполнена сиротъ,
Въ чей были бы покровъ гонимые пріяты,
И гдѣ бъ прибѣжище нашелъ тогда народъ?
Злодѣямъ страждущихъ прошеніе невнятно;
Жестокія сердца не тронетъ бѣдныхъ стонъ;
Сносить гоненія мучительнѣй стократно,
Стеня безъ помощи, терпя безъ оборонъ.
Ко пресѣченію толикой всѣхъ напасти,
Былъ избранъ человѣкъ подать законы всѣмъ,
Судьба народу быть въ его велѣла власти,
Народъ, покорствуя, нарекъ его Царемъ;
Дабы онъ подданныхъ согласіе уставилъ,
И образъ кротости собою имъ явилъ,
Дабы несчастливыхъ отъ гибели избавилъ,
И прежнихъ тишину вѣковъ возобновилъ.

Народъ, не знающій въ своихъ стремленьяхъ мѣры,
Безъ правилъ собственныхъ послѣдуетъ другимъ,
Ко слабости иль къ злу ведутъ его примѣры;
Онъ чувствуетъ ихъ вредъ, но подражаетъ имъ,
Онъ слабости свои примѣрами прощаетъ
И дѣлается онъ невольникъ часто ихъ;
И можетъ быть, когда въ пороки онъ впадаетъ

Впадастъ въ оные онъ болѣе чрезъ нихъ.
Ко исполненью дѣлъ его взаимность нудитъ:
И добродѣтель всѣ тогда любить начнутъ,
Когда любить ее другъ друга всякъ побудитъ,
Когда одни другимъ примѣры подадутъ.

Внезапно восхищенъ мой умъ видѣньемъ страннымъ,
Какая чудная плѣнила мысль мечта?
Объялись чувства вдругъ восторгомъ несказаннымъ,
Отверзлись предо мной небесныя врата.
Я вижу храмъ Судебъ среди свѣтилъ несчетныхъ,
Тамъ путь непостижимъ и неприступенъ свѣтъ,
Тамъ славится всегда Отецъ вѣковъ безлѣтныхъ,
И тамо пишетъ свой Предвѣдѣнье завѣтъ.
Тамъ ясно видимы въ предбудущіе вѣки
Неисповѣдимыхъ Судебъ обѣты намъ,
Которы исполнять родятся человѣки;
Ихъ жизнь, дѣла, конецъ изображенны тамъ.
Различные узрѣлъ я тамъ Судебъ исходы,
И по числу вѣковъ число столповъ узрѣлъ;
На нихъ представлены послѣдующи годы,
День, часъ, минута здѣсь имѣетъ тамъ предѣлъ.
Среди чертоговъ сихъ стоятъ престолы, славы,
Готовыя трубить дѣла владыкъ земныхъ;
Безчисленные зрю тамъ скипетры, державы,
Тамъ разные вѣнцы для кроткихъ, или злыхъ.
Одни получатся народною любовью,
Предзнаменуя миръ, спокойство, тишину;

Другіе возьмутся насиліемъ и кровью,
Имъ будетъ ненависть покорствовать въ плѣну.
Одни всеобщее блаженство усугубятъ
И привлекутъ къ себѣ отъ подданныхъ любовь;
Другіе роскоши, тиранство, месть возлюбятъ
И пошлютъ на народъ за скорбьми скорби вновь.
Пребудутъ первые спокойны, безопасны,
И слава возгласитъ по свѣту имя ихъ;
Но будутъ наконецъ послѣдніе несчастны,
Собою дѣлая несчастными другихъ.
Я вижу тамъ судьбы людей правдолюбивыхъ,
Судьбы полезнѣйшихъ для общества мужей:
Они счастливѣе на свѣтѣ всѣхъ счастливыхъ,
Не будетъ меркнуть свѣтъ пріятнѣйшихъ ихъ дней.
За ихъ стараніе о благоденствѣ общемъ,
Спокойствіе души въ награду дастся имъ.

Почто же на свое тогда мы счастье ропщемъ,
Когда подобиться мы онымъ не хотимъ?
Прямая слава намъ отъ насъ самихъ зависитъ,
Хотя бъ въ устахъ другихъ умолкла похвала;
Ничто другое насъ на свѣтѣ не возвыситъ,
Какъ наши добрыя съ желаніемъ дѣла.

Потомъ я вижу тамъ судьбы высокомѣрныхъ,
Судьбы завистливыхъ, судьбы клеветниковъ,
Судьбы предателей, судьбы льстецовъ невѣрныхъ:
Предвѣдѣньемъ конецъ назначенъ имъ таковъ:
«Для сихъ готовъ ударъ иль рано или поздно,
«Спокойства въ жизнь они не будутъ ощущать;

«Но бойтесь, смертные, въ сіе вы время грозно,
«Какъ злые на землѣ начнутъ торжествовать.»

Я вижу наконецъ судьбы народовъ разныхъ:
Трудолюбивѣйшимъ назначенъ сладкой вѣкъ;
Но видя тамо я судьбу народовъ праздныхъ,
Желалъ, чтобъ счастливѣй былъ въ жизни человѣкъ.

Въ то время, какъ цари правленіе пріяли,
Какъ намъ Судьбами былъ назначенъ жребій сей,
То первый, коего народы увѣнчали,
Для счастья общаго примѣромъ былъ царей.
Пріявъ надъ всѣми власть, онъ былъ сердецъ владѣтель,
Онъ общимъ былъ отцемъ и богомъ на земли,
И царство купно съ нимъ пріяла добродѣтель,
Согласіе тогда и правда процвѣли.
Пресѣкъ причины онъ враждебъ междоусобныхъ,
Невинныхъ принялъ въ свой надежнѣйшій покровъ,
Безсильныхъ защитилъ отъ нападенья злобныхъ,
И заградилъ уста онъ всѣхъ клеветниковъ.
Подверженный народъ дотолѣ злому року,
Увидѣлъ на поляхъ спокойства сѣмена;
Людская праздность тамъ, ведущая къ пороку,
И роскошь вредная была истреблена.
По правосудію злодѣй тамъ былъ истязанъ,
Нелицемѣренъ судъ, законъ хранился святъ,
Членъ вредный общества достойно былъ наказанъ,

И для пощады всѣхъ злымъ не было пощадъ.
Страхъ гибели тогда страшилъ однихъ злодѣевъ,
Которы разрушать дерзали общій миръ.
По бурномъ вѣяньи свирѣпѣйшихъ Бореевъ,
Подулъ тогда на всѣхъ прохладнѣйшій Зефиръ.
Прешли всеобщія стенанія и муки,
Невинныхъ не терзалъ злодѣевъ лютыхъ страхъ;
Явили паки свой полезный плодъ науки
И добродѣтели воздвигли храмъ въ сердцахъ.
Повсюду радости, какъ легкій вѣтръ, неслися,
Повсюду слышались, какъ шумъ быстрѣйшихъ рѣкъ,
Повсюду голоса парнасски раздалися
И Музы золотой воспѣли паки вѣкъ.

•

Чтобъ счастье пріобрѣсть сугубое симъ вѣкомъ,
Учись, Великій Князь, числомъ примѣровъ сихъ,
Великимъ быть Царемъ, великимъ человѣкомъ,
Къ спокойству Твоему и подданныхъ Твоихъ.

ПОЭМА,

БЛАЖЕНСТВО НАРОДОВЪ. *

* Сія небольшая поэма помѣщена была авторомъ въ изданіи его сочиненій, подъ названіемъ: «Лира», а хотя и сказано на заглавномъ листѣ, что она сочинена въ 1765 году, но въ самомъ дѣлѣ, кажется, она только что сокращена и передѣлана изъ предъидущей поэмы: «Сугубое Блаженство,» напечатанной въ томъ же 1765 году, равно какъ и находящееся въ началѣ оной приписаніе. *Прим. Изд.*

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ,

НАСЛѢДНИКУ ВСЕРОССІЙСКОМУ.

Залогъ, врученный намъ отъ щедрыя судьбины,
Ко продолженію счастливыхъ нашихъ дней,
Дражайшій даръ Небесъ и даръ Екатерины,
Достойный нашихъ жертвъ, иль паче алтарей,
О, Павелъ! если пѣснь усердіемъ простая
Достойна преклонить ко внятію Твой слухъ:
Позволь, Великій Князь, чтобъ Муза молодая
Къ Престолу вознесла ревнительный свой духъ;
Позволь, чтобъ для Тебя я лиру вновь настроилъ,
Котору удостой и нынѣ такъ пріять,
Какъ оную пріять Ты прежде удостоилъ,
Когда дерзалъ я пѣть Твою преславну Мать.
И если предъ Тобой мою умѣрю лиру,
Пусть Муза впослѣди громчае возвѣститъ
Народамъ Твой законъ, Твою щедроту міру.
Уже, на Матерь зря, Россія въ Сынѣ чтитъ

Ея о подданныхъ премудро попеченье,
Ея къ Отечеству и къ Истинѣ любовь;
Уже внимаетъ свѣтъ отъ Музъ предвозглашенье,
Что Ты Царямъ явишь Собой примѣры вновь.
Но паче наградишь счастливѣйшимъ насъ вѣкомъ,
Пріобучаяся числомъ примѣровъ сихъ,
Въ великомъ санѣ быть великимъ человѣкомъ,
Къ спокойству Твоему и подданныхъ Твоихъ.

Пою блаженный вѣкъ и непорочны нравы,
Въ началѣ бытія счастливѣйшихъ временъ;
Пою правительства священные уставы
И власть, хранящую покой земныхъ племенъ.

Въ селеніи Небесъ пространномъ обитая,
Спусти ко мнѣ свой пресвѣтлые лучи,
Твоимъ вліяніемъ, о, Истина святая!
Внушить твой смертнымъ гласъ мой разумъ научи.
Вдохни въ меня твои божественны законы;
Представь, какъ смертные въ природномъ бытіи
Пріяли отъ тебя и скипетры и короны,
Дабы предписывать уставы намъ твои.
Представь передъ очми ты Павла молодаго
Начальный въ естествѣ благополучный вѣкъ:
Какъ числилъ всякъ свое въ спокойствѣ общемъ благо,
Какъ самъ давалъ себѣ законы человѣкъ;
Какъ прежде онъ свой долгъ любилъ безпринужденно,
Не бывъ ни каковымъ уставамъ покоренъ;
Какъ время, наконецъ, явилося премѣнно
И новый смертному былъ жребій положенъ.

А вы откройте путь въ жилище ваше дивно,
О, Музы! я умомъ взнестись отважусь къ вамъ,
Въ мѣста, гдѣ царствуетъ весна безперерывно,
И гдѣ сооруженъ божественный вашъ храмъ,
Гдѣ свѣтитъ вѣчный день и мракъ не знаемъ нощи,
Гдѣ ревностнымъ сердцамъ всегда отворенъ входъ.
Позвольте мнѣ вступить въ священны ваши рощи
И оживляющихъ коснуться вашихъ водъ.
Но, Музы, я не съ тѣмъ вхожу въ вашъ храмъ почтенной,
Чтобъ вымышленными примѣрами боговъ,
Высокопарностью и красотой надменной
Украсить искренность простыхъ, усердныхъ словъ.
Я съ Пиндаромъ не тщусь быть славою возвышенъ:
Не славнымъ въ свѣтѣ я, полезнымъ быть хочу;
Коль гласъ мой въ простотѣ межъ вами будетъ слышенъ,
Я всю свою тогда награду получу.
Лишь тѣмъ должна быть пѣснь моя красна и стройна,
Коль мѣста въ ней имѣть не будетъ подла лесть,
Коль будетъ Павлова пріятія достойна,
Коль истину предъ Нимъ потщится превознесть.

Се книга Вѣчности разгнулась предо мною,
Гдѣ всѣ представились прешедши времена,
И всѣ, вмѣщенныя обширностью земною,
Безчисленныя въ ней явились племена.
Открылся образъ мнѣ первоначальна вѣка,

Въ которомъ царствовалъ еще природы гласъ;
Изъ нѣдръ небытія исшедша человѣка
Я вижу на земномъ пространствѣ въ опый часъ,—
Въ тотъ часъ, какъ онъ свое увидѣлъ совершенство,
Одними чувствами своими наученъ,
Какъ каждый взоръ ему казалъ его блаженство,
И каждымъ новымъ былъ предметомъ восхищенъ.
Пять чувствъ ему вещей познаніе открыли,
Которое его ко счастію вело,
И чувства лишь къ его довольствію служили:
Не зналъ онъ ихъ тогда употреблять во зло.
Невинности его не развращали страсти:
Желаній далѣ нуждъ своихъ не простиралъ,
А только то желалъ, что̀ онъ имѣлъ во власти
И, слѣдственно, имѣлъ онъ все то, что̀ желалъ.

Въ согласіи узря и тишинѣ пріятной
Исшедшихъ изъ своей утробы мирныхъ чадъ,
Земля, казалося, давала плодъ стократный
И представляла имъ обильный вертоградъ.
Ихъ кротости тогда и праву подражая,
Свирѣпѣйшіе львы подобились овцамъ;
Повсюду правда, миръ и тишина святая
Являли Божества присутственнаго храмъ.
Не смѣли приступать туда гоненье, звѣрство,
Презрѣнье, ненависть, пронырство и обманъ,
Ложь, гордость, клевета, притворъ и лицемѣрство;
Чуждались смертные въ то время сихъ имянъ.
Не угрожало имъ желѣзо смертоносно,
Содѣланное днесь къ погибели людей;

Но было вспахано имъ поле плодоносно
И не губило жизнь, давало помощь ей.

Сіе вреднѣйшее, грызущее насъ жало,
Источникъ алчности и корень гнуспыхъ дѣлъ —
Корыстолюбіе, сердецъ не заражало;
Никто отъемлемымъ имѣньемъ не владѣлъ.
По праву сильнаго никто тогда не мыслилъ,
И ближнему чрезъ то не причинялъ обидъ;
Но каждый былъ богатъ, хотя никто не числилъ,
Что домъ, земля иль плодъ ему принадлежитъ.
Земля считалася, въ то счастливое время,
Нераздѣлимою питательницей всѣхъ,
И люди бѣдности не чувствовали бремя,
Среди довольствія, покоя и утѣхъ.
«Премудро Божество на то», они вѣщали,
«Разсѣяніемъ насъ умножило нашъ родъ,
«Дабы взаимно мы другъ другу помогали,
«Дабы пріобрѣли чрезъ то сугубый плодъ.
«Съ природнымъ человѣкъ родится побужденьемъ
«Къ необходимѣйшимъ во обществѣ трудамъ,
«И пользуяся всѣмъ другихъ людей имѣньемъ,
«Взаимно въ пользѣ всѣхъ трудиться долженъ
самъ».

Отверзты находя для всѣхъ земныя нѣдра,
Гдѣ всѣ заключены сокровища земли,
Сей даръ, который данъ отъ Божества прещедра,
По мѣрѣ нуждъ всегда и всѣ извлечь могли,
Богатство естества имѣя въ равной волѣ.
Довольствовался имъ равно великъ и малъ;

Коль кто пріобрѣталъ передъ другими болѣ,
Избытокъ одного всѣхъ прочихъ награждалъ.
Сіе собраніе, трудящееся въ потѣ,
Пчеламъ подобилось, носящимъ въ лѣтѣ медъ:
Другъ другу подражалъ въ раченьи и охотѣ,
И другъ за другомъ шелъ трудяся каждый въ слѣдъ.

Но вскорѣ жители сіи трудолюбивы,
Во удовольствіи забудутъ легкой трудъ,
Когда ихъ тучныя и плодоносны нивы
Сторичные плоды въ послѣдокъ воздадутъ.
И въ скоромъ времени веселья повсечасны
Послѣдуютъ за ихъ раченьемъ и трудомъ;
Въ довольствѣ и скоты ихъ радостей участны,
Оставя въ полѣ плугъ, покоятся потомъ.
Исполненъ каждый былъ ко ближнему любови,
И въ каждомъ почиталъ и брата и отца;
Они считали всѣ себя единой крови,
Имѣя бытіе отъ одного Творца;
Безъ лести искрененъ, безъ страха праводушенъ,
Всѣхъ общій былъ слуга и родственникъ и другъ,
Безъ рабства человѣкъ другому былъ послушенъ,
И тѣмъ крѣпилася взаимность ихъ услугъ.

О, ты, чистѣйшихъ душъ невинно утѣшенье,
Пріятнѣйшая страсть чувствительныхъ сердецъ,—
Любовь! дающая намъ всѣмъ одушевленье,
Твои я нѣжности представлю наконецъ.
Въ то время не были еще сердца суровы,
Обыкши радости едины ощущать;
И для утѣхъ всегда отверзты и готовы,

Не знали оныхъ въ стыдъ и горесть превращать.
Въ нихъ строгость никогда не находила мѣста;
Не пышность ихъ влекла, богатство или чинъ,
И не вручалася на жертву имъ невѣста,
Но выборъ оныя господствовалъ одинъ.
Тотъ ею обладалъ, кто милъ и кто ей лестенъ,
Тотъ ею былъ любимъ, кому она мила.
Таковъ союзъ любви похваленъ былъ и честенъ:
Когда невинненъ нравъ, невинны и дѣла.
Ревнивость никогда любви не огорчала,
И подозрѣнія не мучили сердецъ!
А ежели любовь въ желаньяхъ погасала,
Началомъ новыхъ былъ утѣхъ ея конецъ.
Любовникъ не вздыхалъ, не мучился напрасно,
Когда любовницу несклонну находилъ:
Коль сердце не было ея взаимно страстно,
Плѣнялся онъ другой, для коей былъ онъ милъ.

На Марсовыхъ поляхъ руки не воружали
Ни слава тщетная, ни злобствующа месть,
И сими титлами себя не украшали,
Которые дастъ иль робость или лесть.
Бездушный ябедникъ и подлый лжесвидѣтель
Предъ лицемѣрный судъ безгласныхъ не влекли;
Невинность, истина, любовь и добродѣтель
Повсюду счастливо хранились на земли.

Не навсегда нашъ умъ въ границахъ былъ
удержанъ;
Нечувственно порокъ прокрался къ намъ въ сердца,
Гнушался смертный имъ, но былъ ему подверженъ,

И ненавидя зло, лобзалъ его творца.
Его познанія и мысли просвѣщенны,
Которы дѣлали счастливыми людей,
Ко общей были всѣхъ напасти обращенны,
И человѣкъ себѣ первѣйшій сталъ злодѣй.
Какъ-будто пѣкая бунтующая сила
Пріятной тишинѣ поревновала ихъ,
И нѣкой язвою вселенну заразила,
Которая ввела людей коварныхъ, злыхъ.
Казалось, адъ тогда разверзъ свою утробу
И Фурій испустилъ мучительныхъ въ народъ,
Дабы посѣять въ немъ свирѣпство, ужасъ, злобу
И человѣческій терзать всечасно родъ.
Казалось, естестество въ раскаяньи стыдилось,
Неблагодарнымъ свой истощевая даръ,
И Небо видѣть ихъ злодѣйства отвратилось,
Готовя праведный для казни ихъ ударъ.
Различныя тогда насъ мучить стали страсти,
И заблужденія текли страстямъ во слѣдъ;
Различныя тогда узнали мы напасти:
Числомъ пороковъ мы число узнали бѣдъ.
Тираны новые плодили вновь пороки
И неисчислимы злодѣйства въ свѣтъ ввели:
Безжалостны къ другимъ, безчувственны, жестоки,
Презрѣли истину и честь превозмогли.
Бывъ прежде въ тишинѣ спокоенъ, изобиленъ,
Обидѣлъ иль терпѣлъ обиды человѣкъ:
Тотъ былъ счастливѣй всѣхъ, кто болѣе былъ силенъ,
Возсталъ на друга другъ и къ мщенью мечъ извлекъ;

Иной прибытокъ зря, иной для тщетной славы,
Иной свой собственный предупреждая страхъ.
Въ свирѣпствѣ по полямъ текли ручьи кровавы,
Судьба людей была въ насильственныхъ рукахъ.
Науки сдѣлались орудіемъ ихъ мести,
И разумъ растравлялъ жестокость общихъ ранъ;
Не слышалъ человѣкъ ни должности, ни чести,
Ихъ гласъ тогда молчалъ и царствовалъ обманъ.

Но собственнымъ вредомъ смягчаются тираны,
Влекутся къ жалости строптивыя сердца,
И чувствуютъ тогда свои и общи раны:
«Доколѣ нашихъ золъ, вѣщаютъ, ждать конца?
«Безъ сокращенія довольно вѣкъ нашъ кратокъ;
«Но мы его губимъ въ неистовствахъ своихъ.»
Таковъ разумныхъ сихъ твореній былъ остатокъ,
Когда взаимное злодѣйство тмило ихъ.
Поверженная честь у ногъ тиранскихъ мертва,
Во укореніе, являлась естеству;
Терпѣнье съ кротостью была едина жертва,
Котору воздавалъ родъ смертныхъ Божеству.
Невинность, истина, любовь и добродѣтель
Отвсюду изгнаны, взывали къ Небесамъ,
Дабы толикихъ благъ Источникъ и Содѣтель
Имъ далъ прибѣжище и кротость далъ сердцамъ.

Прещедро Божество спускаетъ лучъ на землю,
Подобно какъ даетъ другую бытность ей,
И отъ луча Творца я новый свѣтъ пріемлю;
Но гдѣ искать Ему достойныхъ алтарей?
Когда умножились злодѣйства и развраты,

Когда была земля наполнена сиротъ,
Подъ чей покровъ могли гонимы быть пріяты?
Гдѣ могъ прибѣжище найти тогда народъ?
Ко пресѣченію гнетущей всѣхъ напасти,
Былъ избранъ человѣкъ подать законы всѣмъ;
Судьба народу быть въ его велѣла власти,
Народъ, покорствуя, нарекъ его Царемъ,
Дабы онъ подданныхъ согласіе уставилъ,
И образъ кротости собою имъ явилъ,
Дабы несчастливыхъ отъ гибели избавилъ,
И прежнихъ тишину вѣковъ возобновилъ.

Народъ, не знающій въ своихъ стремленьяхъ мѣры,
Безъ правилъ собственныхъ послѣдуетъ другимъ;
Ко слабости, иль къ злу ведутъ его примѣры:
Онъ чувствуетъ ихъ вредъ, но подражаетъ имъ.
Ко исполненію дѣлъ его взаимность нудитъ;
И добродѣтель всѣ тогда любить начнутъ,
Когда любить ее другъ друга всякъ побудитъ,
Когда одни другимъ примѣры подадутъ.
Подобно къ злобѣ тотъ причинъ находитъ много,
Кто мыслитъ своего злодѣя упредить;
Онъ строго судитъ всѣхъ, судимъ взаимно строго,
И часто принужденъ иль гибнуть, иль губить.

Такъ должно, чтобъ Цари правленье воспримали
Содѣлать лучшую для смертныхъ въ жизни часть:
Первѣйшій, коего народы увѣнчали,
Заставилъ возлюбить благотворящу власть.

Пресѣкъ причины онъ враждебъ междоусобныхъ,
Невинныхъ принялъ въ свой надежнѣйшій покровъ;
Безсильныхъ защитилъ отъ нападенья злобныхъ,
Поставилъ правду, судъ, законъ и святость словъ.
Безпечность праздная, ведущая къ пороку,
И роскошь вредная была истреблена;
Народъ, оставившій тогда войну жестоку,
Увидѣлъ на поляхъ спокойства сѣмена.
Прешли всеобщія стенанія и муки;
Узря тишайшу власть, исчезъ грозящій страхъ;
Тогда явили свой полезный плодъ науки,
И добродѣтелямъ воздвигли храмъ въ сердцахъ.

Внезапно восхищенъ мой умъ видѣньемъ странным:
Какая сладкая плѣнила мысль мечта!
Объялись чувства вдругъ восторгомъ несказанным,
Отверзлись предо мной небесныя врата:
Я вижу храмъ Судебъ среди свѣтилъ несчетныхъ;
Тамъ путь непостижимъ и неприступенъ свѣтъ,
Тамъ славится всегда Отецъ вѣковъ безлѣтныхъ,
И тамо пишетъ свой Предвѣдѣнье завѣтъ:
«Пребудешь счастлива такъ долго ты, Россія,
«Какъ будетъ жить въ сердцахъ Екатерининъ гласъ:
«Чтобъ Россы завсегда хранили дни златые,
«И пѣть не переставалъ ликующій Парнассъ.»

ПОЭМА

НА

РАЗРУШЕНІЕ ЛИССАБОНА.

СОЧИНЕНІЕ ВОЛЬТЕРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

Несчастливый народъ! плачевная страна,
Гдѣ всѣхъ ужасныхъ язвъ жестокость собрана!
О, жалость вѣчная, воспоминанье слезно!
Обманутый мудрецъ, кричишь ты: «все полезно;»
Приди, взгляни на сей опустошенный градъ,
На сей несчастный прахъ отцовъ и женъ и чадъ;
Взгляни ты на сіи разрушенныя стѣны,
Подъ коими лежатъ раздавлены ихъ члены:
Здѣсь тысячи земля несчастныхъ пожрала;
Трепещутъ тамъ въ крови разбросанны тѣла,
Прекрасны домы ихъ имъ сдѣлалися гробы,
И, мучась, кончатъ жизнь среди земной утробы.
Ихъ томный слыша вопль въ подземной тамъ
страпѣ,
Курящійся зря пепль, не скажешь ли ты мнѣ,
Что должно было такъ, чтобъ градъ сей былъ
несчастенъ,
И нужно то Творцу, Который благъ и влас-
тенъ?
Иль скажешь ты, смотря на трупы бѣдныхъ
сихъ,

Что Богъ отмщаетъ имъ за беззакопья ихъ.
Сіи безгрѣшные младенцы чѣмъ виновны,
Въ объятьяхъ матерпихъ лія потоки кровны?
Отмѣнно ль согрѣшилъ сей градъ и припялъ
судъ?
Парижъ и Лондонъ цѣлъ, гдѣ въ роскошахъ живутъ;
Здѣсь гибнетъ Лиссабонъ, а тамъ пиры всегдашны.
Нечувственны сердца, о, вы умы безстрашны!
Зря братьевъ вы своихъ въ волнахъ среди пучинъ,
Спокойно ищете волненія причинъ;
А сами вы, когда злымъ рокомъ огорчитесь,
Вы стопете, какъ мы, и плакать не стыдитесь.
Но если челюсти разверзетъ адъ на насъ,
Невиненъ будетъ вопль и жалобы въ тотъ часъ.
Окружены отъ всѣхъ сторонъ жестокимъ рокомъ,
Злодѣйствомъ, гибелью, въ гоненіи жестокомъ,
И всѣхъ стихій себѣ противность ощутивъ,
Признайтесь по себѣ, что вопль нашъ справедливъ.
Вы скажете, что въ насъ бунтуютъ только
страсти,
И гордость ропщетъ въ насъ, что мы не въ
лучшей части.
Подите къ берегамъ вы Тага, зрите страхъ,
Разройте камни вы, разройте вы сей прахъ:
Внемлите вопль, что̀ тамъ несчастны произносятъ,
Отъ гордости ль они себѣ пощады просятъ?

«О, Боже! вопіютъ, о горе, ахъ! увы!»
Полезно все, теперь мнѣ скажете ли вы?
Что? если бъ Лиссабонъ земля не поглотила,
Ужель бы та страна ее отяготила?
Не мните ль вы, что, все сіе предвидя Богъ,
Содѣлать лучшаго для сихъ людей не могъ?
Не могъ ли ихъ спасти Онъ властію Своею,
И безднѣ запретить горящей подъ землею?
Иль мните власть Творца въ предѣлы заключить,
И не ко всѣмъ Ему велите щедру быть?
Судьбы въ Его рукахъ, Онъ ими управляетъ:
Онѣ спѣшатъ свершить, что Онъ опредѣляетъ.
Не раздражаючи Тебя, Создатель мой,
Желалъ бы я горѣть сей пропасти земной
Въ пустынѣ, и возжечь страну ненаселенну.
Я Бога чту, люблю, но и люблю вселенну.
Коль стонутъ смертные среди толикихъ бѣдъ;
Не гордость въ нихъ, увы! мученье вопіетъ.
Несчастны жители сіи береговъ плачевныхъ,
Утѣшатся ли тѣмъ въ сихъ пропастяхъ бездневныхъ,
Когда кто скажетъ имъ: «Умрите въ безднѣ сей,
«Для счастія другихъ вы гибните людей.
«Построятся иныхъ руками ваши стѣны
«И будутъ жительми иными населенны;
«Другой народъ отсель богатство извлечетъ,
«И вашей пагубой воспользуется свѣтъ.
«Богъ такъ же, какъ о насъ, и о червякъ печется,
«И тѣло ваше въ снѣдь симъ тварямъ остается.»
Жестокосердые! имѣйте жалость къ нимъ,

Не прибавляйте мукъ къ мученьямъ таковымъ;
Не представляйте вы моей душѣ смятенной
Необходимости сей нужды непремѣнной,
Сей цѣпи міровъ, тѣлъ и душъ, что̀ вяжетъ
их̀ъ.
О, суемудріе, о, буйственность слѣпыхъ!
Богъ держитъ цѣпь въ рукахъ, но ею Онъ не
связанъ;
И можетъ грѣшникъ Имъ безъ смерти быть на-
казанъ.
Онъ сильный, праведный и милосердый Царь:
Когда Творецъ такъ благъ, почто же страждетъ
тварь?
Сей узелъ разрѣшить вамъ прежде бъ надлежало;
Отрекши зло, вы насъ излечите ль хоть мало?
Трепещутъ всѣ, и всѣ причины ищутъ бѣдъ;
Но вы, ихъ чувствуя, вѣщаете: «ихъ нѣтъ.»
Когда всемощна власть, что̀ всѣ стихіи движетъ,
Срывая горъ верхи, ужасной бурей дышетъ,
Когда сражаетъ громъ высокія древа;
Они не чувствуютъ вреда никакова̀:
Я живъ, я чувствую, и сердце отъ мученья
Взываетъ ко Творцу и проситъ облегченья.
О, дѣти бѣдныя Всемощнаго Отца!
На то ли вамъ даны чувствительны сердца?
Почто я слабъ, хотя сосудъ тому не скажетъ,
Кто тѣло олаго и крѣпость глиной вяжетъ:
Не можетъ говорить, не можетъ мыслить онъ,
И не страшитъ его ни гибель, ни уронъ;
Сосудъ оплакивать своей не можетъ части,
Ни счастія желать, ни чувствовать напасти.

Мнѣ скажутъ, что чрезъ смерть даемъ жизнь прочимъ мы,
И насѣкомыхъ вдругъ изъ насъ родятся тмы:
Когда, повергнусь въ гробъ, обремененъ бѣдами:
Вотъ облегченіе — быть съѣдену червями!
Престаньте бѣдность мнѣ вы смертныхъ исчислять,
Престаньте горесть вы мою ожесточать.
Я зрю лишь только въ васъ безсильное упорство,
И въ крайней бѣдности ложь, гордость и притворство.
Частица малая въ пространствѣ цѣломъ я:
Но всѣ животныя обширности сея,
Всѣ бытности родясь подъ таковымъ закономъ,
Жить въ горести должны и умереть со стономъ.
Какъ робкаго птенца голодный ястребъ рветъ,
И, насыщаяся, невинну кровь піетъ:
Находитъ пользой все, пока не прилетаетъ
Орелъ, которому онъ пищей самъ бываетъ.
Стрѣлой потомъ орла повержетъ человѣкъ,
И, пораженъ другимъ, самъ въ брани кончитъ вѣкъ,
Въ крови, пронзенъ, попранъ, тамъ будетъ воинъ мертвой,
И птицамъ алчущимъ тамъ ихъ убійца жертвой.
Всѣ члены свѣта такъ трепещутъ въ страхахъ сихъ,
Родятся, мучатся и гибнутъ для другихъ.
Вы составляете изъ состоянья злаго
Несчастливыхъ людей, всеобщее намъ благо,

Какое, бѣдные? кто счастливъ тѣмъ изъ насъ?
«Полезно,» слышу, «все,» но чрезъ плачевный гласъ.
Васъ все изобличитъ, и ваши чувства сами,
Сто разъ вашъ гордый умъ согласовали съ нами.

Между собою все на свѣтѣ брань ведетъ;
Всѣ твари чувствуютъ, что зломъ наполненъ свѣтъ,
И неисслѣдима всѣхъ нашихъ золъ пучина.
Ихъ тотъ не произвелъ, кто нашихъ благъ причина:
Не Оримавъ ли злу начало, иль Тифонъ?
Къ терпѣнью мы чрезъ ихъ осуждены закономъ;
Однако мудрыхъ сихъ ученія не прямы,
Которымъ иногда невѣжи строятъ храмы.
Мы можемъ ли себѣ представить благъ Творца,
Творцемъ напастей всѣхъ? И дѣти отъ отца
Возмогутъ ли имѣть мученья повсемѣстны?
Кому, о, Боже мой! свои судьбы извѣстны?
Всесовершенный зла не можетъ произвесть.
Другого нѣтъ Творца, а зло на свѣтѣ есть;
Повсюду вопль и стонъ, повсюду зрю мученье:
О, непостижимое двухъ разностей смѣшенье!
Чтобъ насъ утѣшить, Богъ на землю снисходилъ,
Но, землю посѣтя, ее не премѣнилъ.
Одинъ перемѣнить безсильнымъ Бога числилъ,
Онъ могъ и не хотѣлъ: другой напротивъ мыслилъ,
А будетъ впредь хотѣть. Но кто изъ нихъ помогъ,

Когда на Лиссабонъ послалъ удары Богъ,
И не оставилъ тамъ погибшихъ градовъ вида,
Отъ Тага до столповъ великаго Алкида?
Иль казнь имъ за отцовъ назначена сія?
Иль ихъ несчастнаго Начальникъ бытія
Безъ гнѣва, жалости, спокойнымъ смотритъ окомъ,
Какъ время ни течетъ уставовъ вѣчныхъ токомъ?
Иль міръ испорченный начальнику всѣхъ бѣдъ
Приноситъ должну дань чрезъ пагубу и вредъ?
Иль хочетъ искусить здѣсь Богъ насъ чрезъ напасти,
И бѣдственнымъ путемъ ведетъ насъ къ лучшей части,
Чтобъ, временныя здѣсь почувствуя бѣды,
По смерти мы свои окончили труды?
Но если чаетъ всякъ по жизни быть спокоенъ,
Похвалится ли кто, что онъ того достоинъ?
Оплакивать себя мы должны по всему:
Невѣдущъ смертный, слѣпъ, и все грозитъ ему.
Мы тщетно вопрошать нѣмую мнимъ природу,
А должно, чтобъ Творецъ явилъ то смертныхъ роду:
Одинъ лишь можетъ Онъ свои дѣла открыть,
Исправить немощныхъ и мудрыхъ умудрить.
Въ сомнѣніи блудящъ безъ помощи имъ скорой,
Находитъ человѣкъ вотще тростникъ подпорой,
Мнѣ «Лейбницъ» не сказалъ, что вяжетъ ону смѣсь
Въ устроенномъ другихъ всѣхъ лучше мірѣ здѣсь;

Собранье горестей, всегдашнее нестройство,
И въ жизни вмѣшанны веселья въ безпокойство;
Почто за добрыя и вредныя дѣла
Подвержены равно гоненью люди зла?
Я пользы чрезъ сіе, увы! не обрѣтаю;
Хочу учитель быть, и ничего не знаю.
Былъ прежде человѣкъ, сказалъ Платонъ, крылатъ,
Не проницалъ его состава смертныхъ взглядъ.
Тогда кончины, бѣдъ не знали человѣки:
Отъ жизни опыя какъ нынѣ мы далеки!
Страдаемъ, терпимъ, мремъ; все кончится родясь,
И разрушеній лишь природа стала связь.
Составъ нашъ тлѣнъ одинъ: кровь, тѣло, кости, жилы,
И умерщвляютъ насъ стихій противныхъ силы,
Въ насъ прахъ сей съ жидкостью составлены на то,
Чтобъ послѣ смѣсь сія разрушилась въ ничто,
И чувствованія жилъ тонкихъ и нѣжнѣйшихъ,
Подверглись тягостямъ болѣзней самыхъ злѣйшихъ.
Мнѣ само естество толкуетъ свой законъ,
Отверженъ Эпикуръ, оставленъ мной Платонъ;
Бель знаетъ болѣ ихъ, но можно ль основаться?
Держа вѣсы въ рукахъ, онъ учитъ сомнѣваться;
И не пріемля онъ системы никакой,
Всѣ оны опровергъ, воюя самъ съ собой,
Подобно какъ Самсонъ, лишенный глазъ врагами,
Подъ зданьемъ палъ, его разрушеннымъ руками.

Что̀ могутъ самые пространнѣйши умы?
Ничто; своей судьбы не постигаемъ мы.
Незнаемы собой въ своей несчастной долѣ:
Что? гдѣ я и куда иду? и взять отколѣ?
Такъ, какъ пылинки мы на кучѣ земляной,
Разсыпаны страдать и быть судьбы игрой;
Но мыслящи сіи пылинки, коихъ взоры
Измѣрить небеса, измѣрить землю скоры.
Несется человѣкъ умомъ ко небесамъ,
Себя не видитъ лишь, себя не знаетъ самъ.
Соборище невѣждъ и гордыхъ въ свѣтѣ ономъ,
О, счастье! говорятъ со плачемъ и со стономъ;
Въ отчаяньи къ себѣ имѣетъ всякъ любовь,
Не хочетъ умереть, ниже родиться вновь.
Хотя всечасно мы напасти ощущаемъ;
Мы очи слезныя чрезъ радость осушаемъ,
Но радость наша такъ равно, какъ тѣнь, минетъ.
Нѣтъ горестямъ конца, числа печалямъ нѣтъ.
Воспоминаніе прошедшаго несчастно,
А настоящее для смертнаго ужасно,
Когда онъ въ будущемъ добра не получитъ.
Полезно будетъ *все*, вотъ только, что̀ насъ льститъ,
Но сердце, что̀ теперь, *полезно все*, не вѣритъ;
Почто такъ хочетъ Богъ, то смертный не измѣритъ;
Покорствую стеня и токи слезъ лія,
И волѣ Вышняго терпя, подверженъ я.
Мой голосъ прежде былъ пастушьею свирѣлью,
Стремился пѣть любовь, стремился я къ веселью;
Теперь, какъ старость мой перемѣнила нравъ,
И слабости людей я съ возрастомъ узнавъ,

Ища во мракѣ лжи, я истины блистанья,
Не знаю болѣе, какъ плакать безъ роптанья.

Калифа нѣкогда оканчивая вѣкъ,
Въ послѣдній къ Богу часъ сію молитву рекъ:
«Я все то приношу Тебѣ, о, Царь вселенной!
«Чего нѣтъ въ благости Твоей всесовершенной:
«Грѣхи, невѣдѣнье, болѣзни, слезы, стонъ.»
Еще бъ прибавить могъ къ тому «надежду» онъ.

ДОБРОМЫСЛЪ,

СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ,

ВЪ СТИХАХЪ.

Божественная Хлоя!
Въ часы твоихъ отрадъ и твоего покоя
Ты любишь иногда,
Во отдыхъ отъ труда,
Читать въ стихахъ страницы
Досужной небылицы.
На разумъ кроткихъ Музъ
Не налагаешь узъ.
Твоей улыбкой благотворной
Пріятныхъ душъ питаешь жаръ,
И изъ забавы стихотворной
Счастливый производишь даръ.
Не ставишь никому въ обиду,
Когда, по нѣкакому виду,
Найдутся въ глубинѣ вѣковъ
Давно извѣстныя гремушки дураковъ.
Желаешь наконецъ, чтобъ Душеньки писатель,
Старинныхъ вымысловъ простой повѣствователь,
Вступилъ въ широкій путь забавнѣйшихъ творцовъ:
Хоть прежнихъ лѣтъ монхъ я жара не имѣю,
Желаніе твое преслушать не умѣю:
Скажу, что люди встарь слыхали отъ отцовъ:
Въ Пустой Аравіи живали прежде люди,
Не знаю, были то иль Скноы, или Чуди,
Или другой народъ:
Но по преданіямъ, отъ рода въ дальній родъ,

Извѣстно каждому изъ многихъ сказокъ чудныхъ,
Что тамо въ областяхъ безводныхъ и безлюдныхъ,
Гдѣ кроются въ пескахъ признаки городовъ,
Бывало много царствъ, овецъ и пастуховъ,
Въ какомъ ли тамо царствѣ,
Въ какомъ ли государствѣ,
Въ селѣ, иль городѣ, иль въ полѣ подъ шатромъ,
Быль Царь, и былъ любимъ народомъ и дворомъ,
И у Царя была Царица:
Добра, румяна, бѣлолица.
Любовь, и дружба, и совѣтъ,
Чрезъ множество прошедшихъ лѣтъ,
Повсюду ихъ сопровождали,
Въ обоихъ процвѣтали,
Какъ алый розовъ цвѣтъ,
Краса, пріятство, младость,
И потому Царя безъ титловъ звали «Свѣтъ,»
Царицу просто звали: «Радость.»
На вѣчну память ихъ, по днесь,
Вездѣ въ народѣ, какъ и здѣсь,
Когда кого ласкаютъ,
Подобно Радостью и Свѣтомъ называютъ;
И чаять надобно, такія имена
Не выйдутъ изъ рѣчей въ грядущи времена.
У Свѣта у Царя, у Радости-Царицы,
Являлися поля обильныя плодомъ,
Верблюды и ослы, кони и колесницы
И въ царскихъ роскошахъ богатствомъ полный домъ.
Но всѣ ли дни прекрасны въ лѣтѣ?
Утѣхи безъ премѣнъ бываютъ ли на свѣтѣ?

Несчастья часто льнутъ, какъ мухи ко всему,
Легко вплетаются и въ быль и въ небылицы.
Случилось то жъ въ дому
У Свѣта у Царя, у Радости-Царицы:
Кто хочетъ знать, скажу и какъ, и почему:
Въ то время славились чудесные Халдеи
Наукой тайныхъ словъ
И силою Духовъ.
Судьбы царей и царствъ и участи домовъ,
Въ то время строили волшебники и Феи.
Они давали честь талантовъ и даровъ,
Достоинствъ и умовъ.
Бывали сельскіе, бывали городскіе;
Иные только домъ бирали на удѣлъ;
Бывали добрые, бывали и такіе,
Которые, не льстясь заботой добрыхъ дѣлъ,
Творили пакости, гдѣ можно, на досугѣ,
И всяку всячину болтали другъ о другѣ;
Случалось иногда, и добрый и худой
Упрямую войну вели между собой.
Гдѣ добрый созидалъ, худой разрушить тщился;
Одинъ благотворилъ, другой во вредъ трудился.
Подобнымъ образомъ у Свѣта у Царя,
У Радости-Царицы
Одинъ, добро творя,
Хранилъ вокругъ границы;
Другой, ему на споръ,
Старался наустить сосѣдовъ ближнихъ царства
Къ Царю черезъ заборъ
Метать отвсюду соръ
Съ надменной гордостью всевластнаго боярства.

Одинъ предпринялъ трудъ,
Любя Цареву славу,
Въ безсудную расправу
Вводить правдивый судъ;
Другой, ему на зло, законовъ разумъ путалъ,
Дѣла во мракѣ куталъ
И правду клалъ подъ спудъ;
Согбенны древностью благотворяци Духи,
И сверстницы ихъ лѣтъ, изъ добрыхъ Фей старухи,
Бывали иногда иль слѣпы или глухи,
И многихъ пакостей ближайшихъ па земли
Примѣтить не могли.
У Свѣта у Царя, у Радости-Царицы,
Летали также въ домъ Духовъ и Фей станицы,
Которы брали видъ дѣльцовъ и знатоковъ,
Рѣшили всѣ дѣла, судили, кто каковъ;
Но ихъ рѣшенія забыты ввѣкъ вѣковъ.
Межъ тѣмъ таился ковъ
Враждующихъ Духовъ,
Которы предпріяли
Наслать на царскій домъ особыя печали.

Уже пронесся слухъ чрезъ земли и моря:
У Свѣта у Царя,
У Радости-Царицы,
Родились дѣтища двуносы, иль двулицы,
И, словомъ, были всѣ уроды на показъ.
Въ началѣ первыхъ лѣтъ приставники и мамы
Старались править ихъ вседневно много разъ;
Но каждый вырасталъ впослѣдокъ двуобразъ;

Природныя черты всегда живутъ упрямы.
Для славы ихъ отца,
Придворные вельможи
Носили два лица,
Или двуносыя поддѣланныя рожи;
И въ сказкахъ говорятъ, что будто бы они
Изобрѣли въ тотъ вѣкъ различные наряды,
Какіе въ наши дни
Являютъ маскарады.
Цѣна носовъ и харь,
Которые сначала
Безъ денегъ раздавалъ щедротно добрый Царь,
Въ столицѣ наконецъ безъ мѣры вздорожала,
И равная бѣда
Постигла города,
Затѣмъ, что всѣ тогда,
Дая большія платы,
Старались также быть двулицы, двуносаты.
Блаженъ казался Царь, котораго народъ
Любви своей къ нему являлъ такой доводъ.
Но Царь съ Царицею, когда не въ людствѣ были,
Нерѣдко двое выли,
Искали помощи у всѣхъ своихъ друзей,
Волшебниковъ и Фей,
И въ горестной печали
Отъ всѣхъ забавъ бѣжали.
Волшебникъ Благотворъ
И Скромность, дочь его, любили царской дворъ;
Но ихъ была всегда умѣренна возможность:
Они давали въ щитъ единю Осторожность.
Царя же Благотворъ по дружбѣ надѣлялъ

Чудесной нѣкакой водою,
Отъ Феи Мудрости взятою;
И въ мірѣ носится народною молвою,
Что царску голову онъ ею часто мылъ.
Царицѣ Скромность подарила
Волшебную свою печать,
И Скромность, если льзя отъ слуховъ вѣру брать,
Печать сію къ устамъ Царицѣ приложила.
Такіе способы, поистинѣ сказать,
Для царства не были блистательны и громки,
Но долѣе могли блаженства цѣпь вязать,
И цѣпи сей конецъ далече шелъ въ потомки.
Полезнымъ дѣйствіемъ печати и воды,
Слабѣли видимо враждебныхъ силъ коварства,
И Царь съ Царицею, подъ тягостями царства,
Могли тогда вкушать счастливые плоды.
У Свѣта у Царя, у Радости-Царицы
Плачевныхъ повѣстей окончились таблицы:
У нихъ родился сынъ,
По складамъ видимымъ и по примѣтамъ тайнымъ,
Безъ всякихъ злыхъ причинъ,
Съ порядочнымъ лицемъ и съ носомъ обычайнымъ.

Волшебники друзья,
Пріятельницы Феи,
Къ основѣ бытія
Прибавили затѣи:
Одни ему черты
Героевъ подарили;
Другіе красоты
Купидовы сулили;

Одни высокой умъ
И мудрость обѣщали;
Другіе наобумъ
Грядущихъ дѣлъ его исторію слагали;
Таланты, счастіе и самый долгій вѣкъ
Ему предвозвѣщали,
И громко возглашали,
Что дѣйствомъ ихъ опекъ
Онъ выростетъ хорошъ и будетъ человѣкъ,
И съ тѣмъ родителей заранѣ поздравляли.
Притомъ произвели изъ нѣкихъ тайныхъ числъ,
Что онъ опредѣленъ назваться Добромыслъ,
По имени отъ вѣкъ почтенному въ народѣ, —
И первый Добромыслъ тогда явился въ родѣ.
Межъ тѣмъ, какъ добрые сіяли въ торжествѣ,
Въ сокрытыхъ умыслахъ мутились злые Духи,
И будучи тогда безсильны въ колдовствѣ,
Старались распустить знакомы въ свѣтѣ слухи:
Лицомъ дитя хорошъ, но будетъ глуповатъ
И, по примѣтамъ Фей, наклоненъ къ злому нраву
И, такъ какъ бы планетъ послѣдуя уставу,
Пророчили, что онъ не можетъ быть женатъ;
Что будетъ на лицѣ носить дурацку мѣту,
Что будетъ вѣкъ искать себѣ невѣстъ по свѣту,
Но всѣ исканія не будутъ во успѣхъ,
А будутъ лишь въ посмѣхъ.
Лукавы соимища Духовъ и Фей противныхъ,
Ныряя подтишкомъ тогда во всѣ края,
Со множествомъ трудовъ искали сбытія
Своихъ пророчествъ дивныхъ,
И, чаять надобно, легко бы возмогли

Чудесить на земли,
Что только было имъ во вредъ людей возможно.
Но царь всегда предосторожно
Хранилъ въ запасъ воды бутыль,
Котора злыхъ коварствъ уничтожала быль.
У Радости равно, на случаи заранѣ,
Извѣстная печать всегда была въ карманѣ.
У сына ихъ тогда, доколѣ былъ онъ младъ,
Въ недѣлѣ и во дни бывала много кратъ
Водою разума головушка помыта,
И часто къ вороту печать была пришита:
И то ихъ имени да будетъ не въ проносъ,
Что тамо Добромыслъ въ отцовскомъ домѣ
росъ:
У царскаго двора особы грамотѣи,
И таинъ естества учители Халдеи
Водили умъ его въ пространствѣ всѣхъ частей,
Познаній и наукъ, искусствъ и хитростей.
Исторію временъ, численій разны роды,
Свѣтилъ небесныхъ бѣгъ, открытіе природы,
Кривой и правый толкъ высокотайныхъ словъ
Царевичу они глубоко въ умъ втвердили;
Но наважденіемъ конечно злыхъ Духовъ,
Науку: въ свѣтѣ жить и вѣдать, кто каковъ,
Халдейски мудрецы въ то время позабыли.
Ни Свѣтъ со Радостью, ни самый Благотворъ,
Ни Скромность, дочь его, ни добрыхъ силъ со-
боръ,
Питомца своего сколь много ни хранили,
Отъ всѣхъ возможныхъ золъ напредь не огра-
дили,

И можетъ быть, что злымъ, умышленно во власть,
Оставили на часть
Ошибки возраста водимаго страстями,
Чтобъ разными путями,
И опытомъ добра, и опытомъ скорбей,
Онъ лучше достигалъ счастливыхъ въ жизни дней.
Настали скоро лѣта,
Въ которыя любовь
Волнуетъ часто кровь,
И юность дѣйствуетъ безъ дальняго совѣта.
Тогда отецъ и мать
Заранѣе пеклись найти ему невѣсту,
Иль, по просту сказать,
Гадали, думали пристроить сына къ мѣсту.
Женясь, онъ будетъ жить спокойно, безъ хлопотъ,
И новымъ племенемъ умножитъ царскій родъ.
Такія для него въ виду имѣли мѣты,
Желанія родныхъ и дружески совѣты.
Но злобныхъ ли Духовъ коварные навѣты,
Или безстройная незрѣлыхъ лѣтъ чреда,
Отъ добраго пути влекли его къ худому.
Потрачена ль была чудесная вода,
Потеряна ль печать спасительная дому,
Во лѣтописяхъ нѣтъ
Доводовъ, ни примѣтъ;
Лишь то извѣстно свѣту,
Изъ разныхъ повѣстей, безъ всякихъ лѣтъ и числъ,

Что юный Добромыслъ
Не слѣдовалъ тогда разумному совѣту,
И нѣжныхъ чувствій даръ,
Какой въ него тогда природою влился,
Въ подобіи вещей былъ только скорый жаръ;
Минутой возгаралъ, минутой истощался.
Царевичу предсталъ повсюду видъ свободъ,
Подъ коимъ крылся путь неволи и нестройства.
Приманчивый призракъ плѣняющихъ красотъ
Далеко отстоялъ отъ счастья и спокойства.
Открылось множество невѣстъ со всѣхъ сторонъ:
Въ Египтѣ Фараонъ,
Отъ самой древности ведя свою породу,
Имѣлъ любиму дочь,
По сказкамъ, Вышероду,
Котора близилась къ семнадцатому году
И женіховъ себѣ искала день и ночь.
Но, вѣстно въ бытіяхъ египетской архивы,
Цари не завсегда бывали тамъ счастливы;
И нѣкій тамо царь,
Съ показаннымъ теперь недальній однородецъ,
Хотя носилъ всегда въ карманѣ календарь,
Особо въ вѣкѣ былъ несчастный мореходецъ,
И въ морѣ нѣкогда пустясь не въ добрый часъ,
Со всѣми сплами постыдно въ грязь увязъ;
Хотя жъ въ послѣдствіи толь знатнаго урона
Оставилъ имя онъ въ потомствѣ Фараона,
Оставилъ множество коней и колесницъ,
Оставилъ, наконецъ, въ достойну память роду,
Между высокихъ лицъ
Царевну Вышероду;

Хотя толико пышный домъ
Плѣнилъ царевича въ началѣ,
И не искалъ бы онъ потомъ
Себѣ невѣсты далѣ:
Она явилася съ приданымъ къ ней погостомъ;
Явилась, но была весьма велика ростомъ,
А онъ при ней былъ малъ,
И только подъ плечо тупеемъ досягалъ.
Вотще старалися искусными руками,
Природѣ вопреки,
Поддѣлывать ему высоки каблуки.
Онъ скучилъ зрѣть ее нижайшими очами;
И былъ довольно радъ,
Когда невѣста въ домъ отправилась назадъ.
Царевичева дума
Клонилася потомъ, оставя знатность прочь,
Понять въ супружество единородну дочь
У громкаго царя у Шума.
Извѣстно всѣмъ, что то была
Летучая царевна Слава,
Которая носясь, по праву иль безъ права,
Съ трубою по путямъ вѣстила всѣ дѣла.
Со Славою союзъ и отъ него потомки
Долженствовали быть во всей вселенной громки,
И не было тогда
Въ исканіи труда;
Царевна безъ стыда
На встрѣчу къ жениху, одѣтая въ полтѣла,
Почти, сказать бы такъ, нагая прилетѣла.
Премноги красоты
Открылися въ невѣстѣ;

Но такъ какъ вѣстница, имѣя суеты,
Она не возмогла держаться долго въ мѣстѣ.
Въ началѣ первыхъ числъ
Влюбленный Добромыслъ,
Дивяся ей какъ чуду,
За нею бѣгалъ всюду;
Но могъ ли долго онъ за Славой гнаться въ слѣдъ?
Она вездѣ летала,
Трубила и болтала.
По вѣтру впослѣди пустилась далѣ въ свѣтъ,
И гдѣ сокрылася, попынѣ слуху нѣтъ.
Любовь палитъ сердца безъ дальняго разбора,
И не всегда даетъ желаемыхъ невѣстъ.
Царевичъ, отдохнувъ, предпринялъ самъ поѣздъ
Къ двору, гдѣ славилась царевна Острозора.
Отецъ ея бывалъ
Отцу его пріятель,
И былъ халдейскихъ странъ сильнѣйшій обладатель,
Сидонъ и Тиръ ему овцами дань давалъ.
Въ его владѣніе халдейскія науки,
И острыхъ словъ игра
Изъ мѣстъ, гдѣ въ цѣлый годъ гнѣздо находятъ жуки,
Вошли въ высоку честь у царскаго двора;
Въ его владѣніе цвѣла наукъ подпора,
Цвѣла, какъ вѣстно всѣмъ, премудра Острозора
И прибылъ Добромыслъ къ халдейскому двору.
Онъ въ дѣтствѣ самъ имѣлъ учителей халдейскихъ,

И вѣдалъ многу быль изъ повѣстей индѣйскихъ;
Понравился царю, со всѣми былъ въ миру,
Немало говорилъ съ царевной на пиру;
Но многихъ словъ ея не могъ понять игру,
И вскорѣ
Незнаніемъ своимъ наскучилъ Острозорѣ.
Сраженъ ея умомъ,
Въ ничтожности потомъ
За благо разсудилъ обратно ѣхать въ домъ.
Послѣдуя тогда всего народа гласу,
Старался видѣть онъ царевну Милокрасу.
Увидѣлъ наконецъ и былъ въ ея плѣну.
Но скоро впалъ въ вину:
Когда она чего желала,
Любовникъ долженъ былъ всегда желать того жъ;
И какъ желанья ихъ поразнились сначала,
Царевна коротко сказала: «не хорошъ.»
Хотя жъ сестра ея, царевна Самохвала,
Не такъ была горда,
Царевича она ни въ чемъ не охуждала,
Но часто безъ стыда,
Высоки похвалы сама себѣ слагала.
Любила обезьянъ, любила также клушь,
И къ нимъ въ товарищи ей надобенъ былъ мужъ.
Царевичъ, убоясь вступить на мѣсто клуши,
Отъ милостей ея бѣжалъ, заткнувши уши.
Онъ видѣлъ наконецъ премножество невѣстъ,
Представленныхъ ему въ пріятныхъ самыхъ маскахъ;
Но ихъ названья въ сказкахъ

Не заслужили мѣстъ,
И въ повѣстяхъ ихъ домы
Остались незнакомы.
Древнѣйшихъ вымысловъ отецъ
И многихъ бытностей свидѣтель,
Гомеръ повѣдалъ наконецъ,
Что встрѣтилъ Добромыслъ въ дорогѣ Добродѣтель,
Которая ему, съ безплоднаго пути,
Назначила тогда за нею въ слѣдъ идти,
Ошибки юности завѣсою покрыла,
И тако повѣсть сократила.

РАЗНЫЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОДЫ ДУХОВНЫЯ

ИЗЪ РАЗНЫХЪ ПСАЛМОВЪ ДАВЫДОВЫХЪ.

—

I.

Доколѣ буду я забвенъ,
Въ бѣдахъ, о, Боже мой, Тобою?
Доколѣ будешь отвращенъ
Отъ жалобъ, приносимыхъ мною?
Доколѣ вопіять стеня?
Мое всечасно сердце рвется:
Доколѣ врагъ мой мнѣ смѣется,
Всегда въ напасти зря меня?

Я милости ко мнѣ Твои
Въ бѣдахъ толикихъ призываю,
Да не рекутъ враги мои,
Что я напрасно уповаю.
Спаси въ напасти мой животъ,
Въ слезахъ обрадуй и въ печали,
Дабы злодѣи то познали,
Что Ты Господь и Богъ щедротъ.

Будь страшенъ всѣмъ моимъ врагамъ,
Что въ злобѣ на меня стремятся;
Будь мнѣ отъ нихъ защитникъ Самъ:
Тобой ихъ сѣти сокрушатся.
Твою я милость воспою
Въ весь вѣкъ мой, данный мнѣ Тобою,
Что Ты всемощною рукою
Отъ рукъ враговъ спасъ жизнь мою.

=

II.

Господь меня блюдетъ
Господь и просвѣщаетъ,
И отъ юнѣйшихъ лѣтъ
Въ путь правый наставляетъ.
Съ млекомъ законъ Свой влилъ
Въ меня еще въ младенствѣ,
Дабы во благоденствѣ
Я Господа хвалилъ.

Хоть пагубный предѣлъ
Назначенъ мнѣ врагами,
Мой щитъ пребудетъ цѣлъ —
Я злость попру ногами.
Что врагъ мнѣ сотворитъ,
Горящій злобнымъ жаромъ,
Коль крѣпкихъ силъ ударомъ
Господь его сразитъ?

Онъ щедрую простеръ
Ко мнѣ Свою десницу:
Умножилъ выше мѣръ
Мой скотъ, мою пшеницу.
Пою Тебя всякъ часъ
Источникъ благъ нетлѣнныхъ!
Внемли изъ устъ Ты бренныхъ
Моихъ хваленій гласъ.

=

III.

Блаженъ, кто Бога не гнѣвитъ
И истину всегда хранитъ:
Родъ онаго благословится,
И сѣмя ввѣкъ не истребится.

Богатство, слава съ нимъ живетъ,
Съ нимъ праведные узрятъ свѣтъ;
Гонимымъ онъ подастъ отраду,
Съ нимъ узритъ истина награду.

Помощникъ нищему въ бѣдѣ
И покровитель на судѣ,
Когда онъ правдой укрѣпится,
Отъ слуха зла не убоится;

Онъ ей противныхъ побѣдитъ,
Безстрашно на враговъ воззритъ

И въ свѣтѣ вознесется славой.
Господь хранитъ всегда путь правой.

А беззаконникъ, въ злобѣ зря,
И въ зависти своей горя,
Что Богъ ему не помогаетъ,
Падетъ, погибнетъ и растаетъ.

=

IV.

О, Боже! наше Ты прибѣжище и сила,
Защита крѣпкая и помощь намъ въ бѣдахъ:
Когда бы насъ Твоя десница не хранила,
Давно бы зрѣли насъ враги въ своихъ сѣтяхъ.

Отъ гласа Вышняго вселенна потрясется,
Смятутся и падутъ противные предъ Нимъ;
Но имя праведныхъ тѣмъ паче вознесется
И не прикоснется никая злоба имъ.

Величество и власть Творца всѣ твари славятъ,
Хвалу Ему гласятъ земля и небеса;
Когда бъ забыли мы, то горы намъ представятъ
Безчисленны Его преславны чудеса.

Онъ луки и щиты злодѣйски сокрушаетъ,
Свергаетъ въ ярости вознесенной гордыхъ рогъ;

Но праведныхъ всегда щедротой утѣшаетъ.
О, злость! сомкни уста: защита правымъ Богъ.

=

V.

Дактилическими стихами.

Не стремись добродѣтель напрасно
Людей отъ неправды унять:
Въ нихъ пороки плодятся всечасно,
Нельзя ихъ ничѣмъ исправлять.

Справедливость не разъ безъ заплаты,
Являла несчастны слѣды:
Времена, пролетая, крылаты
Влекутъ и встрѣчаютъ бѣды.

Упаси, о, Всевышній Содѣтель,
Покрой въ непорочныхъ сердцахъ
Утѣсненную зломъ добродѣтель,
Всели въ беззаконныхъ Твой страхъ.

=

VI.

Хвалите Господа небесъ,
Хвалите всѣ небесны Силы,
Хвалите всѣ Его свѣтилы,
Исполненны Его чудесъ.

Да хвалятъ свѣтъ Его и день,
Земля и воздухъ, огнь и воды;
Да хвалятъ рыбъ различны роды,
Пучины, бездны, мракъ и тѣнь.

Да хвалятъ холмы и древа,
Да хвалятъ звѣри, гады, птицы,
Цари, владыки, сильныхъ лицы,
И всяка плоть, что Имъ жива.

Да хвалитъ своего Творца,
Да хвалитъ всякое дыханье:
Онъ милуетъ Свое созданье,
И нѣтъ щедротъ Его конца.

=

VII.

Бѣдами смертными объятъ,
Я въ безднѣ ада утопаю:
Еще взвожу ослабшій взглядъ,
Еще на небо я взираю.
Твой судъ, о, Боже! правъ и святъ,
Тебя я въ помощь призываю:
Воззри, какъ грудь мою тѣснятъ
Бѣды, въ которыхъ я страдаю.
Прости, Творецъ, сію вину,
Что день рожденія кляну,
Когда отъ мукъ ослабѣваю
Ты сердца видишь глубину:
Хоть въ адскихъ пропастяхъ тону,
Но отъ Тебя спасенья чаю.

=

VIII.

О, ты, земли и неба Царь!
Ты смертнымъ тишину приносишь:
Доколѣ злобы не подкосишь,
Отъ коей мучится вся тварь?
Доколѣ стрѣлъ на тѣхъ не бросишь,
Которы Твой скверняtъ алтарь?

Ты молніи въ деснищѣ носишь:
Ты въ злыхъ перунами ударь.
Пусть ихъ совѣты сокрушатся
И чаемыхъ утѣхъ лишатся,
Не зря погибели другихъ;
А правые Твой судъ узнаютъ,
Когда злодѣи возстенаютъ,
И вѣтеръ прахъ развѣетъ ихъ.

=

IX.

ИЗЪ ПСАЛМА 18.

Небеса повѣдаютъ славу Божію.

Славу Божію вѣщаютъ
Нензмѣрны небеса,
И всемѣстно восхищаютъ
Бренный умъ и очеса.
Тамъ безчисленны планеты,
Въ лучезарный свѣтъ одѣты,
Въ высотѣ небесъ горя,
Образуютъ всѣмъ Царя.

Но спусти, о, смертный! взоры
Отъ небесъ пространныхъ въ долъ:
Тамъ горамъ вѣщаютъ горы,
День и нощь даютъ глаголъ;

Тамо твари удивленны,
Отъ конца въ конецъ вселенны
Произносятъ общій кликъ:
Коль Создатель ихъ Великъ!

О, прекрасное свѣтило,
Коимъ блещетъ естество!
Не въ тебѣ ли начертило
Высшу благость Божество?
Ты, вселенну обтекая,
Отъ краевъ земли до края,
Сыплешь въ хладъ и темноту
Живоносну теплоту.

Бога видѣть не удобно;
Умъ спиряется предъ Нимъ;
Но законъ Его подобно
Съ солнцемъ блещетъ ко земнымъ.
Гонитъ мракъ грѣховной ночи,
Просвѣщаетъ умны очи
И живитъ веселіемъ духъ,
Кто къ Нему приклонитъ слухъ.

Но всегда ли умъ постигнетъ,
Коль законъ сей правъ и благъ?
Боже! если въ зло подвигнетъ
Мысль мою коварный врагъ:
Ты святымъ Своимъ закономъ
Предъ Твоимъ блестящимъ тропомъ
Зря смятеніе души,
Путь мой свято соверши.

ОДА

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЫНѢ

ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ,

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ.

на новый 1763 годъ.

—

Тебѣ, Монархиня, Твоей плѣненный славой,
Любитель нѣкто Музъ подъ счастливой державой,
Тебѣ, Виновницѣ гремящихъ въ свѣтѣ лиръ,
Творенія свои усердно посвящаетъ;
Онъ то приноситъ въ даръ, что весь приноситъ міръ,
И похвалы тебѣ языкомъ всѣхъ вѣщаетъ.

—

Пресвѣтлый Фебъ открылъ мнѣ гору,
Гдѣ тмы чудесъ прельщенну взору
Являютъ сладкую мечту;
Плѣненъ видѣніемъ и слухомъ,
Къ веселью восхищеннымъ духомъ,
Божественъ хоръ внимая, чту.
О, Муза, возглашая міру
Героевъ славныхъ имена,

Подай свою мнѣ нынѣ лиру
Воспѣть счастливы времена.

Не ново ль солнце возсіяло?
Се новыхъ дней мы зримъ начало,
Дней радостей сугубыхъ намъ.
Внемли, Владычица земная,
Блаженство Музамъ подавая,
Иль паче, всѣмъ Твоимъ странамъ,
Внемли ихъ пѣснь благопріятно:
Для нихъ торжествъ краснѣе нѣтъ,
Какъ пѣсни повторять стократно
Твоей гремящей славѣ въ слѣдъ.

Не въ греческихъ странахъ прекрасныхъ,
Но на мѣстахъ Тебѣ подвластныхъ,
Монархиня, услышишь Музъ.
Взгляни Ты на поля Россійски:
Услышишь пѣсни олимпійски,
Услышишь разныхъ лиръ союзъ;
Но всѣ Тебя поютъ едину,
Поютъ и не престанутъ пѣть
Премудрую Екатерину,
Что вѣкъ златой дала узрѣть.

Здѣсь царствовать желаетъ Флора,
Низпуститъ росу къ намъ Аврора
И токъ прольетъ прохладныхъ водъ;
Здѣсь Нимфы при струяхъ прозрачныхъ,
Въ сихъ рощахъ, въ сихъ долинахъ злачныхъ,
Прославятъ Твой на тронъ восходъ.

На сихъ поляхъ пространныхъ часть
Зефиръ спокойно дуть всегда,
И радости не окончастъ
Царица въ нивахъ никогда.

Настанетъ жизнь наукамъ перва:
Ты будешь новая Минерва,
Среди потомковъ древнихъ Музъ;
Не паки ль подъ Твоимъ эгидомъ
Божественнымъ крѣпимся видомъ,
Въ свободѣ мы отъ рабскихъ узъ?
Горѣть къ отечеству любовью
И въ гнѣвной онаго судьбѣ,
Вліянною отъ предковъ кровью
Хранить ихъ честь, есть дань Тебѣ.

Тамъ трудъ и подвиги всегдашны
И смертны ужасы не страшны,
Гдѣ къ славѣ Ты покажешь путь:
Средь волнъ, средь бурь, средь грозна пламя,
И гдѣ Твое увидимъ знамя,
На мѣсто стѣнъ поставимъ грудь.
Самъ Богъ на помощь намъ предстанетъ,
Разя оружіемъ Твоимъ;
Съ Твоимъ Онъ громомъ купно грянетъ,
Твой гнѣвъ и Свой покажетъ злымъ.

Свидѣтели тому сосѣды,
Коль славны чрезъ свои побѣды
Россіяне, смиря враговъ;
Свидѣтели тѣ войски сами,

Которы, побѣжденны нами,
Чтутъ мужество Твоихъ полковъ.
Еще герои росски цѣлы,
Живутъ и будутъ жить въ сынахъ;
Враги увидятъ прежни стрѣлы
И прежни громы въ ихъ поляхъ.

Тѣ громы, кои подъ Полтавой
И всюду предъ Петровой славой,
Стремились дерзостныхъ карать;
Главы ихъ тотъ же мечъ преклонитъ,
И тотъ герой враговъ погонитъ,
Который гналъ за степь ихъ вспять.
Но если грозный рокъ злодѣевъ
Ихъ дерзкій путь давно пресѣкъ:
Безъ бранныхъ дѣйствъ и безъ трофеевъ,
Монархиня, Твой славенъ вѣкъ.

Когда царей мы въ мысль приводимъ,
Повсюду образъ Твой находимъ:
Тотъ жизнь хотѣлъ за всѣхъ терять.
Тотъ жертвовалъ своимъ покоемъ,
Тотъ названъ Кроткимъ, тотъ Героемъ;
Но выше чтемъ мы Россовъ Мать.
Иной во плѣнъ взялъ тмы народа,
И, силой рушивъ крѣпость стѣнъ,
Былъ царь всего земного рода;
А Ты взяла сердца во плѣнъ.

Тобою добродѣтель блещетъ,
Обидимый не вострепещетъ

Отъ сильныхъ рукъ передъ судомъ;
Къ Тебѣ путь Правда отверзаетъ.
И Лихоимство не дерзаетъ,
Объято страхомъ и стыдомъ.
Вдова въ отчаяньи не стонетъ,
Не плачутъ бѣдны сироты:
Коль жалоба ихъ слухъ Твой тронетъ,
Помощница имъ будешь Ты.

Не лестью ихъ языкъ вѣщаетъ;
А то, что̀ сердце ощущаетъ,
Монархиня, гласятъ уста.
Монархи славные дѣлами,
Не мня превознестись хвалами,
Блаженство шлютъ во всѣ мѣста.
Но сколько милость имъ природна,
Столь свойственно намъ пѣть ея;
И если пѣснь Тебѣ угодна,
Тѣмъ паче счастливъ буду я.

Благословенная Держава!
Твоя надежда, счастье, слава
И власть должны цвѣсти вовѣкъ.
Веселый слухъ подвергъ всю землю;
Въ священномъ я восторгѣ внемлю,
Слова, что̀ цѣлый міръ изрекъ:
«Продли Ея, о, Боже! лѣта,
«Продли до самыхъ позднихъ дней:
«Они утѣхой будутъ свѣта,
«И счастьемъ всѣхъ подвластныхъ Ей.»

=

ПѢСНЬ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЫНѢ

ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ,

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ,

переведенная съ италіянскаго, сочиненія Мишеля-Анжела Жіанетти.

—

О, Ты, которая, счастливою судьбою,
Въ побѣдахъ царствуешь надъ Росскою страною:
Тебѣ вручившее Державу Божество,
На безконечное Россіи торжество,
Судило, чтобъ весь свѣтъ, дивяся, былъ свидѣтель,
Колико можетъ въ немъ со властью добродѣтель.
Пѣтовъ ревностныхъ Тобой плѣненный духъ,
Съ восторгомъ дѣлъ Твоихъ, внимая громкій слухъ,
Достойно пѣть Тебя всѣ силы напрягаетъ,
И всюду о Тебѣ гласить не умолкаетъ.

Въ странѣ, гдѣ солнце въ міръ лiетъ сугубый свѣтъ,
Вселяетъ жаръ къ стихамъ и пѣть Тебя зоветъ
Питомецъ чистыхъ Музъ древнѣйша Геликона,
Плѣняясь славою величественна трона,
Дерзаетъ въ ревности плести вѣнцы для Той,
Которая даетъ Россiи вѣкъ златой.
Прости, Монархиня, коль дерзко предпріемлю:
Тобою ободренъ, я всюду гласъ Твой внемлю,
Божественный сей гласъ, который чтитъ весь міръ
И пѣснь Тебѣ поетъ среди гремящихъ лиръ.

Пространство обозрѣвъ земель подъ небесами,
Гдѣ славились цари, какъ боги чудесами,
Я зрю — слѣдами ихъ наполненъ Океанъ
И Предковъ чту Твоихъ великолѣпный санъ;
Къ защитѣ на земли благотворящей Вѣры,
Ихъ славныя дѣла и славные примѣры.
Но въ морѣ сихъ чудесъ теряется мой взоръ:
Пускай красуется ихъ свѣтлыхъ душъ соборъ,
Въ селеньяхъ вѣчности Твоимъ блистая свѣтомъ
И славы чтя Тебя достойнѣйшимъ предметомъ:
Я имъ послѣдую, оставлю блескъ ихъ дѣлъ,
Коль должно, чтобъ я въ нихъ Тебя едину пѣлъ.
Великаго Петра Преемница Державы
И истинной Его Любительница славы,
Нося Его труды, любя Его законъ,
Его имѣя духъ и царствуя какъ Онъ,
Ты разумъ мой влечешь къ Тебѣ единый нынѣ,
И отъ Петра мой стихъ течетъ къ Екатеринѣ.

Ты тако царствуешь и правишь Твой народъ,
Что долженъ чтить Тебя и поздній смертныхъ
родъ.
Отъ поддапныхъ Твоихъ дни, счастьемъ изочтенны,
Не будутъ никогда забвеньемъ помраченны;
Куда ни обратятъ Россіяне свой взглядъ,
Увидятъ образъ Твой, увидятъ тму отрадъ.
Такъ солнце землю всю живитъ и освѣщаетъ,
И каждый, зря его, отраду ощущаетъ;
Но отъ Твоихъ щедротъ тишайшій льется свѣтъ,
Плѣняетъ сердце онъ и умъ къ себѣ влечетъ.

Твое владычество во свѣтѣ надъ царями,
Твое могущество надъ сушей, надъ морями,
Явили на земли Юпитерову власть:
Минерва предъ Тобой и боги должны пасть.
Коль свѣтъ превозносилъ ихъ мнимую державу,
Въ Тебѣ онъ прямо чтитъ божественную славу
Петромъ основанный, преславный нынѣ градъ,
Гдѣ прежде царствовалъ единый только хладъ,
Гдѣ пахатель сперва, трудясь, нуждался въ пищѣ
И отдалялъ свое отъ оныхъ мѣстъ жилище,
Сей градъ, красуяся во области Твоей,
Подобенъ Риму сталъ среди счастливыхъ дней;
Отверзъ убѣжище пріятное народу
И животворную явилъ наукамъ воду.
Художествъ тщатели и быстрые умы
Текутъ подъ Твой покровъ, текутъ народовъ тмы.
Ты къ пользѣ поддапныхъ и къ собственной ихъ
славѣ,
Желая просвѣтить людей въ Твоей Державѣ,

Простерла щедрую десницу ко брегамъ,
Гдѣ Музы избрали себѣ угодный храмъ.
Екатерининъ гласъ всегда межъ ихъ твердится.
Счастливая Нева предъ Тибромъ здѣсь гордится.
Колико Римъ блисталъ, вселенной давъ законъ,
Толико славенъ Титъ, Траянъ и Сципіонъ *,
Непобѣдимыхъ войскъ достойный предводитель
И африканскихъ силъ прехрабрый побѣдитель:
Всю славу, что явилъ героевъ полный Римъ,
Всю славу сихъ мужей въ Тебѣ единой зримъ.

Среди героевъ сихъ отлично Ты блистаешь,
И въ подданныхъ Твоихъ геройскій духъ питаешь.
Подобно солнечнымъ сіяющимъ лучамъ,
Которы новый вдругъ являютъ блескъ очамъ,
Встрѣчаясь съ твердыми прозрачными тѣлами,
Героевъ Ты творишь геройскими дѣлами.
Трудовъ и подвиговъ и ревности ихъ плодъ
Являетъ образъ всѣхъ монаршескихъ добротъ,
Которыя свои лучи повсюду мещутъ,
И добродѣтелью Твоей народы блещутъ.
Она повсюду тамъ въ Россіянахъ видна,
Гдѣ къ истинѣ любовь предводитъ ихъ одна,
Гдѣ честь, достоинства, исторгнуты изъ тѣни,
Восходятъ на свои имъ должныя степени;
Гдѣ правда тихая смиряетъ гордый нравъ,
И человѣчества внушается уставъ;
Гдѣ Марсъ болѣзнуетъ, явя свирѣпство въ полѣ,
И укрощается, зря Кротость на престолѣ;

---

* Сципіонъ Младшій.

Гдѣ чтится мужество и вѣрность тѣхъ сердецъ,
Которы отъ Нея пріемлютъ свой вѣнецъ.
Счастливая страна! народъ, сто кратъ блаженный!
Ты видишь Божества въ Ней образъ совершенный,
Ты видишь паки въ Ней Астрею на земли.
Внемли, Монархиня, Ты смертныхъ гласъ внемли,
Которые Тобой блаженство ощущаютъ:
Се море и земля хвалу Твою вѣщаютъ.
Премудрые Твои уставы намъ гласятъ,
Коль праведенъ Твой судъ и коль законъ Твой святъ,
И сколь желаешь Ты, о пользѣ всѣхъ радѣя,
Чтобъ сирый не стенялъ отъ сильнаго злодѣя.
Гласятъ любители художествъ и наукъ,
Монархиня, Твоей внимая славы звукъ,
Что подданныхъ Ты вкусъ и разумъ возвышаешь,
И добродѣтельми ихъ правы украшаешь.
Отъ юныхъ лѣтъ горя усердіемъ къ Тебѣ,
Воспитанны Тобой въ пресчастливой судьбѣ,
Младенцы самые, единодушнымъ кликомъ,
Тебя, какъ Россовъ Мать, чтутъ сердцемъ и языкомъ.
Счастливые торги во области Твоей,
Тебя въ избыткѣ благъ, Минервой чтутъ своей,
И изобиліе нося въ Твою Державу,
Гласятъ, колико Ты умножила ихъ славу.
Различны жители восточныя страны
Единымъ именемъ и слухомъ плѣнены,
Россійской Матери, Богини и Царицы,
Съ надеждою Тебѣ вручаютъ ихъ границы;

И зря къ Монархинѣ любовь Ея сыновъ,
Гласятъ: прими и насъ, прими во Свой покровъ.

Угрюмый богъ морей, покоясь донынѣ,
Искалъ глубокаго убѣжища въ пучинѣ;
Трезубцемъ волны онъ морскія усмирялъ
И въ мрачныя себя пещеры затворялъ.
Но тягостью судовъ внезапно удрученный,
Склоняетъ свой хребетъ, и зря на токъ смущенный,
Гдѣ роютъ новый путь летящи Этны въ Понтъ,
Внимаетъ надъ водой шумящій горизонтъ:
Послушны вѣтры имъ, благоспѣшно вѣя,
Казалось, царство водъ отъемлютъ у Нерея,
Сей богъ, изъ бездны волнъ зря смѣлость такову,
Подъемлетъ тиною покрытую главу,
И очи мутныя возведъ на воздухъ влажный,
Вѣщаетъ: «Кто дерзнулъ вступить въ сей путь отважный?»
Но лишь увидѣлъ онъ Екатерининъ флагъ,
Простертъ упалъ предъ Ней, желая Россамъ благъ.

Онъ рекъ, и гласъ его раздался надъ водами:
«Да чтитъ покрытый Понтъ россійскими судами,
«Толь свято власть Ея и купно мой законъ,
«Колико славою Ея возвышенъ тронъ.
«Пространство все моей надъ токами державы
«Не можетъ умѣстить побѣдъ Ея и славы.
«Великій Александръ, царемъ полсвѣта ставъ,
«Когда бы нынѣ жилъ, Ея бы чтилъ уставъ;
«Великъ и славенъ онъ побѣдъ своихъ вѣнцами:
«Но царствуетъ одна щедрота надъ сердцами;

«И свѣтомъ обладать достойна только Та,
«Котора къ счастію отверзла всѣмъ врата.
«Эолъ! Монархини ты праву подражая,
«Не дуй на флотъ Ея отъ сѣвернаго края.
«Будь тихъ подобно Ей, смири свой бурный вѣтръ,
«Пусть царствуетъ Она въ срединѣ водныхъ нѣдръ,
«Пусть свѣтлы небеса, бывъ Ей благопріятны,
«Явятъ, колико имъ Ея желанья внятны;
«Пусть тихимъ воздухомъ Ея предводятъ слѣдъ,
«Для счастья общаго и для Ея побѣдъ;
«Пусть Турокъ въ гибели невѣрный родъ познаетъ,
«Что тщетно на свои онъ силы уповаетъ,
«Дерзая колебать вселенныя покой
«И Россовъ раздражать военною рукой.
«Пускай Монархиня, почтенная вѣнцами,
«Блаженствомъ подданныхъ и вѣрными сердцами,
«Великимъ именемъ, божественнымъ умомъ,
«Коль хочетъ, миръ даетъ; коль хочетъ, мещетъ громъ.»

Онъ праведно изрекъ, побѣдъ Твоихъ свидѣтель.
Въ войнѣ благословилъ Тебя небесъ Владѣтель
И руку мощную простеръ изъ облаковъ,
Разящую вездѣ невидимо враговъ.
Не въ долгомъ времени трепещуща ихъ сила
Почувствовала страхъ, который наносила.
Бѣгущихъ Агарянъ смущенные полки
Повергнись въ ихъ крови отъ росскія руки.
Любитель мирныхъ дней, покоя и отрады,

Отважно шелъ на брань, зря щитъ своей Палады;
Забывъ оливну вѣтвь счастливыхъ береговъ,
Какъ левъ разгнѣванный, стремился на враговъ.
Тамъ въ поддапной любовь къ россійской Героинѣ
Вселяла бодрый духъ на сушѣ и въ пучинѣ.
Дабы явить Тебѣ усердія ихъ плодъ,
Имъ не было препонъ среди огня и водъ.
Надежды лучъ съ Небесъ къ Россіянамъ спустился,
Но мрачный облакъ вдругъ надъ Турками сгустился;
Надъ вѣрными тогда сіялъ побѣды день,
И вражески полки покрыла вѣчна тѣнь.
Я зрю трепещущу Турецкую Державу,
И собственну въ войнѣ піющую отраву;
Луна во облакахъ, зардѣвшись, кроетъ видъ,
Желая навсегда скрыть свой и Турокъ стыдъ.

Къ вамъ нынѣ обращу я мысленные взоры,
Къ вамъ, рѣки и брега, ручьи, поля и горы,
Гдѣ Марсъ во ужасѣ взиралъ на страшный слѣдъ
Россійскихъ храбрыхъ силъ, на дѣйство ихъ побѣдъ,
И гдѣ изъ челюстей орудій раскаленныхъ
Летала съ ревомъ смерть на Турокъ изумленныхъ;
Гдѣ бѣгство препиналъ ручьевъ кровавыхъ токъ,
И дерзостныхъ враговъ постигъ лютѣйшій рокъ:
Преславныя мѣста дѣлами войскъ преславныхъ,
Свидѣтели побѣдъ надъ Турками недавныхъ!
Вы новое открывъ тамъ зрѣлище чудесъ,

Которыя творилъ россійскій Геркулесъ,
Съ коликой радостью вы оной гласъ внимали,
Когда Россіяне побѣду восклицали,
Когда Монархиня у всѣхъ была въ устахъ,
Когда побѣды гласъ раздался въ небесахъ!
Екатериною мѣста вы были полны,
И грозно Имя то несли къ невѣрпымъ волны;
Иль паче славою взносимое до звѣздъ,
То Имя Туркамъ въ страхъ сіяетъ съ горпихъ мѣстъ.

Царица Амазоннъ *, презрѣвъ и слабость пола,
Презрѣвъ и свой покой и сладости престола,
Сама дерзнула стать въ геройскіе слѣды
И чрезъ военные прославилась труды.
Но духомъ смѣлая, россійская Паллада,
Не отлучаяся изъ царственнаго града,
И правя областью у тихихъ береговъ,
Спокойно шлетъ оттоль перуны на враговъ
Юпитеръ тако гнѣвъ злодѣямъ возвѣщаетъ,
И громъ и молпію отъ высоты пущаетъ:
Бросай, Монархиня, бросай Свой сильный громъ,
И усмири враговъ, которы дышутъ зломъ.

Тебѣ, о славный вождь, великодушный воинъ!
Она вручаетъ власть, которой ты достоинъ:
Тебѣ природна честь, и свойственъ долгъ, Орловъ **,

---

* Фермодонта.

** Графъ Алексѣй Григорьевичъ.

Спасать Отечество, карать его враговъ:
Тебѣ покорствуютъ и самыя стихіи,
И вѣтры брань ведутъ въ моряхъ за честь Россіи.
Тамъ ревностный твой братъ * богинпнъ гнѣвъ
несетъ,
Летитъ средь молній, рветъ воздухъ, твердь тря-
сетъ,
И съ равной силою какъ вѣтръ съ Востока го-
нитъ;
Встрѣчая хладный вѣтръ, онъ крѣпки мачты
клонитъ,
Огромныя суда преобращаетъ въ прахъ;
Отчаянныхъ разитъ уже единый страхъ.
Дерзай, Монархиня, къ Тебѣ любовью полны,
Россіяне попрутъ безстрашно огнь и волны.
Они, Твой тронъ и скипетръ составя изъ сердецъ,
За добродѣтели плетутъ Тебѣ вѣнецъ;
За добродѣтели Твои Ты узришь вскорѣ,
Твою простерту власть на сушѣ и на морѣ;
Ты узришь во стыдѣ певѣрный Турокъ родъ,
И въ новомъ торжествѣ Твой счастливый на-
родъ;
За добродѣтели получишь миръ въ награду,
И сердцу Твоему любезную отраду,
Когда оружія престанетъ въ полѣ шумъ.
И будетъ въ тишинѣ покоиться Твой умъ.
За добродѣтели художества свободны
Явятъ свои плоды, которы имъ природны.

---

* Графъ Оедоръ Григорьевичъ.

Гоня невѣжество и злобу отъ сердецъ,
Ихъ общимъ Божествомъ Ты будешь наконецъ.

И се изъ облаковъ я гласъ предвѣчный внемлю!
Божественны Судьбы, дая законъ на землю,
Вѣщаютъ сладкія пророчества слова,
Что вѣрнымъ будешь Ты подсолнечной глава.
Византія къ Тебѣ колѣна преклоняетъ,
И радость тайную въ сердцахъ распространяетъ.
Тебя зоветъ своей Царицею Востокъ,
И Нилъ во срѣтенье къ Тебѣ льетъ свой токъ.
Елена * вопіетъ: спаси Екатерина,
Воздвигни Церковь Ты, воздвигни Константина!
Тебѣ вручаю я оружіе и честь,
Дабы за Вѣру Ты простерла общу месть.
Тебѣ я греческій престолъ препоручаю,
Тобою на земли торжествовать я чаю;
Тобою Истина должна взойти на тронъ,
И Твой распространить въ подсолнечной законъ.

О, Муза! въ ревности должна хранить ты мѣру,
Коль въ пѣсняхъ подражать не можешь ты Гомеру.
Преславный сей пѣвецъ престалъ бы пѣть боговъ,
Зря ново божество у невскихъ береговъ.
А ты, имѣя гласъ нехитростной свирѣли,
Оставь, чтобъ боги пѣснь Богинѣ новой пѣли.

---

* Святая Елена, благовѣрная царица греческая, мать святого царя Константина.

Умолкни и проси прощенія предъ Ней,
Дерзнувъ Ее хвалить въ преданности своей.
Довольно славится едиными дѣлами,
Сія, Котору мнишь ты славить похвалами.
Ей Истина плететъ безсмертные вѣнцы,
И слухъ о Ней прошелъ во всѣ земли концы.

О, Муза! прекрати ты пѣснь и будь спокойна.
Умѣренность въ стихахъ есть паче намъ пристойна.
Коль даръ усердію не можетъ отвѣчать,
Пристойно чтить Ее, дивиться и молчать.

ПЕРЕВОДЪ

СТИХОВЪ ВОЛЬТЕРА.

—

Наперстница боговъ, любящихъ росскій тронъ,
Гдѣ правда высится и разумъ просвѣщенный,
Гдѣ купно царствуютъ Марсъ, Оемисъ, Аполлонъ,
Оставя въ небесахъ безсмертныхъ ликъ священный:
О, Ты, Которая надъ силами враговъ
И надъ невѣжествомъ во славѣ торжествуешь,

Въ достойной ревности героевъ и боговъ,
Свободу давъ умамъ, путь онымъ показуешь,
Подай мнѣ лучъ Твоей божественной души
И старость обнови усердьемъ воспаленну;
Что долженъ я писать, Ты мнѣ сама внуши,
Отъ Сѣвера днесь свѣтъ лiется во вселенну.

Мнѣ мерзокъ таковой, Монархиня, тиранъ,
Который въ гибели народовъ ищетъ славы;
И не могу терпѣть, чтобъ въ варварствѣ султанъ
Надъ человѣчествомъ являлъ бездушны правы;
Чтобъ дерзкою рукой безсовѣстный паша
Ругался завсегда надъ христiанской кровью;
Иль чтобъ визирь, дѣла неправедно рѣша,
Велѣлъ давить людей, смѣяся плачу вдовью;
Султанъ въ невѣжествѣ давилъ бы визиря,
И въ праздности ихъ смерть считалъ себѣ забавой:
Толь гнусны, варварски и звѣрски правы зря,
Мой разумъ напоенъ смертельною отравой.

О, вы! которыхъ намъ изобразилъ Платонъ,
То милующихъ насъ, то въ гнѣвѣ къ намъ гремящихъ,
Коль смертныхъ жалобы предъ вашъ восходятъ Тронъ,
Властители Судебъ пашъ умъ превосходящихъ,
Проснитесь въ Грецiи, возставьте вашу власть
Для чести вашихъ странъ и для Екатерины,
Котора равную имѣетъ съ вами часть,
Наполня славой Понтъ и удивя Аонны.

Предшествуйте Ея оружію въ моряхъ,
Пусть воины Ея достигнутъ къ Мараопу,
У Саламинскихъ стѣнъ разсыпьте новый страхъ,
Платейскихъ крѣпостей разрушьте оборону.
Гомеръ и Геркулесъ взираютъ смутны къ намъ,
Достойнаго плода не зря въ потомкахъ болѣ;
Ихъ отрасль подражать не смѣя праотцамъ,
Трепещетъ предъ агой иль въ рабствѣ иль неволѣ.

Цирцея нѣкогда волшебнымъ мастерствомъ
Подобны чудеса на пагубу творила:
Стихіямъ давъ закопъ и правя естествомъ,
Улиссовыхъ иловцовъ въ скотовъ преобратила.
Но въ прежне существо героевъ превратить,
И оныхъ божеству подобиться неложно,
Возставить славу ихъ и разумъ просвѣтить—
Екатеринѣ то единой лишь возможно.
Воскреснетъ Грецiя, Ея внимая гласъ,
Къ побѣдамъ новыя откроетъ Ей дороги;
Воскреснетъ въ торжествѣ ликующiй Парнассъ,
Воскреснутъ слава тамъ, закопъ, науки, боги.

Другіе, выгодой земель одарены,
Запмствуютъ свое блаженство отъ климата:
Но въ Сѣверѣ Творецъ пресчастливой страны
Простеръ довольство благъ среди неплодна блата.
И гдѣ Великій Петръ людей содѣлать могъ,
Екатерина тамъ содѣлала героевъ.
Ея великій духъ, какъ нѣкій сильный богъ,
Полезный смыслъ даетъ, предшествуетъ средь боевъ.

Таковъ быть долженъ царь, коль хочетъ дать примѣръ
Къ пріобрѣтенію правдивой въ жизни славы,
Коль хочетъ, чтобъ народъ сердца и умъ простеръ
Пріять въ надеждѣ благъ законъ и честны правы.
Монархъ, писатель книгъ *, разумно написалъ:
«Какъ Августъ въ Польшѣ пилъ, народъ всегда былъ въ пьянствѣ.»
И коль не можетъ царь снискать себѣ похвалъ,
Народъ теряетъ умъ въ безчестнѣйшемъ подданствѣ.
Равно когда султанъ, отягощенный сномъ,
Въ роскошной слабости о подданныхъ не мыслитъ,
Безъ пользы предстоятъ паши его кругомъ,
Которыхъ онъ совѣтъ въ своихъ подпорахъ числитъ.
Но бодрствуя всегда среди своихъ побѣдъ,
Не тако областью Екатерина правитъ:
Она, оружіемъ предупреждая вредъ,
Блаженство въ торжествахъ Свое и Россовъ славитъ;
Довольство множитъ ихъ прещедрою рукой,
Пріемлетъ на себя стараній должныхъ бремя,
Трудится день и ночь возставить всѣхъ покой
И межъ трудовъ ко мнѣ писать находитъ время.
Въ то время Мустафа, гордясь предъ визиремъ,

---

* Фридерикъ Второй, король прусскій.

Въ чертогахъ роскошью безчувственною дышетъ,
Зѣваетъ въ праздности, не мыслитъ ни о чемъ,
И никогда ко мнѣ, въ прибавокъ, онъ не пишетъ.

Внезапно Кегая приноситъ грозну вѣсть,
Его султанскаго величества къ печали,
Что въ морѣ вождь его теряетъ флотъ и честь,
Что войска съ внзиремъ отъ Россовъ побѣжали,
Что стали ужъ не ихъ Нимфея и Колкосъ,
Гдѣ такъ равно Помпей гналъ прежде Митридата.
Не знавъ Помпея онъ, чудится на доносъ.
Не трогаетъ его людей своихъ утрата.
О, Боже, всѣхъ Творецъ, Властитель нашихъ дней!
Я славлю власть Твою и чту Твои уставы,
Но долженъ чувствовать, что, къ пагубѣ людей,
Тирану глупому даешь надъ свѣтомъ правы.
Екатерина, мстя за Россовъ и за честь,
По человѣчеству явила всѣмъ услугу:
Во обществѣ и я благодарю за месть,
Ревнуя въ чувствіи всему земному кругу.
Сверши, Монархиня, сверши Твои дѣла:
Конечно, Божество Тебѣ преднадписало,
Чтобъ къ страху Ты привесть и къ разуму могла
Султана и невѣждъ, которы мыслятъ мало.

ПЕРЕВОДЪ

СТИХОВЪ МАРМОНТЕЛЯ.

—

О, Ты, Которая въ законахъ и геройствѣ
Ревнителей Твоихъ далеко превзошла,
И славнѣйшій примѣръ монархамъ подала,
Пекися подданныхъ о счастьи и спокойствѣ!
Являй всегда твоей величество души,
И славныхъ дѣлъ твоихъ начатки соверши!
Счастливому въ твоемъ владѣніи народу,
Осталося имѣть едину лишь свободу *;
Единой вольности ему не достаетъ,
Чтобъ счастіе его тѣмъ было совершенно.
То время есть признакъ благословенныхъ лѣтъ,
Когда достоинства цвѣтутъ безпринужденно
Щедрота такова и толь безцѣнный даръ
Обильнѣйшій прольетъ источникъ благоденства;
Художны вымыслы земной украсятъ шаръ,
Науки новыя откроютъ совершенства,
И добродѣтелей любезна будетъ честь.
Безъ рабства Истина начнетъ вѣнцы имъ плесть.

---

* Сіи стихи писаны, чаятельно, прежде заведенія въ Санктпетербургѣ Академіи Свободныхъ Художествъ; или Мармонтель не имѣлъ тогда извѣстія ни о семъ заведеніи, ни о вольности въ Россіи. *Прим. Соч.*

Таланты подъ Твоей возлюбятъ жить державой,
Въ преизобиліи довольства и добра,
И удивленна тѣнь Великаго Петра
Признается, что Ты Его превысишь славой.

ОДА,

СОЧИНЕННАЯ

ОЧАКОВСКИХЪ ПОЛЕЙ ПАСТУШКОЮ

НА ВЗЯТІЕ ОЧАКОВА.

—

Монархиня обширныхъ странъ,
Которой безпримѣрну славу
Гласитъ земля и Океанъ
И чтитъ ревнительно державу,
Котору щедро Божество
Поставило превыше троновъ,
На безконечно торжество
Своихъ священнѣйшихъ законовъ!

Твой громъ, иль паче громъ Небесъ,
Умножилъ трепетъ водъ оракійскихъ;
Но я, подъ тѣнію древесъ,
У стада на поляхъ ольбійскихъ,

Имѣя въ жизни малу цѣль,
Могу ль, достойно предъ Тобою.
Пастушью тихую свирѣль
Мѣшать съ военною трубою?

Не паки ли чудовищъ ревъ
Блюдетъ въ стѣнахъ руно златое?
Не паки ли Ахилловъ гнѣвъ
Разсыпалъ ужасъ въ новой Троѣ?
Мутится ль вновь Босфора токъ
Приходомъ Игорева сына?
Или во мрачности Востокъ
Пріемлетъ свѣтъ отъ Константина?

Бѣгу., спѣшу на холмѣ сѣсть,
Дабы узрѣть геройски споры:
О, коль пріятну слышу вѣсть,
Къ Очакову возведши взоры!
Вотще повсюду смерть претитъ
Геройскаго отвагу слѣда,
Уже въ стѣнахъ твой мечъ блеститъ,
Твердится русская побѣда.

Сквозь вопль внимаю кроткій гласъ,
Къ пощадѣ нѣжныхъ лѣтъ и пола:
«Она губить не ищетъ васъ,
«И къ вамъ снисходитъ со престола:
«Она, могущею рукой,
«Караетъ гордость лишь едину:
«Познайте Ею вашъ покой,
«Познайте вы Екатерину.»

Сей гласъ коснулся всѣхъ сердецъ.
И я, остатокъ древнихъ Грековъ,
На пажитяхъ моихъ овецъ,
Любя спокойство человѣковъ,
Дерзнула, въ радости моей,
Воспѣть, что всѣ поютъ народы:
Да продлитъ Богъ до позднихъ дней
Твои безцѣнны міру годы.

ПѢСНЬ

НА ПОБѢДУ, ОДЕРЖАННУЮ РОССІЙСКИМЪ ОРУЖІЕМЪ НАДЪ ШВЕДСКИМЪ ГАЛЕРНЫМЪ ФЛОТОМЪ, АВГУСТА 13 ДНЯ 1789 ГОДА.

—

Не вновь ли гордый Фараонъ
Возсталъ отъ сѣвернаго края:
Мечтаетъ морю дать законъ,
На многи силы уповая.

О, Богъ Россіянъ, Богъ Петровъ,
О, сильный Богъ Екатерины!
Не паки ли Твоихъ враговъ
Жезломъ низвергнулъ Ты въ пучины?

Разгнѣвавъ грозны Небеса,
Вотще спасаются при брегѣ,
За рвы, за камни и лѣса,
Ища себѣ отрады въ бѣгѣ.

Повсюду ихъ сражаетъ громъ,
Екатеринѣ порученный:
Се Богъ караетъ ихъ судомъ,
Се Богъ, во гнѣвѣ раздраженный.

Воззрите, буйные умы,
На земли трупами устланны:
Исчислите сраженныхъ тмы,
Исчислите свои вы раны.

Въ ожесточеніи сердецъ,
Не вѣря повсемѣстной славѣ,
Увидѣть дерзости конецъ
Еще ль влечетесь вы къ Полтавѣ?

Россіянъ ново торжество
Вамъ нову жизнь начертаваетъ:
Побѣдоносно Божество,
Едину гордость лишь караетъ.

А вы, отечества сыны,
Которыхъ сродники и други
Изъ вашихъ нѣдръ извлечены
Явить толь славныя услуги!

Когда кому опасный рокъ,
Храня оставшихъ жизнь въ покоѣ,
Судилъ скорѣе жизни токъ
Скончать въ кровопролитномъ боѣ.

Отрите рѣки вашихъ слезъ,
Достойныхъ таковой потери:
Кто жизнь свою на жертву несъ,
Тотъ шелъ безсмертія во двери:

Колико въ жизни есть скорбей,
Снѣдающихъ сильнѣй отравы!
Колико въ свѣтѣ есть смертей
Безъ общей пользы и безъ славы!

Коль должно въ жизни брань имѣть
И пасть противу вѣроломства:
Счастливъ, кто можетъ умереть—
И послѣ жить въ сердцахъ потомства.

ПѢСНЬ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ

ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ,

ИМПЕРАТРИЦѢ И САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ,

МАТЕРИ ОТЕЧЕСТВА.

На миръ со Швеціею 1790 *года.*

—

Не новое ль міровъ свѣтило
Румяное лице открыло
Разсѣять мракъ угрюмыхъ тучъ?
Смиряясь, грозные перуны
Лютъ на землю тихій лучъ.
Ударилъ Ѳебъ въ златыя струны,
Звучитъ въ пресвѣтлыхъ торжествахъ,
Звучитъ — и къ радостному звону
Зоветъ веселую Помону;
Церера скачетъ на лугахъ.

Холмы парнасски возсіяли,
И Музы купно восплескали,
Узря ея спокойный ликъ.
О, коль любезная превратность

Черты счастливѣйшихъ владыкъ,
Очей тишайшая пріятность,
Влекутъ и восхищаютъ умъ.
Какія радости ліются!
Какія пѣсни раздаются!
Какой веселый слышенъ шумъ!

Полимнія, простерши руки
На мирныя въ градахъ науки,
Являетъ поле новыхъ дѣлъ,
Гдѣ зиждущи умы безъ брани
Устроили блаженство селъ,
И всѣхъ стихій сугубятъ дани.
Эрміи во глубинѣ земли
Оставленный металлъ находитъ,
И въ морѣ безмятежно водитъ
Избыткомъ полны корабли.

Всегдашній общества питатель
И неизмѣнный другъ, оратель,
Въ смиреннѣйшихъ своихъ трудахъ,
Безъ страха отъ погодъ суровыхъ,
Въ простыхъ спокойствія вѣнцахъ,
Браздитъ поверхъ полей лавровыхъ;
И гдѣ разила всѣхъ война,
Опъ тамо, въ нѣдрахъ благодатныхъ,
Съ надеждою добычъ тмукратныхъ,
Землѣ ввѣряетъ сѣмена.

Различныя въ талантахъ Музы,
Сугубя межъ собой союзы,

Вершатъ блаженство тихихъ дней.
Одна искусными чертами,
Одушевляетъ видъ вещей;
Другая флейтой, иль струнами,
Иль пляской радость въ чувства льетъ;
Одна, любя ума забаву,
Поетъ въ стихахъ героевъ славу,
Другая мирну пѣснь поетъ.

О, коль блаженна ты, Россія!
Подай, божественная Клія,
Подай ты мнѣ свои черты,
Укрась мою простую ревность,
Открой мнѣ слога красоты,
Представь дѣяній славныхъ древность.
Но ты правдивою рукой
Премногп вѣки заглаждаешь,
И паче славить научаешь
Екатерининъ вѣкъ златой.

Не страшны бури въ нѣдрахъ пѣги;
И если грозныхъ тучъ набѣги
Мрачатъ часами ясный день,
Мы чувствуемъ живѣе радость,
При солнцѣ вспомнивъ прежню тѣнь.
По горестяхъ пріятнѣй сладость:
Подобно милость къ намъ Небесъ,
Чтобъ счастье лучше мы вкушали,
Разсыпавъ скорби и печали,
Даетъ отрадамъ полный вѣсъ.

Превѣчной Истины законы,
Которы утверждаютъ троны
И силой мужества стрегутъ,
Даруя честь побѣдъ и славу,
Героевъ наконецъ ведутъ
Ко общему людей уставу.
Войны сурово ремесло
Союзныхъ правъ не измѣняетъ,
И ратника равно вчиняетъ
Въ счастливое гражданъ число.

Уже въ величествѣ Россія
Остатковъ гордаго Батыя
Не числитъ межъ своихъ враговъ;
Пространной ризою одѣта,
Уже объемлетъ въ свой покровъ
Далекія границы свѣта;
Подъ сѣнію своихъ раменъ,
Отъ Тихихъ водъ до волнъ Балтійскихъ,
Отъ Сѣвера до горъ Каспійскихъ,
Вмѣщаетъ разныхъ тмы племенъ.

Въ толико вожделѣнной долѣ,
Чего желать осталось болѣ,
Россіи вѣрные сыны?
Блюсти спокойствія уставы
И въ нѣдрахъ сладкой тишины
Достичь до новой мирной славы.
Блаженны царства и цари,
Когда, свое блаженство строя,

Во злакахъ тихаго покоя
Союзны зиждутъ алтари.

ПѢСНЬ

НА МИРЪ МЕЖДУ РОССІЕЮ И ОТТОМАНСКОЮ ПОРТОЮ 1792 ГОДА.

—

Вѣнецъ геройственныхъ трудовъ
И край желаній смертныхъ рода,
Сладчайшій миръ! тобой природа,
Въ пресвѣтломъ торжествѣ вѣковъ,
Небесному подобясь чину,
Безбѣдный дарствуетъ покой,
Чтобъ тѣмъ почтить Екатерину
И предписать Ея рукой,
За подвиги Ея въ награду,
Блаженство селъ и царствъ отраду.

О, ангелъ тихихъ нашихъ дней,
Торжествъ лучами озаренныхъ!
О, Матерь милостью призрѣнныхъ
Племенъ во области Твоей!
Когда воззришь на разны лики,
На славный дѣлъ Твоихъ вѣнецъ,

Когда услышишь общи клики,
Летящи изъ среды сердецъ,
Позволь усердію чертами
Изобразить Тебя предъ нами.

Шумящій хоръ, со звукомъ лиръ,
Предходитъ въ пѣсняхъ предъ Тобою,
И громогласною трубою
Звучитъ Твои побѣды въ міръ.
Но Музы тихо помаваютъ,
Являя ново торжество,
И Аполлона воззываютъ
Возставить мирно Божество.
Безсмертныхъ сонмъ, склонясь къ Парнассу,
Приникъ внимательно ко гласу.

Вселенныя по всѣмъ краямъ
Веселы звуки пронеслися,
Священны пѣсни раздалися,
И воскурился ониамъ.
Богиня брапей и раздоровъ,
Узря пріятность тишины,
Смягчаетъ видъ угрюмыхъ взоровъ,
Обыкшихъ къ ужасамъ войны,
Свой грозный факелъ погашаетъ
И сладкій миръ провозглашаетъ.

Облегшаясь на спопъ рукой,
На тронѣ, листвіемъ устлапномъ,
Въ покровѣ, изо льна истканномъ,
Подобномъ снѣгу бѣлизной,

Чуждаяся вражды и гнѣва,
Кротчайшей радости полна,
Подъ сѣнію густого древа
Сидитъ любезна Тишина,
И въ областяхъ Екатерины
Готовитъ сѣять новы крины.

Вокругъ ея, изъ самыхъ блатъ,
Спокойствіемъ произращенны,
Желтѣютъ классы позлащенны
Между лазурныхъ ароматъ.
Куда она ни вскинетъ взоры
Живительныхъ своихъ очесъ,—
Поющихъ всюду слышитъ хоры,
Въ поляхъ, въ оградахъ, межъ древесъ,
И гдѣ рука ея коснется,
Тамъ вся природа разсмѣется.

Упорной силой раздраженъ
Ревнитель росскаго геройства,
Еще ль чуждается спокойства,
Еще ли Марсъ вооруженъ?
Покрытъ златыми чешуями,
Мечемъ противникамъ грозитъ,
Сверкаетъ ярыми очами
И пасмуритъ свой смутный видъ.
Прервались вдругъ торжествъ союзы,
Утихли хоры, смолкли Музы.

«Дерзни на Россовъ кто возстать,»
Во гнѣвѣ громко Марсъ глашаетъ,

И, мечъ изсунувъ, поспѣшаетъ
Воздвигнуть кроволитну рать,
Готовъ сожечь противныхъ флоты,
Разсѣять ужасъ на моряхъ,
Готовъ крѣпчайшихъ стѣнъ оплоты
Разсыпать и развѣять въ прахъ,
И новыя создать Аѳины
Къ подножію ЕКАТЕРИНЫ.

Постой, кровавый богъ, постой!
Щедротъ и милостей Царицѣ,
Носящей громъ въ своей десницѣ,
Любезенъ подданныхъ покой;
Славянъ увѣнчанны потомки
Давно насытились побѣдъ,
Давно уже войною громки,
И славой удивили Свѣтъ.
ЕКАТЕРИНА побѣждаетъ,
Но лаврамъ миръ предпочитаетъ.

Любезно міру Божество
Межъ царствъ постановляетъ горы,
И отъ царей гоня раздоры,
Преображаетъ естество.
Днѣстровыя струи катятся
Межъ новыхъ радостныхъ луговъ,
И въ счастливой судьбѣ чудятся
Окружныхъ диву береговъ,
Гдѣ Понтъ, шумя, среди отрады,
Несетъ въ Лиманъ богатствъ громады.

Татарскихъ ордъ унылый край,
Гдѣ степь не орошали воды,
И въ грубой дикости народы
Скитались межъ звѣриныхъ стай,
Уже, простря свои границы
Во внутрь оракійскихъ дальнихъ волнъ,
Подъ скиптромъ росскія Царицы
Является устройствомъ полнъ;
И гдѣ скрывался волкъ въ пустынѣ,
Тамъ храмъ воздвигнутъ Музъ богинѣ.

Краса и честь земныхъ владыкъ!
Создательница новой Троп!
Тобой возставленны герои
Уже святятъ Твой тамо ликъ,
Противнымъ въ страхъ, своимъ въ отрады,
Въ надежду, силу, торжество.
Во образъ древнія Паллады
Ты будешь Россовъ Божество;
И если Музъ умолкнутъ хоры,
Хвалу Твою воскликнутъ горы.

СТАНСЫ.

—

Кто царства новыя, порабощаетъ тропы,
Изъ титла рабскаго кто подданныхъ извлекъ,
Кто зиждетъ повые въ Россіи Геликоны —
Та царствуй и живи Маѳусаиловъ вѣкъ!

Кто далъ отечеству премудрые законы,
Блаженство общее кто собственнымъ нарекъ,
Кто новый кажетъ блескъ вседневно отъ короны—
Та царствуй и живи Маѳусаиловъ вѣкъ!

Кто грозныя извлекъ изъ бурныхъ водъ препоны,
Кѣмъ радостнѣе Мста, плавнѣе Днѣпръ потекъ,
Для блага подданныхъ кто создалъ милліоны —
Та царствуй и живи Маѳусаиловъ вѣкъ!

Кто, страшные врагамъ устроивъ легіоны,
Какъ твердою стѣной отечество облекъ,
На сушѣ и моряхъ поставилъ обороны —
Та царствуй и живи Маѳусаиловъ вѣкъ!

Придите въ Сѣверъ къ намъ Гомеры и Маропы!
Здѣсь Музамъ храмъ отверзтъ, здѣсь счастливъ человѣкъ,
Здѣсь Милость царствуетъ, здѣсь кроткіе законы—
Придите! пойте вы Екатерининъ вѣкъ!

СТИХИ

ВЕЛИКОЙ МОНАРХИНѢ.

—

1.

Кто блаженство наше строитъ,
И въ сердца намъ радость льетъ?
Кто насъ выситъ и покоитъ,
Удивляя цѣлый свѣтъ?
Титловъ Ей придать не знаютъ,
Но согласно восклицаютъ,
Оставляя имена,
Восклицаютъ всѣ: Она!

2.

На моря ль простретъ десницу,
Гдѣ лишь вѣтры могутъ дуть,
Иль побѣды колесницу
Во иной направитъ путь.
Титловъ Ей, и проч.

3.

Съ именемъ своей Паллады
Россъ на сушѣ, на волнахъ.
Рушитъ ли стихій преграды
И враговъ приводитъ въ страхъ.
Титловъ Ей, и проч.

4.

На Кавказъ ли, иль къ Полночи,
На брега ль дунайскихъ водъ
Обратимъ мы наши очи,
Чтобъ побѣдъ увидѣть плодъ.
Титловъ Ей, и проч.

5.

Вы, которыхъ лѣтъ превратны
Измѣнили древню кровь,
Однородны намъ Сарматы,
Кто васъ днесь счастливитъ вновь?
Титловъ Ей, и проч.

6.

Кто являетъ намъ щедроту
Благотворнѣйшихъ царей,
И къ трудамъ бодритъ охоту
Подчиненныхъ и властей?
Титловъ Ей, и проч.

7.

Снисходя къ усердной волѣ,
Краситъ наши торжества
Божество ли на престолѣ,
Или образъ Божества?
Титловъ Ей, и проч.

СТИХИ

КЪ МУЗАМЪ НА ЦАРСКОЕ СЕЛО.

—

Въ пріятныхъ сихъ мѣстахъ,
Оставивъ нѣкогда суетъ житейскихъ бремя,
Я съ лирой проводилъ отъ дѣлъ оставше время,
И мысль моя текла свободно во стихахъ *.
О, Муза! если ты своимъ небеснымъ даромъ
Могла животворить тогда мои черты,
Наполни мысль мою подобнымъ нынѣ жаромъ,
Чтобъ *Царскаго* Села представить красоты;
Великолѣпіе чертоговъ позлащенныхъ,
Которыхъ гордый верхъ скрывается межъ тучъ;
Различный видъ гульбищъ, садовъ и рощъ сгущенныхъ,
Гдѣ лѣтомъ проницать не смѣетъ солнца лучъ.
Екатеринѣ тамъ послушны элементы,
Порядокъ естества стремятся превзойти:
Тамъ новые водамъ открылися пути,
И славныхъ россскихъ дѣлъ явились монументы.
Въ ихъ славу Древность тамъ
Себѣ воздвигла храмъ

---

* Сочинитель, живъ въ Царскомъ Селѣ, въ 1765 году, сочинилъ тамъ поэму, извѣстную подъ титуломъ: *Блаженство Народовъ.*

И пишетъ бытія временъ неисчислимыхъ,
Какія видѣлъ свѣтъ
Въ теченье нашихъ лѣтъ.
При множествѣ чудесъ, уму непостижимыхъ,
Представивъ, Муза, мнѣ пріятности садовъ,
Гульбищи, рощи, крины,
Забыла наконецъ намѣренье стиховъ
И всюду хочетъ пѣть дѣла Екатерины.

СТИХИ

КЪ СОЧИНИТЕЛЮ РАЗНЫХЪ НОВЫХЪ РУССКИХЪ КОМЕДІЙ.

Отечество любя,
Являть ему пути спокойства, счастья, славы;
Смягчая грозные и грубые уставы,
Пріятность съ пользою мѣшать въ свои забавы;
Забавами желать людскіе нравить нравы,
Другимъ желаніемъ людей не оскорбя,
Не суть ли то дѣла, достойныя Тебя?

НАДПИСИ.

—

I.

Коронъ и скипетровъ блестяща суета
Покроется временъ пучиной;
Но вѣчность будетъ чтить въ нетлѣнiи лѣта,
Прославленны Екатериной.

II.

Россія! се твое прямое торжество:
Вмѣщая ты въ себѣ Россіянъ, Божество,
Иль, паче, отъ него пріемля всѣ законы,
Являешь храмы намъ Минервы и Беллоны.

СТИХИ

НА СЛУЧАЙ БРАЧНАГО ТОРЖЕСТВА

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ,

ГОСУДАРЯ ЦЕСАРЕВИЧА, ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

ПАВЛА ПЕТРОВИЧА

И ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ

НАТАЛІИ АЛЕКСѢЕВНЫ

въ 1773 году.

—

Уже ль Россійскою Палладой
Поверженъ вновь ея злодѣй?
Весь міръ питается отрадой
Торжественныхъ въ Россіи дней.
Я слышу, пѣсни вкругъ поются,
Веселья восхищаютъ умъ;
Народны плески раздаются,
И разныхъ восклицаній шумъ.
Но что̀ за богъ предсталъ видѣнью,
И сладки чувства льетъ во кровь!
Онъ нову жизнь даетъ творенью,
Даетъ въ природѣ зрѣть любовь.

Онъ, легкими тряхнувъ крылами,
На городъ сей направилъ путь,
И вѣтры бурными устами
Вокругъ его не смѣютъ дуть.
Колчанъ его мнѣ сталъ опасенъ
И страшенъ напряженный лукъ;
Какъ ангелъ, съ виду онъ прекрасенъ,
Но стрѣлъ за плечьми кростъ пукъ.
Онъ двѣ стрѣлы пустилъ златыя,
Я страхъ откинулъ, видя ихъ;
На сихъ стрѣлахъ слова святыя
Явились вдругъ въ очахъ моихъ:
«Любовь два сердца зажигаетъ
«Огнемъ, пріятнымъ Небесамъ:
«Наталью съ Павломъ сопрягаетъ,
«Въ залогъ блаженства симъ странамъ.

СТИХИ

НА БРАКОСОЧЕТАНІЕ

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ,

ГОСУДАРЯ ЦЕСАРЕВИЧА И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

ПАВЛА ПЕТРОВИЧА

И БЛАГОВѢРНОЙ ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ,

ПРОИСШЕДШЕЕ ВЪ 26 ДЕНЬ СЕНТЯБРЯ 1776 ГОДА.

—

О, Муза, любящая славу
Екатерининыхъ побѣдъ,
Теки, Ея подобно праву,
Тишайшей радости во слѣдъ.
Оставь прешедши звуки бранны,
Повсюду лавромъ увѣнчанны,
Пой новый счастія залогъ.
Она, сугубя счастье наше,
Днесь тѣмъ, что есть въ природѣ краше,
Величитъ царственный чертогъ.

Она престолъ Свой утверждаетъ
Союзомъ истинныхъ добротъ,
Да вѣчной славою блистаетъ
Ея любезный Россамъ плодъ.
Въ дому Ея надежда, радость,
Краса, пріятность, разумъ, младость
И нѣжность тающихъ сердецъ,
Во Павлѣ нынѣ и въ Маріи
Являютъ радостной Россіи
Ея желанія вѣнецъ.

Но, кое божество снисходитъ
И пѣснь остановляетъ вдругъ?
Какое зрѣніе приводитъ
Въ восторгъ къ нему влекомый духъ?
Любовь и съ нею купно смѣхи,
Пріятства, игры и утѣхи,
Составя радостный соборъ,
Отъ мѣстъ унылость отгоняютъ,
Сердца весельемъ наполняютъ,
Гдѣ только Ихъ прострется взоръ.

Ихъ красный сонмъ поспѣшно вьется,
Гордясь богинею своей;
Ихъ гласъ веселый раздается
По всѣмъ мѣстамъ, подвластнымъ Ей.
Сей гласъ изъ всей вселенной внятенъ,
Но паче Россамъ онъ пріятенъ:
Да повторяютъ оный гласъ
Поля, лѣса, брега и воды,
И Нимфъ сплетенны хороводы
Да движутъ къ пѣнію Парнассъ.

Богиня радостно срѣтаетъ
Супруговъ нѣжную чету:
Въ обоихъ зритъ и почитаетъ
Души и тѣла красоту;
Крѣпитъ Ихъ вѣрность увѣнчанну
И клятву Ихъ, предъ трономъ данну,
Залогомъ чтитъ пріятныхъ дней;
Россіянъ радостные лики
И ихъ торжественные клики
Чтитъ жертвой, приносимой Ей.

Обѣтъ супружней сей любови
Народовъ счастье сплететъ,
О, отрасли высокой крови!
Внемлите сей святой обѣтъ:
Онъ свойственъ паче и приличенъ
Тому, кто въ свѣтѣ возвеличенъ
Отмѣнной духа высотой.
Любить взаимственно другъ друга,
Есть счастіе земного круга,
Для поддапныхъ примѣръ святой.

Се тако Павелъ къ намъ вѣщаетъ,
Союзомъ симъ связуя насъ;
Подобнымъ чувствомъ наполняетъ
Супругу сей священный гласъ:
«Возлюбимъ купно добродѣтель,
«Да будетъ оной свѣтъ свидѣтель,» —
Передъ престоломъ Павелъ рекъ:
«Да будетъ тѣмъ, рекла Марія,
«Да будетъ счастлива Россія!»
Сей гласъ въ концы земли протекъ.

О, день для насъ благословенный!
Источникъ истинныхъ утѣхъ!
О, верхъ блаженства вожделѣнный,
Вводящій въ свѣтлу радость всѣхъ!
И се богатая Помона
Съ зеленаго низходитъ трона,
Плоды свои повергнувъ къ намъ.
Природа вся соединенно,
Зря наше счастіе безцѣнно,
Довольство сыплетъ по странамъ.

Не се ль умовъ высокихъ свойство,
Чтобы искать подобныхъ Имъ?
О, Павелъ! Ты души спокойство
Нашелъ исканіемъ такимъ;
Любовь, Тебѣ вручая стрѣлы,
Тебя въ далекіе предѣлы
Изъ нѣдръ отечества влекла,
И Твоему представя взору
Тебя срѣтающую Флору,
Твою побѣду изрекла.

Любовь межъ Вашими сердцами
Прекрасно зрится божество,
И счастья Вашего вѣнцами
Днесь высятъ наше торжество.
Въ семъ радости обширномъ полѣ,
Минерва Росска на престолѣ,
Подастъ Вамъ благости примѣръ.
Мы просимъ, чтобы Царь вселенной,
На Васъ и плодъ Вашъ, намъ безцѣнной,
Десницу щедрую простеръ.

СТИХИ

НА СЛУЧАЙ, КОГДА

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЫСОЧЕСТВА,

ГОСУДАРЬ ЦЕСАРЕВИЧЪ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ

И ГОСУДАРЫНЯ, ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА

УДОСТОИЛИ ПОСѢТИТЬ ИМПЕРАТОРСКУЮ АКАДЕМІЮ НАУКЪ, ВЪ ОКТЯБРѢ 1776 ГОДА.

—

Живится храмъ Наукъ, ликуетъ Музъ соборъ,
Сопраздную̀щихъ имъ зря Павла и Марію.
Великаго Петра благотворящій взоръ
Едва ознаменилъ ученіемъ Россію,
Минерва въ Сѣверѣ являетъ днесь Востокъ,
Распространяя честь намѣреній Петровыхъ;
И гордая Нева, шумя въ брегахъ лавровыхъ,
Стремится помрачить ключей Кастальскихъ токъ.

ОДА

НА СЛУЧАЙ КОРОНОВАНІЯ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА

И ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ,

СЕНТЯБРЯ 15 ДНЯ 1801 ГОДА.

—

Взведи, Россія, окрестъ очи
На сонмъ твоихъ веселыхъ чадъ,
На новый свѣтъ въ странахъ Полночи,
На новый вѣкъ среди отрадъ.
Вездѣ торжествъ срѣтая лики
И радостные внемля клики,
Вѣщай во всѣ земли края,
Вѣщай, съ восторгомъ вдохновеннымъ,
Подъ скипетромъ благословеннымъ
Твоихъ видѣній бытія.

Подъ кровомъ легкимъ и прозрачнымъ,
Въ лучахъ свѣтяща божества,
Не духъ ли зрю падъ доломъ злачнымъ,
Отъ временного существа
Спѣшащій въ свѣтъ неугасимый?
Иль вѣстникъ, облакомъ носимый,
Летитъ съ превыспреннихъ круговъ
По земноводному эопру,
Провозвѣстить отрады міру
Отъ власти Бога всѣхъ боговъ?

Какъ солнце, теплоту пріятну
Приноситъ онъ въ полночный край,
Простря десницу благодатну,
Повсюду простираетъ рай;
Лице къ Россіи осклабляетъ,
Надъ нею путь остановляетъ!
О, ангелъ! что явилъ ты намъ?
Се тѣнь, се духъ Екатерины
Небесныхъ радостей съ вершины
Низходитъ къ Росскимъ торжествамъ!

О! если горнихъ совершенство
Съ земными можно соравнять,
Какое сладкое блаженство
Предстало духъ Ея плѣнять!
Ея Питомецъ благотворный
Пріемлетъ скипетръ ратоборный,
И царствамъ тишину даритъ!
Пріемлетъ полну власть державы,

И, для правдивой въ жизни славы,
Права свободными творитъ!

Взлагаетъ на себя порфиру
Царя могущаго въ царяхъ,
И вкупѣ обѣщаетъ міру
Простерть свободу на моряхъ!
Пріемлетъ праотцевъ корону,
И, сердца слѣдуя закону,
Совмѣстно пріобщаетъ къ ней,
Что краше создалъ всѣхъ Содѣтель,
Боготворимy добродѣтель,
Во образѣ четы Своей!

Внемли во области эолрной
Веселыхъ Музъ сословный гласъ:
Елисаветѣ кроткой, мирной
Вѣнцы давно судилъ Парнассъ.
И есть ли что любезнѣй свѣту,
Когда течетъ въ едину мету
Ума и сердца доброта?
Когда престолы возвышаетъ,
И ихъ собою украшаетъ
Къ вѣнцамъ рожденная чета?

Красуйся въ горнихъ, тѣнь священна,
Безсмертнымъ бытіемъ межъ насъ!
Красуйся, много кратъ блаженна!
Твой духъ въ Потомкахъ не угасъ;
Твои черты, Твои законы,
Крѣпящіе права и троны

Даются Россамъ въ вѣчный даръ
И чтутся во святыню храмовъ,
Гдѣ, паче жертвъ и ониамовъ,
Признанія пылаетъ жаръ.

Да умолчитъ чудесна древность,
Подъ прахомъ золъ, терзавшихъ свѣтъ!
Счастливаго народа ревность
Лобзаетъ памятники лѣтъ,
Межъ многими вѣковъ кругами,
Блестящихъ вѣчными хвалами,
Исчезла гордость пирамидъ,
Гдѣ славы честь была забыта;
Но вѣчно добродѣтель Тита
Вездѣ въ подсолнечной гремитъ.

Въ кругахъ всевѣчныхъ стройной сферы,
Въ законахъ мудрыхъ естества
Преходятъ, падаютъ химеры,
Призраки чужды существа.
Могуществъ коловратныхъ страхи
Не суть ли тѣни, или прахи,
Ничтожные въ пространствѣ лѣтъ?
Едина добродѣтель въ мірѣ,
Въ простой одеждѣ иль въ порфирѣ,
Ручаетъ намъ правдивый слѣдъ.

Изъятъ отъ многія печали,
Съ какимъ величіемъ Сіонъ
Вписуетъ въ новыя скрижали

Щедротъ и кротости законъ! *
Церковну исправляя требу,
Священство днесь, въ моленьяхъ къ Небу,
Съ Давидомъ радостно поетъ:
«Да вкупѣ Царь возвеселится,
И въ вѣки царствій да продлится
Его храненія завѣтъ.»

И се народовъ миріады,
Ликующихъ среди отрадъ,
Къ Питомцу Росскія Паллады
Спѣшатъ отъ странъ въ престольный градъ;
И если бъ то возможно было,
Къ чему желанье всѣхъ стремило,
Текли бы всѣ вмѣститься тамъ,
Ко сладостямъ очей плѣненныхъ,
Отъ поприщъ самыхъ отдаленныхъ,
Въ единый домъ, въ единый храмъ.

Воззри на сонмъ сыновъ избранныхъ,
Гдѣ должная къ Царямъ любовь,
Въ союзахъ чести постоянныхъ,
Питаетъ ревностную кровь;
Питаетъ духъ, чрезъ многи лѣта,
Потомковъ древняго Афета,
И ставя въ главный свой удѣлъ
Безцѣнну совѣсти свободу,
Печется дать отличность роду
Достоинствомъ отличныхъ дѣлъ.

---

* Манифестъ о священнослужителяхъ.

Подобно древу лѣтъ глубокихъ,
Когда его густая тѣнь
Вѣнчаетъ всходы мѣстъ высокихъ
И прохлаждаетъ знойный день;
Своимъ покровомъ пребогатымъ
Даетъ убѣжище пернатымъ
Отъ грозныхъ бурь и хищныхъ тратъ;
Иль земледѣлецъ утомленный
И путникъ, сна въ ночи лишенный,
Когда подъ нимъ покоясь спятъ.

Въ его покровѣ, рощъ окружныхъ
Пріемлютъ возрастъ древеса,
Подъ тѣнями кустовъ содружныхъ
Точится плодная роса.
Весна свою зелену ризу,
По влажному простерши низу,
Шестритъ различіемъ цвѣтовъ;
Плодами многихъ жизнь питаетъ,
И въ полномъ блескѣ представляетъ
Прекрасну матерь всѣхъ вѣковъ.

Не тако ль власть богоземная,
Въ пространствѣ отраслей своихъ,
Уставу Неба подражая,
Въ едино составляетъ ихъ?
Порода и даровъ богатство
Не тако ли блюдутъ собратство
Среди превратностей временъ?
Не тако ли законовъ узы

Крѣпятъ полезные союзы
И вкупѣ счастіе племенъ?

О, вы, счастливые потомки
Отличныхъ въ древности мужей,
Которыхъ памятники громки
Проникли въ роды позднихъ дней!
Стяжая ихъ заслугъ ограду,
Не вы ль стяжаете награду,
Достигнувъ ихъ плоды вкушать?
Не вамъ ли предлежитъ отнынѣ,
Въ дарованномъ свободномъ чинѣ *
Ихъ дѣлъ начатки довершать?

Се Истина законы пишетъ,
Щедрота съ нею предсѣдитъ;
Достоинство въ свободѣ дышетъ,
Пороки исправляетъ стыдъ.
Жестокихъ ужасъ истязаній
И срамъ позорныхъ наказаній,
Отверженныхъ отъ алтаря,
Пріемлютъ кротости примѣры,
Подъ сѣнью благотворной Вѣры
И скиптромъ кроткаго Царя.

Еще ль, въ войнѣ съ разсудкомъ здравымъ,
Мутитъ Европу буйный умъ?
Еще ли Марсъ мечемъ кровавымъ
Въ народахъ множитъ браней шумъ,

---

* Манифестъ о Дворянахъ.

Гдѣ жертвами земля устлана,
И гдѣ пучина Океана
Вооружаетъ бездну водъ?
Туда ли обратитъ набѣги,
Гдѣ землю вѣчно кроютъ снѣги
И гдѣ весны невѣдомъ плодъ?

Но кто съ верховъ небесъ гремящихъ
Въ спокойный сходитъ смертныхъ долъ,
И въ кровахъ, правдою блестящихъ,
Надежно ставитъ свой престолъ?
Ѳемида снова здѣсь раждаетъ,
Иль паче, ввѣки утверждаетъ
Довольствъ и радостей часы *;
Уже могущею рукою
Склоняетъ къ общему покою
Свои правдивые вѣсы.

Простри вокругъ, богиня, взоры
Ко храму свѣтла торжества,
Гдѣ царствъ смиряются раздоры
Предъ кроткимъ ликомъ Божества:
Гдѣ вольность ей приноситъ дани,
И факелъ кроволитной брани
Гаситъ на вѣчны времена;
Гдѣ честность правоту лобзаетъ,
И мирны пользы разсыпаетъ
На всѣ грядущи времена.

---

* Часы породились отъ Юпитера и Ѳемиды, по баснословной Исторіи.

Источникъ общаго богатства,
Торговый промыслъ разныхъ странъ,
Уже безъ страха и препятства
Преходитъ дальній Океанъ;
Уже суда, сокровищъ полны,
Балтійски разсѣкаютъ волны,
Средь радостной береговъ молвы.
Нерей являетъ нову славу,
Воздвигнувъ новую державу,
Въ струяхъ спокойныя Невы.

О, если ревности сердечной
Возмогутъ силы отвѣчать,
Минуты жизни скоротечной
Потщимся славою вѣнчать.
Въ Россіи новые Невтоны
Покажутъ естества законы
И новыхъ откровеній плодъ.
Питомцы Эйлера примыслятъ,
И точнымъ правиломъ исчислятъ
Свѣтилъ союзъ и оборотъ.

Бюфоны, Геснеры, Линнеи
Натуры нѣдра обнажатъ,
И скрытыя богатства Реи
Петровъ украсятъ древній садъ.
Колумбы, Куки, Магелланы
Пройдутъ въ далеки Океаны,
Гдѣ новый скрытъ Архипелагъ;
И ревность Россовъ надъ водами,

Гдѣ холодъ угрожаетъ льдами,
Возвѣетъ Александровъ флагъ.

Но днесь счастливыя науки
И съ ними купно Геликонъ,
Святятъ, и имъ сплещутъ руки,
Святятъ Екатерины тронъ.
Гдѣ вѣки правда воцарится,
И вѣки мудрость водворится
И оградитъ покровомъ насъ.
«Да сбудется» гласятъ народы,
«Да сбудется отъ рода въ роды
Желаній нашихъ общій гласъ!»

ПОРТРЕТЪ

РОССІЙСКАГО ПОЛКОВОДЦА.

Когда твой блещетъ мечъ въ полкахъ,
Ты сыплешь сопротивнымъ страхъ;
И гдѣ героевъ ободряешь,
Вездѣ побѣды ускоряешь.

Во славѣ почестей, въ вѣнцахъ,
Ты ищешь мзды твоей въ сердцахъ;

Высокость титловъ забываешь
И ихъ собою украшаешь.

Размѣривъ вѣки на вѣсахъ,
Въ твоихъ покойнѣйшихъ часахъ,
Ты осчастливить всѣхъ желаешь
И всѣмъ довольство раздѣляешь.

Въ бесѣдахъ, въ дружескихъ пирахъ,
Въ забавахъ, въ праздничныхъ играхъ,
Ты цѣну жизни ощущаешь
И скуки въ смѣхи превращаешь.

Когда пишъ въ простыхъ стихахъ,
Забывъ твореній многихъ прахъ,
Плететъ хвалы тебѣ, прощаешь
И ихъ дѣлами возвышаешь.

СТАНСЪ

КЪ МИХАИЛУ МАТВѢЕВИЧУ ХЕРАСКОВУ.

Творецъ прехвальной Россіады,
Любитель и любимецъ Музъ,
Твой гласъ, подъ скипетромъ Паллады,
Удобенъ множить ихъ союзъ.

На лирѣ ли когда бряцаешь
Екатеринины дѣла:
Сердца ты сладко проницаешь,
Святится праведна хвала.

Желаешь ли ты править нравы:
Перо твое являетъ намъ
Священны Нумины уставы,
За даръ счастливымъ временамъ.

Пильпаи, Федры, Лафонтены
Тебѣ могли бы подражать;
Во храмъ ли вступишь Мельпомены,
Ты можешь страсти возбуждать.

Пастушьи ль игры, или смѣхи,
Иль сельску славишь простоту:
Являешь новы въ ней утѣхи,
Поя природы красоту.

Гнушаяся ль когда порокомъ,
Желаешь добродѣтель пѣть:
Твой умъ, въ теченіи широкомъ,
Нигдѣ не можетъ укоснѣть.

Твоимъ плѣняясь стихотворствомъ,
И пѣть тобою ободренъ,
Къ совѣту твоему упорствомъ
Мой разумъ не былъ отягченъ.

Приверженъ къ Музѣ справедливой,
Я чувствовалъ во времена,
Что стыдно быть безплодной нивой,
Гдѣ пали добры сѣмена.

Но лишь къ Парнассу приближаюсь,
Страшусь піитовъ я суда;
И въ пѣсняхъ скоро утомляюсь
И тщетнаго бѣгу труда.

Коль судишь ты меня не строго,
Воспримешь ревность вмѣсто дѣлъ;
Хоть пѣть тебя не могъ я много,
Но чувствовалъ, когда я пѣлъ.

СТАНСЪ

КЪ Л. Ѳ. М.

Соборъ нарнасскихъ сестръ мнѣ кажетъ прежнюю лиру:
Пріятно вспоминать во осень лѣтъ весну;
Я вновь хочу воспѣть иль Хлою, иль Темиру,
Не смѣю лиру взять,—въ свирѣль играть начну.

Пускай мое перо ихъ прелести представитъ,
Меня воспламенитъ ихъ пѣть сама Любовь...
Темира ль, Хлоя ли стихи мои составитъ,
Я чувствую, увы! что въ жилахъ стынетъ кровь.

Не примутъ дани сей ни Хлоя, ни Темира,
Одна и та равно прелестна, хороша;
Въ побѣдахъ красоты, во всѣхъ забавахъ міра:
Скучна живетъ любовь, гдѣ страстна лишь душа.

Но сей ли только путь нынтамъ узаконенъ?
Пиши сатиры ты, мнѣ Муза говоритъ:
Ко оскорбленію людей мой умъ не склоненъ,
И нравы исправлять не мнѣ принадлежитъ.

За слово невзначай разсердятся другіе,
И острые умы припишутъ слову толкъ:
Загадки Сфинксовы возникнутъ въ дни златые,
Гдѣ гласъ лжемудрости давно уже умолкъ.

Не дѣлавъ людямъ зла и имъ желая блага,
Словами острыми невинно досаждать,
Прилична можетъ быть во младости отвага,
А въ зрѣломъ возрастѣ прилично разсуждать.

Но внемля гласу Музъ, не буду я безгласенъ:
Что пѣть, у множества народовъ вопрошу:
Отъ бытности вещей мой будетъ стихъ прекрасенъ,
Екатерину я на лирѣ возглашу.

Иной вѣщаетъ мнѣ: Она, прервавъ препоны,
Изъ дикихъ прихотей умъ общества творитъ,
И благонравія и кротости законы,
Къ незыблемому всѣмъ спокойствію, даритъ.

Другой, красясь мечемъ, побѣдой увѣнчаннымъ,
Сторично за Нее желаетъ кровь пролить,
И всюду съ мужествомъ и сердцемъ постоянным,
Ревнуя, ищетъ самъ враговъ Ея разить.

Взводя усердный взоръ на Павла и Марію,
И въ отрасляхъ отъ нихъ породу чтя боговъ,
Иной поетъ сто кратъ счастливую Россію,
Блаженство странъ ея считаетъ въ кругъ вѣковъ.

Другой обремененъ несчастною судьбою:
«Прибѣгну я подъ кровъ Минервы,» говоритъ,
Речетъ: «прейдутъ бѣды» — онъ видитъ предъ собою
Минервы росскія божественный эгидъ.

Но въ ревности, Ея щедротой воспаленный,
Кто хочетъ болѣ знать, коль гласъ парнасскій малъ,
Пускай пространнѣе вопроситъ у вселенной:
Она дополнитъ то, что кратко я сказалъ.

СТАНСЪ

КЪ ДИМИТРІЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ ЛЕВИЦКОМУ.

—

Левицкій! начертавъ Россійско Божество,
Которымъ седмь морей покоятся въ отрадѣ,
Твоею кистью ты явилъ въ Петровомъ градѣ
Безсмертныхъ красоту и смертныхъ торжество.
Желая подражать парнасскихъ сестръ союзу,
Воззвалъ бы я, какъ ты, себѣ на помощь Музу
Россійско божество перомъ изобразить;
Но Аполлонъ его ревнуетъ самъ хвалить.

СТИХИ

НА ДАЧУ, НАЗЫВАЕМУЮ «КРАСНАЯ МЫЗА,» 1775 ГОДА.

—

Болота превратить въ прекрасные луга,
Извлечь изъ нѣдръ земли ключи потоковъ чистыхъ,
Повсюду взоръ привлечь на тропки, на брега,

Явить во всей красѣ пріятность рощъ тѣнистыхъ,
Гуляющимъ дарить веселье и покой:
Такихъ блаженныхъ мѣстъ чудесное начало
Въ старинны времена богамъ принадлежало,
Но нынѣ строится Нарышкиныхъ рукой.

ФИЛОСОФИЧЕСКІЯ МЫСЛИ

НѢКОТОРАГО ФРАНЦУЗСКАГО ПИСАТЕЛЯ.

Неблагодарны человѣки!
Вотще Судьбу винните вы,
Что тако кратки ваши вѣки,
Что вы родились таковы.
Въ своихъ стремленьяхъ безразсудны,
Вы въ свѣтѣ только жизнью скудны;
Стараясь ону сократить,
И расточая всюду время,
Сугубите свое лишь бремя,
Въ желаньяхъ смерть предупредить.

ПИСЬМО

ПОСЕЛЯНИНА КЪ ВОЕНАЧАЛЬНИКУ.

—

Мой другъ! не удивись, что въ пахатной работѣ
Безъ свѣтскихъ пышностей, безъ славы, безъ чиновъ,
Питая свой животъ въ смиреніи и въ потѣ,
И нѣсколько минутъ покоясь отъ трудовъ,
По нѣкимъ чувствіямъ и нѣкакой охотѣ,
Отважился писать я нѣсколько стиховъ.
Не удивись, когда, въ усталости надъ плугомъ,
Не зная, какъ себя назвать и отличать,
Въ мужицкой простотѣ, зову тебя я другомъ,
Чтобъ трудпымъ вымысломъ тебя не величать.
Мой другъ! я вѣдаю, хоть носишь платье цвѣтно,
Хоть золотомъ обшить отъ головы до ногъ,
Хоть счастіе твое другимъ всегда примѣтно,—
Ты рѣдко съ лаврами покоиться возмогъ.
И, можетъ быть, что я, въ миру съ моимъ сосѣдомъ,
Большею частію трудяся для себя,
Спокоенъ спать ложась, доволенъ за обѣдомъ,
Почасту нахожусь счастливѣе тебя;
Въ сей участи меня никто не обижаетъ:
И зависть самая молчитъ, узря мой трудъ;

Никто меня, мой другъ, никто не упижаетъ,
По волѣ ль дань плачу, или съ меня берутъ;
Всегда моя рука другого снабдѣваетъ,
И люди обо мнѣ напраспаго не врутъ.
Я далъ оброкъ и все, и подать Государю,
Я далъ и рекрута и рекруту коня;
И въ домѣ я теперь покойно рѣпу парю:
Хоть знаю, что еще попросятъ отъ меня.
Ты знаешь, что мой сынъ въ войнѣ два года служитъ
И ходитъ, говорятъ, съ прострѣленной ногой;
Однако съ Турками воюетъ и не тужитъ,
Пока безногаго не пошлютъ на покой.
Солдатски хлопоты, оброкъ и подать вдвое
Не разоряютъ насъ при добрыхъ головахъ;
Копи и рекруты, то дѣло нажитое,
Удалые у насъ ребята есть въ домахъ.
Готовы мы служить за правду и за Вѣру,
И, буде нужно, то готовы умереть.
Ты, другъ мой, служишь самъ по нашему примѣру,
Случается и всѣмъ грудьми рожонъ переть,
Инымъ пришло въ животъ, инымъ досталось въ руку,
И Марки сватьина отшибли ногу прочь,
Гараскиным зятьямъ, племяннику и внуку
Стесали головы, зашедши сзади въ ночь:
И самъ ты близко былъ, какъ шли на насъ Татары,
И самъ ты жаръ терпѣлъ отъ ядеръ и отъ пуль:
И если бъ не имѣлъ фузей запасной пары,
Подчасъ отвѣдалъ бы и самъ свинцовыхъ дуль.

Солдатамъ страха нѣтъ и цѣтъ о томъ печали,
Что Турковъ къ нимъ идетъ великое число,
Отъ смерти не бѣжимъ, отъ драки не устали:
Такое, братъ, у всѣхъ военно ремесло.
Да только я скажу одно тебѣ по дружбѣ,
Коли смышлять о томъ тебѣ досуга нѣтъ:
Мой умъ не помраченъ заботами на службѣ;
Я, сидя на печи, спокойнѣй вижу свѣтъ,
Смышляю иногда, что много ты потѣешь;
Но нѣтъ тебѣ, мой другъ, покоя никогда:
Ты грамотѣ гораздъ и дѣло разумѣешь,
Почто жъ о мирѣ ты не пишешь никуда?
Не все-то дракою, не все творится боемъ:
Имѣешь разумъ ты, и слово и языкъ, —
Не все-то города берутся крѣпкимъ строемъ,
Не все-то межъ людьми по силѣ ты великъ.
Почто не пишешь ты къ турецкому султану
Примѣрно такъ, мой другъ, какъ я къ тебѣ пишу?
Подмогою тебѣ впередъ служить я стану,
И здравія тебѣ у Господа прошу.

ОТВѢТЪ

А. А. ПАЛИЦЫНУ.

—

Усердный чтитель твой взываетъ Аполлона,
Взываетъ Музъ отъ Геликона,
Сказать тебѣ въ отвѣтъ, сколь я тебя люблю.
Но если риѳмою то́ слабо изъявлю,
Пусть чувствія мои замѣнятъ недостатокъ,
Гдѣ слогъ мой будетъ слабъ и кратокъ;
И только тѣмъ не погрѣшу,
Что стихъ твой у себя я въ сердцѣ напишу.

ПѢСНЬ

ХРАБРАГО ШВЕДСКАГО РЫЦАРЯ

ГАРАЛЬДА.

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

—

1.

По синимъ по морямъ на славныхъ корабляхъ
Я вкругъ Сицилію объѣхалъ въ малыхъ дняхъ,
Безстрашно всюду я, куда хотѣлъ, пускался;
Я билъ и побѣждалъ, кто противъ мнѣ встрѣчался.
Не я ли молодецъ, не я ли удалой?
А дѣвка русская велитъ мнѣ брести домой.

2.

Я въ самой юности, имѣя храбрый духъ,
Дронтгеймскихъ жителей гонялъ, какъ-будто мухъ:
Хоть было мало насъ, а ихъ гораздо болѣ,
Король и силы ихъ легли на ратномъ полѣ.
Не я ли молодецъ, не я ли удалой?
А дѣвка русская велитъ мнѣ брести домой.

3.

Въ несчастномъ плаваньи, въ несчастный самый часъ,
Когда на кораблѣ шестнадцать было насъ,
Когда разилъ насъ громъ, въ корабль лилося море,
Мы воду вылили, забывъ и грусть и горе.
Не я ли молодецъ, и проч.

4.

Во всемъ искусенъ я, могу съ гребцами гресть.
На лыжахъ выслужилъ себѣ отмѣнну честь;
Скакать на лошади и править я умѣю,
Копье бросаю въ цѣль, на битвахъ не робѣю.
Не я ли молодецъ, и проч.

5.

Неужели она забыла то себѣ,
Каковъ бываю я въ бою или въ борьбѣ?
Забыла ли она, какъ, стоя на пекетѣ,
Моею храбростью у всѣхъ бывалъ въ примѣтѣ?
Не я ли молодецъ, и проч.

6.

Я знаю па землѣ военно ремесло;
Но воду возлюбя и возлюбя весло,
За славою лечу я мокрыми путями;
Норвежски храбрецы меня боятся сами.
Не я ли молодецъ, не я ли удалой?
А дѣвка Русская велитъ мнѣ бресть домой.

СТИХИ

КЪ КЛИМЕНѢ.

Тотъ счастливъ, кто богатъ и кто имѣетъ честь,
Тотъ счастливъ, у кого притомъ здоровье есть
Я все то безъ тебя, Климена ненавижу;
А счастливъ въ тѣ часы, когда тебя я вижу:

=

КЪ ТОЙ ЖЕ.

Всечасно страсть моя, Климена, возрастаетъ;
Одна ты царствуешь въ желаніяхъ моихъ;
Но, ахъ! въ твоей душѣ любовь не обитаетъ,
А только-лишь она видна въ глазахъ твоихъ.

=

КЪ ТОЙ ЖЕ.

Младенецъ нѣжный богъ не ищетъ громкой славы:
Онъ ищетъ тишины, свободы и забавы,
И любитъ онъ летать по счастливымъ мѣстамъ.

Его жилище тамъ,
Гдѣ царствуютъ веселья, смѣхи,
Гдѣ игры и утѣхи;
И гдѣ присутствуешь, Климена, только ты,
Тамъ всѣ находитъ онъ въ природѣ красоты.
Твой милый взглядъ — ему пріятнѣйшая пища,
Твое желаніе — законъ.
Здѣсь храмъ его и тронъ:
Въ побѣдахъ веселится онъ,
Вздыхаю только я среди его жилища.
Климена, научись чувствительною быть.
Никто не избѣжалъ любовной страсти,
И всѣ подвержены любовна бога власти.
Климена, научись любить.
Напрасно ты любовь, не зная, охуждаешь:
Узнала бы своей ты цѣну красоты,
Когда бы въ сердцѣ то почувствовала ты,
Что въ прочихъ возбуждаешь.

=

КЪ ТОЙ ЖЕ.

Пріятна молодость тебя, Климена, учитъ,
Что долженъ нѣжности умъ гордый уступить.
Противяся любви, онъ только сердце мучитъ:
Прекрасныя на то родятся, чтобъ любить.
Подвергнуться любви нимало не безславно,
Безъ оной были бы безплодны красоты;

Подвергнуться тебѣ, я вижу, что неправно,
Но бывъ побѣжденa, найдешь побѣду ты.

КЪ ТОЙ ЖЕ.

Чтобъ счастливымъ намъ быть,
Я буду жить затѣмъ, чтобъ мнѣ тебя любить;
А ты люби меня затѣмъ, чтобъ могъ я жить,

ИДИЛЛІЯ.

БѢЛЫМИ СТИХАМИ.

На что въ поляхъ ни взглянешь,
Со мною ты въ разлукѣ,
Ты всемъ меня вспомянешь,
Любезная пастушка.
Тебѣ покажетъ утро
Тоски моей начало;
И днемъ, когда свѣтило
Лучъ огненный низпуститъ,
Ты, чувствуя жаръ въ полдни,

Представь, что жаръ подобный
Я чувствую, влюбяся.
Не солнцемъ я сгараю —
Любовь раждаетъ пламень
Въ моемъ плѣненномъ сердцѣ;
Любовью я сгараю,
Любя Кларису страстно.

Тебѣ представитъ вечеръ,
Какъ, послѣ паствы, стадо
Пойдетъ назадъ къ покою,
Что въ самое то жъ время,
Отъ грусти утомившись,
Я въ снѣ ищу покоя.
Ищу его я тщетно;
Печальнымъ воображеньемъ
Я также въ снѣ терзаюсь.
Я тѣ слѣды цалую,
Гдѣ шествовали ноги
Драгой моей пастушки.

Роса тебѣ представитъ
Мои въ разлукѣ слезы.
Когда услышишь хоры
Поющихъ сладко птичекъ,
Представь себѣ, Клариса,
Что тѣ поющи птички
Оттуда прилетѣли,
Гдѣ я, съ тобой въ разлукѣ,
Грущу и воздыхаю.
Онѣ моихъ мученій

Свидѣтелями были,
И жалобы несчастны
Онѣ мои внимали.
Теперь во опыхъ пѣсняхъ
Мой голосъ повторяютъ,
Мои слова вѣщаютъ,
Что я люблю Кларису,
И вмѣстѣ ощущаютъ
Онѣ со мною горесть,
Оплакивая вмѣстѣ
Мою несчастну долю.

Когда Зефиръ повѣетъ,
Его дыханье слыша,
Кларисса, ты воспомни,
Что я, какъ онъ, вздыхаю.
Но онъ безмѣрно счастливъ:
Онъ, дуя, прохлаждаетъ
Твои красы прелестны,
И легкостью своею,
Всѣмъ прелестямъ касаясь,
Тебя цалуетъ нѣжно —
Всегда благополученъ;
А я его несчастнѣй:
Вздыхаю отдаленно,
Вѣрнѣй его и страстнѣй.
Другую онъ цалуетъ
И на другую дуетъ;
Какъ скоро отлучится —
И сердце всеминутно
Имѣетъ онъ невѣрно.

Но я не премѣняюсь
Съ тобою и въ разлукѣ,
Люблю тебя безмѣрно.

СТИХИ.

ПОДРАЖАНІЕ ИТАЛІЯНСКИМЪ.

О, грозная минута!
Прости, драгая Нина!
Я буду жить въ разлукѣ;
Но какъ я буду жить!
Всегда въ тоскѣ я буду:
Прошли мои забавы,
Прошли... И кто увѣритъ,
Что помнишь ты меня?

Съ тобою разлучившись,
Я мысли устремляю
Во слѣдъ тебѣ, драгая,
И тѣмъ питаю духъ.
Вездѣ умомъ съ тобою,
Вездѣ тебя я вижу,
Вездѣ... Но кто увѣритъ,
Что помнишь ты меня?

Въ поляхъ, въ лугахъ и въ рощахъ
Кричу, зову я Нису;
Но лѣсъ не отвѣчаетъ,
Гдѣ скрылась Ниса, гдѣ.
Съ зари до темной ночи,
Зову тебя повсюду,
Зову... Но кто увѣритъ,
Что помнишь ты меня?

Безъ пользы обращаюсь
Я къ тѣмъ мѣстамъ пріятнымъ,
Гдѣ былъ благополученъ,
Когда съ тобою былъ.
На что я взоръ ни вскину,
Я рвусь, тебя лишь вспомня,
Я рвусь... Но кто увѣритъ,
Что помнишь ты меня?

На сихъ брегахъ зеленыхъ,
За малую досаду,
Ты прежде разсердилась,
Но сжалилась потомъ.
Мы вмѣстѣ здѣсь ходили,
А здѣсь лежали вмѣстѣ,
Ахъ! здѣсь... Но кто увѣритъ,
Что помнишь ты меня?

А если и узнаю,
Гдѣ кроешься ты нынѣ,
И если вновь представлю
Тебѣ мою любовь:

За всю любовь и вѣрность,
Могу ль я быть увѣренъ,
Могу ль... И кто увѣритъ,
Что любишь ты меня?

Жалѣй о мнѣ, коль знаешь
Мои сердечны муки;
Жалѣй о мнѣ, коль можешь
Ты чувствовать любовь.
Хоть я съ тобой разстался, —
Люблю тебя въ разлукѣ,
Люблю... Но кто увѣритъ,
Что любишь ты меня?

ЭКЛОГА.

Уже осенніе морозы гонятъ лѣто,
И поле, зеленью пріятною одѣто,
Теряетъ прежній видъ, теряетъ всѣ красы;
Проходятъ радости, проходятъ тѣ часы,
Въ которой пастухи средь рощей обитали.
Уже стада ходить на паству перестали,
И миновалася пріятность прежнихъ дней,
Когда предвозвѣщалъ Аврору соловей,
На зыблющихся пѣлъ сучкахъ и утѣшался,

И голосъ одного по рощамъ раздавался.
Не лѣтній дождь идетъ, и не изъ прежнихъ тучъ;
Свѣтило съ высоты пускаетъ слабый лучъ, —
Холодный дуетъ вѣтръ, зефиръ уже не вѣетъ;
Летитъ съ деревьевъ листъ, и вянетъ и желтѣетъ.
Вчера овецъ погнавъ, уже въ послѣдній разъ
Кларису я узрѣлъ, о, часъ! пріятный часъ!
Но лѣто кончилось и паству пресѣкаетъ,
И вмѣстѣ съ нимъ моя свобода утекаетъ.
Кларисса день одинъ со мной овецъ пасла,
Но навсегда мою свободу унесла.
Я чувствую въ себѣ; но что? и самъ не знаю;
Кларису я любить сердечно начинаю.
Что думать ни начну, я думаю объ ней;
Нейдетъ Кларисса вонъ изъ памяти моей.
Люблю, и видѣть я хочу ее всечасно:
Разстаться съ нею мнѣ... и мыслить то ужасно.
Нельзя изобразить, что я безъ ней терплю,
Какъ только что ее сердечно я люблю.
Пріятно чувствовать и мыслить то пріятно:
Ахъ! еслибъ ей любви желанье было внятно!
Пріятнѣй и того мнѣ съ нею говорить.
Увидя разъ ее, не можно позабыть.
Пойду за нею въ слѣдъ: она живетъ у рѣчки,
Скажу, что наши тамъ смѣшалися овечки;
Что въ стадѣ двухъ иль трехъ своихъ не нахожу,
А между тѣмъ я ей и болѣе скажу;
И, можетъ быть, найдемъ другія мы причины,
Чтобъ видѣться всегда съ Кларисой безъ скотины.

ЭЛЕГІЯ

НА СМЕРТЬ ГАЛАТЕИ.

—

О, смерть! не ужасай меня, внемли мой гласъ,
И будь чувствительна къ прошенію въ сей часъ;
Мнѣ помощь отъ тебя единой остается:
Ничѣмъ моя напасть другимъ не пресѣчется.
О, боги щедрые! льзя ль жизнью то назвать,
Когда ни малой въ ней утѣхи не видать, —
Терзаться, воздыхать въ любови безполезной,
И быть погребену чрезъ смерть своей любезной?
О, Галатея! всѣхъ была прекраснѣй ты...
Когда я зрѣлъ твои цвѣтущи красоты,
Я всѣхъ счастливѣй былъ, покамѣстъ рокъ презлобной
Не покаралъ меня утратой безподобной.
Увы, дражайшая! ужъ клятва тщетна та,
Которую твои пріятныя уста
О бракѣ будущемъ твердили мнѣ всечасно:
Ихъ смерть разрушила, мы льстилися напрасно.
Надежда сладкая! пріятнѣйшій предметъ,
Любезная краса! тебя на свѣтѣ нѣтъ:
И брачныя свѣщи любящихся сердечно
Богъ брака погасилъ для насъ съ тобою вѣчно.
Утѣхи, коими мой прежде льстился духъ,
Съ тобой, любезная, разрушилися вдругъ.

Прошли забавы всѣ, забавы невиновны,
Объятія, слова, вздыханія любовны;
Послѣдующи дни ужъ ихъ не возвратятъ.
Гдѣ прелести твои? гдѣ твой пріятный взглядъ? —
Пучина водъ навѣкъ красы твои сокрыла,
Которыми тебя природа одарила.
Жестокій богъ морей твой вѣкъ не пощадилъ,
Какъ-будто я богамъ любовью досадилъ.
Толь лютую бѣду предчувствовалъ я прежде:
Какъ ты отъѣхала, я въ робкой былъ надеждѣ
И трепеталъ, предзря напасти таковы.
Ты мнѣ пришла сказать: «прости, прости», увы!
Простился я навѣкъ, тебя лишившись вскорѣ:
Тебя отъ гласъ моихъ свирѣпо кроетъ море.
Почто ты отплыла отъ оныхъ береговъ?
Нептунъ! за что ко мнѣ толико ты суровъ?
Драгое бытіе водами поглощенно:
Все стало для меня печально и смущенно.
Восплачьте вы со мной, лѣса, ручьи, поля,
Восплачь и ты, восплачь возлюбленна земля,
Которая была во дни счастливы нами
Предъ оессалійскими предпочтена лугами:
Когда прекрасная ходила каждый день
Со мною отдыхать сихъ частыхъ рощъ подъ тѣнь.
Нѣжнѣйшія слова, что съ нею мы вѣщали,
Чрезъ эхо, рощи, вы за нами повторяли:
Мы всякой часъ его производили вновь,
И всякой часъ тогда гласилась тамъ любовь.
Но Галатеи нѣтъ уже на свѣтѣ нынѣ:
Тѣ самыя мѣста подобятся пустынѣ,
Гдѣ прежде безъ забавъ не проходило дня,

Гдѣ все весельями дышало для меня.
Уже въ сіи луга она не придетъ вѣчно
Взаимно изъявлять мнѣ чувствіе сердечно;
Не будетъ ужъ Зефиръ, наполненъ сладкихъ думъ,
Съ дыханіемъ ея соединять свой шумъ.
Онъ съ жалобой журчитъ, что жизнь прошла драгая,
Воспомня, какъ игралъ, вокругъ ея летая,
То къ верху подымалъ онъ волосы, то вилъ,
То, въ ревности, покрыть прелестну грудь спѣшилъ.
Онъ, сѣтуя, теперь въ пустомъ летаетъ полѣ,
И воздухъ опыхъ мѣстъ не прохлаждаетъ болѣ.
Унывный слышенъ шумъ тамъ вмѣсто нѣжныхъ словъ,
Которы къ зависти привесть могли боговъ.
Смутитеся ключи, біющи быстро воду,
И премѣнитесь дни прохладны въ непогоду,
Увяньте муравы и на древахъ листы,
Изсохните вокругъ развѣсисты кусты!
Погибнетъ пусть въ землѣ цвѣтовъ прекрасныхъ сѣмя;
И ты, рѣка, оплачь свое счастливо время,
То время, какъ мы съ ней, гуляя въ сихъ лугахъ,
Лежали на твоихъ зеленыхъ берегахъ,
Любовнымъ пламенемъ и нѣжностію полны,
И нашимъ радостямъ завидовали волны.
Наяды не могли проплыть тогда сей брегъ:
Удерживали здѣсь стремительный свой бѣгъ.
Казалось имъ, гдѣ ты — пріятнѣй тамо воды;
Онѣ тамъ видѣли красу всея природы,

И уступая волнъ текущихъ быстрынѣ,
Неволею отсель неслись ко глубинѣ.
Оплакивайте вы драгую, очи, вѣчно;
Любовь, нѣжнѣйшій жаръ, пыланіе сердечно,
Займите навсегда мои оставши дни:
Льстить горести моей вы будете одни.
Въ отчаяньи сію утѣху я имѣю,
Что буду въ мысляхъ звать всечасно Галатею.
Жилищемъ будутъ мнѣ пусть темные лѣса;
Благоуханныхъ мѣстъ исчезнетъ пусть краса,
Ни въ пестрыхъ спхъ лугахъ, ни въ рощахъ ароматныхъ
Не будетъ для меня предметовъ ужъ пріятныхъ.
Свидѣтельствуйте всѣ мѣста мою печаль;
Неси мою тоску по рощамъ, эхо. вдаль,
Стени и повторяй мой гласъ по всякомъ словѣ,
Чтобъ слышался мой стонъ и вопль по всей дубровѣ;
Ко облегченію тоски моей презлой,
Вѣщай, вѣщай моей ты имя дорогой.

ОДА

ВЪ ЧЕСТЬ КРАСОТѢ.

—

Краса насъ счастія на самый верхъ возноситъ,
И сами боги чтятъ въ созданьи красоту.
О, жизнь! когда ты сонъ, продли сію мечту,
Продлись, о, сладкій сонъ! пока насъ смерть не скоситъ,
И насладиться дай пріятностьми ее,
Пока не обратитъ ихъ смерть въ небытіе.

Иль только понимать свои несчастья ясно
Всесильны Небеса насъ въ свѣтъ произвели?
И утѣшенья нѣтъ для смертныхъ на земли.
Престанемъ размышлять о томъ, что̀ намъ ужасно,
Изыщемъ способы ко облегченью бѣдъ,
Оставимъ по себѣ мы сладкій жизни слѣдъ.

Когда мы цѣлый вѣкъ не можемъ наслаждаться,
Потщимся хоть продлить пріятность сихъ минутъ,
Безъ возвращенія которы протекутъ;
И чтобъ раскаяньемъ впослѣдокъ не терзаться,
Пусть нашихъ радостей кратчайшіе часы
Составятъ сладку жизнь, пока цвѣтутъ красы.

ДРУГАЯ ОДА,

СЪ ТѢМИ ЖЕ РИѲМАМИ,

ПРОТИВЪ КРАСОТЫ.

—

Тщетно свѣтъ всегда . . . . возноситъ,
Тщетно славитъ . . . . . красоту:
Въ ней мы видимъ лишь . . . . . мечту;
Смерть иль старость ону. . . . . скоситъ,
Время прелести . . . . . ее
Обратитъ . . . . . въ небытіе.

Если мы разсмотримъ . . . . . ясно,
Что красы . . . . . пронзвели:
Узримъ брани . . . . . на земли
И отмщеніе . . . . . ужасно;
Узримъ тысячи тамъ . . . . . бѣдъ,
Гдѣ мы ихъ увидимъ . . . . . слѣдъ.

Тщетно чаемъ. . . . . наслаждаться
Лестнымъ ядомъ сихъ . . . . . мнитъ
Кои скоро . . . . . протекутъ
И принудятъ насъ . . . . . терзаться
Въ долгіе потомъ . . . . . часы
Исчезающей . . . . . красы.

СТИХИ,

ТРОЯКО СОЧИНЕННЫЯ НА ОДНѢ ЗАДАННЫЯ РИФМЫ.

—

I.

Что есть всему Творецъ, сомнѣнья
не . . . имѣю:
Мнѣ сердце говоритъ . . . . о Немъ;
Но ниако любить я Бога не . . . . умѣю,
Какъ только въ ближнемъ лишь . . моемъ.

II.

Не мучусь, если я богатства не . . имѣю,
Хоть долженъ я пещись . . о немъ;
Коль милою любимъ: спокойнымъ быть . .
умѣю
Въ посредпемъ житіи . . . . моемъ.

III.

Влюбяся я въ тебя, спокойства не . имѣю,
И потерявъ покой, хотя грущу . . о немъ;
Но возвратить его, Клариса, не . . умѣю,
Пріятность находя въ мученіи . . моемъ.

ПѢСНИ.

—

I.

Пятнадцать мнѣ минуло лѣтъ,
Пора теперь мнѣ видѣть свѣтъ:
Въ деревнѣ всѣ мои подружки
Разумны стали другъ отъ дружки;
Пора теперь мнѣ видѣть свѣтъ. 2.

Пригожей всѣ меня зовутъ:
Мнѣ надобно подумать тутъ,
Какъ должно въ полѣ обходиться,
Когда пастухъ придетъ любиться;
Мнѣ надобно подумать тутъ. 2.

Онъ скажетъ: «я тебя люблю,»
Любовь и я ему явлю,
И тѣ жъ ему скажу три слова,
Въ томъ нѣтъ урона никакова;
Любовь и я ему явлю. 2.

Мнѣ случай этотъ вовсе новъ,
Не знаю я любовныхъ словъ;
Попроситъ онъ любви задатокъ:
Что дать? не знаю я ухватокъ;
Не знаю я любовныхъ словъ. 2.

Дала бъ ему я посохъ свой:
Мнѣ посохъ надобенъ самой;
И, чтобъ звѣрей остерегаться,
Съ собачкой мнѣ нельзя разстаться;
Мнѣ посохъ надобенъ самой. 2.

Въ пустой и скучной сторонѣ
Свирѣлки также нужны мнѣ;
Овечку дать ему я рада,
Когда бы не считали стада;
Свирѣлки также нужны мнѣ. 2.

Я помню, какъ была мала,
Пастушка поцалуй дала:
Неужли пастуху въ награду,
За прежнюю ему досаду,
Пастушка поцалуй дала? 2.

Какая прибыль отъ того,
Я въ томъ не вижу ничего:
Не станетъ вѣрить онъ обману,
Когда любить его не стану;
Я въ томъ не вижу ничего. 2.

Любовь, владычица сердецъ,
Какъ быть — научитъ наконецъ;
Любовь своей наградой платитъ
И даромъ стрѣлъ своихъ не тратитъ;
Какъ быть — научитъ наконецъ. 2.

Пастушка говоритъ тогда:
Пускай пастухъ придетъ сюда;
Чтобъ не было убытка стаду,
Я сердце дамъ ему въ награду;
Пускай пастухъ придетъ сюда. 2.

=

II.

Много розъ красивыхъ въ лѣтѣ,
Много бѣленькихъ лилей,
Много есть красавицъ въ свѣтѣ,
Только нѣтъ мнѣ, нѣтъ милѣй,
Только нѣтъ милѣй въ примѣтѣ
Милой дорогой моей.

Еслибъ самъ Амуръ былъ съ нею,
Онъ ее бы полюбилъ:
Позабылъ бы онъ Психею
И себя бы позабылъ;
Счастливъ участью своею,
Вѣкъ остался бы безъ крылъ.

Въ ней пріятны разговоры,
Въ ней любезна поступь, видъ;
Хоть привлечь не чтится взоры,
Взоры всѣхъ она плѣнитъ;
Хоть нейдетъ съ другими въ споры,
Но вездѣ любовь живитъ.

=

III.

У рѣчки птичье стадо
Я съ утра стерегла;
Ой Ладо, Ладо, Ладо!
У стада я легла.
А утки-то кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Подъ кустикомъ лежала
Однёшенька млада;
Устала я, вздремала,
Вздремала отъ труда.
А утки-то кра, кра, кра, кра; и проч.

Подъ кустикомъ уснула,
Глядя по берегамъ;
За кустикъ не взглянула,
Не видѣла, кто тамъ.
А утки-то кра, кра, кра, кра; и проч.

За кустикомъ таяся,
Иванушка сидѣлъ,
И тамо, мнѣ дивяся,
Сквозь вѣточки глядѣлъ.
А утки-то кра, кра, кра, кра; и проч.

Онъ вѣточки и травки
Тихохонько склонилъ;

Прокрался сквозь муравки,
Какъ-будто тутъ онъ былъ.
А утки-то кра, кра, кра, кра; и проч.

Почасту вѣтерочекъ
Дулъ платьице на мнѣ;
Почасту тамъ кусточекъ
Кололъ меня во снѣ.
А утки-то кра, кра, кра, кра; и проч.

Мнѣ снилося въ то время,
Что ястребъ налетѣлъ
И птенчика отъ племя
Въ глазахъ унесть хотѣлъ.
А утки-то кра, кра, кра, кра; и проч.

Отъ ястреба поймала
Я птенчика сквозь сонъ:
Я птенчика прижала,
Прижался также онъ.
А утки-то кра, кра, кра, кра; и проч.

Сонъ грозный не собылся:
То былъ лишь сонный страхъ;
А въявѣ очутился
Иванушка въ рукахъ.
А утки-то кра, кра, кра, кра,
А гуси-то га, га, га, га,
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

СТАРИНА,

НЕ НАПЕЧАТАННАЯ.

—

Темира нѣкогда велѣла
На голосъ пѣсенку сложить;
Темира съ жалобою пѣла,
Что скучно безъ любови жить.

Тебя ль бѣжитъ любовь, Темира?
Амуръ, услышавши, сказалъ.
Тебѣ ль скучать печальми міра?
Тебѣ я лукъ и стрѣлы далъ.

Я скукамъ запретилъ касаться
Тобой украшеннымъ мѣстамъ.
Гдѣ ты желаешь утѣшаться,
Вездѣ присутствую я самъ.

Твоей улыбкой ободренна,
Природа вся смѣется вкругъ:
Твоимъ весельемъ восхищенна,
Сама печаль запляшетъ вдругъ.

ПРІЯТНОСТЬ

ПРОСТОЙ ЖИЗНИ.

—

Трудящійся судья!
Уставъ отъ должностей заботливаго чина,
Приди покоиться въ гостяхъ у селянина,
Гдѣ мирны дни ведетъ счастливая семья;
А чтобъ такое диво
Не возмогло тебѣ представиться за лживо,
Спроси у всей семьи спокойныхъ дней секретъ,
И вотъ тебѣ въ отвѣтъ:
«Во время нашего досуга,
«Не затрудняемъ мы другъ друга
«Дѣлами свыше насъ;
«Хоть дѣлъ другихъ не охуждаемъ,
«А только разсуждаемъ,
«Какъ лучше сдѣлать намъ на круглый годъ запасъ
«Къ простому вся дни пиру.
«Кто хочетъ ссориться, того склоняемъ къ миру,
«Дая разсудку полну мочь;
«Отъ споровъ мы отходимъ прочь,
«Коварныхъ насъ оставить просимъ,
«И жалобъ въ люди не приносимъ,
«Себя не ставимъ во святыхъ:
«Имѣемъ слабости, имѣемъ недостатки;
«Объ нихъ болтаемъ безъ украдки,
«Не трогая чужихъ.

«Своихъ, межъ шутокъ, мы безъ желчи критикуемъ;
«Не мысля зла другимъ, какъ лучше жить, толкуемъ.
«Бѣжимъ ловящихъ насъ похвалъ;
«И если иногда, подъ часъ, изъ доброй воли,
«Придетъ Фортуна къ намъ откушать хлѣба-соли,
«Мы ради тѣмъ, чѣмъ Богъ послалъ.»

СТИХИ
НА ДРУЖБУ.

Безъ дружбы человѣкъ себя особо зритъ.
Пустыннику подобенъ,
Который жизнь влачитъ,
Къ утѣхамъ не способенъ;
Но дружбою свое
Мы множимъ бытіе.
О, дружба, даръ небесный!
Тобою счастливы на свѣтѣ мы,
Тобою кроткіе умы
Чувствительныхъ сердецъ союзъ узнали тѣсный.
Тишайшее пристанище души,
О, дружба! наконецъ, ты стихъ мой довершн,
И будь только въ немъ любезна,
Колико ты полезна.

КЪ МОЕМУ ДРУГУ.

—

Мой другъ! не вѣдаю, какому чуду вѣришь,
Коль съ Музами меня желаешь сочетать.
Ты слабый мой талантъ по чувству дружбы мѣришь,
Иль власть твою во мнѣ желаешь испытать.
Не буду говорить, что въ жизни всяко время
Свое имѣетъ бремя,
Что Музамъ я себя не ставлю въ женихи.
Тебѣ въ угодность я хочу писать стихи.

СТИХИ

НА ПОСЛОВИЦУ:

НЕ ВСЯКАЯ ЛЮБОВЬ СВЕРШАЕТСЯ БѢДОЙ.

—

Хорошу женщину, въ ряду съ людьми честными,
Полюбитъ молодой,
Полюбитъ и старикъ, хотя бъ онъ былъ сѣдой.
Оттоль пословица родилась межъ простыми:
«Не всякая любовь свершается бѣдой.»

СТРАХЪ ЛЮБВИ.

О, сильный богъ любви!
Желалъ бы я, чтобъ ты сказалъ моей прекрасной,
Какой безмѣрный жаръ я чувствую въ крови,
И чтобъ ты мнѣ помогъ въ моей любви несчастной;
Но трепещу, ея представя красоты,
Чтобъ мой повѣренный, мнѣ къ горшему несчастью,
Не воспылалъ, какъ я, подобною къ ней страстью:
Ты скажешь, что не я люблю, а любишь ты.

ОПАСНЫЙ СЛУЧАЙ.

Купидо нѣкогда, въ присутствіи прекрасной,
Къ своимъ побѣдамъ пукъ ковалъ любовныхъ стрѣлъ;
Въ тотъ часъ ужасной
Работу бога я сего вблизи смотрѣлъ.
Онъ искрами меня со всѣхъ сторонъ осыпалъ;
Жаръ въ кузницѣ его вдругъ воздухъ такъ разжогъ,

Что въ страхѣ былъ и самъ сей богъ.
Уже изъ рукъ его разженный молотъ выпалъ;
Хотѣлъ отъ жару наконецъ
Летѣть къ красавицѣ любовныхъ стрѣлъ кузнецъ;
Но мимо онъ огня летѣлъ неосторожно:
Сгорѣли крылья тамъ его,
И далѣ ужъ летѣть ему не стало можно,
Какъ лишь до сердца моего.

ЗАКОНЪ.

Кто бъ ни былъ ты таковъ, гдѣ хочешь, ты живи,
Не убѣжишь любви:
Уставу общему ты долженъ быть причастенъ.
Для всѣхъ такой законъ уставилъ богъ сердецъ:
Ты былъ, иль есть теперь, иль будешь наконецъ
Ему подвластенъ.

РЕЦЕПТЪ БОЛЬНОМУ.

—

Когда любовный богъ пріемлетъ въ сердцѣ царство,
Разсудокъ слабое противъ него лекарство:
Имѣетъ оный богъ и силу и коварство.
Когда своей стрѣлой поранитъ онъ кого,
Ничто не исцѣлитъ, кромѣ лекарствъ его.

ВКУСЪ ВОЗРАСТА.

—

Игрушки свойственны во время первыхъ лѣтъ,
И свойственно любить, когда любить прилично;
А умными тогда бываемъ мы обычно,
Какъ свѣтъ оставитъ насъ и мы оставимъ свѣтъ.

УМѢРЕННОСТЬ.

Доволенъ жизнью я моею;
А утверждаетъ въ ней мое блаженство то:
Когда чего я не имѣю,
Я то считаю за ничто.

ПОНЕЖЕ.

Понеже говорятъ подъячіе въ приказѣ:
Понеже безъ него не можно имъ прожить,
Понеже слово то показано въ указѣ,
Понеже въ выпискѣ оно имѣлось быть,
Понеже секретарь имъ сдѣлался въ заразѣ,
Понеже слѣдуетъ вездѣ его гласить,
Понеже состоитъ вся сила въ ихъ понеже,
Затѣмъ и не живетъ у нихъ *понеже* рѣже.

ДЕНЬГИ.

—

Бѣда, коль денегъ нѣтъ; но что за сила тянетъ
Къ богатству всѣхъ людей? Безъ денегъ счастье вянетъ,
И жизнь безъ нихъ скучна, живи хотя сто лѣтъ!
Пока твой вѣкъ минетъ, бѣда! коль денегъ нѣтъ.

Бѣда, коль денегъ нѣтъ; вездѣ сіи законы,
Что деньгамъ воздаютъ и ласки и поклоны.
О, деньги, деньги! васъ и чтитъ и любитъ свѣтъ,
И каждый вопіетъ: «бѣда, коль денегъ нѣтъ!»

Бѣда, коль денегъ нѣтъ; имѣя жизнь толь кратку,
Приписывать должны мы счастіе къ достатку;
Хоть деньги множество намъ дѣлаютъ суетъ,
Однако безъ суетъ бѣда, коль денегъ нѣтъ.

ЭПИГРАММЫ.

—

I.

Премудрость тщетная не можетъ насъ избавить
Отъ смерти лютыя, ни сохранить отъ бѣдъ,
И не предскажетъ намъ, что будетъ съ нами впредъ;
Не лучше ли сей трудъ, о, смертные! оставить,
Въ которомъ пользы нѣтъ?

=

II.

НА САМОХВАЛЬСТВО.

Разумныя дѣла себѣ ты ставишь въ смѣхъ,
И говоришь, что ты умнѣе въ свѣтѣ многихъ.
Не спорю я съ тобой: умнѣе ты и всѣхъ,
Да только не людей, а всѣхъ четвероногихъ.

=

III.

НА ЗЛОРѢЧІЕ.

Хоть я браненъ вездѣ тобою, —
А ты хваленъ повсюду мною,
Имѣемъ оба мы несчастьемъ общимъ то:
Ни въ первомъ, ни въ другомъ не вѣритъ намъ никто.

IV.

БЕЗЧЕСТНАГО ПРИМѢТА.

Когда твой другъ
Радѣетъ для твоихъ услугъ,
И ты скрываешь то отъ свѣта —
Безчестнаго примѣта.
Но въ счастливой любви не эта,
Другая платится монета;
Кто оной не таитъ отъ свѣта: —
Безчестнаго примѣта.

ЗАГАДКИ.

—

I.

Я матерью имѣю землю,
Но бытность прежде я имѣлъ;
Происходя потомъ, былъ зеленъ, сѣръ и бѣлъ;
Впослѣдокъ темный цвѣтъ пріемлю,
Затѣмъ, чтобъ могъ давать я свѣтъ,
И безъ труда меня никто не назоветъ.
Живу въ простыхъ избахъ, коль тамо могъ примѣтить,
Читатель, ты меня теперь не могъ не встрѣтить.

=

II.

Чтобъ могъ, читатель, ты меня именовать,
То долженъ девять буквъ различныхъ ты собрать,
Изъ коихъ если ты по нѣскольку убавишь,
Премножество другихъ различныхъ словъ составишь.
И можешь ты во мнѣ симъ образомъ найти,
Ту коиску часть волосъ, что любимъ мы плести,

Монету, элементъ и нѣкоторо бремя,
Холодный свѣта край, горячесть нѣку, время;
Найдешь во мнѣ людей ты храбрыхъ ремесло;
Два раза ты найдешь число;
То слово, что въ простой мы рѣчи произносимъ,
Когда чего мы просимъ;
И слово, кое мы въ то время произносимъ,
Какъ мы, сердясь, кого толкаемъ иль выносимъ;
И ту животную, что мы на тѣлѣ носимъ.
Найдешь ты въ буквахъ сихъ
Высокость, внутренность и низость мѣстъ земныхъ,
Безчисленность однихъ летающихъ твореній,
Колясочную часть и часть стихотвореній.
Найдешь ты имена: того, кто крадетъ насъ,
Того, кто къ кражѣ покушаетъ,
И мѣсто страшное, куда въ послѣдній часъ
По Вѣрѣ осужденъ, кто въ свѣтѣ согрѣшаетъ;
То слово, какъ зовемъ мы ползающу тварь;
То качество, какимъ особо былъ нороченъ,
Когда въ Израилѣ являлся полномоченъ,
Египетскій, въ волнахъ утоншій древлѣ, царь,
И состояніе въ рожденьи человѣка,
Каковъ выходитъ онъ на свѣтъ,
И свойство, коимъ мы, въ срединѣ нашихъ лѣтъ,
Пріобрѣтаемъ честь, или хулу для вѣка.
То имя ты найдешь, что мы даемъ вещамъ,
За кои ничего, ихъ взявъ, себѣ не тратимъ;
То мѣсто, кое мы городимъ, суемъ, платимъ,
Колотимъ и клеимъ, чтобъ то поправить намъ.
Найдешь природное оружіе скотовъ,

Растуще дерево, и нѣкотору птицу,
И нареченіе рожденныхъ отроковъ,
И мѣсто, гдѣ сушимъ мы рожь или пшеницу,
Погоду пагубную ей.
Найдешь селеніе людей,
И мѣсто праведныхъ, и то, что̀ лѣтомъ въ полѣ
Крестьянинъ бережетъ и навѣщаетъ болѣ;
И ту роскошную пріятность наконецъ,
Которой я отецъ:
Но чтобъ родить ее, меня и жмутъ, и давятъ,
И послѣ за ничто оставятъ;
Когда же ко всему прибавишь ты одно,
Я значу сорокъ словъ и, если хочешь, болѣ,
Въ твоей, читатель, волѣ:
На риому прибирай, поставя въ первыхъ дно.

=

III.

На свѣтѣ межъ людьми живу
Я молча, во уединеньѣ,
И никакое размышленье
Не тяготитъ мою главу.

Въ покрытомъ мѣстѣ я сижу
И никогда не вижу свѣту;
На мнѣ одежды тамо нѣту;
Оттуда вонъ не выхожу.

Готовое я пью и ѣмъ;
Нѣтъ нужды собирать богатства,
И дружбы не ищу, ни братства,
Во всю мою тамъ жизнь ни съ кѣмъ.

IV.

Весь вѣкъ мой въ юности цвѣтетъ,
И никогда не умираю;
Но развѣ кто меня убьетъ,
То жизнь мою оканчаваю.

ЭПИТАФІИ.

—

I.

ВАСИЛЬЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ РУБАНУ.

Плѣняся образомъ Отечества Отца,
Достойно онъ достигъ парнасскаго вѣнца; *
И болѣ бы еще отъ славы увѣнчался,
Когда бы завсегда подобнымъ обольщался.

=

II.

Подъ камнемъ симъ лежатъ, покоясь вѣчнымъ сномъ,
Тѣла любовниковъ, что̀ другъ для друга жили,
И другъ для друга смерть равно они вкусили:
Законы то винятъ, а Вѣра чтитъ грѣхомъ;
Но чувство насъ влечетъ ихъ вѣрностью плѣняться
И строгій разумъ въ томъ не смѣетъ изъясняться.

—

* Имѣвъ талантъ стихотворенія, онъ особо славенъ извѣстною надписью къ конной статуѣ, воздвигнутой на берегу Невы Матерію Отечества Отцу Отечества.

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ БАСНИ.

I.

ТЩЕСЛАВІЕ.

Всѣ люди изстари не чтутъ за правду сказки,
А ложь употреблять привыкли для прикраски.
Что слышалъ отъ людей, я сказываю то жъ:
Коварные, сплетая ложь,
Другихъ обманомъ уязвляютъ;
А добрые въ добро ее употребляютъ.
Кто хочетъ, вѣрь тому; кто хочетъ, хоть не вѣрь,
Я сказочку начну теперь.
Коза съ рожденія Медвѣдя не видала
И не слыхала,
Что есть такой на свѣтѣ звѣрь;
Но храброю себя повсюду называла;
Хотѣла показать геройскія дѣла
И, слѣдственно, была
Смѣла;
Однако на словахъ, а не на дѣлѣ.
Геройскихъ дѣлъ ея не зналъ никто доселѣ;
И, по ея словамъ, Сампсонъ и Геркулесъ
Немного передъ ней подѣлали чудесъ.
«Причина ль», говоритъ, увидѣться съ Медвѣдемъ?
Тотчасъ туда поѣдемъ»,

И въ доказательство пошла, не медля, въ лѣсъ,
Пошла Коза на драку.
Такъ бодро Телемакъ не оставлялъ Итаку,
Такъ храбро Ахиллесъ не шелъ противъ Троянъ,
Великій Александръ, съ побѣдой Персіянъ,
Въ толикой пышности не возвращался въ станъ.
Идетъ и говоритъ, чтобъ дали ей дорогу.
Идетъ Коза къ мерлогу,
И приближается смотрѣть:
Незпаемъ ей Медвѣдь.
Увидѣла, что съ нимъ лежитъ ея подружка,
И думала, у нихъ великіе лады.
Пошла туда Коза, не знаючи бѣды.
Худая съ нимъ игрушка:
Неугомоненъ сталъ сосѣдъ,
Для гостьи кинулъ онъ обѣдъ;
А гостья въ шутку то не ставитъ,
Что жестоко ее Медвѣдь за горло давитъ.
Не хочетъ ужъ Коза гостить
И просится, чтобъ быть, по прежнему, на волѣ;
Клянется, что къ нему ходить не станетъ болѣ,
Когда онъ отъ себя изволитъ отпустить.
Коза Медвѣдя не обманетъ,
Онъ сдѣлалъ, что она ходить къ нему не станетъ.
Затѣмъ, что съ мѣста ужъ не встанетъ.
Не лучше ль было бы, когда бъ моя Коза.
Не пяля въ лѣсъ глаза,
Жила безъ храбрости въ покоѣ?
А смѣлость только быть должна въ прямомъ героѣ.

=

II.

НЕУМѢРЕННОСТЬ.

Всякъ ищетъ лучшаго, на томъ основанъ свѣтъ;
А нуженъ иногда къ терпѣнью намъ совѣтъ.
Въ Сибири холодно, въ Китаѣ больше прѣютъ,
И люди то сносить умѣютъ.
Но, Муза, далеко меня ты занесла:
Въ Китаѣ побывать, и побывать въ Сибирѣ,
Подалѣ, нежели отсюдова въ Каширѣ,
И надобно туда дорогамъ быть пошире.
Поближе я найду въ примѣръ такой Осла.

Мужикъ, пастушья ремесла,
Гонялъ на кормъ сію скотину,
И выбралъ лучшую долину.
Долина у рѣки, трава была густа,
И близки отъ двора хозяйскаго мѣста:
На что же далеко носить ему дубину?
А на другомъ краю рѣки,
Паслись быки
У пастуха Луки;
Казалося туда пути не далеки.
Ихъ кормомъ мой Оселъ прельстился:
Прискучило ему давно
Ѣсть каждый день одно,
И переправиться однажды покусился,
Къ быкамъ пустился:
Да та бѣда,
Что не было туда

Сухой дороги.
А надлежало плыть; въ болотѣ вязнутъ ноги.
Рѣка
Была топка.
Кричитъ пастухъ и стонетъ,
Увидя, что Оселъ въ болотѣ тонетъ.
Онъ мнилъ, что глупую скотину воплемъ тронетъ;
Однако мой Оселъ
На крикъ пастушій не смотрѣлъ,
И на срединѣ
Увязъ по горло въ тинѣ.
Оселъ
Въ болотѣ сѣлъ,
Раздумалъ ѣхать въ гости,
И былъ бы радъ
Отправиться назадъ;
Но порывался онъ хотя сто кратъ,
Хотя пастухъ въ него металъ каменья въ злости,
Отчаянъ былъ его возвратъ.

Къ чему представленъ здѣсь Оселъ, увязшій въ тинѣ?
Легко поймешь, читатель, силу словъ:
Великія стада найдешь такихъ Ословъ,
Которые, своей противяся судьбинѣ,
Пускаются въ опасный путь,
Дабы сыскать тамъ что-нибудь,
И часто на пути принуждены тонуть.

ПРЕВРАЩЕНІЕ ПАСТУХА ВЪ РѢКУ И ПРОИСХОЖДЕНІЕ БОЛОТА.

—

Кларису зря съ высокихъ горъ,
Алципъ, близъ чистыхъ водъ, въ долинѣ,
И зря ея несклонный взоръ,
Пѣнялъ за то своей судьбинѣ,
Что каждый день Кларису зритъ
И каждый день въ тоскѣ страдаетъ;
Что плѣнный духъ она томитъ,
Пріятныхъ дней его лишаетъ.
Клариса каждый день въ водахъ
Приходитъ мыться, обычайно;
И каждый день Алципъ въ кустахъ
Прельщается Кларисой тайно.
Не смѣетъ къ строгой подступить,
Не смѣетъ ей въ любви открыться,
Чтобъ гнѣвъ любовью не купить,
И всей надежды не лишиться.
Любовью робкою смущенъ,
Боговъ онъ проситъ неотступно,
Чтобъ былъ онъ въ рѣку превращенъ,
Надѣясь быть съ любезной купно:
Когда Клариса къ тѣмъ водамъ
Придетъ нагая обмываться,
Ко всѣмъ онъ будетъ красотамъ
Своей любезной прикасаться.
Боговъ онъ втунѣ упросилъ.

Его надежда обманула:
Когда Алцинъ рѣкою былъ,
Кларисса въ оной утопула.
Алцинъ сто разъ судьбину клялъ,
Что ею такъ наказанъ грозно,
И втупѣ смерти онъ желалъ.
Сіе желанье было поздно:
Водамъ не можно умирать;
Лишь только, безъ своей любимой,
Въ тоскѣ осталось изсыхать
И въ горести неутомимой,
Гдѣ прежде лилъ прозрачный токъ,
На мѣстѣ томъ болото нынѣ;
Мутится тамъ всегда песокъ,
И шумъ ключей умолкъ въ пустынѣ.
Но если въ берегъ бьетъ волной,
То, кажется, что бьетъ со вздохомъ;
Брега, какъ-будто сѣдиной,
Покрылись тамо бѣлымъ мохомъ.
Уединяясь отъ людей,
Мѣста тамъ стали непроходны;
И кажутъ будто слезъ ручей,
Гдѣ видятся теченья водны.

ПРЕВРАЩЕНІЕ КУПИДОНА ВЪ БАБОЧКУ.

—

Досадой нѣкогда Юпитеръ раздраженный,
Какъ дерзкій богъ любви ему стрѣлой грозилъ
Во гнѣвѣ яростномъ, за скиптръ препебреженный,
Въ видъ бабочкинъ божка сего преобразилъ.
Вдругъ крылышки изъ рукъ явились голубыя,
Взлетѣлъ, и въ бабочку преобразился богъ:
Онъ рожки получилъ и ножки золотыя;
Онъ плакать начиналъ, но плакать ужъ не могъ.
Нѣтъ лука у него, нѣтъ стрѣлъ и нѣтъ колчана:
Побѣды всѣ его пресѣкъ ужасный рокъ.
Садится онъ наверхъ иль розы, иль тюльпана,
Перелетаючи съ цвѣточка на цвѣтокъ.
Но жалость наконецъ Юпитеръ ощущаетъ,
Видъ прежній на себя велитъ ему принять:
Не вѣчно онъ казнитъ, не вовсе онъ прощаетъ,
Чтобъ дерзкіе его страшились прогнѣвлять.
Явился паки лукъ, пріемлютъ силу стрѣлы,
И въ прежнемъ видѣ сталъ прощенный наконецъ,
Лишь бабочкины съ нимъ остались крылья цѣлы,
Во знакъ, что гнѣвенъ былъ къ нему боговъ отецъ.

Не стало съ той поры въ любови постоянства,
Какъ сдѣлался крылатъ продерзкій Купидонъ;
Ища иныхъ побѣдъ и новаго подданства,
Летаетъ съ той поры изъ сердца въ сердце онъ.
Но вѣчно будешь жить, о, богъ любви! со мною,
И навсегда мое ты сердце взялъ во плѣнъ:
Конечно, я тогда пронзенъ твоей стрѣлою,
Какъ въ бабочку еще ты не былъ превращенъ.

ПРИТЧА.

—

СКУПОЙ.

Какую пользу тотъ въ сокровищахъ имѣетъ,
Кто въ землю прячетъ ихъ и ими не владѣетъ?
Живетъ въ провинціи скупякъ,
И хочетъ вѣчно жить, дуракъ,
Затѣмъ что предки жили такъ.
По дѣдовскому онъ примѣру
И по старинному манеру,
Имѣетъ къ деньгамъ вѣру,
Не брѣетъ никогда усовъ,
Не курчитъ волосовъ:
У прадѣда его они бывали прямы,
Который прятывалъ всегда богатства въ ямы.
Таковъ былъ дѣдушка, отецъ и сынъ таковъ.
Когда онъ при концѣ, впослѣдки, ротъ разинулъ,
Едва успѣлъ сказать женѣ,
Что деньги онъ въ землѣ покинулъ,
Въ саду, въ такой-то сторонѣ;
Но чтобъ не трогать ихъ, — онъ умеръ съ тѣмъ завѣтомъ.
Жена, не тронувъ ихъ, простилась послѣ съ свѣтомъ.
Вступилъ въ наслѣдство внукъ,
Но деньги тѣ еще людскихъ не знаютъ рукъ, —
По завѣщанью, онъ зарылъ ихъ въ землю ниже,
Какъ будто для того, чтобъ были къ чорту ближе.

БАСНИ.

I.

ПЧЕЛЫ И ШМЕЛЬ.

Пчелино общество, съ тѣхъ поръ, какъ создалъ свѣтъ,
Житейскихъ должностей всегда примѣромъ было,
Всегда союзъ любило,
Всегда носило медъ.
Вблизи какихъ-то Пчелъ, пчелиный подражатель,
Знакомецъ, иль пріятель,
Устромивши въ землѣ копурку и постель,
Работалъ также Шмель.
Куда летитъ Пчела, туда и Шмель летаетъ,
И также медъ таскаетъ.
Хорошъ такой сосѣдъ,
Который носитъ медъ;
И Пчелы, чтобъ завесть съ сосѣдомъ хлѣбосольство,
Судили нарядить нарочное посольство,
Шмеля просить,
Чтобъ вмѣстѣ жить
И вмѣстѣ медъ носить.
Къ Шмелю отъ матки Пчелъ явились депутаты.
«Послушай», говорятъ, «поди ты къ намъ въ дупло.
У насъ просторно и тепло.

Мы будемъ завсегда друзья твои и браты,
И возьмемъ всѣхъ Шмелей къ себѣ изъ-подъ земель.»
— Я родъ пчелиный почитаю,
И вашу добродѣтель знаю,
Отвѣтствовалъ имъ Шмель:
Но въ вашемъ обществѣ живутъ нерѣдко Трутни,
Которые творятъ и шалости и плутни.
Ихъ плутни разбирать,
Такъ время потерять.
Я знаю цѣну службы
И всей пчелиной дружбы.
Хотя же у себя тружуся я одинъ,
Но въ домѣ я моемъ свободный господинъ.

II.

СЛУХЪ И ВИДѢНІЕ.

Сатиръ, въ своей пещерѣ,
Желая вещи знать по вѣрѣ,
У всѣхъ летучихъ вопросилъ:
Зачѣмъ Пчела вездѣ летаетъ?
Кузнечикъ доносилъ,
Что онъ не въ дальности отъ улья обитаетъ,
И что къ Кузнечику Пчела гудѣть летаетъ.
Спросилъ у Саранчи: въ отвѣтъ изъ-за плеча,
Шепча,
Сказала Саранча,

Что такъ, какъ и она, Пчела гулять летаетъ.
Спросилъ у Бабочки: летаетъ на цвѣты
И машетъ тамъ крылами.
Спросилъ у Воробья: летаетъ на кусты,
Порхать между вѣтвями.
И каждый, наконецъ, какъ чувствовалъ, иль зналъ,
По своему сказалъ.
Сатиръ, подумавши, ко улью самъ явился.
Изъ устъ самой Пчелы вопросъ тогда рѣшился:
Ты видишь улій самъ; отвѣтъ найдешь внутри,—
Приди да посмотри.

=

III.

ЛЕВЪ И РЕБЯТА.

Ребята на лугу играли,
Шары себѣ катали.
Пришелъ къ игрушкамъ Левъ,
Пришелъ, и тутъ же сѣвъ:
Здорова имъ, какъ братамъ,
Онъ, лапу приподнявъ,
Вѣщаетъ такъ Ребятамъ:
«Давай катать шары; кто выйграетъ, тотъ правъ.»
Ребята Льву въ отвѣтъ:—Мы свой храним уставъ.
Мы лапу львиную высоко почитаемъ,
Но родомъ, изъ вѣковъ, со Львами не играемъ.—

=

IV.

ЖУРАВЛИ И КОМАРЪ.

Въ пути подъ облаками
Летѣли Журавли;
Внизу, вблизи земли,
Своимъ путемъ летитъ Комаръ надъ муравами.
«Комаръ, Комаръ летитъ,
Комаръ, Комаръ жужжитъ
Какъ-будто равенъ съ нами!»
Вскричали Журавли.
Но что̀ Комаръ въ отвѣтъ жужжитъ надъ муравами?
— Мой путь вблизи земли,
Вашъ путь подъ небесами;
Летаю и жужжу не для досады вамъ.
Не трогайте меня своими вы носами,
А мой комарій носъ не вреденъ Журавлямъ.

V.

БАСНЯ

НА ПОСЛОВИЦУ:

«ВОЛЯ СО МНОЮ ТВОЯ, А ПО ПРАВДѢ УСАДЬБА МОЯ».

—

Какой-то добрый садъ,
Не вѣдаю какимъ случаемъ нажилъ славу,
Что есть въ саду подъ грушей кладъ,
И многіе твердятъ
То, въ правду иль въ забаву.
Другіе требуютъ доводовъ и примѣтъ,
Безъ коихъ вѣрной правды нѣтъ.
Родился споръ въ народѣ,
И каждый, въ мысленной свободѣ,
За споромъ бился объ закладъ,
Что есть иль нѣтъ подъ грушей кладъ.
Чтобъ въ спорѣ успокоить души,
Въ саду искорепить потребно было груши
Безъ дѣла не въ попадъ.
Но садъ хозяину и груши нужны были;
Хозяинъ вспомнилъ то, что спорщики забыли:
«Я съ вами, имъ сказалъ, не бился объ закладъ,
«Представлю только вамъ, что мнѣ мой нуженъ
садъ.

РУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

ОТЪ СОЧИНИТЕЛЯ.

Излишне, кажется, доказывать пользу народныхъ пословицъ. Извѣстно, что многія изъ нихъ, до введенія письменъ, служили изустнымъ законовъ преданіемъ. Народный разумъ, въ послѣдствіи, распространилъ ихъ на всѣ части благонравія и благоповеденія. Иныя сочинены по образу наставленій, другія по образу сказаній; иныя же къ осмѣянію порочнаго и къ отвращенію отъ гнуснаго. Въ первобытномъ ихъ реченіи, какъ можно видѣть, всѣ онѣ составлены были правильными стихами: ямбомъ, хореемъ или дактилемъ, то есть: двусложною или трисложною стопою, хотя не вездѣ снабжены богатыми рѳмами. Не удивительно, что добрые праотцы наши соблюдали болѣе смыслъ,

нежели богатыя рѣчы, какія, впрочемъ, трудно или не возможно было находить всегда въ простонародномъ ограниченномъ словѣ. Всякъ можетъ легко уразумѣть, что въ послѣдствіи сіи пословицы, переходя изъ устъ въ уста, чрезъ долгое теченіе временъ долженствовали естественнымъ образомъ претерпѣть много измѣненій и поврежденій. Послѣ отца моего мнѣ досталась весьма старинная книга съ русскими пословицами, таковыми, какъ онѣ могли быть въ ихъ первобытномъ состояніи. Нѣкоторыя только требовали, для стихотворной мѣры, малаго дополненія, безъ перемѣны ихъ содержанія и силы; иныя же требовали только заглавнаго означенія, въ какомъ смыслѣ онѣ употребляются. Я раздѣлилъ ихъ, по разности содержаній, приличнымъ образомъ на разныя главы и отдѣленія, помѣщая какъ самыя простѣйшія, для простонароднаго употребленія, такъ и новыхъ временъ пословицы, какія чрезъ десять лѣтъ могъ я собрать отъ моихъ единоземцовъ. Ласкаюсь, что пація увидитъ съ благоволеніемъ изданное въ печать собственное свое сочиненіе.

РУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ ней означается, что благовѣріе производитъ наилучшее правовъ согласіе; что имъ утверждается общественное благосостояніе и спокойствіе. и что благовѣріе, единому разумному созданію свойственное, есть конечно то, безъ чего мы не могли бы къ совершенному благу приблизиться и безъ чего самая ничтожность была бы концемъ всѣхъ нашихъ дарованій и добродѣтелей, каковыми мы наиболѣе отличаемся.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

БЛАГОВѢРІЕ.

1.

Божественное чти-скать честно,
Чтобъ было видимо и вѣстно.

2.

За правду писанному вѣрь,
Но съ Вѣрою не суевѣрь.

3.

Богъ-де любитъ насъ по мѣрѣ,
Какъ мы чтимъ Его по Вѣрѣ.

4.

Безъ Вѣры и безъ дѣлъ молитвы Богъ не приметъ:
Какъ худо станешь жить, послѣднее отыметъ.

5.

Безъ Вѣры Господь не избавитъ,
Безъ правды Господь не исправитъ.

6.

Человѣкъ предполагаетъ,
А Господь располагаетъ.

7.

Не по всякому хотѣнью,
А по Божью изволенью,
Въ мірѣ есть добро и лихо,
Чтобъ мы жили въ мірѣ тихо.

8.

Въ бѣдѣ не унывай,
На Бога уповай.

9.

Добръ отецъ до дѣтей,
Добръ и Богъ до людей.

10.

Какъ Богъ не дастъ,
Свинья не съестъ.

11.

На помощь Богъ пристанетъ,
И пастыря приставитъ.

12.

Не страхъ, что врагъ затрубитъ въ рогъ:
На зачинающаго Богъ.

13.

Куда иного конь везетъ,
Туда бѣдняжку Богъ несетъ.

14.

За бѣднымъ въ мірѣ сиротою
Самъ Богъ ходатай съ колитою.

15.

Голенькой, — охъ!
А за голенькимъ Богъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ХАНЖЕСТВО.

1.

Святого старца риза
Не скроетъ людогрыза;
И добровидна маска
Кусакѣ не прикраска.

2.

Во имя Божье Титъ
Иконы золотитъ
Изъ граблennаго злата,
Что силой взялъ у брата.

3.

Поставя ближнему ловитву:
Да, Господи! услышь молитву.

4.

Устинья завсегда постится, молится,
А мучитъ такъ людей, какъ ей изволится.

5.

Ѳомка свалился—такъ Богу молился;
А нечего ѣсть, такъ за постъ ухватился.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ ней означается, что служба государю исправляется не инымъ образомъ, какъ когда подданный, въ обязанностяхъ своихъ, сохраняетъ вѣрность, твердость и истинное любочестіе.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

СЛУЖБА ГОСУДАРЮ.

1.

По пряму съ Богомъ жить, такъ въ мірѣ не ханжить,
А службу Вѣрою и правдою служить.

2.

Что царю надлежитъ,
На огнѣ не сгоритъ,
На водѣ не потопетъ, —
Отдай, кто потронетъ.

3.

За доброе имя и честь
Приготовься и голову несть.

4.

Въ согласномъ стадѣ волкъ не страшенъ,
И храбрость крѣпче стѣнъ и башень.

5.

Смерть-скать ребячья, да бабья гроза,
А бойцамъ-молодцамъ не воротитъ глаза.

6.

Чести дворянинъ не кинетъ,
Хоть головушка погинетъ.

7.

Много скорбей,
Да не много смертей:
И какъ нѣту стыда,
Умереть не бѣда.

8.

Смерть не мила человѣку,
А лучше позорнаго вѣку.

9.

Сѣвши на пиру, на ряду,
Не калякай: плясать не могу.

10.

Нарекшись груздемъ,
Полѣзешь въ кузовъ.

11.

Чести утрата большая бѣда,
И честное убожество легче стыда.

12.

Лучше бѣдность, да честная,
Нежель прибыль, да стыдная.

13.

Воинъ враговъ побиваетъ,
А трусъ лишь корысть подбираетъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ПОЧТЕНІЕ КЪ ВЫШНИМЪ.

1.

Чинъ-скать чина почитай,
И меньшой садись на край.

2.

Много людей собираютъ на рать,
Да не многіе могутъ совѣты давать.

3.

Большому кораблю и плаванье большое,
А барамъ барска честь и мѣсто столповое.

—

ОТДѢЛЕНІЕ III.

НУЖНАЯ ТЕРПѢЛИВОСТЬ.

1.

Въ нуждѣ барской сынъ не баричъ,
И отецъ въ бѣдѣ товарищъ.

2.

Служивой, что муха, была бы гдѣ щель;
Гдѣ заборъ, тамъ и дворъ, и гдѣ щель, тамъ постель.

3.

Служиваго и шило брѣетъ;
А шубы нѣтъ, такъ солнце грѣетъ.

4.

Хорошъ и лунный свѣтъ,
Какъ солнца въ небѣ нѣтъ.

5.

Въ полѣ кто служитъ,
Объ домѣ не тужитъ:
Гдѣ сталъ,
Тутъ и станъ.

6.

Лѣзной, удалой дѣтина не тужитъ,
При нуждѣ и пѣшій, безъ коника, служитъ.

7.

Не ради красоты,
А ради теплоты
Овчинну шубу носимъ,
И лучшей-скать не просимъ.

8.

Терпи-скать, казакъ, не осудишь,
Пока атаманомъ не будешь.

9.

Нашъ дескать край
Да не всякому рай.

10.

Что-скать купишь,
То и лупишь.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Въ ней означается, что благосердіе составляетъ связь и цѣлость всѣхъ общественныхъ пользъ и выгодъ; и что, безъ его душевнаго качества, наилучшія знанія и дарованія обращаются во вредъ самому и ближнему.

=

ОТДѢЛЕНІЕ I.

БЛАГОСЕРДІЕ.

1.

Добродѣтель, безъ битвы, безъ крови, безъ брани,
Владѣетъ въ народѣхъ и платятъ ей дани.

2.

Къ услугамъ милости, къ достоинствамъ пріязнь,
Въ народѣ упредятъ и строгости и казнь.

3.

Тотъ казнь не заслужилъ, кто въ мысляхъ заблуждаетъ,
И многіе на свѣтъ родятся заблуждать,

Кто можетъ, тотъ свой путь скорѣе исправляетъ:
Но казнію людей не можно исправлять.

4.

Добрая власть не противна свободѣ,
И ею хранится выгода въ народѣ.

5.

Тотъ не мало согрѣшаетъ,
Кто къ добру не поспѣшаетъ;
Тотъ же болѣ согрѣшаетъ,
Кто въ добрѣ другимъ мѣшаетъ.

6.

Не утѣха, а боязнь,
Гдѣ лишь только гнѣвъ и казнь.

7.

Жестокая власть не корыстна,
И людямъ всегда ненавистна.

8.

Тому даютъ хвалы и чести,
О комъ несутся добры вѣсти;
А кто неправдою живетъ,
Тотъ чортомъ межъ людей слыветъ.

9.

Кинь ты хлѣбъ-соль назади,
Будетъ послѣ впереди.

10.

У добраго дядьки,
Добры и дитятки.

—

ОТДѢЛЕНІЕ II.

БЛАГОРАЗСУДИТЕЛЬНОСТЬ.

1.

Добродѣтель тамъ велика,
Гдѣ умѣренъ самъ владыка,
Гдѣ богатый не скупится,
Гдѣ вельможа не гордится;
И великъ-скать воинъ въ полѣ,
Буде воинъ храбръ по волѣ.

2.

Дѣло во время
Не тяжкое бремя;
А дѣло безъ время, —
Несносное бремя.

3.

Общая рѣчь,
Чтобы деньги беречь;
А не общая рѣчь,
Чтобы праваго сѣчь.

4.

Съ одного дескать вола
По двѣ кожи не дерутъ;
Съ одного дескать тягла
По двѣ дани не берутъ.

5.

Добраго пастыря доброе дѣло,
Кто шерстку съ овечекъ стрижетъ себѣ смѣло:
Но волку тотъ пастырь подобенъ бываетъ,
Кто съ шерсткой и кожу съ овечекъ сбриваетъ.

6.

Не все бичомъ, да хлыстомъ,
Иное можно свистомъ.

7.

Не устать понукать и, кобенившись, нукать;
Да нукавши, коника въ лужицу втукать.

8.

Не устать поспѣшить,
Да людей насмѣшить.

9.

Ученаго учить,
Лишь дѣло волочить.

10.

Не все-то скорится равно,
Какъ у бабы въ обѣдъ толокно:
Разболтай, замѣси,
Да и въ ротъ понеси.

11.

Иной стрѣлятъ рѣдко,
Да попадаетъ мѣтко.

12.

Хоть не скоро,
Только бъ споро;
Не ворово,
Да здорово.

13

Въ кольца и безъ вѣнца,
Въ дѣлѣ не живетъ конца.

14.

Живой живое размышляетъ,
И вѣкъ, какъ лучше, пробавляетъ.

15.

Затѣмъ мужикъ весь вѣкъ хлопочетъ,
Что самъ себѣ добра онъ хочетъ.

16.

Вѣстно-скать въ дѣлѣ,
Что семь дней въ недѣлѣ;
Такъ хлѣбецъ купилъ,
Кто не ѣлъ и не пилъ.

17.

Въ полону живой прокрикнетъ,
Кто къ неволѣ не привыкнетъ.

18.

Всякой внукъ, и сынъ, и дѣдъ,
Хочетъ, чтобы былъ обѣдъ.

19.

Безъ хлѣба животъ
Никогда не живетъ.

20.

Всякъ себѣ добра желаетъ
И, гдѣ жестко, подстилаетъ.

21.

Рыба ищетъ гдѣ бы глубже,
Человѣкъ же — гдѣ бы лучше.

22.

Всякой Демидъ
Для себя норовитъ.

23.

Коли приходитъ часть на брата,
И наша деньга не щербата.

24.

Тому дескать рано,
Кому что не дано;
А что кому дано,
Тому-скать не рано.

25.

Грѣшный Іона
Беретъ изъ поклона;

А правый придетъ,
Безъ поклона беретъ.

26.

Ѣздокъ коня нуздаетъ
И гадки не гадаетъ.

27.

Вольно-скать чорту крещеныхъ манить,
Да и вольно крещенымъ за чортомъ нейтить.

28.

Хоть вольно требесить, болтать болтунамъ,
Да и вольно требесовъ не слушать-скать намъ

29.

Ѳомѣ утѣшно, да смѣшно,
А Титу до сердца дошло.

30.

Малыя дѣтки овчурки,
Смышляютъ-сѣ жмурки, да чурки;
А рослы бородки
Смышляютъ находки.

31.

Хозяйкѣ дорого дитя,
А кошкѣ дорого котя.

32.

Фролу не тяжело
Тянуть свое тягло;
Да скоро Фролъ устанетъ,
Какъ два тягла потянетъ.

33.

Гдѣ-скать счастье видишь,
Тамъ смѣлѣе идешь;
А по шишь въ дорогу,
Не подымешь ногу.

34.

Никому не мило,
Что какъ въ дѣлѣ хило.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЕ.

1.

Милость прилична для барства,
И милость хранитъ государства.

2.

Милость хвалится вездѣ,
Хвалится и на судѣ.

3.

Повинную голову мечъ не сѣчетъ.
Чтобъ впредь не грѣшилъ, то прощаютъ въ зачетъ.

4.

Убогаго убить,
Добычи не добыть.

5.

Строгій законъ виноватыхъ творитъ,
И разумный тогда по неволѣ дуритъ.

6.

И самъ тому Ѳома не радъ,
Когда родился плоховатъ.

7.

Не всякой милостивъ отецъ;
Однако злой не образецъ.

8.

Мужичокъ, не грибокъ,
Не ростетъ подъ дождёкъ.

9.

Просящему тебя не затворяй дверей:
При голодѣ и самъ попросишь сухарей,
У добренькихъ людей.

10.

Голодъ идетъ къ калачу,
А невзгода идетъ ко врачу.

11.

Не царь, не богатый
Даетъ, тороватый.

12.

Небогатый Филатъ,
Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

13.

Съ міру по ветошкѣ,
Бѣдному одежка.

14.

Не о праздникахъ мыслитъ бѣдняжка, горюха:
Была бъ у горюхи стряпуха для брюха.

15.

Нищій дастъ кусокъ, не ахнетъ,
А возьмешь, сумою пахнетъ.

16.

То не пропало,
Что въ руки попало.

17.

Въ грозѣ, безъ милости,
Живутъ въ унылости.

18.

Кто каковъ ни есть,
Хочетъ также ѣсть.

19.

Богатому жаль корабля,
А убогому жаль кошеля.

20.

То не бѣда, что живетъ иногда,
А бѣда-скать тому, кто бѣдуетъ всегда.

21.

Горе тому,
Кто-скать плачетъ въ дому;
А и болѣ такому,
Кто плачетъ безъ дому.

22.

Бѣдняжка какъ ни бьется,
Гдѣ тонко, тутъ и рвется.

23.

Какъ на Ѳому напасти нахлынутъ,
Такъ Ѳомку и люди покинутъ.

24.

При горести, терпѣнье —
Невольное спасенье.

=

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

НЕСЧАСТІЕ НЕ ЕСТЬ ПОРОКЪ.

1.

Не безчести, въ загопяхъ, добра молодца:
Загоняютъ и волка, такъ будетъ овца.

2.

Хоть обидно,
Да не стыдно,
Какъ въ бѣдѣ грѣха не видно.

3.

Старый Макаръ,
Что худой-скать товаръ,

Не годится въ анбаръ:
Да не смѣйся надъ старымъ, и самъ будешь старъ.

4.

И толстая подпора хрястетъ,
Какъ сила на подпору хлястетъ.

5.

Неволею волосы вянутъ,
Какъ больно ихъ тянутъ.

6.

Терпя да трестетъ-скать и камень,
Какъ камень бросить въ жаръ, да въ пламень.

7.

Какъ себя ни поведешь,
Отъ напраслинъ не уйдешь.

8.

И отъ напраслинъ люди гинутъ,
Когда къ нимъ грѣхъ чужой прикинутъ.

9.

Людское сердце не лукошко,
И не прорѣжешь въ немъ окошка.

10.

Быть-скать дѣлу такъ,
Какъ помѣтилъ дьякъ.

11.

Воинъ когда изнеможетъ,
То всякой его переможетъ.

12.

Добродѣтель безкорыстна,
И на свѣтѣ не завистна:
Вслѣдъ за нею рѣдкій ходитъ,
Хоть она за всѣми бродитъ.

13.

Правъ мышенокъ передъ волкомъ,
Да не скажетъ дѣла толкомъ;
Какъ ни споритъ за мышенка
Надворная собаченка.

14.

Кто въ несчастьи не бывалъ,
Тотъ немного-скать спозналъ.

15.

Спознаетъ мужикъ рамаду,
Какъ свалится бѣда на бѣду.

16.

Пройдетъ Кузьма сквозь огнь и воду,
Спознаетъ всяку непогоду.

17.

У богатаго грузъ въ кораблѣ,
А у бѣднаго хлѣбъ на умѣ.

18.

Сытый голоднаго не разумѣетъ,
Когда, какъ безъ хлѣба, голодный колѣетъ.

19.

Богатый мыслитъ о телятахъ,
А бѣдный мыслитъ о ребятахъ.

20.

Холодно, на комъ одно,
А и вдвое,
Да худое,
Также равно холодно.

21.

Сова о совѣ,
А иной о себѣ,
Чтобы было въ гумнѣ.

22.

Не одно-де пузище
Смышляетъ о пищѣ:
И тонкій животъ,
Безъ ѣды не живётъ.

23.

Сытый зуёкъ
Съ позаранку поётъ;
А голодный не свищетъ,
Какъ въ ротъ себѣ ищетъ.

24.

Не всякій стрижется для Ійсуса,
Иной и ради хлѣба куса.

25.

Безъ хлѣба самъ судья судить людей не сядетъ;
Голодный, хоть и святъ, безъ дачи хлѣбъ при-
грабитъ.

26.

Кто сытъ, считаетъ звѣзды въ небѣ,
А голодъ думаетъ о хлѣбѣ.

27.

Живется съ Оомою,
Не ради повою,
А ради покою.

28.

Какъ нужда голодомъ прометъ,
Такъ станешь ѣсть, что Богъ дастъ.

29.

У ѣдущаго брюха
Нѣтъ ни глазъ, ни уха.

30.

Голодъ живота не пучитъ,
И легко ходить научитъ.

31.

Нужда и голодъ
Погонятъ на холодъ.

32.

Голодному Ѳедоту
И рѣпа за охоту.

33.

Свѣтъ тому не надокучитъ,
Кто, живя, животъ свой тучитъ;
А другому надокучитъ,
Кто, живя, животъ свой мучитъ.

34.

Никто того не вѣдаетъ,
Какъ бѣдненькой обѣдаетъ.

35.

Счастливый-скать ходитъ: на кладъ набредетъ;
А несчастный пойдетъ: и грибa не найдетъ.

36.

Гладитъ головку не гребень,
А гладитъ хорошее время.

37.

Какъ счастье везетъ, и дуракъ де-скать ѣдетъ,
И смѣло покажетъ, что умной-де бредетъ.

38.

Фортуна-скать баба, кому посылаетъ,
Такъ пришлетъ чего-де душа пожелаетъ.

39.

Счастье бредетъ на клюкахъ,
А несчастье летитъ на крылахъ.

40.

Счастье ѣдетъ на конѣ
По холмамъ и по горамъ,

А несчастье въ сторонѣ
Бродитъ только по горямъ.

41.

Лихое горе, съ худомъ,
Приходитъ цѣлымъ пудомъ;
А вонъ, съ большимъ трудомъ,
Идетъ золотникомъ.

42.

Всяко лихо споро:
Не минуетъ скоро.

43.

Что грызетъ и поядаетъ,
То не скоро пропадаетъ.

44.

Доброе съ нами минуется скоро,
Худое же тянется длинно и споро.

45.

Лихое въ дѣлѣ споро,
А выведешь не скоро.

46.

Какъ придетъ на Фрола неспориха,
Дойдетъ и Фролиха до лиха.

47.

Бѣды всегда стремятся къ горю,
Какъ рѣки и потоки къ морю.

48.

Чортъ изъ Мордвы,
Хотя и шелъ не туды,
Да пришелъ на бѣды.

49.

Про горькаго Егорку
Поютъ и пѣсню горьку.

50.

Сила и слава хоть звучны,
А нуждѣ бываютъ послушны.

51.

Сенька городитъ, моститъ и хоромитъ,
А время и Сенькины сѣни подломитъ.

52.

Избытокъ уста отверзаетъ,
И честь де-скать разумъ рождаетъ;
А горе на горе нуждаетъ,
И весь де-скать умъ погубляетъ.

53.

Кто безсиленъ, тотъ трусъ, и кто бѣденъ, тотъ скупъ,
И какъ нѣтъ въ комъ ума, поневолѣ-скать глупъ.

54.

Чуръ меня, чуръ! да чурай, не чурай,
Коли чортъ поселится, такъ мѣсто давай.

55.

Желѣзо не блеститъ, какъ ржа его съѣдаетъ,
И меркнетъ умъ тогда, какъ сердце упадаетъ.

56.

Нужда не ложь,
Да поставитъ на тожъ.

57.

Нужда научитъ Ѳому говорить,
И горшки узнавать, и водицу варить.

58.

Не душа,
Лжетъ мошна.

59.

Не все-то добрыхъ величаютъ,
Не все-то правду примѣчаютъ,

А и недобрыхъ величаютъ,
Когда исправу въ нихъ почаютъ.

60.

Подпоясавъ горе лыкомъ,
Мелешь нехотя языкомъ.

61.

Нужда научитъ жевать калачи,
И научитъ лежать на холодной печи.

62.

Выторятъ въ Питерѣ, вытрутъ Аоньку,
И будетъ ходить, какъ по шткѣ, тихонько.

63.

Закричитъ что лебедь,
Какъ кого теребятъ.

64.

Какъ горе да нужда потрѣбитъ,
Бѣднякъ-скать и себя теребитъ.

65.

И нѣмой покажетъ голосъ,
Какъ придетъ къ нѣмому голодъ.

66.

Живетъ на вѣку,
Что и курка поетъ себѣ какореку.

67.

Просилъ Святова:
Пришло до слова
Просить клятова.

68.

Вшами о землю челомъ, да челомъ,
Да скорѣе съ Фроломъ развязаться добромъ.

69.

Захочешь булавокъ,
Такъ будешь у лавокъ.

70.

Пришло-скать со псомъ огрызаться,
Какъ нельзя добромъ отвязаться.

71.

Какъ придетъ де-скать причина,
Мужичокъ и мужичина
Гнется такъ, какъ лутовина.

72.

И дюжая лошадь, обрютившись, крякнетъ,
Какъ въ ямину бякнетъ.

73.

Къ небесамъ высоко̀,
А въ рѣку глубоко̀:
И приходитъ вертѣться,
Какъ некуда дѣться.

74.

Не прихоть де мо́лодца, нуждица носитъ,
Куда-скать и во̀ронъ костей не заноситъ.

75.

Потащетъ таскатню тоска,
Какъ нѣту хлѣба ни куска.

76.

У страха велики глаза:
И коза-скать, какъ бякнетъ туза,
Такъ покажется съ чорта коза.

77.

Овцѣ не до ягнятъ,
Какъ овцу стричь велятъ.

78.

Живетъ, что ротъ болитъ,
Да брюхо ѣсть велитъ.

79.

Не брани овецъ бирюкъ,
Что хватаютъ кормъ изъ рукъ:
Бабѣ въ мірѣ кто не внукъ?

80.

За неволю-скать овцы брыкаютъ,
Какъ волки овецъ торыкаютъ.

81.

Невольный грѣхъ
Живетъ на всѣхъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ V.

ТЕРПѢЛИВОСТЬ ВРЕМЕННЫХЪ ПРЕГРѢШЕНІЙ.

1.

Не можетъ человѣкъ
Безгрѣшенъ быть въ свой вѣкъ.

2.

Середь міра монахъ,
Въ попыхахъ, да въ пыхахъ,
Не болитъ о грѣхахъ.

3.

И въ куркѣ сердце есть,
А въ сердцѣ гнѣвъ и месть.

4.

Не гнѣвайся Ѳомка, что женка плоха,
Да и всѣ люди грѣшны, лишь Богъ безъ грѣха.

5.

Во всякомъ чернецѣ
Довольно суеты;
Во всякомъ мудрецѣ
Довольно простоты.

6.

Во всякомъ хлѣбѣ есть мякина,
Бываетъ добръ и худъ дѣтина.

7.

Отъ рыцарскаго рода,
Въ роднѣ не безъ урода.

8.

И сверчокъ и муха
Набиваютъ брюхо.

9.

На свѣтѣ всяко-скать бываетъ:
И праведникъ въ порокъ впадаетъ,

И грѣшникъ часто кается,
И, каявшись, исправится.

10.

Грѣхъ бываетъ сладокъ,
Человѣкъ же падокъ.

11.

Бываетъ грѣхъ и на старуху;
Впадаетъ-скать и дѣдъ въ проруху.

12.

Медъ де-скать сладокъ, да киснетъ и медъ;
И бѣда-скать и грѣхъ на кого не живетъ?

—

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

ТЕРПѢЛИВОСТЬ ПОРОКОВЪ ЮНОСТИ.

1.

Не рѣзвится старость, не бѣгаетъ хворость,
А дѣткамъ въ охотку и рѣзвость и скорость.

2.

Юность время золотое,
Ѣстъ и пьетъ, и спитъ въ покоѣ.

3.

Незрѣлъ виноградъ-скать не вкусенъ:
И младъ человѣкъ не искусенъ.

4.

Недозрѣлый умокъ,
Что̀ весенній ледокъ.

5.

Молодой неженатый дѣтина, что бѣшеной,
Скачетъ, подчасъ, не путемъ на прорѣшину.

6.

Мука̀ де-скать не тѣсто,
Пока не перемѣсится;
И дѣвка не невѣста,
Пока не перебѣсится,

7.

Юность глупа,
А любовь-скать слѣпа,
И не спросятъ попа.

8.

Что въ дѣтствѣ просимъ,
Подъ старость бросимъ.

9.

Въ чемъ молодецъ похваляется,
Въ томъ де подъ старость раскается.

—

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

ТЕРПѢЛИВОСТЬ НРАВОВЪ И РАЗСУЖДЕНІЙ.

1.

Какъ кто дѣло знаетъ,
Такъ и разсуждаетъ.

2.

Не всякій, кто читаетъ,
Во чтеньи силу знаетъ.

3.

Своимъ аршиномъ всякій мѣритъ,
Богатый крѣпко деньгамъ вѣритъ;
А воинъ, силой городъ взявъ,
Богатому даетъ уставъ;
Бояринъ милость разглашаетъ,
Слуга услугу возвышаетъ,
Хорошъ и песъ, что въ дверяхъ лаетъ:
Не всѣ равны, а всякій правъ.

4.

Игрушки свойственны во время первыхъ лѣтъ:
Настанутъ дни любви, тогда любить прилично;
Но строгими тогда бываемъ мы обычно,
Какъ свѣтъ оставитъ насъ и мы оставимъ свѣтъ.

5.

Что городъ,
То поровъ;

Что дворъ,
То говоръ.

6.

Сколько въ свѣтѣ есть головъ,
Столько разныхъ есть умовъ,
И не всякій мыслитъ такъ,
Какъ Исакъ, или Ермакъ.

7.

У сотни безумныхъ
Найдешь и разумныхъ.

8.

Человѣкъ не плохъ родится,
Только есть за нимъ грѣшокъ,
Что онъ въ дѣлѣ не горшокъ,
И на все не пригодится.

9.

Не всякъ орётъ и жнетъ, и сѣетъ,
А всякій хлѣбъ себѣ имѣетъ.

10.

Всякъ молодецъ
На иной образецъ.

11.

Всякая птица по-свойски поетъ,
И кто чѣмъ же-скать можетъ, тѣмъ хлѣбъ достаетъ.

12.

Подъ всяку пѣсню не подпляшешь,
Подъ всяки правы не подладишь.

13.

Не всегда возможно знать,
Гдѣ найти и гдѣ терять.

14.

Узналъ бы коня на уздѣ, безъ ѣзды,
Да на лбу у копя пѣтъ знаточной звѣзды.

15.

Собственный разумъ-скать царь въ головѣ:
Распознаетъ, что̀ въ худо, что̀ въ пользу себѣ.

16

Почасту маляры, дьяки и стихотворцы,
Чертятъ, что̀ придетъ въ умъ, подобно чудотворцы,
Хотятъ, не вѣдь кого посадятъ на слонѣ,
А послѣ назовутъ: Егорій на копѣ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ VIII.

ТЕРПѢЛИВОСТЬ ПРОСТОРѢЧІЯ.

1.

Не все всегда творится,
Что̀ просто говорится

2.

Много всего говорится,
Да въ дѣло не все угодится.

3.

Ошибка на словѣ не споръ.
А живетъ и на всѣхъ проговоръ.

4.

Не Татаринъ напалъ, и не голову снялъ,
Кто де вольное слово, не знавши, сказалъ.

5.

Не возстанутъ въ морѣ волны,
Что бѣднякъ словцо промолвитъ.

6.

Вѣдаютъ бабы себѣ притаманно,
Что вольное слово бываетъ небранно.

7.

Запросто въ дому Малашку
Богъ проститъ за всяку бражку.

8.

Стоя вмѣстѣ у колодца,
И ведро съ ведромъ столкнется.

9.

Вмѣстѣ стоючи, дойдется,
Что горшокъ съ горшкомъ столкнется.

10.

Безъ шума брага не закиснетъ,
И брань на вороту не виснетъ.

11.

Вспыльчивый нравъ
Не бываетъ лукавъ,
И, не помнивши словъ,
Помириться готовъ.

12.

Что забывается,
То не сбывается.

13.

На умъ находитъ всякій стихъ:
Не всякъ злодѣй, кто часомъ лихъ.

14.

Хорошъ у сосѣда-скать пиръ,
Коли гости пируютъ на міръ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ IX.

ТЕРПѢЛИВОСТЬ ОБЫЧАЕВЪ.

1.

Въ городѣ жить,
Такъ по городу слыть.

2.

Въ мірѣ-скать жить,
Такъ мірское творить.

3.

Что̀ любитъ молодой, то любитъ и сѣдой:
Не всякая любовь свершается бѣдой.

4.

Что̀ было на свѣтѣ, по старому будетъ,
И вновь ничего не придетъ, не прибудетъ.

5.

Много къ правдивости званныхъ,
Да мало бываетъ избранныхъ.

6.

Правду въ свѣтѣ всякій трубитъ,
А творитъ ее кто любитъ.

7.

Хоть паше бывало,
Да долго гуляло,
А къ намъ не попало:
Пиши-скать пропало.

8.

Иное было такъ давно,
Да нынѣ стало не равно.

9.

Неравны бываютъ вѣки,
Неравны и человѣки.

10.

Не зови ты боярскихъ сѣней болдырёмъ,
А поклонъ болдырю, да челомъ, да добромъ,
Такъ и съ милостью барской воротишься въ домъ.

11.

Орелъ границъ себѣ не знаетъ,
И выше облакъ возлетаетъ.

12.

Рцы, хотя не рцы,
На кого игуменъ, на того черницы.

13.

Гдѣ счастіе плодится,
И зависть тамъ родится.

14.

Чего иной не выслужитъ,
Другой то шуткой вышутитъ.

15.

Хоть шуткой, хоть смѣхомъ,
Да было бы бабино дѣло съ успѣхомъ.

16.

Попалъ скворецъ въ бесѣду съ клушей,
Хоть не люби ее, да слушай.

17.

Не выкинуть будетъ для пасмурной дѣвки,
Изъ басни прибаски, изъ пѣсни припѣвки.

18.

Попалъ къ волкамъ — съ волками вой,
И вмѣстѣ волчьи пѣсни пой.

19.

Чистое къ погапому не липнетъ,
И къ худому добрый не приникнетъ.

ОТДѢЛЕНІЕ X.

ТЕРПѢЛИВОСТЬ СЛАБОСТЕЙ.

1.

Безъ притчи вѣкъ не изживешь,
И тѣмъ худымъ не прослывешь.

2.

На свѣтѣ вѣкъ изжить,
Не поле перейтить.

3.

Не все то въ печку стелютъ,
Что бабы трутъ, да мелютъ;
Не все то судъ,
Что въ мірѣ врутъ.

4.

Не будетъ мельникъ
За то бездѣльникъ,
Что рожь опъ мелетъ
И рожу бѣлитъ.

5.

Солнце тѣмъ не будетъ хуже,
Что лучи пускаетъ къ лужѣ.

6.

Не поганы тѣмъ рѣки, что псы въ нихъ лакали,
Лишь только бы добрыхъ людей пропитали.

7.

Не погано море стало,
Что собака въ немъ лакала.

8.

Мірская молва,
Что морская волна.

9.

Не поганъ тѣмъ чистый голубь,
Что леталъ на всяку пролубь.

10.

Сказка не огласка, пѣсенка не-быль;
Не маратъ неба придорожна пыль.

11.

Въ морѣ ведутся и рыбы, и раки,
А буки да баки, пустыя-скать враки.

12.

Бываютъ на всѣхъ небылыя слова,
А опослѣ стекаютъ, какъ съ гуся вода.

13.

На свѣтѣ не диво, не чудо,
Что въ добромъ бываетъ и худо.

14.

Не сбыточное въ мірѣ дѣло,
Чтобъ все у бабы было цѣло.

15.

Вѣсти по свѣту несутся съ прибавкой,
И правду нерѣдко услышишь съ приправкой;
А лживый и цѣлую басню составитъ,
И басню за быль и за правду прославитъ.

16.

Живутъ напосны рѣчи
И отъ хорошей встрѣчи.

17.

Конь о четырехъ ногахъ,
Да и тотъ спотыкается въ махъ.

18.

Догадка не толкъ,
Былъ медвѣдь или волкъ:
Коли нѣту гдѣ снѣга,
Тамъ нѣту и слѣда.

19.

Долбилъ, не вкось, а впрямь Дашило,
Да не туда пошло долбило.

20.

Ошибкою и сатана
Покажется за сокола.

21.

Издавна у дѣда Мирона
Мотается матка Матрёна,
Какъ муха въ печи заморёна,
А бросить не хочетъ Мирона.

22

Добрый конецъ
Всему дѣлу вѣнецъ.

ОТДѢЛЕНІЕ XI.

СКЛОННОСТЬ ЛЮДЕЙ КЪ ПРІЯТНОЙ ЖИЗНИ.

1.

Не столько счастливъ, кто богатъ,
Какъ тотъ, кто добръ и тороватъ.

2.

У скупого-скать много богатства въ счету,
А у насъ хоть немного, да сладко во рту.

3.

Какъ кусъ, да свѣжъ,
Такъ рѣжь, да ѣшь;
Не блюсть на сѣмя,
Что портитъ время.

4.

Красота на цвѣту
Хороша на свѣту,
А не въ темномъ куту.

5.

Бабій вѣкъ не сорокъ лѣтъ,
И живетъ-скать съ бабой дѣдъ,
Хоть и много минетъ лѣтъ.

6.

Какъ что де-скать рѣдко, чего де-скать мало,
Такъ то и у всѣхъ за диковинку стало.

7.

На хорошій цвѣточикъ и пчелка летитъ.
Гдѣ-скать миръ за добромъ,
То туда жъ и Пахомъ,
Не бѣгомъ, а лето́мъ
На колесахъ катитъ.

8.

Худо ль, не худо ль, добро ль, не добро ли,
Охота бываетъ сильнѣе неволи.

9.

Жить въ добрѣ и въ краснѣ,
Хорошо и во снѣ.

10.

Чарочка-скать вина не море Соловецкое,
И пьется-де до дна про здоровье молодецкое.

11.

Знаетъ кума и сама,
Что бываетъ съ порокомъ Ѳома.

12.

Отъ радости и отъ веселья,
И старцева краснѣе келья.

—

ОТДѢЛЕНІЕ XII.

СИЛА ЛЮБВИ.

1.

Пріятны утѣхи во младость,
А старость придетъ не на радость.

2.

Думай, не думай, гадай, не гадай;
А какъ выростетъ дѣвка, такъ замужъ отдай.

3

Въ теремѣ дѣвица,
Какъ во клѣткѣ птица:
Любитъ волю,
Смотритъ къ полю.

4.

Дѣвка нѣма,
И безъ бабки сама;
Говорить не умѣетъ,
А все разумѣетъ.

5.

Знаетъ дѣвка пригожайка,
Что сама-скать ворожайка.

6.

Выхваляетъ Марина лощину,
Увидя въ лощинѣ мужчину:
И будто бы любитъ лощину.

7.

Молодцу себя не спрятать,
Буде пошлютъ дѣвку сватать;
А полюбитъ дѣвка свата,
Никому не виновата.

8.

Хоть дѣвка колечко утратила съ пальца,
Колечко найдется, какъ выйдетъ за мальца.

9.

Присосѣдится въ домъ молодой молодчина,
Полюбитъ молодчика дворска дѣвчина.

10.

Хоть парень дѣвкѣ не чета,
Да дѣвка не всегда крута:
Придетъ по. та, что дай попа.

11.

Гдѣ сердце лежитъ,
Тутъ и око бѣжитъ

12.

Что̀ кто любитъ,
То и трубитъ;
Что̀ смышляетъ,
То и баетъ.

13.

Что̀ у кого-скать на сердцѣ лежитъ,
Хоть не та де-скать рѣчь, да про то говоритъ.

14.

Что на умѣ де-скать мпится,
Такъ то и во снѣ де-скать снится.

15.

Сердце больненько болитъ,
Какъ кручшнушка сердце дробитъ.

16.

Милый дружокъ
Не постылый вражокъ.
Хоть простился, пошелъ,
Да на сердцѣ тяжелъ.

17.

Тошно быть постылому,
А тошнѣе милому,
Какъ его любимую
Отнимаютъ силою.

18.

Отъ того, кто не милъ,
И подарокъ постылъ.

19.

Не всякому правно, что хвалитъ-скать дѣдъ,
Хоть и много хорошихъ, да милаго нѣтъ.

20.

Не милъ и вѣкъ, не милъ и свѣтъ,
Какъ милаго на свѣтѣ нѣтъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ XIII.

ЖЕСТОКОСЕРДІЕ.

1.

Хоть хочетъ сладко спать безсовѣстный богачъ,
Но совѣсть мучитъ злыхъ больнѣе, чѣмъ палачъ.

2.

Къ порожнему дѣлу не кличутъ-скать кличи,
Гдѣ много труда, да немного добычи.

=

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ ней означается, что каждый человѣкъ, входя въ какое-либо сообщество, даетъ необходимо нѣкотораго рода обязательство, гласящее: «Я буду благонравенъ»; и что безъ сего расположенія не возможно обрѣсти ни счастія, ни спокойствія между человѣками, любящими, по естеству своему, взаимное другъ друга уваженіе.

=

ОТДѢЛЕНІЕ I.

БЛАГОНРАВІЕ.

1.

Человѣкъ умираетъ, а имя живетъ:
Какъ де слылъ онъ при жизни, такъ послѣ слыветъ.

2.

Худъ ли, добренекъ ли Савва, —
То Саввѣ такая и слава.

3.

Человѣку сердиться природно,
Да сердцу смиренье пригодно.

4.

Презрѣнье къ бѣдности, зависть къ богатству,
Противятся дружбѣ и доброму братству.

5.

Не тѣмъ забавенъ міръ, что люди трубятъ въ трубы,
А тѣмъ забавенъ міръ, что люди людямъ любы.

6.

Злые нравы
Портятъ правы.

7.

Гдѣ добры въ народѣ нравы,
Тамъ хранятся и уставы.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ, БЛАГОДАРНОСТЬ, ДОЛГЪ.

1.

Долгъ — великая вина.
Кто чужое даромъ гложетъ;
И ни судъ, ни старшина
Грѣхъ такой простить не можетъ.

2.

Благовоспитанному сыну
Отцовъ приказъ не ломитъ спину.

3.

Пускай де-скать лаетъ собака чужая,
Да больно, какъ лаетъ своя, домовая.

4.

И скотина знаетъ,
Кто ее питаетъ.

5.

Дай Богъ тому добро и всяку добру честь,
Кто знаетъ жить, да быть и честь на свѣтѣ весть.

6.

Спасибо тому, кто насъ поитъ, да кормитъ,
А вдвое тому, кто-скать хлѣбъ да соль помнитъ.

7.

Всякіе займы
Платою красны.

8.

Хоть тамъ, хоть сямъ перехвати,
А кто-скать долженъ, заплати.

9.

Сорочи, не сорочи,
На расплату идучи,
Да какъ сорокъ безъ одной:
Такъ ступай назадъ домой.

10.

Ѣшь хоть рѣпу вмѣсто ржи,
А чужого не держи.

—

ОТДѢЛЕНІЕ III.

ВЗАИМНОЕ ВНИМАНІЕ, УГОЖДЕНІЕ.

1.

Гдѣ союзенъ соборъ,
Тамъ не надо заборъ.

2.

Гдѣ любовь да совѣтъ,
Тамъ и рай, тамъ и свѣтъ;
А гдѣ ссоры, да споры,
Тамъ только лишь вздоры.

3.

Пиво
Не диво,
И мёдъ
Не зовётъ;
А привѣтъ и любовь
Лучше всякихъ пировъ.

4.

Согласіе родитъ лады,
А разногласіе — вражды.

5.

Другъ для дружка вечеринку сидитъ,
А какъ нужда придетъ, такъ и ночь не поспитъ.

6.

Пріятельское слово
Не должно быть сурово.

7.

Не будь себѣ запасенъ,
Да будь ты другу радъ;

И малый столъ прекрасенъ,
Какъ рѣчи идутъ въ ладъ.

8.

Согласіе въ любовь приводитъ,
А споръ противниковъ находитъ.

9.

Кто другъ прямой,
Тотъ братъ родной.

10.

Дружбу водить,
Такъ себя не щадить.

11.

Легко друзей найтить,
Да трудно сохранить.

12.

Для пріязни-скать и дружбы,
Не жалѣй своей ты службы,
И для милаго дружка,
Вынь сережку изъ ушка.

13.

Если любишь ты дружочка,
То дружочкова люби и котенка и щеночка.

14.

Не добру, не пригожу-скать шутку сшутилъ,
Коли только-что добрыхъ людей помутилъ.

15.

Въ смѣхъ да въ шутку
Сняли шубку.

16.

Жена подвластная притворно лишь лобзаетъ:
Гдѣ сила царствуетъ, тамъ вѣрность исчезаетъ.

17.

Надломленный лукъ
И обиженный другъ
Хоть пойдутъ-де на службу,
Да скажутъ-скать нужду.

18.

Отрѣзаной ломоть отстанетъ,
И послѣ къ хлѣбу не пристанетъ.

19.

Съ милымъ разлука творитъ иновѣрца.
Далекъ отъ очей, такъ далекъ и отъ сердца.

20.

Доброе братство
Милѣе богатства.

21.

Гдѣ любовь, тамъ угожденье;
Гдѣ же страхъ, тамъ принужденье.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

ИСКРЕННОСТЬ.

1.

На льстивы рѣчи не мечись,
На грубу правду не сердись.

2.

Во обществѣ честныхъ людей,
Окромѣ нужды не имѣй,
Ни тайныхъ мыслей, ни рѣчей;
Но ради скромности двѣ тайны въ свѣтѣ есть:
Скрывай отъ глупыхъ умъ и отъ безчестныхъ честь.

3.

Закрытую рану лечить не удобно,
И тайну муку легчить не способно.

4

Отъ нужды лжетъ и льститъ, кто самъ не господинъ,
Невольникъ, иль холопъ, или холопскій сынъ.

5.

Не годится въ неправдѣ языкъ шевелить,
Чтобы въ очи хвалить, а за очи хулить.

6.

Въ случаѣ, измѣну купятъ,
А измѣнника не любятъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ V.

ЗЛОНРАВІЕ.

1.

Въ лихости и въ зависти
Проку нѣтъ, ни радости

2.

Ненавистный человѣкъ,
Не живя, свой мучитъ вѣкъ.

3.

Завистливымъ сучецъ въ чужомъ добрѣ великъ,
А въ собственномъ—бревно имъ видится тростникъ.

4.

Хоть себѣ бы досадить,
Да другому повредить.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Въ ней означается, что разумъ человѣческій имѣетъ предѣлы въ самомъ своемъ распространеніи; что первыя наши сердечныя движенія и первыя понятія часто подвержены ошибкамъ и заблужденіямъ, и что, потому, скромность поставляется нужнѣйшею въ обществѣ добродѣтелью.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

СКРОМНОСТЬ.

1.

Будь себѣ примѣтливъ,
Да не будь извѣтливъ.

2.

Гдѣ люди свободный даютъ тебѣ путь,
Тамо будь себѣ воленъ, но дерзокъ не будь.

3.

Кричать, да спорить, да браниться,
Во всякомъ мѣстѣ не годится;
А гдѣ какъ честь хранится строго,
Не должно и болтать-де много.

4.

Говори,
Да не ври.

5.

Слово безного, не бродитъ,
А часто до дѣла доводитъ.

6.

Пѣнь-скать въ жильѣ не околица:
Глупая рѣчь не пословица.

7.

Та же рѣчь не поговорка,
Что была гора, да горка,
Подъ горою у пригорка.

8.

Та же рѣчь, да та же снова,
Не пословица для слова.

9.

Старая шутка
Весь день не погудка.

10.

Про старыя-скать дрожжи,
Не говорятъ по трожды.

11.

Хорошо де-скать трижды языкъ повернуть
Передъ тѣмъ, какъ захочешь словечко болтнуть.

12.

Много по рѣкѣ плыветъ,
Да всего не перенять;
Много въ мірѣ всякой вретъ,
Да всего не переврать.

13.

Мололъ-де за шутку пустыя слова,
А опослѣ за правду болитъ голова.

14.

Гдѣ двое тайно говорятъ,
Тутъ третій говорунъ не братъ.

15.

Похвала добротъ твоихъ
Быть должна въ устахъ другихъ.

16.

Никто себѣ не судія,
А судятъ насъ всегда другіе;
И собственна хвала своя
Отъемлетъ права въ томъ чужія.

17.

Забавляй и шути,
Да людей не мути.

18.

Говори, да не спорь,
А хоть спорь, да не вздорь.

19.

На мирѣ споръ,
Не разговоръ.

20.

Въ рѣчахъ не любъ:
Иль пьянъ, иль глупъ.

21.

Какъ шутливъ да уменъ,
Такъ угодье-скать въ немъ;
А какъ въ шуткахъ-де грубъ,
Такъ конечно-скать — глупъ.

22.

Не все-скать, что̀ вѣдать, повсюду кричать,
А что̀ въ доброй часъ молвить, въ худой помолчать.

23.

Не всякое слово за дѣло считай,
А иное-скать мимо ушей пропускай.

24.

Ау, мой свѣтъ!
Каковъ привѣтъ,
Таковъ отвѣтъ.

25.

Каково гдѣ кликнется,
Таково откликнется.

26.

Не всегда суди клятыхъ:
Знаетъ Богъ одинъ святыхъ.

27.

Шутку любишь надъ Ѳомой:
Такъ люби и надъ собой.

28.

Шутку веди, чтобъ было смѣшно,
Но надъ тѣмъ, кто безгласенъ, смѣяться грѣшно.

29.

Шути-скать, поколѣ-де шутка идетъ,
И поколѣ-де краска въ лице не войдетъ.

30.

Шутка ведется не ради вреда,
И не ради стыда.

31.

Забавника, шута, потѣшника ищутъ,
А худо пошутитъ, за шутку просвищутъ.

32.

Всегдашни скалозубы
Бываютъ всѣмъ не любы.

33.

Добрые люди бранятся на миръ.
И, бранившись, сойдутся на добренькій пиръ.

34.

Свой съ своимъ бранится,
Послѣ помирится;
А чужой пристанетъ,
Вѣкъ постылымъ станетъ.

35.

Кто тайны должно не скрываетъ,
Тотъ къ дѣлу годенъ не бываетъ.

36.

Не носи изъ домашней избы де-скать сору
Къ чужому забору;
Въ сору де-скать много находится вздору.

37.

Для разума немного чести,
Чтобъ знать и сказывать лишь вѣсти.

38

Вѣстовщикъ и переносчикъ,
Какъ у рѣчки перевощикъ:
Нуженъ, надобенъ на часъ,
А потомъ не жалуй насъ.

39.

Много знать поспѣешь,
Скоро устарѣешь.

40.

Что въ обычай вошло, не смѣшно,
И что пишетъ законъ, не грѣшно.

41.

Что кому нужды и что кому дѣла,
Что съ кумомъ кума, покумившись, сидѣла?

42.

Непрошеный Ѳедосъ,
И къ спросу, и не къ спросу
Втыкаетъ всюду носъ:
Ѳедосу быть безъ носу.

43.

Лучше молчать,
Чѣмъ вранье повирать.

44.

Худая старина не диво,
Хотя поютъ объ ней хвастливо.

45.

Птичку за крылья хвалить—
Изъ пустого въ порожнее лить.

46.

Не будетъ славенъ тѣмъ пророкъ,
Что въ дождикъ онъ грибы прорёкъ.

47.

Выстрѣливъ пулю, не схватишь,
И слово сказавъ, не поймаешь.

48.

Ляпнувъ слово не впопадъ,
Не воротишь-скать назадъ.

49.

Съ глупымъ, безъ хлопотъ,
Затвори свой ротъ.

50.

Съ безумными людьми,
Забудь, что ты съ ушьми.

51.

Въ камень стрѣлять,
Только стрѣлы терять.

52.

У мертвыхъ пчелъ, въ колоду
Искать не лазятъ меду.

53.

Въ полѣ за вѣтрами не угоняешься,
Въ словѣ съ безумными не совѣщаешься.

—

ОТДѢЛЕНІЕ II.

НЕСКРОМНОСТЬ, СЛАБОЯЗЫЧІЕ.

1.

Фока, какъ сорока Якова,
Затвердитъ одно про всякова.

2.

Кому до чего,
А Фролу до всего.

3.

Точитъ Фролъ балы
Семигодовалы.

4.

Послушай, дядя, рѣчи,
Что были у Луки
Палати возлѣ печи,
И мостъ не вдоль рѣки.

=

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Въ ней означается, что физическій нашъ составъ требуетъ равно движенія, какъ и покоя, и что весь трудъ благомысленнаго человѣка состоитъ только въ томъ, чтобъ движенія свои обратить на пользу себѣ и ближнему.

=

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ТРУДОЛЮБІЕ.

1.

На Бога крѣпко уповай,
А самъ безъ дѣла не бывай.

2.

Богъ далъ здоровье въ дань,
А деньги самъ достань.

3.

Не лѣнись, а трудись,
На чужое не льстись.

4.

Поздняя птичка глаза продираетъ,
А ранняя птичка носокъ прочищаетъ.

5

Работа да руки,
Надежныя въ людяхъ поруки.

6.

Того лишь на свѣтѣ не можно достать,
Чего-скать прилежно не станешь искать.

7.

Не шаромъ и не даромъ
Приходитъ барство барамъ.

8.

Гдѣ работно, тамъ и густо,
А въ лѣнивомъ домѣ пусто.

9.

Тамо хлѣба не родится,
Гдѣ кто въ полѣ не трудится.

10.

Не принесутъ покоя шашни,
Коли мужикъ оставитъ пашни.

11.

Счастья не поищешь, счастье не придетъ:
Подъ лежачій камень и вода нейдетъ.

12.

Тамо счастіе не диво,
Гдѣ трудятся не лѣниво.

13.

Дѣло-скать учитъ и кормитъ,
А праздность добра мужа портитъ.

14.

Всякой доходъ
Не живетъ безъ заботъ,
Не живетъ безъ хлопотъ.

15.

Подъ овсянымъ-скать возомъ конекъ не пристанетъ:
Своя де-скать ноша плеча не обтянетъ.

16.

Для добраго Ѳедота
Не тягостна работа.

17.

Не худѣетъ у курки хребетъ,
Коли курочка къ носу гребетъ.

18.

Коли нѣту раба:
Ну-тка самъ по дрова.

19.

Не пиры пировать,
Коли хлѣбъ засѣвать.

20.

Мужикъ работалъ плачучи:
Да хлѣбъ сбираетъ скачучи.

21.

Хотя съ трудомъ,
Да шло бы въ домъ;
А нѣтъ труда,
И нѣтъ плода.

22.

Что́ заранѣ припасешь,
То-скать послѣ всосешь.

23.

Готовые хлѣбы добры, хороши;
А на лѣто, постарому пашню паши.

24.

Много добра не наскучитъ,
И трудъ для покоя не мучитъ.

25.

Пріѣхала осень на пѣгой кобылѣ,
Со спросомъ: готовы ль гостинцы въ овинѣ.

26.

Въ полѣ Малапья,
Не ради гулянья;
А спинушку гнетъ,
Для запаса впередъ.

27.

Всегда себя покоить,
Такъ дому не пристроить.

28.

Хорошо бы орать, да и рукъ не марать,
А на ёлку бы лазить и платья не драть.

—

ОТДѢЛЕНІЕ II.

НУЖНАЯ СОБЕННОСТЬ, СБЕРЕЖЕНІЕ, ЗАПАСЛИВОСТЬ.

1.

Не утѣшна въ людяхъ честь,
Буде дома нѣтъ поѣсть.

2.

Ищи добра на сторонѣ,
А домъ люби постаринѣ.

3.

За своимъ де-скать столомъ
Никому не бьешь челомъ.

4.

Много-скать умныхъ головъ
На обѣдъ для готовыхъ блиновъ,
Да блиновъ не пекутъ, не моловъ.

5.

Лиха бѣда-скать хлѣбъ нажить,
А съ хлѣбомъ можно паномъ жить.

6.

Было бъ пиво на погостѣ,
А у пива будутъ гости.

7.

Какъ есть въ поварнѣ щей горшокъ,
Такъ самъ-скать баринъ, самъ большой.

8.

Своя де-скать господска воля,
Какъ есть въ запасѣ хлѣба доля.

9.

Были бъ хоромцы,
То будутъ знакомцы,
И будутъ питомцы.

10.

Какъ у Ѳомки своя-де крома,
Такъ и Ѳомку зовутъ-скать Ѳома.

11.

Цвиркаетъ птенчикъ, что птаха щебечетъ:
И всякой во свойскомъ гнѣздѣ велерѣчитъ.

12.

Лучше собственное шило,
Чѣмъ чужое-скать копье;
Всякому на свѣтѣ мило,
Что, хоть мало, да свое.

13.

Тѣмъ и краше,
Что-скать наше.

14.

Съ чужого де коня, Исай,
И на грязи долой слѣзай.

15.

Безъ собственныхъ трудовъ, безъ добраго наказа,
И съ семью пестуновъ дитя живетъ безъ глаза.

16.

Чего-скать маленько,
Того кроши меленько.

17.

Не бросай на пометъ,
Что годится впередъ.

18.

Кто умѣетъ домомъ жить,
Тотъ не ходитъ ворожить.

19.

Домъ хорошенько водить,
И въ распутицу нужно ходить.

20.

Запасливый нужды не терпитъ,
И въ дальнемъ пути вино черпитъ.

21.

Какъ хозяйства-скать не стало:
Что и было, то пропало.

22.

Коли Господь далъ умъ, умѣй добро скопить:
Поболѣе продать, поменѣе купить.

23.

Изъ большого убавить не трудно,
А трудно убавить, гдѣ скудно.

24.

Не замѣсишь густо,
Какъ въ амбарѣ пусто.

25.

Въ доброе время, мужикъ, хорони
Бѣлосвѣтлыя деньги на черные дни.

26.

Деньга любитъ счетъ и вѣру,
И всему покажетъ мѣру.

27.

Всяка монета кладется на счетъ:
Бережена копѣйка, рубля бережетъ.

28.

Что не бережно,
То не денежно.

29.

Деньги въ мірѣ не мякина,
Человѣкъ же не скотина,
Знаетъ деньгамъ господина.

30.

Пустой мѣшокъ
Введетъ въ грѣшокъ.

31.

Даромъ чужого добра не желай,
Да и даромъ добра своего не теряй.

32.

Любя Ивана, да Степана,
Не дать послѣдки изъ кармана.

33.

Чужихъ хоромъ никто не кроетъ,
Какъ нѣтъ прибыточной хвалы;
Хотя рука-скать руку моетъ,
Да обѣ быть хотятъ бѣлы.

34.

Хоть рубашка платья ниже,
Да рубашка къ тѣлу ближе.

35.

Я стоитъ за *Окомъ* ниже,
Да въ родствѣ-де къ намъ поближе.

36.

Служивой не даромъ
Высокимъ боярамъ
Ударилъ челомъ,
За копѣйку съ копьёмъ:
Хоть кругленька на видъ,
А и камень долбитъ.

37.

Не ждетъ Мартынъ
Чужихъ полтинъ;
Стоитъ Мартынъ
За свой алтынъ.

38.

Носи-скать деньги при бедрѣ,
Чтобы не плакать при бѣдѣ.

39.

У дѣтинки-сиротинки
Есть въ карманѣ-скать полтинки:
Будетъ-скать земли кусокъ,
Будетъ на землѣ домокъ,
Будетъ въ домѣ уголокъ;
Въ уголкѣ-скать будетъ глинка,
Въ глинкѣ будетъ уголёкъ, —
Разживется сиротинка.

40.

Что̀ и въ титулѣ,
Какъ пусто въ шкатулѣ?

41.

Деньга въ нуждѣ не солжетъ,
Кто-скать деньгу бережетъ.

42.

Землѣ хорошъ навозъ,
Лошадушкѣ овёсъ,
А барину приносъ.

43.

Просьбы не докуки,
Какъ не пусты руки.

44.

За свой карманный грошъ
Макаръ вездѣ хорошъ.

Посадская № 26

45.

Какъ есть у Фоки кока съ сокомъ,
Вотрется Фока всюду бокомъ.

46.

То не бѣда, что на деньги пошла;
А бѣда, что въ карманѣ пустая мошна.

47.

Безъ долгу жить прямое панство;
А въ долгъ пойдешь, войдешь въ подданство.

48.

Долгъ есть тягостное бремя:
Отнимаетъ сонъ и время.

—

ОТДѢЛЕНІЕ III.

ПРАЗДНОСТЬ.

1.

Время не сѣмя,
Не выведетъ племя;
Терявъ не воротишь,
А жизнью заплатишь.

2.

Сидя у бабы за печью,
Не выстроишь города рѣчью.

3.

Кто порапѣе встаетъ,
Тотъ грибки себѣ беретъ;
А сопливый, да лѣнивый
Пойдутъ послѣ за крапивой.

4.

Спать долго,
Жить съ долгомъ.

5.

Не законно, не пригоже,
Кто чужое ѣстъ и лежа.

6.

За брюхомъ хлѣбъ де-скать не ходитъ,
А брюхо за собою водитъ.

7.

Человѣка лѣнь не кормитъ,
А здоровье только портитъ.

8.

Скученъ день до вечера,
Буде дѣлать нечего.

9.

Спать, да лежать не утѣха,
А только лишь вѣку помѣха.

10.

Придетъ безвремянье,
Забудешь гулянье.

11.

Когда чего-скать не поищешь,
Того де и вблизи не сыщешь.

12.

Всякому Якову доля худа,
Какъ не гожъ никуда.

13.

Дѣтина обликомъ хорошъ,
Да къ дѣлу никуда не гожъ,
Такъ ѣстъ де-скать напрасно рожь.

14.

Пришло сидѣть у печки сватьѣ:
Застала осень въ лѣтнемъ платьѣ

15.

Пахомъ, поджавши бѣлы руки,
Пустился въ легкія науки:

Поправить свой господскій домъ
Чужимъ умомъ, чужимъ трудомъ.

16.

Постись, лежака, за грѣхи,
Что нѣту хлѣба ни крохи.

17.

Ѳомка не сѣялъ ни горсти,
А проситъ, пошли Богъ пригоршни.

18.

Не глупъ Кузьминъ-проворъ:
Кузьма сохи не тянетъ,
А ждетъ, когда на дворъ
Съ дождемъ пшеница канетъ.

19.

Поворотливъ дѣтина Глѣбъ,
Поворотился кушать хлѣбъ.

20.

Слава тебѣ, кулику,
Что слетѣлъ де-скать самъ къ мужику.

21.

Не на радость семейка, на злыдни,
Гдѣ семеро дѣтокъ, всѣ сидни.

=

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

РАСТОЧЕНІЕ.

1.

Богъ на помочь не приходитъ,
Гдѣ какъ худо кто городитъ.

2.

У денегъ нѣту глазъ,
Хоть ихъ бросай ты въ грязь.

3.

Трынъ травилъ въ святой Руси,
И протрынился еси.

4.

Взвыла мошна, —
Изъ кармана пошла.

5.

Не радостенъ чужой обѣдъ,
Какъ кушаньица дома нѣтъ.

6.

Гулявши много съ молоду,
Умрешь подъ старость съ голоду.

7.

Не старъ, не матёръ,
И не съ лысиной дѣдъ,

Да зубки попритёръ,
Не доживши-скать лѣтъ.

8.

Утлаго судна водой не наполнишь;
Распутнаго ссудою не удоволишь.

9.

Радъ бы-скать Ѳомушка ёлку срубилъ,
Да неловко рубить, какъ топоръ погубилъ.

10.

Для чашниковъ и бражниковъ
Бываетъ много праздниковъ.

11.

Хоть-скать домъ огнемъ гори,
Только брагу намъ вари.

12.

Гдѣ есть де-скать брага,
Тамъ будетъ ватага.

13.

У прилучныхъ воротъ
Завсегда хороводъ.

14.

Чортъ де-скать чорту дѣла поручилъ,
И прикащика-чорта требѣсить училъ.

15.

Безъ ума торговать,
Только деньги терять.

16.

Хоть и много-де вѣрятъ, барышъ не хорошъ,
Какъ да въ семеры гости зовутъ на правёжъ:
Гдѣ изволишь, бери, только вынь да положь.

17.

Добрая дача не выучитъ Ѳомку:
Хоть Ѳомка возьметъ, да не вложитъ въ котомку.

18.

Добро къ Ѳомѣ пришло,
Да промежь рукъ ушло.

19.

На подпоркѣ съ подпоркой не держится тынъ:
Гдѣ какъ пять разоряютъ, а строитъ одинъ.

20.

Ѳомку называютъ другомъ,
Только обираютъ кругомъ.

21.

Братцы дружки толоконнички,
Нашему хлѣбу поклонички,
Кушаютъ хлѣбъ-соль въ охоту,
Да съ нами нейдутъ на работу.

22.

У Фили пили,
Да Филю били.

23.

Бывалъ святой-скать домъ,
Да чортъ завелъ содомъ,
Такъ сталъ де къ верху дномъ.

24.

У голаго порой
Бываетъ пиръ горой;
Да горько, послѣ пиру,
Ходить за хлѣбомъ къ міру.

25.

Немного де радости въ томъ,
Что хоть добыли волка живьемъ,
Да съ добычей безъ хлѣба живемъ.

26.

Самъ-скать ѣдешь не путёмъ,
Да коня де бьешь кнутомъ.

27.

Въ свѣтѣ и умныя головы
Вянутъ за барами голыми.

28.

Вилея-скать рой надъ головою,
Да не нашелъ себѣ постою.

29.

Такая плохота всего на свѣтѣ плоше,
Чтобъ лихо покупать за собственные гроши.

30.

Ѳилату всѣ добры Ѳилаты,
Которы деньгами богаты;
Онъ вѣрно пишетъ: деньги взяты,
А долженъ вѣчно безъ заплаты.

31.

Долго не было ни деньги,
Да явился вдругъ алтынъ;
Такъ затѣялъ нашъ Мартынъ
И печенья и варенья.

32.

Расчеченился чеченя,
Что напѣнилась крупеня;
Есть у каши-скать приварки:
Подавай вино, да чарки.

33.

Будетъ худой
У коровы удой,
Какъ доятъ чередой,
Да еще-скать подой.

34.

Перетюкавши Ѳомка бревешки въ кляпы,
У чужого костра подбираетъ щепы.

35.

Нѣту денегъ-скать — бѣды!
Сталъ, какъ рыба безъ воды.

—

ОТДѢЛЕНІЕ V.

БѢДСТВІЕ РАСТОЧИТЕЛЕЙ.

1.

Бѣдность не грѣхъ,
Да приводитъ въ посмѣхъ.

2.

Богатый въ пиру,
А убогій въ міру.

3.

Богатый въ будни пируетъ,
А бѣдный и въ праздникъ горюетъ.

4.

Хорошъ, да безъ денегъ,—
И сталъ-скать худенекъ.

5.

Ученье и разумъ премудры зѣло,
Только худо въ умѣ, какъ въ карманѣ голо.

6.

Премудрость безъ денегъ, хоть мудрое дѣло,
Да трудно безъ пищи питать де-скать тѣло;
И горе при старости въ бѣдности жить,
Какъ да нѣтъ ни зубовъ, ни что́ въ зубы вложить.

7.

Изниметъ брюхо голодуша:
Придетъ и боль и ворогуша.

8.

Разговоромъ сытъ не будешь,
Буде хлѣба не добудешь.

9.

Безъ тюрьмы приведется сидѣть одному,
Какъ да нѣту въ дому пригласить бы къ чему.

10.

И съ великимъ духомъ,
Да съ голоднымъ брюхомъ,
Ходючи по людямъ
Знатнымъ-скать не будемъ.

11.

Чужіе-скать хлѣбы пріѣдчивы,
Люди хоть кормятъ, да смѣтчивы:
Даромъ дадутъ-скать ломоть,
Да заставятъ недѣлю молоть.

12.

Довольный праздники счисляетъ,
А бѣдный хлѣба промышляетъ.

13.

Въ нуждѣ бѣднякъ, что́ уродливый,
Бродитъ и въ день непогодливый;
Въ старомъ и въ драномъ одѣтъ,
Коли новаго платьица нѣтъ.

14.

Бѣда отъ бѣдности, и бѣдность отъ бѣды,
Какъ дѣло ни верти: негодны никуды.

—

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

БѢДСТВІЕ ИГРОКОВЪ.

1.

Счастіе въ игрѣ обманетъ,
Кто прибыткомъ льститься станетъ.

2.

Въ игрѣ скатъ кинулся, прокрылся,
Равно какъ въ дѣлѣ провинился.

3.

Поставили въ игрѣ Ѳедула на ходули:
Изъ красныхъ сапоговъ да въ каверзни обули.

4.

Размотаевъ мотишка-скать трясъ, да дурилъ,
Да что было въ мошнѣ и мошну продурилъ.

5.

Ставилъ, да ставилъ, и сталъ голичкомъ:
Потерявши яичко, играй желвачкомъ.

6.

За разумъ хватился книгочій Памфилъ,
Распродавши де книги, да карты купилъ:
И умѣлъ-скать играть, да тузы не ходили,
Что было въ мошнѣ, игроки облупили.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

РУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

ОТЪ СОЧИНИТЕЛЯ.

Разсужденія добрыхъ моихъ пріятелей подали мнѣ поводъ пріобщить, при изданіи второй части Русскихъ Пословицъ, второе предисловіе. Въ нѣкоторыхъ древнихъ пословицахъ встрѣчаются собственныя имена людей: Ѳома, Кузьма, Вавила и прочія, кои, какъ видно, употребляемы иногда и для рѣчи только, безъ всякой цѣли на кого-нибудь особенно. А какъ имена Ѳомы, Кузьмы, Вавилы и прочихъ, подъ коими пороки осмѣяны, могутъ показаться нынѣ досадительны кому-либо изъ тѣхъ, кои такъ наречены по рожденіи, то за долгъ почитаю имъ представить:

Первое, что таковыя пословицы составлены древними русскими предками, а не мною;

Второе, что, слѣдственно, Ѳомы, Кузьмы, Вавилы и прочіе, суть древніе, а не нынѣшніе, кои, по многимъ причинамъ, долженствуютъ быть лучше;

Третіе, если бъ такіе, по какому-нибудь случаю, мнѣ и знакомы сдѣлались и возбудили бы во мнѣ желаніе прибѣгнуть къ ихъ совѣсти, то такое желаніе, могу увѣрить, было бы, конечно, отдалено отъ ихъ личнаго оскорбленія;

Четвертое, всѣ три части издаваемыхъ мною Пословицъ приведены въ нѣкоторый порядокъ и отданы въ печать, по желанію многихъ, изъ давняго времени, пока не случилось кому-нибудь въ лучшемъ порядкѣ ихъ выдать.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ ней означается, что сколько добродѣтельно и похвально есть мужество въ повиновеніи вышнимъ, столько приносятъ стыда невоздержность и необузданность.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

МУЖЕСТВО ВЪ ПОВИНОВЕНІИ ВЫШНИМЪ.

1.

Въ морѣ искусный пловецъ не толкуетъ,
Что вѣтеръ бушуетъ,
А смотритъ, да правитъ,
Да парусы ставитъ.

2.

Рукою махъ
И долгой ахъ
Не кончатъ страхъ.

3.

Служивой не думаетъ много:
Гдѣ былъ бы лишь ходъ, тамъ дорога.

—

ОТДѢЛЕНІЕ II.

НЕОБУЗДАННОСТЬ.

1.

То, что дерзко и нахально,
У однихъ воровъ похвально.

2.

Послушность приноситъ плоды,
А продерзость приноситъ бѣды.

3.

Вавила на добраго коника сѣлъ,
Такъ и сталъ себѣ смѣлъ:
Каково де не мѣра, такъ есть намъ дорога
Подалѣ порога.

4.

Много храбрыхъ послѣ рати,
Какъ забьются на палати.

5.

На высокихъ горахъ,
На печи, на дровахъ,
Подъ зеленымъ подъ лѣсомъ, подъ вѣникомъ в плошкѣ,
Сверчокъ воевалъ съ тараканомъ за крошки
Да оба назадъ не сыскали дорожки.

6.

Не гордися стрѣла на лету,
Что толкнули тебя въ высоту:
Прилетѣвъ къ облакамъ,
Повернешься къ ногамъ.

7.

Кошка, что̀ себѣ ни грѣзь,
Не по кошкѣ львина спѣсь.

—

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ ней означается, что хотя правда имѣетъ нѣчто грубое, хотя правосудіе имѣетъ нѣчто строгое, но люди, и особо судьи, имѣютъ долгъ соблюдать правду и правосудіе, безъ чего не можетъ быть ни спокойства, ни твердости въ человѣческомъ сообществѣ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ПРАВДА.

1.

На правду словъ не много,
Лишь дѣлай правду строго.

2.

Въ счетѣ безъ правды, и въ правдѣ безъ счету,
Не вѣрь ни Кузьмѣ, ни Ѳомѣ, ни Ѳедоту.

3.

Не ѣла душа чесноку —
Не воняетъ;
И правой нейдетъ по крюку —
Не лыпятъ.

4.

Воля со мной-скать твоя,
А, по правдѣ, усадьба моя.

5.

На свѣтѣ все минется,
А правда остается.

—

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ВѢРНОСТЬ ОБЯЗАННОСТЕЙ.

1.

Взявшись за гужъ,
Не толкуй, что не дюжъ.

2.

Не молвивши слово, крѣпись,
А промолвивши слово, держись.

3.

Противу словъ своихъ творить,
Такъ лучше словъ не говорить.

4.

Какъ кому-скать вѣрятъ,
Такъ того и мѣрятъ.

5.

Велико слово тамо въ дѣлѣ,
Гдѣ видѣнъ слову господинъ;
А гдѣ семь пятницъ на недѣлѣ,
Хоть много словъ, да худъ починъ.

6.

Что̀ не властенъ ты давать,
То безчестно обѣщать.

7.

У твердыхъ людей обѣщать
Называется то же, что̀ дать.

8.

Уговоръ-скать лучше денегъ,
Будь на словѣ лишь добренекъ.

9.

Обѣщалъ, да солгалъ,
Такъ не вѣренъ и сталъ.

10.

Лучше убытокъ терпѣть,
Да стыда отъ людей не имѣть.

11.

Не клянитесь, дѣтки,
Бросить ваши клѣтки;
Не клянитесь, матки,
Не рожать дитятки:
Клятва не во время,
Есть велико бремя;
Меньше обѣщаешь,
Меньше согрѣшаешь.

12.

Вѣрность и скромность есть должность на службѣ,
И древняя заповѣдь въ дружбѣ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ III.

ЧИСТАЯ СОВѢСТЬ.

1.

Что добро, то всюду пригодно,
И людямъ и Богу угодно.

2.

Не всякая находка — кладъ:
Иному будешь самъ не радъ;
Не всякая потеря — трата:
Живетъ за трату добра плата.

3.

Честный и добрый дворянинъ,
Во всякомъ мѣстѣ семьянинъ.

4.

Менѣ живетъ барыша,
Коли совѣсть въ торгу хороша,
Да спокойна бываетъ душа.

5.

Не стыдно хлѣбъ достать трудомъ,
А стыдно хлѣбъ достать стыдомъ.

6.

Добрый Демидъ
На худыхъ не глядитъ.

7.

Будь въ божбѣ всегда умѣренъ,
И въ обязанности вѣренъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

ХУДАЯ СОВѢСТЬ.

1.

Безсовѣстно въ очи хвалить,
А за очи хулить.

—

ОТДѢЛЕНІЕ V.

ЛОЖЬ.

1.

Люди ото лжи не мрутъ,
Только вѣры впредь неймутъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

ПРАВОСУДІЄ.

1.

Поля хранятся огородою,
А люди — добрымъ воеводою.

2.

Честь добротворству къ добру поощряетъ,
И часто безъ строгости злыхъ усмиряетъ.

3.

Другу въ дѣлѣ порови,
А душею не криви.

4.

Не дорога ладыга,
А дорога обида.

5.

Пчела имѣетъ медъ и ядъ,
Дѣтей своихъ во сласти бабитъ;
Но строго бережетъ свой кладъ,
И жалитъ, кто ее ограбитъ.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

НЕСЧАСТНЫЯ СЛѢДСТВІЯ ХУДЫХЪ ДѢЛЪ.

1.

Сама себя раба-скать бьетъ,
Когда нечисто ниву жнетъ.

2.

Отъ всякихъ на свѣтѣ прибытковъ
Бываетъ иной безъ пожитковъ.

3.

Въ мірѣ таковъ уговоръ:
Кто похитилъ, тотъ воръ.

4.

И то и другое
Бываетъ дурное,
И пято, десято,
Какъ плохо, не свято.

5.

За недобрымъ пойдешь,
На бѣду набредешь.

6.

Лукавый съ дьяволомъ водились,
И оба въ яму провалились.

7.

Хоть въ свой горохъ тычины тыкалъ,
Да бралъ въ чужомъ лѣсу тычины,
Такъ вышли въ дѣлѣ-скать причины:
Кто бралъ, съ горошкомъ горе мыкалъ

8.

Мзда и мудрыхъ ослѣпляетъ,
А немудрыхъ погубляетъ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Въ ней означается, что истинное благополучіе принадлежитъ равно всѣмъ состояніямъ, и что кто знаетъ преимущества умѣренности предъ блескомъ возвышенія, тотъ не завидуетъ бремени, каковое присоединяется къ высокимъ степенямъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ I.

НУЖНАЯ УМѢРЕННОСТЬ ВЪ ЖИЗНИ.

1.

Мыслямъ не найдешь предѣла,
Да силы коротки для дѣла.
Свободѣ есть край, и желаніямъ мѣра.

2.

Не все то можется,
Чего захочется.

3.

Не все такъ жить, какъ хочется,
А такъ живи, какъ можется.

4.

У царя велика власть,
А и съ нимъ живетъ напасть.

5.

Руби-скать ношу по себѣ,
Чтобы не крякать на ходьбѣ.

6.

Знай мужикъ мужицко бремя,
Не вступай въ боярско стремя.

7.

Не всѣмъ черпцамъ
Въ игумнахъ быть;
Не всѣмъ дѣльцамъ
Главою жить.

8.

Господину воля,
А слугѣ неволя.

9.

Къ непростому Еремѣ,
Въ Еремѣномъ домѣ,
Данила простой
Не плетись не въ достой.

10.

Отказъ, хотя не шестъ,
Да худъ по немъ пріѣздъ.

11.

Съ инымъ-скать свяжешься,
И не развяжешься.

12.

Кто по два зайца вдругъ гоняетъ,
И одного не изымаетъ.

13.

Бредетъ дѣлишко какъ ни есть,
Коли хоть мало можетъ бресть;
Не на людяхъ и сидни въ честь.

14.

Курочка по зернышку клюетъ,
Курочка сытёхонька живетъ.

15.

Чужое искать,
Такъ свое потерять.

16.

Прельщаяся чужимъ владѣньемъ,
Не будешь счастливъ ты глядѣньемъ.

17.

Далеко кулику отъ зимы до Петровокъ:
Кулику береги де-скать хвостъ до обновокъ.

18.

Жить мужичкомъ-скать — нескладно,
А жить господиномъ — накладно:
Такъ будь въ середи,
И на край не ходи.

19.

Скупость не глупость при мѣстѣ,
Гордость прилична невѣстѣ;
А завсе спѣсивъ, или завсе кто скупъ,
Неразуменъ и глупъ.

20.

Невалко, нешатко, невпрыть и невскачь,
Не высовывай носъ, и по задью не прячь.

21.

Куница, да соболь бѣжитъ, да дрожитъ,
А овечка при кормѣ лежитъ, да пышитъ.

22.

Трудовое безпорочно,
Хоть и мало, только прочно.

23.

Жить безъ лиха!
Жить-скать тихо,
Что смирнѣе,
То правѣе.

24.

Тише ѣдешь,
Далѣ будешь.

25.

Не ѣду-скать къ дѣду
Незванный къ обѣду,

А ѣду по слѣду
Въ простую бесѣду.

26.

Много невѣстъ разбирать,
Такъ женатому вѣкъ не бывать.

27.

Дѣвка не курочка, парень не кочетъ,
И женится парень не всюду, гдѣ хочетъ.

28.

Худо-скать бабѣ у мужа;
А нужда случится безъ мужа,
То бабѣ и прежняго хуже.

29.

Кто не хочетъ пасъ любить,
Сильно милымъ-скать не быть.

30.

За милымъ въ слѣдъ не угонять,
Какъ самъ не придетъ онъ опять.

—

ОТДѢЛЕНІЕ II.

НУЖНОЕ ТЕРПѢНЬЕ ВЪ ЖИЗНИ.

1.

Разумный болѣ тѣмъ отличенъ,
Что къ худу и къ добру привыченъ.

2.

Въ счастьи и всякой умѣетъ попѣть,
А умный умѣетъ и горе терпѣть.

3.

Вошедши въ службу,
Терпи-скать нужду.

4.

Добрый воинъ
Успокоенъ:
Гдѣ ни сталъ,
Тутъ и станъ;
Легъ, свернулся,
Всталъ, встряхнулся.

5.

Бываетъ, что горечь приноситъ и сладость:
И послѣ напасти случается радость.

6.

Зима пройдетъ, и снѣгъ сойдетъ,
И что посѣяно, взойдетъ.

7.

Не крушися отъ попытокъ,
Какъ попытки въ путь пейдутъ:
И убытокъ и прибытокъ
На одномъ дворѣ живутъ.

8.

Счастье съ несчастьемъ живутъ обо дворъ,
И всегда межъ собою ведутъ де-скать споръ.

9.

Кусаютъ комары
Не годъ, а до поры.

10.

Невѣянный хлѣбецъ не голодъ,
Посконна рубашка не холодъ.

11.

Безъ хлѣба Ѳомѣ не до жиру:
А быть бы безъ жиру, да живу.

12.

Не всегда рыбаку имянинный обѣдъ,
Убирай-скать плотву, коли щучины нѣтъ.

13.

Какъ всякой день праздникъ, и всё у Пахома,
Пахомъ де-скать скоро не скажется дома.

14.

Несчастливъ бываетъ,
Кто много желаетъ.

15.

Не все сбывается,
Чего желается.

16.

Всякъ, по одежкѣ,
Протягивай ножки;

Какъ хвостъ коротóкъ,
Такъ вернися въ комокъ.

17.

Таково приспѣется,
Каково умѣется.

18.

Часомъ
Съ квасомъ;
Порою
Съ водою.

19.

Пиромъ не хвастаютъ люди заѣзжіе,
Были бы хлѣбы да щи, хоть не свѣжіе.

20.

Прошедшаго не возвратить,
А думай, какъ напредки жить.

21.

Въ несчастіи не унывай,
Печаль и грусть одолѣвай.

22.

Богъ далъ,
Богъ взялъ.

23.

Не въ воду отъ дождя,
Не въ пламя отъ огня.

24.

Время, первое лекарство;
Дастъ здоровье, лучше барства.

25.

Мужикъ, потерявши гужи, не тужи;
Коли Богъ далъ лошадку, такъ будутъ гужи.

26.

Не будетъ добрый конь безъ сѣна,
И сѣну будетъ перемѣна.

27.

Бабка походитъ,
И дѣлу пособитъ.

28.

Не черти горшки обжигаютъ,
А люди всему помогаютъ.

29.

Хоть ягненокъ въ приспорьи, да съ доброй руки
Поведутся бараны, козлы и быки.

30.

Съ горя не убиться,
Что лихой озлится.

31.

Солнце авось изъ-за горъ
Прикатится и къ намъ передъ дворъ.

32.

Не мухами добра весна:
Сама собою де красна.

33.

Въ разоренномъ жилищѣ
Не быть безъ воротъ;
На своемъ попелищѣ
И курка гребётъ.

34.

Красныя дѣвушки все позамажутъ,
И шелкомъ зашьютъ, и концы перевяжутъ.

35.

Добрыя жерновы все перемѣлятъ,
И всяко зерно-скать въ муку перемѣнятъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ III.

НУЖНОЕ ПРИЛѢПЛЕНІЕ КЪ ДОМУ СВОЕМУ.

1.

Не ищи друзей, дитятко,
Какъ добры отецъ и матка.

2.

Что де красенъ? у отца де-скать былъ.
Отъ чего похудѣлъ? у чужого гостилъ.

3.

Не со всѣми старайся знакомство водить,
Не со всѣми на свѣтѣ льзя правдою жить.

4.

Всякъ о правдѣ много трубитъ,
Да не всякой правду любитъ.

5.

Неизвѣданный другъ
Не хорошъ для услугъ.

6.

Всякъ несетъ уста,
Гдѣ вода чиста.

7.

Чистый протокъ
Не на всякій ротокъ.

8.

Въ гости гуляй,
Коли дома не рай;
А какъ дома женушка, да брага, да щи,
Такъ другого добра и въ раю не ищи.

9.

Подумавъ съ подушкой, спросившись съ женушкой,
Изба хоть худа, только лучше съ избушкой.

10.

Бережливый мужикъ
Отъ двора не бѣжитъ.

11.

На томъ же мѣстѣ, да на томъ,
И камень обрастаетъ мхомъ;

А съ мѣста въ мѣсто волокита
Горюетъ часто не покрыта.

12

Коли есть чѣмъ кому обойтися въ дому,
Такъ не надо прибытковъ искать на Дону.

13.

Оставивши свой домъ, искать вездѣ веселья,
Есть дѣло глупое и дѣло отъ бездѣлья.

14.

Коли есть трудовое свое толокно,
Не ходи по пирогъ подъ чужое окно.

15.

Твое хоть дороже, краснѣе, бѣлѣе,
Свое мнѣ милѣе.

16.

Отъ корма коники не рыщутъ.
Отъ добраго добра не ищутъ.

17.

Здоровый лекаря не проситъ,
А помощь самъ себѣ приноситъ.

18.

Былъ бы дворъ, была бъ усадьба
И безъ трубъ бываетъ свадьба.

19.

Отъ берегу отстанешь,
Къ другому не пристанешь:
Ни такъ, ни сякъ, — и станешь.

—

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

ПОЛЕЗНАЯ ПРОСТОТА ЖИЗНИ.

1.

Всякія вычуры
Портятъ обычаи:
Жустарь, Вавила,
Что́ баба сварила.

2.

Кто на клячѣ, тотъ и скачетъ;
А и пѣшъ идетъ, не плачетъ.

3.

Изба-скать елова,
Да сердце здорово.

4.

Возьми себѣ чужое,
Хорошее, большое,
А дай мое худое:
Хоть худо-скать и гнило,
Да что́ свое, то мило.

5.

Не дари-скать, не жалуй чужимъ добрецомъ,
А снеси, гдѣ лежало, къ хозяину въ домъ.

6.

Въ займы не бравъ,
Хоть голъ, да правъ.

7.

Богатый печался, тужи,
Что перервались ремянны гужи;
А у бѣднаго лыки, мочалы,
Поѣхали вдаль, да помчали.

8.

Прадѣды кушали просто,
Да жили на свѣтѣ лѣтъ со сто.

9.

Матушка наша,
Здоровая каша:
Не перцу чета,
Не порветъ живота.

10.

Не всякой, кто думаетъ, счастье находитъ:
И многое думанье въ старость приводитъ.

11.

Кто меньше толкуетъ,
Тотъ меньше тоскуетъ.

12.

Возвышаетъ жену не нарядъ — домостройство,
И платьемъ гордиться, есть глупости свойство.

13.

Нарядишь пѣнь, — и пѣнь хорошъ:
А скинь нарядъ, — на пѣнь похожъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ V.

СТЫДЪ НАГЛОСТИ.

1.

Утѣшно даромъ брать,
Да трудно отвѣчать
И трудно отдавать.

2.

Слеза хоть жидка,
Да бываетъ ѣдка.

3.

И на крапиву есть морозы,
И на грозителей есть грозы.

4.

Тѣмъ де люди не играютъ,
Отъ чего-скать умираютъ.

5.

Хвалился чортъ вселенну взять,
Да чорта Богъ велѣлъ связать.

6.

Силъ у чорта хоть довольно,
Да кутить ему не вольно.

7.

Не грѣшно,
Что̀ дано;
А что̀ силою взято,
Не свято.

8.

Велика демонска возможность,
Да люди знаютъ осторожность.

9.

Какъ подымутъ-скать гвалты сверчки по печамъ,
Такъ не будетъ де мѣста и добрымъ рѣчамъ.

10.

Стой, не бѣжи
Не въ свои рубежи,
Да паспортъ покажи.

11.

Много де слышишь,
И грозно де пишешь;
Пиши, да потише,
Такъ будешь повыше.

—

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

СТЫДЪ ХВАСТОВСТВА.

1.

Указчикъ Ерема,
Указывай дома.

2.

Не крой чужихъ хоромъ,
Какъ свой валится домъ.

3.

Не учи-скать плавать щуку:
Щука знаетъ всю науку.

4.

Уменъ Малахъ въ потьмахъ, да есть его умнѣе;
И утро вечера бываетъ мудренѣе.

5.

На сказкахъ Фролъ бѣжитъ,
Подъ нимъ земля дрожитъ;
А вѣрить надлежитъ,
Что Фролъ въ грязи лежитъ.

6.

Размазалъ котъ высокимъ слогомъ,
И трубитъ всюду громкимъ рогомъ,
Что скачетъ мышь передъ перогомъ.

7.

Синица за море летѣла,
И море зажигать хотѣла;
Синица много нашумѣла,
Да не было изъ шума дѣла.

8.

Трубили Хавроны дары хабары,
Да поставили дѣло на вынъ-тарары.

9.

Ѳома, не сѣявъ поля рожью,
Промыслить хлѣба хочетъ ложью.

10.

По надеждѣ не хвались:
Прежде Богу помолись.

—

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

СТЫДЪ САМОХВАЛЬСТВА.

1.

Самохвалъ, самолюбъ
Никому-скать не любъ.

2.

Лукавый въ промыслѣ съ лукавымъ знается,
И чортъ на дьявола всегда ссылается.

3.

Оселъ выхваляетъ свой ростъ,
А лиса выхваляетъ свой хвостъ.

4.

Въ народѣ овсяная каша хвалилась,
Что будто бы съ масломъ коровьимъ родилась.

—

ОТДѢЛЕНІЕ VIII.

ГЛУПОСТЬ СПѢСИ.

1.

Кто безъ знати спѣсивъ,
Кто безъ денежекъ чивъ,
Завсегда де-скать ливъ.

2.

Тарасъ оплѣшивѣлъ,
И тѣмъ заспѣсивѣлъ.

3.

Кабы дятелъ въ дуплѣ не выказалъ носъ,
То никто бы не зналъ, что клевалъ онъ навозъ.

4.

Живутъ и отъ козла
Не малыя дѣла;
Какъ съимутъ козью кожу,
Да сдѣлаютъ одёжу.

5.

Землякъ въ одной землѣ, родня въ одномъ селѣ,
Кисель съ десятою водой на киселѣ

6.

Не даромъ де-скать въ міръ прогрянулъ громъ
изъ тучи,
Какъ мухи поползли изъ-подъ навозной кучи.

7.

Не чеченься, богачъ,
Мужиковъ не дурачь:
Урядятъ мужикомъ,
Будешь самъ дуракомъ.

8.

Турухтанъ въ таратайкѣ: раздайся народъ;
Шестернею пылитъ изъ воротъ въ огородъ.

9.

Не плюй въ чужой колодезь, Титъ,
Случится въ немъ воды испить.

—

ОТДѢЛЕНІЕ IX.

ВРЕМЕННАЯ ФОРТУНА ГЛУПЫХЪ.

1.

На безлюдье Ѳома дворянинъ,
А въ пустынѣ и волкъ господинъ.

2.

Временемъ и смёрдъ
Барыню беретъ.

3.

Бываетъ иногда порою,
Что и вода равна съ горою.

4.

Взяла де-скать мышь себѣ верхъ на лукошкѣ,
Какъ нѣтъ у лукошка ни маленькой кошки.

5.

Правы Фалелеи фали,
Потому что деньги дали.

6.

И глупой умнаго дурачитъ,
Какъ глупой скачетъ, умный плачетъ.

7.

И болвану, какъ пану, бываетъ таланъ,
Какъ внесутъ, да поставятъ въ боярской чуланъ.

8.

Господь велѣлъ-скать всѣмъ терпѣть,
Такъ Фролъ и хочетъ всѣхъ вертѣть.

9.

Ремесло, кто знаетъ строить,
Ремесло и разорять:
Какъ не можно что́ присвоить,
Хоть не брать да ковырять.

10.

Напалъ большой верзила
На малыхъ малышей:
Какъ есть большая сила,
Такъ радъ давить мышей.

—

ОТДѢЛЕНІЕ X.

ВОЗДЕРЖНОСТЬ, ТРЕЗВОСТЬ.

1.

Ищи себѣ-скать прибыли,
Гдѣ нѣтъ другому гибели.

2.

Чего де-скать себѣ не хочешь,
Того другому не желай;
И что де-скать въ другомъ порочишь,
Подобно самъ не согрѣшай.

3.

Кто свой гнѣвъ одолѣваетъ,
Тотъ успѣшнѣе бываетъ.

4.

Стрѣльба и борьба
Молодцу похвальба,
А нужна не всегда.

5.

Кто самъ къ себѣ въ началѣ строгъ,
Того хранитъ и царь и Богъ.

6.

Чистота здоровье сохраняетъ,
И воздержность разумъ укрѣпляетъ.

7.

Отецъ и мать дитя пустили жить на свѣтъ,
А будетъ-скать уменъ, такъ будетъ жить сто лѣтъ.

8.

Пей, Еремей,
Да ума не пропей.

9.

Въ гости-скать жалуютъ, друга любя,
А ѣдятъ-скать, да пьютъ завсегда для себя.

—

ОТДѢЛЕНІЕ XI.

ПЬЯНСТВО.

1.

Пьянъ не кумись и не сватайся:
Трезвый назавтрѣе схватишься.

2.

Что трезвый держитъ на умѣ,
У пьянаго на языкѣ.

3.

У пьянаго вездѣ ступени:
Ему и море по колѣни.

4.

Чарка вина-скать прибавитъ ума,
А другая, да третья-скать сводитъ съ ума.

5.

Въ пьянствѣ дѣло шатовато;
А проспишься, тошновато.

6.

Не дѣтина, животина,
Кто валяется у тына.

7.

Союзился Ѳома съ кабачкомъ,
Поводился Ѳома съ коречкомъ:
Утирайся Ѳома кулачкомъ.

8.

Былъ де-скать дворъ,
И въ дворѣ былъ проворъ,
Какъ не суслилъ Егоръ;
А засуслилъ Егоръ,
Такъ ходи между дворъ.

9.

На торгу у Макара телѣга скрипитъ
Будто такъ говоритъ, что продать да пропить;
Полюбился Макару телѣжный языкъ,
Что ни продалъ, то пропилъ, и сталъ какъ голикъ.

10.

Ѳаддей шесть дней любилъ спасенье,
А день седьмой-скать Воскресенье,
Да пьяныхъ съ грязи принесенье,
Прости-скать, Боже, согрѣшенье.

11.

Послушай дѣла, Кузя,
А Кузя пьянъ, какъ зюзя.

12.

Привезли, какъ бочку,
Пьянаго Исая;
Вотъ тебѣ дружочку
Грамата живая!

13.

На чарку чарку Ѳомка втюрилъ,
Да въ долгой вѣкъ глаза защурилъ.

14.

Жилъ де-скать глупъ, а скончался де пьянъ,
Такъ на тотъ свѣтъ пошелъ де-скать чорту баранъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ XII.

ЧЕСТЬ И ПОЛЬЗА СУПРУЖЕСТВА.

1.

Лучше жениться,
Чѣмъ волочиться.

2.

Кто оженится,
Перемѣнится.

3.

Почто при добренькой женѣ
Искать добра на сторонѣ?

4.

Живучи одной головкой,
И обѣдъ варить не ловко.

5.

Хорошо де-скать разумъ, какъ добръ у кого,
А два разума вмѣстѣ и лучше того.

6.

Двѣ головеньки
Спорѣе курятся;
И какъ ни маленьки,
А щи уварятся.

7.

Въ безлюдьѣ всяка жизнь грустна,
А на людяхъ и смерть красна.

8.

Хлѣбъ на муку не приправа:
Хорошо де-скать добренькой Савва,
Какъ есть возлѣ Саввы красава;
А Савва да Савва худая забава

9.

Дѣвкѣ ни ѣстся, ни пьется безъ парня,
А съ парнемъ ведется въ дому пивоварня.

10.

Какъ милый милаго прилучитъ,
Такъ съ милымъ жить не надокучитъ.

11.

Не пріѣстся хорошій кусокъ,
Не прискучитъ хорошій дружокъ.

12

Съ милой супругой любовь да пріятство
Утѣшнѣй богатства.

13.

Съ добрымъ другомъ и прожитокъ
Послѣ будетъ не въ убытокъ.

14.

Добра бываетъ мало,
Какъ въ домѣ мужъ жену поставитъ подъ начало;
А то еще и хуже,
Когда себѣ жена раба паходитъ въ мужѣ:
Но тамо золотое дно,
Гдѣ правитъ домомъ мужъ съ женою за-одно.

15.

Доброй женѣ домосѣдство не мука,
А мучитъ жену де-скать съ мужемъ разлука.

ОТДѢЛЕНІЕ XIII.

НЕДОСТОЙНАЯ ЛЮБОВЬ.

1.

Ретивому сердцу чужая молодка
Не прочная радость, а боль да сухотка.

2.

Хоть печка и тепла, не лѣто, не весна:
Сторонняя кума добра, да не жена.

3.

Голубки, лебедки,
Гдѣ кормъ, тамъ и метки.

4.

Свѣтикъ мой миленькой,
Аленькой, синенькой,
Другъ золотой,
Потряси калитой.

5.

Уста для вѣрности бездѣльное дупло,
Бываетъ часомъ въ нихъ то холодъ, то тепло.

6.

У Сенюшки денежки: умный Семенъ;
А какъ пѣтъ де-скать денежекъ: глупъ, не уменъ.

7.

Бывалъ-скать милъ,
Да сталъ постылъ:
И слѣдъ простылъ.

8.

Зазноба, зазнобушка, горе, кручина;
Крушила, сушила, дворянскаго сына,
А горе, кручина, не стоятъ алтына.

—

ОТДѢЛЕНІЕ XIV.

ВАЖНОСТЬ ВЫБОРА ВЪ СУПРУЖЕСТВО.

1.

Въ невѣстѣ лучше красоты
Ищи душевной доброты.

2.

Невѣсту доставай собою,
А не Ѳедуломъ, да Ѳомою.

3.

Честная жена для супруга душа,
А съ хорошимъ умомъ и для всѣхъ хороша.

4.

Кто ради денегъ лишь въ супружество вступаетъ,
Тотъ только вѣкъ чужой безчестно заѣдаетъ.

5

Лучше вовсе не жениться,
Чѣмъ съ женой всегда браниться.

6.

Не надобенъ тогда и кладъ,
Какъ мужъ живетъ съ женою въ ладъ.

7.

Бѣлянчикъ бѣляночкѣ милъ не по ряду:
По ласковой рѣчи, по милому взгляду.

8.

Гдѣ тѣсно,
Тамъ честно;
Гдѣ розно,
Тамъ слезно.

9.

Что и обѣдъ,
Какъ хозяюшки нѣтъ?

10.

Хлѣбъ де-скать лучше молотятъ семьею,
И дѣло съ подмогой идетъ чередою.

11.

Не всякой хвалится женою,
Женившись для прекрасныхъ глазъ;
А добрый нравъ предъ красотою
Счастливѣй въ жизни много разъ.

12.

Жену красавицу возьмешь:
Знакомство всюду наживешь;
Жену разумную возьмешь:
Хорошихъ съ ней друзей найдешь;
Жену злонравную возьмешь,
Весь вѣкъ свой въ скукѣ проведешь.

13.

Мужъ не сапогъ,
Не скидается съ ногъ.

14.

Добрая жена веселье,
А худая злое зелье.

15.

Разумная жена прибавитъ мужу чести,
А злая разнесетъ объ немъ худыя вѣсти.

16.

Не приданымъ, дѣвица, ищи-скать супруга,
Ищи лишь добра человѣка и друга

17.

Дѣвица, ищи себѣ мужа для вѣка,
И замужъ иди, разсмотря человѣка.

18.

Не пригожъ лицомъ,
Да хорошъ умомъ:
Такъ и добръ Пахомъ.

19.

Болванъ лицемъ хорошъ,
Да къ дѣлу не угожъ.

20.

Что моложе,
То-скать гоже;

А старѣе,
Такъ правѣе.

21.

Невѣста-скать родится,
Женихъ на конь садится,
А дѣло впредь равнится.

22.

Мотоватъ, да не женатъ,
Одному себѣ въ накладъ;
А женатъ, да мотоватъ,
Семерымъ живетъ въ накладъ.

23.

Милый дурень не злодѣй,
И умышленно не губитъ;
А не будетъ красныхъ дней
Для того, кто дурня любитъ.

ОТДѢЛЕНІЕ XV.

НЕСЧАСТІЕ ХУДАГО СУПРУЖЕСТВА.

1.

Женитьба добрая хозяйству научаетъ,
А неудачная отъ дому отлучаетъ.

2.

Не казни Богъ бѣдою:
Женою лихою.

3.

Дожидайся бѣды, да грѣха,
Какъ жена-скать бываетъ лиха.

4.

Женился Данила на скорую руку,
На долгое горе, терпѣнье, да муку.

5.

Не радость въ чужомъ де пиру пировать.
Коли дома Макару велятъ горевать.

6.

Не веселъ въ домѣ праздникъ,
Какъ мужъ хозяйку дразнитъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

РУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ.

—

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

=

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ ней означается, что исполненіе добраго воспитанія наиболѣе принадлежитъ родителямъ; ибо, хотя много о томъ написано, но дѣти не столько по книгамъ, какъ по наставленіямъ отъ родителей и по ихъ примѣрамъ дѣлаются разумными.

—

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ДОБРОЕ ВОСПИТАНІЕ.

1.

Каковы гдѣ дядьки,
Таковы дитятки.

2.

Несчастны тѣ дитятки,
Которыхъ не журятъ ни батьки ихъ, ни матки.

3.

Дѣтямъ не порча игрушка,
А порча худая прислужка.

4.

Дѣтей наказывай стыдомъ,
А не грозою и бичомъ.

5.

Дружняя брань не бѣда,
А напредки спасетъ отъ стыда.

6.

Умъ повернешь и туды, и сюды;
Укрѣпится, такъ крѣпче стѣны,
А ослабнетъ, такъ слабже воды.

7.

Чужой дуракъ де смѣхъ,
А свой-скать стыдъ и грѣхъ.

8.

Хорошъ отецкой сынъ не только лишь богатствомъ,
А службою Царю и межъ людей пріятствомъ.

9.

Хоть дѣвица
Не черница,

А пристойно жить ей въ кельѣ;
Кротость дѣвкѣ ожерелье.

10.

Добрыхъ людей чрезъ добро получаютъ,
И добрымъ примѣромъ къ добру пріучаютъ;
А худы тамъ дѣтки отъ батекъ родятся,
Гдѣ батьки ихъ сами въ добро не годятся.

11.

Каковъ въ воспитаньи,
Таковъ въ состояньи.

12.

У кого добреньки дѣтки,
То сосѣди и сосѣдки
Далеко не ходятъ въ міръ,
Ни на праздникъ, ни на пиръ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ПРАВИЛА БЛАГОПОВЕДЕНІЯ.

1.

Вѣрь не столько обѣщанью,
Сколько твердому желанью.

2.

Бѣднаго не поноси,
Передъ спѣсью не труси.

3.

Передъ наглымъ тихъ не будь,
А смиренному дай путь.

4.

Первую пѣсню, зардѣвшись поютъ,
И кто вдругъ не затянетъ, такъ время даютъ.

5.

На первый случай честь, да мѣсто,
Не вдругъ и входитъ-скать невѣста.

6.

Не столько вѣрь чужимъ рѣчамъ,
Какъ собственнымъ своимъ очамъ.

7.

Дерево смотри въ плодахъ,
А людей смотри въ дѣлахъ.

8.

Болѣ вѣрь дѣламъ,
Нежели словамъ.

9.

Не знатна добродѣтель въ словахъ,
А знатна она болѣ въ дѣлахъ.

10.

Вначалѣ разсуждай,
А послѣ осуждай.

11.

Жди-скать, какъ придетъ все дѣло къ вѣнцу:
Не суди по началу, суди по концу.

12.

Кто благонравенъ, живетъ гражданиномъ,
И кто любочестенъ, живетъ дворяниномъ,
И кто неусыпенъ, живетъ господиномъ,
А будешь искусенъ, пожалуютъ чиномъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ III.

СЛѢДСТВІЯ ХУДОГО ВОСПИТАНІЯ.

1.

Не нужны баловнямъ науки,
Не надобны азы, ни буки:
На то де-скать даны намъ руки,
Чтобъ ими шевелить отъ скуки.

2.

Балованный сынокъ не вѣкъ живетъ у матки,
И послѣ скается за глупыя ухватки.

3.

Кривобродинъ Абрамъ,
Хоть не прямъ, да упрямъ.

4.

Не вытекъ Фролъ въ людской каналъ,
А свойскимъ устьемъ въ море впалъ.

5.

Чортъ заоретъ,
И законъ не уймет.

=

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ ней означается, что науки и знанія суть въ жизни самыя надежныя пріобрѣтенія; и что безъ оныхъ человѣкъ не можетъ ни распространить услугъ обществу, ни вкусить благополучія, до какового достигать можетъ.

=

ОТДѢЛЕНІЕ I.

УЧЕНІЕ, ЗНАНІЕ, ИСКУССТВО, ДОБРЫЙ ВКУСЪ.

1.

Безъ грамоты въ попы не ставятъ;
Невѣжи умными не правятъ.

2.

Безъ буквъ и грамматики,
Не учатъ математики.

3.

Умѣй быть солдатомъ, чтобъ быть генераломъ;
Умѣй быть матросомъ, чтобъ быть адмираломъ.

4.

Ученье въ счастьи украшаетъ,
А при несчастьи утѣшаетъ.

5.

Ученіе свѣтъ, неученіе тма;
И невѣжа межъ умныхъ всегда безъ ума.

6.

Пойти въ науку,
Терпѣть и скуку.

7.

Наука не скука тому, кто проворенъ,
Кто въ словѣ не споренъ, кто въ дѣлѣ покоренъ.

8.

Трудъ при ученіи скученъ,
Да плодъ отъ ученія вкусенъ.

9.

Кто-скать смолоду трудится,
Тотъ на всячину годится.

10.

Побѣда требуетъ терпѣнья,
И болѣ требуетъ умѣнья.

11.

Пригожій, ряженый кусокъ,
Годится суженому въ прокъ.

12.

Ремесла за плечами хоть не носятъ,
Да съ нимъ себѣ хлѣба не просятъ.

13.

Голой-скать вѣникъ подъ лавкой лежитъ,
А зеленый, хоть молодъ, на грядкѣ виситъ.

14.

Свѣта въ окно не оглянешь,
И сидя, ума не протянешь.

15.

Вопросъ и всякой спросъ отвѣтъ себѣ находитъ:
И съ толкомъ-скать языкъ до Кіева доводитъ.

16.

Не къ стыду-скать въ наукѣ щунаютъ и бьютъ,
А за битаго по два небитыхъ даютъ.

17.

Обѣдъ узнаешь кушаньемъ,
А умъ узнаешь слушаньемъ.

18.

Видно золото въ грязи,
Какъ его ни погрузи.

19.

Хорошъ ли строитель,
Покажетъ обитель.

20.

Кто хвалитъ горницу,
Тотъ хвалитъ дворницу.

21.

Орла узнаешь по полёту,
А молодца по обороту.

22.

Паву узнаешь по перьямъ,
А бабу въ дому по повѣрьямъ.

23.

Не силою ловецъ одолѣваетъ льва,
А тѣмъ, что ловчая умнѣе голова.

24.

Не силой, умѣньемъ дерутся:
Искусные люди приткнутся,
И толстые дубы погнутся.

25.

Не дорого то, что изъ золота краснаго:
Дорого то, что отъ добраго мастера.

26.

Дѣло всякой оболванитъ,
А ошибку мастеръ справитъ.

27.

Хоть и всякъ силяшетъ въ стрёхъ,
Да не какъ скоморохъ.

28.

Вѣкъ живя-скать, вѣкъ трудись,
И, трудяся, вѣкъ учись.

29.

Искусство боретъ страхъ
На сушѣ и въ моряхъ.

30.

Воинъ искусный не бродитъ,
А знаетъ, гдѣ войска онъ водитъ.

31.

Не спрашивай-скать стараго,
А спрашивай бывалаго.

32.

Умный грѣшитъ,
Да поправить спѣшитъ;

И порядокъ поставитъ,
И дѣло исправитъ.

33.

Море льется-скать глубоко,
И земля лежитъ далеко:
Мудрено сотворено,
Только есть и въ морѣ дно.

34.

Клинъ-скать клиномъ выбивай,
И худой въ работѣ пай
Разумѣньемъ поправляй.

—

ОТДѢЛЕНІЕ II.

СЛѢДСТВІЕ НЕВѢЖЕСТВА И ГРУБОСТИ.

1.

Не на пользу-скать книги читать,
Коли только вершки лишь хватать.

2.

Живетъ, что и съ силой добра не бываетъ,
Яганова пушка своихъ побиваетъ.

3.

Пустился вѣтеръ съ дуру въ море;
Кому не думалъ, сдѣлалъ горе.

4.

Ѳома хоть съ пригоршни гороху молотитъ,
Изъ силы вонъ лѣзетъ, да цѣпомъ колотитъ.

5.

Рюмили сидни, тужили,
Что дали, да въ ротъ не вложили.

6.

Свершилъ бы дьякъ правѣе дѣло,
Да грамота дьяка уѣла.

7.

Ни пало, ни сѣло,
И вотъ тебѣ дѣло!

8.

Козелъ де шелъ позадь, а Фролъ напереди,
Такъ Фролъ козла-скать свелъ, и къ бабѣ не ходи.

9.

Позавидовалъ лысый плѣшивому,
Будто таланту счастливому.

10.

Слѣпой во слѣдъ слѣпому идетъ,
А оба зги въ глазахъ не видятъ.

11.

Обулъ мужикъ сѣ ножки
Въ сафьянные сапожки;
Да отъ роду впервые,
Такъ носитъ ихъ кривые.

12.

Ерема калякалъ, Ѳома пустозвякалъ,
А Трифонъ что́ слышалъ, то въ дѣло набрякалъ.

13.

Дошли до невѣжи старинныя вѣсти,
Что соколъ съ сорокой летаютъ не вмѣстѣ.

14.

Что-то, кому-то въ ладони-скать дали,
И все тебѣ тутo; а что? не видали.

15.

Таковъ вороній весь словарь,
Что Карпъ не карь, а мѣринъ карь.

16.

Видитъ Исай, какъ другіе шагаютъ,
И радъ бы-скать въ рай, да грѣхи не пускаютъ.

17.

Хоть дворянской кто сынъ,
Тотъ плохой дворянинъ,

Какъ у спѣси дворянской
Да разумъ крестьянской.

18.

Посади мужика ты за столъ,
Онъ положитъ и ноги на столъ.

19.

Грѣя плечи возлѣ печи,
Не мѣшайся глупой къ рѣчи.

20.

Не знаетъ Вавила
Ни уха, ни рыла;
А баетъ Вавила:
Въ мозгу де-скать сила.

21.

Пьемъ и ѣдимъ-сѣ, какъ люди:
Да чѣмъ же-скать въ мірѣ мы худы!

=

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Въ ней означается, что счастіе и несчастіе наше зависятъ наиболѣе отъ сообщества, въ какомъ мы обращаемся; и что выборъ людей въ дружбу и короткое знакомство есть въ жизни человѣческой дѣло, достойное самаго внимательнаго разсмотрѣнія.

=

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ВАЖНОСТЬ ВЫБОРА ЛЮДЕЙ ВЪ СООБЩЕСТВО.

1.

Въ свиданьяхъ друга не узнаешь,
Какъ въ дѣлѣ съ нимъ не побываешь.

2.

При счастьи пріятелей много вездѣ:
А прямаго-скать друга узнаешь въ бѣдѣ.

3.

Шапошно знакомство
Не пойдетъ въ потомство.

4.

Старый вѣрный другъ
Лучше новыхъ двухъ.

5.

Много въ мірѣ всякихъ братцовъ,
Не со всѣми съ ними знаться.

6.

Гость на пирушкѣ гости;
А пошелъ онъ отъ кружки, прости.

7.

Много-скать сбору
И много простору:
Что старецъ,
То ставецъ;
Что келья,
То мельня;
И грузно, и возно,
Да все де-скать розно.

8.

Для пьяныхъ рай не на востокѣ.
На винномъ, да пивномъ протокѣ.

9.

Попадешься шальному подъ пьяную руку,
Не пуститъ до завтра гулять на поруку.

10.

За любовь, да за дружбу удалы ребята
Доѣхали свата до самаго мата.

11.

Удружили, услужили,
Такъ что голову вскружили.

12.

Ищи себѣ друзей такихъ,
Чтобъ не было стыда отъ нихъ.

13.

Отъ худыхъ и злонравныхъ людей
Погибаетъ и добрый Авдей.

14.

Одна овечка опорнивѣетъ,
И цѣло стадо оплѣшивѣетъ.

15

Овцы съ волками не ходятъ,
Своимъ де-скать табаромъ бродятъ.

16.

Лучше, буде льзя, съ худымъ
Не дружиться и не знаться,
Чѣмъ, дружася съ таковымъ,
Завсегда остерегаться.

17.

Зимѣ, да лѣту
Союзу нѣту.

18.

Поводился Зотъ съ кусакой;
Хоть и добръ, слыви собакой.

19.

Съ пчелкой водившись, получишь медокъ,
А водившися съ жучкой, навозу шматокъ.

20.

Отъ чего-скать Макаръ никуды не годился?
Бывалъ де-скать добръ, да съ худымъ поводился.

21.

Гдѣ наглость и похабство,
Тамъ подлость, тамъ и рабство.

22.

Лжецъ всегда невѣрный другъ,
Оболжетъ тебя вокругъ.

23.

Не другъ, кто въ худѣ потакаетъ;
А другъ, кто правду изрекаетъ.

24.

Худое тамъ пойло овечки смѣкаютъ,
Гдѣ волки у рѣчки водицу лакаютъ;
Хоть въ пойлѣ овечкамъ товарищи волки,
Да послѣ ихъ волки уцѣпятъ за холки.

25.

Поводися съ Цыганомъ,
Такъ будешь болваномъ.

26.

Бываетъ кормъ коня дороже,
И съ сѣдокомъ бываетъ то же.

27.

Шутъ не годится ни въ вѣрность, ни въ дружбу:
Поставитъ онъ въ шутку и дѣло и службу.

28.

Бояринъ шуту радъ,
Да съ нимъ не ходитъ въ рядъ.

29.

Пьяница идетъ на пиръ
На раздоръ, не на миръ.

30.

Не въ своемъ кругу Филатъ
И дружился и братался;
Былъ Филатъ и другъ и братъ,
Только скоро пробратался.

31.

Тарасъ, грѣхомъ, въ грязи увязъ,
Да хочетъ въ грязь вязить и насъ.

32.

Коли съ чортомъ, Проноза, побратски живалъ,
Такъ не сватайся къ намъ, убирайся въ провалъ.

33.

Не только людей,
Что Ѳома, да Ѳаддей.

34.

Не только свѣта, что окошко;
Не только міру, что Мирошка:
Ко всѣмъ пробита-скать дорожка.

35.

Скупому, хоть ниву задаромъ уступить,
А съ нивы соломы назадъ не укупить.

36.

Знакомство бываетъ по нуждѣ,
А вѣкъ пребываетъ по дружбѣ.

37.

Не годится къ стражѣ воръ,
Ни дуракъ на разговоръ.

38.

Разумный любитъ научаться,
А глупый любитъ всѣхъ учить;
Но лучше съ умнымъ повстрѣчаться,
Чѣмъ съ глупымъ цѣлый вѣкъ прожить.

39.

Дурака не заставливай Богу молиться:
Онъ лобъ разобьетъ, хоть не надобно биться.

40.

Дуракъ Творца не воспомянетъ,
Покамѣстъ съ неба громъ не грянетъ.

41.

Лучше умная хула,
Чѣмъ дурацкая хвала.

42.

Съ умнымъ рѣчи къ разговору,
А съ безумнымъ лишь на ссору.

43.

Съ умнымъ, что́ ни потеряешь,
Съ нимъ убытокъ поправляешь;
А съ безумнымъ хоть найдешь,
Да напасти наживешь.

44.

Съ умнымъ найтить,
Съ дуракомъ уронить.

45.

Умный не всегда развяжетъ,
Что́ дуракъ, дуря, завяжетъ.

46.

Дуракъ-сѣ въ воду камень кинетъ,
А десять умныхъ вонъ не вынутъ.

47.

Дуракъ неизлечимо болѣнъ,
И въ глупенькомъ Самъ Богъ не воленъ.

=

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ ней означается, что науки при воспитаніи иногда могутъ быть недостаточны къ нашему спокойству и счастію, если къ онымъ не будетъ присоединено познаніе взаимнаго нашего между людьми положенія и познаніе вещей, относительныхъ къ разнообразнымъ въ жизни обстоятельствамъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ДОБРОЕ ОБХОЖДЕНІЕ.

1.

Возьмите въ умъ, дитятки,
Что ласковы телятки,
Сосутъ за то двѣ матки.

2.

Кто услуженъ,
Тотъ и нуженъ.

3.

Кто въ гости не ѣздитъ, къ себѣ не зоветъ,
Тотъ недобрымъ слыветъ.

4.

Что мужикъ творитъ по службѣ,
Дворянинъ творитъ по дружбѣ.

5.

Приласкаешь и собаку,
Не пойдетъ съ тобою въ драку.

6.

Ласково слово и ласковый видъ
И свирѣпаго звѣря къ рукамъ приманитъ.

7.

Впередъ людей не забѣгай,
А отъ людей не отставай.

8.

Дитя просить не смѣетъ,
А мать не разумѣетъ.

9.

Одному-скать Богъ въ помочь, другому челомъ,
И пошло де-скать дѣло своимъ чередомъ.

10.

Зовутъ и поѣсть и попить на обѣдъ,
Да въ обѣдѣ и слово готовь на отвѣтъ.

11.

Посохъ бери на дорогу,
И слово готовь на подмогу.

12.

Слово во время и кстати
Сильнѣе письма и печати.

13.

Не вѣдаетъ гость, что въ умѣ у Никиты:
Открыты блинцы, а гостинцы закрыты.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ЗНАНІЕ СВѢТА И СВѢТСКОЙ ПРИЛИЧНОСТИ.

1.

Большое мѣсто взявъ,
Умѣй давать уставъ.

2.

Хорошо и тамъ и тутъ,
Гдѣ по имени зовутъ.

3.

Не барину тотъ пиръ,
Куда бредетъ весь міръ.

4.

У голоднаго хлѣбъ на умѣ,
А у сытаго грузъ въ кораблѣ.

5.

Пастухъ де считаетъ-скать, цѣлы ль бараны.
А воинъ считаетъ-скать битвы, да раны.

6.

Пригожство крѣпости милѣй:
Крѣпка тюрьма, да чортъ ли въ ней?

7.

Шалилъ, дурилъ, вздурился,
Сѣдой мужикъ обрился,
А въ дѣтки не годился.

8.

Куликъ на мѣстѣ соколиномъ
Не будетъ птичьимъ господиномъ.

9.

Не ко всякому дѣлу потребенъ мудрецъ,
Приключится, что въ дѣлѣ мудрецъ не вострецъ.
И за поясъ заткнетъ мудреца молодецъ.

10.

Горькой въ міру
Не годится въ пиру:
Чортъ и пляшетъ и скачетъ,
Да горя не спрячетъ.

11.

По Сенькѣ-скать шапка, по шапкѣ-скать Сенька.
И дѣло ладненько.

12.

Не по старцу кусокъ,
Не годится въ мѣшокъ.

13.

Работникамъ даютъ алтыны,
А ихъ нарядчикамъ полтины.

14.

Въ домѣ нахалъ
Почивалъ, отдыхалъ,
А того не слыхалъ,
Какъ хозяинъ вздыхалъ.

15.

Котелъ горшка бранитъ,
Что черенъ онъ на видъ;
А самъ замазанъ въ сажѣ,
Чернѣй горшка и гаже.

16.

Подглядчикъ, лазутчикъ,
Подъ плутомъ поручикъ.

17.

Чортъ де-скать въ шайкѣ на дьяволѣ ѣдетъ,
И дьявола возитъ, и чорта-сѣ бредитъ.

18.

Хотя въ болотѣ тихо,
А жить тамъ людямъ лихо.

—

ОТДѢЛЕНІЕ III.

НУЖНАЯ СВОБОДНОСТЬ ВЪ ЖИЗНИ.

1.

Въ неволю не входи смѣхомъ,
Чтобъ въ узахъ вѣкъ не быть грѣхомъ.

2.

Была бы свободная нива,
А нива не будетъ безъ пива.

3.

Замѣшался баранъ середь стада быковъ,
И трудненько барану скакать черезъ ровъ:
А поскачутъ быки, хоть не радъ, да готовъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

СОБСТВЕННЫЙ ПРИСМОТРЪ.

1.

Не штука въ деньгахъ шумъ,
А штука къ деньгамъ умъ.

2.

Не причина богатство нажить,
Да причина, наживъ, не тужить.

3.

Счастье трудно находить,
А труднѣе сохранить.

4.

Чужимъ умомъ
Не скопишь домъ.

5.

Хоть и чтетъ мужичокъ у ткачевыхъ красёнъ,
Посмотри-ка по берду, да нѣтъ ли близёнъ.

6.

Прикащикъ городъ надобитъ,
А въ городѣ голодный Титъ
Прикащика не жалобитъ,
Лишь былъ бы самъ прикащикъ сытъ.

7.

Адамъ худой совѣтъ послушалъ:
Съѣлъ яблоко, и рай прокушалъ.

8.

Что въ счету-скать просчитаешь,
То мошною доверстаешь.

9.

Кто въ карты играетъ,
Тотъ масть примѣчаетъ.

10.

Заочно яйца только купятъ;
Смотрѣть скорлупокъ съ нихъ не лупятъ.

11.

Не всюду съ вѣрою,
А индѣ съ мѣрою.

12.

Счетъ пріязни не теряетъ,
А порядокъ сотворяетъ.

13.

Гдѣ правитъ рабъ хозяйской домъ,
Хозяинъ самъ живетъ рабомъ.

14.

Волкъ не глядитъ на хозяйску заботу,
А крадетъ овецъ и изъ счета безъ счету.

15.

Знаютъ пролазы, гдѣ раки зимуютъ,
Туда-скать и пальцы на промыслы суютъ

16.

Тотъ печался, кто ручался,
А обманщикъ взялъ, умчался.

—

ОТДѢЛЕНІЕ V.

РАЗСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ.

1.

Не все добро, что̀ добрымъ мажется,
И худо то, что̀ худомъ кажется.

2.

Добро есть добро,
Да не всяко равно:
А иное съ ногами,
Другое съ рогами.

3.

Не всякой даръ
Бери въ амбаръ:
Дары и мудрыхъ ослѣпляютъ,
И часто въ сѣти уловляютъ.

4.

И суму носить съ умомъ,
Чтобъ сума была съ добромъ.

5.

За моремъ малъ за корову запросъ,
Только дорого должно платить за провозъ.

6.

Хоть дорого купи,
Да было бы къ пути.

7.

Жидкій растворъ,
Хоть и скоръ, не приспоръ.

8.

Пойдутъ Тарасы восвоясы,
Какъ мелки для пути пришасы.

9.

Хоть и много-скать радѣешь,
Шиломъ моря не пагрѣешь.

10.

Разомъ тяпъ, да ляпъ,
Выйдетъ только кляпъ.

11.

Едина ласточка весны не сотворитъ,
Едина часточка за все не говоритъ.

12.

Хоть вдвое, хоть втрое,
Не прочно худое.

13.

Добра не вѣсятъ худомъ;
Бываетъ золотникъ,
Хотя и не великъ,
Дороже передъ пудомъ.

14.

На вѣсу фунтъ пуда хуже.
А даютъ имъ цѣну ту же.

15.

Дешево, да гнило;
Дорого да мило.

16.

Гдѣ нѣтъ хозяина, не прибыль стоословъ,
А добра голова прокормитъ сто головъ.

17.

Деревья безъ плода садятъ,
Да послѣ плодъ отъ нихъ ѣдятъ.

18.

Отъ добраго выбора родъ и племя,
Не одинъ ведется, тремя, четырьмя.

19.

Иное для вида пригоже,
Другое для крѣпости гоже.

20.

Всякую ягоду въ руки берутъ,
Да не всякую ягоду въ кузовъ кладутъ.

21.

Однажды отрѣжь, а десятью примѣрь,
Чтобы менѣе было въ закроѣ потерь.

22.

На хворомъ конѣ недалеко уѣдешь;
Ума изъ пустой головы не нащѣдишь.

23.

Гдѣ сшито на живую нитку,
Тамъ жди прорѣхи и убытку.

24.

Что испорчено — не ново,
И на нужду не здорово.

25.

Дуренъ путь къ уходу
Изъ огня, да въ воду.

26.

Вороши, не вороши,
А шиши не хороши.

27.

Худая-скать игра,
Когда въ ней нѣтъ добра;
А то и вовсе бросить,
Когда-скать вредъ приноситъ.

28.

Хоть люди и много де впредь уповаютъ,
Надежды и счастье невѣрны бываютъ.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

ОСТОРОЖНОСТЬ РАЗСУЖДЕНІЙ И РѢШЕНІЙ.

1.

Бѣдность не смѣхъ,
И неволя не грѣхъ.

2.

У бѣднаго шуба овечья,
А та же душа человѣчья.

3.

Старцы ведутся не родомъ,
А Божьимъ во старцы приводомъ.

4.

Посла не бьютъ и не бранятъ,
Какъ самъ посылатель виноватъ.

5.

Кузьма плуталъ, Ефремъ былъ тутъ,
Да тѣмъ Ефремъ не сталъ быть плутъ.

6.

Не всякой плутъ, кто видомъ худъ,
Примѣты въ свѣтѣ часто лгутъ.

7.

Не всякой умёнъ,
Кто вкраснѣ паряжонъ;
А бываетъ съ умомъ
И не красный Пахомъ.

8.

Верблюдъ и горбатъ,
Да не мерину братъ.

9.

Дрова хоть и кривы, да прямо горятъ:
Какъ въ чемъ есть де-скать польза, на видъ не глядятъ.

10.

По платью-скать сватью встрѣчаютъ,
А вонъ по уму провожаютъ.

11.

Соколъ малъ,
Да удалъ.

12.

Въ море стрѣлка
Не бездѣлка.

13.

Соловей пе великъ,
Да великъ его кликъ.

14.

Видомъ-скать конь не богатъ,
А бѣжитъ, сто рублевъ де сулятъ.

15.

Старый козелъ не красёнъ,
Да козлятокъ рогами пасётъ.

16.

Старый воинъ
Новыхъ водитъ.

17.

На свѣтъ хоть маленьки родимся,
А выростемъ, также годимся.

18.

На аршинъ борода, да ума ни на пядь,
Такъ косматy собаку не батькою звать.

19

Того же деревца
И ложка и лопата:
Равно бываетъ такъ, отъ одного отца,
Не схожи по всему родимые два брата.

20.

Великонекъ,
Да плохонекъ;
А малепекъ,
Да умненекъ.

21.

Не суди по пріѣзду,
Суди по отъѣзду.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

ОСТОРОЖНОСТЬ.

1.

Богу молись,
А въ дѣлахъ не плошись.

2.

Храни себя отъ бѣдъ,
Пока еще ихъ нѣтъ.

3.

Гдѣ видѣнъ путь прямой,
Не ѣзди на кривой.

4.

Не потакай своимъ,
Чтобъ страхъ подать чужимъ.

5.

Одинъ разумный согрѣшитъ,
Да многихъ глупыхъ соблазнитъ.

6.

Каковъ гдѣ попъ,
Таковъ приходъ.

7.

Хоть не золъ, да хвалишь злова:
Наживешь худое слово.

8.

Одумай прежде то умомъ,
Что будешь ты писать перомъ.

9.

Безъ имени овца баранъ,
И дно въ лукошкѣ барабанъ.

10.

Промчалъ, не отвѣчалъ:
Потому согласенъ сталъ.

11.

Хоть щепку кинь на вдовій дворъ,
Къ тому приложатъ всякой вздоръ.

12.

Попавши къ пьянымъ въ станъ,
Хоть пьянъ, не пьянъ Степанъ,

Да первый скажетъ: пьянъ,
Другой примолвитъ: пьянъ,
И третій скажетъ: пьянъ:
Ложися спать, Степанъ!

13.

Былъ бы конь дорогъ, да лысинка есть:
А за малымъ пятномъ и головка не въ честь.

14.

Кто добру мысль свою таитъ,
Излишней скромностью грѣшитъ.

15.

Хулу, напраслину и всяку лживу рѣчь,
Не столько спорами, какъ дѣломъ поперечь.

16.

Каково живешь,
Такъ и прослывешь.

17.

Идти на рать,
Такъ бердышь брать.

18.

Ѣздя въ море,
Помни горе.

19

Безъ забора, безъ запора,
Не спасешься-скать отъ вора.

20.

Не провѣдавъ броду,
Не пускайся въ воду.

21.

Не бродь овца въ медвѣжій слѣдъ:
Оглянется, да съѣстъ въ обѣдъ.

22.

Батько, киселюшко, кто ты таковъ,
Коли въ ротъ, да глотай, и не надо зубовъ?

23.

Волкъ хоть усталъ, хоть не можетъ,
Овечку всегда переможетъ.

24.

Змѣя погибаетъ,
А ядъ испускаетъ.

25.

Аввакумъ скажетъ наобумъ,
А ты бери себѣ на умъ.

26.

Про лебедку припѣвку поютъ,
А молодкѣ палѣтку даютъ.

27.

Овечку стригутъ:
И другія того жъ себѣ ждутъ.

28.

Какъ ожжешься на улицѣ,
Станешь дуть и на водицу.

29.

Безъ умыслу ногу-скать слопъ переставитъ,
А мухи подлезутъ, такъ мухъ передавитъ.

30.

Съ богатымъ не тяжись,
И съ сильнымъ не дерись.

31.

Сердцемъ много не достанешь,
Какъ-скать губу не протянешь;
У кого-скать губа толще,
У того-скать брюхо тоще.

32.

Сердита собака медвѣдю корысть,
Какъ сама-скать о землю хлобысть, да хлобысть.

33.

Въ судѣ убогенькій съ богатымъ,
Хоть правъ, бываетъ виноватымъ.

34.

Господская воля мужицкую пудитъ,
А сильную руку лишь Богъ де-скать судитъ.

35.

Горшку съ котломъ не ловко биться,
И должно скоро расшибиться.

36.

Не шути съ такимъ ты шутокъ,
Кто на всяко слово чутокъ.

37.

Языкъ отъ словъ не тупится,
И слово въ брань не купится;
Напустится бранчивый Титъ,
Безпошлинно людей бранитъ.

38.

Собачій лай людей не знаетъ,
И на владыку часто лаетъ.

39.

Не посылай ты чорта на вѣсти,
Въ дорогѣ треснетъ онъ отъ зависти.

40.

Соннаго льва не буди, не трони,
И въ покоѣ злодѣя себѣ не дразни.

41.

Какъ ты дѣло не ворочай,
А языкъ руки короче.

42.

Кошкѣ игрушка,
А мышкѣ бѣдушка.

43.

Не радуйся, индѣ нашедши находку:
Отдашь и послѣдню рубашку въ охотку,
Какъ станутъ просить, наступивши на глотку.

44.

Противъ рожна не можно прать;
Отдашь, какъ сила будетъ брать.

45.

Не держи въ дому злодѣя,
Не держи и дурака:
Глупый злаго не добрѣя,
Лишь боится кулака.

46.

Пожары искорка творитъ,
И отъ нее сыръ боръ горитъ.

47.

Искру туши до пожара;
Напасть отводи до удара

48.

Безъ причинной бѣды не бываетъ бѣда:
Разобьется кувшинъ, такъ прольется вода.

49.

Разумный только свиснитъ,
А кто догадливъ, смыслитъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ VIII.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ.

1.

Знай, кому добро творишь
И кого за что даришь.

2.

Приготовь домашнимъ пищу,
А потомъ давай ты нищу.

3.

Коль можешь, жалуй ты чужихъ,
Но прежде жалуй ты своихъ.

4.

Не въ томъ де-скать милость, чтобъ дѣтокъ родить,
А въ томъ, чтобъ учить, да добромъ наградить.

5.

Дѣлай-скать добро такому,
Кто добро творитъ другому.

6.

Давши, тотъ взялъ,
Кто достойному далъ;
Кто же злыхъ награждалъ,
Тотъ свой даръ потерялъ.

7.

Умному дашь: похвала и барышъ;
А безумному дашь: только грѣхъ сотворишь.

8.

Дѣлатель, послѣ заботъ и труда,
По закону, достоинъ вкусить отъ плода.

9.

Пріятно и легко такому помогать,
Кто можетъ хлѣбъ найти и можетъ сберегать.

10.

При случаѣ добро ты дѣлай неотложно:
На свѣтѣ не всегда творить его возможно.

11.

Добродѣтель собою хотя награждается,
Доброй награды-скать тѣмъ не чуждается.

12.

Господь щедроту тамъ отмѣнно простираетъ,
Гдѣ въ обществѣ одинъ другому помогаетъ.

13.

Подпора избушкѣ добра-скать при худости,
Помощь и милость добры-скать при скудости.

14.

Творивши добро, не жури какъ свекровь,
Не нуждай благодарность, не путай любовь.

15.

Кто, сдѣлавъ добро, попрекаетъ,
Тотъ цѣну его умаляетъ.

16.

Деньги-скать: умнымъ наука,
Несмысленнымъ мука,
Скупому боязнь,
А бездѣльнику казнь.

17.

Спроси не молодаго
Про стараго сѣдаго;
Спроси про молодаго
У стараго сѣдаго.

18.

Медвѣдь собакамъ не угодникъ,
Свинья въ саду не огородникъ;
И волкъ овечкамъ не пастухъ,
Плохой судья, кто глупъ, иль глухъ.

19.

Скорѣе друга сыщешь,
Кого-скать въ нуждѣ взыщешь;
А кто богатъ собою,
Не дорожитъ слугою.

20.

Чортъ безъ подмоги
Проищетъ дороги:
Одинъ-скать содомитъ
И двери проломитъ.

21.

Не годится къ худому хорошій совѣтъ,
Ни на глупый вопросъ доброумный отвѣтъ.

22.

Не собина волкъ:
Не добыча приводъ.

23.

Кормленый волкъ не будетъ песъ:
Корми, а онъ глядитъ на лѣсъ.

24.

Хозяинъ добръ, да не отыметъ,
Какъ волкъ съ овцы овчину сыметъ.

25.

Съ голодухи песъ не мретъ,
А другаго пса сожретъ.

26.

Наглому дай волю:
Онъ захочетъ болѣ.

27.

Указкою глупаго фалю не выучишь:
Ласкою наглаго гостя не выгонишь.

28.

На крѣпкой сукъ точи топоръ:
На брань умѣй давать отпоръ.

29.

Не дѣлай милости злодѣю,
Чтобъ послѣ милостью твоею
Не сѣлъ другому онъ на шею.

30.

Хороша тому честь,
Кто умѣетъ расчесть;
Хороша и гроза
На безстыдны глаза.

31.

Слава, что мухи намъ свѣтъ заслоняютъ,
А ихъ-скать и куры клюютъ и гоняютъ.

ОТДѢЛЕНІЕ IX.

МѢРНОСТЬ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ.

1.

Живется въ свѣтѣ уповаючи,
Да плохо жить изнемогаючи.

—

ОТДѢЛЕНІЕ X.

РАЗСУДИТЕЛЬНОСТЬ.

1.

Видѣть, чувствовать на свѣтѣ,
Есть лишь только просто быть:
Кто жъ имѣетъ смыслъ о свѣтѣ,
Тотъ умѣетъ быть и жить.

2.

За добрыя дѣла цѣны достойной нѣтъ:
За нихъ платить не можетъ свѣтъ;
Но кто способствуетъ къ сей платѣ сколько можно,
Тотъ платитъ за добро не ложно.

3.

Глупаго счастье сгубляетъ,
А умному путь расширяетъ.

4.

Догадка знанія мудрѣе,
А въ свѣтѣ жить умѣть и всѣхъ наукъ хитрѣе.

5.

Задній переднему хвостъ,
А передній для задняго мостъ.

6.

Мужикъ себѣ на пашнѣ,
Дивится много башнѣ,
Что башня высока;
А кто стоитъ на башнѣ,
Тотъ видитъ все на пашнѣ,
Не только мужика.

7.

Бываетъ въ пирогахъ пшеница хуже ржи,
Бываетъ, не въ попадъ, и правда хуже лжи.

8.

Копье куетъ кузнецъ,
А бьетъ копьемъ вострецъ.

9.

Орлы себѣ для славы бьются,
А людямъ перья достаются.

10.

Обѣдъ тогда варятъ,
Когда дрова горятъ.

11.

Пройдетъ горчицѣ череда:
Горчица послѣ не ѣда.

12.

Куй де желѣзо, пока горячо,
Чтобы послѣ надъ тѣмъ не устало плечо.

13.

Даровому коню-скать не смотрятъ на зубы,
И шапочка, въ даръ, лучше купленой шубы.

14.

Мошна не говоритъ,
А чудеса творитъ.

15.

Куда иголка промѣстится,
Туда и нитка протащится.

16.

Передни колесы отъ силы вертятся,
А задни колеса и сами катятся.

17.

Хозяинъ добръ: и домъ хорошъ;
Хозяинъ худъ: и въ домѣ то жъ.

18.

Не скроменъ людъ,
Какъ баринъ худъ.

19.

Долгая бабина дума, безъ дѣла,
Ума не придастъ, ни корысти, ни тѣла.

20.

Долго думать, сидя въ лужѣ,
Быть тому же.

21.

На свѣтѣ не диво,
Что жжется крапива;
Жигуча родится,
А во щи годится.

22.

Гдѣ приходъ и расходъ,
Тамъ не быть безъ хлопотъ.

23.

Не красна изба углами,
А красна изба друзьями.

24.

Съ кѣмъ миръ да ладъ,
Такъ тотъ и братъ.

25.

Съ другомъ-скать и воду
Выпьешь лучше меду.

26.

По гостямъ, коли любо, гуляй:
Да и самъ ворота отворяй.

27.

Не будь для гостя-скать богатъ,
Да будь ему при встрѣчѣ радъ.

28.

У старца въ кельѣ праздникъ малъ,
А радъ-скать тѣмъ, что̀ Богъ послалъ.

29.

Что̀ скупой изъ-заморья съ трудомъ достаетъ,
То̀ въ окно тороватому Богъ подаетъ.

30.

Не тратя своего,
Не купишь ничего.

31.

Не береги слуги ты въ дѣлѣ,
Да не обидь его въ раздѣлѣ.

32.

О домѣ старъ гонобидъ,
Себѣ палаты собитъ;
А кто и помоложе,
Себѣ гонобитъ то же.

33.

Пѣшій за гусемъ усталъ отъ дороги,
Спросилъ бы у гуся: не зябнутъ ли ноги?

34.

Коникъ не сытъ
Далеко не бѣжитъ.

35.

Мало къ работѣ находится годныхъ,
Какъ сытый въ довольствѣ не помнитъ голодныхъ.

36.

Безъ крестьянина, пахатника,
Не заводится бархатника.

37.

Сытъ понамарь, и попу попадаетъ:
Какъ заживетъ крестьянинъ, и пану доходъ.

38.

Не кормятъ пѣсни соловья,
Какъ нѣтъ сосѣда-муравья:
У муравья хоть нѣча слушать,
Да есть въ запасѣ, что покушать.

39.

Не вскормивши малаго,
Не видать и стараго.

40.

Мала дѣла пожалѣешь,
И къ большому не доспѣешь

41.

Дѣлу начало
Пошло бы, да стало,
Какъ денежекъ мало.

42.

На добромъ коникѣ въ угонку,
А на худомъ ступай въ сторонку.

43.

Яблочко отъ яблоньки недалеко катится:
Деньга отъ разумнаго не къ пропажѣ тратится.

44.

Долгъ красенъ-скать платежемъ,
А избытокъ дележемъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ XI.

СЛѢДСТВІЯ ХУДАГО ПОВЕДЕНІЯ.

1.

Человѣкъ, на безпорядкѣ,
Мучитъ вѣкъ, какъ въ лихорадкѣ.

2.

Повадится кувшинъ-скать по̀ воду ходить:
На томъ и голову кувшину положить.

3.

Что было-скать, припомнится,
И къ слову де примолвится.

4.

Люди на свѣтѣ
О чемъ ни прослышутъ,

Что было въ примѣтѣ,
Болтаютъ и пишутъ.

5.

Шило въ мѣшкѣ не таится,
Концемъ де внаружу явится.

6.

Сорока въ новый кустъ всегда перелетаетъ,
Какъ старый замараетъ.

7.

Вѣдаетъ кошка, чье мясо украла,
Боится конца де-скать прежде начала.

8.

Всѣми Ненила
Кутила, мутила,
Да скоро Ненила,
Смутившися, взвыла.

—

ОТДѢЛЕНІЕ XII.

СЛѢДСТВІЯ НЕРАЗСМОТРИТЕЛЬНОСТИ.

1.

Искалъ обороны
Пѣтухъ у вороны;
И сдѣлался грѣхъ,
Что и куркамъ на смѣхъ.

2.

Осердившись на блохъ,
Не къ пути одѣяло сожогъ.

3

Купя корову, сталъ доить:
Явился быкъ, инъ такъ и быть.

4.

Гомонили простофили,
Да добра не учинили.

5.

Господь намъ разумъ далъ добро и худо знать,
Добро всегда творить, а худа избѣгать.

КОНЕЦЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 7 мая 1847 года.

Цензоръ *А. Крыловъ.*

СОЧИНЕНІЯ

БОГДАНОВИЧА.

ТОМЪ II.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ

1848.

Цѣна за 2 тома 1 р. 50 к. сер.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КЪ

СОЧИНЕНІЯМЪ

БОГДАНОВИЧА.

ТОМЪ II.

ПРОЗА.

	стр.
Славяне, драма	3
Радость Душеньки, лирическая комедія	63
Сельскій праздникъ, театральное представленіе	91
Театральное представленіе, на пословицу: не всякаго дѣло судить и рядить	109
Театральное представленіе, на пословицу: сердцемъ дѣлу не поможешь	119
Театральное представленіе, свои не чужіе	133
Историческое изображеніе Россіи:	
Приношеніе Екатеринѣ Второй	147
Предисловіе отъ сочинителя	151

стр.

Историческое изображеніе Славянъ и въ послѣдствіи Россіянъ:
Славяне 135
Кіевъ 161
Княженіе Новогородское:
Рюрикъ 165
Княженіе Кіевское и Новогородское:
Олегъ 166
Игорь 169
Святая Ольга 173
Святославъ 178
Разныя княженія:
Ярополкъ, Олегъ и Святой Владиміръ . . 188
Княженіе Кіевское и Новогородское:
Святый Владиміръ (единовластитель). . . 194
Хронологическое показаніе достопамятнѣйшихъ происшествій въ Россіи 229
Поколѣніе великихъ князей россійскихъ, отъ Рюрика до Владиміра 230
Означеніе первобытностей . . . . . —
Краткое географическое означеніе древней Россіи. 231
Отвѣтъ сочинителя Историческаго изображенія Россіи къ его неизвѣстному вопрошателю. . . . 232
Отвѣтъ сочинителя къ неизвѣстному вопрошателю. 253
Примѣчанія о германскихъ правахъ 241
О древнемъ и новомъ стихотвореніи 271
Рѣчь о достоинствѣ вообще Словесности и о произведеніи словъ россійскихъ 312
Письмо къ N. Символъ Мудрости 329
Письмо къ госпожѣ *** о великодушныхъ чувствованіяхъ 332
Таблица для дѣтей, служащая къ познанію главныхъ добродѣтелей:
1. *Благовѣріе*: 337

стр.

Неправильное употребленіе 338
Порокъ, противодѣйствующій благовѣрію . . . . —
Правило 339
II. *Повиновеніе*. . . . . —
Неправильное употребленіе 341
Порокъ, противодѣйствующій повиновенію 342
Правило. . . . . —
III. *Любовь*. 343
Неправильное употребленіе 344
Порокъ, любви противодѣйствующій 345
Правило. 346
IV. *Благоразуміе*. . . . . —
Неправильное употребленіе 347
Порокъ, противодѣйствующій добродѣтели 348
Правило. . . . . —
V. *Правосудіе*. 349
Неправильное употребленіе 350
Порокъ, противодѣйствующій правосудію 351
Правило. 353
VI. *Твердость*. . . . . —
Неправильное употребленіе 355
Порокъ, противодѣйствующій твердости 356
Правило. 357
VII. *Воздержность*. . . . . —
Неправильное употребленіе 359
Порокъ, противодѣйствующій воздержности . . . . —
Правило. 360

ПРОЗА.

СЛАВЯНЕ,

ДРАМА

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

СЪ ХОРОМЪ И БАЛЕТОМЪ ВЪ КОНЦѢ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ

Александръ, царь и главный полководецъ греческій.
Доброслава, дочь воеводы города Славенска, Александру Славянами въ залогъ отданная.
Русланъ, посолъ отъ славянскаго двора къ Александру, любовникъ Доброславинъ.
Парменіонъ, одинъ изъ главныхъ греческихъ военачальниковъ, наперсникъ Александровъ.
Пансофій, аѳинскій мудрецъ, въ свитѣ Александровой.
Милогляда Радимовна, служанка Доброславина.
Докладинъ, слуга Доброславинъ.
Потапьевна, огородница.
Власьичъ, огородникъ, мужъ Потапьевнинъ.
} Всѣ четверо говорятъ старымъ новгородскимъ нарѣчіемъ.
Свита Александрова.
Свита посла славянскаго.
Хоръ Славянъ и Славянокъ.

ВЪ БАЛЕТѢ

Труппа Славянъ и Славянокъ.
Время, въ видѣ старика съ крыльями.
Труппа Геніевъ, послѣдующихъ за Временемъ.

Дѣйствіе въ древнемъ городѣ Славенскѣ, въ чертогахъ пребыванія Александрова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

АЛЕКСАНДРЪ И ПАРМЕНІОНЪ.

Парменіонъ. Повелѣнія твои исполнены: Славянамъ объявлено, что Греки желаютъ быть ихъ друзьями. Войскамъ нашимъ строго запрещено всякое непріятельское здѣсь поведеніе. Славяне пользуются совершеннымъ спокойствіемъ и безопасностью. — Долгъ моей къ тебѣ подчиненности....

Александръ. Я увѣренъ, что твоя ко мнѣ дружба больше, нежели подчиненность въ томъ способствовала. Желаю, чтобъ ты говорилъ со мною подружески.

Парменіонъ. Подружески сказать должно, что мы здѣсь не пользуемся побѣдоносными пра-

вами. Воины наши не довольны твоимъ къ Славянамъ снисхожденіемъ.

Александръ (*съ чувствительностью*). Мой другъ! воины всегда тишиною не довольны: обыкши побѣждать, они всегда новыхъ побѣдъ желаютъ. Я, однако, чувствую, что война не есть ремесло благополучнаго состоянія, и не можетъ быть оправдана, какъ только самою необходимостью.

Парменіонъ. Ты такъ говоришь, какъ Аристотовъ воспитанникъ; однако Греки, которые выбрали тебя главнымъ полководцемъ войскъ своихъ, Аристотовымъ правиламъ не слѣдуютъ. Они хотятъ, чтобъ ты воевалъ и побѣждалъ всюду, гдѣ ихъ оружіе можетъ дѣйствовать.

Александръ. Они хотятъ, чтобъ я былъ только орудіемъ ихъ успѣховъ, не мысля много о слѣдствіяхъ. И какую же найду въ томъ себѣ награду?

Парменіонъ. Славу завоевателя цѣлаго свѣта, развѣ мало?

Александръ. А! мой другъ! не говори мнѣ объ ложной славѣ: потомки назовутъ меня, можетъ быть, грабителемъ. Полководцамъ оставляютъ часто славу такихъ дѣлъ, которымъ они причастны не были. Я понимаю, сколько неправосудій, сколько разореній и сколько несчастныхъ Греки, подъ моимъ именемъ, произвесть могутъ: то ли называешь наградою?

Парменіонъ. Удовольствіе повелѣвать Грекамъ и повелѣвать цѣлому свѣту развѣ не награда?

Александръ. Мой другъ, ты ошибаешься. Должность повелителя есть бремя, а бремя не есть удовольствіе. Доволенъ я тогда только, когда не нахожу нужды подчинять людей моимъ повелѣніямъ; то есть, когда люди сами чувствуютъ и исполняютъ свои должности.

Парменіонъ. Гдѣ же такіе люди?

Александръ. По нравамъ Грековъ не должно судить о всѣхъ прочихъ. Посмотри на Славянъ: добронравіе, простота и вѣрность между ними предупреждаютъ повелѣнія. Природа, кажется, ошиблась, произведши въ Греціи Аристидовъ и Сократовъ; здѣсь бы они гонимы не были.

Парменіонъ. Въ комъ же ты здѣсь видишь добронравіе, простоту и вѣрность?

Александръ. Посмотри на Доброславу; послушай, какъ она, научась отъ Славянъ, разсуждаетъ. Гдѣ добродѣтели уважаются, тамъ люди не могутъ быть инаковы, какъ добродѣтельны.

Парменіонъ. То есть, ты плѣнился Доброславою и думаешь, что не только она, а даже и всѣ единоземцы ея привлекаютъ къ себѣ особую благосклонность?

Александръ. Сожалѣю, если они твоей не привлекаютъ.

Парменіонъ. Всѣ скажутъ, что ты влюбился въ Доброславу, и въ угожденіе ей....

Александръ. Люблю Доброславу, и въ угожденіе ей я, конечно, все дѣлаю, будучи увѣренъ

что она не пожелаетъ отъ меня ничего недостойнаго.

Парменіонъ (*съ усмѣшкою*). Влюбился, влюбился....

Александръ. Ты выводишь слабость изъ простого дѣйствія правосудія.

Парменіонъ. Влюбился, влюбился....

Александръ. Могу тебя увѣрить, что люблю ее не по аонискимъ прихотямъ.

Парменіонъ. Влюбился, влюбился....

Александръ. Люблю ее потому, что она любезна, и почитаю потому, что она почтенна.

Парменіонъ (*съ тою же усмѣшкою*). Не въ томъ ли находишь свою награду?

Александръ. Правда то, что ея взоръ удобенъ дѣлать награду, и она, чаятельно, много облегчитъ Грековъ въ ихъ затрудненіяхъ, когда они о моихъ наградахъ помышлять будутъ.

Парменіонъ. Да ты заправду къ Доброславѣ привязался. По малой мѣрѣ, не совѣтую тебѣ писать въ Аѳины, что въ Славенскѣ воеводская дочь, которая тебѣ въ залогъ оставлена, дѣлаетъ своимъ взоромъ твою награду. Подумай, что въ Аѳинахъ о тебѣ и о твоей наградѣ заключать будутъ?

Александръ. Если станутъ выводить слѣпую страсть изъ послѣдствія моего разсужденія, о томъ я сожалѣть буду. Впрочемъ, аонискимъ обычаямъ подвергаюсь я не столь много, чтобъ самые несправедливые толки могли казаться мнѣ непремѣнными законами.

Парменіонъ. Оставя толки, надобно будетъ отпустить, однако, Доброславу къ родственникамъ, — и твоя награда можетъ прекратиться въ скоромъ времени.

Александръ (*съ чувствительностью*). Съ какою жестокостію вышскиваешь ты всѣ причины, какія удобны погасить во мнѣ чувствительность! Я тебѣ не говорилъ, чтобъ Доброслава имѣла должность дѣлать и продолжать мою награду. Ты упреждаешь мои мысли съ такою безпокойною предусмотрительностью и съ такою заботою, какъ-будто бы предложеніе ихъ могло быть страшно, или, какъ-будто находишь легче побѣдить свѣтъ, нежели сдѣлать мою награду возможною.

Парменіонъ. Ничего нѣтъ легче, какъ взять Доброславу: она въ рукахъ твоихъ; да только на что къ ней такое уваженіе?

Александръ. На то, чтобъ уваженія мы сами были достойны.

Парменіонъ. Послѣ всего твоего уваженія, она тебѣ скажетъ, можетъ быть, что у нея есть полюбовникъ, котораго она не захочетъ промѣнять на всю твою Грецію. Мнѣ очень хочется, чтобъ она тебѣ такое откровеніе сдѣлала. Въ ея глазахъ какой-нибудь простой Славянинъ легко покажется лучше побѣдителя свѣта. Въ Аѳинахъ сочинятъ эпиграмму на горесть твоей утраты, и эпиталамію на благополучіе того, который тебѣ предпочтенъ будетъ, — то-то читать будетъ забавно!

Александръ (*съ нетерпѣніемъ*). Опять страхъ Аонновъ! опять увѣщаніе, чтобъ я не влюблялся! Если бъ я былъ склоненъ подозрѣвать друзей моихъ, то подумалъ бы, что ты имѣешь скрытыя причины приводить меня къ развратнымъ разсужденіямъ. Люблю отдавать справедливость, — вотъ на чемъ основана моя къ Доброславѣ склонность... Оставь меня... дай знать Доброславѣ, что сегоднишній вечеръ я у нее провести намѣренъ.

(*Парменіонъ откланивается съ видомъ повиновенія, и выходя отъ Александра, встрѣчается съ Потапьевною.*)

=

ЯВЛЕНІЕ II.

АЛЕКСАНДРЪ И ПОТАПЬЕВНА.

Потапьевна (*къ Парменіону, почитая его за Александра*). Отецъ родимой, Александръ, царь Греческій! умились надъ моею бѣдностью!

Парменіонъ (*показывая ей Александра*). Вонъ, вонъ Александръ! ему кланяйся.

(*Уходитъ*).

Александръ (*вслушавшись въ рѣчи, къ Потапьевнѣ*). Ты не ошиблась: то другой Александръ, такой же.

Потапьевна (*кланяясь низко*). Не прогнѣвайся, родимой, на простоту мою: которой изъ васъ настоящій, ты ли, али другой, родимой, не вѣдаю.

Александръ (*съ усмѣшкою*). Который же настоящій? какъ ты думаешь?

Потапьевна (*пригорюнившись*). А намъ, простымъ людямъ, почему о томъ вѣдать, родимой? По мнѣ тотъ и хорошъ, который будетъ ко мнѣ милостивъ.

Александръ. Если ты милость заслуживаешь, то я буду къ тебѣ милостивъ.

Потапьевна (*утирая платкомъ слезы*). Чѣмъ мнѣ, бѣдной, твою милость заслуживать, отецъ родимой? Былъ у меня одинъ огородъ, да и тотъ пообломали, капусту поизвели и гряды потоптали. Не вели, родимой, огородъ обламывать, капусту изводить и гряды топтать. Умились надъ моею бѣдностью? (*Низко кланяется.*)

Александръ. Да кто ты?

Потапьевна. Я Потапьевна, огородница (*низко кланяется*).

Александръ. Да кто твою капусту трогать осмѣлился?

Потапьевна. Они, родимой.

Александръ. Да кто они?

Потапьевна. А кто ихъ вѣдаетъ? не могу ихъ въ лицо признать, отецъ мой. Не прогнѣвайся ты на простоту мою (*Низко кланяясь.*) Не признаешь ли ты ихъ, родимой, межъ тѣми, кто у тебя до капусты лакомы?

Александръ. Я самъ до капусты охотникъ: можетъ быть, самъ ѣлъ твою капусту и тебя обидѣлъ безъ намѣренья. Вотъ тебѣ за твой убытокъ (*даетъ ей кошелекъ съ деньгами*). Я прикажу развѣдать, не дѣлаютъ ли воины мои кому обиды. Будь увѣрена, что я не только не позволяю дѣлать здѣсь наглостей, а ихъ особо запрещаю.

Потапьевна. Спасибо тебѣ, родимой, что ты не даешь въ обиду меня, бѣдную. (*Считая въ кошелькѣ деньги*). Только ты далъ мнѣ за капусту много лишняго: у меня только на двадцать алтынъ убытку было. Что не мое, то не мое. Лишняго мнѣ не надобно. Возьми, родимой, назадъ лишнее. Не вели только напредь огородъ ломать и гряды топтать. (*Пригорюнившись*). Боюсь, родимой, чтобъ послѣ капусты мнѣ самой чего не досталось

Александръ Не бойся, другъ мой. Возьми всѣ деньги за ту капусту, которую я у тебя впредь ѣсть намѣренъ. Приноси ее ко мнѣ всегда сама: увидишь, что тебя никто обидѣть не захочетъ. Поди и будь спокойна.

Потапьевна. Вотъ, родимой, каковъ ты милостивъ! Правду про тебя сказали, что ты сынъ Юпитеровъ.

Александръ. Нѣтъ, голубушка, не правду сказали. Я сынъ Филипповъ, и ни въ какомъ родствѣ съ Юпитеромъ быть чести не имѣю.

Потапьевна (*кланялсь*). Не прогнѣвайся, отецъ мой, на простоту мою; болтаю то, что

слышала. (*Подгорюнившись*) Не ужъ-то не правда и то, что объ тебѣ на картинкахъ-то написано?

Александръ. Гдѣ ты такія картинки видѣла?

Потапьевна. Мой Власьичъ мнѣ, родимой, картинки показывалъ.

Александръ. А кто таковъ твой Власьичъ?

Потапьевна. Власьичъ, огородникъ, мужъ мой; а онъ купилъ ихъ на торговомъ мосту въ городѣ. Тамъ все, отецъ мой, написано: какъ ты бодро на конѣ сидѣлъ, и какъ у тебя съ царемъ Поромъ Индійскимъ было побоище, и какъ онъ булавою хотѣлъ тебя ударить по головушкѣ, и какъ тебя, родимой, Богъ спасъ отъ царя Пора Индійскаго, и какъ онъ послѣ тебѣ поклонился, и какъ персидскія боярыни у тебя ручки цѣловали. Власьичъ все, все мнѣ толковалъ и разсказывалъ.

Александръ. Не надобно, голубушка, вѣрить всему тому, что на картинкахъ пишется. Съ царемъ Поромъ Индійскимъ у меня не было особаго побоища; онъ мнѣ не покланялся и персидскія боярыни у меня рукъ не цѣловали.

Потапьевна (*кланяясь*). Не прогнѣвайся, отецъ мой, на простоту мою. Я вѣдь не вѣдаю ты ли побилъ, родимой, или тебя побили.

Александръ. Вѣдай же, что ни я никого не билъ, ни меня не били. Довольно было и безъ меня людей для побоища.

Потапьевна (*подгорюнившись*). Благо, что ты мнѣ сказалъ, родимой. Я ужъ теперь ни кар-

тинкамъ, ни Власычу вѣрить не стану, и капусту къ тебѣ вся дни сама приносить буду. Не давай только насъ, бѣдныхъ, другимъ въ обиду.

Александръ. Поди и будь спокойна.

Потапьевна. Буду спокойна, родимой! Вели только, чтобъ другіе жили покойно и порядочно. Прости, родимой!

(*Кланяясь уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

АЛЕКСАНДРЪ (*одинъ*).

Александръ. Вотъ, какъ простымъ и добрымъ людямъ вздорными разсказами набиваютъ головы! Простодушная огородница говоритъ то, что слышала; однако ея невѣдѣніе нравится мнѣ лучше, нежели высокій разумъ, во зло употребляемый. О, какъ далеки нравами отъ Славянъ Аонияне! Другъ мой Парменіонъ много ошибается, почитая Аонянъ своими добрыми учителями. Со всею своею премудростью, Аонияне не довольны, безпокойны и всегда несчастій опасаются. Славяне, въ счастливой простотѣ своей, не разумнѣе ли мудрецовъ, которые любятъ часто химерамъ слѣдовать? Пускай Аонияне, какъ хотятъ, толкуютъ; я ставлю простоту и добронравіе выше аонискої премудрости.

ЯВЛЕНІЕ IV.

АЛЕКСАНДРЪ И ПАРМЕНІОНЪ.

Парменіонъ (*съ притворною важностью*). Я посылалъ сказывать Доброславѣ, что тебѣ угодно провести у нее сегодняшній вечеръ: посланный не могъ ее видѣть, ни знать ея волю; а ея служащіе сказали только, что ей послѣ о томъ доложатъ.

Александръ (*подумавъ нѣсколько*). Я виноватъ предъ Доброславою: поручилъ тебѣ ее предувѣдомить, не подумавъ хорошенько, какимъ образомъ то сдѣлать надлежало.... Твое присутствіе нужно въ распоряженіяхъ военныхъ; прочее я самъ распорядить намѣренъ.

(*Выходитъ*).

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ПАРМЕНІОНЪ И ПОТАПЬЕВНА.

Парменіонъ. Довольна ли ты, голубка, отвѣтомъ Александровымъ?

Потапьевна (*кланяясь*). Довольна, довольна, родимой; онъ и денегъ мнѣ пожаловалъ, то-то милостивъ!

Парменіонъ (*въ сторону, съ видомъ важнаго сомнѣнія*). Нѣтъ ли у нее съ Доброславою знакомства?... (*Къ Потапьевнѣ*) Знаешь ли ты, голубка, Доброславу?

Потапьевна. Какъ не знать, родимой. И отца и мать ея знаю. Отецъ ея нынѣ здѣсь воеводою. Я часто къ нимъ въ домъ хожу, и Доброславу еще дитятею на рукахъ нашивала Бывало, какъ увидитъ меня издали, то и кричитъ, кричитъ: Потапьевна! Потапьевна! Потапьевна! Потапьевна! а ужъ нынѣ, родимой, велика, велика выросла. Я и сегодня къ ней забѣгала, принесла кой-чего Милоглядѣ Радимовнѣ. Ты вѣдь знаешь, отецъ мой, Милогляду Радимовну.

Парменіонъ. А кто такая Милогляда Радимовна?

Потапьевна. То Доброславина нянюшка, отецъ мой. Какъ Доброславу взяли къ царю вашему, то и Милогляда Радимовна не хотѣла ее оставить. Она, родимой, мнѣ сватья доводится: дѣда моего невѣстка съ ея дѣдомъ...

Парменіонъ. Мнѣ до родства вашего нужды нѣтъ, а нужно, чтобъ ты Доброславу кой о чемъ поскорѣе увѣдомила. Государь нашъ сегодня вечеромъ къ ней въ гости будетъ.

Потапьевна. Ладно, ладно, родимой, увѣдомлю.

Парменіонъ. Надобно, чтобъ Доброслава при немъ была веселѣе и ни на что бы не жаловалась. Слышишь, Потапьевна?

Потапьевна. Ладно, ладно, родимой. Да отъ нее и за все не услышишь жалобы. Вѣдь восводскія дѣти, родимой, не какъ мы, простые люди: не скоро свѣдаешь, кручинно имъ, али радостно.

Парменіонъ. Дѣвица должна украшать себя скромностью.

Потапьевна. Ладно, ладно, родимой. У насъ, у Славянъ, и пословица есть: «хорошо быть дѣвкѣ въ кельѣ; скромность дѣвкѣ — ожерелье.»

Парменіонъ. Нѣтъ ли, голубка, ей въ чемъ нужды? я могу ей дать денегъ.

Потапьевна (*подгорюнившись*). Того не смѣю сказать ей, родимой. Вѣдь ты незнакомъ съ нею: она не вѣдь что подумаетъ. Деньги въ нуждѣ мы беремъ отъ своихъ добрыхъ пріятелей, а тебя не знаемъ, родимой. Хотя ты, видится, и добрый человѣкъ, только у насъ есть пословица: «не всегда къ боярамъ деньги идутъ даромъ.»

Парменіонъ. Чѣмъ же ей служить можно?

Потапьевна. Она сама тебѣ лучше скажетъ, родимой, чѣмъ ты ей услужить можешь (*кланяясь*); а на мою простоту не прогнѣвайся. У насъ и пословица есть: «хорошо сказать, какъ-бы не солгать.»

Парменіонъ (*въ сторону*). Вижу, что съ нею говорить много нечего. (*Къ Потапьевнѣ*) Кланяйся ей отъ меня, голубка!

Потапьевна. Ладно, ладно! поклонюсь, родимой; да какъ тебя назвать — не вѣдаю?

Парменіонъ. Меня зовутъ Парменіонъ.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Потапьевна (*одна въ затруднительномъ размышленіи*). Не позабыть бы, какъ назвать его, Па.. Пара... Парамонъ... Парамонъ: только по отечеству какъ назвать, не вѣдаю... Парамонъ... Парамонъ... авось не забуду... По-своему, по простому я смекаю, кабы боярышня-то съ греческимъ царемъ поладила... то бы цѣлѣе были огороды наши... Кто вѣдаетъ? можа-быть Доброслава и напредь намъ миръ выпроситъ... а худо, худо коли война будетъ... Мнѣ со Власычемъ лучше тогда бѣжать изъ города... Не доведи Богъ до такой напасти: и головы преклонить будетъ некуды... Пойти-было къ нимъ... Да вотъ и Доброслава и Милогляда Радимовна.

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ДОБРОСЛАВА, МИЛОГЛЯДА И ПОТАПЬЕВНА.

Потапьевна (*кланяясь.*) Здравствуйте, боярышня.

Доброслава. Здорово, Потапьевна.

Потапьевна. Что тебѣ сегодня во снѣ грезилось? Надъ тобою, боярышня, рой вьется.

Доброслава. Я снамъ не вѣрю, Потапьевна, и ничто не могло мнѣ грезиться, потому что я во всю ночь не заснула.

=

Потапьевна. И, моя матушка, да для чего же ты не спала ноченьку? таки бы почивала, да почивала себѣ покойно. О чемъ тебѣ, боярышня, кручиниться? Неужто Греки и тебя обидѣли?

Доброслава. И ты, такъ же, какъ Милогляда, хочешь, я вижу, меня уговаривать, чтобъ я моимъ состояніемъ радовалась, такъ ли?

Потапьевна. Да для чего же, моя матушка, не радоваться, коли Богъ даетъ счастіе? Греческой-атъ бояринъ не спроста со мною долго разговаривалъ.

Доброслава. Какой боярищъ съ тобою разговаривалъ?

Потапьевна. Парамонъ, а какъ по отечеству-то—и не вѣдаю; авось ты его знаешь, моя матушка. Онъ велѣлъ тебѣ кланяться, и не вѣдь какъ проспѣлъ сказать тебѣ, что самъ де царь греческій сегодня ввечеру къ тебѣ въ гости будетъ, и чтобъ ты встрѣтила его поласковѣе.

Доброслава (*утирая платкомъ слезы*). Да ты какъ попала въ греческія посланницы? Давно ли познакомилась съ Греками?

Потапьевна (*пригорюнясь и унывнымъ голосомъ*). А вотъ какъ, боярышня: они прежде съ моимъ огородомъ познакомились, и правду тебѣ сказать, огородъ пообломали, капусту повзвели и гряды потоптали... Горько, горько было, боярышна. (*Плачетъ*). У меня со Власычемъ только и живота, что въ огородѣ насажено... Какъ быть?.. поплакала, поплакала, пошла прямо къ царю греческому. Пришла: стоятъ ихъ двое;

я и не знала, которому кланяться. Поклонилась, да не тому, моя матушка, — у меня и сердце замерло... Подумала, какъ разгнѣвается, то и совсѣмъ огородъ отыметъ. Спасибо ему, онъ меня надоумилъ: показалъ мнѣ настоящаго-то главнаго. Тому я низехонько поклонилась и свое горе разсказала. Ну, онъ однако не разгнѣвался: говорилъ, говорилъ, разспрашивалъ, разспрашивалъ, и денегъ пожаловалъ, и капусту вся-дни къ себѣ самой мнѣ приносить велѣлъ и сказалъ: «Ничего де не бойся, Потапьевна.» О чемъ же тебѣ кручиниться, боярышня?

Доброслава. Еще было бы лучше, Потапьевна, когда бы я не была въ залогѣ у Грековъ и когда бы они великодушіе свое не у насъ показывали.

Потапьевна. Да о чемъ тебѣ, боярышня, кручиниться?

Милогляда. Вотъ я не одна говорю тебѣ правду, боярышня: о чемъ тебѣ кручиниться? Пить ли ѣсть ли намъ нечего? цвѣтное ль платье износилося? Слава Богу, всего довольно; и слышишь, боярышня, самъ царь греческій къ намъ въ гости будетъ. Вѣдь Потапьевна правду говоритъ, что надобно принять его поласковѣе.

Доброслава. Я рада принять его ласково, послѣ, какъ онъ приметъ пословъ отъ государя нашего, какъ поставитъ твердый миръ со Славянами и какъ отдастъ меня обратно моимъ родственникамъ.

Потапьевна. Почему знать, боярышня, подъ какою звѣздою ты родилась? Можа-быть ради тебя онъ и не вѣдь что сдѣлаетъ?

Доброслава (*съ досадою*). Мнѣ то и прискорбно, что онъ добро дѣлаетъ для меня, а не для справедливости; мнѣ то и прискорбно, для чего онъ не такъ великодушенъ, какъ я его воображала, и что не могу любить и почитать его, какъ бы желала. Какъ ты не разсудишь того, Потапьевна?

Потапьевна (*къ Милогляде, подгорюнившись*). Милогляда Родимовна! растолкуй мнѣ, что такое говоритъ она по-своему?

Милогляда (*въ недоумѣніи*). У нее все по-своему. Слышишь, говоритъ, какъ бы тебѣ сказать, Потапьевна?.. Слышишь, такъ какъ бы... любить его желаетъ, а видѣть не хочетъ.

Потапьевна. И, боярышня, чего ты не затѣваешь! Вѣдь онъ свѣтъ завоевалъ, вѣдь мы всѣ у него подъ властью: и но неволѣ будешь весела, какъ заставитъ.

Доброслава (*съ жаромъ*) Отъ него зависитъ сдѣлать меня довольною, благодарною и веселою, безъ всякаго принужденія Радость не заставляется Скажите ему, что въ теперешнемъ состояніи я не желаю его видѣть.

(*Утираетъ слезы*).

Потапьевна. Все у тебя по-своему, боярышня! Лучше было бы, кабы ты насъ послушала. Знаемъ, что ты любишь себѣ ровню, да какъ же быть, какъ худо приходитъ? Нужда и законъ

перемѣняетъ .. Таки-бы повеселѣе, да поласковѣе, да и по рукамъ бы ударили...

Доброслава (*съ нетерпѣніемъ*). Долго ль вамъ вздоръ выдумывать? Оставьте меня плакать.

(*Уходитъ*).

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МИЛОГЛЯДА И ПОТАПЬЕВНА.

Потапьевна (*унывно*). Ну, что ты съ нею сдѣлаешь? горе, горе наше, Милогляда Родимовна!

Милогляда (*унывно*). Какъ быть, какъ быть? ума не приложу, Потапьевна... Вотъ ужъ сколько дней горюетъ, да плачетъ, какъ-будто дѣло дѣлаетъ, боярышня. Только у нее на умѣ, только и рѣчей: пошли да пошли провѣдать, здоровъ ли Русланъ, ея возлюбленный, да относи, да приноси къ нимъ грамотки, да читать, да плакать, да не хотимъ никого видѣть,—да вотъ тебѣ и дѣло все... Греческой-атъ царь терпитъ, терпитъ, да какъ разгнѣвается,— куды мы годимся тогда, Потапьевна?

Милогляда и Потапьевна (*обѣ вмѣстѣ въ отчаяніи*). Пропали наши головушки! (*Обѣ воютъ*). У! у! у! у!..

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ И ДОКЛАДИНЪ.

Докладинъ. Милогляда Родимовна, доложи, пожалуй, боярышнѣ, что незнакомый боярин отъ царя греческаго приказалъ провѣдать, можно ли ему видѣть боярышню; онъ хочетъ говорить съ нею.

Милогляда (*въ горькомъ недоумѣніи къ Потапьевнѣ*). Съ нею говорить хочетъ!.. Ну что теперь сдѣлаешь, Потапьевна? Она никого видѣть не хочетъ.

Потапьевна (*ухватя себя за бороду, въ глубокомъ размышленіи*). Надо, надо какъ-нибудь пособить дѣлу... Жаль, жаль боярышню... Послушай, Милогляда Родимовна: прими ты здѣсь посланнаго, и скажись Доброславою... Посланный боярин ни Доброславы, ни тебя не знаетъ... все равно. Межъ тѣмъ можно поскорѣе сбѣгать къ Руслану... разсказать ему все дѣло... и выпросить отъ него грамотку... въ той грамоткѣ онъ напишетъ къ боярышнѣ, чтобъ она на вечеръ, конечно, допустила къ себѣ царя греческаго... и была бы къ нему поласковѣе... Она во всемъ Руслана послушаетъ, коли онъ къ ней напишетъ.

Милогляда (*ухватя себя за бороду въ глубокомъ недоумѣніи*). Потапьевна, свѣтъ мой, да какъ мнѣ сказаться боярышнею? у какъ боя-

ринъ-атъ узнаетъ, что я не боярышня?.. Побарски-то я и говорить не горазда.

Потапьевна. А ты, Милогляда Родимовна, нарядись въ боярышнино платье и говори съ нимъ повѣжливѣе, такъ и будешь походить на боярышню.

Милогляда (*поприз думавшись*). Хорошо, Потапьевна; а ты стань при мнѣ, какъ-будто моя мамушка, ты мнѣ въ рѣчахъ съ нимъ поможешь... Посмотримъ только, заснула ль боярышня.

Потапьевна. Ладно, ладно, Милогляда Родимовна.

Милогляда (*оборотясь къ Докладину*). Скажи: добро пожаловать.

(Милогляда и Потапьевна уходятъ во внутреннія комнаты Доброславины, а Докладинъ выходитъ въ другую сторону).

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

=

ЯВЛЕНІЕ I.

МИЛОГЛЯДА *(въ верхнемъ Доброславиномъ платьѣ, подъ именемъ Доброславы).* ПОТАПЬЕВНА *подъ именемъ Доброславиной мамы).*

Милогляда (*оправляясь и оглядываясь вокругъ въ господскомъ платьѣ*). Не забудь же, Потапьевна что ты будешь при мнѣ стоять, какъ-будто моя мамушка.

Потапьевна. Ладно, ладно, Милогляда Родимовна... (*Осматривая вокругъ Милогляду*). Стой только чинно, мать моя. (*Посмотрѣвъ къ дверямъ*). Идетъ, идетъ...

(Обѣ становятся чинно: Милогляда нѣсколько выступя, а Потапьевна позади ее. Между тѣмъ Панфосій входитъ).

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И ПАНСОФІЙ *(препровождается двумя изъ Александровой свиты служащими, кои держатъ въ рукахъ коробочки съ дарами).*

Пансофій (*подступя къ Милоглядѣ съ важностью и высокопарностью*). Побѣдитель свѣта, солнце Греціи, Александръ Великій, послалъ меня предстать къ лицу лѣпопрекрасной Доброславы, съ дарами отъ его греческой высокомощности, и съ глубокопочтительнымъ отъ него прошеніемъ, да будутъ ей благоугодны искреннодружественныя его посланія (*на дары показывая*).

Милогляда. Я, я Доброслава, мой батюшка; добро пожаловать. А твою милость какъ назвать?

Пансофій (*пожимая плечми, въ сторону*). Экая дурища! не знаетъ и моего имени. (*Къ Милоглядѣ съ важностью*) Я Пансофій, аоинскій мудрецъ при особѣ царя и главнаго полководца греческаго.

Милогляда. Слыхала я, мой батюшка, о мудрецахъ греческихъ. Добро пожаловать побесѣдовать съ нами, господинъ мудрецъ греческій.

Пансофій (*съ сторону*). Экая неучь деревенская! (*Къ Милоглядѣ*) Не угодно ли будетъ приказать принять дары, со мною присланные?

Милогляда. Не прогнѣвайся, мой батюшка, господинъ мудрецъ греческой, на наши простые обычаи. Ты съ нами еще не бесѣдовалъ, объ

дѣлѣ не говаривалъ, рѣчей нашихъ не выслушивалъ, — за что же насъ дарами жалуешь?

Пансофій (*въ сторону*). Ну что ты сдѣлаешь съ дурою?

(Дѣлаетъ рукою знакъ принесшимъ дары, чтобъ они вышли)

Потапьевна. Она, мой батюшка, до даровъ не лакома.

Пансофій (*взглянувъ на Потапьевну съ удивленіемъ, къ Милогляду*). Прекрасная Доброслава приказываетъ ли, чтобъ и она со мною въ разговоры входила?

Милогляда. А для чего, мой батюшка, ей съ нами не разговаривать? Это моя мамушка; она всегда со мною бесѣдуетъ.

Пансофій (*пожимая плечами, въ сторону*). Какіе обычаи! (*Къ Милогляду съ насмѣшливою важностью*) Да будетъ въ томъ воля прекрасной Доброславы. Я готовъ, если ей угодно, наслаждаться бесѣдою почтенной ея мамушки.

Милогляда. Позволишь ли, господинъ мудрецъ, хлѣбомъ да солью бить челомъ? Есть у насъ медъ сотовой и медъ сычевой.

Потапьевна. И горшечекъ сметанки про твою милость сыщется.

Пансофій (*въ сторону*). Жалко видѣть ихъ невѣжество!.. (*Къ Милогляду съ тою же важностью*) Прекрасной Доброславы созерцаніе услаждаетъ меня лучше сыты и патоки, и бѣлизна сметаны должна постыдиться предъ лицемъ ея.

Милогляда. Чѣмъ же дорогово гостя подчивать?

Пансофій. Мнѣ дружеская благосклонность надобна.

Милогляда. Я, мой батюшка, съ тобою еще не подружилася. У насъ, у Славянъ, дружба творится по времени, а на первой встрѣчѣ будь доволенъ пріемомъ, да ласкою, господинъ мудрецъ греческой!

Пансофій (*въ сторону*). Попробую, авось-либо совѣты мои ей помогутъ. (*Къ Милоглядѣ*) Послушай, прекрасная Доброслава, у насъ, въ Аѳинахъ, дружба при первой встрѣчѣ изъявляется, и особливо, когда государь нашъ кому дѣлаетъ честь своею дружбою.

Милогляда. И, мой батюшка, господинъ мудрецъ греческой, да какъ же вы, не спознавши людей, на ихъ дружбу сподѣваетесь? Государь вашъ неужто такъ же дѣлаетъ?

Пансофій (*увѣрительно*). Наши особенныя знанія легко разрѣшаютъ всякія неудобства и трудности. Многіе къ намъ, въ Аѳины, пріѣзжаютъ перенимать такія знанія. Совѣтую и тебѣ, прекрасная Доброслава, нашимъ обычаямъ слѣдовать.

Милогляда. Не прогнѣвайся на насъ, батюшка, господинъ мудрецъ греческой: мы вѣдь въ Аѳины не ѣздили и обходимся, какъ умѣемъ, по простымъ славянскимъ обычаямъ.

Потапьевна. Мы, мой батюшка, въ Старую Русу ѣздили: тамъ кое-чего навидѣлись; и мы

людей и люди насъ знали, и хлѣбъ-соль важивали.

Пансофій. Я хочу подать вамъ дружескіе совѣты, какъ надобно принять государя нашего: надобно вамъ знать нѣкоторый образъ аонискаго обхожденія. Государь нашъ пылаетъ желаніемъ провести сегоднишній вечеръ съ прекрасною Доброславою.

Милогляда. Добро пожаловать, мой батюшка. Да какъ же у васъ, въ Аонахъ-то, обходятся?

Пансофій. Во-первыхъ, у насъ встрѣчаютъ и кланяются по наукѣ танцмейстеровъ.

Милогляда. Не прогнѣвайся, мой батюшка, господинъ мудрецъ греческой, мы кланяться не учились. По-нашему, просто людей встрѣчаемъ, и коли кто добръ, тому охотно кланяемся. У насъ и пословица есть: «по платью гость встрѣчается, по слову провожается».

Пансофій (*въ сторону*). Экая дурища! (*Къ Милоглядѣ*) У насъ, въ Аонахъ, женщины стараются всячески забавлять гостей своихъ.

Милогляда. И мы, мой батюшка, съ гостьми забавляемся; и коли гости поразвеселятся, то мы себѣ поемъ, да пляшемъ, да радуемся.

Пансофій (*съ насмѣшливою въ словостью*). Я слышалъ, что прекрасная Доброслава превосходитъ здѣсь всѣхъ своими талантами, и желалъ бы услышать пріятное ея пѣніе.

Милогляда. Какъ умѣется, мой батюшка, не прогнѣвайся.

Потапьевна (*толкая Милогляду рукою*). Видишь, онъ хочетъ, чтобъ ты пѣсню спѣла.

Милогляда. Пожалуй, я спою и спляшу, какъ у насъ водится.

Потапьевна. Она и пѣть и плясать горазда, мой батюшка!

Пансофій (*въ сторону*). То-то забавно, какъ она пѣть и плясать станетъ!

(Милогляда выступаетъ на средину; между тѣмъ музыка начинаетъ слѣдующую пѣсню, и Милогляда, подпершись подъ бока, поетъ и пляшетъ; Потапьевна тутъ же припѣваетъ и приплясываетъ; Пансофій въ продолженіе, по временамъ, дѣлаетъ знаки удивленія и пожимаетъ плечами).

ПѢСНЯ.

Изъ-за Русы пріѣзжалъ бѣлокурый молодой,
Ой! люли, люли, люли, бѣлокурый молодой 2.

Бѣлокурый молодой, не женатый, холостой,
Ой! люли, люли, люли, не женатый, холостой 2.

Онъ мнѣ рѣчи говорилъ, кумачомъ меня дарилъ,
Ой! люли, люли, люли, кумачомъ меня дарилъ 2.

Не хочу я кумачу, друга милаго хочу,
Ой! люли, люли, люли, друга милаго хочу 2.

Милогляда. Не прогнѣвайся, мой батюшка, какъ умѣла, такъ и спѣла.

Потапьевна. Такъ ли-то, мой батюшка, у васъ, съ Аонахъ, поютъ и пляшутъ?

Пансофій (*съ важнымъ увѣреніемъ*). Не совѣтую вамъ, какъ другъ, показывать свои пляски и пѣсни предъ государемъ нашимъ. У насъ, въ Аонахъ, забавы выдумываются съ такимъ искусствомъ, что всѣ другія достоинства часто помрачаются предъ талантами.

Милогляда. У насъ, мой батюшка, господинъ мудрецъ греческой, такое старинное обыкновеніе, что мы, по нашей простой возможности, въ добрый часъ и сами себѣ забавляемся, и въ томъ просимъ на насъ не прогнѣваться. Да пляшетъ ли вашъ царь греческій?

Пансофій (*въ сторону*). Не пьяна ли она? Вотъ какой вопросъ! (*Къ Милоглядѣ*) Прекрасная Доброслава! разсуди сама, пристало ли плясать государю нашему?

Милогляда. А для чего бы не пристало, мой батюшка? У насъ прежній воевода, бывало, какъ пойдетъ, пойдетъ въ присядку, да присвиснетъ — такъ смотрѣть было любо-дорого!

Пансофій. Поэтому и у васъ забавники бываютъ знатные?

Милогляда. Бываютъ, мой батюшка, коли только другія добрыя дѣла дѣлать умѣютъ. У насъ то не вина, когда кто забавлять умѣетъ и то не стыдно, кто самъ забавляется; а бываетъ у насъ стыдно такому, кто, давши слово, назадъ попятится.

Пансофій (*увѣрительно*). Прекрасная Доброслава, когда бы ты въ Аѳинахъ побывала, совсѣмъ другой бы свѣтъ увидѣла. Искусство забавлять людей у насъ великой науки требуетъ, и къ тому много надобно разума.

Милогляда. И у насъ, мой батюшка, умные люди веселятся не безъ разума, и забавляются такъ, чтобъ то не было противу добродѣтели.

Пансофій. Прекрасная Доброслава! вашъ напѣвъ, ваши слова и пляски, у насъ, по аѳинскому знанію, были бы нестерпимы. У насъ есть для того особые люди съ талантами. (*Съ высокопарною важностью, такъ, какъ бы читая по книгѣ*) Забавы наши въ театрахъ приводятъ умы въ совершенное забвеніе: тамъ представляются виды, взоръ восхищающіе; музыка и танцы, воображеніе превосходящіе. Къ тому требуются остроумныя сочиненія: разновидныя въ нихъ дѣйствія; соображеніе лицъ дѣйствующихъ; означеніе ихъ характеровъ, ихъ тѣней, ихъ контрастовъ; регулярное стеченіе дѣйствій въ ограниченное время и мѣсто; сплетеніе ихъ во едино дѣйствіе; поражающія зрителей печальности, и напослѣдокъ конецъ, какой долженъ, по вкусу аѳинскому, привести всѣхъ въ печаль, ужасъ и содроганіе.

Милогляда (*понявъ послѣднія слова, послѣ многихъ знаковъ недоразумѣнія*). И, мой батюшка, господинъ мудрецъ греческой... Сохрани насъ отъ того Сила Небесная! Почто намъ попустому печалиться? У насъ умные люди забавы

выдумываютъ не ради печали, а ради добра и веселья, никому не въ обиду.

Пансофій (*съ тою же важностью*). Прекрасная Доброслава, ваша земля закоснѣла въ простыхъ разсужденіяхъ; а у насъ, въ Аѳинахъ, остроуміе всегда находитъ новый образъ бытія человѣческаго; у насъ всякая новость прикрывается плѣнительною пріятностью, и не отягощаемся мы думать о послѣдствіяхъ. Когда бы ты знала, до какого просвѣщенія у насъ, въ Аѳинахъ, достигаетъ разумъ!

Милогляда. Слыхали мы, мой батюшка, что у васъ, въ Греціи, мудрецовъ много; слыхали мы, что у васъ и дураковъ дѣлаютъ умными, и недостойныхъ достойными, и больныхъ здоровыми,— наука чего не дѣлаетъ!

Пансофій (*съ гордою наглостью*). У насъ и умныхъ дураками, и достойныхъ недостойными, и здоровыхъ больными дѣлать умудряются.

Милогляда. Не прогнѣвайся, мой батюшка, господинъ мудрецъ греческой, мы не научились вашимъ мудростямъ. По нашему простому нарѣчію такія мудрости худыми называются. Пускай они у васъ, въ Аѳинахъ, останутся, съ нами ангели-хранители! У насъ хлѣбъ-соль и безъ того водится. Пускай-ко самъ государь вашъ къ намъ пожалуетъ, да съ нами побесѣдуетъ: авось-либо и наше простое разсужденіе ему полюбится. Не во гнѣвъ государю вашему, пускай онъ, безъ подарковъ своихъ, прежде у насъ хлѣба-соли откушаетъ, да нашихъ рѣчей послушаетъ, и коли

захочетъ по правдѣ съ нами жить въ согласіи, то мы тогда и подарки отъ него принимать и милостью его хвалиться будемъ. Прощай; мой батюшко, господинъ мудрецъ греческой, кланяйся отъ насъ его царской милости. Пускай себѣ пожалуетъ къ намъ на вечеръ.

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ПАНСОФІЙ *(одинъ, въ глубокомъ размышленіи).*

Пансофій. Она и понятія не имѣетъ о свѣтскихъ приличностяхъ!.. Александръ, вѣрно, съ нею еще не разговаривалъ... Онъ много убавитъ своего къ ней уваженія, когда я разскажу ему о ея разумѣ, поступкахъ и обхожденіи... Тутъ же мнѣ будетъ случай показать мой разумъ на счетъ глупости... Въ Аѳинахъ никогда не дождался бы я такого счастливаго случая... (*Хочетъ идти*). А! вотъ и онъ.

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

АЛЕКСАНДРЪ И ПАНСОФІЙ.

Александръ (*входя*). Видѣлъ ли Доброславу?

Пансофій (*пожимая плечами*). Стыдно разсказывать.

Александръ. Почему стыдно?

Пансофій. Она сущая дура.

Александръ. (*съ удивленіемъ*). Доброслава сущая дура! почему же такъ ты судишь?

Пансофій. По всему; самъ увидишь... сущая дура!

Александръ. Я ее видѣлъ и говорилъ съ нею. Правда, что она не похожа на аоинскихъ разумницъ, правда, что въ ней видно особое воспитаніе и добронравіе, незнакомое въ Аоинахъ, однако, притомъ она не только не дура, а думаю, что она тебя судить умѣетъ лучше, нежели ты ее судишь.

Пансофій (*пожимая плечами, съ видомъ совершеннаго увѣренія*). Да она глядѣть не умѣетъ.

Александръ (*смотря безпрестанно на Пансофія*). То есть: она смотрѣла на тебя съ сожалѣніемъ.

Пансофій. Поклониться не умѣетъ.

Александръ. То есть, не по-аоински, а посвоему кланяется.

Пансофій. Говорить не умѣетъ.

Александръ. То есть, не переняла у тебя говорить по-гречески.

Пансофій. Разбирать людей не знастъ.

Александръ. То есть: не говорила тебѣ нѣкотораго словъ собранія, которое въ Аоинахъ высочайшею вѣжливостью почитается.

Пансофій. А вотъ что говорила: (*передразнивая Милогляду*). «добро пожаловать, хлѣба-соли «откушать, не прогнѣвайся на простоту мою, «мой батюшко, господинъ мудрецъ греческой, по

«нашему простому нарѣчію греческія мудрости «худыми называются. Пляшетъ ли вашъ царь гре«ческой по-нашему?» (*Съ прежнею увѣрительностью*). И вотъ Доброславина пѣсня, которую она пѣла со своею мамушкою, и подъ которую обѣ онѣ плясали: «Ой! люли, люли, люди, не «хочу я кумачу, друга милаго хочу.» (*Съ ироническою важностью*). Прекрасная пѣсня! Что надлежитъ до поступковъ, то Доброслава подарки назадъ отослала и приказала объявить тебѣ свою волю, что когда къ ней пожалуешь и удостоишься ея дружескаго воззрѣнія, тогда она и подарки отъ тебя приметъ.

Александръ. Пансофій! ты, вѣрно, обманутъ, и, можетъ быть, такъ, что разговаривалъ ты, вмѣсто Доброславы, съ какою-нибудь огородницею.

Пансофій (*съ твердою увѣрительностью*). Въ Доброславиныхъ покояхъ, самолично съ Доброславою. Она сидѣла въ креслахъ, и позади стояла ея вѣрная мамушка, которая мѣшалась также въ наши рѣчи, и съ Доброславою вмѣстѣ припѣвала и приплясывала. (*Пожимая плечами съ важностію*) Быть можетъ, что Доброслава и мамушка предъ моимъ приходомъ обѣ хмѣльного подпили.

Александръ (*смотря на Пансофія съ неудовольствіемъ*). Быть можетъ, также, что она имѣла причину греческія мудрости называть худыми. Ввечеру нынѣ и самъ у нее буду, и очень любопытенъ тебя тутъ же видѣть. Позволь мнѣ сомнѣваться о твоей премудрости, а между тѣмъ

дай знать славянскимъ посламъ, что сего же вечера, въ покояхъ Доброславы, мною они будутъ приняты и выслушаны. Надѣюсь, что ты исполнишь это дѣло счастливѣе перваго.

(Пансофій дѣлаетъ въ сторону гримасы удивленія, кланяется и отходитъ).

=

ЯВЛЕНІЕ V.

АЛЕКСАНДРЪ *(одинъ)*.

Александръ. Похоже ли то на Доброславу, какъ онъ объ ней мнѣ разсказываетъ!.. По случаю я знаю ее самъ вѣрнѣе всякихъ слуховъ... Аѳинскому мудрецу простые славянскіе нравы кажутся смѣшными; а мнѣ еще болѣе смѣшонъ кажется мудрецъ, который не находитъ, кромѣ Аѳинъ, ничего достойнаго. Вотъ каково самолюбіе ученыхъ Аѳинянъ! Испортивъ нравы свои всевозможными образами, они не могутъ себѣ представить, чтобъ гдѣ-нибудь могли существовать несовмѣстныя съ ними достоинства. Умы и разговоры ихъ заражены такою ко всему человѣческому роду недовѣрчивостью, что имъ всюду представляются оправдательныя причины ихъ мрачныхъ и унылыхъ воображеній. О, Аристотъ! у Славянъ, подъ скипетромъ праводушія, ученіе твое было бы полезнѣе.

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

АЛЕКСАНДРЪ И ВЛАСЬИЧЪ.

ВЛАСЬИЧЪ (*не знавъ лица Александра и почесывая себѣ голову*). Не у Доброславы ли служишь ты, родимой?

АЛЕКСАНДРЪ (*въ сторону*). Это, вѣрно, или мужъ, или братъ огородницынъ. (*Къ Власьичу, притворяясь слугою*) Ты, мой другъ, не ошибся: я служу Доброславѣ. А ты чей служитель?

ВЛАСЬИЧЪ. Я Власьичъ, огородникъ, мужъ Потапьевинъ, родимой; а Потапьевна жена моя, доводится сватья Милоглядѣ Радимовнѣ, а Милогляду Радимовну авось ты и самъ знаешь?

АЛЕКСАНДРЪ (*въ сторону*). То помнится, служанка Доброславина. (*Къ Власьичу*) Какъ не знать Милогляду Радимовну!

ВЛАСЬИЧЪ. Не можно ль, родимой, ее ко мнѣ выслать?

АЛЕКСАНДРЪ. Можетъ быть, ей нельзя оставить госпожу свою.

ВЛАСЬИЧЪ. Коли нельзя, родимой, такъ хоть ты отдай ей грамотку; къ кому, она сама вѣдаетъ.

АЛЕКСАНДРЪ (*въ сторону*). Это похоже на какую-нибудь тайну. (*Къ Власьичу*) Отъ кого и къ кому? таить нечего.

ВЛАСЬИЧЪ. Ну, нечего тебѣ и говорить! только пожалуй никому не сказывай, что грамотка

отъ Руслана къ Доброславѣ. Мы боимся, чтобъ царь греческій о томъ не довѣдался.

Александръ (*въ сторону*). Вотъ и тайна обнаружилась! (*Къ Власьичу*) Не бойся, поди себѣ назадъ спокойно.

Власьичъ (*кланяясь*). Ладно, ладно, родимой!

(*Уходитъ*).

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

Александръ (*одинъ въ размышленіи*).

Александръ. Отъ Руслана... къ Доброславѣ!.. съ предосторожностью, чтобъ я о томъ не свѣдалъ!.. Я ничего не запретилъ Доброславѣ... Для чего такая предосторожность? Я не подалъ ей причины ни къ какому непріятельскому противъ меня поступку... и не могу подозрѣвать ея праводушіе... Русланъ, можетъ быть, счастливый смертный, котораго она любитъ... Безъ всякаго другого подозрѣнія, знаю, что переписка съ любовникомъ должна быть осторожна, и не хочу узнавать, о чемъ она къ нему пишетъ; письмо должно быть ей вручено безъ всякаго посторонняго любопытства... Русланъ... Такъ... ничего нѣтъ правосудиѣе, какъ то, что онъ Доброславу любитъ... (*Со вздохомъ*) Благополучный Русланъ, можетъ быть, достоинъ любви ея!

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

АЛЕКСАНДРЪ И ПАНСОФІЙ.

Пансофій. По волѣ твоей, я послалъ повѣстить славянскимъ посламъ, что они сегодня ввечеру, въ присутствіи Доброславы, тобою будутъ выслушаны. (*Съ видомъ важнаго сомнѣнія*) А между тѣмъ встрѣтился мнѣ теперь другого рода посолъ, который отнесъ тайное письмецо къ Доброславѣ... это что-нибудь значитъ... Съ кѣмъ она тайно переписывается, я не могъ свѣдать; знаю только, что Славяне по временамъ у Руслана въ гостяхъ бываютъ... это что-нибудь значитъ... Они его почитаютъ... это что-нибудь значитъ . Онъ же со Славянами письменно сообщается... это что-нибудь значитъ.

Александръ. Послушай, Пансофій, много было бы на свѣтѣ дѣла, если бы пустыя догадки много значили. Безъ всякихъ догадокъ, которое-нибудь изъ двухъ твоихъ примѣчаній должно однако казаться странно: Доброслава, по словамъ твоимъ, выходитъ сущая дура, или сумасбродная дѣвка, и по твоимъ же примѣчаніямъ Доброслава кажется опасна, потому что съ умными людьми сообщается. Разсуди самъ, каково я долженъ думать о твоей аонской премудрости?

Пансофій (*съ видомъ ревности и усердія*). Такъ я же и виноватъ за мою добрую службу и за мое усердіе?

Александръ. Мой другъ, усердіе требуетъ разсужденія, и служба требуетъ справедливости. Никогда я не поручалъ тебѣ инымъ образомъ дружбу мою заслуживать.

Пансофій (*съ увѣреніемъ*). Самъ лучше усмотрѣть изволишь, буде въ вѣрности моей сомнѣваешься.

Александръ (*съ такимъ же увѣреніемъ*). Сего же вечера, у Доброславы со мною, самъ лучше усмотрѣть изволишь, если сомнѣваешься въ моей вѣрности.

(Уходитъ).

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

ПАНСОФІЙ *(одинъ въ глубокомъ размышленіи).*

Вотъ Богъ далъ намъ хорошую красавицу!.. Я же теперь въ дуракахъ!.. За кого?.. за дуру. Да я... я всему учился въ Аѳинахъ... (*Бьетъ себя ладонью по лбу*)... Грекамъ кой-что шепнуть можно... Этотъ посолъ, который носилъ письмецо, также мнѣ пригодится... Да вотъ онъ здѣсь бродитъ.

=

ЯВЛЕНІЕ X.

ПАНСОФІЙ И ВЛАСЬИЧЪ.

Пансофій (*грозно*). Бѣдный, пропащій! не еще ли принесъ ты письмецо къ Доброславѣ?

Власьичъ (*съ торопливостью*). Нѣтъ, нѣтъ, родимой! а только слово молвить хотѣлъ Потапьевнѣ.

Пансофій. Царь нашъ свѣдалъ, отъ кого, къ кому и о чемъ письмо писано, и кто принесъ его.

Власьичъ (*унывно*). Ахти, родимой! пропали мы съ Потапьевной!.. И деньги за капусту у насъ назадъ отымутъ.

Пансофій. А кто такая Потапьевна съ тобою въ согласіи?

Власьичъ. Потапьевна жена моя, родимой. Греческой царь вашъ ее знаетъ и жалуетъ.

Пансофій (*съ видомъ сожалѣнія*). Мнѣ жаль и тебя и Потапьевну, однако можно еще пособить несчастью вашему.

Власьичъ (*низко кланяясь*). Пособи, родимой.

Пансофій. Надобно скорѣе...

Власьичъ (*унывно*). Знаю, знаю, родимой... скорѣе бѣжать намъ съ Потапьевною... Потапьевна моя завоетъ, какъ увѣдаетъ бѣду свою. . Она невѣдь какъ испугается.

Пансофій (*въ сторону*). Онъ глуповатъ, съ нимъ яснѣе говорить надобно. (*Къ Власьичу, съ видомъ дружескаго совѣта*) Послушай, вамъ всѣмъ худо будетъ. Скажи ты Доброславѣ, чтобъ она потихоньку, и какъ можно поскорѣе, съ вами убралась отсюда. Царь нашъ на васъ разгнѣвался, и коли не уйдете, то вамъ худо будетъ.

Власьичъ. Худо, худо, родимой! (*воетъ*) У! у! у! у! пропали наши головушки!.. и куды бѣжать, родимой?.. у! у! у! у!

Пансофій. Я вамъ дамъ провожатыхъ: они васъ проводятъ въ доброе мѣсто, гдѣ васъ, вѣрно, не найдутъ. Не бойся, поди только поскорѣе, подговори Доброславу, чтобъ она была готова.

Власьичъ (*унывно*). Пойду, пойду, родимой! (*кланяясь*) Не оставь насъ въ горькой напасти нашей: на тебя вся надежда.

(*Уходитъ*).

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

ПАНСОФІЙ (*одинъ*).

Пансофій. Поскорѣе бы только ихъ отсюда отправить. (*Александръ входитъ, и Пансофій продолжаетъ, не видя Александра*) Потомъ... можно будетъ сказать объ нихъ всякую всячину.... а въ нужномъ случаѣ можно и конецъ дѣлу сдѣлать.

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

АЛЕКСАНДРЪ И ПАНСОФІЙ.

Александръ (*вслушавшись въ послѣднія слова Пансофіевы*). Я приказалъ ужъ конецъ дѣлу сдѣлать.

Пансофій (*обрадовавшись*). Не правду ль я доносилъ, какова она? Другого отъ нея ждать было нечего.

Александръ. Ошибаешься, Пансофій! не тотъ конецъ дѣлу ты себѣ представляешь. Я желаю, чтобъ ты былъ честнѣе: вотъ прямой конецъ дѣлу.

Пансофій (*пожимая плечами, въ сторону*). Что за причина! (*Къ Александру*) Поэтому Доброслава умна и честна, а я и другіе—мы дураки и бездѣльники?

Александръ. Кого ты мѣшаешь другихъ съ собою? если тѣхъ, которые могли слѣпо вѣрить, то всѣ вы не будете ошибаться, какъ скоро ошибки свои увидите. Я, по случаю, узналъ ихъ во всемъ пространствѣ. Совѣтую тебѣ имѣть больше разсмотрительности. Лучше исправить ошибки, хотя и съ уничтоженіемъ своего самолюбія, нежели продолжать какое-нибудь безчестное дѣло до безконечной глупости. Доброслава соглашается присутствовать въ этой же залѣ при послахъ славянскихъ. Она должна рѣшить ихъ участь. (*Пансофій дѣлаетъ разные знаки недоумѣнія*). Тогда ты увидишь лучше, я ли хочу тебя обманывать, или ты самъ обманываешься.

(*Выходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ПАНСОФІЙ *(одинъ въ раздумчивости)*.

Пансофій. Не могу понять, отъ чего такое о Доброславѣ высокое мнѣніе, и отъ чего къ ней такая довѣренность!.. Влюбился.... Все отъ того... все отъ того.... Посмотримъ, каково-то ему при послахъ будетъ, какъ она по-своему пѣть станетъ... Чудеса на свѣтѣ!... Чудеса!

(Уходитъ).

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

=

ЯВЛЕНІЕ I.

АЛЕКСАНДРЪ, ПАРМЕНІОНЪ, ПАНСОФІЙ И СВИТА АЛЕКСАНДРОВА.

АЛЕКСАНДРЪ *входитъ съ великолѣпнымъ обрядомъ, въ преслѣдованіи своихъ воиновъ и первыхъ чиновниковъ, садится на правой сторонѣ залы въ кресла, возлѣ коихъ поставлены другія, порожнія.* **ПАРМЕНІОНЪ** *и другіе чиновники становятся по сторонамъ.* **ПАНСОФІЙ** *между чиновниками въ свитѣ.*

Александръ. Храбрые Греки! оружіе ваше донынѣ было столь благоуспѣшно, что мы нигдѣ не находили ни противоборниковъ, ни оградъ, могущихъ остановить побѣды наши. Слава такихъ побѣдъ принадлежитъ вашему отличному мужеству. Имѣя счастіе быть начальникомъ непобѣдимыхъ войскъ греческихъ, если пріобрѣлъ я имя побѣдителя, то должно признаться торжественно,

что частную въ томъ славу, какъ гражданинъ, отъ васъ заимствую. Долгъ моего званія оставляетъ мнѣ одно только особенное попеченіе соблюдать правосудіе всюду, гдѣ мы найдемъ ему мѣсто. Доброслава требуетъ, чтобъ славянскіе послы были выслушаны. Я не имѣю причинъ думать, чтобъ требованія ея могли быть предосудительны существеннымъ пользамъ Греціи. (*Къ Парменіону*) Увѣдомь Доброславу, что прежде пріема пословъ, я ее сюда ожидаю.

Парменіонъ (*въ недоумѣніи*). Не согласно, кажется, съ формою посольскихъ обрядовъ.

Александръ (*прерывая*). То есть, тебѣ странно кажется, что Доброслава будетъ тутъ же присутствовать, противъ обыкновенныхъ обрядовъ греческихъ. Послушай! ея объ насъ мнѣніе уважаю я больше, нежели всѣ обряды, по какимъ надлежало бы исключить ее изъ моего присутствія. Если она такого уваженія не достойна, то, безъ всякаго отъ другихъ старанія, сама собою привлечетъ себѣ справедливое презрѣніе. Скажи ей, что сюда ее ожидаю. (*Парменіонъ отходитъ; Александръ обращается къ предстоящимъ Грекамъ*) Желаю, чтобъ вы судили безпристрастно, друзьями ли, или непріятелями Славянъ почитать мы должны. Отъ ихъ расположеній должны зависѣть наши съ ними поступки. Постыдно было бы побѣждать оружіемъ народъ, который защищаетъ себя честію и справедливостью.

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ, ДОБРОСЛАВА И ПАРМЕНІОНЪ.

Доброслава (*къ Александру*). Если бъ славѣ побѣдъ твоихъ надъ цѣлымъ свѣтомъ не доставало славянскихъ женщинъ, которыя бы слѣдовали за колесницею побѣдителя, то мое присутствіе принесетъ тебѣ одну только досаду.

(Между тѣмъ Папсофій, увидѣвъ вмѣсто Милославы Доброславу въ иномъ лицѣ, въ иномъ нарядѣ и съ иною поступью, дѣлаетъ разные знаки удивленія, протираетъ глаза, надѣваетъ большіе очки, смотритъ прилежно и говоритъ въ сторону.)

Папсофій. Что за чудеса!

Александръ (*къ Доброславѣ, показывая ей порожнія кресла*). Оставимъ колесницы побѣдителей: здѣсь вамъ будетъ покойнѣе. (*Доброслава садится*). Я не ожидаю, чтобъ славянскіе послы имѣли какую-нибудь причину приводить меня къ другимъ поступкамъ. Доброслава будетъ свидѣтельницею, могу ли я спорить со Славянами въ чести и справедливости. Самое пріятнѣйшее торжество въ моей жизни будетъ то, если, не ошибаясь во мнѣніи моемъ о Славянахъ, могу непостыдно опредѣлить себя въ послѣдователи за колесницею добродѣтели.

Доброслава. У насъ добродѣтели не такъ пышны, чтобъ Александръ Великій долженъ былъ включить себя въ число послѣдователей за ихъ колесницами. Онѣ у насъ часто просто пѣшкомъ ходятъ, и принимаютъ къ себѣ только тѣхъ спутниковъ, которые не устаютъ отъ трудовъ сотоварищества.

Пансофій (*въ сторону*). Что за преображеніе!

Александръ (*со вздохомъ*). А, Доброслава! я чувствую, чѣмъ ты меня обвиняешь. Ты обвиняешь меня роскошью, соединенною съ моимъ званіемъ? ты думаешь, что восточное великолѣпіе, къ каковому воины мои привыкли въ Персіи, затмило во мнѣ чувствія истиннаго бытія человѣческаго? Могу тебя увѣрить, что наружность принадлежитъ только къ моему званію, а сердце мое....

Доброслава (*прерывая*). Не унижая достоинствъ твоего сердца, я нахожу себя однако совершенно жертвою слѣдствій твоего званія: я отдана тебѣ отъ Славянъ....

Александръ (*прерывая*). На то, конечно, чтобъ я не стыдился самъ быть данникомъ. Доброслава! сколь много бы ни чувствовали Славяне важность своего залога, вѣрь, что я, по крайней мѣрѣ, равно съ ними раздѣляю ихъ чувствія.

Доброслава (*въ сторону*). Чего онъ хочетъ?.. (*Къ Александру*) По словамъ твоимъ кажется, что ты не пришелъ покорять землю нашу.

Александръ. Доброслава! несправедливо было бы покорять тѣхъ, кто своими добродѣтелями сами людей покорять удобны.

Пансофій (*протирая себѣ глаза*). Это совсѣмъ другая!

Доброслава (*съ откровенностью*). Конечно, ты имѣлъ случай знать здѣсь Руслана?

Александръ (*съ прискорбіемъ*). Конечно, Доброслава думаетъ, что для своего покоренія Руслана знать надобно.

Доброслава (*съ увѣреніемъ невинности*). Ты самъ увидишь. Онъ будетъ сюда посломъ отъ государя нашего. Я не одна люблю его.... и другіе его любятъ.... и государь нашъ его жалуетъ.

Александръ (*остановясь нѣсколько, въ удивленіи*). Да онъ тебя любитъ ли?

Доброслава. О! вѣрно любитъ: онъ честенъ, справедливъ....

Александръ (*прерывая*). Столько ли справедливъ, чтобъ могъ не почесть меня своимъ непріятелемъ за то, что и я любить тебя не отрицаюсь?

Доброслава (*съ чистосердечіемъ*). Пожалуй люби ... только мнѣ тебя такъ, какъ его, любить не можно.

Александръ. То есть, ты опредѣляешь мнѣ въ твоемъ сердцѣ послѣ Руслана второе мѣсто?

Доброслава. Не второе и не первое, а то мѣсто, которое добродѣтельные люди заслуживаютъ безъ всякаго съ другими сравненія.

Пансофій (*смотря прилежно*). Это другая!

Александръ. Доброслава, я не буду униженъ, если Руславъ то же мѣсто заслуживаетъ. Сердечно желаю, чтобъ онъ исполнилъ свое посольство образомъ, достойнымъ своего счастія..... Вотъ, я вижу, и посолъ къ намъ входитъ.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ и РУСЛАНЪ *(со свитою главныхъ въ посольствѣ).*

Руславъ (*послѣ обряднаго поклона*). Славянскій царь, государь нашъ, желая тебѣ, именитому царю греческому, здравія и благоденствія, велѣлъ мнѣ, царскому послу своему, видѣть ясныя очи твои и дружелюбно тебѣ кланяться, а притомъ сказать тебѣ отъ царя государя нашего, что, буде ты желаешь пребывать съ нами въ мирѣ и согласіи, то царь государь нашъ радъ будетъ твоему дружелюбію, и тебя и войска твои отпуститъ изъ земли своей съ честію. Буде же ты хочешь съ нами ратовать, то бы ты на царя государя нашего не прогнѣвался: мы Славяне, люди ратные, всегда носимъ луки и стрѣлы на защиту земли своей.

Александръ. Я радъ дружелюбію народовъ, которые умѣютъ быть достойны дружества. Прежде отвѣта моего вамъ, позвольте мнѣ, по моему обыкновенію, разспросить васъ о вашихъ славянскихъ нравахъ, законахъ и обычаяхъ, и предварительно сказать вамъ, что охотно соблю-

даю я миръ съ добрыми народами; но воюю съ такими, которые сами на себя навлекаютъ непріятельскія дѣйствія. Такъ ли царь государь вашъ думаетъ?

Русланъ. Какъ ты говоришь намъ, такъ царь государь нашъ дѣлаетъ; и крѣпко воюетъ со всѣми своими непріятелями.

Александръ. Какими средствами во правахъ вашихъ умѣриваются военныя склонности?

Русланъ. Прилежаніемъ къ полезнымъ трудамъ, отъ которыхъ, безъ кроволитной военной добычи, всегда имѣемъ мы плоды вѣрные.

Александръ. Что же у васъ дѣлаютъ тѣ, которые къ полезнымъ трудамъ не имѣютъ прилежанія?

Русланъ. Тѣмъ бываетъ у насъ стыдно.

Александръ. А тѣ, которые стыда не имѣютъ?

Русланъ. Въ нашей землѣ не родятся безстыдные; а если бы когда и родились, то ихъ въ познаніи стыда мы воспитываемъ.

Александръ. Поэтому у васъ не бываетъ ни преступленій, ни наказаній и многія несчастія другихъ народовъ вамъ не вѣдомы?

Русланъ. Добро и худо вмѣстѣ вездѣ бываетъ; вездѣ родятся люди благоразумные и безтолковые; и у насъ бываютъ люди несчастные, когда сами не хотятъ быть благополучными; но у насъ такихъ исправляютъ часто кроткими образами, не поставляя ихъ глупостей имъ въ преступленія.

Александръ. Я желалъ бы собрать книги ваши, въ которыхъ вы такія хорошія правила почерпаете.

Русланъ. У насъ книгъ немного; мы пишемъ только то, что можетъ питать добрыя расположенія сердецъ и разумовъ. У насъ главныя добродѣтели, безъ письма и безъ книгъ, сохраняются въ безпрестанныхъ человѣческихъ дѣйствіяхъ; писать о томъ мы не тратимъ времени.

Александръ. Кто же, однако, ваши писатели?

Русланъ. Мы всѣ писатели.

Александръ. А когда у васъ всѣ пишутъ, то писатели должны быть въ презрѣніи.

Русланъ. По тому самому, что всѣ пишутъ, они у насъ въ почтеніи. Мы не презираемъ людей за то, что они ревнительны къ исполненію общихъ всѣмъ должностей.

Александръ. Однако у васъ, чаятельно, какъ и у другихъ, люди пишутъ часто и не дѣло, когда другого ремесла не знаютъ.

Русланъ. У насъ постыдно такое ремесло, чтобъ врать или повирать для своего прокормленія. Богъ насъ не на то создалъ. А хотя иногда у насъ и вранье пишется, однако вранье за дѣло не почитается.

Александръ. Гдѣ же вы находите столько судей, чтобъ у васъ всюду дѣло отъ вранья справедливо было отличаемо?

Русланъ. Они у насъ вездѣ находятся, потому что люди у насъ вездѣ воспитываются такъ, чтобъ вначалѣ имѣли о вещахъ прямое понятіе и здравое разсужденіе.

Александръ. Кто вкоренилъ въ правахъ вашихъ такія добрыя правила?

Руслань. Была у насъ добрая и умная государыня, которая лучшія правила греческихъ мудрецовъ вашихъ Славянамъ въ законъ поставила. Она имѣла разумъ благотворительнаго созиданія: украсила жилища наши многими зданіями и умы наши многими свободными наученіями; распространила границы своихъ областей не столько силою оружія, сколько дѣйствіями своего о подданныхъ попеченія; возвысила цѣну человѣчества, не по мѣрѣ особенныхъ и частныхъ предъубѣжденій, но по мѣрѣ достоинствъ и заслугъ вообще, свойственныхъ народу Славянскому. Она, для настоящаго и будущаго племенъ нашихъ спокойствія, много собственнымъ своимъ покоемъ жертвовала; а потому Славяне учредили праздновать каждыя двадцать пять лѣтъ ея царствованія, съ торжественнымъ возобновленіемъ всѣхъ спасительныхъ ея учрежденій, на тотъ конецъ, чтобъ они никогда не ослабѣвали въ памяти потомковъ нашихъ.

Александръ. Я охотно бы желалъ въ вашемъ праздникѣ также участвовать.

Руслань. Сегодня должно быть отправлено торжество наше; но тебя мы къ тому приглашать не можемъ, пока не услышимъ къ царю государю нашему отъ тебя отвѣтовъ дружескихъ.

Александръ. Вы ихъ теперь услышите. Донесите государю вашему, что я искренно желаю ему здравія и благоденствія, равно желаю сохранять

со Славянами миръ и доброе согласіе. (*Къ Парменіону*) Прочти имъ заготовленную грамату.

Парменіонъ (*вынимаетъ грамату и читаетъ*). «Александръ, царь греческій, именитому народу «Славянскому желаетъ радоватися; и, въ воздая«ніе за его добродѣтели, постановляетъ съ нимъ «миръ и доброе согласіе, которое съ внутрен«нимъ ихъ благополучіемъ, безъ сомнѣнія, пре«будетъ столь долговременно, доколѣ добро«дѣтели сего народа не измѣнятся. Они суть на«дежнѣйшіе споручники возможнаго счастія че«ловѣческаго. Желаетъ же, чтобы Славянскіе «потомки спокойствіе свое пріобрѣли всегда тѣмъ «же образомъ.» (*Парменіонъ подноситъ грамату Александру для подписанія*).

Александръ (*подписавъ грамату и отдавая ее Руслану*). Вотъ удостовѣреніе народу вашему! Но я не все еще исполнилъ. Знаю, что Доброслава любитъ Руслана, и что Русланъ любитъ Доброславу. (*Къ Руслану и Доброславѣ*) Отпустите мнѣ невинную вамъ досаду, если могъ я быть содѣтелемъ вашей разлуки и безпокойства вашего. Доброслава! ты имѣешь теперь всю свободу слѣдовать твоей справедливой склонности.

Доброслава (*съ восхищеніемъ*). Правосудіе, достойное Александра Великаго!

Руслановъ (*съ радостью*). Ты побѣждаешь сердца наши!

Александръ. Оставляю родственникамъ вашимъ довершить ваше сочетаніе. Надѣюсь, что

и меня вспоминать будете не инако, какъ въ числѣ друзей вашихъ.

Доброслава. Жалѣю, что ты не родился гражданиномъ между нами; состояніе Славянина, конечно, не было бы тебѣ противно.

Александръ (*со вздохомъ*). А! не напоминай мнѣ моего бремени, какое, для чести отечества, носить я долженъ... Между вами нахожу мою отраду: позволите ли мнѣ быть участникомъ въ празднествѣ вашемъ? Я бы желалъ, чтобъ здѣсь и теперь вы его препроводили, со всѣми обрядами по вашему обычаю.

Русланъ. Если то тебѣ угодно, собраніе Славянъ сюда пригласить можно.

Александръ. Доброслава и Русланъ лучше всѣхъ удобны привлечь сюда собраніе и учредить забавы, къ общему удовольствію. (*Доброслава встаетъ*). Отпуская васъ, я съ вами не разлучаюсь мыслями. Минуты вашего отсутствія употреблю для другихъ распоряженій, какія отъ меня зависятъ.

(Доброслава и Русланъ откланива тся, выходятъ со Славянскою свитою. Александръ также встаетъ послѣ, и кресла выкосятся.)

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

АЛЕКСАНДРЪ, ПАРМЕНІОНЪ, ПАНСОФІЙ И ДРУГІЕ ГРЕКИ.

Александръ (*выходя на средину, съ чувствительностью самъ къ себѣ*). Я ли, я ли забуду Аристотовы наставленія?... Я ли неправосуденъ буду?.. (*Къ Парменіону*) Они любятъ и имѣютъ причину любить другъ друга. Недостойно было бы моего имени разрушать справедливое людей благополучіе.

Парменіонъ. Я предвидѣлъ, что награды твои скоро кончатся.

Александръ. Я имѣю одну, которой никто меня лишить не можетъ и которая никакими обстоятельствами не измѣняется: утѣшеніе благотворить достоинствамъ всѣ другія награды превосходитъ въ монхъ чувствіяхъ. Вотъ моя награда! (*Показывавтъ на свое сердце. Парменіонъ безмолвно уклоняетъ голову. Александръ, обратясь къ Пансофію*) Пансофій! что теперь скажешь?

Пансофій (*въ замѣшательствѣ*). То вѣрно.. то вѣрно была другая, подставная... Кто нибудь ее на смѣхъ подставилъ... Не худо однако... съ тою и съ другою... разстаться поскорѣе, какъ кажется...

Александръ. Послушай Пансофій: тѣ, которые легко обманываются, не найдутъ себѣ въ

томъ выгоды; а было бы лучше, когда бы о вещахъ судили они справедливѣе: тѣмъ избавили бы себя и другихъ отъ лишнихъ неудовольствій. Кто только захочетъ чаще вопрошать собственную свою безпристрастную ощутительность, то она, лучше всего, поступки свои съ собою согласить удобна. (*Къ чиновникамъ*) Объявите Грекамъ постановленный миръ со Славянами. Намъ должно отличаться вначалѣ правосудіемъ. Если спросятъ въ Греціи, какія отъ Славянъ принесли мы корысти, то пріобрѣтеніе добрыхъ друзей я въ главную корысть поставляю. Довольно намъ военныхъ добычъ отъ тѣхъ народовъ, у которыхъ богатства и избытки производятъ только несчастія. Греція равной судьбѣ можетъ подвергнуться, если язва народной развратности поселится въ ея областяхъ. Я ничего болѣе вамъ сказать не могу объ общихъ нашихъ должностяхъ. Желаю только, чтобъ въ празднествѣ Славянъ вы нашли и ваше собственное. (*Чиновники, поклонясь, отходятъ, кромѣ Пансофія*). Божество да отвратитъ отъ насъ развратность съ ея бѣдствіями! Благополучны тѣ народы, которыхъ умы всегда къ справедливому и полезному направляются.

=

ЯВЛЕНІЕ V.

АЛЕКСАНДРЪ, ПАНСОФІЙ И ПОТАПЬЕВНА.

Пансофій (*увидя идущую Потапьевну*). Вотъ, вотъ ея мамушка! Она точно позади ее стояла.

Александръ (*съ удивленіемъ*). Это Доброславина мамушка?

Потапьевна (*Подошедъ къ Александру, пригорюнившись и кланяясь*). Не смѣю докучать, отецъ родимой! (*Увидя Пансофія, который глядитъ на нее пристально*) Ну! пропала моя головушка!

Александръ. Давно ли ты у Доброславы въ мамушкахъ?

Потапьевна (*съ робостію кланяясь*). Виновата, отецъ мой!.. Вотъ какъ было... Милогляда Радимовна и я боялись, чтобъ ты не прогнѣвался на боярышню за то, что она его милость (*показывая на Пансофія*) къ себѣ допустить не позволила... Жаль, жаль было боярышню!.. Мы двое, плачучи, взгадали, чтобъ Милогляда Радимовна говорила съ нимъ, будто боярышня... а я тутъ же бы стояла, будто ея мамушка.

Александръ (*съ усмѣшкою*). А онъ явился къ вамъ, будто мудрецъ греческій? Такъ ли?

Потапьевна. Его милость назвалъ себя мудрецомъ греческимъ; а кто онъ таковъ, мы не вѣдаемъ: не прогнѣвайся ты на простоту нашу (*кланяется*).

Пансофій (*пожимая плечами*). Я не виноватъ въ томъ, что меня обманули.

Александръ. Я тебя въ томъ и не обвиняю.

Потапьевна (*низко кланяясь*). Виновата, отецъ мой!

Александръ. Вина твоя происходитъ, однако, отъ добраго намѣренія—спасти боярышню. Успокойся, Потапьевна! я отнюдь не сердитъ на Доброславу, и она теперь въ полной свободѣ.

Потапьевна (*ободрясь*). Отецъ родимой! обрадуй тебя самого Сила Небесная! Мы отъ тебя никакого худа не видѣли и ни о чемъ бы не горевали, кабы только цѣлы были огороды наши.

Александръ. А каковъ теперь огородъ твой, Потапьевна?

Потапьевна. Поймали ихъ, отецъ родимой.

Александръ. Кого поймали, Потапьевна?

Потапьевна. А тѣхъ, что огородъ-атъ истоптали.

Александръ. Кто-то они именно?

Потапьевна (*пригорюнившись*). Изъ обоза твоего ослы чудесили.

Александръ (*съ усмѣшкою*). Я тутъ ничего не могу сдѣлать, Потапьевна. Скотамъ нѣтъ уставовъ; а совѣтую тебѣ огородъ укрѣплять получше. Ослы не только гряды твои, а тебя и меня обижать станутъ, если мы отъ нихъ не загородимся.

Потапьевна. Вѣстимо, отецъ мой; не прогнѣвайся ты на простоту мою. Власычу покучусь, чтобъ онъ загородилъ горазже.

Александръ. Чтобъ ты больше успокоилась, то посмотри ты, съ Милоглядою Радимовною, на свою боярышню, въ сегодняшнемъ славянскомъ праздникѣ: она тамъ будетъ.

Потапьевна. Намъ туда пройти трудно, отецъ родимой.

Александръ. По старому знакомству, онъ васъ проводитъ (*Дѣлаетъ знакъ Пансофію проводить Потапьевну*).

Потапьевна (*кланялсь*). Обрадуй тебя Сила Небесная! (*Пансофій и Потапьевна выходятъ*).

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

АЛЕКСАНДРЪ (*одинъ*).

Славянскій праздникъ, и мое въ немъ присутствіе, безъ сомнѣнія, будутъ критиковать Аоняне Такой праздникъ предпочитаю я однако многимъ аонскимъ зрѣлищамъ. Учредители ихъ, соображаясь съ разумомъ Аонянъ, принуждены, въ безпрестанныхъ трудностяхъ, прибѣгать часто къ плачевнымъ дѣйствіямъ, для одной только новости. Забавы и вкусы Славянъ, какъ кажется, не терпятъ затруднительныхъ выдумокъ. Надѣюсь найти въ нихъ ту простоту и то невинное удовольствіе, какое, безъ дальнихъ замысловъ, на всѣхъ распространяется. А вотъ и праздникъ ихъ показывается.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

НАЧАЛО БАЛЕТА.

Вдругъ открывается, при звукѣ приличной къ случаю музыки, большая зала, великолѣпно украшенная, посреди которой воздвигнута пирамида; на ней большими литерами написано: ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ. *Изъ внутренности пирамиды выходитъ Геній Времени, подноситъ Александру пальмовую вѣтвь и показываетъ ему, въ устроенномъ на правой сторонѣ амфитеатрѣ, главное мѣсто для зрѣнія. Въ то же время, изъ внутренняго большого входа выходятъ чиновники Александровы, присоединяются къ своему государю, за ними слѣдуютъ и по его сторонамъ въ амфитеатрѣ помѣщаются. Геній между тѣмъ вызываетъ съ другой стороны труппу Славянъ и Славянокъ, которые начнутъ праздникъ плясками вокругъ Генія.*

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Послѣ пляски славянской, выступитъ съ той же стороны знаменитыхъ Славянъ собраніе, предводимое Русланомъ и Доброславою, и обшедъ вокругъ пирамиду, въ торжественномъ обрядѣ, каждый изъ нихъ вѣнокъ къ ней приноситъ. Между тѣмъ, со сторонъ передней части залы, выйдутъ хоры Славянъ и на обѣихъ сторонахъ поютъ слѣдующее:

ХОРЪ.

Слава Всевышнему на небеси, слава!
Доброй Монархинѣ честь на землѣ, слава!
Царскому дому добро и хвала, слава!
Слава боярамъ за добры дѣла, слава!
Слава тому, кто живетъ на добро, слава!
Доброму слава и честь и добро, слава!

(Послѣдній стихъ повторяютъ).

Собраніе Славянъ, обшедъ пирамиду, садится по мѣстамъ, на возвышеніи во внутренней части залы.

=

ЯВЛЕНІЕ IX И ПОСЛѢДНЕЕ.

Когда собраніе знаменитыхъ Славянъ во внутренности театра помѣстится, какъ выше сказано, тогда слетаетъ въ облакѣ Время, любуется пирамидою и низлагаетъ свою косу къ ея подножію. Наконецъ, взойдетъ труппа Геніевъ Времени, неся въ рукахъ гирлянды. Геніи, послѣ удивленія и нѣкоторыхъ танцовъ вокругъ пирамиды, гирляндами сцѣпляются, и въ видѣ постояннаго удовольствія останавливаются, вмѣстѣ со Временемъ, въ неподвижности.

РАДОСТЬ ДУШЕНЬКИ,

ЛИРИЧЕСКАЯ КОМЕДІЯ,

ПОСЛѢДУЕМАЯ БАЛЕТОМЪ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ПРЕДСТАВЛЕНА ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ, ВЪ ПРИСУТСТВІИ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, НА ПРИДВОРНОМЪ ТЕАТРѢ, ОКТЯБРЯ 12 ДНЯ 1786 ГОДА.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Амуръ.
Душенька.
Момъ.
Бахусъ.
Силенъ.
Мидасъ.
Зефиръ.
Хоръ Зефировъ.
Хоръ Нимфъ.

=

Дѣйствіе въ залѣ волшебныхъ чертоговъ Амуровыхъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

МОМЪ И БАХУСЪ.

Момъ. Уфъ!.. усталъ... съ погъ сбился, кромѣ Амура, ни для кого бы того не сдѣлалъ. Нельзя отказать ему: до него всякому случается пуждица.

Бахусъ. Я здѣсь новопріѣзжій. Ничего не знаю; обо всемъ долженъ спрашивать. Что у васъ за хлопоты?

Момъ. Видишь домъ? знаешь, чей? Все у насъ было порядочно, пока не загрустилась въ домѣ Душенька. Ужъ третій день, какъ никто не видалъ улыбки на лицѣ ея. Амуръ отъ печали съ ума сходитъ; ни чѣмъ не можетъ развеселить Душеньку. Просто тебѣ сказать: она здѣсь вдругъ сдѣлалась какъ Несмѣяна царевна: ни чѣмъ забавляться не хочетъ.

Бахусъ. А чего хочетъ сама не вѣдаетъ?

Момъ. И, братецъ, какую ты пустошь городишь! У ней чего-нибудь недостаетъ. Она хочетъ быть довольна: того и хочетъ.

Бахусъ (*пожимая плечами*). У нее недостатокъ! Безсмертные и смертные со всего свѣта собраны забавлять ее.

Момъ Не забавляется она великолѣпными собраніями.

Бахусъ. Что жъ она говоритъ?

Момъ. Говоритъ, что ей скучно.

Бахусъ. Я бы сшилъ ей модное платьице: увидѣлъ бы ты, какъ бы она и смѣялась и радовалась.

Момъ. Представляли ей, братецъ, пріѣзжую изъ дальнихъ краевъ славную портниху, съ разными платьями.

Бахусъ. Неужели-то не улыбнулась Душенька?

Момъ. Нѣтъ.

Бахусъ. Что жъ она сказала?

Момъ. Сказала, что слишкомъ много труда для нее принимаютъ, и надѣла прежнее свое платьице.

Бахусъ. Дура, братецъ! ни въ чемъ толку не знаетъ.

Момъ. Ну, что ты сдѣлаешь? Таковъ вкусъ у Амура: выбралъ себѣ такую, что не все ей угодно бываетъ.

=

ЯВЛЕНІЕ II.

МОМЪ, БАХУСЪ И АМУРЪ.

Амуръ (*въ печальной задумчивости, никого не видя и говоря самъ съ собою*). Вотъ божество! вотъ владычество! Люди думаютъ, что я всѣхъ счастливѣе, а я всѣхъ несчастнѣе... Третій день не видалъ я улыбки на лицѣ ея... все употребляю къ ея удовольствію, а она стала еще грустнѣе.

АРІЯ.

АМУРЪ.

Пускай, кто хочетъ, ищетъ славы,
Въ заботахъ пышности пустой;
А я ищу моей забавы,
Плѣняясь Душенькой одной.

Ея прискорбностью смущаюсь,
Ея весельемъ наслаждаюсь,
Ея печаль мой духъ томитъ,
Усмѣшка счастье мнѣ даритъ.

Пускай, кто хочетъ, ищетъ славы
Въ заботахъ пышности пустой;
А я ищу моей забавы,
Плѣняясь Душенькой одной.

Амуръ (*увидя Мома и Бахуса*). Другъ мой Момъ, не ошибся ли я въ словѣ, когда просилъ, тебя развеселить Душеньку? Можетъ быть, я, забывшись, сказалъ, вмѣсто развеселить, опечалить.

Момъ. Нѣтъ. Ты такъ часто всѣмъ твердилъ стараться развеселить ее, что мы никакъ не могли разумѣть худа, хотя бы ты и промолвился. И намъ всѣмъ было бы веселѣе, когда бы вы съ нею были веселы.

Амуръ. Какъ вы ее забавляли?

Момъ. Да мы чего не дѣлали! Марсъ передъ нею скакалъ сорокою

Амуръ. Это подлинно смѣшно, какъ Марсъ скакалъ сорокою, и она не улыбнулась?

Момъ. Нѣтъ.

Амуръ. Что жъ она сказала?

Момъ. Сказала ему: вѣдь ты не сорока и потомъ отвернулась.

Амуръ. А другіе боги?

Момъ. Чего не дѣлали! Нептунъ на трезубчатой своей острогѣ верхомъ ѣздилъ; Меркурій шемелою макъ толокъ, и многіе боги черезъ голову кувыркались.

Амуръ. Что она сказала?

Момъ. Поморщилась и перестать проспла.

Амуръ. Она любитъ забавы умныя.

Момъ. Мы ее нарядами, балетами и концертами забавляли.

Амуръ. Что жъ она сказала?

Момъ. Сказала: смотрѣть грустно. Мы, потомъ и новыя театральныя представленія выдумывали.

Амуръ. Что она сказала?

Момъ. Крѣпко зѣвать стала. Мы-было и разныя игры затѣяли.

Амуръ. Что она сказала?

Момъ. Просила освободить ее отъ игоръ нашихъ.

Амуръ. Старый Силенъ явился также показать свое усердіе. Авось-либо, говоритъ, увидя фигуру мою, улыбнется Душенька.

Бахусъ. О! о! онъ старый шутникъ и забавникъ. У него на пиру всѣ бывали веселы.

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ и СИЛЕНЪ.

Силенъ. Амуръ, Амуръ! я и позабылъ у тебя спросить, какъ-бишь титулуютъ Душеньку? Вѣдь она не богиня: что она? принцесса ли, дюшесса ли, княгиня ли, графиня ли, сіятельство ли, или превосходительство ли, или, просто, ея благородіе? Какъ величать, не знаю.

Амуръ. Ни принцесса, ни дюшесса, ни княгиня, ни графиня; пожалуй, называй ее сколько можно простѣе.

Силенъ. Какъ же величать ее, не знаю право.

АРІЯ.

МОМЪ.

Ни принцесса.
Ни дюшесса.

СИЛЕНЪ.

Ни принцесса,
Ни дюшесса.

МОМЪ.

Ни княгиня,
Ни графиня.

СИЛЕНЪ.

Ни княгиня,
Ни графиня.

МОМЪ. БАХУСЪ.

(*Вмѣстѣ*).

То-то чудо! Что за чудо!
То-то чудо! Что за чудо!

СИЛЕНЪ, МОМЪ, БАХУСЪ, АМУРЪ.

(*Всѣ четверо*).

Ни принцесса! Все ей грустно,
Ни дюшесса! Все не вкусно,
Ни княгиня! Все не нравно,
Ни графиня! Не забавно.
Что за чудо! Все ль здѣсь худо?
Что за чудо! Что за чудо!
Что за чудо! Что за чудо!
Что за чудо! Что за чудо!

АМУРЪ. Подумайте и посовѣтуйтесь хорошенько, я васъ однихъ оставлю.

СИЛЕНЪ. Прикажи-тка принести сюда столъ, да напитки. За столомъ всякое дѣло веселѣе начинается. Не худо, кабы и она, сударушка, какъ

ее назвать, не знаю, къ намъ пожаловала; хватила бы добрую чару, такъ вотъ бы и заплясала!

Амуръ. Братцы! до вина она не охотница. Нельзя ли придумать, какъ развеселить ее просто? Вы себѣ лучше одни, на свободѣ, празднуйте, и сами себѣ, чего хотите, спрашивайте. (*Уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ (*кромѣ Амура*).

Силенъ (*кричитъ*). Столъ! напитковъ! (*тотчасъ является столъ съ напитками*). Вѣдь намъ не умереть съ печали для того, что Душенька запечалилась... сядемъ-ка, да попьемъ... За столомъ лучше посовѣтуемъ. (*Садятся*). Нальемъ-ка по бакалу, да старинную пѣсню затянемъ. (*Поютъ всѣ трое, между тѣмъ какъ наливаютъ*).

ПѢСНЯ.

Другъ за другомъ,
Всѣ мы кругомъ.
За досугомъ,
Станемъ пить,
Пить, да пить.

(*Выпиваютъ по бакалу, начинаютъ опять ту же пѣсню, и опять наливаютъ и поютъ*).

БАХУСЪ. Какъ бы, чѣмъ бы развеселить Душеньку?

СИЛЕНЪ. У насъ въ старину бывало не долго развеселить компанію. Бывало, мы такія штуки выдумывали, что отъ смѣху животики надсажывали! Ха, ха, ха, ха! (*Всѣ трое хохочутъ*).

БАХУСЪ. Бывало, ради смѣху, женили и замужъ выдавали! Ха, ха, ха, ха! (*Всѣ трое хохочутъ*).

СИЛЕНЪ. Ужъ какъ же это было весело! Ха, ха, ха, ха! (*Всѣ трое хохочутъ*).

МОМЪ. Бывало, на свадьбахъ чего не дѣлали! Ха, ха, ха, ха! (*Всѣ трое хохочутъ*).

СИЛЕНЪ. Бывало, дураковъ дурачили! Ха, ха, ха, ха! (*Всѣ трое хохочутъ*).

БАХУСЪ. Бывало, и умнымъ тутъ же доставалось. Ха, ха, ха, ха! (*Всѣ трое хохочутъ*).

СИЛЕНЪ. Ужъ какъ же это было весело! Ха, ха, ха, ха! (*Всѣ трое хохочутъ*).

МОМЪ. Бывало, и малые ребята тутъ же хохотали. Ха, ха, ха, ха! (*Всѣ трое хохочутъ*).

СИЛЕНЪ. Ужъ какъ же это было весело! Ха, ха, ха, ха! (*Всѣ трое хохочутъ*).

БАХУСЪ. Бывало, стариковъ нянюшки въ люлькахъ качали. Ха, ха, ха, ха! (*Всѣ трое хохочутъ*).

СИЛЕНЪ. Ужъ какъ же это было весело! Ха, ха, ха, ха! (*Всѣ трое хохочутъ*).

МОМЪ. Бывало, и Мидасъ съ нами балагурывалъ. Ха, ха, ха, ха! (*Всѣ трое хохочутъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И МИДАСЪ *(послѣдній съ долгими ослиными ушами).*

Мидасъ (*подслушавъ послѣднія слова*). Ужъ какъ же это было весело! И ги, ги, ги, ги! го, го, го, го! (*Всѣ четверо хохочутъ долго*).

АРІЯ.

МИДАСЪ.

Ужъ какъ же было то смѣшно!
И ги, ги, ги! го, го, го, го!

МОМЪ, СИЛЕНЪ И БАХУСЪ.

Ужъ какъ смѣялись мы тогда;
Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха!

МИДАСЪ, МОМЪ, СИЛЕНЪ, БАХУСЪ.

(*Всѣ вмѣстѣ*).

Ужъ какъ же было то смѣшно!
И ги, ги, ги! го, го, го, го!

Ужъ какъ смѣялись мы тогда!
Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха!

Силенъ. Мидасъ! садись, наливай бокалъ, да пей да пой. (*Между тѣмъ какъ Мидасъ пьетъ, другіе вновь зачинаютъ пѣть застольную пѣсню;*

Мидасъ пристаетъ тутъ же, и несладнымъ голосомъ всѣхъ замѣшиваетъ. Момъ и Бахусъ трясутъ головами съ досадою, и всѣ вдругъ умолкаются).

Мидасъ. У васъ очень весело: что у васъ праздникъ, что ли?

Бахусъ. Праздновали бы мы лучше, когда бы Душенька была веселѣе; да то худо, что она загрустилась.

Мидасъ. Вотъ тебѣ хлопоты, что Душенька загрустилась! а мнѣ что до того нужды? Было бы мнѣ хорошо, да весело.

Момъ. Повѣрь мнѣ, Мидасъ, что никто одинъ собою счастливъ не бываетъ; благополучіе наше всегда другъ отъ друга мы заимствуемъ.

(Силенъ и Бахусъ, между разговорами Момa съ Мидасомъ, часто наливаютъ и пьютъ. Силенъ, по временамъ, затягиваетъ пѣсню пьянымъ голосомъ).

Мидасъ. Я не тѣшить се сюда явился, а лучше было бы, для политическихъ резоновъ и благопріличностей между богами, когда бы...

Момъ (*перерывая*). Когда бы Мидасъ объ нихъ не разсуждалъ, было бы гораздо благопріличнѣе. Да кто тебя вмѣшалъ въ разборъ резоновъ и благопріличностей?

Мидасъ. Я самъ вмѣшался.

Момъ. Показать, что ты судишь о томъ криво.

Мидасъ. Я вѣдь не одинъ моего мнѣнія.

Момъ. То есть, множествомъ легковѣрныхъ головъ хочешь прикрыть стыдъ твоихъ бредней,

какъ-будто сто, иль тысяча бредней могутъ составить что нибудь разсудительное. Да что тебѣ Душенька сдѣлала?

Мидасъ. Разумѣю я, какъ она говорила съ насмѣшкою о глупыхъ и худыхъ обычаяхъ.

Момъ. То есть, ты думаешь, что она не могла говорить о глупыхъ обычаяхъ, кромѣ какъ о твоихъ. Вѣрь мнѣ, что ихъ на свѣтѣ много; а если бы и подлинно о твоихъ говорила, вѣрь, что всѣ другіе говорили объ нихъ больше.

Мидасъ. Пускай другіе говорятъ, да она не должна никому доносить о моихъ обычаяхъ.

Момъ. Пустое говоришь. Нынѣ боги и смертные всѣ такъ свободны и откровенны, что никому ничего доносить не остается. Каждый самъ ремесло свое выказываетъ. Душенька разсуждаетъ о обычаяхъ съ тѣми, кто объ нихъ разсуждать любитъ, и твоимъ только, а не другимъ, она охотно сообщаетъ свои разсужденія, никому вреда не дѣлая.

Мидасъ. Да она уже и тѣмъ безпокойна, что за нее вступаются.

Момъ. Она и сама за себя первая вступится. Каждый имѣетъ свою свободу. Ты берешь себѣ волю осуждать другихъ неправильно, а они пользуются волею то примѣтить.

Мидасъ. Да, да! дай-ка ей здѣсь всякую волю, увидишь...

Момъ. Почему тебѣ такъ страшна ея воля? И кто тебѣ такой вздоръ сказывалъ, что она всякую волю здѣсь брать хочетъ?

Мидасъ. Есть люди, которые то смѣкнули.

Момъ. Разумѣю, что есть люди, которые бреднями и ложными страхами легко наполняютъ себѣ и другимъ головы.

Мидасъ. Каково жъ намъ сносить, когда почитаютъ насъ бредней слагателями?

Момъ. Отъ васъ зависитъ не слагать бредней; тогда никто не будетъ почитать васъ бредней слагателями.

Мидасъ. Да это все она выводитъ: что ты говоришь, это она; и что ты думаешь, это все она.

Момъ. Что жъ бы ты думалъ съ нею сдѣлать надобно?

Мидасъ. Сурово поступать—жалко; а довольно не сообщаться съ нею, не приписывать ей ни передъ кѣмъ достоинства, не смотрѣть ни на какія ея желанія и нужды и потомъ... ее ничѣмъ баловать не надобно.

Момъ. То есть, что ты, стыдясь показать надъ нею низкое жестокосердіе, великодушно опредѣляешь ее къ ничтожности, и оставляешь ей въ награду общее презрѣніе?

Мидасъ. А что она за высочайшая рѣдкость въ свѣтѣ?

Момъ. Не будучи высочайшею рѣдкостью, на ряду съ другими, каждый имѣетъ какое нибудь принадлежащее ему право.

Мидасъ. Такъ толкуешь, какъ-будто ты съ Амуромъ вмѣстѣ влюбленъ въ нее безъ памяти.

Момъ. А ты такъ толкуешь, какъ-будто кто

нибудь на смѣхъ вложилъ тебѣ въ голову объ ней самыя странныя понятія. Да говаривалъ ли ты когда нибудь съ Душенькою?

Мидасъ. И не желалъ говорить съ нею.

Момъ. По крайней мѣрѣ, видалъ ли ты ее?

Мидасъ. Что̀ въ томъ нужды, что видалъ или не видалъ? Я ее знаю.

Момъ. Да почему жъ ты ее знаешь?

Мидасъ (*вынимая изъ кармана портретъ*). А вотъ портретъ ея мнѣ дали. (*Показывая портретъ съ ослиными ушами*). Посмотри самъ, хороша ли? И подписано: «портретъ Душенькинъ».

Момъ. Мидасъ, Мидасъ! по этому портрету ты самъ Душенька: это твой портретъ. (*Даетъ посмотрѣть Бахусу и Силену*). Посмотрите. Ха, ха, ха, ха!

Бахусъ. Это его портретъ, и уши точь-въ-точь. Ха, ха, ха, ха!

Силенъ. Кто нибудь тебя дурачилъ, и на смѣхъ дурацкой портретъ далъ тебѣ вмѣсто портрета Душенькина. Ха, ха, ха, ха!

Мидасъ. Ба! ба! ба! ба! то не Душенькинъ портретъ, надо мною подшутили.

момъ, бахусъ, силенъ (*вмѣстѣ*).

Точно, точно подшутили. Ха, ха, ха, ха! (*Всѣ трое хохочутъ.*)

АРІЯ.

Ба! ба! ба! ба! подшутили:
То не Душенькинъ портретъ.

МОМЪ, БАХУСЪ, СИЛЕНЪ (*вмѣстѣ*).

Точно, точно подшутили:
То не Душенькинъ портретъ.

МИДАСЪ.

И на смѣхъ меня взмутили,
У меня съ ней ссоры нѣтъ.

МОМЪ, БАХУСЪ, СИЛЕНЪ (*вмѣстѣ*).

И на смѣхъ тебя взмутили,
У тебя съ ней ссоры нѣтъ.

МИДАСЪ, МОМЪ, БАХУСЪ, СИЛЕНЪ.

(*Всѣ вмѣстѣ*).

Ба! ба! ба! ба! подшутили,
То не Душенькинъ портретъ:
Точно, точно подшутили:
То не Душенькинъ портретъ;

И на смѣхъ меня взмутили,
У меня съ ней ссоры нѣтъ.
И на смѣхъ тебя взмутили,
У тебя съ ней ссоры нѣтъ.

Момъ. Чтобъ ты вѣдалъ объ Душенькѣ, я тебѣ прочту надпись къ ея портрету. (*Вынимаетъ изъ кармана и читаетъ*).

«Во всѣхъ ты Душенька нарядахъ хороша:
«Пастушкою ль сидишь ты возлѣ шалыша,

«По образу ль какой царицы ты одѣта,
«Вездѣ ты, Душенька, вездѣ ты чудо свѣта.
«И только ты одна прекраснѣе портрета.»

Мидасъ. Я слыхалъ, что добродушіе такъ описываютъ, не ужто Душенька то же, что добродушіе?

Момъ. Не знаю; только знаю, что Амуръ любитъ Душеньку не меньше, какъ и добродушіе.

Мидасъ. А! а! ну, такъ выпьемъ по бакалу, да заправду подумаемъ, чѣмъ развеселить Душеньку.

Бахусъ. Всѣ мы поохмѣлѣли... лучше намъ... проспаться, и въ трезвомъ умѣ посовѣтовать.

Силенъ. А я такъ безъ вина не могу порядочно мыслить: мнѣ-то какъ же быть?

Момъ. Да и намъ какъ же быть? Мы пьяные не можемъ порядочно мыслить.

Мидасъ. А всего покойнѣе ни пьянымъ, ни трезвымъ не мыслить.

Момъ. Какъ же согласить васъ можно? Иной любитъ мыслить пьяный, другой любитъ мыслить трезвый, а третій никогда не любитъ мыслить.

АРІЯ.

(Всѣ четверо). Что же дѣлать? какъ же быть?
Бахусъ. Напились неосторожно,
Пьянымъ мыслить невозможно.
(Всѣ четверо). Что же дѣлать? какъ же быть?
Силенъ. Я люблю вино не ложно,
Трезвымъ быть мнѣ невозможно.
(Всѣ четверо). Что же дѣлать? какъ же быть?

МИДАСЪ. Выпьемъ, выпьемъ неотложно,
Все равно и все возможно.
(Всѣ четверо). Что же дѣлать? какъ же быть?
МОМЪ. Напились неосторожно.
Какъ же мыслить намъ возможно?
Кто насъ можетъ согласить?
(Всѣ четверо): Что же дѣлать? какъ же быть?
Что же дѣлать? какъ же быть?

МОМЪ А! вотъ Амуръ. Онъ лучше рѣшитъ споръ нашъ.

(Встаютъ, и столъ исчезаетъ).

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ и АМУРЪ.

АМУРЪ. Что такое нашлось въ совѣтѣ затруднительное? О чемъ вы спорите?

СИЛЕНЪ. Я говорю... лучше... попить.

БАХУСЪ. А я совѣтую... проспаться.

МОМЪ. И я то же.

МИДАСЪ. А по мнѣ, такъ все равно.

СИЛЕНЪ (*къ Амуру*). Да будетъ ли къ намъ Душенька?

АМУРЪ. Нѣтъ, не будетъ.

МИДАСЪ. Она вѣдь здѣсь?

АМУРЪ. Здѣсь.

Силенъ. Ну, такъ мы къ ней... пойдемъ въ гости .. пора намъ къ ней идти.

Мидасъ. Пора, пора!

Амуръ. Постойте, постойте, братцы. Она проситъ васъ пожаловать къ ней въ другое время.

Силенъ. А теперь для чего не можно? Что жъ она сказала?

Амуръ. Сказала, что лучше вамъ отдохнуть отъ трудовъ вашихъ, вы устали.

Мидасъ. Такъ, такъ правда... правда такъ... у меня гортань устала.

Бахусъ. Лучше, братцы, отдохнуть.

Силенъ. Отдохнуть, да пососнуть... (*Къ Амуру*). Такъ ли Душенька сказала?

Амуръ. Точно такъ она сказала.

АРІЯ.

МИДАСЪ.

У меня гортань устала.

БАХУСЪ.

Лучше, братцы, отдохнуть.

СИЛЕНЪ.

Отдохнуть, да пососнуть.

БАХУСЪ.

Лучше, братцы, отдохнуть.

АМУРЪ, МОМЪ, БАХУСЪ, СИЛЕНЪ, МИДАСЪ.

(Вмѣстѣ .

Такъ, такъ, Душенька сказала,
Лучше, братцы, отдохнуть.
Такъ, такъ, лучше отдохнуть.
Такъ, такъ Душенька сказала.

(Всѣ уходятъ, кромѣ Амура).

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

АМУРЪ *(одинъ)*.

Они пожаловали ко мнѣ только попить, да пошумѣть... Правда, что отъ боговъ многаго требовать было бы несправедливо... Они прежде хотятъ сами утѣшаться, а потомъ утѣшать другихъ... Думаю, Душенька тѣмъ самымъ недовольна, что слишкомъ много людей для ея утѣшенія безпокоятся... Можетъ быть, какая нибудь бездѣлка гораздо болѣе бы ее утѣшила... Нѣкогда она прельщалась розою, которую я самъ ей сорвалъ... послѣ я думалъ угодить ей лучше драгоцѣнными подарками. Зефиръ, принесши отъ меня къ ней бриллiантовую розу, по новой модѣ сдѣланную, не примѣтилъ на лицѣ ея ни малаго удовольствія... Она сказала ему, что лучше любитъ розу простую, безъ всѣхъ украшеній... Зефиръ!

(Зефиръ тотчасъ входитъ).

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

АМУРЪ И ЗЕФИРЪ.

Зефиръ. Архитекторы пришли съ планами дома для Душеньки.

Амуръ. Пускай ей покажутъ.

Зефиръ. Шталмейстеры явились доложить, что цуги и новомодныя кареты для нея готовы.

Амуръ. Пускай ей доложатъ.

Зефиръ. Кухмистеры пришли спрашивать, какой столъ для нея прикажете.

Амуръ. Пускай у нее спросятъ.

Зефиръ. Портнихи дожидаются свѣдать, какое платье ей выберете.

Амуръ. Пускай ей покажутъ... Прежде всего сорви здѣсь розу, отнеси отъ меня къ Душенькѣ, и скажи мнѣ послѣ, какъ она ее приметъ.

(Зефиръ уходитъ).

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

АМУРЪ *(одинъ)*.

Блескъ и шумъ великолѣпія всегда соединенъ съ безпокойствомъ другихъ и съ безпокойствомъ

собственнымъ... Она часто говорила, что хочетъ быть счастлива безъ пышности... часто просила освободить ее отъ всего блистающаго...

АРІЯ.

АМУРЪ.

Она мнѣ часто то твердила,
И то вчера твердила вновь;
Ея устами говорила
Сама любовь, сама любовь.

Что пышность только взоръ прельщаетъ,
Но въ томъ утѣхи нѣтъ прямой;
Что счастье только тотъ вкушаетъ,
Кто счастливъ сладкой тишиной.

Она мнѣ часто то твердила,
И то вчера твердила вновь;
Ея устами говорила
Сама любовь, сама любовь.

ЯВЛЕНІЕ X.

АМУРЪ, БАХУСЪ и СИЛЕНЪ.

АМУРЪ. Я думалъ, что вы пошли успокоиться.

БАХУСЪ. Мы воротились... затѣмъ, что дорогою... опять заспорили.

Силенъ. Заспорили о томъ, отъ чего загрустилась... Душенька.

Амуръ. Можетъ быть, отъ того, что вы много пустого болтаете.

Бахусъ. Я говорю... я говорю... что она загрустилась отъ печали.

Силенъ. А я говорю... что она печальна отъ грусти.

Амуръ. На что̀ вамъ о томъ вѣдать?

Бахусъ. Не одни мы желаемъ о томъ вѣдать... во всемъ домѣ твоемъ сдѣлалось смятеніе. Боги... богини... Зефиры... Нимфы ни о чемъ другомъ не говорятъ, ни о чемъ другомъ не толкуютъ... отъ чего грустно Душенькѣ?

Амуръ (*съ досадою*). Отъ того, что вы всѣ другъ другу много пустого болтаете. (*Въ сторону*). Послушавъ ихъ, не трудно причину отгадывать.

Силенъ. Ну! такъ полно же, Бахусъ, болтать... отдохнуть лучше...

Бахусъ. Такъ, такъ Душенька сказала.

(*Силенъ и Бахусъ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

АМУРЪ (*одинъ*).

Думаю, что, побывъ съ ними долго, я бы и самъ заразился страстію слабоязычія... къ счастію моему, они заблагоразсудили меня оставить.. А! вотъ Зефиръ, съ отвѣтомъ Душеньки...

ЯВЛЕНІЕ XII.

АМУРЪ и ЗЕФИРЪ.

АМУРЪ (*къ Зефиру*). Какъ она приняла розу?
ЗЕФИРЪ. Разсмѣялась.
АМУРЪ. Что жъ сказала?
ЗЕФИРЪ. Она сама скажетъ.

—

ЯВЛЕНІЕ XIII и ПОСЛѢДНЕЕ.

ТѢ ЖЕ и ДУШЕНЬКА.

ДУШЕНЬКА (*держа розу, поетъ слѣдующую арію. Между тѣмъ вдругъ открывается пространная и прилично украшенная галерея. Зефиры и Нимфы, по сторонамъ, составляютъ два хора*).

АРІЯ.

ДУШЕНЬКА (*къ Амуру*).

Мгновута радость помрачаетъ,
И рушитъ счастье иногда;
Часами роза увядаетъ,
Но въ сердцѣ будешь ты всегда.

(*Подавая розу Амуру*)

Приколи самъ.

ХОРЪ.

Не пурпуръ розу возвышаетъ,
Но той прекраснѣй въ свѣтѣ нѣтъ,
Котора сердце утѣшаетъ,
Которую любовь даетъ.

ДУШЕНЬКА (*къ Амуру*).

Твоей любовью все живится,
Она веселье всѣхъ творитъ.

АМУРЪ (*къ Душенькѣ*).

Тобою радость всѣхъ вершится,
Твой взоръ утѣхи всѣмъ даритъ.

ХОРЪ.

Не пурпуръ розу возвышаетъ,
Но той прекраснѣй въ свѣтѣ нѣтъ,
Котора сердце утѣшаетъ,
Которую любовь даетъ.

(Представленіе кончится приличнымъ балетомъ.)

СЕЛЬСКІЙ ПРАЗДНИКЪ,

ТЕАТРАЛЬНОЕ ПАСТУШЬЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ,

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Альвіанъ, селянинъ, отецъ Вивеи, Раисы и Калисты.

Вивея, Раиса, Калиста, } пастушки, дочери Альвіановы.

Эрастъ, пастухъ, Филонида, пастушка, } дѣти сосѣда пріятеля.

Труппа пастуховъ и пастушекъ.

Хоръ пѣвцовъ и музыкантовъ.

Дѣйствіе въ садовомъ павильонѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ открытый въ саду, со многими входами, павильонъ. По сторонамъ павильона видъ рощей. На правой сторонѣ въ павильонѣ столъ съ письменными приборами. На лѣвой другой столъ, для женскихъ рукодѣлій, у каждаго стола по стулу.

ВИВЕЯ *(одна)*.

(За рукодѣльнымъ столикомъ сидя, сплетаетъ изъ цвѣтовъ шифръ Альвіановъ. Между тѣмъ, прислушиваясь при всякомъ малѣйшемъ шумѣ, по временамъ говоритъ):

Такъ хорошо будетъ... (*Держа нѣсколько времени передъ собою шифръ, имъ любуется*). Слышется, идетъ. . Ахъ нѣтъ! (*Со вздохомъ*). Это вѣтерокъ повѣялъ и шумятъ деревья .. пора однако быть ему... А! родитель, родитель!.. Какъ пріятно имѣть людей милыхъ, и какъ тяжело не быть съ ними!.. Какой день отнимаетъ у насъ звѣрь проклятый!.. День батюшкина рожденія, — день, который готовились мы наполнить

безпрестанными увеселеніями! .. (*Прислушивается*). А! родитель!... Ему и съ медвѣдями сражаться надобно, чтобъ охранить стада наши и обезпечить наше благосостояніе!... Сердце бьется, какъ скоро представлю себѣ страхъ этого медвѣдя.... (*Плачетъ*). Кто знаетъ, будетъ ли ему удача?... Для чего бы такъ долго онъ не воротился?... А! родитель, родитель!... (*Прислушивается*). Идетъ кто-то со стороны улицы,... это, вѣрно, Филонида.... пора и ей придти ко мнѣ на помощь.... это, вѣрно, она.,.. двадцать разъ ее поцалую ... Филонида! (*Встаетъ и идетъ съ распростертыми руками встрѣтить Филониду, и вдругъ видитъ передъ собою вошедшаго ближними дверями Эраста, останавливается и отступаетъ назадъ въ стыдливомъ удивленіи*).

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ВИВЕЯ и ЭРАСТЪ.

ВИВЕЯ. Это ты, Эрастъ!... Я думала встрѣтить Филониду!...

ЭРАСТЪ. Я разслушалъ, при входѣ, что милая Вивея двадцать разъ Филониду цаловать готовилась. О! когда бы ошибка продолжалась, такъ, чтобъ я могъ долѣе казаться тебѣ моей сестрою, о! какъ былъ бы я тогда благополученъ!

Вивея. Знаю, знаю, Эрастъ. Ты подъѣзжаешь съ городскими ласковыми словами; а мы въ деревнѣ обходимся просто. Лучше было бы, когда бы ты пошелъ на медвѣдя съ батюшкою. Медвѣдь много сдѣлалъ намъ урону въ стадѣ. Кто знаетъ? Батюшка, можетъ быть, въ трудностяхъ и въ опасностяхъ. И тебѣ не стыдно думать тогда о поцалуяхъ? И тебѣ не стыдно не помогать моему батюшкѣ?

Эрастъ (*съ жаромъ*). А! Вивея, милая Вивея! еслибъ ты знала, какъ я далеко не заслужилъ твоихъ укоръ? Родителю твоему, когда онъ шелъ на звѣря, я вызывался идти съ нимъ вмѣстѣ. Радъ былъ случаю служить ему на пользу. Его воля была не взять меня съ собою, для чего, не знаю. Готовъ я и теперь искать его, чтобы тебя успокоить. А хотя и не найду его, знаю, что неподалеку здѣсь ходитъ свирѣпая волчица, которая также много вреда стадамъ подѣлала. Не буду щадить себя; и когда не возвращусь благополученъ, могу ли жаловаться на волчицу, которая, можетъ быть, ничего другого не дѣластъ, какъ только подражаетъ другихъ жестокосердію.

Вивея. Вотъ, вотъ опять замысловатыя слова сказочныхъ рыцарей. Я не волчица, и на смерть тебя не посылаю... (*Съ нѣжностью*). Можешь остаться, когда батюшка тебя у насъ оставитъ.

Эрастъ. А, Вивея, сколь былъ бы я счастливъ!

Вивея (*съ жаромъ*). Я не словъ требую. Довольно наслышалась, какъ мужчины не щадятъ

словъ, когда хотятъ ловить женщинъ, и, не будучи жестокосердою, вашей братьи не всегда вѣрю.

Эрастъ. А, Вивея! слова не виновны, когда изображаютъ сердечныя наши чувствія.

Вивея. Такъ вотъ лучше всякихъ словъ будетъ, когда ты пойдешь поскорѣй сказать сестрамъ моимъ, что я ихъ здѣсь ожидаю. Батюшку надобно ждать всякую минуту, а мы еще не собрались, какъ должно, его встрѣтить.

Эрастъ. Всегда доказывать тебѣ дѣломъ.... готовъ.... охотно принимаю условіе (*Уходитъ со скоростью*).

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ВИВЕЯ *(одна)*.

Этотъ пастухъ приводитъ меня въ затрудненіе рѣшить, что я чувствую. Онъ не похожъ на обманщиковъ. Онъ заслуживаетъ.... что? По малой мѣрѣ, сожалѣніе, если судьба не наградитъ его лучше. Батюшки все нѣтъ доколѣ.... когда же батюшка не будетъ передъ вечеромъ, то заготовлю къ нему письмецо.... отправлю Эраста искать его.... Неизвѣстность меня мучитъ.... А! вотъ бумага и чернила; до прихода сестеръ написать успѣю.... (*Садится и пишетъ.*)

Не докончивъ письма, видитъ, что идутъ сестры, оставляетъ письмо на столѣ, встаетъ и идетъ къ сестрамъ своимъ, говоря въ сторону) Могу кончить послѣ.

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВИВЕЯ, РАИСА, КАЛИСТА и ФИЛОНИДА.

Вивея, Раиса и Калиста. (*Всѣ три вмѣстѣ*) Батюшки долго пѣту.

Вивея. Не слыхали ль вы чего объ немъ, сестрицы?

Раиса и Калиста (*вмѣстѣ*). Не слыхала ль ты чего объ немъ, Вивея?

Вивея (*съ горестью*). По сію минуту я ничего объ немъ не знаю.

Раиса и Калиста (*вмѣстѣ*). Ахъ, и мы ничего не слыхали!

Вивея. Давно пора быть ему. Моя работа вся готова.

Раиса. И мы также свою подѣлали. Покажи, Вивея, что ты сработала!

Вивея (*показывая шифръ*). Я выплела изъ незабудочекъ шифръ его имени. Шифръ этотъ выставимъ на пьедесталъ посреди павильона. — А ваша, сестрицы, работа?...

Раиса (*показывая гирланды*). Я сработала гирланды, чѣмъ убрать пьедесталъ, на которомъ шифръ поставимъ.

КАЛИСТА (*показывая букетъ*). А я заготовила букетъ, который поставимъ въ вазѣ передъ шифромъ.

ВИВЕЯ. Надобно, сестрицы, поспѣшить все приготовить.

РАИСА и КАЛИСТА (*вмѣстѣ*). Все, все готово. (*Раиса и Калиста вносятъ пьедесталъ и потомъ всѣ поспѣшно убираютъ его, на средину павильона, и выходятъ опять на сцену*).

ВИВЕЯ. О, когда бы онъ скорѣе возвратился!

РАИСА. Онъ собою лучше всего украсилъ бы нашъ праздникъ.

КАЛИСТА. Придетъ теперь, сестрицы, приготовить у себя батюшкѣ ужинъ; а здѣсь оставимъ на вѣстяхъ Филониду, увѣдомитъ насъ, когда батюшка близъ сада появится.

(*Вивея, Раиса и Калиста уходятъ*).

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ФИЛОНИДА (*одна*).

Онѣ меня одну на скуку оставили. Быть одной ничего нѣтъ скучнѣе.... Братецъ мой, какъ вижу, вьется вокругъ Вивеи и объ сестрѣ своей не думаетъ.... Ему было бы приличнѣе теперь быть со мною.... А, да вотъ онъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ФИЛОНИДА и ЭРАСТЪ.

Филонида. Братецъ! ты пришелъ кстати. Мнѣ много съ тобою говорить надобно. Не слыхалъ ли ты какихъ вѣстей объ Альвіанѣ?

Эрастъ. А вотъ, что объ немъ свѣдалъ: всѣ сосѣди, услышавъ, что Альвіанъ пошелъ на истребленіе лихого медвѣдя, тотчасъ за нимъ въ слѣдъ съ ружьями и съ копьями отправились и обѣщались не возвращаться, не угомоня звѣря. Видно, что медвѣдь не скоро дается въ руки. Никто еще въ село не возвратился.

Филонида. Вивея безъ ума плачетъ.

Эрастъ. Ахъ, сестрица! я, кажется, еще больше полюбилъ Вивею, если можно полюбить ее больше.

Филонида. Ты, какъ мнѣ кажется, слишкомъ ею занимаешься. Я не могу, Эрастъ, одобрить никакой твоей пустой привязанности.

Эрастъ. То есть, сестрица, ты мнѣ сказать хочешь, что сердце ея другимъ занято. (*Съ великимъ чувствіемъ*) Если то такъ, ты ничего больше горестнаго мнѣ сказать не можешь.

Филонида. Я тебѣ не говорю, что сердце ея другимъ занято. А если бы то и случилось....

Эрастъ. А, Филонида! я осудилъ бы самъ себя въ число людей ненавистныхъ, если бы не примышлялъ ей всѣхъ возможныхъ благополучій.

какихъ не могъ бы принесть ей собою.... таково великодушно мое объ ней разсужденіе, таково!... Однако, чувствую, что сердце мое измѣняетъ моему великодушію.... Тщетно много разъ искалъ я моего прежняго спокойствія въ удаленіи отъ глазъ ея.... въ нихъ, сестрица, нахожу я и спокойствіе, и жизнь мою.... А въ какихъ словахъ скажу ей?...

Филонида. Неужели я должна говорить ей о томъ, когда ты самъ не говоришь ни слова?

Эрастъ (*ставъ на колѣна у ногъ Филониды*). А, Филонида! ты, безъ сомнѣнія, свободно ей говорить можешь.... (*Съ жаромъ цалуя у Филониды руки*). Мнѣ она не дала никакого права изъявлять ей любовь мою.... Знаю, что она можетъ инымъ образомъ составить себѣ счастіе.... Она любитъ зависимость отъ отца своего.... я все это знаю и чувствую.... если бы ты вѣдала, сколько я мучусь.... (*Опять цалуетъ Филонидины руки. Тутъ появляется изъ дальняго входа Вивея, видитъ Эраста у ногъ женщины, которую издали и съ тылу узнать не можетъ, пожимаетъ плечами, кладетъ перстъ на уста и, не бывъ ими примѣчена, тихо назадъ возвращается*).

Филонида. Встань, братецъ! (*Эрастъ встаетъ*). Кто знаетъ?... Вивея, можетъ быть, еще пріятнѣе будетъ, чтобъ ты упадалъ передъ ея ногами. Ты можешь самъ изъясниться съ нею, если не на словахъ, то вотъ бумага и чернила на столикѣ. (*Въ сторону*) Кто надъ нимъ не сжалится! (*Къ Эрасту*) Ты можешь описать ей твои чув-

ства. А я, съ моей стороны, пойду, сколько могу, стараться, чтобъ ты не попустому тратилъ любовь свою.

(Уходитъ).

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЭРАСТЪ *(одинъ, съ движеніями горести, повторяетъ слова Филониды).*

Вотъ бумага и чернила: можешь описать ей твои чувства! Могу, конечно!... любовь моя къ Вивеѣ непостыдна!... (*Идетъ къ столу, садится, беретъ бумагу, находитъ написанныя строки, на столѣ оставленныя, узнаетъ руку Вивеи*). Ба! это рука Вивеина!... Я любопытенъ.... (*Хочетъ читать и останавливается*). Нѣтъ.... я не имѣю права, безъ ея позволенія, читать ея бумагу.... однако.... бумага не запечатана.... и положена, можетъ быть, нарочно для прочтенія.... она мнѣ этого не позволяла и не запрещала.... (*Беретъ письмо и читаетъ, не вѣдая, что оно къ Альвіану писано*).

«Когда бъ ты вѣдалъ, какую напоснтъ горесть
«долгое твое отсутствіе, конечно, поспѣшилъ бы,
«все оставя, подать мнѣ отраду...»

(*Тутъ продолжаетъ читать дрожащимъ голосомъ и съ дрожащими руками*).

«Чье сердце можетъ столько трепетать и же-
«лать твоего присутствія? Поспѣши, поспѣши
«скорѣе!...»

(*Дѣлаетъ движенія отчаянности*).

А, Боже!.. Такъ, такъ!.. Другой нашелъ дорогу къ ея сердцу!.. Она другого любитъ со всею нѣжностью страстной любовницы!.. Такъ, такъ!.. Она давно давала мнѣ то видѣть своимъ холоднымъ со мною обращеніемъ!.. (*Опомнясь*). Почто, однако, теряю я разсудокъ?.. Не имѣетъ ли она права любить кого хочетъ?... (*Кладетъ бумагу на прежнее мѣсто. Страстно*) Я долженъ удалиться отъ глазъ ея; прилично ли мнѣ примѣшивать къ спокойствію и удовольствію Вивеи, къ празднеству всего дома, видъ отчаяннаго и страждущаго?... Удалюсь.... конечно, не буду никого здѣсь обезпокоивать моимъ унылымъ присутствіемъ. (*Увидя Вивею, хочетъ идти и останавливается*).

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЭРАСТЪ и ВИВЕЯ.

ВИВЕЯ (*поспѣшно вошедъ, не говоря и не смотря на Эраста, беретъ со стола бумагу*).

ЭРАСТЪ (*въ сторону, унылымъ голосомъ*). Такъ!. Вижу!.. Конечно, такъ!.. Вивея...

Вивея (*слыша голосъ и взглянувъ на Эраста съ нѣкоторою горделивостью*) Я не помѣха ни чьимъ здѣсь изъясненіямъ. (*Поспѣшно уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

ЭРАСТЪ (*одинъ съ унылостью*).

Такъ! точно такъ!. Она мнѣ ясно даетъ знать, что я, конечно, мѣшаю здѣсь ея съ кѣмъ нибудь свиданію!... А, Вивея!... Ты укорять меня тѣмъ не будешь. (*Хочетъ идти*).

=

ЯВЛЕНІЕ X.

ЭРАСТЪ и ФИЛОНИДА.

Филонида (*находя Эраста въ скорбномъ видѣ и скоро отъ нее идущаго*). Братецъ, братецъ! что съ тобою сдѣлалось?... (*Хватаетъ его за руку*). Не пущу!.. Я хочу вѣдать....

Эрастъ (*скорбно*). А, Филонида!... Оставь меня!.. Я горестенъ до крайпости! Я надолго и, можетъ быть, навсегда разстанусь съ вами!.. Жизнь мнѣ тягостна!.. Прости, сестрица!.. (*Вырывается изъ рукъ и уходитъ*).

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

ФИЛОНИДА *(одна, повторяя слова Эрастовы).*

Жизнь мнѣ тягостна! прости, сестрица!.. Что это значитъ?.. Что нибудь необычайное приключилось... Не постигло ли какое несчастіе Альвіана?... Видѣла я теперь Вивею, тоже въ слезахъ горестныхъ!... Есть какая нибудь скрытая причина ея тревоги.... Вивея не принимаетъ никакихъ утѣшительныхъ словъ отъ друзей своихъ!.. Называетъ всѣхъ мужчинъ хитрыми и жестокими обманщиками!... Не понимаю, кто бы могъ имѣть съ нею такое жестокосердіе; вѣрно, она подозрѣваетъ тайность худыхъ извѣстій объ Альвіанѣ, и легко быть можетъ, что всѣ отъ нея ихъ скрыть стараются... Слышу, идутъ и говорятъ... авось-либо Альвіанъ....

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

ФИЛОНИДА, ВИВЕЯ, РАИСА и КАЛИСТА.

(Послѣднія три вбѣгаютъ, прыгавши, и говорятъ вмѣстѣ).

Батюшка, батюшка прибылъ! — Батюшка близко! батюшка идетъ!...

=

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ВИВЕЯ, РАИСА, КАЛИСТА, ФИЛОНИДА, АЛЬВІАНЪ и ЭРАСТЪ.

Вивея, Раиса и Калиста (*встрѣчая отца всѣ вмѣстѣ*). А, родитель! какъ мы тебя ждали!.. Какъ ты насъ обрадовалъ!

Альвіанъ. Здорово, здорово, дѣти! (*цалуетъ одну за другою*). Здорово, Филонида! (*цалуя также Филониду*). Спасибо, что дѣтей не оставила. (*Вивея подставляетъ стулъ, Альвіанъ садится, и всѣ, становясь вокругъ его, прилежно и радостно на него смотрятъ. Альвіанъ продолжаетъ*) А я сегодня сдѣлалъ два добрыхъ дѣла: убилъ медвѣдя и поймалъ въ полѣ Эраста.

Вивея, Раиса, Калиста и Филонида.

(*Всѣ вмѣстѣ*).

Какъ Эраста?...

Альвіанъ. Эрастъ хотѣлъ-было насъ оставить и прощался со мною надолго. Говоритъ, что необходимыя дѣла заставляютъ его хлопотать въ городѣ. Насилу я его уговорилъ провесть сегодняшній вечеръ съ нами.

Вивея (*съ нѣкоторою усмѣшкою*). Я не знала городскихъ хлопотъ Эрастовыхъ, и его дума-

ла-было послать съ письмомъ къ тебѣ, родитель мой, если бы ты еще нѣсколько умедлилъ насъ обрадовать.

ЭРАСТЪ (*вслушавшись въ послѣднія слова, съ радостнымъ видомъ и съ торопливостью*). Вивея писала къ Альвіану! (*Въ сторону*). Ахъ, какъ я ошибся!...

АЛЬВІАНЪ. Вотъ чему удивился! что Вивея ко мнѣ писала. Ха, ха, ха, ха! (*Къ Эрасту*) Она у меня читать и писать горазда. Скажи же ты намъ, какія у тебя хлопоты есть въ городѣ? Не могу ли и я тебѣ быть въ томъ пригоденъ, другъ мой!

ЭРАСТЪ (*съ радостнымъ лицемъ*). Я всегда имѣлъ надежду на помощь благодѣтельнаго Альвіана.

ФИЛОНИДА (*улыбаясь*). Братъ мой сегодня, валяясь у ногъ моихъ, просилъ и у меня помощи въ городскихъ хлопотахъ своихъ. Я, поистинѣ, чѣмъ помочь, не знаю.

ВИВЕЯ (*вслушавшись въ слова Филониды, въ сторону*). Передъ Филонидою! Ахъ, Боже! какъ я ошиблась!... (*Съ веселымъ лицемъ къ Филонидѣ*) Видно, хлопоты его не малы, когда у ногъ валялся... (*Къ Эрасту*) Мнѣ кажется, Эрастъ ничего не потеряетъ, когда съ нами останется.

АЛЬВІАНЪ. Оставайся-ка, братъ, съ нами. (*Эрастъ цалуетъ у Вивеи руку*).

Вивея. Позволь, родитель мой, сосѣднимъ нашимъ подругамъ и пріятелямъ изъявить здѣсь, въ день твоего рожденія, ихъ радостное усердіе.

Альвианъ. Буди по волѣ твоей.

=

ЯВЛЕНІЕ XIV И ПОСЛѢДНЕЕ.

АЛЬВІАНЪ *садится тогда къ сторонѣ зрителямъ.* ВИВЕЯ, РАИСА, КАЛИСТА, ФИЛОНИДА, ЭРАСТЪ *и еще нѣсколько пастуховъ и пастушекъ составляютъ хороводъ вокругъ щита Альвіанова. Между тѣмъ хоръ пѣвцовъ поетъ слѣдующія слова съ музыкою:*

Подъ щедрою Судебъ рукой
Да длятся дни благополучны!
Да длятся счастье и покой,
Со Альвіаномъ неразлучны!

Гдѣ чада добраго отца
Въ немъ зрятъ себѣ отца и друга,
Окружныхъ радостей творца
Согласно хвалитъ вся округа, —

Подъ щедрою Судебъ рукой,
Да длятся дни благополучны!
Да длятся счастье и покой
Со Альвіаномъ неразлучны!

ТЕАТРАЛЬНОЕ

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ,

НА ПОСЛОВИЦУ:

НЕ ВСЯКАГО ДѢЛО СУДИТЬ И РЯДИТЬ, А ВСЯКАГО ДѢЛО ДОБРУ ПОСОБИТЬ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Заботинъ.
Добродумовъ, дядя Заботина.
Сплоръ, слуга Заботина.

Дѣйствіе въ домѣ Заботина.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЗАБОТИНЪ и ДОБРОДУМОВЪ.

Заботинъ. Худо, худо! изъ рукъ вонъ, худо!.. Какъ жить? какъ быть? О, хо, хо, хохъ!

Добродумовъ. Да о чемъ ты, племянникъ, такъ крушишься и думаешь?

Заботинъ. Какъ не думать, какъ не думать, дядюшка! Жена родила: мнѣ Богъ даровалъ дочь... и поневолѣ подумаешь... О, хо, хо, хохъ!

Добродумовъ. Другъ мой! да вѣдь ты на то женился, чтобы у тебя дѣти были. Когда жена родитъ, то всякой радуется, а не печалится.

Заботинъ. Да не то, дядюшка!

Добродумовъ. Да что жъ такое? жена ли опасно больна, или дитя нездорово?

Заботинъ. Нѣтъ, дядюшка, слава Богу, жена не въ опасности и дитя здорово, какъ водится. Я не о томъ сокрушаюсь!

Добродумовъ. Да о чемъ же?

Заботинъ. Вѣдь дитя вскормить надобно. О, хо, хо, хохъ!

ДОБРОДУМОВЪ. Я знаю, что вскормить надобно; да развѣ ты обнищалъ такъ, что дѣтей воспитать не въ состояніи?

ЗАБОТИНЪ. Не то, дядюшка; ну, да какъ дитято выростетъ?

ДОБРОДУМОВЪ. И вѣдомо выростетъ.

ЗАБОТИНЪ. Ну, да какъ дитя выростетъ, да пути въ немъ не будетъ?

ДОБРОДУМОВЪ. Развѣ ты имѣешь совершенное предчувствіе, что въ дочери твоей пути не будетъ?

ЗАБОТИНЪ. Да не то, дядюшка; хотя въ дочери моей и путь будетъ; ну, да какъ ей въ нынѣшнемъ свѣтѣ не испортиться?

ДОБРОДУМОВЪ. Можетъ быть, и не испортится; а хотя испортится, то послѣ поправится.

ЗАБОТИНЪ. Да не то, дядюшка; вѣдь ее и замужъ выдать надобно. О, хо, хо, хохъ!

ДОБРОДУМОВЪ. Ты увидишь, что когда ты ее выдашь замужъ, то она не будетъ жаловаться.

ЗАБОТИНЪ. Да не то, дядюшка; вѣдь каковъ мужъ будетъ.

ДОБРОДУМОВЪ. Да вѣдь ты за худого ее не выдашь!

ЗАБОТИНЪ. Хорошъ или худъ, какъ узнаешь? Вѣдь въ него не влѣзешь.

ДОБРОДУМОВЪ. О всякомъ человѣкѣ у добрыхъ людей разспросить можно.

ЗАБОТИНЪ. Да вѣдь и про хорошаго худо говорятъ, и про худого иногда хорошо сказываютъ.

Добродумовъ. Ну, такъ старайся узнавать людей самъ, когда на слова другихъ не полагаешься.

Заботинъ. До того ли мнѣ въ моихъ заботахъ? Вы знаете, сколько хлопотъ у меня на шеѣ. О, хо, хо, хохъ!

Добродумовъ. Иныя хлопоты и оставить можно. Знаешь пословицу: Буде колесы исправно вертятся, телѣга сама де-скать ѣдетъ.

Заботинъ. Хорошо оставить иныя хлопоты, когда кто-нибудь другой объ насъ заботится. А какъ всякъ думаетъ о себѣ прежде?

Добродумовъ. И вѣдомо, братецъ, всякъ думаетъ о себѣ прежде. А кто о себѣ не думаетъ, тотъ ни себѣ, ни другимъ годенъ не бываетъ.

Заботинъ. Да не то дядюшка; все интересъ проклятый! О, хо, хо, хохъ!

Добродумовъ. Интересъ, можетъ быть, и не проклятый. Всѣ наши дѣла основаны на взаимности; повсюду Природа гласный, или безгласный договоръ сдѣлала, чтобъ люди одинъ другому были полезны.

Заботинъ. Да не то, дядюшка; всѣ испортились: всѣ хотятъ взаимности.

Добродумовъ. Развѣ ты желаешь лучше, чтобъ одни безчестно чужими трудами жили, а другіе бы глупо на тунеядцевъ работали? Въ такомъ расположеніи нѣтъ ни правосудія, ни удобности.

Заботинъ. Да не то, дядюшка; всѣ хотятъ равняться.

Добродумовъ. Точно такъ, другъ мой, Природа насъ сдѣлала. Мы оставляемъ спокойно людямъ разность въ платьяхъ и во всякихъ наружностяхъ; а всѣ хотимъ одинаково быть спокойны и благополучны въ своихъ убѣжищахъ.

Заботинъ. Да не то, дядюшка; всѣ нынѣ умничаютъ и не въ свое дѣло вступаются.

Добродумовъ. Не то ли, напримѣръ, когда кто все охуждаетъ, а самъ ничего не дѣлаетъ?

Заботинъ. Ну, хорошо ли, когда кто самъ ничего не дѣлаетъ, а все охуждаетъ! О, хо, хо, хохъ!

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ и СИДОРЪ.

Сидоръ (*къ Заботину*). Барыня приказала, сударь, сказать вамъ, что дитя изъ колыбели упало.

Заботинъ. Вотъ, дядюшка, вы говорите, что дѣти родятся на радость! Каково отцу, какъ дочь изъ колыбели упала? О, хо, хо, хохъ! (*Добродумовъ, не говоря, и отчасъ выходитъ со слугою, а Заботинъ одинъ продолжаетъ:*) Вотъ теперь, вѣрно, или руку, или ногу вывихнула, и будетъ калѣкою... А я всегда твердилъ дѣтей беречь, чтобъ они изъ колыбели не падали... Куда годится теперь дитя безрукое или без-

погое?... А я всегда твердилъ, чтобъ пяпя за дитятею крѣпко смотрѣла.. Вотъ есть чему радоваться, какъ дѣти изъ колыбели падаютъ! О, хо, хо, хохъ!

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ЗАБОТИНЪ и ДОБРОДУМОВЪ.

Добродумовъ. Не печалься, братецъ; дочь твоя не ушиблась. Только, правда, что колыбель худо привѣшена.

Заботинъ. Вотъ!... А я всегда твердилъ, чтобъ колыбель хорошенько привѣшивали.

Добродумовъ. Я приказалъ ужъ колыбель не вѣшать, а поставить на мѣсто: висячія колыбели всегда опасны.

Заботинъ. Вѣрно, и жена испугалась и перетревожилась. Вотъ какая радость! О, хо, хо, хохъ!

Добродумовъ. Ей ужъ сдѣлана помощь: она жалѣетъ только, что тебя не видитъ.

Заботинъ. До того ли мнѣ въ моихъ заботахъ? Вы видите, что мнѣ есть о чемъ думать! О. хо. хо, хохъ!

Добродумовъ. Правду тебѣ сказать, если ты придешь къ ней только охать, то заботы твои не принесутъ ей радости.

ЗАБОТИНЪ. Таково-то, дядюшка! какая радость печальному?

ДОБРОДУМОВЪ. Да ты, братецъ, перестань попустому ахать, да жаловаться. Мы въ жизни всегда окружены приключеніями; однако, по временамъ, имѣемъ также радости. Приключенія приходятъ къ намъ сами, а радости доставляемъ себѣ мы почти всегда трудами и попеченіями.

ЗАБОТИНЪ. Легко то сказать, трудами и попеченіями. Да каково-то мнѣ. О, хо, хо, хохъ!

ДОБРОДУМОВЪ. Станемъ оба нѣсколько времени пещись о дѣлахъ, по твоему обычаю, и посмотримъ, сколько свѣтъ отъ того лучше будетъ.

ЗАБОТИНЪ. О, хо, хо, хохъ!

ДОБРОДУМОВЪ (*передразнивая Заботина*). О, хо, хо, хохъ!

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ и СИДОРЪ.

СИДОРЪ (*къ Заботину*). Несчастіе, сударь, сдѣлалось: въ загородномъ вашемъ домѣ кладовая ваша выгорѣла.

ЗАБОТИНЪ. Вотъ радость! О, хо, хо, хохъ!

ДОБРОДУМОВЪ (*также*). О, хо, хо, хохъ!

ЗАБОТИНЪ (*къ Сидору*). Да отъ чего она выгорѣла? сказывай.

Сидоръ. Отъ огня, сударь.

Заботинъ Вотъ радость! О, хо, хо, хохъ!

Добродумовъ (*также*). О, хо, хо, хохъ!

Заботинъ. Я всегда твердилъ противъ огня брать предосторожности; для чего же не тушили?

Сидоръ. Вы въ инструкціи вашей людямъ своимъ строго написали, ни въ какомъ случаѣ до вашей кладовой не дотрогиваться. Они не смѣли преступить вашего приказанія.

Заботинъ. А они и оставили горѣть добро господское?

Сидоръ. Оставили, по собственной волѣ вашей.

Заботинъ (*въ негодованіи*). Лучше бы они добро мое растащить допустили, то, по малой мѣрѣ, оно бы кому-нибудь досталось, а теперь все чортъ взялъ! О, хо, хо, хохъ!

Добродумовъ (*также*). О, хо, хо, хохъ!

Сидоръ. Добро ваше однако не погорѣло: люди дядюшки вашего, по сосѣдству, прибѣжали и успѣли сундуки вытаскать.

Заботинъ. Ну, спасибо имъ! Вотъ какъ добрые люди дѣлаютъ, не какъ мои людишки. О, хо, хо, хохъ!

Добродумовъ. О, хо, хо, хохъ!

Сидоръ. Не гнѣвайтесь; люди вашего дядюшки имѣли отъ него другое приказаніе, а именно: въ случаѣ нужды, не оставить домъ вашъ всякою помощію; потому они въ кладовую вашу и войти осмѣлились.

Добродумовъ (*къ Заботину*). Что же не охаешь?

Заботинъ. Вижу, что оханьемъ дѣла не исправишь, и что на всякое худое есть лекарство.

Добродумовъ. Справедливо было бы охать, если бы все добро на свѣтѣ заключено было въ кладовой твоей. Не охай, поѣзжай лучше распорядить дѣйствительнымъ образомъ дѣла твои.

Заботинъ. Только, дядюшка, много худого встрѣчается, къ неудовольствію.

Добродумовъ. Я это знаю; да надобно стараться дѣлать, сколько можно, изъ худого доброе.

Заботинъ. Отъ заботъ умъ теряется.

Добродумовъ. Отъ заботъ умъ раждается, когда кто пріобыкнетъ къ дѣйствію, а не къ бездѣйствію.

Заботинъ. Только, дядюшка, иные пріобыкаютъ къ худымъ дѣйствіямъ.

Добродумовъ. Другъ мой, не забывай пословицу: «Не всякаго дѣло судить и рядить, а всякаго дѣло добру пособить».

ТЕАТРАЛЬНОЕ

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ,

НА ПОСЛОВИЦУ:

СЕРДЦЕМЪ ДѢЛУ НЕ ПОМОЖЕШЬ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Сисой Исаичъ Крутонравовъ.
Василиса, ключница Крутонравова.
Анфиногенъ Игнатьичъ Разсуждаевъ, пріятель Крутонравова.

Дѣйствіе въ домѣ Крутонравова.

ЯВЛЕНІЕ I

Театръ представляетъ комнату, въ которой Крутонравовъ пишетъ.

КРУТОНРАВОВЪ *(пишетъ съ разными движеніями неудовольствія и, почувствовавъ на лицѣ муху, сердится.)*

Ни на часъ нѣтъ покоя!... То дѣла, то люди, то мухи не даютъ отдыха!. (*Сгоняя съ лица муху, бьетъ себя по лицу*). Я избилъ себѣ лице! Какъ можно дѣло дѣлать?... Способа нѣтъ жить въ покоѣ!

=

ЯВЛЕНІЕ II.

КРУТОНРАВОВЪ и ВАСИЛИСА.

Василиса (*подошедъ тихо и выждавъ, пока Крутонравовъ оглянется, подаетъ письмо*). Письмо съ почты принесли, сударь!

КРУТОПРАВОВЪ (*въ гнѣвѣ*). Вотъ!... тутъ и письма приходятъ!.. (*Пожимая плечами*). Да оставь меня въ покоѣ!

ВАСИЛИСА. Я вошла, сударь, только письмо подать.

КРУТОПРАВОВЪ. Да отъ кого, отъ кого письмо?

ВАСИЛИСА. Не знаю, сударь; письмо принесъ человѣкъ съ почты и проситъ десять копѣекъ.

КРУТОПРАВОВЪ (*пожимая плечами*). Вотъ, плати пожалуй по десяти копѣекъ за всякой вздоръ съ почты.... Вѣрно, какой-нибудь вздоръ безъ дѣла... (*Продолжаетъ писать, потомъ, взглянувъ на Василису*). Да ты что тутъ какъ столбъ уставилась?

ВАСИЛИСА. Вы, сударь, письма еще не-взяли.

КРУТОПРАВОВЪ. Всё-таки письмо съ почты!... Да что за человѣкъ принесъ его?

ВАСИЛИСА. Почтальонъ, сударь.

КРУТОПРАВОВЪ. Да ты зачѣмъ принимала?

ВАСИЛИСА. Затѣмъ, сударь, что на ваше имя надписано.

КРУТОПРАВОВЪ (*пожимая плечами*). Ни на часъ нѣтъ покоя!... Можетъ быть, письмо не ко мнѣ.... къ другому. Подай сюда, я самъ прочту надпись. (*Беретъ пакетъ и читаетъ:*) «Его бла«городію, милостивому государю моему, Спсою «Исанчу Крутонравову, въ его домѣ». (*Остановясь и пожимая плечами*). Вѣрно, какое-нибудь пустое поздравленіе, а дѣла нѣтъ ни на полушку. (*Къ Василисѣ*). Это, вѣрно, отъ купца Купичкина?

ВАСИЛИСА. Не знаю, сударь.

Крутонравовъ. Вѣрно онъ денегъ проситъ?

Василиса. Не знаю, сударь.

Крутонравовъ (*въ гнѣвѣ*). Да пожалуй спроси, отъ кого именно.

Василиса. Я спрашивала, сударь, у почтальона, отъ кого, не знаетъ.

Крутонравовъ (*пожимая плечами*). Любопытенъ я вѣдать, отъ кого бы то было!.. (*Продолжаетъ писать, не взявъ письма, потомъ, оглянувшись, къ Василисѣ*). Ну, что ты привязалась?

Василиса. Вы, сударь, письма еще не взяли.

Крутонравовъ. Ни на минуту нѣтъ покоя!... Хотѣлъ бы я однако вѣдать, отъ кого это.. (*Къ Василисѣ*). Да оставь письмо на столѣ и отойди отсюда.

Василиса. Подателю, сударь, десять копѣекъ заплатить надобно.

Крутонравовъ (*пожимая плечами*). Вотъ какая важность!... Письмо назадъ отдать можно... Отдай назадъ; слышишь ли?

Василиса. Можетъ быть, писано къ вамъ что-нибудь нужное; не разсудите ли за благо, прочесть прежде.

Крутонравовъ (*беретъ письмо*). Любопытенъ я вѣдать, что въ немъ написано... Вѣрно, вздоръ... (*Раскрывъ пакетъ, читаетъ внизу письма имя, отъ кого писано:*) «Всепокорнѣйшій слуга Анисимъ Докучаевъ. Отъ 1-го Апрѣля...» (*Остановясь*). Ну, вѣрно, вздоръ!.. Чему быть дѣльному

отъ Докучаева? (*Бросаетъ письмо на столъ и принимается писать попрежнему*).

ВАСИЛИСА. Подателю, сударь, десять копѣекъ заплатить надобно.

КРУТОНРАВОВЪ. Долго ль меня мучить? Отдай, отдай ему письмо назадъ; слышишь ли?

ВАСИЛИСА. Вѣдь онъ, вѣрно, станетъ говорить, сударь, что письмо къ вамъ надписано; что вы же его и распечатали, и хоть письмо назадъ возьметъ, а десять копѣекъ также будетъ требовать.

КРУТОНРАВОВЪ (*пожимая плечами*). Не даютъ ничего дѣлать!.. Посмотрю, посмотрю... что-то Докучаевъ ко мнѣ пишетъ... (*Беретъ и читаетъ неудовольственнымъ голосомъ*:) «Милостивый го-«сударь мой, Сисой Исаичъ! Не могу преминуть «васъ увѣдомить...» (*Остановясь съ сердцемъ*). Ну, о чемъ, ну, о чемъ Докучаевъ можетъ меня увѣдомить?.. Ну, что онъ мнѣ сказать можетъ?.. Вѣрно, вздоръ!.. (*Бросаетъ письмо на столъ и начинаетъ писать попрежнему*).

ВАСИЛИСА. Почтальона, сударь, отпустить надобно.

КРУТОНРАВОВЪ (*съ сердцемъ*). Не мучь меня... пожалуй себѣ отпусти его.

ВАСИЛИСА. Да денегъ, сударь, десять копѣекъ дать надобно.

КРУТОНРАВОВЪ. Да за что дать? за что дать?.. Я не читалъ письма Докучаева.

ВАСИЛИСА. Такъ не изволите ли, сударь, прочесть, да отпустить подателя?

Крутонравовъ (*пожимая плечами*). Безпрестанно терзаютъ досадами!.. Посмотрю, о чемъ Докучаевъ можетъ меня увѣдомить! (*Беретъ письмо и опять читаетъ:*) «Милостивый госу-«дарь мой, Сисой Исаичъ! Не могу преминуть «васъ увѣдомить, что я, по благости Создателя, «нахожусь еще въ живыхъ...» (*Остановясь*). Вотъ! я зналъ прежде, что какой-нибудь вздоръ тутъ написанъ. Находится въ живыхъ!.. Ну, что мнѣ до того нужды, живъ ли онъ или умеръ?.. Хотя бы о томъ онъ не сказывалъ, я знаю, что мертвые не пишутъ... (*Бросаетъ письмо и вновь писать принимается*).

Василиса. Почтальонъ, сударь, дожидается.

Крутонравовъ (*въ нетерпѣливости*). Ну, чего, ну, чего онъ дожидается?.. Скажи ему, чтобъ не дожидался

Василиса. Дожидается конца, сударь, какъ вы письмо прочесть изволите.

Крутонравовъ. Знаю, что дожидается десяти копѣекъ; да за что дать? Я не прочелъ письма Докучаева.

Василиса. Такъ до конца прочесть, сударь, не изволите ли?

Крутонравовъ. Да что читать?.. Что читать?.. Я напередъ знаю, что тамъ вздоръ написанъ... Посмотрю, посмотрю далѣе... (*Беретъ письмо и вновь читаетъ:*) «Милостивый государь мой, Си-«сой Исаичъ! Не могу преминуть васъ увѣдомить, «что я, по благости Создателя, нахожусь еще въ «живыхъ. Съ ѣздокомъ Куропаткинымъ послалъ

я вамъ, милостивый государь мой...» (*Останавливается и кладетъ письмо. Въ сторону*). А, а! знаю, послалъ, вѣрно, ко мнѣ, возовъ десять хлѣба... это не худо, не худо... (*Къ Василисѣ*). Отдай, отдай десять копѣекъ почтальону и отпусти его. (*Шаритъ у себя въ карманѣ*). Я ему за это благодаренъ.

Василиса. Вы, сударь, еще дочитать не изволили; можетъ быть, и другое что посылаетъ.

Крутоправовъ. Ну, что, ну, что другое онъ послать можетъ?.. Посмотрю, посмотрю.... (*Беретъ письмо и вновь читать начинаетъ:*) «Милостивый государь мой, Сисой Исаичъ! Не могу преминуть васъ увѣдомить, что я, по благости Создателя, нахожусь еще въ живыхъ. Съ ѣздокомъ Куропаткинымъ послалъ я къ вамъ, милостивый государь мой, всепокорнѣйшее о неоставленіи меня прошеніе...» (*Останавливается и бросаетъ письмо*). Вотъ что!.. вотъ тебѣ дѣло!.. о неоставленіи его прошеніе!... (*Пожимая плечами*) Какъ будто нужное что писано!

Василиса. Можетъ быть, онъ проситъ васъ, сударь, о какой-нибудь крайней надобности.

Крутоправовъ. Какой, какой быть надобности?.. Да ты что за него стараешься?

Василиса. Я докладываю только для того, чтобъ вы письмо дочитать изволили.

Крутоправовъ. Да что, да что читать?.. Посмотрю, посмотрю, чего онъ проситъ. (*Беретъ письмо и вновь читать начинаетъ*). «Милостивый «государь мой, Сисой Исаичъ! Не могу преми-

«нуть васъ увѣдомить, что я, по благости Созда-«теля, нахожусь еще въ живыхъ. Съ ѣздокомъ «Куропаткинымъ послалъ я къ вамъ, милости-«вый государь мой, мое всепокорнѣйшее о не-«оставленіи меня прошеніе. Находясь въ бѣдно-«сти, не имѣю свободнаго куска хлѣба...» (*Останавливается и кладетъ письмо*). Вотъ какое дѣло!.. я думалъ, что онъ хлѣбъ ко мнѣ посылаетъ, а онъ самъ у меня хлѣба проситъ!.. (*Пожимая плечами*). Не даютъ дѣла дѣлать такіе вздоры. (*Опять писать принимается*).

Василиса. Теперь ужъ вы, сударь, до конца дочитали, и можно отпустить подателя.

Крутонравовъ (*пожимая плечами*). Такъ!.. у нихъ только и на умѣ письмо, да податель, да десять копѣекъ!... (*Къ Василисѣ*). За что, за что дать?... я еще не все дочиталъ.

Василиса. Чаятельно, сударь, ужъ немного дочесть осталось.

Крутонравовъ. Ни много, ни мало, да вотъ сколько времени вздорами меня промучили!. Посмотрю, посмотрю однако, что онъ тамъ еще навралъ. (*Беретъ письмо и вновь читаетъ:*) «Ми-«лостивый государь мой, Сисой Исаичъ! Не мо-«гу преминуть васъ увѣдомить, что я, по благо-«сти Создателя, нахожусь еще въ живыхъ. Съ «ѣздокомъ Куропаткинымъ послалъ я къ вамъ, «милостивый государь мой, всепокорнѣйшее о «неоставленіи меня прошеніе. Находясь въ бѣд-«ности, не имѣю свободнаго куска хлѣба. Жела-«ніе всегда служить вамъ...» (*Останавливается и*

кладетъ письмо). Какая, какая мнѣ нужда въ его желаніи?.. Ну, чѣмъ онъ мнѣ служить можетъ?.. много такихъ просителей... мнѣ и безъ нихъ есть о чемъ думать.. (*Опять писать принимается*).

Василиса. Десять копѣекъ однако, сударь, заплатить надобно.

Крутонравовъ. За что, за что десять копѣекъ?.. Десять копѣекъ за глупое желаніе Докучаева!.. Я ни полушки за то дать не намѣренъ.

Василиса. Вы, кажется, еще не все прочесть изволили. Можетъ быть, желаніе его вамъ будетъ и не тягостно.

Крутонравовъ. Да чѣмъ, да чѣмъ онъ служить можетъ?.. Посмотрю, посмотрю, что онъ наконецъ пишетъ. (*Беретъ письмо и снова читать начинаетъ:*) «Милостивый государь мой, «Сисой Исаичъ! Не могу преминуть васъ увѣдомить, что я, по благости Создателя, нахожусь «еще въ живыхъ. Съ ѣздокомъ Куропаткинымъ «послалъ я къ вамъ, милостивый государь мой, «всепокорнѣйшее о неоставленіи меня прошеніе. «Находясь въ бѣдности, не имѣю свободнаго ку«ска хлѣба. Желаніе всегда служить вамъ, обна«деживаетъ меня, что вы не отринете услугъ «моихъ въ деревнѣ вашей, дабы я могъ изъявить «вамъ мою благодарность; ибо есмь съ неляце«мѣрнымъ почтеніемъ вашъ....» (*Останавливаясь и держа въ рукѣ письмо*). «Вашъ!..» да!.. знаю я вашу братію, чужихъ деревень распорядителей!..

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ и РАЗСУЖДАЕВЪ.

Разсуждаевъ. Здравствуй, Сисой Исаичъ.

Крутонравовъ. Ба! Анфиногенъ Игнатьичъ! Здравствуй. Ты мнѣ не помѣха: ты, вѣрно, будешь моего мнѣнія.

Разсуждаевъ. Не знаю, буду ль я твоего мнѣнія. Что ты такъ пасмуренъ?

Крутонравовъ. Какъ, братецъ, не быть пасмурну?.. Не даютъ ни на минуту покою. Лишь только примусь за дѣло, то и лѣзутъ ко мнѣ со всякими вздорами. Разсуди, вотъ принесли письмо отъ Докучаева.

Разсуждаевъ. Это, кажется, помѣха не велика, принесли письмо отъ Докучаева.

Крутонравовъ. Послушай пожалуй, что пишетъ: я тебѣ прочту письмо его. (*Читаетъ, взглядывая часто на Разсуждаева*). «Милости-«вый государь мой, Сисой Исаичъ! Не могу пре-«минуть васъ увѣдомить, что я, по благости Со-«здателя, нахожусь еще въ живыхъ. Съ ѣздокомъ «Куропаткинымъ послалъ я къ вамъ, милостивый «государь мой, всепокорнѣйшее о неоставленіи «меня прошеніе. Находясь въ бѣдности, не имѣю «свободнаго куска хлѣба. Желаніе всегда слу-«жить вамъ обнадеживаетъ меня, что вы не от-«рините услугъ моихъ въ деревнѣ вашей, дабы «я могъ изъявить вамъ мою благодарность; ибо

«есмь съ нелицемѣрнымъ почтеніемъ». (*Остановясь и смотря пристально на Разсуждаева.*) Изъявить свою благодарность! съ нелицемѣрнымъ почтеніемъ!... Разсуди пожалуй, какъ ты о такомъ почтеніи думаешь?

Разсуждаевъ. Другъ мой, я тутъ досады тебѣ не вижу.

Крутонравовъ. Да мнѣ то досадно, что меня письмомъ столько времени мучили.

Разсуждаевъ. На что же, другъ мой, бездѣлицами столько мучишься? Несчастный человѣкъ проситъ у тебя помощи, чтобъ не быть неблагодарнымъ тунеядцемъ, предлагаетъ тебѣ свои услуги. Дѣло, кажется, не подвержено сомнѣнію, и задуматься не о чемъ, коль скоро ты знаешь его способности.

Крутонравовъ. Да я бы слова не сказалъ, когда бы мнѣ не мѣшали дѣлать. (*Вынимаетъ десять копѣекъ и отдаетъ Василисѣ*). Поди, поди отдай десять копѣекъ, да оставь меня въ покоѣ.

Разсуждаевъ. Что же ты рѣшился сдѣлать Докучаеву.

Крутонравовъ. Думаю.... думаю дать ему въ деревнѣ должность смотрѣть, чтобъ хорошенько хлѣбъ вѣяли.

Разсуждаевъ. Чтобъ онъ могъ смотрѣть за хлѣбомъ, между тѣмъ однако ему хлѣбъ надобенъ.

Крутонравовъ. Правда, правда, безъ хлѣба жить не можно. Подумавъ... я тотчасъ это пере-

думалъ. Сдѣлаю такъ, что онъ будетъ доволенъ. (*Вдругъ разсердясь*). Да мнѣ только то досадно, когда мѣшаютъ другому дѣлу: не могу не сердиться.

Разсуждаевъ. Другъ мой, сердцемъ дѣлу не поможешь.

ТЕАТРАЛЬНОЕ

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ,

НА ПОСЛОВИЦУ:

СВОИ НЕ ЧУЖІЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Шерешперовъ, отставной капитанъ.
Писулинъ, богатый дворянинъ.
Миротворовъ, хозяинъ постоялаго дома.

Дѣйствіе въ Клину, въ постояломъ домѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ большую комнату, куда Миротворовъ вводитъ Шершперова для ночлега, показывая ему уголъ комнаты.

Миротворовъ. Тутъ вамъ будетъ очень покойно. Вотъ въ этомъ углу извольте располагать все по вашей волѣ.

Шершперовъ. Для чего же въ этомъ углу, а не во всей комнатѣ?

Миротворовъ (*въ затрудненіи*). Не прогнѣвайтесь.... въ другомъ углу клопы водятся.

Шершперовъ. Я военный человѣкъ, привыкъ спать иногда и съ клопами.

Миротворовъ. Не прогнѣвайтесь... тамъ тараканы ползаютъ.

Шершперовъ Нужды нѣтъ, я не боюсь таракановъ.

Миротворовъ. Не прогнѣвайтесь... тамъ щель есть, и крѣпко несетъ съ надворья.

ШЕРЕШПЕРОВЪ. Это самая бездѣлица. Я бывалъ въ походахъ и привыкъ ко всякой нуждѣ.

МИРОТВОРОВЪ. Не прогнѣвайтесь.... правду вамъ сказать... тотъ уголъ занятъ.

ШЕРЕШПЕРОВЪ. Какъ, занятъ?

МИРОТВОРОВЪ. Господинъ Писулинъ, я чаю, вы его знать изволите, проѣздомъ здѣсь ночевать будетъ. Не во гнѣвъ вашему благородію, этотъ уголъ ассигнованъ для его милости Писулина.

ШЕРЕШПЕРОВЪ (*съ хвастливою пышностью*). Писулинъ!.. Писулинъ!.. Ну такъ бы ты и говорилъ прямо. Я его знаю: знаю, что Писулинъ хуже клоповъ и таракановъ.... да я умѣю такихъ людей заставлять быть спокойными.

МИРОТВОРОВЪ. Онъ человѣкъ добрый, ваше благородіе: отъ него безпокойства вы имѣть не будете.

ШЕРЕШПЕРОВЪ. О! я въ томъ увѣренъ, что мнѣ онъ безпокойства не сдѣлаетъ; только желалъ бы лучше, чтобъ господинъ Писулинъ ассигновалъ себѣ квартиру не со мною, а индѣ.

МИРОТВОРОВЪ. Онъ истинно человѣкъ добрый, и объ васъ всегда говоритъ съ похвалою.

ШЕРЕШПЕРОВЪ. Съ похвалою, съ похвалою!.. Желалъ бы я вѣдать, какъ бы онъ безъ похвалы упоминалъ мое имя!.. Какъ же онъ обо мнѣ отзывается?.

МИРОТВОРОВЪ. Говоритъ, сударь, что такихъ храбрыхъ людей, какъ вы, со свѣчкою искать надобно.

Шерешперовъ. Да знаетъ ли онъ, что такое храбрость?

Миротворовъ. Какъ о томъ не знать, сударь; а хотя бы кто и не зналъ, такъ отъ васъ о томъ увѣдаетъ.

Шерешперовъ. Ну, ну, быть такъ, пускай онъ здѣсь въ своемъ углу переночуетъ; только скажи господину Писулину, когда захочетъ писать ночью, чтобъ онъ не расхаживалъ по комнатѣ, а сидѣлъ бы тихо съ тараканами въ углу своемъ: я хочу уснуть покойно.

Миротворовъ. Пойду теперь напередъ встрѣтить господина Писулина, и его, какъ должно, предувѣдомлю, чтобъ онъ не причинилъ вамъ какого-нибудь безпокойства нечаянно.

(*Выходитъ*).

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ШЕРЕШПЕРОВЪ (*одинъ, бодро расхаживая*).

Желалъ бы я видѣть, какъ бы могъ Писулинъ тѣснить меня гдѣ бы то ни было!.. Писулинъ!.. Писулинъ! (*Между тѣмъ, услышавъ стукъ, взглядываетъ на двери, уходитъ за поставленныя въ углу ширмы, взглядываетъ оттуда нѣсколько времени, и не видя никого въ комнатѣ, опять*

выходитъ). Писулинъ!.. Писулинъ!.. посмотрѣлъ бы я, какъ онъ обширно расположится здѣсь въ комнатѣ!.. (*Между тѣмъ ширмы свои передвигаетъ ближе къ порогу*). Писулинъ!.. Писулинъ!.. увидимъ, какъ-то онъ со мною обходиться будетъ! (*Между тѣмъ, услышавъ новый стукъ, бросается къ сторонѣ и потихоньку, оборачиваясь, смотритъ по временамъ на вшедшаго въ комнату Писулина.*)

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ПИСУЛИНЪ и ШЕРЕШПЕРОВЪ.

Писулинъ (*входя и не видя Шерешперова*). Сказали, что Шерешперовъ тутъ же ночуетъ... Ну, да пусть ночуетъ.... (*Скидываетъ съ себя епанчу, бросаетъ къ ширмамъ, потомъ садится въ кресла на срединѣ*). Уфъ! утомился отъ дороги!.. (*Вынимаетъ изъ кармана пакетъ*). Хозяинъ подалъ мнѣ пакетъ писемъ... Слишкомъ много въ немъ набито... прочту не теперь, а отдохнувши. (*Бросаетъ пакетъ въ сторону, и нечаянно попадаетъ имъ въ Шерешперова, который, испугавшись, высоко припрыгиваетъ. Писулинъ, услышавъ тогда стукъ, взглядываетъ нечаянно на Шерешперова*). Ба! да вотъ и Шерешперовъ...

Не прогнѣвайся, я не видавши пакетъ въ тебя бросилъ... (*Шерешировъ тогда оправляется, и бодро выступаетъ нѣсколько поближе*).

Писулинъ. Что жъ ты не сядешь?

Шерешировъ (*взглянувъ господственно*). А тебѣ что до того нужды? (*Беретъ стулъ, садится и смотритъ пристально на Писулина*).

Писулинъ (*съ удивленіемъ*). Нужды никакой нѣтъ... какъ изволишь... хотя сиди, хотя стой себѣ, какъ тебѣ угодно.

Шерешировъ (*надъвая шляпу*). Мнѣ сидѣть угодно.

Писулинъ (*вѣжливо*). Я вамъ въ томъ не мѣшаю.

Шерешировъ (*подвигаясь съ стуломъ*). Хотя бы ты и мѣшалъ, то мнѣ все равно.

Писулинъ (*вѣжливѣе*). Военнымъ людямъ покой надобенъ.

Шерешировъ (*подвигаясь*). Я... я не лежачій дворянинъ... могу безпокоиться, не охая.

Писулинъ (*вѣжливѣе*). Знакъ храбраго человѣка.

Шерешировъ (*придвигаясь*). Я... я конечно не трусъ.

Писулинъ (*вѣжливѣе*). Хотя бы вы ко мнѣ и не придвигались, я въ томъ увѣренъ.

Шерешировъ (*придвигаясь*). Я хочу съ вами поближе видѣться.

Писулинъ (*съ безпокойною вѣжливостью*) На что же такъ близко придвигаетесь?

ШЕРЕШПЕРОВЪ (*придвигаясь*). Ты мнѣ въ томъ не укажешь.

ПИСУЛИНЪ (*съ жаромъ*). Прошу близко не наѣзжать.

ШЕРЕШПЕРОВЪ. Вѣдай, что я Шерешперовъ.

ПИСУЛИНЪ (*съ важностью гнѣва*). Вѣдай же, что я Писулинъ.

ШЕРЕШПЕРОВЪ (*бодрясь*). Я много знаю вашу братью, Писулиныхъ.

ПИСУЛИНЪ (*надѣвая шляпу*). Я также видалъ вашу братью, Шерешперовыхъ.

ШЕРЕШПЕРОВЪ (*встаетъ и вынимаетъ шпагу*). Я тебѣ покажу себя!

ПИСУЛИНЪ (*вскакиваетъ и вынимаетъ также шпагу*). Тебя поучить надобно!

ШЕРЕШПЕРОВЪ (*становясь въ позитуру*). Посмотримъ.

ПИСУЛИНЪ (*становясь также въ позитуру*). Кому удастся. (*Оба послѣ каждой рѣчи крѣпко ногами топаютъ, и другъ отъ друга далѣе отпрыгиваютъ съ дрожаніемъ*).

ШЕРЕШПЕРОВЪ (*отпрыгивая*) Нутка, нутка осмѣлься подступить ближе.

ПИСУЛИНЪ (*отпрыгивая*). Отвѣдай сунуться.

ШЕРЕШПЕРОВЪ (*отпрыгивая*). Трусъ, господинъ Писулинъ.

ПИСУЛИНЪ (*отпрыгивая*). Трусишь, господинъ Шерешперовъ.

ШЕРЕШПЕРОВЪ. Меня такъ поносить!..

Писулинъ. Меня такъ ругать! (*Оба крѣпко топаютъ ногами. Миротворовъ, услышавъ стукъ, входитъ съ торопливостью и становится по срединѣ*).

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ и МИРОТВОРОВЪ.

Миротворовъ. Прошу остановиться на минуту.

Шерешперовъ (*топая*). Не мѣшай мнѣ положить его на мѣстѣ.

Писулинъ (*топая*). Не мѣшай мнѣ нанизать его на шпагу.

Миротворовъ. Нѣсколько словъ только прошу выслушать.

Шерешперовъ (*вкладывая въ ножны шпагу*). Тебя только послушаю.

Писулинъ (*вкладывая также въ ножны шпагу*). Для тебя, для тебя только останавливаюсь.

Шерешперовъ. Ты спасаешь жизнь его.

Писулинъ. Если бъ ты не помѣшалъ, далъ бы я ему...

Миротворовъ (*взявъ обоихъ за руки*) Пожалуйте, пожалуйте, скажите, за что вы сначала другъ на друга разгнѣвались?

Шерешперовъ. Вначалѣ у насъ никакой ссоры не было.

ПИСУЛИНЪ. Мы были только въ одномъ покоѣ.

МИРОТВОРОВЪ. За это гнѣваться не за что, что были въ одномъ покоѣ!

ШЕРЕШПЕРОВЪ. Я стоялъ.

ПИСУЛИНЪ. А я сидѣлъ.

МИРОТВОРОВЪ. И за это гнѣваться не за что.

ШЕРЕШПЕРОВЪ. Онъ сталъ говорить со мною.

ПИСУЛИНЪ. А онъ сталъ отвѣчать.

МИРОТВОРОВЪ. И за это гнѣваться не за что.

ШЕРЕШПЕРОВЪ. Да онъ грубо говоритъ со мною.

ПИСУЛИНЪ Да онъ невѣжливо отвѣчаетъ.

МИРОТВОРОВЪ Обойдитесь лучше вѣжливо, такъ и драться будетъ не за что. Не правда ли?

ШЕРЕШПЕРОВЪ. Да онъ меня трусомъ почитаетъ.

ПИСУЛИНЪ. Да онъ думаетъ, что я передъ нимъ дрожать буду.

МИРОТВОРОВЪ. Послушайте: покажите свою храбрость лучше противу отечественныхъ непріятелей. Невѣрные сосѣди съ нами войну начинаютъ: тамъ вы себѣ прямую честь заслужите.

ШЕРЕШПЕРОВЪ (*укротясь*) Я знаю, что свои не чужіе.

ПИСУЛИНЪ (*къ Шершперову*). Ну, давно бы ты такъ сказалъ.

ШЕРЕШПЕРОВЪ (*къ Писулину*). Я тебѣ не врагъ, только ты самъ кобенишься.

ПИСУЛИНЪ (*къ Шершперову*). И я тебѣ не злодѣй, только ты самъ на задоръ лѣзешь.

Миротворовъ. Помиритесь, да обоймитесь: такъ и всѣ бѣси въ воду.

Шерешперовъ (*протягивая руку*). Такъ ли, господинъ Писулинъ?

Писулинъ (*подавая руку*). Такъ ли, господинъ Шерешперовъ?

(*Давъ другъ другу руки, обнимаются*).

Миротворовъ Бранясь и ссорясь, всегда помнить надобно, что свои не чужіе.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ

РОССІИ.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ

ИМПЕРАТРИЦѢ

ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ,

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Историческое сочиненіе мое получитъ первое достоинство отъ славныхъ происшествій, каковыми Россія возвышается подъ счастливымъ владѣніемъ Вашего Императорскаго Величества: Вамъ, Всемилостивѣйшая Государыня, и приношу оное, въ достодолжную жертву. Счастливъ буду, если у-

достоюсь тѣмъ Вашего благоволенія. Есмь со всеглубочайшимъ почитаніемъ

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій рабъ,

Ипполитъ Богдановичъ

ПРЕДИСЛОВІЕ

ОТЪ СОЧИНИТЕЛЯ.

—

Многіе любители *Россійской* Исторіи давно желали имѣть оную въ нѣкоторомъ сокращеніи: поколику свойственно людямъ желаніе получать легчайшимъ образомъ нужныя свѣдѣнія и отвергать все то, что̀ безполезно обременяетъ память ихъ. Въ семъ видѣ издаю въ свѣтъ мое сочиненіе, основанное на разныхъ россійскихъ и чужестранныхъ писателяхъ, при которомъ я взялъ вольность оставить многія околичности пространныхъ лѣтописей.

Въ счастливомъ вѣкѣ, въ коемъ Россіяне обращаютъ свой разумъ къ наиважнѣйшимъ и наиполезнѣйшимъ предметамъ, странно было бы изслѣдованіе, когда, какъ и гдѣ «была грузи многи, дожди многи, знаменія въ солнцѣ, въ лунѣ и въ звѣздахъ;» гдѣ брали «Россіяне колеса, вышедъ на берегъ подъ Царемъ-Градомъ, и какъ поставили на тѣ колеса флотъ свой, и какъ привезлись на водяныхъ судахъ по сухому пути къ городу;» и для чего не хотѣли туда пѣшкомъ дойти; чѣмъ провинились «древлянскіе послы, которымъ велѣно было почевать на рѣкѣ въ лодьяхъ, а на другой день придворнымъ нести ихъ съ лодьями на головахъ, и послѣ бросить въ глубокую яму, и какъ они тамъ кричали;» за что, гдѣ, и какъ «убили варварскаго князя, именуемаго Темира, варвары его сродники;» и прочихъ, тому подобныхъ повѣстей, каковыя каждый лѣтописатель изображалъ, распространялъ, или сокращалъ, по мѣрѣ своего о вещахъ понятія.

Оставляя же всѣ невѣроятныя или маловажныя описанія и сокращая лѣтопись, стараюсь я распространить Исторію болѣе по порядку послѣдствій,

нежели по порядку числа; изыскать причины бывшихъ великихъ перемѣнъ въ Россіи, ея возвышеній и упадковъ; описать свойства государей, управлявшихъ ею; ихъ побѣды, завоеванія, союзы съ державами, законы и образы правленія; нравы и обычаи Россіянъ въ разныхъ вѣкахъ; возобновить и возвеличить память славныхъ людей, споспѣшествовавшихъ общему благу; представить во всемъ пространствѣ ихъ добродѣтели; изобразить заблужденія и пороки съ ихъ бѣдствіями; напослѣдокъ, вывесть изъ Исторіи добрые примѣры, полезныя правила и нужныя свѣдѣнія. Въ томъ же видѣ, чтобъ сократить, сколь можно, мою книгу, я не прилагаю изъясненій на разныя мѣста историческія, изъ коихъ я долженъ выводить необходимыя послѣдствія: поколику сіи изъясненія сами собою легко представляются каждому благоразумному читателю; не дѣлаю также ссылокъ на писателей, принимаемыхъ въ основаніе: ибо всѣ таковыя ссылки находятся уже въ Россійской Исторіи трудолюбиваго и почтеннаго нашего времени историка, Князя *Михайла Михайловича Щербатова*. А кому угодно будетъ потребовать отъ

меня какихъ-нибудь нужныхъ къ моей книгѣ изъясненій, я охотно готовъ отвѣтствовать таковымъ любителямъ Исторіи. Съ благодарностію же приму всякое примѣчаніе, если я, не имѣя у себя многихъ чужестранныхъ о Россіи писателей, пропустилъ что-нибудь важное. Таковыя примѣчанія въ слѣдующихъ частяхъ не премину особо припечатать.

Что̀ надлежитъ до слога въ моей книгѣ, то хотя я стараюсь дать ему древняго нашего языка важность, свойственную лицамъ и вещамъ, представляющимся въ Россійской Исторіи, но не вовсе убѣгаю употребленія словъ нынѣшнихъ: ибо, почитая высокое славено-россійское витійство умершихъ, не ставлю за маловажное соглашаться съ простонарѣчіемъ живыхъ людей.

—

ИРТОРИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ

СЛАВЯНЪ

И ВЪ ПОСЛѢДСТВІИ

РОССІЯНЪ.

=

СЛАВЯНЕ.

Слава, какъ видно, была въ древности особымъ божествомъ Славянъ, кои отъ нея заимствовали, по справедливости, свое имя. Хотя Исторія отдаленныхъ вѣковъ смѣшенно представляетъ намъ Азію и Европу, населяемую иногда раздѣленными поколѣніями отъ единаго народа, иногда же совокупленными отъ разныхъ странъ, то подъ разными, то подъ общими именованіями; хотя начала, происхожденія, преселенія, смѣшенія, раздѣленія и войны многихъ народовъ кажутся быть покрыты мракомъ едва извѣстной древности: имѣемъ мы, однако, свидѣтельства, удостовѣряющія насъ въ неложномъ ихъ существованіи. Бездна вѣковъ, поглотившая бытіе не только многихъ частныхъ народовъ, но и самыхъ

великихъ имперій, оставила намъ признаки и историческія повѣствованія, на которыхъ мы утверждаемся.

Изъ сего необъятнаго пространства Исторіи, которой подробности не всегда вѣроятны и мало нужны для свѣдѣнія, не безполезно было бы произвесть вѣрное поколѣніе народовъ отъ перваго нашего родоначальника по время, когда Славяне, и напослѣдокъ Россіяне, кажется, какъ будто остановили раздѣленіе племенъ, соединенныхъ въ своемъ началѣ; но великость предпріятія, сверхъ того, что требуетъ долгаго времени и многихъ недостающихъ мнѣ способовъ, отдалила бы меня отъ краткости моего примѣчанія, касающагося только до Славянъ, или Россіянъ.

Древность всѣхъ первоначальныхъ племенъ и языковъ имѣла свои степени, и Славяне долженствовали испытать общую всѣмъ превратность. Исторія являетъ, что народы Славенскіе стали быть болѣе извѣстны въ первомъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ. Они разсѣяны были въ сей пространной азіятской и европейской части, которая называлась *Сарматіею*, почему и языкъ ихъ называли тогда вообще сарматскимъ, между тѣмъ, какъ различно называли его по именованіямъ частныхъ народовъ, тотъ же языкъ имѣвшихъ.

Въ послѣдствіи Славяне (Славены, Славоны), Русы (Россы, Россіяне), Венды, Богемцы, Поляки, Чехи, Болгары, Сербы, Далматы, Моравцы и многіе другіе, донынѣ славенскимъ или

происходящимъ отъ него языкомъ отличающіеся народы, часто соединенными, а иногда и особенными силами потрясали Востокъ и Западъ. Нѣкоторые изъ помянутыхъ народовъ основали славныя государства въ Азіи и Европѣ, и послѣдовавшіе ихъ роды ставятъ себѣ въ честь происходить отъ таковаго корня.

Между прочими областями, Славяне и городъ Славенскъ, находившійся неподалеку отъ нынѣшняго Новагорода, являются давнѣе извѣстны. Сей послѣдній знаемъ былъ въ пятомъ вѣкѣ; древность же города Славенска простирается до временъ апостольскихъ; и по самой неизвѣстности его начала, о давнемъ бытіи его сомнѣваться не можно. Вскорѣ по Хрпстѣ Святый Апостолъ Андрей Первозванный, проповѣдуя Евангеліе и водрузивъ Крестъ на горѣ, гдѣ нынѣ Кіевъ, былъ потомъ у Славянъ въ Славенскѣ. Видны еще и нынѣ развалины древняго сего города. *

---

* Различіе, какое является въ письменныхъ и печатныхъ книгахъ, то есть: въ иныхъ *Славенскъ*, въ другихъ *Словенскъ*, тамъ *Славяне*, а индѣ *Словяне*, не дѣлаетъ различія въ разумѣніи: ибо *Новгородцы*, по старому своему нарѣчію, донынѣ легко произносятъ и пишутъ *о* тамъ, гдѣ должно писать *а*. Сверхъ того, *Словянь* названіе, будто бы производное отъ *Слова*, кажется быть столь же неестественно, какъ бы производное отъ *слуха* или *видѣнія*. Весь міръ населенъ народами *словесными, слышащими и видящими*, но не всѣ имѣютъ славу, какую пріобрѣли *Россіане*: я въ томъ ссылаюсь на всѣхъ народовъ.

Равнымъ образомъ *Славенія* (*Славонія*), нынѣ подъ австрійскимъ владѣніемъ, заключающаяся между рѣками Дунаемъ, Савою и Дравою, была главною отчизною Славенъ южныхъ и имѣла своихъ государей.

Можетъ быть, чуждой славы завистники, безсильны будучи спорить противъ дѣлъ, захотятъ умствованіемъ лишать Славянъ но малой мѣрѣ имени, имъ свойственнаго. Скажутъ они, что не такъ называли ихъ сосѣди, ими воюемые; но доказательно, что не воюемые сосѣди и не сами себя Славяне такъ назвали. Сосѣди и подданные прикладывали имя *Славы* государямъ, въ воздаяніе ихъ благотвореній къ людямъ и заслугъ къ отечеству, а по государямъ и народы ихъ принимали сходственное наименованіе. Многія области, въ войнѣ и въ мирѣ, нерѣдко бывъ удивляемы, милуемы, спасаемы и покровительствуемы побѣдоносными ихъ силами, могли называть Славянъ столь же правдиво всѣми именами, какія удивленіе, почтеніе и благодарность внушить могутъ.

Подобно сему, въ древней *Греціи* названіе *Иракліи* (*Геркулесъ*), составленное изъ греческаго Ἥρα, значущаго нѣкоторое божество, и другого слова κλέος, значущаго *славу* или *хвалу*, давалось славнымъ людямъ; а потому и потомки Иракліевы, или, можно сказать, цѣлые народы, отъ него произшедшіе, назывались Ираклиды (Гераклиды.)

Писатели древностей производятъ Славянъ отъ

Скиѳовъ, а нѣкоторые ведутъ ихъ отъ народовъ еще болѣе древнихъ, и даже отъ *Мосоха*, одного изъ дѣтей *Афетовыхъ*. Предки Славянъ во всѣхъ полагаемыхъ ихъ происхожденіяхъ отличались всегда любленіемъ нѣкоторой Славы и твердыми обычаями, кои служили имъ вмѣсто законовъ. По свойственному же несчастію всѣхъ храбрыхъ народовъ, они, торжествуя надъ внѣшними непріятелями, нерѣдко вели и междоусобныя войны, кои препинали ихъ общему благосостоянію; и сіе, конечно, было главною причиною поздняго Славянъ распространенія.

Славный народъ дѣлами возгремѣлъ въ свѣтѣ приличнымъ ему именемъ, подъ управленіемъ государей славянскихъ, въ шестомъ вѣкѣ, въ царство Юстиніана Великаго. Владѣтели разныхъ племенъ древняго сего народа, хотя не назывались всѣ *славянскими*, но, сохраняя нѣкоторымъ образомъ общественное ихъ титло, придавали къ собственнымъ именамъ своимъ единозначущія окончанія, и назывались «Святославы, Изяславы, Владиславы, Премиславы, Венцеславы, Мечиславы» и проч.

То же видно въ свойственныхъ сему народу припѣвахъ, каковые донынѣ еще слышатся въ остаткахъ нѣкоторыхъ древнихъ славянскихъ пѣсней, въ коихъ припѣвается всегда *Слава*.

Таковые припѣвы, если бы и не были въ древности, то приличны нынѣ въ Россіи, покровительствуемой Божествомъ, господствующимъ надъ Славою. Обожаемую нами Обладательницу называютъ:

человѣчество Милосердою, *истина* Правосудною, *законы* Премудрою, *науки* Великою, *подданные* Матерію Отечества; все же купно и весь свѣтъ присоединяютъ къ Екатеринѣ, толь многоименитой, древнее, нынѣ вновь оправданное наречение *Славной*. Владѣніе сей Монархини представляетъ намъ въ Россіи толь рѣдкія произшествія, что оныя во множество вѣковъ не только не могли содѣлаться, но и казались невозможными. И такъ, я необходимо долженъ буду, сокративъ предслѣдующіяя произшествія, примѣтить наиболѣе вѣкъ знаменитый многоразличными образами,— вѣкъ, преславный мудрыми уставами, предписующими счастіе въ Россіи родовъ будущихъ.

Сіе краткое начертаніе да послужитъ зрѣлымъ возрастамъ пріятнымъ воспоминовеніемъ; юнымъ же да подастъ нужныя познанія о своемъ отечествѣ, да вселитъ въ нихъ охоту къ пространнѣйшему пріобрѣтенію таковыхъ познаній, и да питается въ сердцахъ ихъ любовь къ истинной *Славѣ*, счастливо предводившей отцовъ нашихъ!

КІЕВЪ.

Первыя степени начинающейся Россіи не имѣли блеска въ ученой республикѣ, и покрыты обыкновенною темнотою древности; ибо до девятаго вѣка не было еще у Славянъ письменъ, кои они тогда отъ Грековъ приняли. Чужестранные же писатели упоминали о Славянахъ только по случаямъ, когда народы сіи имѣли какое-нибудь сношеніе съ другими народами; слѣдственно и не могли чужестранные писать объ нихъ съ такою непрерывною подробностью, какая требуется для составленія порядочной Исторіи. Годы по Рожд. Христ.

Испытательная истина отверзаетъ себѣ путь медленнымъ шествіемъ, открываетъ сквозь завѣсу времени основаніе *Кіева*, но еще не разторгаетъ сію преграду, погружающую во мракѣ послѣдованіе нѣсколькихъ вѣковъ въ семъ древнемъ городѣ. Въ началѣ пятаго вѣка представляется намъ пришествіе изъ нѣкоторыхъ степей трехъ братьевъ, князей: *Кія*, *Щека* и *Хорева* съ сестрою ихъ *Либедью* къ *Днѣпру*, въ то мѣсто, гдѣ Святый Апостолъ Андрей Первозванный оставилъ знаменіе. Тутъ они поселились и построили себѣ города, которые, по именамъ своимъ, назвали: *Кій* создалъ городъ *Кіевъ*, столицу древнихъ князей *Кіевскихъ*; *Щекъ* основалъ не- 450.

подалеку городъ *Щековицу*; *Хоревъ* построилъ *Хоревицу* (*Вышгородъ*), а сестра ихъ *Лебедь* соорудила *Лебединъ* на рѣкѣ, названной ея же именемъ. Пришедшіе съ ними князьями подвластные имъ владѣтели: *Радимъ*, *Вятка*, *Дулебъ*, произвели именованія *Радимичей*, *Вятчанъ*, *Дулебянъ* нынѣ (*Лучанъ*) и другихъ подобныхъ сему народовъ.

Донынѣ не открыто еще вѣрныхъ свидѣтельствъ, по которымъ бы можно было вести послѣдованіе частной Кіевской и купно Россійской Исторіи, до временъ Рюриковыхъ. Но должно сказать здѣсь вообще о Славянскихъ народахъ, что они, прежде и послѣ основанія *Кіева*, время отъ времени распространяясь въ Азіи и Европѣ, жили по разнымъ мѣстамъ въ великомъ раздѣленіи. Частыя ихъ войны, иногда съ греческими императорами, иногда съ западными государями, а иногда съ сосѣдственными и единоплеменными областями, притомъ образъ дикой тогдашнихъ народовъ жизни, содѣлывали ихъ переселенія и перемѣны весьма обыкновенными. Они возвышались, упадали и исчезали по мѣрѣ успѣха или несчастія въ военныхъ ихъ предпріятіяхъ. Большею же частію они соединялись подъ именемъ *Сарматовъ*, *Славянъ*, *Болгаровъ*, *Готѳовъ*, *Поляковъ* и *Венгровъ*. *

* Нѣкоторыя описанія о сихъ древнихъ народахъ изданы уже на *россійскомъ* языкѣ тщательными особами: *Россійская Исторія Князя Михаила Михайловича Щербатова*, *Историческіе Мѣсяцесловы* 1776 и 1777 *годовъ*.

Во второй половинѣ девятаго вѣка является новый свѣтъ въ Исторіи, открывающій уже непрерывное послѣдованіе россійскихъ государей. Сія эпоха будетъ началомъ моего пространнѣйшаго примѣчанія о *Россіи*, подъ разными владѣніями.

—

КНЯЖЕНІЕ НОВГОРОДСКОЕ.

РУРИКЪ.

Рурикъ, *Синеусъ* и *Труворъ*, три брата князья, призваны *Славянами* отъ *Варяг-Россовъ* изъ областей, лежащихъ на берегахъ Варяжскаго (Балтійскаго) моря, на Великое Княженіе Ново- 862.
городское, по совѣту *Гостомысла*, одного изъ главныхъ въ Новѣгородѣ. Сіи три брата, раздѣливъ между собою владѣніе, построили себѣ три столичныхъ города: *Рурикъ* на *Ладожскомъ озерѣ*, что нынѣ именуется *Старая Ладога; Синеусъ* на *Бѣлъ-Озерѣ*, а *Труворъ* построилъ *Изборскъ*, неподалеку отъ *Пскова*.

Новгородцы, привыкшіе до сего времени къ нѣкоторому республиканскому правленію, положили въ условіи съ сими князьями, чтобъ они защищали границы отъ внѣшнихъ непріятелей, но власть ихъ внутри областей ограничили. Таковое

условіе не могло сообразоваться съ государственнымъ управленіемъ, и верховная власть вскорѣ нашла себѣ непріятелей. Призванные князья, распространяя границы своихъ владѣній и имѣя подъ предводительствомъ силы, имѣли способы часто отступать отъ помянутыхъ условій. А какъ сіе противно было народному своеволію, то отъ того произошелъ въ Новгородѣ бунтъ; но оный вскорѣ былъ прекращенъ: начальникъ бунтовщиковъ, именуемый *Вадимъ*, убитъ, и Новогородцы приведены въ послушаніе.

Синеусъ и Труворъ, не долго княживъ, кончили жизнь; и какъ они не имѣли дѣтей, то по
868. смерти ихъ всѣ *Славено-Россійскія* области достались въ единодержавство Рурику, отъ котораго велись великіе князья и цари россійскіе безпрерывнымъ порядкомъ 736 лѣтъ, до кончины царя Ѳеодора Іоанновича, послѣдняго изъ сего рода.

Рюрикъ, для удобности въ правленіи, раздѣлилъ пространныя свои владѣнія на разныя области, кои имѣли свои города, и народы сихъ областей имѣли особыя именованія, какъ-то: въ Новѣгородѣ Славяне, на Бѣлѣ-Озерѣ Весь, въ Полоцкѣ Кривичи, въ Ростовѣ Мери, въ Муромѣ Муромцы и проч.

При таковомъ раздѣленіи царствовало, однако, нѣкоторое единодушіе. Благостроительная власть совокупляла во едино разныя общества славянскихъ поколѣній; и сіе соединеніе болѣе, нежели военныя предпріятія, содержало въ страхѣ строп-

тивыхъ сосѣдей, коп, въ дикости своей, не признавали другого права, кромѣ права сильнаго.

Во время же, какъ благоразуміе, осторожность и храбрость Рюриковы претворяли безпорядокъ во благоустройство, необузданность въ послушаніе, пустыни въ города и селенія, въ Кіевѣ княжили *Оскольдъ* и *Диръ*. Идолослуженіе и дикость нравовъ тогдашнихъ народовъ славянскихъ содѣлывали ихъ непримиримыми и наслѣдственными врагами императорамъ греческимъ. Оскольдъ и Диръ, побужденные примѣрами предковъ и храбростію Славянъ, своихъ подданныхъ, ходили также войною подъ Константинополь. Но императоръ Михаилъ III, тогда царствовавшій, прину- 866.
дилъ ихъ совершенною своею побѣдою, съ малымъ спасшимся числомъ, вспять возвратиться.

Каждый себѣ представить можетъ преимущества, каковыя имѣлъ надъ сими князьями Рюрикъ въ благоустроенномъ своемъ владѣніи. Сей государь, по семнадцатилѣтнемъ княженіи, при кончинѣ, препоручилъ воспитаніе малолѣтнаго своего сына, *Игоря*, и государственное правленіе, до его возраста, сроднику своему, *Олегу*.

Около сихъ временъ *Константинъ* (онъ же *Кириллъ*) *Солунскій* и *Меѳодій*, учители церковные, посланные изъ Константинополя, принесли въ *Моравію* сочиненныя ими *славянскія* письмена и перевели нѣкоторыя церковныя книги съ греческаго языка на славянскій; ибо тогда въ Моравіи и въ другихъ областяхъ находившіеся Славяне частію приняли уже Святое Крещеніе

КНЯЖЕНІЕ КІЕВСКОЕ И НОВОГОРОДСКОЕ.

ОЛЕГЪ.

Олегъ, воспитатель *Игоревъ* и правитель княженія по смерти Рюриковой, объѣхалъ области, во власть ему ввѣренныя. На мѣстѣ же, гдѣ три
880. рѣки: *Москва*, *Яуза* и *Неглинная* соединяются, основалъ малый городокъ, который назвалъ, по имени главной рѣки, *Москвою*, и далъ во управленіе одному изъ своихъ сродниковъ.

Когда, напослѣдокъ, Олегъ утвердилъ власть свою въ Новѣгородѣ и въ окрестныхъ областяхъ, то началъ мыслить о ихъ распространеніи. Извѣстіе о разбитіи *Оскольда* и *Дира* подъ Константинополемъ, гдѣ сіи князья истощили всѣ свои силы, подало ему случай къ произведенію въ дѣйство своего намѣренія. Олегъ, взявъ съ собою малолѣтнаго Игоря, пошелъ войною къ
881. Кіеву. Идучи же внизъ по Днѣпру, взялъ Смоленскъ (нынѣ намѣстничество) и въ немъ оставилъ вѣрныхъ людей для управленія. Потомъ, убивъ подъ Кіевомъ Оскольда и Дира и овладѣвъ
883. городомъ, присовокупилъ къ Игореву Новгородскому княженію южную Россію. Онъ перенесъ столицу изъ Новагорода въ Кіевъ, и съ того времени россійскіе князья назывались *Кіевскими* и *Новогородскими*.

Олегъ, по примѣру Рурикову, поставилъ въ городахъ новаго княженія правителями бояръ своихъ; притомъ принудилъ Древлянъ, Сѣверянъ и Радимичей давать себѣ дань, которую послѣдніе изъ сихъ давали прежде *Козарамъ* (нѣкоторому азіятскому народу).

Сей мудрый правитель, женивъ потомъ воспитаннаго имъ Игоря на славной Ольгѣ, правнукѣ Гостомысловой, и оставивъ его въ Кіевѣ, пошелъ войною на Константинополь. Славено-Россійскіе народы, знаемые тогда Грекамъ подъ общимъ именемъ обитателей *Великой Скиѳіи*, составили, подъ предводительствомъ Олеговымъ, сильное войско. Варяги, Славяне, Чудь, Кривичи, Мери, Поляне, Сѣверяне, Древляне, Радимичи, Вятчане, Хорваты, Дулебяне и Тиверцы являются въ совокупленіи и послушны единому начальнику. Они, въ числѣ восмидесяти тысячъ, пускаются на многихъ судахъ внизъ Днѣпромъ, а потомъ Чернымъ Моремъ, къ Константинополю, разоряютъ на пути города, побиваютъ сопротивныя имъ силы, берутъ великое число плѣнниковъ и уже достигаютъ до пролива, раздѣляющаго Европу съ Азіею подъ стѣнами Константинопольскими. Тщетно Греки заграждаютъ судамъ путь протяженною чрезъ проливъ желѣзною цѣпью: Олегъ повелѣваетъ войску своему сойти на берегъ, ломитъ всѣ преграды и подступаетъ къ городу. 904. 907.

Царствовавшіе тогда императоры, *Левъ* и *Александръ*, только устрашены были симъ нечаян-

нымъ подступленіемъ, что не укоснили просить у Олега мира, обѣщавая давать ему дань Олегъ склонился на предложеніе и отступилъ нѣсколько отъ города, но не прежде, какъ по истребованіи отъ императоровъ соглашенія дать нѣкоторую дань деньгами на каждаго его воина. Потомъ отправилъ въ Константинополь пословъ, для поставленія съ Имперіею мирныхъ и коммерческихъ договоровъ.

Греки, въ страхѣ и недоумѣніи, соглашались на все, что Олегъ имъ ни предписывалъ, и обѣщали, между прочимъ, давать впредь дань на нѣкоторые города Славено-Россійскіе, а именно: на Кіевъ, Черниговъ, Переславль (что на Клещинѣ Озерѣ), Ростовъ, Любичъ и прочіе, находившіеся въ управленіи князей, подвластныхъ Кіевскому княженію.

По заключеніи договоровъ, Олегъ имѣлъ свиданіе съ императорами, и предъ отшествіемъ изъ Константинополя, поставилъ тамъ на воротахъ *Галатскихъ*, на вѣчную память своей славы, щитъ Игоревъ, на которомъ изображенъ былъ конный воинъ.

Олегъ, чрезъ нѣсколько времени по возвращеніи своемъ въ Кіевъ, разсудилъ заблаго послать еще пословъ въ Константинополь, для вторичныхъ договоровъ съ Имперіею, поколику первые, постановленные въ страхѣ и торопости, долженствовали быть недостаточны; слѣдственно производили нѣкоторыя несогласія.

Сіи вторичные договоры, болѣе взаимные, не-

жели первые, были съ обѣихъ сторонъ непринужденно подписаны и утверждены клятвами; въ заключеніе чего Греки цаловали крестъ, а Кіевляне, по закону идолопоклонниковъ, клялись оружіемъ и богами *Перуномъ* и *Волосомъ*. 912

Императоры, въ знакъ дружелюбія своего къ Олегу и Игорю, почтили пословъ ихъ многими дарами, повелѣли казать имъ находящіяся въ Константинополѣ драгоцѣнности; особливо же повелѣли дать видѣть благолѣніе церквей и священныхъ утварей, съ изъясненіемъ имъ притомъ *Христіанскаго* закона, дабы привлечь ихъ къ оному; потомъ съ великою честію ихъ отпустили.

Храбрый и благоразумный Олегъ, правившій *Россіею* со славою тридцать четыре года, получилъ нечаянную смерть отъ мертвой головной лошадиной кости, которую онъ, идучи мимо, толкнулъ ногою и тутъ въ ногу былъ ужаленъ змѣею, изскочившею изнутри сей головы, гдѣ она таилась.

—

ИГОРЬ.

Едва Олегъ кончилъ жизнь и Игорь вступилъ въ наслѣдственное княженіе, какъ покоренные Олегомъ народы начали помышлять о возвращеніи прежней своей вольности. Повиновеніе, произведенное въ нихъ мужествомъ и благоразуміемъ сего искуснаго правителя, уступило мѣсто не- 913.

обузданному своеволію; ибо не вѣдали они еще качествъ новаго князя. Древляне, первые взбунтовавъ, отказали давать дань; но Игорь, не оставляя имъ времени усилиться, вскорѣ смирилъ ихъ оружіемъ и наложилъ на нихъ дань болѣе прежней.

914

Въ то же время *Свенельдъ*, воевода Игоревъ, покорилъ Угличей и взялъ *Переяславецъ*, ихъ городъ, по тщетномъ его защищеніи.

Печенѣги (нѣкоторый азіятскій народъ), бродя по разнымъ странамъ, вошли тогда въ Россію и угрожали ей опустошеніемъ. Игорь сперва не разсудилъ заблаго воевать со скитающимися людьми, конхъ побѣда не могла быть много полезна, и сдѣлалъ съ ними миръ; но черезъ пять

920. лѣтъ принужденъ былъ употребить противу ихъ силу оружія, которая привела ихъ въ покорство.

А какъ не задолго передъ симъ Греки претерпѣли великіе уроны въ войнѣ съ Болгарами, то Игорь, дабы воспользоваться симъ случаемъ, предпринялъ напасть на ослабленную Имперію, хотя тогда Болгары согласны были съ Греками.

Кіевскій князь отправляется водою со многочисленными силами, пристаетъ къ берегамъ имперіи; Понтъ, Ираклію, Пафлагонію и всю Никомидію плѣняетъ, разоряетъ, опустошаетъ. Но передъ симъ Болгары увѣдомили заблаговременно Грековъ о наступленіи и о числѣ непріятелей. Греческіе полки успѣли собраться, встрѣтить и окружить Игоря, такъ что онъ, по неудачномъ сраженіи, принужденъ былъ возвратиться въ отечество. Тамъ онъ набираетъ новое войско, при-

совокупляетъ къ себѣ Варяговъ и Печенѣговъ, и идетъ паки на имперію съ большими силами.

Греки, получа о томъ извѣстіе и вѣдая храбрость войскъ Игоревыхъ, посылаютъ къ нему 924. пословъ, съ предложеніемъ мира и сугубой дани передъ тою, какую они давали Олегу.

Игорь удовольствовался, не извлекая меча, сею побѣдою и, взявъ съ Грековъ дань, возвратился славно въ Кіевъ; Печенѣгамъ же повелѣлъ напасть на Болгаръ.

Нужно было, однако, утвердить миръ съ Греческою Имперіею: ради того Игорь посылалъ пословъ въ Константинополь, для возобновленія мирныхъ договоровъ, постановленныхъ Олегомъ, и къ тому прибавлены были новые, въ которыхъ, между прочимъ, отъ стороны царствовавшихъ тогда императоровъ обѣщано: «чтобъ имъ не «принимать въ службу свою войскъ славено-рос«сійскихъ, безъ дозволенія князей ихъ». Греческіе императоры взаимно присылали пословъ къ Игорю, для утвержденія сихъ договоровъ клятвами въ ненарушимой силѣ, которая часто была нарушена.

Игорь, въ мирѣ со всѣми сосѣдами, наслаждался уже подъ старость лѣтъ плодами своего мужества. Спокойство и тишина царствовали во всѣхъ его областяхъ. Но особая милость и награжденіе отъ него *Свенельду*, побѣдителю Угличей, привели къ зависти другихъ вельможъ. Война, часто государству вредная, полезна всегда полководцамъ, ищущимъ особенной своей ко-

рысти въ истребленіи человѣчества. Сіи вельможи непрестанно побуждали Игоря къ брани противу Древлянъ, представляя ему, что онъ можетъ принудить ихъ платить дань еще большую. Князь послѣдовалъ, наконецъ, ихъ совѣту. Древляне вострепетали отъ силы его оружія и дали ему дань усугубленную; но онъ, не удовольствовавшись тѣмъ, требовалъ еще новой дани.

Тщетно *Малдисъ* (Малъ), князь древлянскій, посылалъ къ нему съ представленіемъ, коль несправедливы его требованія, кои, впрочемъ, не были уже подкрѣплены довольными силами: ибо Игорь отпустилъ большую часть войскъ назадъ съ данью. Не взирая на то, онъ отважился съ малымъ числомъ напасть на древлянскія селенія. И когда подступилъ уже подъ главный ихъ городъ *Коростенъ* (Искоростъ), то Древляне, видя его почти безъ войскъ, вышли оттуда во многочисленности, окружили, убили и погребли его
945. подъ городомъ.

Симъ образомъ безмѣрно отважный государь кончилъ жизнь, шестидесяти-восьми лѣтъ отъ роду, княживъ, по кончинѣ Олеговой, тридцать два года.

—

СВЯТАЯ ОЛЬГА

(ВЪ КРЕЩЕНІИ ЕЛЕНА).

По убіеніи Игоря отъ Древлянъ, супруга его, великая княгиня Ольга, въ малолѣтство сына 945.
своего, Святослава, вступила въ Кіевское и Новогородское княженіе; первая изъ женскаго пола въ Россіи народомъ управляла, но съ толикою славою, что казалось, какъ-бы она прообразовала могущество и счастіе россійскаго скипетра въ рукахъ ея пола.

Древляне имѣли наглость присылать къ ней разныя посольства, съ предложеніемъ, и даже съ угрозами и принужденіемъ, чтобъ она вышла замужъ за князя ихъ, *Малдиса*; а чрезъ то древлянскій князь надѣялся получить во власть спокойнѣйшимъ образомъ пространныя россійскія владѣнія.

Ольга, озлобленная убійствомъ своего супруга, наипаче раздражена была симъ предложеніемъ, но скрыла свою досаду и притворно увѣрила пословъ, что она сама пріѣдетъ въ Коростенъ къ ихъ князю. Между тѣмъ, мстя Древлянамъ разными образами, пошла въ самомъ дѣлѣ къ нимъ съ войскомъ. Юный Святославъ, сынъ ея, находился съ нею въ семъ походѣ и, предупреждая возрастъ свой, являлъ уже мужественные подви-

ги, предзнаменовавшіе будущія его побѣды. *Малдисъ*, тогда не мысля болѣе о женитьбѣ, затворился въ Коростенѣ; и какъ трудно было взять сію укрѣпленную столицу древлянскую, то Ольга требовала, для своего отступленія отъ оной, вмѣсто дани, за неимѣніемъ тогда въ Коростенѣ другихъ вещей, по три голубя и по три воробья съ каждаго двора въ городѣ. Древляне съ радостію даютъ ей требуемую дань, дабы только она оставила ихъ безъ дальняго мщенія. Не мыслятъ они, что голуби и воробьи въ рукахъ Ольгиныхъ будутъ имъ столь же пагубны, какъ ея оружіе; ибо она повелѣла вплести въ хвосты принесеннымъ птицамъ по фитилю, и ночью, зажегши сіи фитили, пустить оныхъ на волю. Голуби и воробьи тотчасъ возвращаются подъ кровли домовъ въ свои гнѣзда, зажигаютъ во всѣхъ мѣстахъ городъ: пламень пожираетъ убѣжища осажденныхъ, и стѣны ихъ сами собою рушатся. Отчаянные Древляне ищутъ спасенія въ бѣгствѣ, но бѣгущихъ всюду постигаютъ воины, и спасенные отъ огня падаютъ подъ мечемъ гонящихъ; самъ князь Малдисъ убитъ во множествѣ; оставшіе Древляне емлются въ плѣнъ и покоряются. Ольга полагаетъ новыя дани на всѣ ихъ города
840. и возвращается въ Кіевъ, совершенно отмстивъ Древлянамъ.

Внутреннее государственное устроеніе было потомъ главнымъ предметомъ попеченій сей мудрой владѣтельницы. Она, оставивъ сына своего подъ присмотромъ вѣрныхъ людей, сама от-

правилась объѣхать свои владѣнія. Таковъ былъ обычай древнихъ россійскихъ государей по вступленіи на престолъ: увидѣть своими очами все, что было имъ подвластно, разсмотрѣть состоянія всякихъ селеній, узнать ихъ способы и недостатки, размѣрить подати по силамъ различныхъ подданныхъ, распорядить доходы, искоренить злоупотребленія, наградить добродѣтели, исправить погрѣшности, защитить утѣсненныхъ, смирить утѣснителей. *

Слѣдуя сему похвальному государскому обычаю, Ольга сдѣлала въ областяхъ своихъ разныя полезныя учрежденія: населила людьми пустыя земли, раздѣлила ихъ на погосты и, основавъ благоденствіе своихъ подданныхъ, возвратилась въ престольный градъ, собирать спокойно плоды мудраго своего устроенія.

Природа одарила Ольгу рѣдкою красотою, которая, подобно ея высокому духу, блистала еще и въ сихъ лѣтахъ, когда прешедшая младость обыкновенно оставляетъ единый разумъ надъ сердцами владычествовать. Съ таковымъ внѣш-

---

* Толь полезный обычай приведенъ въ наилучшее дѣйство нынѣ владѣющею нашею Самодержицею. Отдаленные города, славящіеся Ея посѣщеніемъ, почитаютъ оное счастливѣйшимъ въ бытіи своемъ достопамятствіемъ. И хотя не могла Она обозрѣть въ пространныхъ своихъ областяхъ безчисленныхъ и многоразличныхъ селеній, тѣмъ не менѣе сіи, въ новомъ бытіи, полны Ея именемъ.

нимъ одареніемъ, имѣла она тонкій и проницательный умъ, способный къ изслѣдованію и познанію *блага* и *истины*. Сія государыня, возпесенная на степень величія и счастія, при окружающемъ ея спокойствіи, чувствовала еще въ душѣ своей болѣзнованіе. Боготвореніе веществъ въ ея отечествѣ, и сопряженная съ симъ дикость нравовъ и странность обычаевъ, всегда представлялись ей недостойными созданія мыслящаго. Чтимые легковѣрнымъ народомъ идолы являли ей совершенную суетность человѣческаго прибѣжища. Снизшедшая съ Небесъ Святая Вѣра коснулась ея сердца и воспламенила его ревностнымъ желаніемъ познать Бога Истиннаго.

Въ Константинополѣ тогда сіявшее благочестіе убѣждало невѣрныхъ многими знаменіями, и отчасу болѣе простирало во вселенной свою силу. Вѣрою предводимая княгиня россійская, предпріемлетъ путешествіе въ Грецію, является, съ приличнымъ великолѣпіемъ, въ столицѣ правовѣрныхъ императоровъ, научается Христіанскому закону и проситъ просвѣтить себя Крещеніемъ.

Царствовавшій тогда императоръ *Константинъ Богрянородный* плѣнился ея достоинствами. Духовныя и государственныя причины присоединялись къ его склонности. Онъ предлагалъ россійской княгинѣ вступить съ нимъ въ супружество; но она пристойнымъ образомъ избѣжала отъ сей чести, которая не согласовалась ни съ сердцемъ ея, ни съ лѣтами

Ольга, приступая къ Святому Крещенію, выбрала въ воспріемники самого императора; потомъ она не могла уже быть супругою своему отцу крестному, и Константинъ долженъ былъ погасить свое желаніе, содѣлавшееся противнымъ закону.

Онъ отпустилъ ее со многими дарами въ отечество, куда, возвратившись Святая Ольга, начала просвѣщать людей познаніемъ Истиннаго Бога. Но свѣтъ Евангельскій не озарилъ еще тогда всю Россію, и большая часть народа осталась въ прежнемъ невѣріи; почему и Святославъ не послѣдовалъ увѣщаніямъ своей матери, которая тщетно старалась склонить его къ *Христіанству*: ибо онъ боялся возмутить чрезъ то противъ себя подданныхъ. Въ сихъ обстоятельствахъ, Святославъ частію началъ уже княжить еще при жизни своей матери, которая потомъ ѣздила во Псковъ, обновила сей городъ и соорудила тамъ церковь во имя *Святыя Троицы*.

СВЯТОСЛАВЪ.

Склонность къ войнѣ отъ самыхъ юныхъ лѣтъ содѣлалась главною страстію Святославовою. Владычество же, пріобрѣтаемое оружіемъ и храбростію, правилось народу, находившему въ сихъ побѣдахъ свое благосостояніе. Святославъ вскорѣ пріучилъ своихъ воиновъ къ строгой жизни, какую самъ испытывалъ. Шатры, постели, поварни, излишнія одѣянія, повозки и все, что можетъ служить къ роскоши или упокоенію, изгнано было изъ его стана. Поле являлось его жилищемъ, твердая земля служила ему вмѣсто постели, сѣдло въ изголовье; отъ ловли звѣрей мясо, печеное на угольяхъ, было ему пищею; легкая одежда и добрый конь сокращали медленность путей къ дальнѣйшимъ странамъ, гдѣ только онъ предпринималъ ставить свои знамена. Таковъ былъ Святославъ, таковы были его воины!

Но колико сей государь счастливъ былъ въ побѣдахъ, толико неосмотрителенъ въ послѣдствіяхъ оныхъ; ибо, для удержанія завоеваннаго, для содѣланія выгоднаго мира и союза съ народами, для совершеннаго ихъ покоренія, для утвержденія безопасности въ собственныхъ своихъ владѣніяхъ, потребны, сверхъ мужества и храбрости, другія качества, каковыя не менѣе были бы полезны Святославу.

Сей государь, въ первыхъ лѣтахъ своего владѣнія, ходилъ съ войскомъ къ рѣкамъ *Оки* и *Волги*, требовать дани отъ Вятичей; но сіи тогда находились подъ покровительствомъ Козаръ и имъ дань платили; Святославу же отказали въ его требованіи. И такъ онъ, дабы надежнѣе содѣлать Вятичей своими данниками, вознамѣрился покорить прежде Козаръ, ихъ защитниковъ.

Предпріятіе его имѣло желаемые успѣхи: Козары хотя вышли на сопротивленіе, но были въ конецъ разбиты. Побѣдители взяли *Саркелъ* (Бѣлу-Вежу, Бѣлую Весь), ихъ столицу, съ другими городами; послѣ чего Святославъ легко принудилъ Вятичей платить себѣ дань, ибо тогда они не давали уже оной Козарамъ.

Греческій императоръ *Никифоръ Фока*, вѣдая храбрость войскъ Святославовыхъ и дабы отвести толь страшнаго непріятеля отъ бранныхъ помысловъ противъ Константинополя, прислалъ къ нему посольство, склонить его идти войною на Болгаръ, кои предъ симъ отказали императору въ помощи, какой онъ требовалъ отъ нихъ противъ Венгровъ, тогдашнихъ своихъ непріятелей. Святославъ, ища побѣдъ и корысти, охотно соглашается на предложеніе отъ императора, наступаетъ на Болгаръ, побиваетъ ихъ во многихъ случаяхъ, беретъ множество городовъ по Дунаю и тамъ, ради военныхъ и торговыхъ способностей, забывая отечество, помышляетъ утвердить столицу въ *Переславцѣ* (по древнему названію въ *Мегалополемѣ*.)

Во время же, какъ Святославъ въ отдаленныхъ странахъ простиралъ свое оружіе, приводилъ въ трепетъ непріятелей, налагалъ на нихъ дани и пріобрѣталъ новыя области, Печенѣги, въ великомъ числѣ, напали на земли россійскія, и уже подступивъ къ Кіеву, со всѣхъ сторонъ его окружили, такъ что осажденные Кіевляне, не могли ни помощи получить, ни увѣдомить кого-либо о своемъ состояніи. Сама великая княгиня Ольга со внучатами своими, дѣтьми Святославовыми: Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ, находясь тогда въ Кіевѣ, ввержена была въ опасность отъ облежащихъ силъ непріятельскихъ. Въ сей крайности, однако, мужественная сія государыня явила свойственную ей бодрость духа, который, казалось, будто переселялся во всѣхъ ея воиновъ. Она повелѣваетъ затворить ворота городскія и на стѣнахъ отражать силу силою. Печенѣги тщетно покушаются со всѣхъ сторонъ приступить къ городу; вездѣ встрѣчаютъ равное непреодолимое сопротивленіе; отвсюду съ безполезнымъ уронъмъ возвращаются и теряютъ надежду взять Кіевъ силою оружія. Между тѣмъ, они умышляютъ Кіевлянамъ гибель болѣе вѣрную: заграждаютъ всѣ пути, доставляющіе воду и нужные припасы къ жизни. Голодъ и жажда въ обложенномъ городѣ изнуряютъ жителей, неустрашимыхъ отъ приступовъ непріятельскихъ. Истощеніе тѣла легко приводитъ духъ въ уныніе; увядаетъ храбрость воиновъ. Страшная смерть возноситъ пагубную косу въ помощь Печенѣ-

гамъ, и малое число храбрыхъ защитниковъ Кіева умаляется.

Разные Россійскіе народы, подъ предводительствомъ именуемаго *Притича*, хотя собрались къ защищенію отечества, но, не вѣдая крайней опасности согражданъ своихъ, стояли въ виду города, на другой сторонѣ рѣки, или для отвлеченія Печенѣговъ отъ Кіева, или для невозможности, за превосходнымъ непріятельскимъ числомъ, подать своимъ надежную помощь; ибо надлежало пробиваться къ городу сквозь безчисленныя толпы войскъ, его окружающихъ.

Уже Кіевляне совѣщаются не о храбромъ защищеніи отечества, но о сохраненіи жизни, прекращаемой голодомъ, и опредѣляютъ сдать городъ, если назавтра за рѣкою стоящія ихъ войска не подадутъ имъ помощи. Надлежало увѣдомить о томъ Притича; но не было способа посланному изъ Кіева достичь въ станъ его.

При таковомъ общемъ всѣхъ недоумѣніи, нѣкто юноша, любитель своего отечества, котораго имя, къ сожалѣнію, умолчено въ Исторіи, вызвался, не взирая на всѣ опасности, увѣдомить Притича о состояніи Кіева. Онъ выходитъ съ уздою непримѣтно изъ города и идетъ сквозь Печенѣговъ, ихъ языкомъ спрашивая: не видалъ ли кто ушедшаго безъ узды коня его? Печенѣги принимаютъ юношу за своего и сожалѣютъ о его несчастіи; а между тѣмъ онъ пробирается къ рѣкѣ, скидываетъ съ себя одѣяніе и пускается вплавь на другой берегъ, къ единоземцамъ.

Печенѣги познаютъ тогда хитрость юноши, но тщетно уже за нимъ гонятся и пускаютъ въ него стрѣлы. Притичевы воины, видя погоню и плывущаго къ нимъ человѣка, уразумѣваютъ его быть отъ своихъ посланнаго, подспѣваютъ встрѣчу съ лодками и увозятъ сохранно въ станъ свой. Юноша даетъ вѣдать Притичу состояніе Кіевскихъ жителей и опасность, въ какой находятся Святославовы мать и дѣти. По сему извѣстію Притичъ предпринялъ, не взирая ни на какія опасности, спасать городъ.

Въ слѣдующій день, на разсвѣтѣ, россійскій полководецъ садится на суда съ своими силами; трубные гласы въ войскѣ его и въ городѣ подаютъ другъ другу знаки о своихъ движеніяхъ. Притичевы воины летятъ по водамъ на сопротивный берегъ; храбрость и надежда сіяютъ на челахъ ихъ: Кіевляне воспринимаютъ новую бодрость, подкрѣпляемую надеждою. Печенѣги въ изумленіи, видя таковую смѣлость войскъ плывущихъ и слыша побѣдительные клики въ городѣ, мнятъ, что самъ Святославъ пришелъ на помощь къ Кіеву; наполняются страхомъ, мятутся, недоумѣваютъ и, оставя городъ, обращаются въ бѣгство. Тогда россійскіе воины выходятъ безпрепятственно на берегъ, срѣтаемы изъ города великою княгинею, князьями и всѣми гражданами; потомъ обще предпринимаютъ мѣры къ утвержденію своей безопасности.

Печенѣжскій князь остановился въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Кіева и прислалъ просить дозво-

ленія свидѣться съ Притичемъ, для переговоровъ. Сей полководецъ, въ дозволенномъ отъ него свиданіи, хитро увѣрилъ печенѣжскаго государя, что будто онъ пришелъ только съ передовымъ войскомъ, и что по немъ идетъ Святославъ, съ безчисленными силами, мстить за опустошеніе своихъ владѣній.

Имя Святославово страшно было его непріятелямъ. Печенѣжскій князь просилъ Притича быть ему другомъ; и предъ отшествіемъ, въ знакъ своего къ нему почтенія, подарилъ ему коня, стрѣлы и саблю. Россійскій же полководецъ, съ своей стороны, подарилъ печенѣжскому государю щитъ, мечъ и броню.

Дружба сія, по видимому, продолжалась только до того времени, какъ Печенѣги примѣтили вымышленное увѣреніе о приближеніи Святослава съ войскомъ. Кіевляне, находясь въ новой отъ Печенѣговъ опасности, послали къ государю своему извѣстіе о гибели, въ какую они его отсутствіемъ были ввержены, и съ просьбою, чтобъ онъ поспѣшилъ предохранить отъ обстоящихъ золъ отечество. И такъ, Святославъ немедленно возвращается въ Кіевъ, разбиваетъ Печенѣговъ и прогоняетъ ихъ изъ своихъ областей. 967.

Святославъ удержанъ былъ потомъ на время въ Кіевѣ прошеніями своей матери, которая, заболѣвъ, въ крайнемъ изнеможеніи, предчувствовала приближающуюся свою кончину. Блаженная княгиня Ольга, не въ долгомъ времени, къ общему всѣхъ оскорбленію, преселилась, съ хри-

969. стіанскими завѣщаніями, отъ временной жизни къ вѣчной, въ четвертомъ-надесять году послѣ своего крещенія. Во вдовствѣ была двадцать четыре года, въ супружествѣ за Игоремъ сорокъ одинъ годъ; всея же жизни ея было около осьмидесяти лѣтъ.

Я упомяну здѣсь о двухъ женахъ Святославовыхъ, кои извѣстны по Исторіи: единая была болгаргская княжна, именуемая *Предслава*, вторая же *Малуша*, ключница Ольгина, родомъ Славянка: сія была мать Владимірова.

Стремительная склонность къ войнѣ вела Святослава испытывать часто крайности, которыя благоразуміе предвидитъ и упреждаетъ. Сей государь, безъ предусмотрѣнія въ намѣреніяхъ, назначивъ Переславцу (въ Болгаріи) быть себѣ столицею, и дабы утвердить власть свою въ Россіи, далъ въ удѣлы сыновьямъ своимъ: Ярополку Кіевъ, Олегу Коростенъ, съ принадлежащими къ симъ удѣламъ землями; по учинилъ ихъ подвластными себѣ княженіями. Между тѣмъ Новгородцы просили себѣ въ князья Владиміра, третьяго сына Святославова, по внушенію Добрыни, брата Малушина, дяди Владимірова. Святославъ равномѣрнымъ образомъ удовольствовалъ ихъ прошеніе, и Владиміръ отправился въ Новгородъ съ Добрынею.

Должно здѣсь примѣтить, что отъ временъ Рюриковыхъ совокупленная Россія тогда въ первый разъ на части раздѣлилась; ибо сіе раздѣле-
970. ніе въ послѣдствіи произвело разные образы прав-

ленія, и удѣльные князья не могли пребывать въ согласіи, какъ скоро содѣлались самовластными.

Таково учредивъ правленіе государства, Святославъ пошелъ съ войскомъ въ Болгарію. И хотя подъ Переславцемъ нашелъ отъ Болгаръ сильное сопротивленіе, но напослѣдокъ ихъ побѣдилъ, взялъ сей городъ и въ немъ чаялъ утвердить свое пребываніе.

Святославъ воевалъ потомъ при императорѣ 971.
Іоаннѣ Цимисхіи (Земисесѣ) съ Греками. Онъ, подъ Коростеномъ въ Болгаріи, отважился съ десятью тысячами человѣкъ напасть на многочисленное греческое войско, предводимое самимъ императоромъ. Россіяне вначалѣ устрашены были великимъ превосходствомъ силъ непріятельскихъ; но Святославъ, храбрымъ своимъ примѣромъ и увѣщаніемъ воиновъ, преклонилъ къ себѣ побѣду.

Исторія сохранила произнесенную тогда имъ рѣчь, которая можетъ служить здѣсь къ изображенію свойствъ сего государя: «О, воины! (говорилъ онъ) побѣдимъ или умремъ. Намъ нѣтъ «инаго убѣжища. Не посрамимъ россійскаго име«ни. Я первый пойду предъ вами; и если убіенъ «буду, помышляйте тогда сами о своей должно«сти». Воины единогласно отвѣтствовали: «Мы «всѣ готовы умереть съ тобою!»

Греки были разбиты и просили мира. Они послали къ побѣдителю богатые дары, чая прельстить его златомъ и драгоцѣнными каменьями; но онъ принялъ сіи дары съ презрѣніемъ, и не

удостоилъ пословъ говорить съ собою. Греки, искушая Святослава разными образами, отправили къ нему другихъ пословъ, кои поднесли ему отъ императора мечъ и прочія оружія. Святославъ принялъ оные съ изъявленіемъ особливаго удовольствія, изъ котораго Греки легко уразумѣли, сколь полезно было пребывать въ мирѣ съ таковымъ государемъ, который предпочитаетъ желѣзо злату.

Предложены были мирныя условія. Святославъ, по примѣру побѣдоносцевъ, своихъ предковъ, истребовалъ отъ Грековъ поголовную дань на все свое войско; но въ семъ случаѣ взялъ оную не только на число живыхъ, но и на число убитыхъ воиновъ, дабы тѣмъ воспользовались сихъ послѣднихъ родственники.

Такимъ образомъ поставленный миръ пресѣкъ съ обѣихъ сторонъ военныя дѣйствія; но нельзя было утвердиться на условіяхъ, въ коихъ видимо было принужденіе и временное только согласіе, но уваженію обстоятельствъ. Святославъ, властвуя въ Болгаріи силою оружія, не могъ быть тамъ любимъ своими подданными, привыкши, въ христіанскомъ законѣ уже около тридцати лѣтъ, болѣе къ кроткому правленію. Войско его оставалось малочисленно; на вѣрность же Болгаръ онъ не могъ полагаться: ибо прежній ихъ государь былъ тогда подъ покровительствомъ имперіи и, безъ сомнѣнія, имѣлъ тайныхъ друзей въ отечествѣ. Печенѣги, поселившіеся между Россіею и Болгаріею, были непріятели Святославу,

и онъ не получалъ изъ Россіи себѣ помощи. Для сихъ обстоятельствъ Святославъ посылалъ отъ себя пословъ къ императору, дабы исправить и утвердить постановленный между имперіею и Россіею миръ, который отчасу становился ему нужнѣе. Императоръ, съ своей стороны, не менѣе желалъ онаго. Сей миръ былъ возобновленъ и заключенъ на такихъ договорахъ: «чтобъ Болгарія принадлежала императору, и «чтобъ россійскій государь, признаваемый уже «другомъ и союзникомъ имперіи, не нападалъ «болѣе на земли владѣнія греческихъ императо«ровъ, ни на болгарскія, ни на корсунскія (хер«сонскія или крымскія)».

Въ слѣдствіе сего мира, Святославъ долженъ былъ возвратиться въ Россію. Тщетно Свенельдъ, воевода его, представлялъ, чтобъ онъ не водянымъ путемъ ѣхалъ въ отечество: ибо по Днѣпру черезъ пороги надлежало идти мимо Печенѣговъ, россійскихъ непріятелей. Святославъ, отринувъ благоразумныя представленія, отправился изъ Переславца водою. Болгары не преминули предувѣдомить Печенѣговъ о семъ путешествіи россійскаго государя, о маломъ числѣ при немъ войска и о богатствахъ, кои онъ везетъ съ собою. Печенѣги засѣли на островахъ у пороговъ. Святославъ, не доѣзжая оныхъ, принужденъ былъ зимовать на мѣстѣ, называемомъ *Бѣлобережье*. Тамъ онъ съ людьми своими претерпѣвалъ крайній во всемъ недостатокъ и голодъ, окруженный непріятелями. При наступленіи весны, Святосла-

ву оставалось только избирать себѣ родъ гибели. Онъ предпринялъ, въ отчаяніи, съ изнуренными голодомъ людьми, пробиться сквозь Печенѣговъ: тогда Куря, князь ихъ, напалъ на Россіянъ, вскорѣ ихъ побѣдилъ, и самого Святослава убилъ; потомъ имѣлъ варварское удовольствіе сдѣлать изъ его черепа чашу, на которой написалъ: «чужаго искавъ, свое потерялъ».

Свенельдъ, съ самымъ малымъ числомъ, по нѣкоторому счастію, пробился сквозь непріятелей и, пришедъ въ Кіевъ, увѣдомилъ Ярополка о бѣдственной смерти отца его. Святославъ княжилъ обще съ матерью двадцать семь лѣтъ; кончилъ жизнь на сороковомъ году отъ рожденія.

РАЗНЫЯ КНЯЖЕНІЯ.

ЯРОПОЛКЪ, ОЛЕГЪ и СВЯТОЙ ВЛАДИМІРЪ

(въ крещеніи василій).

Смерть Святославова прекратила зависимость трехъ князей, сыновей его, отъ верховной власти. Каждый изъ нихъ содѣлался самодержавнымъ въ своемъ владѣніи, безъ всякаго установленія союза между собою. А сіе раздѣленіе Россіи по-

дало многимъ народамъ поводъ отступить отъ прежняго россійскимъ князьямъ подданства: ибо раздѣленныя между ними силы не могли болѣе содержать въ страхѣ областей, покоренныхъ оружіемъ. Къ тому жъ раздоры между сими князьями братьями, и послѣдовавшія междоусобныя брани, приводили государство въ истощеніе.

Ярополкъ, на престолѣ въ Кіевѣ, столицѣ отцевъ своихъ, имѣя передъ братьями старшинство лѣтъ и въ главномъ своемъ удѣлѣ количественныя преимущества, былъ весьма склоненъ къ злоупотребленію оныхъ; честолюбивъ безъ правилъ, предпріимчивъ безъ твердости, другъ и недругъ безъ разсмотрѣнія; слѣдуя же почти всегда пагубнымъ совѣтамъ пристрастныхъ вельможъ, былъ, можно сказать, несчастный рабъ рабовъ своихъ.

Нѣкогда Олегъ, братъ его, на звѣриной ловлѣ умертвилъ сына кіевскаго вельможи, Свенельда, за продерзость его на земляхъ Древлянскихъ. Посему отецъ, дабы отмстить смерть сына, легко подвигъ слабаго своего государя къ вооруженію противу Олега, представивъ ему къ войнѣ множество причинъ, ласкающихъ властолюбію. Ярополкъ наступилъ на Древлянскія земли, подобно какъ на непріятельскія. Побѣжденный Олегъ, подъ городомъ Вручемъ (Овручовымъ), спасающійся бѣгствомъ, свержепъ былъ съ моста 977.
въ рѣку, со множествомъ людей своихъ. Но когда мертвое его тѣло послѣ было отыскано и принесено къ Ярополку, то онъ горько надъ

нимъ плакалъ, укоряя Свенельда злодѣйственными совѣтами и смертію брата своего. Олегъ княжилъ въ своемъ удѣлѣ пять лѣтъ.

И такъ, по смерти его, Ярополкъ, князь кіевскій, содѣлался властителемъ купно древлянскихъ областей. Владиміръ же въ Новгородѣ, увѣдавъ о бѣдственной смерти своего брата и опасаясь отъ усилившагося Ярополка равной себѣ участи, разсудилъ заблаго убѣжать къ Варягамъ, своимъ союзникамъ.

Между тѣмъ Ярополкъ, движимый своимъ властолюбіемъ, не преминулъ воспользоваться обстоятельствами. Онъ, въ отсутствіе Владимірово, не взирая на раздѣлъ отеческій, безъ войны завладѣлъ Новгородомъ, посадилъ въ немъ правителями бояръ своихъ и объявилъ себя единодержавнымъ во всей Россіи.

Въ таковомъ положеніи дѣлъ, честолюбіе Ярополково было разными образами удовольствовано.
978. Печенѣги ему покорились, платили дань и въ его службу пришелъ печенѣжскій князь Гильдея, которому онъ далъ земли и города. Греки возобновили
979. съ Россіею миръ и дали ему дань, какую платили его отцу и дѣду. Напослѣдокъ, папа присылалъ къ нему посольство. Толико всегда уважаема была Россія въ соединеніи!

Владиміръ, однако, употребилъ всевозможныя средства къ доставленію себѣ отъ Варяговъ помощи. Онъ нанимаетъ ихъ войска, идетъ съ оными къ своему удѣльному княженію. Жители Новгорода, преданные сердцами Владиміру, ра-

дуются о его пришествіи. Воеводы Ярополковы безполезно увѣщеваютъ народъ къ сопротивленію, недоумѣваютъ въ совѣтахъ, робѣютъ въ полкахъ своихъ и не производятъ никакого браннаго дѣйствія. Владиміръ, не извлекая меча, восходитъ на прежній княжескій престолъ свой, выгоняетъ изъ города правителей Ярополковыхъ и повелѣваетъ имъ возвѣстить брату своему, что онъ пойдетъ на него войною, яко на убійцу и врага своихъ единокровныхъ.

Уже Владиміръ готовъ былъ двинуться съ силами къ Кіеву, когда Ярополкъ проводилъ время въ единыхъ совѣтахъ и спрашивалъ у воеводы своего, Блуда, что ему дѣлать. Блудъ, вѣдая скудный умъ и неспособность своего государя, только внутренно презиралъ его, колико былъ преданъ Владиміру, который умѣлъ пріобрѣтать себѣ друзей и услужниковъ между самыми непріятелями. Сей Блудъ, по склонности къ новгородскому князю, привелъ своими совѣтами Ярополка въ такую оплошность, что онъ, не взирая на объявленіе отъ Владиміра, пребывалъ спокоенъ безъ всякихъ военныхъ приготовленій, по паче готовился къ браку, каковымъ чаялъ совершить свое счастіе.

Рогвольдъ, князь, пришедшій изъ-за моря, владѣтель Полоцка, имѣлъ у себя дочь Рогнеду, которой славимая красота привлекала желанія государей. Ярополкъ и Владиміръ оба просили ее у Рогвольда себѣ въ супружество; но первый предупредилъ послѣдняго посольствомъ, счастли-

выми побѣдами и, можетъ быть, нѣкоторою побѣдою надъ сердцемъ Рогнединымъ. Отецъ оставилъ выборъ на волю дочери, а сія не преминула предпочесть Ярополка Владиміру, котораго дѣла были тогда въ сомнительномъ положеніи. Союзъ его отверженъ былъ съ нѣкоторымъ презрительнымъ отвѣтомъ, и Владиміръ только симъ ожесточился, что, оставивъ на время, предпріятую войну съ Ярополкомъ, сугубымъ своимъ соперникомъ, пошелъ на Полоцкъ, сразился съ Рогвольдомъ, разбилъ его войско, убилъ сего князя и двухъ сыновей его; Рогнеду же взялъ
980. за себя, не взирая на прежній отказъ ея.

Сіе долженствовало бы напослѣдокъ удостовѣрить Ярополка о дѣйствіяхъ силъ Владиміровыхъ и побудить къ предосторожности; но побѣдитель Полоцка имѣлъ время, безъ всякаго отъ кіевскаго князя сопротивленія, подступить къ его столицѣ. Однако, трудно было взять приступомъ городъ; почему Владиміръ, вѣдая доброжеланіе къ себѣ Блудово, воспользовался онымъ. Слабый Ярополкъ, совѣтомъ сего хитраго вельможи, оставилъ Кіевъ и ушелъ въ Родень (Городень); но и тамъ, въ осадѣ, терпя голодъ, постигаемъ былъ гибелью. Народное бѣдствіе тогда оскорбляло Владиміра, и онъ отъ осажденнаго города возвратился въ Кіевъ, по условію съ Блудомъ, который, между тѣмъ, совѣтовалъ своему государю предаться, ради спасенія, въ руки брата и удовольствоваться, чѣмъ онъ наградитъ его. Варяжко, другой вельможа Яропол-

ковъ, хотя представлялъ ему пагубный совѣтъ Блудовъ и способъ уйдти къ Печенѣгамъ, откуда могъ бы онъ получить вспоможеніе противъ Владиміра; но Ярополкъ, неспособный познавать вѣрность и дружество, предпочелъ коварное мнѣніе спасительному совѣту, поѣхалъ въ Кіевъ, и тамъ, въ чертогахъ Владиміровыхъ, пронзенъ подъ пазухи мечами, отъ двухъ воиновъ, въ присутствіи предателя своего, Блуда, который, по вступленіи Ярополковомъ въ пагубную для него храмину, тотчасъ затворилъ 980.
двери оной. А Варяжко, увѣдавъ о его убіеніи, убѣжалъ къ Печенѣгамъ, и въ послѣдствіи оттуда воевалъ Владиміра до того времени, какъ сей увѣрилъ его клятвами въ прощеніи и безопасности его особы. Ярополкъ княжилъ семь лѣтъ.

КНЯЖЕНІЕ КІЕВСКОЕ И НОВГОРОДСКОЕ.

СВЯТОЙ ВЛАДИМІРЪ.

(ЕДИНОВЛАСТИТЕЛЬ).

Военные успѣхи Владиміровы явили уже начало его въ Россіи единовластія, которое напослѣдокъ, смертію Ярополковою, воспріяло совершенный образъ.

Сіе княженіе предлагаетъ намъ знаменитѣй-
980. шую эпоху въ Россіи. Священная память оной останавляетъ перо мое, при описаніи свойствъ государя, который глубокую тму невѣрія озарилъ свѣтомъ Христовымъ, и область, терномъ грубости покрытую, преобразилъ въ цвѣтущій Эдемъ спасительнаго ученія. Но какъ Исторія должна быть зерцаломъ истины, то представляемыя въ ней слабости и заблужденія человѣческія да обратятся въ похвалу исправленнымъ, и да будутъ во исправленіе не наказаннымъ!

Мнѣнія, времена и разныя обстоятельства порабощаютъ разумъ. Страсти, влекущія человѣка часто къ предосудительнымъ дѣйствіямъ, суть тѣ же страсти, которыя производятъ въ немъ наипохвальнѣйшія чувствованія, какъ скоро устремятся къ достойному предмету своего влеченія.. Часто самая добродѣтель, въ достиженіи блага, принуждается прибѣгать къ жесточайшимъ сред-

ствамъ и крайностямъ, измѣняющимъ навремя естественный образъ ея; и часто благонамѣреннѣйшій человѣкъ, по виду нѣкоторыхъ дѣлъ своихъ, строго судится, если конецъ ихъ не оправдитъ его передъ свѣтомъ; ибо таковъ есть общій жребій человѣчества, что люди не всегда избираютъ полезнѣйшія средства, и не всегда бываютъ въ успѣхахъ счастливы.

Владиміръ вначалѣ является жестоконравенъ и неумѣренъ во всѣхъ страстяхъ своихъ; стремителенъ во гнѣвѣ, притомъ предпріимчивъ, смѣлъ и твердъ въ предпріятіяхъ, но побѣждаемъ безпредѣльнымъ любострастіемъ. Напослѣдокъ, многія черты, изображающія Владиміра въ непросвѣщенномъ бытіи его, заглаждаются добродѣтелями, наипрекраснѣйшими въ государствованіи и въ общежитіи человѣческомъ. Такъ Владиміръ, пріявъ законъ, «облекся въ новаго человѣка,» какъ говоритъ Священное Писаніе.

По возшествіи Владиміровомъ на престолъ всероссійскаго княженія, онъ не укоснилъ употребить власть свою въ удовольствіе господствовавшей въ немъ страсти. Прекрасный полъ въ Россіи тогда подверженъ былъ подобной невольнической участи, въ каковой оный осужденъ понынѣ почти у всѣхъ азіятскихъ пародовъ. Великое множество женъ и наложницъ Владиміровыхъ, въ разныхъ мѣстахъ содержанныхъ, всегда было умножаемо новыми сего рода жертвами. Оставшая Ярополкова жена, Гречанка, бывшая монахиня, плѣненная Святославомъ въ

войнѣ съ Греціею и ради красоты Ярополку отданная, Владиміромъ также взята беременная, въ число женъ его. Отъ нея родился Святополкъ, котораго Владиміръ усыповилъ въ утробѣ матерней, но не могъ любить въ послѣдствіи, или для того, что не признавалъ своимъ сыномъ, или для того, что видѣлъ въ немъ сіе злонравіе, которое, по смерти отцовой, содѣлалось ужасомъ человѣчества, какъ будетъ въ своемъ мѣстѣ описано.

Изъ всѣхъ женъ Владиміровыхъ, въ его непросвѣщеніи, означаются слѣдующія: первая, родомъ Чехиня, которая родила Вышеслава; вторая, Рогнеда, дочь Рогвольда князя полоцкаго, родившая Изяслава, Ярослава, Всеволода и двухъ дочерей: Предславу и Премиславу, изъ коихъ одна была въ супружествѣ за Болеславомъ Храбрымъ королемъ польскимъ, а другая за Андреемъ королемъ венгерскимъ; третья жена Владимірова была упомянутая Гречанка, мать Святополкова; четвертая, другая Чехиня, отъ которой родились: Святославъ и Мстиславъ; пятая, Болгарыня, произведшая Бориса и Глѣба. Кромѣ сихъ дѣтей Владиміровыхъ, счисляются также Позвиздъ и Судиславъ, рожденные отъ наложницъ.

Владиміръ, наконецъ, въ христіанскомъ супружествѣ, имѣлъ еще сына Станислава и дочь Марію, бывшую потомъ за Казимиромъ Первымъ, королемъ польскимъ, переименованную въ Польшѣ Доброгнѣвою, отъ которой произо-

шли многіе европейскіе государи. И такъ, всѣхъ дѣтей у Владиміра является двѣнадцать сыновей и три дочери, во времена обычаевъ, по каковымъ сыновья отца владѣтельнаго получали каждый себѣ особенное владѣніе. Благополучна была бы всегда Россія, если бы обычаи государей всегда были споспѣшны ея славѣ и возвышенію.

Владиміръ, при началѣ своего княженія, долженъ былъ успокоить возмутившихся Варяговъ, коихъ онъ напредъ сего нанялъ на войну себѣ въ помощь. Они твердо требовали окупу съ кіевскихъ жителей по двѣ гривны съ человѣка, говоря, что они взяли городъ безъ всякой себѣ корысти, и что онъ принадлежитъ имъ по праву завоеванія. Таковое, частію справедливое требованіе, подкрѣпленное войскомъ, которому Владиміръ не былъ въ состояніи противиться, восколебало власть его и принудило прибѣгнуть къ хитрости. Онъ выпросилъ у нихъ на мѣсяцъ сроку, а тѣмъ временемъ тихо приготовился къ сильному отпору, въ случаѣ ихъ приступа. Варяги, наконецъ, увидѣвъ, что они отъ Владиміра требуемаго награжденія получить не могутъ, просили, чтобъ онъ, по малой мѣрѣ, способствовалъ имъ идти войною на Грецію, гдѣ бы они корыстьми воспользовались. Владиміръ притворился, что онъ съ радостью на то соглашается; но въ самомъ дѣлѣ удержалъ у себя лучшихъ людей изъ Варяговъ, разными милостями и награжденіями; прочихъ же отпустилъ въ Грецію, по предварительномъ увѣдомленіи Ва-

сліи и Константина, тогда въ Константинополѣ царствовавшихъ, о ихъ походѣ; причемъ совѣтовалъ симъ императорамъ подговорить ихъ къ себѣ въ службу и послѣ разослать въ разныя мѣста, дабы они въ соединенныхъ силахъ не могли вредить имперіи.

Владиміръ въ самомъ своемъ непросвѣщеніи отличался отъ сихъ невѣрныхъ, кои не брегли всякое богослуженіе. Онъ чувствовалъ важность и пользу закона въ то время, когда между его подданными почти никакого не было, или былъ не истинный, который слабо проницалъ сердца дикихъ народовъ, невѣдующихъ ученія. Сей государь, рожденный и возросшій въ заблужденіяхъ, влекомый примѣрами предковъ и современниковъ, ревнительный къ благосостоянію подданныхъ, обуреваемый въ волнахъ житейскаго моря, слѣдовалъ слѣпо всенароднаго невѣжества. Святое ученіе, каковымъ бабка его, благовѣрная княгиня Ольга, могла наставить юность князей, ею воспитанныхъ, по видимому, не было напечатлѣно въ ихъ памяти. Владиміръ усугубилъ благоговѣніе къ богамъ отцевъ своихъ и почтеніе къ скипетру. Онъ поставилъ въ Кіевѣ множество новыхъ идоловъ. Первый былъ Перунъ, богъ молніи и грома. Образъ его былъ человѣческій; голова у него была серебряная, усы золотые, тѣло деревянное, ноги желѣзныя. Въ рукѣ держалъ онъ каменное подобіе громовой стрѣлы, осыпанное яхонтами и другими драгоцѣнными каменьями. На алтарѣ его возженъ

былъ огнь, который жрецы, подъ смертнымъ страхомъ, долженствовали хранить неугасаемымъ. Сей идолъ стоялъ на высокомъ холмѣ, надъ потокомъ, именуемымъ Буричевымъ. Послѣ же его почитаемы были: Хорсъ, Дажба, Стриба, Семаглъ, Мокошъ, Волосъ богъ скотовъ, Позвиздъ богъ воздуха, Ладо богиня веселій, Купало богъ пдоловъ земныхъ, Коляда, Леля и другіе, которымъ легковѣрный народъ, яко своимъ хранителямъ, поклонялся и посвящалъ разныя жертвы. Самая жизнь человѣческая имъ была приносима: невинная кровь разумнаго созданія проливалась на алтаряхъ предъ истуканами. Рѣки и озера имѣли также своихъ поклонниковъ и жертвоприносителей.

Владиміръ, воздвигнувъ капища посреди Кіева, препоручилъ подобныя учрежденія въ Новгородѣ Добрынѣ, дядѣ своему, который тамъ, по примѣру Владимірову, распространилъ идолослуженіе; главнаго же идола, Перуна, для всенароднаго ему поклоненія, поставилъ на берегу Волхова.

Потомъ Владиміръ помышлялъ о возвращеніи себѣ областей и народовъ, кои принадлежали его предкамъ; но послѣ смерти Святославовой, во время бывшаго раздѣленія и раздоровъ между князьями, одни за другими отъ Россіи отпали. Того ради вначалѣ пошелъ онъ на Мечислава, короля польскаго, бывшаго тогда въ войнѣ съ 981.
Богемцами, взялъ у него Перемышль, Червенъ и многіе другіе города; потомъ обратился на югъ.

Тамъ покорилъ онъ двукратно Вятичей, которые, по тщетномъ упорствѣ, принуждены были давать Владиміру дань, какую съ нихъ бралъ
932. отецъ его. Владиміръ равнымъ образомъ покорилъ Ятвяговъ, и, по возвращеніи своемъ въ
983. Кіевъ, опредѣлилъ принесть, въ возблагодареніе за свои побѣды, богамъ жертву. Старцы и бояре, во мнимомъ богопочитаніи, приговорили привесть на заколеніе кого либо изъ юношей или дѣвицъ, по жребію. Но сей жребій лукаво былъ навлеченъ на нѣкоего христіанина, родомъ Варяга, котораго отецъ безполезно вопіялъ противу лжесвятости и безчеловѣчія. Онъ и сынъ его отъ народа убиты, яко богохульники; въ послѣдствіи же Церковь посвятила ихъ память въ число мучениковъ (см. въ Житіяхъ Святыхъ Ѳеодора и Іоанна, Іюля 12 числа).

984. Въ наступившемъ году Владиміръ ходилъ воевать Радимичей; но сей походъ не былъ труденъ: ибо посланный съ передовымъ войскомъ его воевода, именуемый *Волчій Хвостъ*, встрѣтивъ непріятелей у рѣки Пещаны, разбилъ и содѣлалъ россійскими данниками.

Тогда Владиміръ вознамѣрился устремить силы свои на Болгаръ, кои въ седьмомъ вѣкѣ, перешедъ за Дунай, поселились около Чернаго Моря, и отдѣлясь отъ жившихъ по берегамъ Волги и въ Великой Болгаріи. А для успѣха въ семъ намѣреніи, онъ призвалъ въ помощь къ себѣ Добрыню, своего дядю, съ новгородскимъ войскомъ, и совокупно отправился водою на непрія-

теля. Между тѣмъ повелѣлъ Торкамъ идти сухимъ путемъ туда же. Сіи Торки, тогдашніе россійскіе подданные, были выходцы изъ Торкестаніи, поселившіеся около рѣкъ Прута и Сырети. Напослѣдокъ Владиміръ, побѣдивъ Болгаръ 985.
и заключивъ съ ними полезный миръ, возвратился со славою въ Кіевъ.

Сей государь имѣлъ у себя въ службѣ не только князей, подвластныхъ Россіи, но и чужестранныхъ королевичей. Сигурдъ, братъ Астриды, королевы норвежской, и въ послѣдствіи Олавъ, сынъ ея, гонимые въ своемъ отечествѣ, находили при дворѣ Владиміровомъ себѣ убѣжище. Отецъ сего Олава, Тригонъ, король норвежскій, вѣроломными поступками вооружилъ противъ себя королей шведскаго и датскаго, отъ которыхъ, бывъ побѣжденъ въ морскомъ сраженіи, бросился самъ въ море, и такъ кончилъ жизнь. Тогда Астрида, жена его, съ малолѣтнымъ Олавомъ, принуждена была спасаться бѣгствомъ въ Россію, къ брату своему, Сигурду, находившемуся въ службѣ у Владиміра. Но переѣзжая Варяжское Море, впала она въ руки морскихъ разбойниковъ. Олавъ былъ разлученъ съ матерью и достался одному эстляндскому жителю, Клеркону, который промѣнялъ его на козла другому, а сей отдалъ за кафтанъ и поясъ сще другому, именуемому Реасу, у коего Олавъ служилъ шесть лѣтъ въ невольничествѣ. Въ то время Сигурдъ, посланный отъ Владиміра для собранія дани въ Эстляндію, по случаю, увидѣлъ

сего юношу, и находя, что видъ его не согласовался съ невольническимъ состояніемъ, распросилъ его о родѣ; признавъ же за своего племянника, сына Астриды, сестры своей, наслѣдника норвежскаго престола, выкупилъ изъ неволи и привезъ въ Кіевъ, скрывая до времени родъ его: ибо узаконеніе въ Россіи не дозволяло никому отъ рода чужестранныхъ государей въѣзжать, безъ воли Владиміровой, въ его области. По нѣкоторомъ времени Олавъ, ходя по городу, встрѣтилъ Клеркона, своего господина, за козла его продавшаго, и, въ первомъ жарѣ воспаленнаго мщенія, разсѣкъ ему голову. Законъ россійскій позволялъ народу всякаго смертоубійцу умерщвлять на мѣстѣ убійства; но Олавъ имѣлъ время убѣжать въ домъ къ Сигурду, а сей, не мѣшкавъ, привелъ его во дворецъ, просилъ княгиню Ольгу, единую изъ супругъ Владиміровыхъ, принять его въ свое покровительство, и, по ея заступленію, Владиміръ простилъ вину его. Потомъ Ольга, узнавъ о происхожденіи и несчастіяхъ Олава, приняла его къ себѣ и содержала приличнымъ образомъ его высокому роду. Олавъ былъ послѣ въ знатныхъ чинахъ, служилъ во многихъ походахъ при Владимірѣ и наконецъ отпущенъ съ честію и награжденіемъ въ отечество.

Изъ сего произшествія примѣтны только нѣкоторыя узаконенія въ древней Россіи, какъ помянуто о чужестранцахъ государскаго рода и о смертоубійствѣ: узаконенія на политикѣ и

естествѣ основанныя. Но являющіеся совѣты Владиміровы, то есть, собранія старцевъ и бояръ, при разныхъ случаяхъ, какъ будетъ описано, даютъ разумѣвать притомъ и другія законоданія, нужныя къ государственному благоустроенію. Владиміръ весьма уважалъ мнѣнія нѣкоторыхъ мужей, отличныхъ достоинствами и сѣдиною, споручницею многихъ въ жизни опытовъ. Выборомъ же таковымъ государственныхъ попечителей (боляръ, или бояръ), чтимыхъ въ народѣ, онъ привлекалъ къ себѣ довѣренность и любовь отъ первыхъ до послѣднихъ такъ, что народъ, при самыхъ великихъ перемѣнахъ и узаконеніяхъ, доброхотно повиновался волѣ князя и бояръ своихъ, говоря: «Если бы то было худо, князь и бояре бы не приговорили».

Владиміръ, въ самомъ стремленіи гнѣва, не былъ изъ числа жестокосердыхъ, не умягчающихся ни просьбою, ни покорностью, ни жалостью. Слѣдующій примѣръ являетъ, что милость господствовала въ душѣ его и превозмогала мщеніе.

Рогнеда, о которой выше упомянуто, нареченная въ супружествѣ за Владиміромъ Гореслава, не могла принудить себя любить искоренителя своего рода, разорителя отечества, наглаго своего похитителя почти изъ рукъ предназначеннаго супруга и, наконецъ, смерти его виновника. Всѣ сіи несчастія, приключенныя Владиміромъ, всегда живо изображались въ ея памяти. А къ тому она была удостовѣрена, что Владиміръ не имѣлъ къ ней толь нѣжной любви, какая могла

бы наградить его жестокости; но, напротивъ того, онъ сослалъ ее въ Лебединъ, куда отъ времени до времени пріѣзжая, поступалъ съ нею господственно. Гореслава, во всегдашней печали, въ презрѣніи, въ неволѣ, почитала напослѣдокъ Владиміра злобнѣйшимъ своимъ врагомъ и мучителемъ. Огорченный разумъ внушаетъ ей способъ къ отмщенію, и отчаяніе, ожесточающее сердце, подаетъ смѣлость, несвойственную ея полу. Во время, какъ Владиміръ, пріѣхавъ къ ней, сномъ успокоевается въ сіе время, способное убійственному предпріятію, Гореслава вооружается кинжаломъ, возноситъ трепещущую руку на супруга, ей толико ненавистнаго; но Владиміръ въ самую сію минуту отъ сна пробуждается и отвращаетъ отъ себя смертоносное оружіе. Устрашенная Гореслава, безсильная въ мщеніи, изъявляетъ всѣ досады, тапвшіяся въ сердцѣ ея, укоряетъ Владиміра причиненіемъ всѣхъ ея бѣдствій, суровымъ къ ней презрѣніемъ и напослѣдокъ нелюбленіемъ сына ея, Изяслава, младенца, отъ него несчастную жизнь пріявшаго. Владиміръ, раздраженный еще болѣе таковыми укоризнами, повелѣваетъ ей облещись въ брачное одѣяніе, сѣсть на ложе въ свѣтломъ чертогѣ и тамо ожидать отъ руки его достойной себѣ казни. По видимому, сей образъ смерти почитался нѣкоторою милостію, въ разсужденіи супруги княжеской.

Гореслава исполнила повелѣніе Владимірово. Тогда Изяславъ, сынъ ея, увѣдомленный о произшествіи, сталъ съ мечемъ въ рукѣ возлѣ ма-

тери. Разгнѣванный князь, по вшествіи въ чертогъ, былъ пораженъ симъ зрѣлищемъ, и паипаче произнесенною рѣчью отъ младого Изяслава: «Отче», говорилъ онъ ему, «прими мечъ сей, и вонзи прежде въ сердце мнѣ, да не вижду смерти матери моей». Видъ сына и супруги, не столь виновной, сколь несчастной, побѣдилъ мщеніе, на которое Владиміръ тщетно уповалъ въ первомъ движеніи гнѣва. Онъ бросилъ мечъ и вышелъ изъ чертога съ угрызеніями совѣсти. Размысливъ же и ощутивъ несправедливости и огорченія, каковыя долженствовали ожесточить противу его Гореславу, собралъ совѣтъ старцевъ и бояръ, которымъ изъявилъ бывшее съ нимъ приключеніе и свое раскаяніе; а сіи охотно, подражая великодушнымъ чувствованіямъ своего государя и отступая отъ древнихъ варварскихъ мнѣній, оправдали болѣе Гореславу, нежели Владиміра. Они приговорили князю возобновить ея отечество, и отослать ее на удѣлъ съ сыномъ. Сіе ихъ мнѣніе, сходственное съ мыслями Владиміровыми, произведено было въ дѣйство. Онъ построилъ тамъ городъ, и нарекъ его по имени Изяслава, своего сына.

Разныя же побѣды Владиміровы надъ внѣшними и внутренними непріятелями, и распространенныя россійскія области содѣлали имя его толико славнымъ на Востокѣ и Западѣ, что многіе 986.
государи присылали къ нему посольства, каждый желая утвердить союзъ съ симъ княземъ и привлечь его въ свою вѣру.

Нѣтъ сомнѣнія, что Владиміръ внутренно отдаленъ былъ отъ идолопоклонства, какое онъ возставилъ въ своихъ владѣніяхъ, или ради обузданія дикаго народа какимъ ни есть закономъ, или ради пріученія его къ послушанію вѣры; онъ искалъ источника истиннаго ученія и разума, который напослѣдокъ разлился на всѣ страны, ему подвластныя. Ясно же видится, что самые чужеземцы вѣдали презрѣніе его къ кумирамъ и склонность къ истинному Богопочитанію, безъ чего не отважились бы предлагать ему о премѣненіи его вѣры на ту, какую кто изъ нихъ исповѣдывалъ.

Первые явились Болгары, изъ живущихъ на низу Волги и содержавшихъ вѣру Магометанскую. Они представили россійскому князю разныя прелести Магометова ученія, позволяющаго многоженство и прочее, но питіе вина запрещающаго. Ему весьма нравилось дозволеніе имѣть многихъ супругъ: ибо Владиміръ, подобно Соломону, женолюбивъ былъ безмѣрно; но вино, весслящее сердце человѣка, главное услажденіе его народа, казалось ему также нужно. И такъ не восхотѣлъ принять вѣры, которая лишаетъ человѣка свободы пить по своему произволенію.

Потомъ пріѣзжали къ Владиміру посланные отъ папы, и къ римско-католицкому исповѣданію его привлекали. Но вѣра ихъ являлась ему весьма противною обычаямъ въ Россіи; почему они отпущены были съ отказомъ, какъ и первые.

Жиды, изъ Козарской области, предстали так-

же къ Владиміру и увѣщевали его принять законъ ихъ, понося Вѣру Христіанскую. Владиміръ вопросилъ ихъ, гдѣ имѣютъ они область? И какъ они отвѣтствовали, что нигдѣ земли своей не имѣютъ, а живутъ въ разсѣяніи по вселенной, за прегрѣшенія отцевъ своихъ, то россійскій князь отпустилъ ихъ съ сими жестокими словами: «Если вы за прегрѣшенія отъ Бога отвержены и по чужимъ землямъ скитаетесь: то какъ смѣете приглашать насъ къ участію въ вашихъ гибеляхъ?»

Напослѣдокъ, присланъ былъ къ Владиміру отъ Грековъ философъ, именуемый Кириллъ (или Киръ). Сей, представивъ ему заблужденія Магометовы, мудрованія Латинянъ и невѣрствіе Іудеевъ, привлекъ вниманіе его къ ученію вѣры греческой. Повѣствованія Ветхаго и Новаго Завѣта, въ устахъ философа, воспріяли новую важность, и сердце Владимірово наполнилось сладостнымъ вліяніемъ словесъ Божественныхъ. Ищущій закона, князь ощутилъ дѣйствіе истины, вѣщаемой гласомъ премудрости, но не могъ приступить ко крещенію, не испытавъ и не приготовивъ къ тому разумы вельможъ и народа; почему, отложивъ оное до нѣкотораго времени, отпустилъ философа съ великими дарами и честію.

Владиміръ не умедлилъ потомъ собрать старцевъ и бояръ своихъ, которымъ повѣдалъ вину упомянутыхъ посланій и склонность свою къ вѣрѣ греческой, утверждаясь на сказаніяхъ философовыхъ. Тогда старцы и бояре рекли князю: «Да испытаетъ собою и увѣдаетъ истину; ибо ни-

кто не хулитъ своего закона, но проповѣдуетъ святость онаго».

Сомнѣніе и осторожность бояръ были надежными признаками исполненія желаній Владиміровыхъ; ибо не находилъ онъ отъ совѣта себѣ въ томъ другого противорѣчія. И такъ, по общему приговору, опредѣлено было отправить искуснѣйшихъ и благоразумнѣйшихъ мужей къ Болгарамъ, Латинянамъ и Грекамъ, для разсмотрѣнія вѣръ ихъ, и для подробнаго донесенія о томъ напослѣдокъ Владиміру.

937. Избранные къ сему послы скоро въ путь отправляются, обтекаютъ Болгарію, шествуютъ въ Римъ и напослѣдокъ прибываютъ въ Константинополь, къ императорамъ Василію и Константину. Они повѣдаютъ имъ вину своего посланія, съ радостію пріемлются отъ сихъ монарховъ и приглашаются въ храмъ правовѣрныхъ къ Божіему славословію. Тогда патріархъ самъ является въ торжественномъ чинѣ Богослуженія. Велелѣпіе святыни, сладкое пѣніе, соборъ богослужителей съ истиннымъ благоговѣніемъ, и все окружающее плѣняетъ взоръ и слухъ пословъ россійскихъ и восхищаетъ мысли ихъ къ Богу, Котораго они познать желаютъ. И такъ они, наполненные духомъ благочестія, возвращаются отъ императоровъ съ дарами и пріязнію въ отечество.

Представъ же предъ князя, старцевъ и бояръ кіевскихъ, послы извѣстили имъ вначалѣ видѣнное и слышанное у Болгаръ и въ Римѣ, гдѣ они не находили достойнаго Богу служенія; наконецъ

изобразили вѣру греческую съ похвалою, столь усердною, что просили Владиміра дозволить имъ принять оную и жить въ Константинополѣ. Старцы и бояре отложили тогда сомнѣніе о превосходствѣ Христіанской Вѣры надъ прочими, и тако рекли Владиміру: «Когда бы худъ былъ законъ греческій, не воспріяла бы его бабка твоя, Ольга, всѣхъ человѣкъ мудрѣйшая». Потомъ всѣ воскликнули, что они готовы къ крещенію, гдѣ благоволитъ Владиміръ. Не доставало только священнаго чина къ усыновленію ихъ Апостольской Церкви.

Владиміръ, сохраняя еще остатокъ языческаго тщеславія, не хотѣлъ выпрашивать духовныхъ особъ у константинопольскихъ императоровъ, но вознамѣрился пріобрѣсть ихъ, яко побѣдитель, и гордость героя низложить предъ сосудомъ святого крещенія и сего дѣйствителемъ. Того ради, собравъ великое войско, пошелъ на Таврикію (Крымъ), взялъ Ѳеодосію (Кафу), а оттуда слѣдовалъ къ древнему Херсону (Корсуну) и сталъ на лучный выстрѣлъ отъ онаго. Онъ требовалъ сдачи сего осажденнаго города; но жители, имѣя сильное охранительное войско, свободную морскую пристань и надежду къ полученію всегдашней помощи, не склонялись на требованіе.

Тогда россійскій князь повелѣвалъ воинамъ своимъ насыпать городской ровъ землею, дабы устроить себѣ свободный путь къ приступу. Между тѣмъ осажденные, подкопавшись подъ

стѣну, къ тому мѣсту, гдѣ сія работа происходила, переносятъ по ночамъ землю въ городъ, по мѣрѣ ея насыпанія отъ осаждающихъ, трудъ ихъ тщетнымъ содѣлываютъ, и уже шесть мѣсяцевъ осада безъ успѣха продолжается.

Владиміръ имѣлъ причины щадить жителей, къ которымъ онъ пришелъ научиться христіанскому миролюбію, и преклоняя осажденныхъ страхомъ оружія, не упустилъ, какъ видится, употребить къ тому способъ увѣреній, въ каковыхъ онъ всегда былъ счастливъ. Херсонскій протопресвитеръ, именуемый Анастасъ, подвигнутый усердіемъ къ россійскому князю, ищущему просвѣщенія, и дабы прекратить долговременную осаду, весьма изнурительную для города, пустилъ въ станъ россійскій стрѣлу, такъ, что она пала возлѣ шатра княжескаго. На стрѣлѣ сей являлось нѣкое написаніе; оно немедленно было истолковано и содержало слѣдующее: «Позади твоего стана, на восточной сторонѣ, обрящешь источники, изъ копхъ подземными трубами протекаетъ прѣсная вода, напояющая городъ: пресѣки ихъ теченіе». Таковое ревностное извѣщеніе впечатлѣло въ сердцѣ Владиміровомъ сію истину, что добродѣтели государей, повсюду, гдѣ только слава ихъ проникнуть можетъ, въ войнѣ и въ мирѣ, содѣлываютъ имъ споспѣшниковъ.

И такъ, Владиміръ немедленно повелѣваетъ пресѣчь означенныя водныя трубы. Тогда Херсонскіе жители, лишенные нужнѣйшаго къ жизни способа, безъ сопротивленія сдаются. Побѣ-

дитель съ войскомъ вступаетъ въ городъ, гдѣ привлекаетъ къ себѣ людей не страхомъ и суровостью, но снисхожденіемъ, кротостью и милосердіемъ. По взятіи же Херсона, покоряется Владиміру и вся Таврикія.

Потомъ Владиміръ отправилъ пословъ къ Василію и Константину, греческимъ императорамъ, просить у нихъ себѣ въ супружество сестру ихъ, цесаревну Анну, пребывавшую тогда дѣвою. Императоры отвѣтствовали, что они, яко Христіане, не могутъ отдать сестры своей за идолопоклонника, но съ радостію согласятся на его желаніе, если онъ приметъ крещеніе. На сіе Владиміръ послалъ объявить императорамъ, что онъ, получивъ уже довольное понятіе о Христіанской Вѣрѣ отъ философа ихъ, Кирилла, предупредилъ желаніемъ своимъ ихъ требованіе, и что въ семъ точно намѣреніи взялъ Таврикію, дабы тамъ просвѣтиться Свѣтомъ Евангельскимъ; но проситъ къ тому императоровъ привести самимъ, или прислать къ нему прежде цесаревну, дабы она имѣла удовольствіе присутствовать при торжествѣ всѣхъ принадлежащихъ ей побѣдъ надъ богами и сердцемъ его. Посему, вопрошенная отъ императоровъ цесаревна, вначалѣ хотя отрицалась ѣхать къ некрещенному князю, по предразсужденію, какое Греки имѣли о государяхъ языческихъ; но напослѣдокъ, бывъ убѣждена духовными и политическими причинами, согласилась на предложеніе, и въ немедленномъ времени, къ великому обрадованію Владиміра и херсонскихъ жителей,

прибыла на корабляхъ, съ приличнымъ великолѣпіемъ, въ сей городъ.

Владиміръ не укоснилъ потомъ очиститься отъ слѣпоты душевной, помрачавшей разумъ его въ идолослуженіи: воспріялъ благодать Святаго Крещенія въ соборной церкви, чрезъ епископа херсонскаго; а по его примѣру крестились не только всѣ бывшіе при немъ Россіяне, но и князь печенѣжскій Метеганъ, тогда къ нему пришедшій. Торжество же крещенія Владимірова усугублено было радостнымъ для всѣхъ бракосочетаніемъ его съ цесаревною Анною, которая, привлекши всю расточенную любовь его къ единому достойному предмету, легко полезными своими совѣтами обращала ко всякому благотворенію чувствительное его сердце.

Константинопольскіе императоры, извѣщенные чрезъ пословъ отъ Владиміра о его крещеніи и бракѣ, прислали, по просьбѣ его, при взаимномъ къ нему посольствѣ, митрополита Михаила, родомъ Сирина. Сей былъ первый митрополитъ въ Россіи.

По союзу же съ сестрою императоровъ, Владиміръ, уставивъ твердый миръ съ ними, возвратилъ имъ Херсонъ и всю Таврикію; взялъ только изъ сего города мощи святого Священномученика Климента и ученика его, Фива, церковныя книги, всякія священныя утвари, протопресвитера Анастаса и другихъ духовнаго чина людей, съ которыми отправился въ Россію, уже не въ образѣ

прежняго идолочтителя, но яко государь-христіанинъ.

По возвращеніи своемъ въ Кіевъ, Владиміръ, увѣщевавъ народъ свой къ воспріятію жизнодательной Вѣры, разорилъ капища, низвергъ идоловъ; Перуна же, главнаго бога, повелѣлъ бить палицами и потомъ низринуть въ Днѣпръ, дабы народъ удостовѣрился въ тщетномъ своемъ упованіи на идола, который самъ себѣ помощи подать не можетъ. Тогда митрополитъ Михаилъ основалъ на берегу, гдѣ Перунъ былъ сверженъ, первый въ Россіи монастырь во имя *Архистратига Михаила*, именованный *Златоверхій*, уподобляя низверженіе идола древнему низверженію діавола отъ сего Архангела: и вскорѣ народъ отложилъ вѣру къ прежнимъ богамъ своимъ.

Между тѣмъ Владиміръ повелѣлъ всѣмъ Кіевлянамъ собраться въ опредѣленный день на рѣку Почайную для крещенія. Народъ любилъ сего князя съ толикою къ нему довѣренностію, что безъ роптанія и съ удовольствіемъ исполнялъ его волю, разсуждая по обыкновенію своему: «Если бы то было худо, князь и бояре бы не приговорили». Уготовлены были на рѣкѣ по разнымъ мѣстамъ плоты, на которыхъ, въ надлежащее время, явились священники для совершенія таинства Святого Крещенія, и всѣ стеклись къ воспріятію онаго. Вельможи, чиновники, воины и граждане, богатые и убогіе, старые, юные и младенцы, мужескъ и женскъ полъ всякаго состоянія, по повелѣнію княжескому, вступили въ

воду, и по кучамъ, пріемля имена святыхъ угодниковъ, всѣ крещены были.

Въ то же время митрополитъ самъ крестилъ всѣхъ двѣнадцать сыновъ Владиміровыхъ въ ближнемъ ручьѣ, который отъ сего применованъ Крещатикомъ. Ярославъ нареченъ Георгіемъ, Борисъ Романомъ, Глѣбъ Давыдомъ; прочихъ же христіанскія имена не извѣстны.

Ученіе вѣры человѣколюбной вліяло въ сердце Владимірово добродѣтели, соединенныя съ сею вѣрою. Жестокоправіе его, принятое отъ дикаго воспитанія и примѣровъ, премѣнилось въ кротость христіанскую; мстительныя чувствованія уступили мѣсто великодушію; твердость въ честныхъ правилахъ послѣдовала своеобычному упрямству самодержателя; напослѣдокъ власть его содѣлалась всѣмъ благотворительною. Владиміръ распустилъ всѣхъ своихъ супругъ и наложницъ, давъ имъ великія награжденія, и многихъ изъ нихъ выдалъ въ христіанское супружество за знатнѣйшихъ людей въ своемъ княженіи; началъ созидать повсюду храмы служенія Богу истинному, и первый воздвигъ на холму, гдѣ прежде стоялъ Перуновъ идолъ, то есть, церковь Спаса, яко нѣкій трофей во знакъ побѣды благочестія надъ зловѣріемъ. Для сооруженія же великолѣпнѣйшаго храма въ честь Пресвятыя Богородицы, выписалъ изъ Греціи каменщиковъ и искуснѣйшихъ художниковъ, препоручивъ смотрѣніе надъ симъ зданіемъ протопресвитеру Анастасу, и отдавъ туда же всѣ драгоцѣнныя утвари церков-

ныя, изъ Херсона привезенныя. Притомъ опредѣлилъ навсегда десятую часть своихъ доходовъ къ сей церкви, потому названной *Десятинной*; а по окончаніи зданія, перенесъ туда тѣло бабки своей, блаженной Ольги, и вписалъ память ея между святыми; поставилъ главнымъ священнослужителемъ сего храма того же Анастаса протопресвитера; опредѣлилъ вѣдать духовныя дѣла, по сборнымъ уставамъ, духовному чину, и написалъ грамоту, утверждающую его княжескіе обѣты, которую положилъ въ сію церковь подъ заклятіемъ, чтобъ никто изъ преемниковъ его не нарушалъ оной. И такъ, можно думать, что при Владимірѣ были и гражданскіе законы написанные.

Нужно было тогда угобзить пиву Божественнаго сѣянія тукомъ премудрости, почерпаемой въ Священномъ Писаніи. Того ради Владиміръ завелъ въ Кіевѣ училища, для наученія юношества славяно-россійской грамотѣ и закону христіанскому. Грубость и невѣжество возстенали отъ слуха истины, ихъ поражающей, и многія матери вначалѣ плакали о дѣтяхъ своихъ, просвѣщаемыхъ ученіемъ, подобно какъ о умершихъ; но вскорѣ возчувствовали пользу причиненнаго имъ насилія.

Во время же, какъ въ Кіевѣ насаждаемо было благочестіе и добронравіе, Владиміръ отправилъ митрополита Михаила въ Новгородъ и другія области россійскія, для обращенія народа къ единой Православной Вѣрѣ, которая, тщаніемъ сего священнаго мужа, во всѣхъ мѣстахъ съ равнымъ

успѣхомъ была проповѣдуема Сей Михаилъ и послѣдовавшій по немъ митрополитъ Леонтій были въ Россіи первыми орудіями Евангельскаго просвѣщенія, строя повсюду церкви и поставляя священниковъ и епископовъ ко стаду новопросвѣщенныхъ, требующихъ пастырей.

Владиміръ, распространяя вѣру, прилагалъ равное попеченіе и о всякомъ государственномъ благоустроеніи Онъ населилъ пространныя степи вокругъ Кіева разными народами; а тѣмъ пріумножилъ силы государственныя, открылъ свободные пути торговлѣ и содѣлалъ преграду частымъ непріятельскимъ набѣгамъ на россійскія земли. Притомъ построилъ множество городовъ по рѣкамъ: Деснѣ, Трубежѣ, Сулѣ и по другимъ;
989. между прочими, Бѣлгородъ, который онъ любилъ отлично. Ѣздивъ же въ Суздальскую землю, тамъ
991. построилъ, неподалеку отъ Суздаля, также городъ, славный въ послѣдствіи, и нарекъ оный по своему имени, Владиміръ. Въ сей странѣ онъ самъ, съ двумя бывшими при немъ греческими митрополитами, проповѣдалъ Христіанскую Вѣру и насадилъ ея ученіе, тогда уже по всей Россіи распространившееся. Онъ посылалъ нѣкоего Философа Марка Македонянина и къ Болгарамъ, содержащимъ законъ магометанскій, о коихъ было упомянуто; но сіи не познали душеспасительной истины и остались въ прежнемъ заблужденіи. Четыре только изъ князей ихъ пріѣхали къ Владиміру въ Кіевъ и тамъ крестились. Между тѣмъ одинъ изъ печенѣжскихъ князей, именуе-

мый Кучугъ, принялъ также въ Кіевѣ Христіанскую Вѣру, вступилъ въ службу россійскаго князя и храбростью своею оказалъ въ войнѣ противу невѣрныхъ важныя ему услуги.

Около сего времени папа Іоаннъ XV присылалъ къ Владиміру пословъ, кои тогда не смѣли уже преклонять сего князя къ римскому католицкому исповѣданію, видя твердое его прилѣпленіе къ Вѣрѣ Греческой. И тогда Преподобный Антоній Кіевопечерскій, родомъ Любичанинъ, явился въ Россію, свое отечество, изъ Аѳонской горы, гдѣ онъ воспріялъ иноческій образъ. Пришедъ же къ Кіеву и не возлюбивъ общежитія въ тамошнихъ монастыряхъ, сперва отшелъ къ Берестову и вселился въ пещеру, ископанную Варягами близъ сего города. Тамъ пребывалъ онъ по время Святополкова княженія въ Кіевѣ; а тогда паки удалился на время въ Аѳонскую гору.

Владиміръ, расширитель границъ, насадитель истинной Вѣры, созидатель городовъ, устроитель областей, мнилъ притомъ исполнить долгъ отца чадолюбиваго раздѣленіемъ Россіи на части сыновьямъ своимъ; и можетъ быть, что противныя тому политическія разсужденія, подкрѣпляемыя недавнимъ примѣромъ князей, его братьевъ, безсильны были премѣнить тогдашній обычай таковыхъ раздѣловъ. Онъ далъ каждому особое удѣльное княженіе: Вышеславу Новгородъ, Изяславу Полоцкъ, Ярославу Ростовъ, а по смерти Вышеславовой Новгородъ, Всеволоду Владиміръ, Святополку Туровъ, Святославу Коростенъ, Мсти-

славу Тмутаракань (Астрахань), Борису Ростовъ, по переведеніи оттуда Ярослава въ Новгородъ, Глѣбу Муромъ, Позвизду Смоленскъ, Судиславу Псковъ. Но сіи удѣльныя княженія, вначалѣ подсудныя Кіевскому, потомъ мало по малу воспріимали каждое особый образъ правленія, по произволу князей своихъ.

Присемъ, когда Владиміръ упражнялся въ исполненіяхъ разныхъ своихъ намѣреній, Печенѣги, отъ времени до времени, не преставали набѣгами своими безпокоить Россію, наипаче въ отсутствіе его изъ Кіева, хотя всегда были побѣждаемы и прогоняемы. Владиміръ, послѣ счастливаго
992. похода на Хорватовъ, отъ него напослѣдокъ побѣжденныхъ, принужденъ былъ паки выступить въ поле противу нашедшихъ на его земли Печенѣговъ. Онъ встрѣтился съ ними у рѣки Трубежи на бродѣ. Оба войска, раздѣленныя рѣкою, стояли безъ дѣйствія; ни которое не отважилось идти въ бродъ на другую сторону къ непріятелю. Наконецъ, печенѣжскій князь предложилъ Владиміру, вмѣсто кровопролитной сѣчи двухъ сильныхъ войскъ, выслать отъ каждаго по единому борцу; и если побѣдитъ Печенѣгъ Россіянина, то Печенѣгамъ довольствоваться три года даньми отъ Россіи; если же счастливъ будетъ послѣдній, то имъ три года не воевать противу оной. Владиміръ принялъ за благо сіе предложеніе, но истребовалъ нѣсколько дней сроку: ибо не былъ приготовленъ къ таковому случаю и не вѣдалъ, есть ли у него въ войскѣ богатыри, способные къ

побѣжденію высылаемаго отъ Печенѣговъ, котораго великое тѣло и страшный видъ приводили въ ужасъ дотолѣ многихъ представленныхъ ему соперниковъ. Объявлено было съ трубнымъ гласомъ въ войскѣ Владиміровомъ, что если кто найдется богатырь, могущій браться съ Печенѣгомъ, тотъ явился бы ко своему князю, обѣщающему побѣдителю всякія милости и награжденія. Но всѣ страшились сего новаго Голіафа, и долго никто не являлся на вызовъ. Уже князь начиналъ отчаяваться въ обрѣтеніи искомаго, и былъ погруженъ въ уныніи; тогда предсталъ предъ него нѣкій старый воинъ, служащій въ войскѣ его съ четырьмя сынами, и тако вѣщалъ Владиміру: «Государь! жизнь моя и дѣтей моихъ принадле-«житъ отечеству. Во младости моей не отрекся «бы я самъ сразиться съ гордымъ и страшнымъ «исполиномъ, вызывающимъ нынѣ отъ Россіянъ «себѣ соперника; но нагбенная старость, въ из-«неможеніи силъ, представляетъ къ услугамъ тво-«имъ единое только усердіе. Я и дѣти мои, слу-«жащіе нынѣ въ полкахъ твоихъ, готовы сра-«жаться съ самыми ужасными чудовищами за сла-«ву и честь Россіи; однако я болѣе ожидаю у-«спѣха отъ младшаго моего сына, въ домѣ моемъ «оставленнаго. Во свидѣтельство силы его могу «представить тебѣ, государь, опыты, мною ви-«дѣнные. Сей юный сынъ мой, нѣкогда, по ре-«меслу своему, выкраивая ремни, потянулъ въ «рукахъ небрежно воловью кожу и разодралъ на-«двое.»

Владиміръ, исполненъ радостію отъ сего извѣщенія, послалъ гонцовъ за младымъ ремелщикомъ, который вскорѣ представленъ былъ предъ князя. Сей не имѣлъ ни великаго роста, ни звѣрскаго вида ужасающаго; но въ видѣ его блистали вѣрность, надежда, побѣда, съ жаромъ смѣлой юности. На опытъ силы его выпущенъ былъ наивеличайшій дикій волъ, горячимъ желѣзомъ разъяренный: отъ свирѣпости его и страшнаго рева содрогнулись всѣ зрители. Младой воинъ съ легкостью, стрѣлѣ подобной, устраняется отъ стремящагося на него звѣря, останавливаетъ его, ухвативъ рукою за бокъ, отторгаетъ нѣсколько ребръ отъ тучнаго его тѣла, и едва живого отъ себя бѣжать пускаетъ.

По таковомъ испытаніи, Владиміръ далъ знать Печенѣгамъ, чтобъ они выслали въ уреченное мѣсто и время своего витязя. Оба войска долженствовали присутствовать при семъ сраженіи, и стали по двумъ сторонамъ въ виду богатырей, сошедшихся на срединѣ. Грозный Печенѣгъ, увидѣвъ малый ростъ и юность лѣтъ бойца, противъ него высланнаго, презиралъ сего соперника и смѣялся его смѣлости. Но Россіянинъ, не взирая на угрозы великотѣлеснаго своего непріятеля, подступаетъ къ нему безстрашно. Тщетно гордый исполинъ сильными размахами чаетъ поразить юношу: сей уклоняется отъ пораженій и легкою ухваткою подъемлетъ своего сопротивника, ударяетъ о землю, потомъ, схвативъ поверженнаго за гортань, сжимаетъ толь крѣпко,

что принуждаетъ его извергнуть духъ въ рукахъ своихъ. Тогда Печенѣги, видя позорное побѣжденіе богатыря, отъ нихъ представленнаго, со стыдомъ побѣжали, и три года въ послѣдствіи не воевали Россію.

Владиміръ, любя награждать заслуги и воздавать честь достоинствамъ, напменовалъ сего витязя *Переяславомъ*, яко переявшаго славу у Печенѣговъ; обогатилъ и произвелъ въ знатные чины весь родъ его; въ память же побѣды, на мѣстѣ оныя построилъ городъ, назвавъ его по имени побѣдителя Переяславлемъ.

По прошествіи трехъ лѣтъ, Печенѣги паки 996.
вступили въ Россію и осадили городъ Василевъ. Владиміръ, вознадѣясь на храбрость войскъ своихъ, отважился съ малымъ числомъ пойти противу сихъ непріятелей, кои всегда отъ него были побѣждаемы. Но онъ собственнымъ несчастіемъ извѣдалъ тогда чрезмѣрность своего упованія. Печенѣги легко разбили малое его войско; онъ самъ былъ раненъ и едва спасъ жизнь, укрывшись подъ мостомъ. Непріятели не отважились простирать далѣе свои побѣды; но Владиміръ почиталъ за счастіе возвращеніе свое въ отечество.

Сей государь уставилъ послѣ въ Кіевѣ великолѣпныя пиршества, кои всегда при дворѣ его были возобновляемы. Къ симъ частымъ веселіямъ приглашалъ онъ не только князей, вельможъ, чиновниковъ, но и людей всякаго состоянія; причемъ находилъ случаи помогать бѣднымъ разны-

ми образами. Человѣколюбіе его простиралось и на тѣхъ, кои, за болѣзнію или за другими причинами, не могли приходить къ празднествамъ его. Онъ повелѣлъ возить по улицамъ яства и питія и раздавать требующимъ: казалось, что каждый тогда раздѣлялъ съ государемъ своимъ его богатство и изобиліе.

Нѣкогда Кіевляне, упоенные на пиру у своего князя, возроптали: почто кладутъ имъ деревянныя ложки, а не серебряныя? Многіе изъ придворныхъ почли сіи жалобы дерзновенными; но Владиміръ, привлекая всячески въ любовь къ себѣ подданныхъ, тако вѣщалъ къ вельможамъ: «Сребро и злато потому только мнѣ драгоцѣнны, «что могутъ служить ко удовольствію друзей «моихъ. Я съ ними пріобрѣлъ богатства, съ ни«ми всегда могу пріобрѣсть ихъ; хранимыя же «сокровища не дадутъ мнѣ толь вѣрныхъ друзей, «соучаствующихъ въ моихъ трудахъ и несча«стіяхъ.» И тотчасъ повелѣлъ ковать серебряныя ложки, кубки, чашки и прочее, для всѣхъ гостей своихъ, которые послѣ не имѣли уже причины негодовать на недостатокъ при столахъ великолѣпія, каковое въ тѣ времена употребляли только знатнѣйшіе люди.

При сихъ торжествахъ человѣколюбія, благопріятныя всѣхъ угощенія привлекли ко двору кіевскаго государя многихъ королевичей, князей и всякаго рода храбрыхъ витязей, кои всѣ ставили себѣ въ честь служить подъ его знаменами и оказывали ему важныя услуги въ разныхъ слу-

чаяхъ. Тотда появились въ Россіи славные богатыри и рыцари, каковы Мальфредъ Сильный, Александръ Поповичъ, Иванъ Ушмовецъ, Илья Муромецъ, Рахтай Удалой, который одинъ выѣзжалъ на триста воиновъ, и прочіе извѣстные въ древнихъ россійскихъ повѣстяхъ, украшенныхъ чудными вымыслами и странными наименованіями героевъ того времени.

Но поколику самые полезные уставы подвержены злоупотребленію, и общее счастіе распространяется часто на людей неблагодарныхъ; то человѣколюбіе и снисхожденіе Владимірово содѣлалось нѣкоторымъ поводомъ къ злодѣйственному устремленію многихъ въ народѣ тунеядцевъ, обуявшихся піянствомъ и праздностью. Во многихъ мѣстахъ тогда появились разбойники и востревожили тишину и безопасность жителей. Христіанская кротость Владимірова долго сопротивлялась правосудію, требующему казни злодѣевъ. Напослѣдокъ духовный соборъ прислалъ къ князю моленіе, да накажетъ злыхъ праведнымъ гнѣвомъ и прещеніемъ, къ успокоенію мирно живущихъ; и да не втуне сіи уповаютъ на милость и судъ его, яко гибель единаго злодѣя спасетъ многихъ невинныхъ. Владиміръ не усомнился тогда употребить строгость для усмиренія необузданныхъ, и вскорѣ разбои прекращены были.

Сей государь, возставивъ внутреннюю тишину въ своемъ владѣніи, желалъ утвердить и внѣшнюю его безопасность, отъ стороны Печенѣговъ, всегдашнихъ своихъ непріятелей. Несчастіе на-

учило его подкрѣплять храбрость числомъ; почему онъ отправился прежде въ Новгородъ, дабы тамъ собрать лучшее войско, и послѣ съ умноженною силою идти внутрь земли Печенѣжской. Но Печенѣги, увѣдавъ объ отсутствіи Владиміровомъ, предупредили его намѣреніе. Они вступили съ другой стороны въ Россію, осадили новопостроенный Бѣлгородъ; и какъ не были искусны въ осадѣ городовъ, то предприняли, окруживъ оный, принудить къ сдачѣ голодомъ. Бѣлгородцы, безъ надежды къ помощи, предупреждая послѣдующую гибель, совѣщавались уже сдать городъ. Въ сей крайности, нѣкто почтенный старецъ испросилъ согражданъ своихъ, чтобъ они имѣли три дня еще терпѣнія и не сдавались. Тѣмъ временемъ онъ велѣлъ собрать довольно пшеничной, ржаной и овсяной муки, сдѣлать въ чанахъ кисельный растворъ, притомъ набрать меду и развести въ другихъ чанахъ сыту; оба же раствора особо впустить въ разные ископанные для сего колодези, чрезъ проведенныя къ нимъ подземныя трубы, такъ чтобъ сіи колодези могли наполняться, но мѣрѣ изъ нихъ черпанія. Когда же все сіе было изготовлено, онъ послалъ къ Печенѣгамъ просить отъ нихъ въ городъ повѣренныхъ для договоровъ, дая отъ себя имъ залоги. Печенѣги, скучившіе отъ долговременнаго стоянія въ полѣ и въ чаяніи, что Бѣлогородцы желаютъ сдаться, послали къ нимъ знатнѣйшихъ мужей своихъ. Осажденные представили тогда посланнымъ, сколь тщетно они уповаютъ

принудить къ сдачѣ городъ, котораго жители получаютъ изъ колодезей своихъ всегда довольную себѣ пищу: во удостовѣреніе же при нихъ черпали растворъ, варили кисель, потомъ съ сытою отъ другого колодезя ѣли, и Печенѣговъ тѣмъ подчивали. Сіи дикіе люди, питающіеся мясами въ полѣ и невѣдущіе хлѣбной пищи, похваляя вкусъ предлагаемый, легко дались въ обманъ и испросили отпустить съ ними, для показанія своимъ начальникамъ, нѣсколько сего земного дара. Свидѣтельство посланныхъ, самовидцевъ таковыхъ колодезей, совершенно увѣрило печенѣжскихъ князей о невозможности овладѣть городомъ; почему сіи за благо разсудили отступить и оставить безполезную осаду жителей, которые имѣютъ счастіе владѣть толь сладкими и питательными источниками.

Владиміръ, возвратясь изъ Новогорода, повидимому, упражнялся въ другихъ важныхъ дѣлахъ; ибо въ Исторіи не повѣствуется объ исполненіи предпріятаго имъ похода въ землю Печенѣжскую. Чрезъ нѣсколько же времени Владиміръ отправился па Дунай въ Переславецъ: и въ его отсут- 1000.
ствіе Володарь, князь половецкій, забывъ оказанныя ему отъ сего государя благодѣянія, пришелъ съ войскомъ къ Кіеву. Тогда храбрый витязь Александръ Поповичъ, вышедъ ночью изъ города, съ малымъ числомъ себѣ подобныхъ воиновъ, разбилъ Половцовъ и самого Володаря убилъ. А за сію услугу Владиміръ, по возвращеніи, произвелъ его въ достоинство вельможи и,

въ знакъ отличности, возложилъ на него златую гривну.

Въ слѣдующемъ году тотъ же Александръ Поповичъ, совокупно съ Иваномъ Ушмовцемъ, одержалъ славныя побѣды надъ Печенѣгами и ихъ весьма обезсилилъ. Онъ убилъ нѣкотораго ихъ богатыря, разбилъ ихъ войско и князя ихъ, Родмана, съ тремя сынами, привелъ плѣнными къ Владиміру.

При сихъ произшествіяхъ присланы были ко Владиміру отъ многихъ государей посольства, какъ то: отъ Стефана Перваго короля венгерскаго, Болеслава Третьяго короля богемскаго, Болеслава Перваго короля польскаго, папы Сильвестра Второго и другихъ государей, кои всѣ желали вступить съ нимъ въ союзъ и дружелюбіе. Россійскій князь, съ своей стороны, посылалъ также пословъ къ разнымъ дворамъ европейскимъ, частію для установленія союзовъ съ народами, частію же для разсмотрѣнія и описанія ихъ законовъ, нравовъ и обычаевъ, и для введенія полезныхъ и похвальныхъ въ Россію отъ всѣхъ областей.

Между тѣмъ, недавно насажденная въ Россіи Христіанская Вѣра развращаема была ересью нѣкоего монаха Андреяна, который дерзалъ отвергать поклоненіе иконамъ, іерархію и уставы церковные. Но тогдашній въ Кіевѣ митрополитъ Леонтій, осудивъ его соборомъ, заключилъ въ темницу, а потомъ кроткимъ увѣщаніемъ обратилъ на путь истинный.

Напослѣдокъ, при самой жизни Владиміровой оказались уже несчастныя слѣдствія раздѣловъ, отъ которыхъ и самая его верховная и отеческая власть оскорблена была неблагодарнѣйшимъ поступкомъ сына его, Ярослава. Сей, получивъ въ удѣлъ Новгородъ, долженствовалъ платить возложенную на него дань, по двѣ тысячи гривенъ въ годъ отцу своему и по тысячѣ раздавать жалованья въ Новгородѣ; но онъ отрекся пла- 1014.
тить дань сію при старости Владиміровой. Тогда, огорченный и раздраженный непокорностью своего сына и сопротивленіемъ верховной власти, государь собралъ войско и, хотя отягченъ былъ бременемъ лѣтъ, однако вознамѣрился самъ идти усмирить преслушника, отъ него жизнь и власть получившаго. Между тѣмъ Ярославъ, увѣдавъ о намѣреніи отца своего, послалъ къ Варягамъ призвать ихъ къ себѣ въ помощь и изготовился къ сильному отраженію. Уже Владиміръ въ походъ выступилъ. Борисъ, отлично любимый сынъ его, привелъ къ нему полки свои, и уже совокупленныя ихъ силы дошли до Берестова; но въ семъ городѣ Владиміръ получилъ извѣстіе о новомъ нашествіи на Россію Печенѣговъ; почему принужденъ былъ раздѣлиться и послать Бориса для усмиренія сего безпокойнаго народа; самъ же, по отлученіи его, вскорѣ заболѣлъ и скончался въ Берестовѣ въ пятыйнадесять день Іюля. 1015.

Воеводы его, предупреждая слѣдствія каковыя могъ произвесть въ народѣ слухъ о его смерти, утаили оную на время и тѣло его скрытно от-

правили въ Кіевъ, гдѣ Святополкъ похитилъ тогда правленіе. Но когда тѣло Владимірово тамъ внесено было въ церковь Десятинную, имъ созданную, то весь народъ притекъ, съ воплемъ и рыданіемъ, достойно ублажить память мудраго, храбраго, благочестиваго, правосуднаго, человѣколюбиваго, милостиваго Владиміра, и такъ какъ бы предчувствуя, оплакивалъ уже будущія свои несчастія. Тѣло его положено во мраморномъ гробѣ, и погребено въ той же Десятинной церкви.

Владиміръ княжилъ въ Кіевѣ тридцать пять лѣтъ. Супруга его, великая княгина Анна, цесаревна греческая, преставилась прежде его смерти за четыре года. Рогнеда же, по крещеніи Владимировомъ, возжелавъ уневѣститься Богу, воспріяла образъ иноческій и скончалась въ 1002, а въ слѣдующемъ по семъ году скончался, также при жизни Владимировой, сынъ его Изяславъ, котораго усердіе къ Вѣрѣ, благонравіе, милосердіе и прилежаніе ко чтенію книгъ привлекали къ нему отъ всѣхъ любовь и почитаніе.

Смерть Владимірова дала свободу властолюбію князей, сыновъ его; открыла Святополку, пріявшему по немъ престолъ кіевскій, пути къ злодѣяніямъ, и Россія долго претерпѣвала бѣдственныя слѣдствія своего раздѣленія, какъ будетъ описано.

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ ПОКАЗАНІЕ ДОСТОПАМЯТНѢЙШИХЪ ПРОИЗШЕСТВІЙ ВЪ РОССІИ, ВЪ СЕЙ ПЕРВОЙ ЧАСТИ СОДЕРЖАЩИХСЯ.

	Годы по Рож. Хр.
Построеніе Кіева	430
Призваніе Рурика, перваго князя россійсійскаго въ Новгородъ.	862
Построеніе Москвы Олегомъ, воспитателемъ Игоревымъ.	880
Взятіе Смоленска имъ же.	882
Взятіе Кіева и присовокупленіе южной Россіи къ сѣверной имъ же.	883
Покореніе Древлянъ великою княгинею Ольгою	946
Покореніе Вятичей Святославомъ	963
Завоеваніе Болгаріи имъ же	965
Завоеваніе польскихъ городовъ Владиміромъ	981
Покореніе Ятвяговъ имъ же.	983
Побѣжденіе Болгаръ, живщихъ около Чернаго Моря имъ же	985
Взятіе Крыма имъ же.	988
Союзъ Владиміровъ съ греческими императорами, бракосочетаніе его съ цесаревною. ихъ сестрою. Крещеніе Россіи и построеніе Бѣлагорода.	989
Построеніе Владиміра имъ же	991
Побѣжденіе Хорватовъ имъ же	992
Побѣжденіе Половцевъ Александромъ Поповичемъ.	1000

ПОКОЛѢНІЕ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ РОССІЙСКИХЪ, ОТЪ РУРИКА ДО ВЛАДИМІРА.

1. Рурикъ.
2. Игорь.
3. Святославъ.
4. Владиміръ.

Обстоятельныя же родословныя таблицы князей россійскихъ приложены при каждомъ томѣ Россійской Исторіи князя Михайлы Михайловича Щербатова.

—

ОЗНАЧЕНІЕ ПЕРВОБЫТНОСТЕЙ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ СЕЙ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Первый извѣстный городъ въ Россіи Славенскъ.

Первый великій князь новогородскій Рурикъ.

Первый великій князь кіевскій и новгородскій Игорь.

Первая христіанка въ Россіи великая княгиня Ольга.

Первый государь, просвѣтившій Россію Святымъ Крещеніемъ, Владиміръ.

Первый митрополитъ въ Россіи Михаилъ.

—

КРАТКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОЗНАЧЕНІЕ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

Россія въ древности знаема была болѣе подъ именами европейской Скиѳіи и Сармаціи. Границы ея были: на сѣверѣ Океанъ Сарматскій (Бѣлое Море); на западѣ Висла; на югѣ Дація; на востокѣ Черное Море: вмѣщала же она въ себѣ Великую и Малую Россію, Польшу, Литву, Курляндію, Лифляндію, Пруссію, часть Венгріи и нѣкоторыя другія области. И такъ, можно положить, что Россія, въ счастливыя свои времена, распростиралась до морей Бѣлаго, Азовскаго, Чернаго и Балтійскаго. Главныя рѣки ея, впадающія въ сіи моря, были: Донъ, Днѣпръ, Бугъ, Обь, Днѣстръ, Волга, Двина, Нева, Висла и др.

Обстоятельное же географическое описаніе Древней и Новой Россіи ожидается отъ трудовъ и тщанія Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ, которая дала уже знать публикѣ начертаніе онаго.

ОТВѢТЪ

СОЧИНИТЕЛЯ ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗОБРАЖЕНІЯ РОССІИ КЪ ЕГО НЕИЗВѢСТНОМУ ВОПРОСИТЕЛЮ *.

Благосклонность, которою публика удостоила принять изданную въ свѣтъ первую часть «Историческаго Изображенія Россіи,» даетъ поводъ сочинителю ласкать себѣ, что она не безъ удовольствія будетъ читать все то, что онъ къ изъясненію Россійской Исторіи сообщить ей можетъ. Нѣкоторые вопросы и примѣчанія, предложенныя ему въ ежемѣсячномъ изданіи, подъ титуломъ «Санктпетербургскій Вѣстникъ,» Іюля мѣсяца, отъ неизвѣстнаго писателя, заслуживали, по существу ихъ матеріи, не быть безъ отвѣта оставленными. Почему мы включаемъ здѣсь слѣдующее письмо отъ сочинителя «Историческаго Изображенія Россіи» къ его неизвѣстному вопросителю.

---

* Сей отвѣтъ помѣщенъ былъ въ Прибавленіи къ № 64 Санктпетербургскихъ Вѣдомостей, Августа 10 дня 1778 года.

ОТВѢТЪ СОЧИНИТЕЛЯ КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ ВОПРОСИТЕЛЮ.

Господинъ вопроситель! Изъявленное вами въ примѣчаніяхъ вашихъ правило: пользоваться дружелюбными совѣщаніями съ писателями, побудило меня совѣщеваться съ вами тѣмъ образомъ, какой вамъ было угодно выбрать, то есть: вызвать меня къ публичному отвѣту на публичныя ваши предложенія, хотя чувства мои отдалены отъ желанія возмѣриваться таковою честію, при вашихъ примѣчаніяхъ и вопросахъ. Я, во-первыхъ, буду вамъ отвѣтствовать на то предложеніе, которое читателямъ важнѣйшимъ можетъ представиться: «Мы не знаемъ,» пишете вы, «какимъ образомъ мнѣніе новыхъ писателей Россійской Исторіи, утверждающихъ, что Новгородъ, до пришествія Рурика съ братьями, былъ сильный городъ и знаменитая республика, согласить со словами Святого Нестора, первоначальнаго россійскаго лѣтописателя.» Я повторяю здѣсь то, что̀ вы выписали изъ Несторовой статьи о Рюриковомъ княженіи: «и прія всю власть Рюрикъ одинъ, и пришедъ ко Ильменю, и сруби городокъ надъ Волховомъ, и прозва Новгородъ» и пр.

Если бъ вы приняли трудъ оборотить назадъ пять листовъ въ той же Лѣтописи Несторовой, то увидѣли бы тамъ же особую статью о началѣ Новагорода, за четыреста лѣтъ предъ княженіемъ Рюриковымъ, и что всѣ новые писатели Россійской Исторіи самимъ Несторомъ въ томъ свидѣтельствуются, увидѣли бы также, что и въ послѣдствіи прежде Рюрика о Новогородцахъ упоминается. Слова же, выписанныя вами изъ Нестора, имѣющія видъ противорѣчія, въ самомъ лѣтописателѣ, кажется мнѣ, не столь затруднительны, чтобъ могли служить предлогомъ вашего сомнѣнія; ибо, сверхъ того, что древнее россійское писаніе не было въ прежнія времена очищено отъ погрѣшностей разумными, каковы нынѣ, критиками. Несторъ могъ безъ великаго себѣ противорѣчія сказать, что Рюрикъ, построивъ городокъ надъ Волховымъ, прозвалъ его Новгородъ, поколику прежній Новгородъ легко могъ въ народѣ называться по старому своему имени Славенскъ, или, по названію чужестранныхъ, Гольмгардъ. Для пространнѣйшаго о Новѣгородѣ свѣдѣнія, мы имѣемъ на россійскомъ языкѣ довольное, хотя по умѣренности сочинителя названное «Краткое извѣстіе о началѣ Новагорода,» напечатанное въ ежемѣсячномъ академическомъ изданіи на Іюль мѣсяцъ 1761 года. Но какъ сіи подробности не входятъ въ планъ моего «Историческаго Изображенія», которое есть простое повѣствованіе самонужнѣйшихъ вещей къ свѣдѣнію, то вы могли бы легко удовольствовать ваше

любопытство чтеніемъ Россійской Исторіи почтеннаго нашего историка князя Михайлы Михайловича Щербатова, который не упустилъ представить справедливое справедливымъ, правдоподобное правдоподобнымъ и сомнительное сомнительнымъ, хотя вы и жалуетесь, что мы донынѣ не имѣемъ основательной Россійской Исторіи.

Второе: вамъ также угодно было написать, что будто сочинитель «Историческаго Изображенія» на стр. 13 утверждаетъ, «что варягскіе «князья Рурикъ, Синавъ и Труворъ призваны «отъ Новогородскихъ Славянъ, болѣе для защи«щенія ихъ отъ внѣшнихъ непріятелей, нежели «для возстановленія внутренняго спокойствія».

Если бы предслѣдующую и самую ту страницу, которую вамъ въ примѣчаніяхъ вашихъ угодно было перенначить, приняли вы трудъ прочесть въ подлинникѣ съ большимъ вниманіемъ; то думаю, что столь много не могли бы ошибиться въ разумѣніи. Я за излишнее почитаю повторять здѣсь отъ слова до слова содержаніе страницъ 12 и 13. Вы сами, прочтя ихъ, можете увидѣть, въ чемъ вы ошиблись. А для чего не упомянуто о Чуди, о которой вы желаете, чтобъ было тамъ упомянуто, на сіе вамъ иного сказать не можно, какъ то, что сочинитель пишетъ въ семъ мѣстѣ только о Славянахъ Новогородскихъ и князьяхъ, призванныхъ ими отъ Варягъ-Россовъ, а не о Чуди, подъ именемъ Славянъ разумѣемой. По теченію Исторіи можно видѣть, что тогда названіе Чуди, вмѣсто Новогородцевъ,

употребляемо не было, такъ какъ и самое названіе Славянъ при Рурикѣ уже терялось: ибо вскорѣ Новогородское Княженіе прославилось подъ именемъ Сѣверной Россіи и Сѣверныхъ Россовъ, поколику названіе пришельцовъ Россовъ изъ Варягъ, съ ихъ князьями, естественно брало верхъ надъ старымъ именованіемъ Славянъ въ Новѣгородѣ. Естественно также и то по исторіямъ, что Новогородцы, въ сей великой перемѣнѣ, приняли къ себѣ князей на условіяхъ, то есть: болѣе для защищенія областей отъ внѣшнихъ непріятелей, нежели для внутренняго государственнаго управленія. Хотя же Святый Несторъ и включилъ въ Лѣтопись слѣдующія слова Новогородцевъ: «Поищемъ себѣ князя, иже бы владѣлъ нами и рядилъ по праву», но сіе не опровергаетъ доказанной исторической истины и на порядкѣ вещей основанной, что тогдашніе вольные и несмирные Новогородцы, сыскавъ себѣ князя, желали власть его умалить и, наконецъ, противу его взбунтовали. Чтеніе однихъ россійскихъ писателей довольно можетъ въ томъ удовольствовать любопытство моего вопросителя.

Третіе: изъ страницы 15 вамъ угодно было выписать: въ Кіевѣ княжили Оскольдъ и Диръ... Потомъ чрезъ нѣсколько строкъ: наслѣдственные враги императорамъ греческимъ... Потомъ чрезъ нѣсколько словъ: побужденные примѣрами предковъ. . изъ сихъ разныхъ частицъ составили вы особую нѣкоторую фразу такъ, какъ бы кто написалъ: Отче нашъ... отъ лукаваго, хотѣлъ дать

смыслъ только первымъ словамъ и послѣднимъ. Чаятельно, что тогда сія молитва не была бы принята въ Святцы. Я не могу вамъ отвѣтствовать, какъ только, чтобъ вы прочли средину; и вотъ какъ сказано на 15 стран. «Идолослуженіе и ди«кость правовъ тогдашнихъ народовъ Славен«скихъ содѣлывали ихъ (народы, а не князей) «непримиримыми и наслѣдственными врагами им«ператорамъ греческимъ.» О князьяхъ же въ сей фразѣ ни слова не упомянуто. Потомъ слѣдуетъ: «Оскольдъ и Диръ, побужденные примѣ«рами предковъ и храбростью Славянъ, своихъ «поддапныхъ (а не примѣрами своихъ предковъ «какъ перетолковано), ходили также войною подъ «Константинополь.» И такъ, я не оспориваю, что Оскольдъ и Диръ могли быть прежде бояре Рюриковы, и не нахожу сіе обстоятельство столь важнымъ, чтобъ нужно было съ кѣмъ нибудь о томъ въ споръ пуститься.

Четвертое: изъ страницы 33 угодно было вамъ выписать: «Константинъ долженъ былъ погасить свое жаланіе». Потому приписали вы сочинителю, что будто онъ повѣствовалъ о страстной любви императора Константина къ великой княгинѣ Ольгѣ, и средство, коимъ она его перехитрила; что вы оное находите не истиннымъ историческимъ повѣствованіемъ, и въ семъ больше придерживаетесь мнѣнія покойнаго Михайлы Васильевича Ломоносова.

Если бы вы прочли нѣсколько выше и ниже выписаннаго вами мѣста, то бы увидѣли, что и

сочинитель придерживается того же мнѣнія, и что о страстной любви императора къ прелестямъ красоты княгини Ольги ни слова не упоминается; а написано только о ея достоинствахъ, о склонности императора войти съ нею въ супружество, и что онъ, бывъ позванъ въ воспріемники при ея крещеніи, долженъ былъ погасить свое желаніе, содѣлавшееся противнымъ закону.

Пятое: изъ страницы 97 угодно было вамъ выписать рѣчь, которую говорилъ Владиміру одинъ старый воинъ, и которую вы находите неприличною ни къ тогдашнему времени, ни къ лицу простого воина.

Если бы вы прочли нѣсколько страницъ подалѣе, то бы увидѣли, что не только сей старый воинъ и младшій сынъ его, но и весь родъ сего воина былъ произведенъ послѣ въ знатные чины, повидимому, за ихъ достоинства. Мнѣ кажется, не прилично ни къ какому времени полагать, чтобы сіи славные въ Исторіи люди не могли ни чувствовать, ни изображать свои чувства образомъ, приличнымъ ихъ великодушію: хотя то вѣрю, что они не нынѣшнимъ, а тогдашнимъ нарѣчіемъ говорили. Вы за лучшую выписали рѣчь того же стараго воина, какую включилъ въ лѣтопись Несторъ, то есть: «Княже! «есть у меня единъ сынъ меньшій дома, а со «четырьми есьмы вышелъ, отъ дѣтства его нѣсть «кто имъ ударилъ; единою бо ми сварящу, и «оному мнущу усніе, и разгнѣвався на мя, пре«торже чрево». Если бы вы прочли лѣтопись

Несторову съ разсмотрѣніемъ, то бы увидѣли, что въ сей лѣтописи и императоры греческіе говорятъ тѣмъ же древнимъ простонароднымъ парѣчіемъ, какое Несторъ могъ спознать тогда въ Россіи. Каждому историку остается искать свойственныхъ рѣчей въ историческихъ описаніяхъ и въ образованіяхъ дѣйствій, а не въ однѣхъ лѣтописяхъ, гдѣ часто, при простомъ означеніи произшествій, поставлены только годы. Впрочемъ, свойственно простымъ не критикующимъ людямъ, при сухомъ повѣствованіи историческихъ бытностей, не отметать цвѣтовъ краснорѣчія, какими Исторія отъ всѣхъ писателей обыкла быть украшаема; и если писатель столько счастливъ, свойственно читателямъ находить въ нихъ нѣкоторое въ себѣ отдохновеніе; бываютъ же и такіе люди, которые тѣмъ только привлекаются къ чтенію. И такъ, мнѣ кажется, что сіи люди хотя и не выдаютъ твореній своихъ въ ежемѣсячныхъ изданіяхъ, но заслуживаютъ отъ насъ къ себѣ уваженіе. Любители Архаизмовъ могутъ довольствоваться ими въ лѣтописяхъ, не дая законовъ, чтобъ всѣ другіе ихъ любили.

По удовольствованіи васъ моими отвѣтами на всѣ ваши вопросы и примѣчанія, оставалось бы мнѣ означить на употребляемомъ вами латинскомъ и на нашемъ языкѣ, нѣкоторыя принятыя всѣми въ книгахъ правила, равно и для историковъ-критиковъ; но какъ, по видимому, вы не имѣете времени ихъ читать, то я представлю вамъ здѣсь одни только простыя общія мнѣнія.

1) Писатель, судящій о погрѣшностяхъ другихъ писателей, долженъ прежде пріобрѣсти отъ публики довѣренность къ своимъ рѣшеніямъ и къ общеполезнымъ видамъ, какіе онъ въ томъ представить можетъ.

2) Потомъ, для пользы обществу отъ благоразумной критики, долженъ прочесть внимательно всѣхъ нужныхъ и, особливо, тѣхъ писателей, на которыхъ онъ въ критикѣ своей утверждается, или по малой мѣрѣ хотя ту книгу, которую онъ найдетъ достойною своей критики: ибо безъ сихъ предварательныхъ вещей, вы легко можете подать поводъ о себѣ думать, что вы, раскрывъ какую нибудь книгу, безъ всякаго чтенія, выписываете нѣсколько строкъ и толкуете ихъ, по вашему произволенію, для того только, чтобъ наполнить нѣсколько страницъ въ ежемѣсячномъ изданіи. Сіи могутъ себѣ представить тѣмъ наипаче, что похвалы ваши сочинителю «за изрядный слогъ, за исправность въ печатаніи и благодарность за усиленіе достигнуть къ своему въ сочиненіи предмету», не увѣряютъ публику ни объ изрядствѣ слога вашего, ни объ исправности вашей въ печатаніи, ни объ усиліи вашемъ быть полезнымъ себѣ и обществу.

Напослѣдокъ, вамъ скажу, что хотя я не обѣщалъ въ моемъ Предисловіи отвѣтствовать на подобные вопросы и примѣчанія; но какъ вы побудили меня къ тому предложеніемъ дружелюбнаго совѣщанія вашего съ писателями: то я желаю, чтобъ мое съ вами совѣщаніе вамъ было полезно

=

ПРИМѢЧАНІЯ

О ГЕРМАНСКИХЪ ПРАВАХЪ.

Германія, имѣя отмѣнный образъ правленія отъ другихъ государствъ, заимствуетъ отъ него свои собственныя права. Образъ ея правленія подверженъ былъ многимъ перемѣнамъ, отъ частыхъ ударовъ, колебавшихъ имперію, во все время отъ ея начала до заключенія вестфальскаго мира. Первые ея обитатели, раздѣленные по разнымъ округамъ, не были одни отъ другихъ въ зависимости, такъ, какъ права ихъ не сходствовали одни съ другими. Безъ сомнѣнія, необходимость оборонять себя отъ набѣговъ сѣверныхъ непріятелей, принудила ихъ болѣе къ сообщенію и союзу въ концѣ четвертаго и въ началѣ пятаго вѣка; а по мѣрѣ ихъ сообщенія, общенародныя ихъ права долженствовали перемѣняться.

Владѣніе Карла Великаго соединило шесть разныхъ народовъ, и вмѣсто герцоговъ надъ ними, послѣдовали графы, избранные на мѣсто первыхъ

изъ подданныхъ имперскихъ; почему можно видѣть образъ монархическаго въ то время правленія. Но оное ослабѣло при Людовикѣ, прозываемомъ Кроткомъ. Герцоги вновь были возставлены и вступили частію въ свои древнія права. Дѣти ихъ раздѣлили по себѣ пространныя области Карла Великаго. Области, кои прежде составляли одно государство, и вердюнскимъ трактатомъ въ 834 году такъ утверждены были. Часть Людовика, прозываемаго Германскаго, была однако, всегда особою областью, поколику она сохраняла право наслѣдныхъ государей, до тѣхъ поръ, какъ ихъ родъ пресѣкся. А потомъ, мелкіе владѣтели выбрали сами себѣ главнаго и, боясь быть въ покореніи, уменьшили столько его власть, сколько желали свою умножить. Таково было начало пространства Имперскихъ областей и ихъ наслѣдства

Счастливыя предпріятія Оттона Великаго въ Италіи произвели новую перемѣну. Отъ присоединенія Италіи къ имперіи вышло новое общенародное право, которое писатели называютъ римогерманское. Папы, подъ видомъ союза, вмѣшались послѣ въ расправу дѣлъ германскихъ, особливо когда узнали власть свою надъ императорами, кои безъ нихъ не могли дѣйствовать въ Италіи. Папа Григорій VII, и по немъ бывшіе, возстая безпрестанно противу Гогенштауфенскаго Дома и, истребя напослѣдокъ его корень, не мало споспѣшествовали къ распространенію власти и силы имперскихъ областей А по мѣрѣ усердія,

съ которымъ Папскія области поборствовали по своемъ духовномъ начальникѣ, другія, неподсудныя ему, усиливались, дая помощь гонимому императору.

Потомъ, долгое междоцарствіе привело еще болѣе въ упадокъ власть императорскую. Папы, чтобъ возвести на престолъ своихъ поборниковъ, всѣяли вражду между курфирстами и принцами, кою они разжигали столь попечительно, что Германія содѣлалась, напослѣдокъ, анархическимъ правленіемъ. Тогда принцы, сильные вельможи и города старались всячески распространить власть свою, и искатели императорской короны раздирали имперію, каждый утверждая въ томъ свои права.

Избраніе Рудольфа габсбургскаго пресѣкло только на время ихъ движенія; но источникъ споровъ прекращенъ не былъ, то есть, не было узаконенія, которое бы утверждало права владѣтелей. Напослѣдокъ Карлъ IV выдалъ часть закона, называемаго «Золотая Булла» (книга или грамота). Доброе, однако недостаточное его узаконеніе, не могло вдругъ примирить несогласій между Германскими владѣтелями; злоупотребленія, введенныя во время долгаго междоцарствія, и тогда еще продолжались съ нихъ обыкновенными послѣдствіями. германія не имѣла высшаго суда, въ которомъ бы владѣтели могли утверждать свои права; почему они принуждены были утверждать ихъ единымъ насиліемъ. Право сильнаго рѣшило споры, что продолжалось до цар-

ствованія Максимиліана I, который обнародовалъ Общій Вѣчный Миръ, подтвержденный много разъ послѣ.

Какъ онъ намѣренъ былъ прекратить права сильныхъ и безпрестанныя войны между имперскими областями, давъ имъ способъ искать въ обидахъ правосудія; то для сего учрежденъ имперскій судъ, и Германія раздѣлена на шесть округовъ. Посредствомъ таковаго узаконенія спокойство Германіи было дѣйствительно установлено; но распри за Вѣру вновь тишину возмутили. Неминуемо раздѣленіе областей послѣдовало за распрями, и уничтоженіе прежнихъ уставовъ послѣдовало за раздѣленіемъ.

Карлъ V чаялъ возставить миръ пассавскимъ трактатомъ, прекратя несогласія разныхъ вѣръ; но двѣ противныхъ стороны, ища новыхъ корыстей и не имѣя оправдательныхъ причинъ къ ссорамъ, находили всегда въ притворномъ благочестіи долгъ возставать другъ на друга. Наконецъ, они успокоены были вестфальскимъ трактатомъ, который, стѣсня власть императорскую, распространилъ и утвердилъ могущество имперскихъ областей. Сей достославный актъ нуженъ былъ для точнаго изъясненія права каждаго и для твердости общихъ узаконеній, на коихъ владѣнія стали быть основаны.

Въ Германіи есть права общенародныя, и другія права особенныя для каждой области.

Общенародныя установленія имѣютъ два существа: тѣ, кои принадлежатъ къ образу прав-

ленія, не могутъ премѣняться безъ нарушенія онаго; почему называются они Твердыми Законами; другія же содержатъ народныя пользы и выгоды, не касаясь до образа правленія; они могутъ быть перемѣнены безъ наималѣйшаго въ ономъ поврежденія. Въ общенародныхъ законахъ находятся также нѣкоторые политическіе и духовные уставы имперскіе. Сіи двѣ части одна отъ другой не раздѣляются, и равно уважаются въ общенародномъ Германскомъ Правѣ.

Главные же законы суть: Отпускные приговоры имперскіе, выдаваемые на сеймахъ; общій свѣтскій, общій миръ церковный; вестфальскій трактатъ, и прочіе, кои преслѣдовали ахенскому миру; императорская капитуляція и законы церковные. Опредѣленія имперской палаты и надворнаго суда исключаются изъ общенароднаго права: ибо оба сіи правительства касаются только до распорядковъ, имъ собственно предписанныхъ.

Золотая Грамота, или Грамота съ золотою печатью, есть общенародное право имперское, содержащее въ себѣ императорское избраніе, коронованіе, полное присутствіе двора императорскаго, права курфирстовъ и нѣкоторыя другія принадлежности къ имперіи. Оная состоитъ въ тридцати главахъ. Двадцать три первыхъ были обнародованы въ Нюренбергѣ 10 января 1356 года; оставшія же семь въ Мецѣ 25 декабря того же года; но всѣ приняты и утверждены общимъ согласіемъ имперскихъ штатовъ, разумѣя

подъ штатами чины, представляющіе области. Твердость ихъ наипаче тѣмъ непарушимо сохраняется, что они основаны на взаимныхъ условіяхъ безъ самовластнаго права. Послѣдовавшія установленія имѣли то же основаніе.

До сего узаконенія, разумѣемаго подъ Золотою Грамотою, никто не имѣлъ точнаго права. Всѣ мелкіе владѣтели хотѣли быть императорами, и курфирсты спорили безпрестанно о старшинствѣ одни предъ другими.

Узаконеніе сіе, по содержанію правъ, можно раздѣлить на двѣ части. Первая надлежитъ до курфирстовъ. Сія опредѣляетъ седьмичное ихъ число, предписываетъ ихъ степени и ихъ должности, какъ при избраніи и коронованіи императора, такъ и при прочихъ публичныхъ обрядахъ; утверждаетъ право старшаго въ наслѣдствѣ, и установляетъ напослѣдокъ разныя права и преимущества особо нѣкоторыхъ курфирстовъ. Вторая часть надлежитъ вообще до имперіи: въ ней, поколику тогда не возможно было прекратить всѣ ссоры, предписаны нѣкоторыя правила въ войнѣ, какъ напримѣръ: повѣстить своему непріятелю за три дни предъ нападеніемъ на его землю.

Нѣкоторыя изъ сихъ узаконеній, какъ скоро не находилось въ нихъ нужды, были уничтожены, то есть повѣстка своимъ непріятелямъ, и прочее. Нѣкоторыя же и совсѣмъ не были въ дѣйствіи, какъ напримѣръ: графъ пфальцскій не употреблялъ никогда своего права судить, по

силѣ Золотой Грамоты, императоровъ въ ихъ преступленіяхъ Сею же грамотою дозволено императору жаловать, кого онъ заблагоразсудитъ, на порожнія мѣста въ курфирсты. Однако, по состоявшейся послѣ императорской капитуляціи, онъ права сего употреблять не можетъ безъ общаго согласія курфирстовъ Равнымъ образомъ предписанное право коронованія императоровъ, произведшее послѣ споръ между майнцскимъ и кёльнскимъ курфирстами, утверждено попынѣ на полюбовномъ ихъ договорѣ. Отпускные приговоры имперскіе, о которыхъ упомянуто выше, суть разнаго рода. Главные изъ нихъ состоятъ въ слѣдующемъ: члены имперскіе собираются на сеймы, подъ предводительствомъ своего начальника, для разсужденія о государственныхъ дѣлахъ. При окончаніи же сейма, всѣ ихъ приговоры сообщаются вмѣстѣ и публикуются въ самое время отпуска членовъ; почему они и называются отпускные (*Reichs-Abschiede*). Отъ времени царствованія Максимиліана I сіи приговоры сочиняются на нѣмецкомъ языкѣ, который нынѣ и во всѣхъ общенародныхъ дѣлахъ употребляется, выключая дѣла съ чужими державами. Приговоры имперскіе раздѣляются на общіе и особенные. Первые называются приговоры отпускные (*Reichs-Abschiede*), о которыхъ говорено выше; другіе же раздѣляются еще на депутатскіе (*Reischs-Deputations Abschiede*), окружные (*Krays-Abschiede*) и провинціальные (*Lantags-Abschiede*). Первые изъ сихъ составляются въ

собраніи имперскихъ депутатовъ, и пріемлютъ силу законовъ, когда императоръ и штаты препоручатъ депутатамъ разсмотрѣть и рѣшить какое дѣло. Вторые касаются только до дѣлъ округи, въ которой они составляются. Третьи утверждаются согласіемъ владѣтеля и провинціальныхъ штатовъ его земли; но сіи падлежатъ только до особеннаго состоянія провинцій, и ей одной предписываютъ уставы общественнаго права. Имперскіе приговоры, называемые Сепаратные или Тайные (*Neben-Abschiede*), различествуютъ отъ приговоровъ, названныхъ Всеобщихъ (*Haupt Reichs-Abschiede*) только въ томъ, что ихъ хранятъ въ имперскихъ архивахъ до тѣхъ поръ, какъ возможно будетъ обнародовать, не вредя общественнымъ пользамъ и видамъ имперіи. Приговоры имперскіе рѣдко содержатъ одни только общенародныя дѣла, но часто мѣшаются съ дѣлами гражданскими; нѣкоторые же содержатъ одни только послѣдпія.

Надлежитъ описать теперь происхожденіе Свѣтскаго Мира и другого Мира, Церковнаго, которые также почитаются въ числѣ законовъ, какъ выше упомянуто.

Когда не было ни законовъ написанныхъ, ни суда въ древней Германіи, народъ слѣдовалъ одному только обычаю. Жестокость нравовъ не находила другихъ средствъ къ пресѣченію споровъ, какъ надлежало убить своего непріятеля, или выгнать изъ его владѣній, что называлось: Право Сильнаго (*Faust-und Kolben Recht*). Сей

варварскій обычай, общій всѣмъ начинающимся народамъ, въ первыхъ вѣкахъ имперіи до того простирался, что Карлъ Великій и его преемники всѣми ихъ капитулярными установленіями не могли отвратить междоусобныхъ браней, происходившихъ отъ властолюбія владѣтелей; и наглость ихъ, по общему примѣру, дѣлалась тогда позволенною. Всѣ старанія разныхъ императоровъ въ XII вѣкѣ не могли пресѣчь онаго злоупотребленія. Надлежало по необходимости дать волю усилившимся наглымъ воителямъ; но предписаны имъ только нѣкоторыя правила, то есть, грабить и разорять непріятеля, увѣдомивъ его о томъ прежде за нѣсколько времени. Сами папы, вмѣсто образа кротости и воздержанія, подавали примѣры насильства и наглости частыми своими предпріятіями въ Германіи. Императоры Сигизмундъ, Альбертъ II и Фридерикъ III, отчасу болѣе удостовѣряясь, сколь нужно было для всѣхъ пресѣченіе сихъ безпорядковъ, старались совокупно возставить тишину общую; области, также утомленныя въ безпрестанной войнѣ, и всегда трепещущія отъ болѣе сильнаго или болѣе счастливаго непріятеля, напослѣдокъ обще помышляли о возстановленіи тишины въ Германіи и принудили Максимиліана I обнародовать торжественно Общій Вѣчный Миръ (1495). Сей миръ содержитъ двѣ части: первая запрещаетъ объявленія войны и предписываетъ преступникамъ строгія опасенія и самое изгнаніе, то есть, политическую смерть, извѣстную подъ названіемъ

«имперскій банъ.» Вторая часть заключаетъ учрежденіе и должность имперской палаты, или, какъ иные называютъ, верховнаго цесарскаго суда. Главный видъ сего учрежденія былъ, чтобъ отнять у имперскихъ областей всѣ поводы къ самовластной управѣ, принудивъ ихъ представлять свои иски и требованія въ помянутой палатѣ, и тамъ судиться по законамъ имперскимъ. Но толь благоразсудное и необходимое узаконеніе не было всегда исполняемо. Нарушеніе онаго продолжалось еще и при Карлѣ V, что принудило сего императора многократно возобновлять помянутое мирное узаконеніе. Наболѣе же оное извѣстно въ 1548 году; ибо сей послѣдній Общій Миръ, утвержденный вестфальскимъ трактатомъ и императорскою капитуляціею, обыкновенно употребляютъ въ основаніе, такъ, какъ самый ясный и самый полный. Предслѣдствія и причины Церковнаго Мира суть слѣдующія: Лютеръ, монахъ Августинскаго Ордена, счастливыми успѣхами новыхъ догматовъ привлекъ въ свою вѣру нѣкоторыхъ владѣтелей и нѣсколько городовъ германскихъ. Папа объявилъ его еритикомъ и исключилъ изъ стада правовѣрныхъ. Вормскій сеймъ (1521) объявилъ Лютера и послѣдователей его изгнанными, и запретилъ читать его книги. Нововѣрцы однако спорили противъ сего объявленія, вѣдая, что нужда въ деньгахъ на сопротивленіе Туркамъ принуждала Карла V быть менѣе ревностнымъ въ Вѣрѣ. Въ самомъ дѣлѣ шпейерскій сеймъ (1526), менѣе строгій,

нежели вормскій, запретилъ только не вводить ничего новаго какъ въ Вѣру христіанскую, такъ въ обряды и правила церковныя, и опредѣлилъ, чтобъ, во ожиданіи духовнаго собора, или національнаго собранія, каждый поступалъ по совѣсти, такъ какъ долженъ отвѣчать Богу и императору. Но другой сеймъ, въ томъ же городѣ (1529), болѣе жестокій нововѣрному ученію, нежели первый, запретилъ впредь всякія новыя вѣроученія до будущаго собора; запретилъ также имперскимъ областямъ воспримать Лютеровы догматы, противные таинству Евхаристіи, и прочее.

Іоганнъ, курфюрстъ саксонскій, Георгъ, маркграфъ бранденбургскій, Эрнстъ и Францъ, герцоги люнненбургскіе, Филиппъ ландграфъ гессенскій и Вольфгангъ, принцъ ангальтскій, послѣдовавшіе Лютерову ученію, протестовали, то есть, спорили противъ помянутыхъ запрещеній, и съ того времени Лютеране стали называться Протестантами. Они въ аугсбургскомъ сеймѣ (1530) предложили нѣкоторые пункты ихъ Вѣры, извѣстные подъ именемъ аугсбургскаго исповѣданія. Курфюрстъ саксонскій, съ своими послѣдователями, также вступилъ въ споръ. Предпріявъ же защищать новую Вѣру оружіемъ, не взирая на императора, всѣ они составили между собою достопамятную конфедерацію въ Шмалькальденѣ. Францъ I, король французскій, сдѣлался тогда ихъ союзникомъ, также и король англійскій. Сіи соединенныя силы и Солимановы побѣды, кои приводили въ страхъ Европу, при-

нудили Карла V поступать благосклоннѣе съ конфедератами. Онъ запретилъ въ пиренбергскомъ сеймѣ (1532) тревожить, кого бы то ни было, за Вѣру, до общаго духовнаго собора. Споры тогда довольно были успокоены; но протестанты возставили вновь шмалькальденскую конфедерацію совокупно съ Франціею и Англіею; а таковый союзъ и сообщество востревожили императора, который употребилъ всѣ силы разрушить ихъ соединеніе. Противники его: Фридерикъ, курфирстъ саксонскій и Филиппъ, ландграфъ гессенскій, объявлены были непріятелями имперіи. Сіе было началомъ шмалькальденской войны, которая перемѣнила Германію и содѣлала несчастіе конфедератовъ. Карлъ V взялъ Филиппа гессенскаго плѣнникомъ; а курфирстъ саксонскій имперскимъ изгнаніемъ отрѣшенъ отъ своего владѣнія, которое отдано было родственнику его Морицу. Морицъ однако оставилъ Карла V, подъ тѣмъ видомъ, что Филиппъ гессенскій былъ удержанъ въ плѣну противъ обѣщанія императорова. Онъ, благопріятствуя протестантамъ, содѣлался союзникомъ Генриха II, короля французскаго. Карлъ V, находясь противъ его безсиленъ, напослѣдокъ принужденъ былъ уступить; и Фердинандъ I, братъ его, заключилъ съ Морицомъ въ Пассау трактатъ (1552). Симъ трактатомъ императоръ обѣщаетъ чрезъ шесть мѣсяцевъ времени собрать сеймъ, въ которомъ пріисканы будутъ средства къ соглашенію разновѣрія, духовнымъ соборомъ или сосло-

віемъ, или общимъ имперскимъ собраніемъ. Въ ожиданіи же онаго предписано, чтобъ никакая область и никакимъ образомъ не была обезпокоена по причинѣ вѣры; и что какъ католики, такъ и христіане аугсбургскаго исповѣданія оставались въ безопасности, каждый при своей вѣрѣ и при своихъ богослуженіяхъ, имѣніяхъ и нравахъ.

Обѣщанное Карломъ V черезъ шесть мѣсяцевъ общее собраніе, состоялось однако не прежде, какъ черезъ три года, то есть, въ 1555 году; и тогда послѣдовалъ церковный миръ, о которомъ выше предложено было.

Сей миръ, обнародованный съ согласія всѣхъ областей, позволяетъ курфирстамъ, принцамъ и императорскимъ чинамъ аугсбурскаго исповѣданія, включая непосредственно тутъ же дворянство, вольное отправленіе богослуженія по своей вѣрѣ, и прочее. Но не послѣдующіе ни католической вѣрѣ, ни аугсбургскому исповѣданію, исключены изъ церковнаго мира. По силѣ онаго же мира, завоеванныя церковныя владѣнія имѣютъ принадлежать областямъ, кои ихъ завоевали, исключая если прежніе ихъ владѣтели пріобрѣли ихъ обратно, во время или послѣ пассавскаго трактата. Запрещаетъ областямъ подговаривать въ свою вѣру подданныхъ другъ отъ друга, и гѣмъ ихъ къ себѣ переманивать; но позволяется перемѣнять вѣру самоохотно противу воли владѣтелей, продавать свои имѣнія и переходить въ другую область. Напослѣдокъ, предписано, что если ка-

толическій архіепископъ, епископъ, священноначальникъ, или какой другой церковный стяжатель, возжелаетъ принять аугсбургское исповѣданіе, то да отчуждится отъ своего стяжанія и отъ прибытка, отъ него получаемаго; и наименованіе подчиненныхъ ему стяжателей да будетъ принадлежать старшему по немъ духовному чиновнику. Но хотя сіе положеніе, извѣстное подъ именемъ Екклезіастическаго предохраненія или удержанія церковныхъ стяжаній, было утверждено Фердинандомъ, и уполномоченные отъ областей подписали его безъ прекословія, однако аугсбургскіе исповѣдатели не были тѣмъ довольны и, напослѣдокъ, чрезъ вестфальскій трактатъ, получили равное право съ католиками, въ разсужденіи своихъ церковныхъ стяжателей, когда они захотятъ перемѣнить вѣру.

А дабы сей трактатъ и общій миръ не были нарушаемы, то къ трактату прибавлено исполнительное предписаніе, содержащее средства для соблюденія въ цѣлости перваго и другого: въ каждой округѣ назначено быть полковнику, который бы производилъ въ дѣйство имперское изгнаніе, полагаемое преступникамъ, если таковые будутъ въ его округѣ; а въ случаѣ нужды, чтобы и другіе полковники сосѣднихъ округъ ему помогали въ исполненіи.

Слѣдуя порядку, должно теперь дать знать о вестфальскомъ трактатѣ.

Въ 1583 году Гебгардъ, архіепископъ кёльнскій, принялъ лютеранскую вѣру и, женясь на

графинѣ мансфельдской, хотѣлъ сохранить свое архіепископство. Католицкое духовенство и римскій дворъ воспротивились его предпріятію; Гебгардъ принужденъ былъ уступить, хотя былъ подкрѣпляемъ протестантами. Сія неудача произвела совершенное двухъ вѣръ раздѣленіе. Протестанты сдѣлали между собою достопамятный союзъ; католики соединились имъ въ сопротивленіе. Средства, употребленныя прежде императоромъ Рудольфомъ II для прекращенія мятежей, содѣлались паче ихъ источникомъ. Хотя дозволилъ онъ протестантамъ свободное богослуженіе по ихъ вѣрѣ; но богемское духовенство, не взирая на дозволеніе, разорило множество церквей протестантскихъ. Впослѣди Богемцы свергли съ престола Фердинанда II и возвели на его мѣсто Фридерика V, курфирста пфальцскаго. Сіе было причиною Тридцатилѣтней войны между отрѣшеннымъ и новоизбраннымъ императорами. Фердинандъ II, побѣдивъ Фридерика, поступилъ съ нимъ, какъ съ непріятелемъ имперіи, и осудилъ его къ изгнанію, безъ совѣта имперскихъ областей, въ противность содержанію императорской капитуляціи; а возмѣрившись своими побѣдами, чаялъ единымъ разомъ разрушить протестантскую сторону. Онъ выдалъ указъ (1629), по силѣ котораго протестанты долженствовали лишиться всѣхъ церковныхъ владѣній, кои они стяжали отъ 1555 года. Сей указъ могъ бы имѣть свою силу, если бы Фердинандъ выдалъ его съ согласія штатовъ. Но самовластный въ томъ его

поступокъ раздражилъ людей; ибо онъ ясно означалъ его усиліе къ содѣланію себя единодержавнымъ.

Въ помощь къ протестантамъ присовокупился Густавъ Адольфъ, король шведскій, и къ сторонѣ своей привлекъ Францію. Соединенныя области католическія, хотя употребили всѣ силы на сопротивленіе Шведамъ и курфирсту саксонскому, но были разбиты въ лейбцигскомъ сраженіи (1631). Густавъ убитъ подъ Луценомъ; но католики не поправили тѣмъ своего состоянія. Протестанты швабской, франконской, Вышняго и Нижняго Рейна округъ, собравшись въ Гайльбрупѣ (1633), согласились продолжать войну, подъ защищеніемъ Шведовъ, пока не возставится совершенное спокойствіе и свободное вѣры исповѣданіе. Оксенштирнъ возобновилъ союзъ между Франціею и Швеціею, и положенія гайльбрунскаго конгресса утверждены всѣми протестантскими штатами Но сраженіе подъ Нердлингеномъ остановило ихъ предпріятія; и курфирстъ саксонскій, послѣ сей неудачи, заключилъ выгодный миръ съ Фердинандомъ II въ Прагѣ. Протестантскіе владѣтели, одинъ за другимъ, вступили въ тотъ же миръ и оставили Французовъ и Шведовъ. Одинъ только ландграфъ гессен-кассельскій остался имъ вѣренъ. По смерти Фердинанда II, сынъ его, Фердинандъ III, не имѣвъ счастія своего отца, принужденъ былъ стараться прилѣжно о мирѣ. Предусловія онаго состоялись въ Гамбургѣ въ 1641 г.; конференціи

открылись въ 1644, и миръ объявленъ въ 1648 году. Сей миръ составленъ изъ двухъ трактатовъ, заключенныхъ съ Франціею въ Минстерѣ и съ Швеціею въ Оснабрикѣ; но оснабрикскій трактатъ почитается важнѣйшимъ для общенароднаго права германскаго. Онъ раздѣляется на двѣ части Первая касается до вѣры, и главныя въ ней предписанія суть слѣдующія: въ Германіи пріемлются только три вѣры: католическая, лютеранская и реформатская; прочія всѣ отвергаются. А послѣ церковнымъ миромъ отвержена также и реформатская. Удержаніе церковныхъ стяжаній, въ случаѣ премѣненія вѣры, предписывается католикамъ съ протестантами взаимно. Аугсбургскіе исповѣдатели освобождаются отъ общеначальнаго суда и отъ духовнаго его правленія; но каждая область въ своей землѣ можетъ судить по своимъ уставамъ. Церковныя стяжанія возвращаются прежнимъ владѣльцамъ, утверждая ихъ во владѣніяхъ отъ 1-го января 1624 года, не требуя никакихъ другихъ на то видовъ, хотя бы послѣ помянутаго назначеннаго дня кто и не владѣлъ оными. Равнымъ образомъ право пожалованія, именованія и избранія, возвращается всѣмъ, кои оное съ того дня имѣли. Что надлежитъ до вѣры, позволяется областямъ воспримать изъ трехъ помянутыхъ ту, которую они выберутъ; и подданные, въ подчиненіи нижнихъ властей, могутъ свободно исповѣдовать вѣру, которую они содержали въ 1624 году, хотя въ нѣкоторую только часть сего года. Если же

владѣлецъ не похочетъ терпѣть ихъ вѣры, то они имѣютъ право переселенія съ нѣкоторымъ себя выкупомъ.

Въ Пфальцской же области, исключительно отъ другихъ, каждый вступаетъ въ свои прежнія права, вмѣсто 1624 отъ 1618 года, то есть отъ начала богемскихъ смятеній. Вторая часть трактата содержитъ политическое состояніе Германіи Она имѣетъ три предлога: первый касается до обѣщаннаго удовольствованія королю шведскому; второй до споровъ между императоромъ и областями; третій содержитъ распоряженіе взаимныхъ между областями притязаній.

Министерскій трактатъ утверждаетъ положенія оснабрикскаго, такъ, какъ бы сіи тамъ отъ слова до слова включены были. Имперія уступаетъ французскому королю свои и австрійскаго дома права на альзацію и префектуру, то есть, первоначальство десяти имперскихъ городовъ, и въ полное самодержавное владѣніе три епископства: мецкое, тульское и вердюнское. Въ немъ также предписаны владѣнія округа бургундскаго, герцогства Лотарингскаго, и слѣдуемыя къ возвращенію пфальцскому, виртембергскому и баденскому дому

А чтобъ трактатъ сей имѣлъ дѣйствительное исполненіе, Фердинандъ III выдалъ въ томъ же году исполнительный указъ; и всѣ области подписали въ Ниренбергѣ (1649 и 1650) два исполнительные приговора, съ означеніемъ владѣній, кои законнымъ ихъ владѣльцамъ возвратить слѣ-

довало. Всѣ сіи акты утверждены были послѣднимъ имперскимъ отпускнымъ приговоромъ; всѣ же спорныя и уничтожительныя объявленія, публикованныя отъ папы вопреки вестфальскому трактату и актамъ, состоявшимся послѣ онаго, не могли произвесть, чтобъ сей трактатъ и донынѣ не былъ почитаемъ коренным закономъ имперіи и основаніемъ всѣхъ послѣдовавшихъ ему трактатовъ.

Императорская капитуляція (*kayserlich-Wahl-Capitulation*), включаемая такъ же, какъ выше сказано, въ число имперскихъ законовъ, состоитъ въ нѣкоторыхъ договорныхъ пунктахъ между императоромъ и курфирстами. Императоръ клянется управлять по тому имперіею, непосредственно послѣ избранія и прежде коронованія. Короли римскіе, избираемые при жизни императора, долженствуютъ давать таковое же клятвенное обѣщаніе тотчасъ послѣ своего избранія.

Первая капитуляція, которой форма и нынѣ соблюдается, есть предписанная отъ курфирстовъ Карлу V, коего молодость, властолюбіе и весьма распространенное могущество паводили опасность германской вольности. Съ того времени императорская власть всегда была ограничена капитуляціею; первая же, Карла V, учинилась основаніемъ всѣмъ послѣдующимъ. Право предписывать капитуляцію курфирсты себѣ единственно присвоили, съ исключеніемъ другихъ чиновъ, такъ какъ право, слѣдующее за правомъ избранія; но

они не могутъ вмѣщать въ оную ничего имперскимъ законамъ противнаго.

Прочіе чины, бывъ не довольны отрѣшеніемъ ихъ отъ сего права, которое курфирсты иногда во вредъ употребляли, требовали, чтобъ и они также пріобщены были къ составленію капитуляціи императора Матіаса, представляя, что она, такъ какъ законъ имперскій, не можетъ имѣть надлежащей важности безъ ихъ въ томъ содѣйствія. Но курфирсты, вмѣсто требуемаго ихъ пріобщенія, склонились только прибавить въ капитуляцію слѣдующія слова: «за себя и за всѣхъ принцевъ и чиновъ Священной Римской имперіи». Съ того времени сіи формальныя слова включались во всѣ капитуляціи.

Споръ о томъ возобновленъ былъ сильнѣе отъ протестантскихъ штатовъ, при вестфальскомъ трактатѣ. Они требовали, чтобъ всѣ штаты согласились утвердить вѣчную капитуляцію; но разсмотрѣніе о томъ отложено до будущаго сейма. Между тѣмъ курфирсты, по обыкновенію, предписали капитуляцію Фердинанду IV, противъ которой штаты паки спорили и предложили свои примѣчанія. Но отпускной приговоръ въ Регенсбургѣ (1654) отложилъ въ другой разъ утвержденіе вѣчной капитуляціи до будущаго сейма, собраннаго въ 1663 году, въ которомъ штаты, по многихъ спорахъ, испросили, чтобъ о томъ предлагаемо было въ одно время, попеременно, съ требованіемъ субсидій противу Турокъ. Курфирстъ майнцскій предложилъ, напослѣдокъ, и

форму капитуляцій (1664); но разумы были тогда въ такомъ раздѣленіи, что не могли согласиться принять оную. Курфирсты кёльнскій и баварскій предложили также (1667) начертаніе нѣкотораго союза, названнаго конкордація, который равно не былъ принятъ, для того, что они въ немъ предписали курфирстамъ отличное право пополнять капитуляцію. Штаты не хотѣли, чтобъ сіе право имъ приписано было, кромѣ какъ на случай совершенной въ томъ нужды; но и тогда хотѣли, чтобы прибавленные пункты были послѣ утверждены сеймомъ Въ ожиданіи же совершеннаго о томъ положенія, курфирсты и принцы согласились (1671) о многихъ пунктахъ, кои надлежало включить въ вѣчную капитуляцію. Штаты возобновили свои требованія въ 1707 году, послѣ какъ императоръ Іосифъ, безъ приглашенія ихъ и по своей единой волѣ, осудилъ кёльнскаго и баварскаго курфирстовъ къ имперскому изгнанію. По смерти Іосифа, курфирсты и принцы утвердили-было нѣсколько пунктовъ для капитуляціи Карла VI; но какъ имперскіе города не имѣли въ томъ участія, то они предложили свои особенныя примѣчанія. Пункты курфирстовъ не согласны были ни съ пунктами принцевъ, ни съ примѣчаніями городовъ; почему курфирсты, боясь дать поводъ къ новымъ спорамъ, содержали капитуляцію втайнѣ, до тѣхъ поръ, какъ Карлъ VI учинилъ по ней клятвенное обѣщаніе. Штаты вновь взволновались противъ сего подлога, и императоръ, для укрощенія ихъ,

обѣщалъ споспѣшествовать установленію вѣчной капитуляціи; но оная и понынѣ еще не установлена, и штаты также безплодно продолжали спорить противъ пунктовъ, включенныхъ равно безъ ихъ участія въ послѣдовавшихъ капитуляціяхъ Карла VII и Франца I.

Для изъясненія церковныхъ общенародныхъ законовъ германскихъ, должно начать отъ самаго ихъ основанія. Императоры такъ какъ держащіе верховную свѣтскую власть, всегда мѣшались въ разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ церковныхъ, поколику сіи имѣли всегда сношеніе съ политическимъ положеніемъ имперіи. Сіе правило, всегда препинаемое папами и всегда поддерживаемое императорами, производило четыре мятежа и бѣдственныя народовъ раздѣленія, кои, послѣдокъ, оканчиваемы были договорами. Я предложу здѣсь изъ многихъ договоровъ одинъ, наиболѣе примѣчательный, заключенный между папою Каликстомъ II и императоромъ Генрихомъ V, въ 1122 году. Первые императоры германскіе пользовались свободно всѣми правами самодержавія и учреждали, какъ начальные владыки, все, что ни касалось до вѣры. Между прочими правами, они имѣли также право жаловать епископства, конфирмовать, то есть, утверждать духовныхъ владыкъ, епископовъ и самихъ папъ. Но они не долго пользовались симъ правомъ: ибо папы, завидуя власти императоровъ, не только совершенную отъ нихъ независимость себѣ присвоили, но скоро потомъ восхотѣли имѣть и

нѣкоторое начальство надъ всѣми христіанскими самодержателями. Политикою ихъ употреблены были иногда хитрости, иногда угрозы и даже союзы съ государями, непріятельствующими императору, чтобъ тѣмъ уменьшить его властительство. Право наименованія церковныхъ владѣтелей въ первый разъ оспорено было во время Генриха IV отъ папы Григорія VII, который утверждался въ томъ на каноническихъ правилахъ. Послѣдователи его: Викторъ III, Урбанъ V и Пасхалъ II твердо настояли въ предпріятіяхъ Григорія VII. Напослѣдокъ Каликстъ II, о которомъ выше упомянуто, принудилъ императора Генриха V отрещись совершенно отъ права жаловать епископовъ и прочаго. Такимъ образомъ сей государь уступилъ навсегда папамъ одно изъ главныхъ правъ, которымъ его предмѣстники пользовались. Каликстъ II оставилъ императору власть жаловать одни только скипетру подверженныя права.

Мятежи, произведенные въ Германіи въ концѣ чѣтвертато-падесять и въ началѣ пятаго-падесять вѣка, частію отъ великаго разновѣрія и частію отъ появившихся новотолковъ, прекращены были соборомъ въ Коницѣ, который начался въ 1414, а кончился въ 1418 году. На семъ соборѣ, созванномъ императоромъ Сигизмундомъ, между прочимъ, предложены были жалобы германской націи. Папа Мартинъ V надѣялся ихъ пресѣчь подписаніемъ, въ 1417, нѣкотораго договора подъ названіемъ Конкордата, съ сею націею обнародованнаго въ 1418 году; но никто не былъ дово-

ленъ произшествіемъ собора; каждый жаловался, что главныя неудобства, возмущающія благосостояніе Церкви, исправлены не были; и сіе подало поводъ къ разнымъ другимъ провинціяльнымъ соборамъ, кои всѣ, бывъ безполезны, произвели напослѣдокъ Вселенскій Соборъ въ Базилевѣ, или, какъ иные называютъ, въ Базелѣ, начатый при Папѣ Евгеніи IV въ 1431 и окончанный при Папѣ Николаѣ V, при которомъ вскорѣ возобновились германскія жалобы и вскорѣ кончены были конкордатами папы съ императоромъ Фридерикомъ III въ 1448 году.

Содержаніе сихъ достопамятныхъ конкордатовъ заключается въ четырехъ пунктахъ: 1) папа имѣетъ право давать отъ двора римскаго епископства священновладычества и всѣ знатныя духовныя стяжанія праздныя. 2) Церковные чины имѣютъ право избранія, но съ тѣмъ, что избранные должны быть конфирмованы папою. 3) Чреда мѣсяцевъ между папою и церковными чинами, въ разсужденіи каноникатствъ и нижнихъ чинопроизведеній, полагается такъ, чтобы непарные мѣсяцы принадлежали папѣ. 4) Анаты, то есть годовые доходы папскіе, съ каждаго церковнаго стяжанія, утверждены одинакою навсегда данью, по установленному окладу въ Апостолической Казенной Палатѣ, и стяжанія имѣютъ платить сію дань единожды только въ годъ, хотя бы онѣ много разъ въ году праздны были.

Извѣстно, что сіи конкордаты не были утверждены согласно всѣми германскими штатами,

и что самъ римскій дворъ иногда преступалъ оныя; а то было причиною многихъ жалобъ, кои утишены тѣмъ, что препоручено было Карлу V употребить всѣ мѣры, дабы конкордаты соблюдались въ ненарушимости.

Недостатокъ общаго штатами утвержденія и римскаго двора непостоянство произвели сомнительный вопросъ, что имперскія области, отъ коихъ не было отобрано на то согласій, обязаны ли слѣдовать положеніямъ конкордатовъ? Чтобъ дать на сіе ясный и точный отвѣтъ, должно вначалѣ различить протестантскія области отъ католическихъ; а поколику первыя объявлены были церковныхъ миромъ и вестфальскимъ трактатомъ свободными отъ всякой церковной подсудности, то протестанты не имѣютъ въ своемъ правѣ сомнѣнія.

Что надлежитъ до католиковъ, то они всѣ должны нынѣ слѣдовать конкордатамъ; ибо сіи конфирмованы были общими законами со слѣдовавшими. Нѣкоторые католики, однако, исключаются равно изъ ихъ подсудности, то есть тѣ, кои подали отъ себя споръ во время ихъ составленія. По симъ причинамъ церковные чины страсбургскіе и бамбергскіе имъ не подсудны.

Здѣсь прибавлю я нѣкоторое примѣчаніе о законахъ ненаписанныхъ, или старыхъ имперскихъ обыкновеніяхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ имперскихъ обсерванцій.

Имперская обсерванція есть нѣкоторое ненаписанное право, введенное безгласнымъ одобре-

ніемъ императора и имперскихъ штатовъ. Оное извѣстно въ актахъ и общихъ законахъ подъ разными наименованіями, какъ напримѣръ, по-латыни: *usus*, *usus bonus*, *consuetudo*, *usitata in Imperio praxis*; по-нѣмецки: *Reichs hercommen*, *Altes hercommen*, *Gute gewohnheit*, кои всѣ значатъ: обычаи добрыхъ нравовъ, или примѣрные обычаи. Подобный тому законъ находится и въ другихъ государствахъ, гдѣ древніе добрые обычаи свято почитаются; и иногда по примѣрнымъ прежнимъ дѣламъ вершить другія позволено.

Хотя многія изъ сихъ обыкновеній въ Германіи уничтожены, или перемѣнены въ написанные законы, но еще остались нѣкоторыя и понынѣ въ строгомъ исполненіи.

Хотя же, для уваженія сихъ имперскихъ обыкновеній, требуется нѣкоторое число примѣрныхъ актовъ, то есть дѣлъ; но поколику дѣла во всѣхъ подробностяхъ рѣдко между собою сходствуютъ: то иногда, смотря по состоянію дѣла, на единомъ только примѣрномъ случаѣ, обыкновеніе пріемлетъ свою силу, то есть, когда существо дѣла довольно ясно и доказательно, дабы императоръ и штаты на немъ утвердили свое согласіе.

Средства же для показанія имперскаго обыкновенія, со стороны предлагающаго, суть слѣдующія: 1) свидѣтели живые и правдивые историки; 2) публичные акты и дипломы.

Но поколику имперскія обыкновенія имѣютъ силу закона, такъ какъ всѣ написанные законы;

изъ того ясно слѣдуетъ, что право толковать оные принадлежитъ императору купно съ штатами, хотя нѣкоторые законописатели и доказываютъ, что императоръ одинъ имѣетъ сіе право.

Послѣ изъясненія разныхъ германскихъ законовъ, образъ вообще германскаго правленія есть главная вещь, достойная примѣчанія.

Высочайшая власть въ Германіи не принадлежитъ одному императору, но вмѣстѣ съ имперскими штатами; почему оные и называются совладѣющими (coimperantis); но законописатели не согласны въ степени власти, какую имѣютъ штаты: нѣкоторые несправедливо приписываютъ императору неограниченную верховность, другіе даютъ штатамъ непринадлежащее имъ могущество; и отъ того произошли разныя мнѣнія объ образѣ правленія германскаго. Пуфендорфъ, почитая его неправильнымъ и совершенно безобразнымъ, былъ, конечно, обольщенъ тремя образами, какіе Аристотель за благо разсудилъ выдумать, то есть: монархію, аристократію и демократію; а потому чаятельно онъ, такъ какъ и многіе другіе писатели, вывелъ послѣдствіе, что всякое правленіе, несходное ни съ которымъ изъ трехъ помянутыхъ, есть несправедливое. Но сія полагаемая неправильность не имѣетъ никакого основанія: ибо довольно, если образъ правленія уставленъ такимъ образомъ, что онъ можетъ самъ собою приводить каждую область къ ея цѣли, и потому онъ есть правильный. Германія не имѣетъ недостатка въ законахъ, хранящихъ ея

цѣлость и вольность, и предостерегающихъ ея отъ внутреннихъ и внѣшнихъ смятеній, если бы только сіи законы точно были исполняемы.

Правда, что Германія имѣетъ, такъ какъ и другія смѣшенныя правленія, свои неудобности; но ея недостатки обыкновенно проистекаютъ менѣе отъ распоряженія образа, нежели отъ властолюбія и нерачивости главныхъ правителей, или отъ надмѣрнаго распространенія видовъ властей подчиненныхъ. Разсмотримъ разныя системы, кои раздѣляютъ въ томъ законописателей.

Первая изъ сихъ системъ есть та, которая дѣлаетъ изъ имперіи монархію, потому что императоръ выдаетъ всѣ законы отъ своего единаго имени, даетъ инвеституры, то есть, нѣкоторыя грамоты на владѣнія, судитъ всѣ дѣла, и прочее. Но кто имѣетъ хотя малое познаніе законовъ германскихъ, легко примѣтитъ, что защитники сей системы хотятъ только льстить императору, подъ прикрытіемъ нѣкоторыхъ словотолкованій, кои не должны рѣшить въ матеріи права народнаго.

Впрочемъ, хотя бы императоръ и одинъ собою пользовался нѣкоторыми правами, того не довольно къ доказательству монархическаго его правленія: ибо онъ не можетъ ни выдавать законовъ, ни объявлять войну, ни поставлять миръ, ни даже вступать въ союзы съ державами безъ согласія штатовъ.

Другіе, зная неправильность сей системы, но стараясь однако распространить далѣе границъ

власть императорскую, находятъ въ образѣ имперскаго правленія нѣкоторую монархію ограниченную. Но какія же суть права, которыя принадлежатъ одному только императору? Права сіи, какъ извѣстно, заключаются въ самомъ маломъ числѣ; большая же часть правъ, и наиболѣе важныхъ, совершенно подвержены согласію штатовъ.

Мнѣніе тѣхъ, кои утверждаютъ, что германское правленіе есть аристократическое, еще и того неправильнѣе; ибо хотя имперскіе штаты участвуютъ въ правленіи, но ихъ воля безполезна безъ согласія императора.

Нѣкоторые изъ наиболѣе свѣдущихъ законописателей утверждали, что Германія есть совокупленіе разныхъ областей, соединенныхъ между собою чрезъ разностепенныя сообщества. Но имперскія области сами собою опровергаютъ сію систему, признавая себя членами единаго политическаго корпуса. Впрочемъ, области, соединенныя, по мнѣнію помянутыхъ законописателей, не имѣли бы ни общихъ законовъ, ни общаго начальника, и жили бы въ независимости другъ отъ друга. Напротивъ того, германскія владѣнія признаютъ единаго только себѣ начальника, то есть императора, и они всѣ имѣютъ одни общенародные законы, происходящіе отъ той же власти, отъ которой они зависятъ.

Напослѣдокъ, по наиболѣе принятому мнѣнію, иные полагаютъ, что правленіе Германіи есть смѣшенное, то есть: монархическое, аристократическое и демократическое; но для справедли-

вости въ наименованіи надлежало бы прибавить еще олигархическое, по преимуществу, какое имѣютъ въ ономъ курфирсты.

Оставя же всѣ схоластическія умствованія и различенія, должно почитать образъ германскаго правленія свойственнымъ и приличнымъ Германіи, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, произведшихъ сіе правленіе. Любопытство точнаго названія онаго менѣе насъ удовольствуетъ, нежели познаніе самыхъ законовъ, на которыхъ образъ его основанъ; и сіе познаніе откроетъ любопытнымъ вѣрнѣе его точную сущность.

—

О ДРЕВНЕМЪ И НОВОМЪ

СТИХОТВОРЕНІИ.

—

Стихотвореніе нынѣ въ пространныхъ и обогащенныхъ языкахъ содѣлалось болѣе забавою, нежели пользою нашею; но въ древнія времена подъ стихотвореніемъ разумѣлся образъ нѣкотораго краткаго изреченія правоучительныхъ истинъ, или въ похвалу Божества нѣкотораго мѣрнаго сопряженія словъ, къ коимъ иногда присоединяемы были мусикійскіе звуки и плясанія. Посему не безъ приличности у Грековъ стихотвореніе языкомъ боговъ называлось. Прежде Грековъ, у Египтянъ и Евреевъ хотя оно не имѣло толь пышнаго названія, однако также употребляемо было, сколько намъ извѣстно, или для Богохваленія, или для преподанія народу легчайшимъ образомъ нужныхъ правилъ; и сіе было

началомъ распространеннаго послѣ законоданія. Двѣ пѣсни израильскаго вождя св. пророка Моисея: первая на славное освобожденіе Израиля отъ ига Фараонова (книга Исхода, глава 15); вторая поучительная (книга Второзаконія, глава 32), сочиненныя симъ пророкомъ за 1500 лѣтъ до Воплощенія; потомъ, спустя 500 лѣтъ, отчасти сочиненные и отчасти собранные царемъ Давидомъ, Псалмы всегда почитаются прекраснѣйшими стихотвореніями.

Таковыя пѣсни, или спасительныя народу правила, въ краткихъ и мѣрныхъ стихахъ составленныя, легко впечатлѣвались въ памяти. Тѣмъ держались законы и преданія; утвержденныя въ памяти слова производили твердыя мысли, мысли же производили нравы, а нравы производили дѣянія, хотя, впрочемъ, тогда слова, мысли, нравы и дѣянія долженствовали быть недостаточны.

Нѣкоторые полагаютъ, что стихотвореніе изобрѣтено любовниками къ похвалѣ своихъ любовницъ; но кажется, что они тогда смѣшиваютъ древнія времена съ новыми. Нѣжныя чувства и похвалы не тогда ли произошли, какъ прекрасный полъ позналъ область разума и прелестей надъ силою? Стихотвореніе не могло ли существовать въ мірѣ нѣсколько вѣковъ до сего человѣческаго познанія? Оставляя сіи вопросы на рѣшеніе каждому, обращусь къ тому, что намъ извѣстно изъ древнихъ временъ въ Греціи. Первые сочинители, предшественники Гомеровы: Музей за 1400 лѣтъ до Воплощенія, Орфей за 1200

лѣтъ, писали не инако, какъ стихами. Гезіодъ, современникъ Гомеровъ, писалъ то же стихами. Богословіе, законы, нравоучительныя правила, оракулы, всѣ тогда преподавались стихами.

Языкъ боговъ долго, и во времена евангельскаго просвѣщенія, не терялъ древняго своего достоинства. При установленіи церковныхъ обрядовъ, онъ посвященъ былъ на славословіе истиннаго Бога и Святыхъ, исполнившихъ законъ Его. Все, что разными творцами на греческомъ языкѣ сочинено для церковнаго пѣнія, основано на стихотворныхъ правилахъ. Въ то время, равно какъ у древнихъ Евреевъ и Грековъ, стихотворцы не обыкли или и не могли еще всюду употреблять риому и правильное стопосложеніе, но въ краткихъ и мѣрныхъ словахъ заключенный смыслъ стихомъ назывался. Посему вездѣ въ поемыхъ церковныхъ твореніяхъ, хотя въ переводахъ оныхъ не видно никакихъ стихотворныхъ правилъ, часть пѣнія, мысль заключающая, стихомъ называется; и посему, можетъ быть, иные разумѣютъ, что каждый, изъясняющій какую нибудь мысль, необходимо стихъ дѣлаетъ, хотя и называютъ у насъ таковую часть рѣчи, по чужестранному языку, фразисомъ или фразою. Впрочемъ, вѣроятно, что стихи, по малой мѣрѣ въ первоначальномъ ихъ почтенномъ употребленіи, могли значить то же, что мы разумѣемъ подъ раздѣленіями мыслей нашихъ. У насъ издавна осталось въ пословицахъ:

На умъ находитъ всякой стихъ:
Не всякъ злодѣй, кто часомъ лихъ.

Языкъ боговъ видѣнъ также и во многихъ другихъ пословицахъ, каковыя, до введенія письменъ въ Россіи, по видимому, служили вмѣсто писанныхъ. Кто не вѣдаетъ, что народъ и донынѣ поведеніе свое большею частію учреждаетъ по пословицамъ, кои въ краткихъ стихахъ и въ простонародномъ нарѣчіи легко у всѣхъ памятуются? Представимъ здѣсь нѣкоторыя:

Богу молись,
А въ дѣлахъ не плошись.

Кто самъ къ себѣ вначалѣ строгъ,
Того хранитъ и царь и Богъ.

Храни себя отъ бѣдъ,
Пока еще ихъ нѣтъ.

Большое мѣсто взявъ,
Умѣй давать уставъ.

Вначалѣ разсуждай,
А послѣ осуждай.

Безъ буквъ и безъ грамматики
Не учатъ математики.

Въ счетѣ безъ правды и въ правдѣ безъ счоту,
Не вѣрь ни Кузьмѣ, ни Ѳомѣ, ни Ѳедоту.

Не столько вѣрь чужимъ рѣчамъ,
Какъ собственнымъ своимъ очамъ.

Кто мыслей не имѣетъ правыхъ,
Не можетъ дать совѣтовъ здравыхъ.

Всякую ягоду въ руки берутъ,
Да не всякую ягоду въ кузовъ кладутъ.

Не наказывай Оому,
За Еремину вину.

Кузьма плуталъ, Ефремъ былъ тутъ:
Да тѣмъ Ефремъ не сталъ быть плутъ.

Впередъ людей не забѣгай,
А отъ людей не отставай.

Съ глупымъ безъ хлопотъ,
Затвори свой ротъ.

Съ безумными людьми
Забудь, что ты съ ушьми.

Кто меньше толкуетъ,
Тотъ меньше тоскуетъ.

Будь безъ клятвы людямъ вѣренъ,
И въ божбѣ всегда умѣренъ.

Въ неволю не входи смѣхомъ,
Чтобъ въ узахъ вѣкъ не быть грѣхомъ.

Въ доброе время мужикъ хорони
Бѣлосвѣтлыя деньги на черные дни.

Слово, во время и кстати,
Лучше письма и печати.

Честной и доброй дворянинъ
Въ дворѣ и въ мірѣ семьянинъ.

На помощь Богъ пристанетъ,
И пастыря приставитъ.

Голодъ идетъ къ калачу,
А терпѣнье и боль ко врачу.

Время не сѣмя,
Не выведетъ племя,
Терявъ не воротишь,
А жизнью заплотишь.

Въ городѣ жить,
Такъ по городу слыть.

Въ чемъ молодой похвалятся,
Въ томъ-де подъ старость раскается.

Указкою глупаго Ѳомку не выучишь,
Ласкою наглаго гостя не выгонишь.

Рукою махъ
И долгой ахъ
Не кончатъ страхъ.

Бѣдность не грѣхъ,
Да приводитъ въ посмѣхъ.

Хорошъ у сосѣда-скать пиръ,
Коли гости пируютъ на миръ.

=

Стихотвореніе въ послѣдствіи имѣло общую участь съ самыми полезнѣйшими дѣлами, кои чрезъ злоупотребленіе иногда содѣлывались гнусными. Разумъ, какъ и тѣло, имѣетъ свою роскошь, если разумъ не обуздаетъ разсужденіемъ. Въ послѣднихъ вѣкахъ, съ распространеніемъ письменъ и размноженіемъ разныхъ книгъ, скоро умножились всякіе писатели. Мнѣ попались въ руки нѣсколько полу-русскихъ и полу-польскихъ сочиненій, кои задолго еще преслѣдовали разцвѣтшимъ подъ державою блаженной памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, и подъ покровительствомъ препочтеннаго любителя и любимца музъ Ивана Ивановича Шувалова, россійскимъ словесностямъ. По содержанію сихъ сочиненій, всякъ можетъ видѣть, что писатели тогда, не очистясь еще отъ нравовъ Татаръ, долго угнѣтавшихъ Россію, употребляли стихотворство въ самыя глупыя и непристойныя сочиненія.

Премнемъ извѣстныя въ успѣхахъ человѣческаго разума степени, чрезъ кои россійское сти-

хотворство, по мѣрѣ распространенія наукъ въ имперіи, восходило до состоянія, въ какое приведено было господиномъ Ломоносовымъ. Языкъ боговъ распространился тогда на различные роды сочиненій, пользу или пріятность заключающихъ. Разумъ расторгъ содержавшія его въ тѣсныхъ предѣлахъ узы. Проницаемый благостію, премудростію и величествомъ Существа Вседержащаго, возносился къ небу, съ повымъ слова достоинствомъ, изліять предъ Нимъ благодарнаго сердца исповѣданіе. Внимающій правиламъ благонравія и добротворенія, представлялъ ихъ спасительнѣйшими и любезнѣйшими человѣчеству. Чувствующій великихъ душъ вообще къ роду смертныхъ или къ отечеству благодѣянія, возвышалъ ихъ славу, возбуждалъ общую къ пимъ признательпость и поощрялъ другихъ къ подобнымъ благодѣяніямъ. Кротость, милосердіе, правдолюбіе, благоучрежденіе, любовь къ наукамъ и художествамъ, военные въ пользу отечества подвиги, что все, во времена невѣжества, часто погружалось съ другими дѣяніями въ мрачное забвеніе, тогда стихотворнымъ искусствомъ, какъ нѣкою волшебною силою, безсмертными, почтенными и всегда достойно подражаемыми, живо впечатлѣвались въ памяти. Вѣдающій склонности и тайныя движенія сердца человѣческаго, изображалъ вредоносныя безмѣрныхъ страстей слѣдствія чрезъ трагедію; одаренный прозорливостію, расторгалъ завѣсу вредительной обществу хитрости, и порокъ, таящійся подъ маскою, ста-

рался обнажить предъ свѣтомъ комическими сочиненіями.

Любовь, во всѣхъ сердцахъ разными образами владычествующая, произвела особо всякіе роды любовныхъ стихотвореній. Иной описывалъ несчастія и муки любви терзающей; другой веселья и роскоши любви счастливой. Иной, удаляясь отъ скучной суеты многочисленныхъ сборищъ, склонялся мысленно къ простотѣ обиталищъ. Поля, ручьи и кустарники представлялись ему раемъ, когда тамъ пастушка собесѣдовала. Перомъ его вся натура воспринимала нѣкое новое одушевленіе; и читатель нерѣдко восхищался совершенствами вещей по малой мѣрѣ въ воображеніи, тогда какъ истинное въ натурѣ бытіе ихъ могло бы угнетать его сердце отвратительнѣйшею горестію и скукою.

Разумъ, удручаясь важными размышленіями, нерѣдко ищетъ отдыха въ самыхъ бездѣлицахъ. Невинныя и пріятныя шутки, питающія въ насъ веселонравость и добродушіе, не исключены также изъ добраго стихотворенія; нерѣдко самые великіе умы снисходили къ произведенію таковыхъ шутокъ.

Любители Россійскаго Слова знаютъ, съ какими успѣхами, со времени царствованія блаженной памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, оказались у насъ стихотворцы въ разныхъ родахъ сочиненій. Право разбиранія и означенія стихотворческихъ ихъ достоинствъ принадлежитъ любимцамъ Аполлоновымъ, кои

всѣ дни свои могутъ посвящать бесѣдамъ съ Музами. Я же, въ качествѣ простаго наукъ почитателя, осмѣлюсь только пріобщить здѣсь нѣкоторые многими замѣченные стихи господина Ломоносова, поставляя разные отрывки одинакаго содержанія подъ общія приличныя имъ оглавленія.

Кто не возчувствуетъ истиннаго богопочитанія при чтеніи слѣдующихъ стиховъ, изображающихъ непостижимую премудрость и неизмѣримое величество?

Лице свое скрываетъ день,
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь,
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

О, вы! которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ;
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ,
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ:
Скажите, что вашъ умъ мятетъ?

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ:
Скажите жъ, коль пространенъ свѣтъ
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Не свѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажите жъ, коль великъ Творецъ?

Какое сердце не исполнится благоговѣніемъ, произнося слѣдующую мольбу къ Богу?

Творецъ! покрытому мнѣ тмою,
Простри премудрости лучи,
И что угодно предъ Тобою,
Всегда творити научи,
И на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, безсмертный Царь.

Слѣдующее, преложенное изъ Псалтири Божества славословіе не есть ли то, что можетъ воспламенить ревность души, благодарность ощущающей?

О, Боже! кто Тебѣ сравнится
Великимъ множествомъ чудесъ?
Твоя держава возвѣстится
И правда мною до небесъ.

Среди народа велегласно
Повѣдаю хвалу Твою,
И на струнахъ моихъ всечасно
Твои щедроты воспою.

Доколѣ дряхлость обращаться
Не возбранитъ моимъ устамъ,
Твоя въ нихъ крѣпость прославляться
Грядущимъ будетъ всѣмъ родамъ.

Или первый царя Давида, во славу правоты и добродѣтели, псаломъ, въ слѣдующемъ преложеніи,

не подвизаетъ ли насъ силою нѣкоего новаго вліянія къ исповѣданію спасительной истины, несомнѣнное блаженство представляющей?

Блаженъ, кто къ злымъ въ совѣтъ не ходитъ,
Не хочетъ грѣшныхъ въ слѣдъ ступать,
И съ тѣмъ, кто въ пагубу приводитъ
Въ согласныхъ мысляхъ засѣдать.

Но мысль и волю подвергаетъ
Закону Божію во всемъ,
И сердцемъ оный наблюдаетъ
Во всемъ теченіи своемъ.

Какъ древо онъ распространится,
Что близъ текущихъ водъ растетъ;
Плодомъ своимъ обогатится,
И листъ его не отпадетъ.

Онъ узритъ слѣдствія поспѣшны
Въ незлобивыхъ своихъ дѣлахъ;
Но пагубой смятутся грѣшны,
Какъ вихремъ восхищенный прахъ.

Съ какимъ достойнымъ проповѣданіемъ здѣсь Богъ воззывается къ благословленію Императорскаго Дома?

Предъ мужемъ, нѣкогда избраннымъ,
Ты свѣтомъ клялся несозданнымъ
Хранить во вѣкъ престолъ и плодъ.
Исполни то надъ позднимъ свѣтомъ,

И таковымъ святымъ обѣтомъ
Благослови россійскій родъ.
Для толь великихъ страпъ покою,
Для счастья множество вѣковъ,
Поставь, какъ солнце, предъ Тобою
И какъ лупу, престолъ Петровъ.

или:

Уже народъ нашъ оскорбленный
Въ печальнѣйшей нощи сидѣлъ;
Но Богъ, смотря въ концы вселенны,
Въ полночный край свой взоръ возвелъ,
Взглянулъ въ Россію кроткимъ окомъ,
И видя въ мракѣ ту глубокомъ,
Со властью рекъ: да будетъ свѣтъ —
И бысть! О, твари Обладатель!
Ты паки свѣта намъ Создатель,
Что взвелъ на тронъ Елисаветъ.

или:

О, вы, недремлющія очи,
Стрегущія небесный градъ!
Вы, бодрствуя во время ночи,
Когда, покоясь, смертны спятъ,
Взираете сквозь тѣнь густую
На цѣлу широту земную.
Но чаю, что вы въ оный часъ,
Впротивъ естественному чину,
Петрову зрѣли дщерь едину,
Когда пошла избавить насъ.

Я не вхожу въ споръ съ тѣми, кои возстаютъ противъ злоупотребленій стихотворства; но да

будетъ мнѣ позволено сказать нѣчто въ оправданіе стихотворныхъ похвалъ и поэтическихъ къ украшенію ихъ вымысловъ, когда стихотворцы обращаютъ ихъ къ достойному предмету и съ добрыми намѣреніями. Похвала есть самое достодолжное приношеніе безмездной добродѣтели; и хотя бы люди не согласились во мнѣніяхъ, кто и когда таковою добродѣтелью отличается, нѣтъ однако сомнѣнія въ томъ, что добрая похвала заслуженная есть пища душъ чувствительныхъ; незаслуженная же побуждаетъ ее заслуживать, и бываетъ для многихъ наилучшимъ нравоученіемъ. Образъ наставленія не приличенъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, непріятенъ человѣческому самолюбію, и часто бываетъ излишнимъ для тѣхъ, коихъ всѣ подвиги и мысли устремлены во благо. Кто во всякомъ дѣйствіи изыскиваетъ худыя намѣренія, тотъ всегда и вездѣ найдетъ лесть, ложь и обманы; но кто знаетъ болѣе сердце человѣческое, тотъ, конечно, знаетъ и благонамѣренность, ему свойственную. Доводы сей истины могутъ быть болѣе ощутительны въ стихотвореніяхъ господина Ломоносова. Съ какою откровенностью и свободою правоту своихъ мыслей въ слѣдующихъ стихахъ онъ изъявляетъ!

Геройскихъ подвиговъ храпитель
И проповѣдатель Парнассъ,
Временъ и рока побѣдитель,
Возвыси нынѣ свѣтлый гласъ,
Приближи къ небесамъ вершины.

И для похвалъ Екатерины,
Какъ наша радость, разцвѣтай.
Шуми ручьями съ гласомъ лиры,
Борей преврати въ Зефиры,
Представь зимой въ полнощи рай. *

Среди торжественнаго звуку
О ревности моей увѣрь,
Что пыпѣ, чтя Петрову внуку,
Пою, какъ пѣлъ Петрову дщерь.
Ни моего преклонность вѣка,
Что слабитъ духъ у человѣка,
Ниже гонящій въ гробъ недугъ,
Ниже завистливы злодѣи,
Чрезъ вредны воспятятъ затѣи
Почтительный къ монархамъ духъ.

или:

Красуйся духъ мой восхищенный,
И не завидуй тѣмъ творцамъ,
Что носятъ лавръ похвалъ зеленый:
Доволенъ будь собою самъ.
Твою усерднѣйшую ревность,
Ни гнѣвъ стихій, ни мрачна древность
Въ забвеніи не могутъ скрыть.

---

* Премудрой нашей Самодержицы къ наукамъ, и особо къ россійскому слову, всегдашняго благоволенія новый знакъ, изъявленный выборомъ къ управленію Академіею Наукъ отличной ихъ любительницы, подастъ, конечно, случай нашимъ стихотворцамъ раздѣлить съ господиномъ Ломоносовымъ чувствія радости, каковую онъ въ сихъ стихахъ изобразить старался.

ИЛИ:

Ахъ, Музы! какъ мнѣ пѣть? Я тѣхъ лишу покою,
Которыхъ сродники развращены мечтою,
Не тщились за Петромъ въ благословенный путь,
Но тщетно мыслили противъ Его дерзнуть.
Представивъ злобу ихъ, грушаюсь и жалѣю
Что родъ ихъ огорчу невинностью своею.

Какой добритъ меня и лучъ, и жаръ, и шумъ
И гонитъ скорости смущенныхъ тучу думъ!
Съ прекрасной высоты великаго Парнасса
Наполнился мой слухъ пронзающаго гласа.
Минерва, Аполлонъ и девять сестръ зовутъ
И будятъ совершить священный спѣшно трудъ:
«Ты хочешь въ землю скрыть врученно смысла
злато?
«Мы пѣть тебѣ велимъ, и что велимъ, то свято.»
Уже съ горы глашу богинь великихъ власть:
Въ спокойствѣ чтите вы предписанную часть.
Когда похвальныхъ дѣлъ вы ходите по слѣду,
Не подражая въ злѣ ни сроднику, ни дѣду;
Когда противна вамъ неправда, злоба, лесть,
И въ сердцѣ царствуетъ правдивость, совѣсть,
честь,
Премѣна зла въ добро явится дѣло чудно,
И за попрекъ хвалу вамъ заслужить не трудно.
А вы, что хвалитесь заслугами отцевъ,
Отшодь отеческихъ достоинствъ не имѣвъ,
Не мните о себѣ, когда ихъ похваляю:
Не васъ, заслуги ихъ по правдѣ прославляю;

Ни злости не страшусь, ни требую добра:
Не ради васъ пою, для правды, для Петра.

Съ какимъ чувствіемъ господинъ Ломоносовъ изъявлятъ свою признательность и благодарность къ распространителю наукъ въ Россіи и своему особенному благодѣтелю (Ивану Ивановичу Шувалову)!

А ты, о Меценатъ! предстательствомъ предъ нею, *
Какой наукамъ путь стараешься открыть,
Предъ свѣтомъ въ томъ могу свидѣтель вѣрный быть.
Тебѣ похвальны всѣ, пріятны и любезны,
Что тщатся постигать ученія полезны.
Мои посильные и малые труды
Коль часто передъ ней воспоминаешь ты!
Услышанному быть ея кротчайшимъ слухомъ,
Есть новымъ въ бытіи животвориться духомъ.

Особое господина Ломоносова поэтическое дарованіе, въ собственномъ его о себѣ мнѣніи, соединено однако съ великою умѣренностію, паипаче когда онъ предлагаетъ что-либо важное. Приведемъ въ примѣръ первыя строки начатой имъ поэмы:

Пою премудраго россійскаго героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
Отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ со злобой велъ войну,
Сквозь страхи проходя, вознесъ свою страну;

* Блаженной памяти Государынею Императрицею Елисаветою Петровною.

Смирилъ злодѣевъ внутрь и внѣ попралъ противныхъ,
Рукой и разумомъ свергъ дерзостныхъ и льстивныхъ,
Среди военныхъ бурь науки намъ открылъ,
И міръ дѣлами весь и зависть удивилъ
Къ тебѣ я вопію, премудрость безкопечна,
Пролей свой лучъ ко мнѣ, гдѣ искренность сердечна,
И полонъ ревности спѣшитъ въ восторгѣ духъ,
Петра Великаго гласить вселенной въ слухъ
И показать, какъ онъ, превыше человѣка,
Понесъ труды для насъ, неслыханны отъ вѣка;
Съ какимъ усердіемъ, отечество любя,
Ужаснымъ подвергалъ опасностямъ себя:
Да на его примѣръ и на дѣла велики
Смотря весь смертныхъ родъ, смотря земны владыки,
Познаютъ, что Монархъ и что отецъ прямой,
Строитель, плаватель, въ поляхъ, въ моряхъ герой;
Дабы россійскій родъ вовѣки помнилъ твердо,
Коль, Небо, Ты ему являлось милосердо!
. . . . . .
Богиня, коей власть владычествъ всѣхъ превыше,
Державство кроткое весны прекрасной тише,
И къ подданнымъ любовь всѣхъ вышній есть законъ,
Ты внемлешь съ кротостью мой слабый лирный звонъ!
Склони, склони свой слухъ, когда я предъ тобою
Дерзаю возгласить военною трубою.

Тебя родившее, велико Божество.
О, море! о, земля! о, тварей естество!
Монархинѣ моей вы нраву подражайте,
И гласу моему со кротостью внимайте.

Главное поэтическое искусство, по общему признанію, состоитъ въ томъ, чтобъ стихотворецъ могъ возбудить вниманіе къ изображенію какой-либо простой бытности. Истина хотя не имѣетъ нужды въ украшеніяхъ, но разумъ нашъ удобнѣе къ ней прилѣпляется, когда находитъ ее въ пріятномъ и достойномъ образѣ, каковъ здѣсь слѣдуетъ:

Уже освобожденъ отъ варваръ былъ Азовъ;
До Меотійскихъ Допъ свободно текъ валовъ,
Нося ужасный флотъ въ струяхъ въ пучинѣ черной,
Что созданъ въ скорости Петромъ неимовѣрной;
Уже великая покоилась Москва,
Избывъ отъ лютаго злодѣевъ суровства:
Бунтующихъ стрѣльцовъ достойной послѣ казни,
Простерла внѣ свой мечъ безъ внутренней боязни,
Отъ дерзкой наглости, разгнѣваннымъ Петромъ
Воздвигся въ Западѣ войны ужасный громъ;
Отъ нарвской обуявъ сомнительной побѣды,
Шатались мыслями и войскъ походомъ Шведы.
Монархъ нашъ отъ Москвы простеръ свой быстрый ходъ,
Къ любезнымъ берегамъ полночныхъ Бѣлыхъ Водъ,

Гдѣ прежде межъ валовъ душа въ немъ веселилась,
И больше къ плаванью въ немъ жажда воспалилась.

. . . . . .

Уже, бѣлѣя, Понтъ передъ Петромъ кипитъ,
И влага уступитъ, шумя, ему спѣшитъ.
Тамъ вмѣсто чаянныхъ Бореи флаговъ шведскихъ,
Россійскіе въ зыбяхъ взвѣвали Соловецкихъ.
Закрылись крайніе пучиною лѣса,
Лишь съ моремъ видны вкругъ сліянны небеса
Тутъ вѣтры сильные, имѣя флотъ во власти,
Со всѣхъ сторонъ сложась къ погибельной напасти,
На Западъ и на Югъ, на Сѣверъ и Востокъ
Стремятся и вертятъ мглу, влагу и песокъ.
Перуны мракъ густой, сверкая, раздѣляютъ,
И громы съ шумомъ водъ свой трескъ соединяютъ:
Межъ моремъ рушился и воздухомъ предѣлъ,
Дождю на встрѣчу дождь съ кипящихъ волнъ летѣлъ,
Въ сердцахъ великой страхъ сугубятъ скрипомъ снасти.
Герой нашъ, посредѣ великія напасти,
И взоромъ и рѣчьми смутившихся крѣпитъ.

. . . . . .

Какое зрѣніе мечтается въ очахъ!
Я на земли стою, но страхомъ колебаюсь,
И чаю, что въ водахъ свирѣпыхъ погружаюсь:
Мнѣ всякая волна быть кажется гора,
Что съ ревомъ падаетъ, обрушась, на Петра.
Но Промыслъ въ глубину десницу простираетъ;

Оковы тяжкія вдругъ буря ощущаетъ.
Какъ въ равныхъ, разбѣжась, свирѣпый конь поляхъ,
Ржетъ, пышетъ, отъ копытъ восходитъ вихремъ прахъ;
Однако, доскакавъ до высоты крутыя,
Вздохнувъ, кончаетъ бѣгъ, льетъ токи потовые:
Такъ Сѣверъ, укротясь, вослѣдни возстенялъ.
По усталымъ волнамъ Понтъ пѣну разстилалъ;
Исчезли облака; сквозь воздухъ въ Югѣ чистый
Открылись два холма и берега лѣсисты.
Межъ ними кораблямъ въ заливъ отверзся входъ,
Убѣжище пловцамъ отъ безпокойныхъ водъ,
Гдѣ, въ мокрыхъ берегахъ, крутясь печальна Уна,
Медлительно течетъ въ объятія Нептуна.
Въ числѣ россійскихъ рѣкъ безвѣстна и мала,
Но предковъ рокомъ злымъ Петровыхъ прослыла,
Когда коварнаго свирѣпствомъ Годунова
Кипѣла пролита невинныхъ кровь багрова,
Какъ праотцевъ его онъ въ Сѣверъ заточилъ
Во влажномъ мѣстѣ семъ, о злоба! уморилъ.
Сошелъ на берегъ Петръ и ободрилъ стопами
Мѣста, омоченны Романовыхъ слезами;
Подвиглись берега, зря въ славѣ оныхъ родъ.
Межъ тѣмъ способный вѣтръ въ свой путь сзываетъ флотъ;
Онъ легкимъ къ западу дыханіемъ поспѣшаетъ,
И мелкихъ волнъ вокругъ себя не ощущаетъ.

Даръ изъявлять чувствія въ ихъ пространствѣ и подробностяхъ многими почитается за верхъ

разума человѣческаго; ибо на семъ изъявленіи обычайно основываются всѣ наши дѣйствія. Сильное чувствованіе и соотвѣтственное ему воображеніе принадлежатъ ли особо поэтамъ, и особо ли имъ, въ лицѣ всего дышащаго, или, когда прилично, въ лицѣ всякихъ безсловесныхъ твореній, принадлежитъ право сословное, или, какъ иные называютъ, право гласное, остается на свободномъ разсужденіи каждаго; но то кажется неоспоримо, что все одушевляется въ мысляхъ поэта, изъ его чувствія извлекается возможное совершенство Натуры, часто въ бытіи своемъ ограниченной. Можетъ ли кто не услаждаться таковою возможностью; кольми паче, когда существо вещей сходствуетъ съ воображеніемъ? Приведемъ здѣсь въ примѣръ описаніе общей Россіянъ радости, въ стихахъ на рожденіе Его Императорскаго Высочества.

Когда на холмѣ кто высокомъ
Сидя, вокругъ объемлетъ окомъ
Поля въ прекрасный лѣтній день,
Сады, долины, рощи злачны,
Шумящихъ водъ ключи прозрачны
И древъ густыхъ прохладну тѣнь,
Стада, ходящи межъ цвѣтами,
Обильность сельскаго труда
И желты классы межъ браздами,
Что чувствуетъ въ себѣ тогда?

Такъ нынѣ градъ Петровъ священный,
Толикимъ счастьемъ восхищенный,

Взошелъ отрадъ на высоту,
Вокругъ веселія считаетъ
И края имъ не обрѣтаетъ,
Какую зритъ онъ красоту!
Тамъ многіе народа лики
На стогнахъ ходятъ и брегахъ;
Шумятъ тамъ праздничные клики,
И раздаются въ облакахъ

Тамъ слышны разны разговоры;
Иной, взводя на небо взоры,
Великъ Господь мой! говоритъ;
Мнѣ видѣть въ старости судилось.
И прежде смерти приключилось.
Что въ радости Россія зритъ!
Иной: я стану жить дотолѣ
(Гласитъ младой, свой зная вѣкъ),
Чтобы служить подъ Нимъ мнѣ въ полѣ,
Огонь пройти и быстрость рѣкъ.

Уже великими крилами
Парящая надъ облаками
Въ предѣлы Слава странъ звучитъ.
Труды народы оставляютъ
И гласу новому внимаютъ,
Что Промыслъ имъ чрезъ то велитъ?
Пучина преклоняла волны,
И на брегахъ умолкнулъ шумъ;
Безмолвія всѣ земли полны,
Внимаетъ Славѣ смертныхъ умъ.

По грады росскіе, въ надеждѣ,
Котора ихъ питала прежде,
Подвигнись слухомъ паче тѣхъ;
Верхами къ высотѣ несутся,
И тщатся облакамъ коснуться.
Москва, стоя въ срединѣ всѣхъ,
Главу, великими стѣнами
Вѣнчанну, взводитъ къ высотѣ;
Какъ кедръ межъ низкими древами,
Пречудна въ древней красотѣ.

Едва желанную отраду
Великому внушилъ слухъ граду
Отверзтіемъ священныхъ устъ,
Трясущи сѣдиной, вѣщаетъ:
«Теперь мнѣ Небо утверждаетъ,
«Что Домъ Петровъ не будетъ пустъ:
«Онъ въ немъ вовѣки водворится,
«Премудрость, мужество, покой,
«И судъ и правда воцарится;
«Онъ рогъ до звѣздъ возвыситъ мой.»

Ты, Слава, далѣ простираясь,
На западъ солнца устремляясь,
Гдѣ Висла, Ренъ, Секвапа, Тагъ,
Гдѣ славны войскъ россійскихъ слѣды,
Гдѣ ихъ еще гремятъ побѣды,
Гдѣ вѣрный другъ, гдѣ скрытный врагъ,
Вездѣ разсыплешь слухи громки;
Коль много насъ ущедрилъ Богъ!
Петра Великаго потомки
Даются милости въ залогъ.

Представимъ еще образъ радостной Россіи, какову господинъ Ломоносовъ индѣ описываетъ, и образъ Натуры одушевленія.

. . . . . .

О, Муза! усугубь твой даръ,
Гласи со мной въ концы земные,
Коль нынѣ радостна Россія!
Она, коснувшись облаковъ,
Конца не зритъ своей державы;
Гремящей насыщена славы
Покоится среди луговъ,

Въ поляхъ, исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ,
Своими чистыми струями,
Шумя, стадамъ наводитъ сонъ,
Сѣдитъ и ноги простираетъ
На степь, гдѣ Хину отдѣляетъ
Пространная стѣна отъ насъ,
Веселый взоръ свой обращаетъ
И вкругъ довольства изчисляетъ,
Возлегши локтемъ на Кавказъ.

Се нашею, рекла, рукою
Лежитъ повержепный Азовъ!
Рушитель нашего покою
Огнемъ казненъ среди валовъ.
Се знойные каспійски бреги,
Гдѣ, варварски презрѣвъ набѣги,
Сквозь степь и блата Петръ прошелъ,
Въ средину Азіи достигнулъ,

Свои знамена тамъ воздвигнулъ,
Гдѣ день скрывали тучи стрѣлъ!

Въ моей послушности крутятся
Тамъ Лена, Обь и Енисей,
Гдѣ многіе народы тщатся
Драгихъ мнѣ въ даръ ловить звѣрей;
Едва покровъ себѣ имѣя,
Смѣются лютости Борея,
Чудовищамъ дерзаютъ въ слѣдъ,
Гдѣ верхъ до облакъ простираетъ,
Угрюмы тучи раздираетъ,
Поднявшись съ дна морского ледъ.

Здѣсь Днѣпръ хранитъ мои границы,
Гдѣ Готѳъ гордящійся упалъ
Съ торжественныя колесницы,
При коей въ узахъ онъ держалъ
Сарматовъ и Саксоновъ плѣнныхъ;
Вселенну въ мысляхъ вознесенныхъ,
Единой обращалъ рукой,
Но палъ, и звукъ его достигнулъ
Во всѣ страны, и страхомъ двигнулъ
Съ Дунайской Вислу быстриной.

Въ стѣпахъ Петровыхъ протекаетъ
Полна веселья тамъ Нева,
Златой порфирою блистаетъ,
Покрыта лаврами глава.
Тамъ равной ревностью пылаютъ
Сердца, какъ стогны всѣ сіяютъ

Въ исполненной утѣхъ ночи.
О, сладкій вѣкъ! о, жизнь драгая!
Петрополь, небу подражая,
Подобны низпустилъ лучи.

. . . . . .

Покрытымъ орлими крилами,
Кто смѣетъ прикоснуться намъ?

Но если гордость ослѣпленна
Дерзнетъ на насъ воздвигнуть рогъ,
Тебѣ, въ женахъ благословенна,
Противъ ея помощникъ Богъ.
Онъ верхъ небесъ къ Тебѣ преклонитъ
И тучи страшныя нагонитъ,
Во срѣтенье врагамъ твоимъ.
Лишь только ополчишься къ бою,
Предъидетъ ужасъ предъ тобою,
И слѣдомъ воскурится дымъ.

Представимъ, при описаніи Сарскаго Села, образъ чувствуемой похвалы его Строительницѣ.

Гдѣ древнимъ временемъ Славена,
Гордяся, пролились струи,
Тамъ, видя Нимфа изумленна
Украшенны луга свои,
Златые кровы окомъ мѣритъ
И въ ужасѣ себѣ не вѣритъ,
Но кажду обозрѣвши часть,
Съ веселіемъ сіе вѣщаетъ:
«То само Небо созидаетъ,
Или Петровой дщери власть.»

Рекла, и влагу разсѣкая,
Пустилась тщательно къ Невѣ;
Волна, во бреги ударяя,
Клубится пѣною въ травѣ
Во храмъ, сіяющій металломъ,
Предъ тронъ, украшенный кристалломъ,
Поспѣшно простираетъ ходъ;
Вѣнцемъ зеленымъ увязенной
И въ виссъ вѣщаетъ облеченной
Владычицѣ россійскихъ водъ.

Рѣка, которой проливаютъ
Великія озера дань,
И кою громко прославляютъ
Во всей вселенной миръ и брань!
Ты счастлива трудомъ Петровымъ;
Тебя и нынѣ краситъ новымъ
Раченіемъ Елисаветъ.
Но малые мои потоки
Прими въ себя какъ Нилъ широкій,
Который изъ рая течетъ.

Мои источники вѣнчаетъ
Эдемской равна красота,
Гдѣ садъ богиня насаждаетъ,
Прохладны возлюбивъ мѣста,
Поля, гдѣ небу подражаютъ,
Себя цвѣтами испещряютъ.
Не токмо нѣжная весна,
Но осень тамо юность года:
Всегда роскошествуетъ Природа,
Искусствомъ рукъ побуждена.

Когда заря багрянымъ окомъ
Румянецъ умножаетъ розъ;
Когда на вѣтвіи высокомъ
И посредѣ зеленыхъ лозъ;
Со свистомъ птицы воспѣваютъ,
Отъ спа къ веселью возбуждаютъ,
Что царствуетъ въ моихъ лугахъ:
И солнце, восходя, дивится,
Цвѣты, межъ коихъ Индъ крутится,
Увидѣвъ при моихъ ключахъ.

Елисаветинымъ добротамъ
Вездѣ подобна красота;
Примѣра многимъ лишь щедротамъ
Не смѣетъ скудна дать вода
И орошать скакапьемъ поля:
Однако ежель оной воля
Охоту ободритъ мою,
Великой въ похвалу Богинѣ,
Я воды обращу къ вершинѣ;
Речетъ, и къ небу устремлю. *

Коль часто долы оживляетъ
Ловящихъ шумъ межъ нашихъ горъ,
Когда богиня понуждаетъ
Звѣрей чрезъ трубный гласъ изъ норъ!

---

* Нимфа Славены нынѣ еще болѣе удивляется, увидѣвъ при Царскомъ Селѣ въ самомъ дѣлѣ, что словомъ Великой Екатерины потекли тамъ, между прекрасными новыми зданіями, воды съ желаемымъ изобиліемъ.

Ей вѣтры въ слѣдъ не успѣваютъ;
Коню бѣжать не воспящаютъ
Ни рвы, ни частыхъ вѣтвей связь:
Крутитъ главой, звучитъ браздами
И топчетъ бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордясь.

О, коль правдиво возвышаетъ,
Монархиня, сей Нимфа гласъ!
Коль взоръ твой далеко блистаетъ,
То нынѣ чувствовалъ Парнассъ,
Какъ ты, отъ мѣстъ преукрашенныхъ
И лѣтней нѣгѣ посвященныхъ,
Воззрѣла матерински къ нему:
Являя такову щедроту,
Колику къ знаніямъ охоту
Даешь пароду твоему!

Что дымъ и пепелъ отрыгая,
Мрачилъ вселенну Енцеладъ,
Реветъ подъ Этною, рыдая,
И тѣломъ наполняетъ адъ;
Зевесовымъ пронзенъ ударомъ,
Въ отчаяньи трясется яромъ,
Безсиленъ тяготу поднять,
Великою покрыть горою,
Безъ пользы движется подъ тою
И тщетно силится возстать.

Такъ варварство твоимъ перуномъ
Уже повержено лежитъ,

Когда, при шумѣ сладкострунномъ
Поющихъ Музъ, твой слухъ звучитъ,
Востокъ и Западъ наполняетъ
Хвалой твоей, и возвышаетъ
Твои щедроты выше звѣздъ.
О, вы, счастливыя Науки!
Прилежно простирайте руки
И взоръ до самыхъ дальнихъ мѣстъ.

Пройдите землю и пучину,
И степи и глубокій лѣсъ,
И нутрь Рифейскій, и вершину,
И саму высоту небесъ.
Вездѣ наслѣдуйте всечасно,
Что̀ есть велико и прекрасно,
Чего еще не видѣлъ свѣтъ;
Трудами вѣки удивите,
И сколько можетъ, покажите,
Щедротою Елисаветъ.

Изъ горъ изсѣченны колоссы,
Механика, ты въ честь возвысь
Монархамъ, отъ которыхъ Россы
Подъ солнцемъ славой вознеслись;
Наполни воды кораблями,
Моря соедини рѣками
И рвами блата изсуши;
Военны облегчи громады,
Петромъ основанные грады
Подъ скиптромъ Дщери соверши.

Въ земное нѣдро ты, Химія,
Проникни взора остротой,
И, что содержитъ въ немъ Россія,
Драги сокровища открой;
Отечества умножить славу
И вящше укрѣпить державу
Спѣши за хитрымъ естествомъ,
Подобнымъ облекаясь цвѣтомъ,
И что прекрасно токмо лѣтомъ,
Ты сдѣлай вѣчно мастерствомъ.

Въ небесны, Уранія, круги
Возвыси, посреди лучей,
Елисаветины заслуги,
Чтобъ тамо, въ вѣчну славу ей,
Сіяла новая планета.
Россійскаго пространство свѣта,
Собравъ на малы чертежи,
И грады оною спасенны,
И села ею же блаженны,
Географія, покажи.

Наука легкихъ метеоровъ!
Премѣны небо предвѣщай,
И бурный шумъ воздушныхъ споровъ
Чрезъ вѣрны знаки предъявляй;
Чтобъ земледѣлецъ выбралъ время,
Когда землѣ повѣрить сѣмя
И дать когда покой браздамъ;
И чтобы, не боясь погоды,
Съ богатствомъ дальни шли народы
Къ Елисаветинымъ брегамъ.

А ты, возлюбленная лира,
Правдивымъ счастьемъ веселись;
Къ блистающимъ предѣламъ міра
Шумящимъ звономъ вознесись:
И возгласи, что нѣтъ на свѣтѣ,
Кто бъ равенъ былъ Елисаветѣ
Такимъ блистаніемъ хвалы.
Но что за громы ударяютъ?
Се гласъ мой звучно повторяютъ
Земля, и вѣтры, и валы.

Съ какими познаніями и чувствіями здѣсь мирная тишина и покровительство наукъ превозносится!

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И классы на поляхъ желтѣютъ,
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Великое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ,

Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя:
Ты, кромѣ той, всего превыше;
Душа ея Зефира тише,
И зракъ прекраснѣе рая.

Когда на тронъ она вступила,
Какъ Вышній подалъ ей вѣнецъ,
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя, пріявъ, облобызала:
«Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для конхъ крови льется токъ.
Я Россовъ счастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый Западъ и Востокъ.»

Молчите пламенные звуки
И колебать престаньте свѣтъ;
Здѣсь въ мирѣ разширять науки
Изволила Елисаветъ.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена,
Въ безмолвіи внимай вселенна:
Се хощетъ лира восхищенна
Гласить велики имена.

Ужасный чудными дѣлами,
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами

Себя прославить въ наши дни,
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка:
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу, побѣдами вѣнчанну,
Россію, грубостью попранну,
Съ собой возвысилъ до небесъ.

Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взпрая на россійскій флагъ,
Въ стѣнахъ, внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна,
Сомнѣнная Нева рекла:
«Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?»

Тогда божественны науки,
Чрезъ горы, рѣки и моря
Въ Россію простирали руки
Къ сему Монарху, говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ россійскомъ родѣ повы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ;
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.

Но, ахъ, жестокая судьбина!
Безсмертія достойный мужъ,

Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ,
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ,
Внушивъ рыданій нашихъ слухъ!
Верхи парнасски возстенали,
И Музы воплемъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.

Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнассъ?
О, коль согласно тамъ бряцаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики.
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова Дщерь
Щедроты Отчи превышаетъ,
Довольство Музъ усугубляетъ,
И къ счастью отверзаетъ дверь.

Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ;
Но ратники ему подвластны
Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.

Сія Тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ.
Пространная Твоя держава
О, какъ Тебя благодаритъ!
Воззри на горы превысоки,
Воззри въ поля Свои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ:
Богатство въ оныхъ потаенно
Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью Твоей цвѣтетъ.

Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ счастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія;
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ:
Сіе злату очиститъ жилу;
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.

Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми Борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ Своими чудесами:
Тамъ Лена чистой быстриной,
Какъ Нилъ народы напаяетъ,
И брегн наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю тишиной.

Коль многимъ смертнымъ неизвѣстны
Творитъ Натура чудеса,
Гдѣ густостью животныхъ тѣсны
Стоятъ глубокіе лѣса;
Гдѣ, въ роскоши прохладныхъ тѣней,
На паствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не разгонялъ;
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ,
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не устрашалъ.

Широкое открыто поле,
Гдѣ Музамъ путь свой простирать,
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздать?
Мы даръ Твой до небесъ прославимъ
И знакъ щедротъ Твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ, и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ Твою державу отъ Манчуръ.

Се мрачной вѣчности запону
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ;
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ,
Тамъ влажный флота путь бѣлѣетъ,
И море тщится уступить:
Колумбъ россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Твои щедроты возвѣстить.

Тамъ тмою острововъ посѣянъ
Рѣкѣ подобенъ Океанъ;
Небесной синевой одѣянъ,
Павлина посрамляетъ вранъ;
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.

И се Минерва ударяетъ
Въ верхи рифейски копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи Твоемъ,
Плутонъ въ разселинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ Натура скрыла:
Отъ блеска дневнаго свѣтила
Онъ мрачный отвращаетъ взоръ.

О, вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ!
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте, нынѣ ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля раждать.

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ — утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха.
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

Красота сочиненій господина Ломоносова завлекаетъ меня въ долгія выписки; но мысль моя течетъ съ большею пріятностью къ главному намѣренію изъявить общее чувство народа, при распространяемыхъ россійскихъ словесностяхъ, подъ благословенною державою великой нашей Монархини.

Разумъ мой остановляется при толь обширномъ полѣ. Желалъ бы я имѣть даръ господина Ломоносова къ изъявленію всенародной Ей благодарности; но хотя слова не могутъ сравниться съ Ея благодѣяніями, утѣшительно быть и самымъ простымъ органомъ тысящей сердецъ, горящихъ къ Ней равнымъ благоговѣніемъ.

Да изліется предъ Нею наше усердіе болѣе чистотою душъ, нежели витійствомъ украшенное.

Снабжая имперію мудрыми установленіями, насаждая благовоспитаніе, распространяя благонравіе, усмиряя внѣшнихъ враговъ и привлекая милосердіемъ подъ свои законы новыя области, Она

наиболѣе побудила насъ видѣть, сколько нужны науки и достоинство слова во всякомъ благоустроеніи, и сколь направленіе сердца и наученіе разума во всякое время полезны вообще и частно отечеству. Мы видимъ, что изъ сего источника извлекаются великіе полководцы и мудрые государственные правители, и что съ самаго начала благополучнаго Ея царствованія, высокое Ея къ Россійскому Слову благоволеніе разными образами всегда было знаменуемо. Отличная милость и благоволеніе къ покойному господину Ломоносову, учрежденная для переводовъ книгъ коммисія, возведеніе извѣстныхъ многими сочиненіями писателей на степени ихъ таланту и достоинству приличные, и напослѣдокъ, собственно къ возвышенію языка нашего, Ея трудолюбіе, не даютъ намъ усомниться, сколь святы и достодолжны наши жертвы Ей, яко Минервѣ приносимыя

Недоставало въ Россіи для распространенія слова установленнаго общества: Она, препоручивъ правленіе наукъ ихъ отличной любительницѣ, ввѣряетъ ей благоустроеніе новой Россійскаго Слова Академіи, обнадеживая навсегда ее своимъ высокомонаршимъ благоволеніемъ. Невозможно, чтобъ, при изліяніи къ Россіи толикихъ Ея милостей, умолкъ языкъ нашъ.

Великая Монархиня! Тебѣ обязанные лучшею частію бытія нашего, Тебѣ да потщимся принести плоды нашего неоцѣненнаго благополучія!

РѢЧЬ

О ДОСТОИНСТВѢ ВООБЩЕ СЛОВЕСНОСТИ И О ПРОИЗВЕДЕНІИ СЛОВЪ РОССІЙСКИХЪ.

Времена благодѣтельныхъ государей подобны прекрасному лѣту, когда оно, животворнымъ своимъ вліяніемъ, возвеличиваетъ природу и даетъ сущность многихъ надеждъ радовательному совершенію. Сословіе почтенной моей собратіи, при всякомъ удаленіи отъ лживаго ласкательства, не скучитъ, въ томъ я увѣряюсь, напоминовеніями истины, всѣми и всюду повторяемой, и представляемой съ нѣкакою всегда святохранимою единогласностію по тому самому, что она есть непреложная истина. Отдавая словомудрія честь любопытному уму человѣческому, справедливость не должна ли приписать многое чувствію нашего признанія, когда усиливаемся изрещи благодарность, часто превосходящую изреченіе.

Если ли бы языки раждались въ вѣкахъ зрѣлаго человѣческаго познанія, любители словесности потщились бы слѣдовать въ томъ благо-

устроенному въ природѣ вещей согласію, почтились бы согласовать вначалѣ способности словесныхъ нашихъ органовъ, превосходящихъ весьма ощутительно органы другихъ животныхъ. Неоскудѣваемая мѣра механическихъ способностей дана человѣчеству, конечно, не такъ просто, чтобъ мы превосходнымъ сложеніемъ гортани нашей произносили и подражательные всякіе гласы, и особенно свои различные составы рѣчи, безъ присоединенія къ нимъ другихъ, подобно неоскудѣваемымъ способностямъ, коихъ дѣйствія назвали мы: чувствовать, мыслить, образовать и памятовать. Высочайшій всего Начальникъ, наградя насъ сими начальными способностями, далъ намъ, по обильной мѣрѣ ихъ, и другія нужныя орудія къ образованію словъ многоразличныхъ, сколь бы познанія наши пространны ни были.

Любители Словесности, въ разныхъ вѣкахъ и народахъ, не преминули однако, сколько могли, сблизить мало по малу слова со свойствомъ вещей парицаемыхъ; а отъ сего гармоничнаго сближенія Словесность, напослѣдокъ, получила нѣкакую очаровательную силу, верховную надъ всѣми другими человѣческими способностями.

Побуждаемся ли принести Богу наши благодаренія, мольбы и славословія? Прибѣгаемъ, въ изобиліи чувствій, къ боголѣпному восклицанію; и словесный даръ, каковымъ мы безконечно ущедрены, посвящаемъ во славу всѣхъ щедротъ Источника, яко превосходнѣйшую часть бытія нашего.

Изъявить ли мудрому, благотворному и попечительному Государю наше удивленіе, почитаніе, усердіе, нашу любовь, приверженность, вѣрность? Слово, въ согласіи съ нашею доброю волею, содѣлывается крѣпчайшимъ ихъ истины ручателемъ.

Усовершить ли наши дарованія и опредѣлить ихъ цѣли? Къ тому не инако достигаемъ, какъ посредствомъ слова, доставляющаго намъ правыя о вещахъ понятія, и сихъ понятій соображенія.

Союзить ли частныя пользы во благо общее? Слово производитъ, содержитъ и укрѣпляетъ единомысліе, и какое, безъ одушевительнаго разумѣнія, было бы однимъ только пустымъ звукомъ, такое въ своемъ одушевленіи связуетъ цѣпь всѣхъ нашихъ взаимныхъ обязанностей.

Отдать ли справедливость и похвалу добродѣтелямъ, высокимъ достоинствамъ, отличнымъ заслугамъ, полезнымъ дарованіямъ? Слово своею душепитательною наградою превосходитъ тогда многоцѣннѣйшія сокровища, кои слабо награждаютъ имства, многоцѣнность оныхъ превышающія.

Привести ли законы въ ясность, силу и твердость? Слово, противугласное темнотѣ, сомнѣнію и двоемыслію, доставляетъ намъ надежнѣйшую нить, въ лавиринѳѣ невѣжественныхъ толковъ и ябедъ истину затмѣвающихъ.

Не слово ли держитъ въ спасительныхъ правилахъ племена людей, различныхъ состояній, нравовъ и обычаевъ, совокупленныхъ воедино удостовѣреніемъ ихъ общей въ томъ пользы и

общаго спокойствія? Исторія представляетъ намъ безчисленные примѣры приведенныхъ въ развратъ не только частныхъ людей, но и цѣлыхъ обществъ и цѣлыхъ народовъ; и въ то же время, когда сила развратной буйности стремительно рѣетъ ихъ въ самую тму заблужденій, видимъ, однако, что единое слово, единая черта, умъ просвѣщающая, удерживаетъ отъ большихъ погрѣшеній тысящи заблуждающихъ и предупреждаетъ бездну золъ, предстоящихъ погрѣшеніемъ.

Здѣсь долженъ я включить благонамѣренныхъ писателей достоинства, малымъ числомъ людей чувствуемыя, но главнѣйшія исправленія во нравахъ, склонностяхъ и обычаяхъ производящія. Горделивыхъ умовъ изнѣженное самолюбіе не дозволяетъ имъ признаваться въ таковой истинѣ, поколику она оскорбила бы ихъ тщеславіе и унизила бы высокоцѣнимость преимуществъ незаслуженныхъ; но кто въ тайности сердца, вопроса безпристрастно совѣсть свою, не возчувствуетъ, сколь правдиво обязанъ онъ лучшею частію своего физическаго и моральнаго благосостоянія достоинству Словесности?

Не слову ли повинуются многочисленныя воинства, уразумѣвая, что законная власть, ими дѣйствующая, требуетъ отъ нихъ совершеннаго повиновенія и всегдашняго бодрствованія по справедливымъ причинамъ и надобностямъ? Въ самыхъ упорныхъ битвахъ, когда человѣчество отъ окружающихъ ужасовъ содрогается, и когда отчаянность изнеможенія начинаетъ уже стремить-

ся къ бѣгу, коль часто слово мудраго и храбраго полководца, подобно быстротѣ молніеносной, летитъ на помощь уступающей слабости, возраждаетъ въ ней новыя силы, новую смѣлость и новую къ побѣдѣ надежду, самую побѣду наконецъ производящую!

Къ вамъ обращаюсь теперь, любезнѣйшіе словесности предметы, жизнь нашу пріятными заботами наполняющіе! При самомъ вишнемъ красоты вашей совершенствѣ, при самыхъ плѣнительныхъ ся парядахъ, коль слабы нашлись бы ваши прелести и привлеченія, если бы слово въ устахъ вашихъ, совершенному чарованію подобное, не присоединялось къ вашему надъ сердцами владычеству! Не часто ли мы видимъ, что красота, невѣдущая и небрежная, уступаетъ верхъ благоразумію, достоинствомъ слова привлекающему? Примѣры вѣрнѣйшихъ друзей, супруговъ, любовниковъ, но на семъ ли достоинствѣ главнымъ образомъ основаны? не посредствомъ ли слова намъ описаны и проповѣданы?

Надобны ли къ тому убѣдительнѣйшіе примѣры? Великіе монархи не только покровительствомъ, но и собственными трудами любительно старались ознаменовать достоинство Словесности, неминуемо объемлющее всѣ части человѣческихъ правъ, выгодъ и обязанностей. Безсмертныя имена таковыхъ монарховъ колико возвеличиваютъ Словесность всѣхъ вѣковъ и всего міра, толико сами ею справедливо возвеличиваются.

Скажемъ еще, что если бы кто восхотѣлъ до-

воды о достоинствѣ Слова распространить далѣе, то нашелъ бы въ самыхъ началахъ міросозданія, сего божественнаго дара священнѣйшія изображенія. Приведемъ здѣсь въ приличность нѣкоторыя: «Словомъ небеса создашася. Словомъ сотворилъ Богъ міръ видимый и невидимый. Словомъ далъ намъ познать волю Свою. Одареніемъ слова возвеличилъ насъ надъ всѣми земными созданіями». Самъ небесныхъ круговъ Верхотворецъ, по превосходному слова отличію, именованъ во Святомъ Писаніи *Богъ Слово*.

Кто бы могъ потомъ не чувствовать, что мы Словомъ познаваемъ и себя и насъ окружающее? Словомъ содержатся уставы нашихъ должностей, Словомъ крѣпится общее и частное всѣхъ благосостояніе и Словомъ царствованіе восходитъ на степень благожелаемаго величія.

При толь ощутительныхъ и неоспоримыхъ истинахъ, должно однако упомянуть, что всякая полезная вещь, по общему природы закону, бываетъ причастна временнымъ злоупотребленіямъ, каковыя подъ разными видами, входя въ составъ бытія нашего, превращаютъ иногда невинности и спокойствія образъ въ соблазнительный примѣръ бѣдствующаго человѣчества. Подобно такъ и Словесность, при всей своей пользѣ, имѣетъ своихъ превратителей, кои, производя благодатнымъ орудіемъ злыя дѣянія, простираютъ превратныхъ умовъ язву равно на предметы своего сотоварищества, какъ и на тѣхъ, кого они подчиняютъ тяготамъ своей превратности. Словес-

пость содѣлывается тогда нѣкакою болѣзнью разума, подозрѣвается въ своихъ дѣйствіяхъ и представляется въ видѣ опаснѣйшаго свойства человѣческаго. Изнемогающіе подъ бременемъ случайнаго своего жребія, называя тогда случайность постоянностью, вопіютъ, въ горестныхъ прискорбіахъ, что Слово развращаетъ простоту и удобовозможность на земли блаженства человѣческаго; что, со временп распространенія Слова, первородныя къ доброму склонности, бывъ прежде вѣрными путеводителями, содѣлались сомнѣнными, или вовсе измѣнились; что Слово рѣдко означаетъ прямую мысль нашу, и еще рѣже объясняетъ вещи, каковы онѣ въ самой сущности представляются; что злоупотребленіе Слова далеко превосходитъ злоупотребленіе нѣмства человѣческаго; что вредные умы находятъ въ Словѣ и пищу собственной разврата закоснѣлости и къ развращенію другихъ орудіе. Чрезъ Слово, вопіютъ опи, клевета уничтожаетъ истину, чрезъ него невѣжество и суемудріе торжествуютъ надъ благоразумнымъ познаніемъ. Чрезъ него хищная лесть исторгаетъ себѣ выгоды, къ обидѣ заслугъ справедливыхъ. Чрезъ него развращаются общества, разоряются грады, гибнутъ народы, и даже слѣдъ полезныхъ и великихъ дѣлъ, купно съ тѣми, коихъ жизнь была безцѣнностію вѣка и коихъ память не инако долженствуетъ быть сохраняема, какъ въ утѣшительное повѣствованіе вѣкамъ будущимъ, къ прискорбію человѣчества, иногда утрачивается.

Такову представляютъ они картину Словесности въ ея злоупотребленіяхъ. Но не слышимъ ли притомъ безпристрастнаго благоразумія и благопосредствующей истины гласа? Они внушаютъ, что возможность всякихъ случайныхъ событій не есть устроенный кругъ дѣяній человѣческихъ, въ обычайномъ пути своемъ постоянствующихъ; не есть правило общественное, ниже частное, ибо таковыя событія влекутъ за собою обоюдныя бѣдствія; но есть примѣръ къ послѣдованію, ибо онъ соединенъ съ раскаяніемъ, страхомъ и опасеніемъ.

Такъ подобно видимъ злоупотребленіе металла, извлекаемаго изъ нѣдръ земли къ лучшему ея воздѣланію, или къ оборонѣ отечества и другимъ разнымъ полезностямъ. Остріе желѣза является ли въ рукахъ какого-либо злодѣя? Гнушаемся злодѣйствомъ, но высоко чтимъ пользу орудія, познавая въ немъ благодаровитость Творца къ покою и оградѣ мирныхъ добродѣтелей. Такъ подобно люди, вредные остротою словесныхъ жалъ своихъ, представляютъ намъ отвратительную мрачность словосплетенія, но тѣмъ не помрачаютъ достоинства Слова, въ общеполезномъ его употребленіи.

Если же бы какое упрямое злоуміе представляло себѣ въ частыхъ примѣрахъ таковаго зла нѣкоторую опору и извинительность, то да будетъ намъ позволено изслѣдовать: не отъ причины ли недостаточныхъ словъ и объясненій главнымъ образомъ происходятъ человѣческія погрѣшенія? Кто усомнится, вопросимъ примѣрно, что-

бы десять въ счету своемъ не были десять, когда то условіемъ вѣрной математической истины доказано? Не равно ли мы удостовѣрены, что благосостояніе наше не можетъ быть спокойно и прочно, когда окружающее насъ не будетъ причастно сему благосостоянію? Моральныя истины не разнятся съ математическими, когда онѣ въ человѣческихъ сообществахъ, единообразнымъ смысломъ, словомъ и дѣйствіемъ уясняются и вѣчнуютъ.

Умолкнемъ ли въ бездѣйствіи, когда времена нашего благополучія несомнѣнны? Монаршимъ высокимъ благоволеніемъ возстановленная Императорская Россійская Академія не имѣетъ ли нынѣ новыхъ обязанностей пещись объ усовершенствованіи отечественнаго Слова, усовершая тѣмъ благо общее?

Трудолюбивые Россійской Словесности любители, первѣе другихъ чувствуютъ, что, при всѣхъ ея успѣхахъ, нахотяся еще въ ней недостатки, и ничто не образуетъ умовъ такъ сильно, какъ усовершеніе Словесности. Какое прекрасное поле къ откровеніямъ! — поле, достойное любителей отечества, готовыхъ усердными трудами соотвѣтствовать великодарственнымъ монаршимъ намѣреніямъ!

Въ другихъ временахъ, любопытность нѣкоторыхъ природы тайнопознателей, сообразуясь съ тѣснотою своего круга, довольствовались нѣкакими изслѣдованіями первобытнаго человѣческаго въ природной дикости безсловеснаго или ма-

лословеснаго состоянія Благоразумнѣйшіе изъ нихъ отрицали удобовозможность совершенной дикости, полагая, что состояніе человѣка совершенно дикое, если бы такое могло гдѣ случиться, было бы скотоподобіе; и въ такомъ случаѣ люди равно, какъ скоты, не заслуживали бы подробнаго бытія ихъ изслѣдованія. Другіе же, ограничивая способности, кругъ и блаженство человѣка въ кратчайшихъ предѣлахъ, назначали ему небольшое число жизненныхъ надобностей и, къ ихъ изъявленію, двадцать или тридцать словъ тому соразмѣрныхъ. Такимъ образомъ полагали, что блаженство въ простотѣ жизни есть самое на земли совершенное, поколику исполненія желаній не могли тогда быть подвержены затрудненіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, слова: дай, возьми, приди, поди, хочу ѣсть, пить, спать, съ нѣкоторымъ числомъ другихъ рѣченій, казались бы къ сохраненію и нѣкоторому удовольствію жизненному достаточными, если бы вся окружность человѣка могла постоянно въ томъ ему содѣйствовать. Къ прискорбію человѣчества, никакая исторія первобытнаго человѣка не увѣряетъ о возможности и постоянствѣ подобнаго счастія. Къ Словарю краткому сего святообразнаго созданія скоро прибавились рѣченія, начальной его тишинѣ, кротости и начальному благополучію несоотвѣтственныя. Другимъ оставимъ изслѣдованія: звѣри ли, звѣрямъ ли подобные люди, или и тѣ и другіе совокупно принудили его болѣе и болѣе размышлять о лучшихъ своихъ способностяхъ:

о предосторожностяхъ, оградахъ, защищеніяхъ, человѣческихъ сообществахъ и условіяхъ. Упомянемъ однако, что таковые начальные образцы изобрѣтеній прозвели отъ себя, въ теченіе временъ, удивительныя послѣдствія ремеслъ, художествъ, искусствъ, наукъ и познаній, требующихъ умовъ высокихъ. Каждое новое откровеніе, или изобрѣтеніе естественно прибавляло новыя слова, къ изъясненію дѣйствій и вещей, дотолѣ невѣдомыхъ или маловѣдомыхъ. А таковыя прибавленія, и потомъ укоренившіеся словъ обычаи, составили напослѣдокъ пространные языки, частію съ самогласнымъ подобіемъ и приличностію вещей соображенные, правильные и ясные; частію же принятые отъ вымысла маловѣдущихъ, неправильные и недостаточные.

Къ тому должно себѣ представить, что природное любопытство человѣческое и нѣга чувствій, страстей, ума и воображенія, никогда не могли, наипаче въ ихъ совокупности ограничить своего круга; и несомнѣнно, какъ въ произведеніяхъ, достойныхъ подражанія, такъ въ погрѣшностяхъ и заблужденіяхъ, дѣлаясь часто образцами, оставляли по себѣ добрыхъ и худыхъ послѣдователей.

Красота россійскаго языка, въ видѣ отечественнаго преимущества, сколь ни была бы намъ пріятна, но въ сужденіи, какая степень отличности принадлежитъ нашему языку предъ прочими, признательно безмолвствую. Почтенная моя собратія можетъ, по сравненію языковъ, какіе

мнѣ чужды, извѣдать то основательнѣе. Я же ограничу себя примѣчаніями только о Россійскомъ Языкѣ, къ его собственному достоинству относящимися.

Языкъ нашъ имѣетъ множество коренныхъ краткихъ словъ, отличительныхъ гармоничнымъ съ природою сходствомъ, или ей подражаніемъ, и могъ бы достаточно изобиловать въ рѣченіяхъ, если бы нѣкоторыя коренныя слова, въ отдѣлѣ отъ прилагаемыхъ къ нимъ частицъ, не были оставлены. Кажется, что иныя требуютъ только возстановленія, ибо въ славенскомъ или въ другихъ, происходящихъ отъ него языкахъ, онѣ въ точности находятся. Но подробные о томъ изслѣдованія не принадлежатъ къ предмету моей рѣчи; къ ней слѣдуютъ только краткія замѣчанія, какими способами языкъ нашъ удобнѣе можетъ приближаться къ усовершенію. При всей же возможной въ томъ кратости, не излишнимъ однако кажется предложить здѣсь о недостаткѣ въ нашемъ языкѣ нѣкоторыхъ словъ, отличительно уважаемыхъ въ общежитіи человѣческомъ. Недостатокъ сей тѣмъ болѣе чувствителенъ, что на другихъ языкахъ, при сравненіяхъ, встрѣчаемъ точность и ясность словъ, въ совершенномъ со смысломъ ихъ согласіи; но на своемъ языкѣ изъяснить то или не можемъ, или изъясняемъ недостаточно.

Находимъ ли себя въ трудности изъясненія, когда сочетаніемъ разныхъ словъ именуемъ какой либо предметъ, въ существѣ своемъ не слож-

ный? Такъ напримѣръ, по реченію *дѣлать доброе*, именуемъ *добродѣтель*, въ ея особомъ разумѣніи. Въ другихъ одуманныхъ языкахъ находимъ, что сіе высокое человѣческое качество, разумѣемое у насъ подъ словомъ *добродѣтели*, именовано не сложнымъ, но коренным свойственнымъ словомъ, зрѣлое мужество и постоянство означающимъ (virtus, vertu), отдѣльно отъ смысла всякаго добродѣянія, и паипаче отъ смысла добродѣянія случайнаго, какое въ нашемъ языкѣ, по содѣланію какого либо добра, правдиво именуется добрымъ дѣломъ: и буквально, добродѣтельно, единозначительною съ добродѣяніемъ. Таковая буквальная добродѣтель и на другихъ языкахъ изображается рѣченіями, тому подобными

Словари чужихъ языковъ изъясняютъ добродѣтель въ ея особомъ разумѣніи слѣдующимъ образомъ: *virtus:* rectitudo, probitas, propensio ad bonum (латинское), *vertu:* droiture, probité, disposition ou habitude de l'ame à faire le bien (французское).

Прибавимъ тутъ же и нашего языка, подъ словомъ *добродѣтели*, изъясненіе:

Добродѣтель есть постоянное правоты и чести любленіе, постоянная склонность и готовность къ добродѣяніямъ.

Разность между добродѣяніемъ временнымъ и постоянною склонностью, и готовностью къ добродѣяніямъ является въ такой подобной противомѣрности, какъ часъ предъ цѣлымъ годомъ.

Представимъ въ примѣръ бытность, на одномъ изъ Алеутскихъ Острововъ случившуюся. Дикій островской обитатель видитъ звѣря, гонящагося за малою дѣвочкою, бросается со своимъ оружіемъ на звѣря, убиваетъ его и спасаетъ тѣмъ дѣвочку отъ видимой смерти. Русскіе промышленики, тутъ случившіеся, восклицаютъ ему похвалы за его добродѣтель, отдая должную честь его доброму дѣлу, какое въ произшествіи своемъ, безъ сомнѣнія, было доброе. Дикому человѣку показалось обидно, что похваляютъ его за безкорыстное дѣло. «Не дѣвкинъ животъ мнѣ былъ дорогъ, отвѣчалъ Алеутянинъ: со звѣря я кожу сойму, да за кожу полтину возьму.»

Исторія Алеута и дѣвочки есть исторія, чаятельно, многихъ племенъ, которымъ не достаетъ только алеутскаго чистосердечія. Излишне, кажется, распространять вопросъ, въ подобныхъ ли дѣйствіяхъ сущная добродѣтель заключается.

Слово, именующее добродѣтель, отъ добра и дѣянія производную, заслуживаетъ, впрочемъ, свое въ языкахъ мѣсто, такъ какъ значеніе добраго дѣла, хотя бы дѣло не отъ добраго намѣренія происходило. Весьма же инако разумѣемъ въ россійскомъ языкѣ о добродѣтели, яко свойствѣ людей суще добродѣтельныхъ; и не по другому разумѣнію увѣряемся, что высочайшій Отецъ всякаго созданія полную свободу и достоинство человѣка возвышаетъ единственною мѣрою добродѣтели.

Любители Россійскаго Слова не преминули ис-

кать въ корняхъ славянскаго языка особаго сущей добродѣтели названія; и какъ въ подобныхъ изысканіяхъ малѣйшіе признаки правдоподобія могутъ быть уважительны, по малой мѣрѣ приближеніемъ своимъ къ свѣту истины: то уповаю, что благосклонный читатель не поставитъ себѣ скукою включаемое здѣсь краткое предложеніе нѣкоторыхъ корней и отраслей словъ, къ тому слѣдственныхъ. Ничто такъ не вразумляетъ насъ во взаимныхъ нашихъ объясненіяхъ, какъ единообщее понятіе о вещахъ объясняемыхъ.

Въ церковныхъ нашихъ древняго языка книгахъ часто находимъ слова: «добліи, добльственный, доблѣ, добльственно, доблесть;» находимъ ихъ точно въ томъ смыслѣ, какъ бы сказать: «постоянный, постоянно, постоянность;» и такъ, кажется, находимъ въ доблести точное опредѣленіе смысла, присоединяемаго къ добродѣтели постоянной, мужественной и неизмѣнной. Любители же словопроизведеній, перемѣняя нѣкоторыя окончательныя буквы доблести, согласно съ употребительнѣйшими россійскаго языка склоненіями, даютъ намъ слово добность, доселѣ само собою неупотребительное, но производящее отъ себя многія, сообразныя съ доблестью или добностью, употребительныя отрасли, каковы суть: подобность, подобіе, преподобіе, подобный, преподобный, удобность, удобный, надобность, надоба, надобный, снадобье, и проч. Всѣ сіи реченія по ихъ общеподобію, заключаютъ въ себѣ ощутительно полный или частный смыслъ корен-

ного слова доблести, добности или добы, въ языкѣ нашемъ недостающаго и неупотребляемаго, можетъ быть потому только, что оно временами вышло изъ употребленія. Нѣкоторые же словопроизводители, пріемля добность и добу въ основаніе, отъ того и добро и доброту производятъ.

Кажется, что словопородныя семейства, отторженныя и странствующія, могутъ возвращаться въ нѣдра отечественныя. Почтенная моя собратія, конечно, не отринетъ надобныя, хотя бы, впрочемъ, семейственный союзъ ихъ подверженъ былъ сомнѣнію.

Россійской Словесности любители, при достодолжномъ почитаніи отечественнаго языка, не исключаютъ изъ него и чужеземныхъ словъ, нуждою или обычаемъ воспріятыхъ; и нѣкоторые въ пользу человѣчества желаютъ, чтобы таковые единообщіе въ языкахъ посредники болѣе и болѣе размножились. Пріобщимъ здѣсь ихъ мнѣнія:

Православная Церковь наша и науки, говорятъ они, приняли число словъ греческихъ; судопроизводство, искусники художествъ и ремеслъ заняли число латинскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и прочихъ. Правда, что многіе изъ нихъ переводятся съ равною въ переводѣ ясностью; но иные, при всѣхъ вышеподобныхъ изображеніяхъ, являются неудобовразумительны на такихъ языкахъ, въ какихъ чужеземныхъ словъ предметы дотолѣ не существовали, или были невѣдомы и, слѣдственно, не могли имѣть названія. При образо-

ваніи Словарей, во-первыхъ, желать должно, чтобы употребляемыя слова, свои или чужеземныя, приведены были во всевозможную ясность. Люди словеснымъ даромъ своимъ особо тогда пользуются, когда въ изъясненіяхъ не затрудняются.

ПИСЬМО КЪ N.

—

Вы желаете, чтобъ я вступилъ въ скользкую дорогу Сочинителя. Я болѣнъ, и чувствую, что при разстройкѣ тѣла напряженіе разума не далеко простирается. Знаю, что публика, по принадлежащему ей праву, будетъ судить о личномъ моемъ достоинствѣ, по мѣрѣ худого или добраго успѣха моего сочиненія; знаю, что не благоразумно предавать себя добровольно подъ осужденіе многихъ: я все то забываю; ловлю минуты, когда только могу мыслить спокойнѣе, и утѣшаюсь тѣмъ, что если не буду счастливъ успѣхомъ, то, по малой мѣрѣ, не навлеку себѣ предосужденія исполненіемъ вашей воли. Вотъ сказка, которая всѣхъ скорѣе вмѣстилась въ больной головѣ моей:

СИМВОЛЪ МУДРОСТИ.

Извѣстно всѣмъ, что боги и богини имѣютъ особые знаки или символы, ихъ отличающіе. Юнона выбрала себѣ павлина, Венера голубей; но можно ли себѣ представить, чтобъ Минерва по вкусу предпочла сову другимъ прекраснымъ

птицамъ? Конечно, нѣтъ. А вотъ истинное произшествіе, каково описано въ самыхъ старинныхъ лѣтописяхъ: Минервѣ приличенъ былъ знакъ неусыпности, проповѣданія, бодрости, красоты и величавости. Не было ошибки въ выборѣ: назначенъ былъ пѣтухъ въ ея свиту въ то же время, какъ данъ павлинъ въ свиту Юноны. Не знаю, былъ ли то простой пѣтухъ, каковы у насъ водятся, или выписанъ былъ изъ-за моря; но вскорѣ Минервинъ пѣтухъ произвелъ шумъ въ народѣ. Многіе издалека приходили видѣть его перья, осанку и выступку, и не давали ему прохода; иные находили, что онъ пѣлъ громче и пріятнѣе всѣхъ пѣтуховъ на свѣтѣ, и безпрестанно просили, чтобъ онъ показалъ свой голосъ, не размышляя о пѣтуховой груди, которая могла распухнуть; другіе, видно, для завода подобныхъ пѣтуховъ, чаяли, что ему въ бесѣду надобно было по сту курицъ, не вопроса его о склонностяхъ; иные хотѣли выщипать изъ хвоста его сизыя перья, чтобъ сдѣлать изъ нихъ украшеніе головамъ мужскимъ или женскимъ. Великая толпа другихъ пѣтуховъ почли себѣ за крайнюю обиду невинную славу пѣтуха Минервина, и подавали разныя мнѣнія, какимъ образомъ увѣрить курицъ, что онъ величается непристойнымъ образомъ и ихъ обманываетъ. Нашлись и такіе, которые находили тѣло его весьма тучнымъ и вкуснымъ, если его сварить въ супѣ или въ соусѣ. «Богиня Мудрости!» возопилъ пѣтухъ, «я не просился въ свиту небесную: не вы-

ставливалъ себя напоказъ предъ народомъ; не заглушалъ моимъ голосомъ пѣтуховъ и самъ ихъ слушаю; не прельщалъ курицъ и не унижалъ достоинствъ моихъ братьевъ. Перья мои дала мнѣ натура, и думаю, что они мнѣ принадлежатъ справедливѣе, нежели тѣмъ, кои хотятъ взять ихъ у меня силою. Богиня! лучше желаю быть при тебѣ совою, нежели пѣтухомъ, сваренымъ въ супѣ или въ соусѣ. Знаю, что сова всегда молчитъ, и отнюдь не имѣетъ знаменитости, но я желаю жить въ покоѣ.»

—Таково было мое намѣреніе, сказала ему Минерва, чтобъ дать тебѣ впачалѣ славу, чрезъ которую бы ты узналъ опытомъ, что умѣренность и молчаніе суть надежнѣйшіе путеводители къ счастію.—Пѣтухъ превращенъ былъ въ сову, и съ той поры сова содѣлалась символомъ мудрости.

ПИСЬМО КЪ ГОСПОЖѢ * * *

О ВЕЛИКОДУШНЫХЪ ЧУВСТВОВАНІЯХЪ.

—

Предпріявъ писать къ вамъ о великодушныхъ чувствованіяхъ, я могъ бы исполнить мое намѣреніе всего скорѣе описаніемъ многихъ истинныхъ дѣлъ, въ которыхъ бы вы себя узнали; но правила того же великодушнаго чувствованія, которымъ вы отличаетесь, налагаютъ на меня скромность, приличную моему въ обществѣ положенію.

Великодушныя чувствованія питаются общественными одобреніями и примѣрами. Сей истинѣ, думаю, никто прекословить не будетъ и не опорочитъ моего намѣренія, которое ни до чьего лица не касается, а имѣетъ цѣлію одно только изображеніе добродѣтели, не всюду между людьми обыкновенной.

Въ самый день расположенія моего писать къ вамъ, я читалъ одну изъ французскихъ комедій, извѣстныхъ подъ названіемъ *Театра въ пользу юношества*. Не будучи же зараженъ пристра-

стіемъ сочинителя, охотно признаюсь, что, при изображеніи великодушныхъ чувствованій, можетъ быть, удовольствовался бы я менѣе собственнымъ моимъ сочиненіемъ, нежели тѣмъ, что въ чтеніи мнѣ встрѣтилось.

Альманзоръ, воспитатель Ватека, сынъ калифа Мотассема, разговариваетъ съ Жіаферомъ, своимъ другомъ, который старается предостеречь Альманзора отъ коварствъ его непріятелей. Нѣтъ здѣсь нужды до содержанія всей комедіи; я переведу только разговоръ, въ которомъ Альманзоровы разсужденія, основанныя на истинномъ великодушіи, чаятельно, вамъ особливо понравятся.

Жіаферъ. Удивляюсь твоему спокойствію, тогда, какъ ты долженъ опасаться ненависти твоего соперника.

Альманзоръ. Но знаешь ли, для чего онъ меня ненавидитъ? Безъ сомнѣнія, потому что меня не знаетъ. Онъ судитъ обо мнѣ какъ человѣкъ, въ свѣтѣ искусившійся, и, чаятельно, находитъ во мнѣ необузданное честолюбіе, прикрытое притворнымъ видомъ добродѣтели. Могу ли я строго осуждать его ненависть, которая основана на его предубѣжденіи, и могла бы быть справедлива, еслибъ я подлинно былъ таковъ, какимъ онъ меня разумѣетъ.

Жіаферъ. И ты думаешь, что когда бы онъ зналъ тебя лучше, то отдалъ бы тебѣ справедливость?

Альманзоръ. Конечно: потому что онъ пересталъ бы меня опасаться.

Жіаферъ. Съ сожалѣніемъ предвижу, что ты будешь когда-нибудь жертвою твоего безпечнаго чистосердечія и ухищренія твоихъ непріятелей.

Альманзоръ. Ухищреніе непріятелей не есть ли иногда одно только бранное слово? Люди сами собою не свойственны къ безпокойствамъ ухищренія.

Жіаферъ. Я могу тебѣ доказать, что ты имѣешь непріятелей болѣе злыхъ, нежели часшь.

Альманзоръ. Люди часто, но не всегда бываютъ злобны; и не имѣютъ ли они множества причинъ, ихъ извиняющихъ? Иногда коловратность при дворѣ счастія едва позволяетъ размышлять свободно; а ты знаешь, что въ насъ правила и добродѣтели утверждаются спокойствомъ и свободою. Представь еебѣ, колякимъ разнымъ невольнымъ обязанностямъ подверженъ иногда человѣкъ, на высокой степени поставленный. Прислужники его требуютъ безпрестанно, чтобъ, если можно, всѣ ихъ желанія были удовольствованы; требованія же прислуживающихъ дѣлаются нѣкоторыми правами, во взаимность ихъ къ нему привязанности, услугъ и усердія. Представь себѣ притомъ вокругъ его толпу людей, отъ которыхъ онъ рѣдко слышитъ правду въ произшествіяхъ, и чистосердечіе въ совѣтахъ, или разсужденіяхъ. Почти всякъ ищетъ усугубить въ немъ какую-нибудь личную досаду;

и чувства его, хотя бы охотнѣе наклонялись къ общему или частному благу, безпрестанно коварствомъ пасилуются. Напослѣдокъ, онъ противу склонности чуждается всякой дружбы, боясь, чтобъ подъ видомъ оной не было сокрыто какое-либо уловленіе. При всѣхъ таковыхъ поводахъ къ безпечности и злотворенію, злые нравы принадлежатъ къ неволѣ, а не къ природѣ нашей. Я видалъ много неправосудія и неразсмотрѣнія, но всегда находилъ ихъ происходящими отъ заблужденій и слабостей человѣческихъ; между тѣмъ я былъ свидѣтель многихъ при дворѣ честныхъ дѣлъ и великодушныхъ поступковъ

Жіаферъ. Знаю, что при дворѣ часто являются дѣйствія душъ великихъ: но всѣхъ ли и всегда ли находишь ты великодушными?

Альманзоръ. Нельзя требовать, чтобы всѣ люди были философы. Во всякомъ мѣстѣ человѣкъ, неимѣвшій нѣкотораго воспитанія и нѣкоторыхъ въ жизни опытовъ, наиболѣе же, когда свобода его разными образами порабощается, всегда будетъ малодушенъ и непостоянен. Думаешь ли ты, что еслибъ ты и я не имѣли особо счастливаго воспитанія, особо счастливыхъ случаевъ къ познанію сердца человѣческаго, и напослѣдокъ, еслибъ не имѣли нѣкотораго независимаго состоянія, думаешь ли ты, Жіаферъ, чтобы мы могли тогда различно отъ другихъ мыслить и дѣлать? Конечно, нѣтъ. И такъ, не станемъ строго осуждать тѣхъ, кои изъ самой юности завлечены и принуждены соглашать свои

поступки съ окружностью. Я часто удивляюсь, что нахожу въ иныхъ людяхъ добродѣтели, каковыхъ, по состоянію сихъ людей, отъ нихъ ожидать почти не можно. Потому легко вѣрю, что, при всѣхъ въ свѣтѣ худыхъ примѣрахъ, есть души, которыя сами собою возвышаются. Будь увѣренъ, что человѣкъ по природѣ наклоненъ къ благу, а не ко вреду ближняго.

ТАБЛИЦА ДЛЯ ДѢТЕЙ,

СЛУЖАЩАЯ КЪ ПОЗНАНІЮ ГЛАВНЫХЪ ДОБРОДѢТЕЛЕЙ, ИХЪ НЕПРАВИЛЬНАГО УПОТРЕБЛЕНІЯ, ПРОТИВОДѢЙСТВУЮЩИХЪ ИМЪ ПОРОКОВЪ И НУЖНЫХЪ ПРАВИЛЪ КЪ СОХРАНЕНІЮ ДОБРОДѢТЕЛЕЙ.

—

I.

БЛАГОВѢРІЕ.

Благовѣріе производитъ наилучшее нравовъ согласіе; имъ утверждается общее благосостояніе и спокойствіе. Благовѣріе, единому разумному созданію свойственное, есть то, безъ чего мы не могли бы къ совершенному благу приблизиться, и безъ чего самая ничтожность была бы концемъ всѣхъ нашихъ дарованій и добродѣтелей, каковыми наиболѣе отличаемся.

=

НЕПРАВИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ.

Легковѣріе, или неразсудная вѣра, часто принимаетъ на себя видъ святости. Внѣшности суевѣрія и легковѣрія часто ослѣпляютъ умъ людей невѣдущихъ. Въ дѣйствіяхъ своихъ она притворству подобится, хотя раздѣляется съ нимъ, потому что притворство есть вольнотворимое; суевѣріе же и легковѣріе слѣпо покоряютъ волю и суть невольно-творимыя. Суевѣріе и легковѣріе исправляются; притворство же приближается къ наказанію и обыкновенно производитъ отъ себя отвращеніе. Притворство благовѣрія получило себѣ особое названіе, то есть: ханжество и святотатство: подверженные же сему пороку потому слывутъ ханжи и святотатцы.

=

ПОРОКЪ, ПРОТИВОДѢЙСТВУЮЩІЙ БЛАГОВѢРІЮ.

Невѣріе есть несчастное заблужденіе, и во многихъ производитъ опасное свойство разума. Священное Писаніе называетъ таковыхъ нечестивыми; ибо люди, всякую вѣру отметающіе, часто бываютъ наклонны не признавать ни Бога, ни закона, ни благотворенія; слѣдственно уничто-

жаютъ высшія степени чести разумнаго созданія. Благочестіе или нечестіе, такъ какъ люди благочестивые или нечестивые, происходятъ отъ благовѣрія или невѣрія.

ПРАВИЛО.

Благовѣріе соединяетъ съ собою совершенную чистоту совѣсти, не попускающую не только къ дѣяніямъ, но ниже къ словамъ и помышленіямъ богопротивнымъ. Добродѣтель сія совокупляетъ Б жество съ человѣчествомъ толь близкимъ и толь утѣшительнымъ для насъ образомъ, что отдаленіе отъ оной никакими другими пріобрѣтеніями благъ не замѣняется.

II.

ПОВИНОВЕНІЕ.

Общественное благосостояніе имѣетъ нужду въ общественныхъ законахъ, и сіи требуютъ общественнаго повиновенія. Но повиновеніе безъ добродѣтельнаго подвига скоро измѣняется, или прекращается; слѣдственно доброе повиновеніе

состоитъ не въ томъ только, когда непокорность страхомъ нудится, или когда безсиліе и робость уступаютъ могуществу. Таковыя дѣйствія суть простыя слѣдствія естественнаго закона, которому всякое движущееся твореніе подвержено. Они не называются добродѣтелями; ибо воля разума человѣческаго въ нихъ не содѣйствуетъ Достоинство повиновенія возвышается по мѣрѣ познаній и чувствій, съ каковыми кто повинуется: сія-то мѣра производитъ въ однихъ охотность, усердіе, ревнительность, рвеніе; въ другихъ хладнокровное послушаніе, или простую необходимую движимость; одни наслаждаются чувствіями самыхъ своихъ трудоношеній, представляя себѣ общую отъ того пользу, отъ которой они справедливо получатъ свою собственную; другіе малѣйшія затрудненія встрѣчаютъ съ нетерпѣніемъ, отвращаются отъ нихъ съ чувствіемъ неволи, и ропщутъ на отягощеніе прежде испытанія тягости. Одни показываютъ добродѣяніе, которое само собою дѣйствуетъ; другіе, какъ махины, дѣйствуются посторонними пружинами, и имъ только отвѣтствуютъ; одни заслуживаютъ похвалы, почести и награжденія; другіе остаются во всегдашней машинальной движимости подчинены пружинамъ. Всѣ обязанности, къ общественному и частному спокойствію нужныя, основаны на добромъ повиновеніи, и болѣе или менѣе всѣ люди законамъ и одни другимъ повинуются.

НЕПРАВИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ.

Повинующіеся безъ приличности, или безъ должности, легко дѣлаются самоизвольными рабами, хотя ни Богъ, ни высшая земная власть того отъ нихъ не требуютъ. Повиновеніе, принадлежащее Богу, можетъ превратиться отъ малодушія въ поклоненіе твари и содѣлать человѣка самымъ несмысленнымъ созданіемъ. Принадлежащее отъ подданныхъ своему государю превращается въ измѣну или въ низкое наемничество: если кто честь, жизнь, или свободу, порабощаетъ недостойнымъ образомъ. Принадлежащее отъ дѣтей родителямъ превращается въ неприличный и неблагодарный поступокъ, если дѣти, унижая родительское къ нимъ благоволеніе, ищутъ постороннихъ доброжеланій и наставленій, менѣе строгихъ и болѣе согласныхъ съ ихъ прихотями или заблужденіями. Принадлежащее отъ питомцевъ наставникамъ превращается въ вѣтреное легкомысліе, если питомцы неосторожно всѣхъ своими дядьками почитать будутъ. Принадлежащее отъ подчиненныхъ начальникамъ, превращается въ низкое прислужничество, если кто свою свободу подчиняетъ другому неразсудительно. Принадлежащее отъ согражданина общественнымъ правиламъ и обычаямъ превращается въ тяжкое и смѣхотворное бремя, если кто безъ разбора всякимъ правиламъ и всякимъ

обычаямъ послѣдуетъ. Малодушіе, въ какомъ бы то возрастѣ ни было, вводитъ всегда въ дѣтское состояніе.

=

ПОРОКЪ, ПРОТИВОДѢЙСТВУЮШІЙ ПОВИНОВЕНІЮ.

Своенравіе, своевольство, ослушаніе, необузданность необходимо содѣлываются несчастными; ибо всѣ Божескіе и гражданскіе законы устремлены къ строгому исправленію или наказанію сихъ пороковъ. Если же иногда они и могутъ избѣгать отъ наказанія, то сами собою причиняютъ себѣ всегдашнее неудовольствіе и огорченіе: поколику подверженные таковымъ порокамъ ни съ другими, ни съ собою согласны быть не могутъ, и въ самыхъ своихъ возможныхъ предуспѣяніяхъ бываютъ чужды счастія и спокойствія общественнаго.

=

ПРАВИЛО.

Государи, родители, воспитатели, начальники, общественныя узаконенія, или обычаи требуютъ отъ насъ непремѣннаго повиновенія во всѣхъ случаяхъ, когда мы не имѣемъ ничего предста-

вить вопреки ихъ предписаніямъ. И какъ главнодѣйствующія причины всегда бываютъ болѣе свѣдомы старшимъ и вышнимъ: такъ повиновеніе, естественно соединенное съ довѣренностью, приличествуетъ болѣе младшимъ и подчиненнымъ. Довѣренность сія, производящая взаимное всѣхъ повиновеніе, приноситъ имъ болѣе чести и пользы, нежели многія тщетныя знанія.

III.

ЛЮБОВЬ.

Любовь, въ прямомъ ея разумѣніи, есть та добродѣтель, къ которой сама природа убѣдительнымъ образомъ насъ призываетъ, и которую Спаситель достойно нарекъ главною христіанскою добродѣтелію. Въ общежитіи любовь имѣетъ столько разнообразныхъ дѣйствій и столь разныхъ именованій, сколько могутъ быть различны, въ разныхъ отношеніяхъ, чувствія человѣка благовоспитаннаго. Наиболѣе отличается она въ слѣдующихъ дѣйствіяхъ: относительно къ Богу, она есть высочайшая степень благодарности и благоговѣнія; относительно къ родителямъ, она есть крайняя степень почитательнаго уваженія; относительно къ благотворителямъ, она есть чувствованіе справедливой обя-

занности, показующей несомнѣнную мету взаимныхъ нашихъ добротвореній; относительно къ союзу между двумя полами, она есть высочайшая степень взаимной приверженности; относительно къ дѣтямъ, она есть ближайшая и надежнѣйшая мета всегдашнихъ въ жизни попеченій и устроеній; относительно къ государю и отечеству, она есть охотное собственностей жертвованіе, если долгъ службы того востребуетъ; относительно къ человѣчеству, она есть доброхотство и добротвореніе всюду, гдѣ только можемъ мы ко благу способствовать.

=

НЕПРАВИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ.

Любовь безразсудная можетъ вовлечь насъ во всѣ пороки, такъ какъ любовь благоразсудная удобна произвести въ насъ всѣ добродѣтели. Неумѣренное или несправедливое къ какимъ-либо вещамъ пристрастіе, съ пебреженіемъ всего прочаго, неминуемо вводитъ насъ въ развратное состояніе и сопровождается бѣдственными слѣдствіями, хотя оно въ началѣ своемъ представляетъ только слѣпоту разума, или неумѣренность. Любовь недостойная есть всегдашняя соперница любви добродѣтельной. Сюда принадлежитъ излишняя бережливость и нѣга тѣхъ, которыхъ мы особо любить обыкли, и которые

иногда содѣлываются невинною жертвою нашей неразсудности.

=

ПОРОКЪ, ПРОТИВОДѢЙСТВУЮЩІЙ ЛЮБВИ.

Нечувствительность всегда оказываетъ оскорбительное человѣчеству равнодушіе, и часто угрюмую ненависть ко всему, что не полезно для собственности. Сей порокъ происходитъ не столько отъ недостатка природныхъ способностей, какъ отъ недостатка добраго вниманія и навыка. Нечувствительный человѣкъ часто себя мнимымъ покоемъ обманываетъ. Онъ покоится только подъ зыблющимся покровомъ одного своего самолюбія, и оставляется почти всегда безъ вспоможенія, когда помощь другихъ нужна будетъ къ его благосостоянію; ибо люди, по правосудію, не воспріимутъ труда въ пользу того, кто самъ для другихъ не утруждается. Въ общежитіи скорѣе терпится человѣкъ съ дурными пороками, когда только удобенъ чувствовать привязанность къ какому-либо предмету, любви достойному: ибо чрезъ то самое можетъ исправиться; но человѣкъ нечувствительный разумѣется такъ, какъ бы иноплеменникъ, къ человѣчеству себя не причитающій.

=

ПРАВИЛО.

Любовь есть та добродѣтель, въ которой особо заключается законъ Спасителя. Онъ, сообразно съ человѣческою природою, убѣдительно насъ наставляетъ въ ближнемъ нашемъ видѣть себя собственно; ибо одна только всеобщая взаимность любви къ ближнему, родъ человѣческій можетъ обезопасить, успокоить и осчастливить. Благоразсудность долженствуетъ быть всегдашнею любви предводительницею.

IV.

БЛАГОРАЗУМІЕ.

Благоразуміе не блистаетъ, или мало блистаетъ въ обществахъ: поколику имѣетъ предметомъ болѣе прочную пользу человѣческаго состоянія; но во всѣхъ важныхъ случаяхъ предпочитается остроумію, хотя сіе послѣднее, къ сожалѣнію, имѣетъ болѣе послѣдователей. Благоразуміе довольствуется умѣреннымъ, но за то постояннымъ счастіемъ. Благоразуміе достигаетъ до источника благополучія и тѣмъ спокойно наслаждается тогда, какъ легкомысленность слѣпо довольствуется временнымъ обольщеніемъ и по-

слѣ осматривается съ раскаяніемъ. Благоразуміе внимаетъ, ищетъ, разсматриваетъ и останавливается на крайней точкѣ изслѣдованія тогда, какъ легкомысленность бѣгаетъ за наружностью, ловитъ мечту и удручается подъ неудобоносимымъ бременемъ своего заблужденія. Благоразумный человѣкъ, отдая достодолжно Богу Божіе и государю государево, умѣряется всегда между двумя крайними границами, свято повинуется закону безъ суемудрія, ревностно отправляетъ свое служеніе безъ строптивости, признателенъ къ благодѣянію безъ раболѣпства, благодѣтельствуетъ безъ надменности, честь и права свои сохраняетъ безъ наглости, постояненъ и твердъ безъ горделивости, кротокъ безъ униженія, вѣренъ безъ притворства, мужественъ безъ звѣроправія, сострадателенъ безъ злопопущенія, строгъ безъ жестокости, любитъ безъ ослѣпленія, отвращается безъ ненависти, награждаетъ безъ расточенія, исправляетъ безъ оскорбленія, наказываетъ безъ мщенія и судитъ о вещахъ безъ преубѣжденія.

=

НЕПРАВИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ.

Благоразуміе само собою хотя не вмѣщаетъ въ себѣ понятія о неправильномъ употребленіи сей добродѣтели, но въ жизни случаются времена, въ которыя употребленіе глубокаго бла-

горазумія можетъ содѣлать благоразумнаго человѣка смѣхотворнымъ и тягостнымъ; и тогда умѣреніе сей добродѣтели бываетъ съ нею согласнѣе.

=

ПОРОКЪ, ПРОТИВОДѢЙСТВУЮЩІЙ ДОБРОДѢТЕЛИ.

Легкомысліе измѣняется въ нѣкоторомъ возрастѣ, прощается въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но само собою всегда отягощаетъ и унижаетъ человѣка, сему пороку подверженнаго. Легкомысліе было бы непримиримымъ соперникомъ благоразумія, если бы сіе послѣднее, благоусмотрѣніемъ своимъ, естественно надъ нимъ не торжествовало. Всегда видимъ, что легкомысленные люди восходятъ только до нѣкоторой степени разстроекъ и безпорядковъ, ихъ запутывающихъ; для выхода же изъ лабиринта легкомыслія обыкновенно прибѣгаютъ къ благоразумію.

=

ПРАВИЛО.

Благоразуміе долженствуетъ распоряжать всѣми нашими физическими и моральными дѣйствіями; безъ сей добродѣтели мы часто себя обманываемъ или бываемъ другими обмануты. Благо-

разуміе требуетъ не подавать никому повода къ дѣламъ несправедливымъ и безсовѣстнымъ; ибо полезнѣе и легче уклониться отъ предлежащаго зла, нежели исправлять его впослѣди со многими неудовольствіями.

V.

ПРАВОСУДІЕ.

Правосудіе, поколику зависитъ отъ совокупленія многихъ знаній, способностей, возможностей и исполненій, долженствовало во всѣ времена затруднять многія рѣшенія. Нѣкоторыя, отдѣляясь мысленно отъ всего частнаго и личнаго, изобразили правосудіе въ видѣ женщины, съ завязанными глазами и съ вѣсами, означающими равновѣсіе. Но какъ правосудіе вмѣщаетъ въ себѣ не одно только вещей соразмѣреніе, а также ихъ различіе; то многимъ неудобопонятно кажется, для чего бы правосудіе долженствовало быть слѣпое, и для чего бы вѣсы свои содержало всегда въ равновѣсіи. Простое о немъ понятіе можетъ быть справедливѣе, нежели какое ни есть остроумное, но не всегда точное изображеніе. Правосудіе состоитъ не столько въ обрядахъ мѣстъ судящихъ и въ краснорѣчіи пространныхъ законописаній, какъ въ добромъ

разумѣніи, доброй совѣсти и добрыхъ намѣреніяхъ. Названіе судіи дастъ только титло, мѣсто и право; но къ исполненію правосудія, судія долженъ вникать въ намѣреніе и силу законовъ. Правота долженствуетъ имѣть единообразность, а къ суду принадлежитъ вещей различіе. Сіи два дѣйствія естественно производятъ правосудіе, въ составъ котораго судъ съ правотою и правота съ судомъ требуются.

=

НЕПРАВИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ.

Правосудіе, такъ какъ благовѣріе и благоразуміе, по существу своего названія, не вмѣщаетъ въ себѣ понятія о неправильномъ его употребленіи; но подъ именемъ правосудія, безпорядная воля человѣческая можетъ впадать въ крайнія заблужденія. Правосудіе естественно обращается только къ тремъ предметамъ: къ распоряженію, исправленію и наказанію. Приличность и мѣра сихъ трехъ дѣйствій суть самыя трудныя вещи въ правосудіи. Употребленіе безъ нужды и пользы, или умѣренность оныхъ, часто далеко отходятъ отъ правосудныхъ дѣйствій. часто сужденію подвергается невинная слабость человѣческая, которая къ произведенію добра требуетъ одного только подкрѣпленія. Женскій полъ во многихъ вѣкахъ и правленіяхъ, по предубѣжде-

нію и особому сего пола воспитанію, не осмѣливался не только мѣшаться въ дѣла мужественныя, но даже отчуждалъ себя отъ многихъ размышленій, какъ-будто отъ неприличныхъ нѣжному полу. Невѣдѣніе названо было нѣжностью, такъ какъ несправедливый обычай названъ правосудіемъ. Въ другія времена видимъ однако, что женщины, равно какъ и мужчины, сохраняя общую благовоспитанія нѣжность и приличность, не удручаются мужественными разсужденіями и дѣйствіями, какъ скоро, вмѣсто отчужденія ихъ, или осмѣянія, подкрѣпляются онѣ общественнымъ взаимнымъ уваженіемъ. Сего примѣра довольно къ изображенію неправильно-употребляемыхъ дѣйствій, подъ словомъ правосудія.

=

ПОРОКЪ, ПРОТИВОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПРАВОСУДІЮ.

Неправосудіе есть толь свойственно невѣдѣніямъ и пристрастіямъ человѣческимъ, что добродѣтели не нашли бы себѣ пристанища, если бы приведены были искать покровительства у всѣхъ встрѣчающихся судителей. Люди ничѣмъ не возносятся столько, какъ о вещахъ разсужденіемъ: каждый судитъ и каждый, помѣрѣ своей способности, даетъ разсужденію своему видъ правоты, опираясь на правосудіе. Отъ сего про-

исходитъ, что люди толь часто на неправосудіе жалуются. Кто хочетъ избѣгать отъ многихъ неправосудныхъ мнѣній, тотъ долженъ, собственнымъ бытія своего благоразумнымъ распоряженіемъ, часто предупреждать постороннее въ томъ вспоможеніе. Чѣмъ обыкновеннѣе порокъ въ человѣческомъ обществѣ, тѣмъ болѣе присоединяетъ къ себѣ притворствъ и хитростей. Внѣшній видъ неправосудія самую прозорливость иногда обманываетъ. Сей порокъ послѣдственно долженствовалъ произвести нѣкоторую науку обоюдной ябеды, чрезъ которую временно невинность угнетается; а клевета, хищность и всѣ гнусныя злодѣянія не только оправдываются, но и награждаются. Потому, можетъ быть, иные представляютъ себѣ, что выгоднѣе творить неправосудіе, нежели претерпѣвать оное, и что свѣтъ ему во всегдашнюю жертву оставляется. Но мы видимъ въ исторіи вѣковъ и народовъ, что выгоды неправосудія имѣютъ самую зыблемую временность и всегда подвержены бѣдственному уничтоженію; видимъ, что творители неправосудія, творя несчастныхъ, ввергаются въ равное съ ними и, можетъ быть, въ горшее состояніе: ибо невинно-претерпѣвающіе страждутъ въ настоящемъ времени съ справедливою надеждою на будущее; обидящіе же впослѣдіи претерпѣвать осуждаются, и всегда тревожатся страхомъ своей послѣдующей участи. Въ необходимости люди хотя сносятъ неправосудіе, но никогда постоянно къ тому не привыкаютъ. Рано

ретъ и преодолѣваетъ препятствія. Безъ такового расположенія непостоянный человѣкъ хотя бы обязывалъ себя всѣми священными узами всегда изыщетъ извинительныя и оправдательныя причины къ сотрясенію узъ, отягчающихъ его своенравіе; твердый человѣкъ входитъ въ таковыя узы съ разсмотрѣніемъ и доброю волею, и, единожды обнадеживъ людей исполненіемъ, впослѣди не премѣняется. Сія-то добродѣтель производитъ вѣрность обязанностей, вѣрность дружества, сохраненіе порядка, повиновенія, собственностей и всего, чему слабость и развратность человѣческая наиболѣе сопротивляется. Она-то составляетъ высоту духа, и сіе геройство, которое производитъ дѣла великія, которое жертвуетъ своимъ покоемъ, счастіемъ и иногда жизнію, дабы постоянная добродѣтель, послѣ самой смерти своего поборника, могла торжествовать надъ сопротивляющеюся ей развратностью.

=

НЕПРАВИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ.

Нѣтъ ничего несчастнѣе, какъ соединеніе твердости въ человѣкѣ съ какимъ-либо вреднымъ расположеніемъ. Она тогда превращается въ бѣдственное упрямство. Порокъ, и даже преступленіе, можетъ исправиться, если человѣкъ

наиболѣе подвержена искушеніямъ, поползновеніямъ, препятствіямъ и сопротивленіямъ. Любовь къ сохраненію себя и своей пользы, окружающіе примѣры и многія другія обстоятельства, естественно во всѣхъ людяхъ сію добродѣтель умѣриваютъ; однако, при всѣхъ возможныхъ ей сопротивленіяхъ, она всегда возвращаетъ человѣка на степень болѣе и менѣе постоянную, по мѣрѣ, какъ онъ болѣе, или менѣе способенъ преодолѣвать встрѣчающіяся ему препятствія. Полезность и необходимость сей добродѣтели въ общежитіи почитается толь священною, что, при важныхъ между людьми условіяхъ, подкрѣпляется она торжественными свѣтскими и духовными обрядами, дабы слабость человѣческаго созданія могла находить себѣ подпору въ силѣ законовъ и въ самомъ благовѣріи; ибо люди не такъ легко перемѣняются, тогда какъ добрая ихъ воля обращается навсегда въ постоянную обязанность. Сія обязанность естественно долженствовала присовокупить къ себѣ въ помощь обѣщанія, свидѣтельства, ручательства и клятвы, каковыя только могутъ быть удобны съ одной стороны къ обузданію человѣческой премѣнчивости, съ другой, къ предваренію постороннихъ искушеній, кои, безъ таковой предосторожности, всегда непреодолимо стекались бы къ развращенію добродѣтели. Но, основанныя на однихъ внѣшнихъ обязательствахъ обѣщанія, безъ постояннаго человѣческой воли къ тому расположенія, сами собою не составляютъ добродѣтель, которая бе-

или поздно правосудіе уравниваетъ трудоношеніе человѣчества.

=

ПРАВИЛО.

Правосудіе требуетъ внимательнаго разсмотрѣнія: добрая совѣсть долженствуетъ всегда быть его сопутницею, благоразуміе же подпорою. Благоразуміе и совѣсть, для добраго сохраненія правосудія, наставляютъ не подавать поводовъ къ неправосудію. Общіе обряды судовъ хотя уставлены къ обузданію людей безчестныхъ, но часто служатъ имъ надежнымъ прибѣжищемъ; совѣсть же честнаго человѣка, если не всегда единственныхъ судомъ, то по малой мѣрѣ всегда первымъ быть долженствуетъ. Доброе законовѣдѣніе есть дѣло не одного только разума, но дѣло также доброй совѣсти, и особенно принадлежитъ благовоспитанію.

VI.

ТВЕРДОСТЬ.

Твердость добрыхъ правилъ, добрыхъ намѣреній, добрыхъ мнѣній и добрыхъ дѣйствій, есть та добродѣтель, которая въ жизни человѣческой

удобенъ ошибку свою возчувствовать; упрямство же не пользуется способами исправленія. Упрямые люди, навлекая на себя наказанія, часто содѣлываютъ другихъ по неволѣ къ себѣ жестокими, и сами себя лишаютъ сообщественнаго благосостоянія. Упрямство влечетъ за собою долгую цѣпь ошибокъ; и когда таковая цѣпь увеличится неудобоносимымъ образомъ, то человѣкъ естественно подъ нею удручается и падаетъ.

=

ПОРОКЪ, ПРОТИВОДѢЙСТВУЮЩІЙ ТВЕРДОСТИ.

Непостоянство справедливо уподобляется вѣтру, и потому называется чаще вѣтрепостію. Въ нѣкоторомъ только возрастѣ и въ нѣкоторыхъ маловажныхъ случаяхъ не подвергается оно строгому примѣчанію: кто, вошедъ въ возрастъ познанія, не исполняетъ постоянно главныхъ своихъ обязанностей, тотъ навлекаетъ на себя основательное подозрѣніе, что онъ въ союзахъ общества вѣренъ быть не можетъ. Порокъ сей еще болѣе, нежели упрямство, отвращаетъ отъ себя благосклонность человѣческую: ибо упрямство хотя досаждаетъ, но не обманываетъ; вѣтренность же не только ввергается въ крайнія затрудненія, но и другихъ вводитъ въ

опыя, если кто неосторожно вѣтреному человѣку ввѣрится. Непостоянные люди, хотя бы не были совершенно порокамъ подвержены, показываются иногда, при несчастныхъ перемѣнахъ вѣтроподобной ихъ движимости, самыми порочными чудовищами.

ПРАВИЛО.

Твердость долженствуетъ быть всегдашнимъ послѣдствіемъ добрыхъ намѣреній и добрыхъ расположеній человѣческихъ. Добродѣтель сія, въ потребномъ случаѣ, жертвованіями многихъ способностей испытуется. Таковыя жертвованія суть благонадежнѣйшіе поручители взаимной другихъ людей твердости.

VII.

ВОЗДЕРЖНОСТЬ.

Воздержность наиболѣе относится къ умѣренію природныхъ склонностей, каковыя себѣ или другому вредны быть могутъ. Физическій и моральной

ный образъ бытія нашего, хотя безпрекословно себѣ нѣкотораго удовлетворенія требуетъ, но сіе удовлетвореніе, если не будетъ управляемо воздержностью, легко превращается въ сущее зло, по мѣрѣ своего злоупотребленія. Нужное собраніе воды движетъ полезнымъ образомъ всѣ мельничныя орудія; но чрезмѣрное наводненіе потопляетъ и разрушаетъ мельницу: таковъ есть составъ бытія нашего. Самое добро, въ которомъ нѣтъ мѣры, ни приличія, намъ вредъ приноситъ, и самое зло, въ нѣкоторой мѣрѣ употребленное, производитъ пользу. Природа опредѣляетъ человѣка къ разумѣнію добра и зла, но отнюдь не къ употребленію, каковое бытію его противится. Воздержность наболѣе возвышается, если человѣкъ воздерживается въ пылкихъ страстяхъ своихъ. Любочестіе, любостяжаніе, гнѣвъ, ненависть, мщеніе, имѣя къ своему оправданію природную движимость, содѣлались бы безъ воздержности вреднѣйшими всѣхъ правъ рушителями, и превзошли бы лютость самыхъ тигровъ въ ихъ раздраженіи. Природа не дала бы человѣку толико опасныхъ преимуществъ передъ другими созданіями, если бы не предполагала въ немъ добродѣтели, умѣряющей таковыя преимущества.

=

НЕПРАВИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ.

Хотя рѣдко случается, чтобъ воздержность производила худыя слѣдствія; но добродѣтель сія, если далеко отступаетъ отъ благоразумія, учиняется иногда безполезною или вредною. Воздержность, по приличію своего достоинства, должна быть въ тѣсномъ соединеніи съ благоразуміемъ.

=

ПОРОКЪ, ПРОТИВОДѢЙСТВУЮЩІЙ ВОЗДЕРЖНОСТИ.

Невоздержность есть главная соперница счастливаго бытія человѣческаго. Она производитъ вредныя и недостойныя привычки: злонравіе, слабость здоровья, унылость и всѣ несчастныя того слѣдствія. Невоздержный человѣкъ не долженъ воспріимать дѣло другихъ воздерживать: примѣромъ своимъ онъ ихъ соблазнитъ, а не исправитъ. Онъ естественно подчиненъ другому; ибо имѣетъ нужду въ способахъ посторонняго воздержанія.

=

ПРАВИЛО.

Воздержность происходитъ болѣе отъ благовоспитанія и навыка, нежели отъ поздняго разсужденія. Человѣкъ отъ юныхъ лѣтъ къ ней пріучаться долженъ; ибо часто худая привычка бываетъ сильнѣе разсужденія и природы. Всегдашняя мѣрность дѣйствій, принадлежащихъ составу человѣческому, наиболѣе опредѣляетъ счастливое и долголѣтнее бытіе наше, которое ничѣмъ лучше не питается, какъ мѣрностью самаго своего питанія.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.